S 41/302

302.

Ф. В. Благовидовъ.

ОБЕРЪ-ПРОКУРОРЫ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

ВЪ XVIII

И ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

XIX СТОЛѢТІЯ.

(Отношенія оберъ-прокуроровъ къ Св. Синоду).

ОПЫТЪ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Второе, переработанное изданіе.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

S 41/302

Ф. В. Благовидовъ.

ОБЕРЪ-ПРОКУРОРЫ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ВЪ XVIII И ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

(Отношенія оберъ-прокуроровъ къ Св. Синоду).

ОПЫТЪ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 15 Ноября 1899 года.

Членъ Комитета Заслуж. Орд. Проф. *Михаилъ Богословскій.*

2007059165

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обширный и сложный вопросъ объ отношеніяхъ государства къ господствующей въ Россіи православной церкви, за время двухъ послѣднихъ столѣтій, является очень мало разработаннымъ въ нашей исторической литературѣ. Мы не имѣемъ претензіи вполнѣ восполнить этотъ крупный пробѣлъ въ существующей литературѣ и не задаемся цѣлью представить въ научно обработанномъ видѣ двухвѣковую исторію взаимныхъ отношеній русской церкви и государства. О такой широкой постановкѣ вопроса не можетъ быть и рѣчи въ спеціальномъ изслѣдованіи, не желающемъ ограничиться одною общею характеристикой затрогиваемыхъ имъ историческихъ явленій. Наша задача несравненно болѣе скромна; она заключается въ детальномъ научномъ обслѣдованіи только одной изъ сторонъ такого обширнаго и сложнаго вопроса, а именно — отношеній оберъ-прокуроровъ св. Синода, какъ представителей государственной власти, къ высшему церковному учрежденію, поставленному во главѣ управленія русскою церковью.

Вопросъ объ оберъ-прокурорахъ св. Синода или, точнѣе, о томъ положеніи, въ какое они были постав-

лены верховною властью по отношенію къ высшему церковному учрежденію, а также и самый историческій процессъ постепенныхъ измѣненій въ области взаимныхъ отношеній оберъ-прокуроровъ и правительствующаго Синода не только не разработаны, но даже почти совершенно не затронуты въ нашей литературѣ; между тѣмъ, едва-ли нужно доказывать, что историческое прошлое синодальныхъ оберъ-прокуроровъ, характеръ ихъ дѣятельности, ихъ отношенія къ предоставленнымъ имъ правамъ и обязанностямъ, ихъ столкновенія съ членами св. Синода представляютъ для насъ несомнѣнный интересъ. Значеніе, какое имѣли синодальные оберъ-прокуроры въ церковномъ управленіи въ продолженіе XVIII вѣка, было далеко не похоже на то, какимъ они получили возможность пользоватьея въ первой половинѣ XIX столѣтія; въ то время, какъ большинство оберъ-прокуроровъ XVIII вѣка не располагало сильнымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи, и наиболѣе властолюбивые изъ нихъ должны были выдерживать упорную и продолжительную борьбу съ св. Синодомъ изъ-за своихъ стремленій къ такому вліянію на дѣятельность высшаго церковнаго учрежденія,— борьбу, далеко не всегда оканчивавшуюся благопріятно для оберъ-прокуроровъ, въ первой половинѣ XIX столѣтія представители прокуратуры въ церковномъ управленіи встали уже въ сильно измѣнившіяся отношенія къ Синоду. Значительная перемѣна въ положеніи синодальныхъ оберъ-прокуроровъ, сдѣлавшаяся особенно замѣтной въ XIX столѣтіи, произошла, однако же, не вдругъ, подъ вліяніемъ какого-либо одного высо-

чайшаго указа, рѣзко измѣнившаго ихъ права и полномочія, а явилась результатомъ продолжительнаго процесса постепенныхъ измѣненій въ области взаимныхъ отношеній оберъ-прокуроровъ и св. Синода,—измѣненій, совершавшихся подъ вліяніемъ очень многихъ, довольно сложныхъ и глубокихъ причинъ.

Намъ кажется, что трудъ, спеціально посвященный изученію почти совершенно еще не разработаннаго вопроса о синодальныхъ оберъ-прокурорахъ, не будетъ излишнимъ въ исторической литературѣ.

Но, посвящая свой трудъ спеціальному изученію вопроса о синодальныхъ оберъ-прокурорахъ, авторъ считаетъ необходимымъ оговориться, что предлагаемый опытъ историческаго изслѣдованія, какъ видно изъ его пояснительнаго, добавочнаго подзаголовка, не представляетъ собою полной исторіи оберъ-прокуроровъ св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія, а затрогиваетъ и стремится выяснить только одинъ изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ вопросовъ исторіи синодальной прокуратуры—*вопросъ о юридическихъ и бытовыхъ отношеніяхъ оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду, какъ высшему церковному учрежденію.*

Литературный обозрѣватель «Вѣстника Европы [1])», констатируя въ своей рецензіи на первое изданіе моего труда, что разсматриваемая книга трактуетъ о томъ, какъ въ первое время устанавливалась синодальная прокуратура, какъ впослѣдствіи она постепенно развивалась и укрѣплялась, какія бывали столкновенія прокуратуры съ членами св. Синода и какъ, наконецъ, оберъ-прокуроръ, во времена гр. Пратасова, сдѣлался

[1]) 1899 г., кн. IX.

всемогущимъ распорядителемъ синодскихъ дѣлъ, не безъ основанія замѣтилъ, что съ исторіей личныхъ отношеній и канцелярскихъ разногласій оберъ-прокуроровъ и синодальныхъ членовъ тѣсно «связывалась исторія русской церковной жизни, даже исторія русской церкви, въ ея широкихъ отношеніяхъ къ... положенію... православія и въ ближайшихъ вліяніяхъ на судьбы просвѣщенія, на жизнь общества и народа». Отмѣчая, что изслѣдованіе не касается «этого широкаго значенія исторіи Синода», рецензентъ указываетъ, какъ на необходимое слѣдствіе такой намѣренно съуженной постановки обширнаго вопроса, и на нежелательные для автора результаты его научной работы.

Безъ сомнѣнія, избранная нами постановка вопроса, сильно съуживая предметъ и задачу изслѣдованія, не могла не оказать извѣстнаго и притомъ очень значительнаго вліянія на самую цѣнность результатовъ предлагаемой научной работы. Но авторъ долженъ былъ по необходимости примириться съ подобною мыслью, такъ какъ ознакомившись съ положеніемъ разсматриваемаго вопроса въ существующей церковно-исторической литературѣ и изучивъ многочисленныя и разнообразныя данныя о синодальной прокуратурѣ, разбросанныя въ печатныхъ и архивныхъ первоисточникахъ, пришелъ къ убѣжденію, что полная и всесторонняя разработка исторіи синодальной прокуратуры можетъ быть только дѣломъ далекаго будущаго. Подавляющая масса совершенно не разработаннаго и даже не опубликованнаго сырого матеріала, имѣющаго отношеніе къ *разносторонней* дѣятельности оберъ-про-

куроровъ св, Синода, и почти полное отсутствіе въ исторической литературѣ спеціальныхъ трудовъ, посвященныхъ выясненію разнообразныхъ вопросовъ изъ исторіи представителей государственныхъ интересовъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи, дѣлаютъ невозможнымъ удовлетворительное выполненіе такой сложной и трудной задачи, какою является обстоятельное, детальное научное обслѣдованіе *всѣхъ* довольно многочисленныхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей синодальныхъ оберъ-прокуроровъ.

Вполнѣ понятно, что, при подобномъ положеніи затронутаго вопроса въ существующей литературѣ, спеціальныя изслѣдованія, посвященныя изученію исторіи синодальной прокуратуры, должны по необходимости, въ интересахъ самаго дѣла, имѣть *монографическій характеръ* и, ограничивая свои задачи сравнительно узкими рамками, затрогивать какую-либо *одну* изъ сторонъ сложной исторіи оберъ-прокурорскаго института. И только тогда, когда въ церковно-исторической литературѣ появится цѣлый рядъ монографическихъ изслѣдованій, посвященныхъ изученію и выясненію различныхъ сторонъ дѣятельности оберъ-прокуроровъ, сдѣлается возможною и полная, всесторонняя разработка исторіи синодальной прокуратуры.

Вотъ почему и авторъ предлагаемаго опыта историческаго изслѣдованія нашелъ возможнымъ приступить къ изученію и выясненію лишь одной изъ сторонъ затронутаго вопроса и остановился на болѣе важной и интересной изъ нихъ—на отношеніяхъ оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду, какъ высшему церковному учрежденію. Если же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

своего труда авторъ иногда позволялъ себѣ, повидимому, выходить за предѣлы намѣченной темы, то дѣлалъ это лишь настолько, насколько такія невольныя отступленія были необходимы для уясненія главнаго, основного вопроса.

ВВЕДЕНІЕ.

Громадное значеніе, какое имѣла религія въ старое, дореформенное время въ жизни русскаго общества, благоговѣніе московскихъ царей предъ православною церковью и несомнѣнное уваженіе, оказываемое ея представителямъ со стороны верховной власти, обусловливали собою довольно самостоятельное и независимое положеніе русской церкви въ московскомъ государствѣ. Въ лицѣ патріарха, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ главное завѣдываніе всѣми церковными дѣлами, русское духовенство не только располагало законными правами высшей власти въ предѣлахъ церковнаго управленія, но и пользовалось значительнымъ вліяніемъ на жизнь самого государства. Но съ конца XVII вѣка и въ особенности съ начала XVIII столѣтія, когда, съ паденіемъ исключительно религіознаго склада русской жизни, сильно измѣнились взгляды правительства на положеніе церкви и отношенія къ ней верховной власти, и когда начались обширныя преобразованія всѣхъ сторонъ народной и государственной жизни, должны были послѣдовать значительныя перемѣны и въ организаціи церковнаго управленія.

Удовлетворяя запросамъ времени, вызваннымъ естественнымъ ходомъ развитія русскаго народа и государства, и вполнѣ раздѣляя стремленія лучшей, передовой части современнаго общества, преобразователь Россіи—императоръ Петръ I, принадлежавшій къ той же передовой общественной группѣ, въ

своей реформаторской дѣятельности не оставилъ не затронутой ни одной изъ разнообразныхъ сторонъ нашей государственной жизни [1]). Разсматривая съ общегосударственной точки зрѣнія религіозную жизнь своихъ подданныхъ, онъ внесъ извѣстныя преобразованія и въ систему церковнаго управленія.

Государственная идея, настойчиво проводившаяся Петромъ въ его реформаторской дѣятельности, заставляла преобразователя смотрѣть на духовныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ церковнаго управленія, не только какъ на іерарховъ, выполнявшихъ свою спеціальную миссію, но и какъ на людей, обязанныхъ служить государству въ сферѣ церковной жизни. При такихъ взглядахъ на церковную власть и церковное управленіе, существованіе обособленнаго, довольно независимаго отъ свѣтской власти и самостоятельнаго патріаршаго управленія русскою церковью не могло уже быть желательнымъ явленіемъ въ глазахъ преобразователя. Руководясь въ отношеніяхъ къ религіозной сторонѣ жизни своихъ подданныхъ главнымъ образомъ государственными, политическими соображеніями, Петръ и поставилъ себѣ цѣлью ослабить сильную церковную власть и уничтожить ея самостоятельность, несовмѣстимую съ идеями государственнаго абсолютизма, прочно усвоенными реформаторомъ и замѣтно отражавшимися на многихъ сторонахъ его преобразовательной дѣятельности. Идеи государственнаго абсолютизма въ связи съ политической точкой зрѣнія на высшую церковную власть и воображаемыми опасностями, какими, по мнѣнію Петра, могъ угрожать самодержавному монарху властный правитель церкви, всегда пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на простой, религіозный народъ, побудили преобразователя рѣшиться на коренную реформу русскаго церковнаго управленія и замѣнить самостоятельнаго и независимаго пат-

---

[1]) См. мою статью: „Характеръ преобразовательной дѣятельности Петра I“. Историческій Вѣстникъ, 1895 г., т. LXI.

ріарха новымъ учрежденіемъ, поставленнымъ въ непосредственную зависимость отъ верховной власти и тѣсно связаннымъ съ общей системой государственной администраціи.

Подобный взглядъ на дѣйствительныя побужденія, заставившія преобразователя ввести церковное управленіе въ общую систему администраціи, съ обязательнымъ подчиненіемъ церкви волѣ самодержавнаго государя, находитъ для себя подтвержденіе и въ оффиціальномъ историческомъ документѣ, составленномъ по порученію самого реформатора его единомышленникомъ и истолкователемъ, Ософаномъ Прокоповичемъ [1]). Мы имѣемъ въ виду извѣстный Духовный Регламентъ, а именно—тотъ пунктъ этого важнаго историческаго документа, гдѣ правительство довольно откровенно заявило, какія значительныя неудобства создавало для него существованіе самостоятельнаго и независимаго отъ государственной власти правителя церкви и какими серьезными опасностями оно могло иногда угрожать государственнымъ интересамъ.

Простой народъ, по словамъ Регламента [2]), настолько неразвитъ въ политическомъ отношеніи, что не понимаетъ различія между властью духовною и самодержавною и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ величайшихъ почестей, оказываемыхъ единоличному [3]) правителю церкви, воображаетъ, что послѣд-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ. Томъ VI, № 3,718.

[2]) Тамъ же, часть I, п. 7,

[3]) По поводу названія патріаршаго управленія русскою церковью правленіемъ единоличнымъ—названія, встрѣчающагося въ оффиціальномъ историческомъ документѣ (П. С. П. и Р по вѣд. пр. исп. Т. I, стр. 4.), необходимо замѣтить, что терминологія, употребляющаяся въ Духовномъ Регламентѣ для опредѣленія характера церковнаго управленія въ дореформенное время, страдаетъ значительною неточностью и далеко не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Въ церковно-исторической и канонической литературѣ можно считать обще-

ній—второй государь, равный самодержцу или даже стоящій выше его. Не трудно понять, къ какимъ опаснымъ послѣдствіямъ можетъ повести такое положеніе дѣлъ, когда возникнутъ какія-либо недоразумѣнія между самодержавнымъ государемъ и единоличнымъ правителемъ церкви, такъ какъ сочувствіе народа легко можетъ оказаться на сторонѣ духовнаго, а не мірского правителя. Тогда ничто не будетъ гарантировать государство отъ опасныхъ бунтовъ и народныхъ волненій; простой народъ, фанатично настроенный въ пользу церкви и ея представителей, будетъ воображать, что, вступаясь за интересы духовнаго владыки, онъ ведетъ борьбу противъ правительства во имя самого Бога и не только не оскверняетъ своихъ рукъ, но даже освящаетъ ихъ кровью сторонниковъ мірского государя.

„Чтожъ“, замѣчаетъ составитель Регламента [1]), „когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ“. Въ доказательство полной основательности высказанныхъ соображеній и дѣйствительнаго существованія серьез-

---

принятымъ и установившимся мнѣніе, что церковное управленіе, и при существованіи патріарховъ, является не единоличнымъ, не монархическимъ, а соборнымъ, такъ какъ патріархи избираются и получаютъ свое освященіе отъ соборовъ, при многихъ патріархахъ обыкновенно существуютъ постоянные Синоды, важнѣйшія дѣла отдаются ими на рѣшеніе и судъ соборовъ и, наконецъ, они сами подлежатъ суду тѣхъ же соборовъ. Въ такомъ же положеніи находилось и управленіе русскою церковью въ періодъ патріаршества. И наша русская церковь, при всероссійскихъ патріархахъ, была церковью не монархическою, а соборною, такъ какъ и у насъ созывались соборы для рѣшенія важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ и даже самый властный первосвятитель русской церкви—патріархъ Никонъ не отрицалъ своей подсудности законно составленному собору.

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. Т. I, № 1, ч. I, п. 7.

ной опасности, отъ которой не можетъ считать себя гарантированнымъ государство при старой системѣ церковнаго управленія, правительство ссылалось на многочисленные примѣры изъ исторіи различныхъ государствъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Римѣ, „папа не точію государство Римское полма пресѣче и себѣ великую часть похити, но и иныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе“. Не смотря на всю непримѣнимость такихъ историческихъ примѣровъ къ положенію патріарховъ русской церкви, Петръ, словами Духовнаго Регламента, находилъ возможнымъ утверждать, что и у насъ имѣли мѣсто „подобные замахи [1])“.

Единственнымъ выходомъ изъ нежелательнаго для государя и воображаемаго опаснаго положенія, создаваемаго существованіемъ независимаго и вліятельнаго правителя церкви, было внесеніе коллегіальныхъ началъ въ сферу высшаго церковнаго управленія. Съ организаціей церковнаго управленія на коллегіальныхъ началахъ, преобразователь получалъ достаточно основаній разсчитывать, что президентъ духовной коллегіи не будетъ уже „высоко помышляти о себѣ“, да и простой народъ потеряетъ всякія основанія, подъ видомъ религіозной ревности, оказывать сопротивленіе мірскому правителю, такъ какъ увидитъ, что коллегіальное церковное правительство установлено верховною властью и, слѣдовательно, наравнѣ со всѣми другими государственными учрежденіями находится въ одинаковой зависимости отъ воли самодержавнаго монарха.

Къ политическимъ соображеніямъ Петра, видѣвшаго большія неудобства и даже значительныя опасности для государственныхъ интересовъ въ сосредоточеніи высшей церковной власти въ рукахъ одного лица, Регламентъ присоединялъ еще и стремленіе преобразователя уничтожить тѣ многочисленные и разнообразные безпорядки, какіе онъ замѣчалъ въ духовномъ вѣдомствѣ при господствѣ старыхъ началъ въ области

---

[1]) Тамъ же.

церковнаго управленія [1]). Средство къ устраненію всевозможныхъ безпорядковъ въ разнообразныхъ отрасляхъ государственной жизни было уже найдено реформаторомъ; оно заключалось въ послѣдовательномъ проведеніи въ государственное устройство коллегіальныхъ началъ, способныхъ, по мысли преобразователя, уничтожить не только личный произволъ, царившій въ прежнее время въ различныхъ вѣдомствахъ, но и безпорядочное, хаотическое состояніе старой администраціи. Примѣненіе найденнаго и уже испытаннаго средства къ духовному вѣдомству и обусловливало собою организацію высшаго церковнаго управленія на новыхъ коллегіальныхъ началахъ, въ формѣ духовной коллегіи или святѣйшаго Синода.

Но если съ введеніемъ коллегіальныхъ началъ въ сферу церковнаго управленія и съ замѣною древняго патріаршества св. Синодомъ Петръ имѣлъ основанія считать государство вполнѣ обезпеченнымъ отъ нежелательныхъ и опасныхъ явленій, побудившихъ его рѣшиться на крупную церковную реформу, то его стремленіе къ подчиненію церковнаго управленія интересамъ государства не могло еще найти себѣ полнаго удовлетворенія въ произведенной реформѣ, такъ какъ всѣ члены вновь организованной коллегіи или св. Синода оказались принадлежащими исключительно только къ одному духовному сословію. Между тѣмъ, по первоначальному плану реформатора, какъ можно думать на основаніи подлиннаго рукописнаго экземпляра Духовнаго Регламента, проектировалось организовать высшее коллегіальное учрежденіе, поставленное во главѣ церковнаго управленія, не только изъ представителей одного духовнаго сословія, но и изъ лицъ „мірскаго чина“. Предполагалось составить „коллегіумъ изъ таковыхъ лицъ, которымъ отнюдъ невозможно тайно всѣмъ слагатися, сіесть, аще будутъ лица разнаго чина и званія: епископи, архимандриты, игумены и отъ властей бѣлаго священ-

[1]) Тамъ же, п.п. 4 и 5.

ства, *и что еще къ тому опасенію угоднѣйше, аще и отъ мірскаго чина присовокупленны будутъ къ духовнымъ честные и благоразумные особы* [1])". Очевидно, что намѣреніе правительства—ввести въ высшее церковное учрежденіе, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, мірской, свѣтскій элементъ—не осталось безъ достаточно сильныхъ возраженій со стороны духовенства, разсматривавшаго, вмѣстѣ съ сенаторами, и исправлявшаго Регламентъ, уже прочитанный и исправленный самимъ государемъ [2]), и Петръ долженъ былъ отказаться отъ своего первоначальнаго плана.

Поставивъ во главѣ церковнаго управленія св. Синодъ, состоявшій изъ однихъ духовныхъ особъ [3]) и организованный по типу различныхъ государственныхъ учрежденій, уже ранѣе реформированныхъ Петромъ, преобразователь, однако же, не могъ оставить въ безконтрольномъ распоряженіи новаго учрежденія порученныхъ ему обширныхъ и важныхъ дѣлъ.

Какъ ни велики были въ глазахъ реформатора преимущества коллегіальной формы правленія предъ старой системой администраціи, все же одни они признавались Петромъ недостаточными для доведенія организаціи государственнаго управленія до полнаго и желательнаго совершенства.

„Велико было довѣріе Петра къ коллегіальной формѣ", справедливо замѣтилъ проф. Градовскій въ своемъ изслѣдованіи „Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генералъ-прокуроры" [4]), но еще больше было недовѣріе его къ членамъ коллегій". Не говоря уже о строгомъ надзорѣ за дѣятельностью членовъ вновь открытыхъ коллегій, порученъ-

---

[1]) Тамъ же, п. 5. Послѣдняя фраза, напечатанная курсивомъ, находится только въ подлинномъ рукописномъ экземплярѣ Духовнаго Регламента.

[2]) Тамъ же, ч. III, п. 13.

[3]) Тамъ же, ч. III, п. 1.

[4]) Стр. 108.

номъ высочайшимъ указомъ отъ 2 іюня 1718 года генералъ-майору Ягужинскому [1]), не былъ оставленъ безъ контроля и самый Сенатъ, который, по идеѣ преобразователя, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ высшее завѣдываніе всѣмъ государствомъ. „Сенатъ", по словамъ Петровскаго, спеціально занимавшагося изслѣдованіемъ вопроса объ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи въ царствованіе Петра [2]), „не всегда удовлетворялъ государя своею дѣятельностью. Петру нерѣдко приходилось упрекать Сенатъ въ старыхъ приказныхъ привычкахъ: нерѣшительности, невниманіи къ его указамъ, въ исполненіи дѣла только на бумагѣ, въ медленности, въ недостаточномъ понужденіи къ исполненію сенатскихъ указовъ со стороны подчиненныхъ мѣстъ и лицъ... Къ этому старому недугу присоединилось еще и другое старое же зло — взяточничество и казнокрадство..., къ которому, къ сожалѣнію, причастенъ былъ и Сенатъ". При такомъ личномъ составѣ высшаго коллегіальнаго правительственнаго учрежденія, располагавшаго правомъ окончательнаго рѣшенія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, Петръ чувствовалъ настоятельную необходимость въ учрежденіи особаго, спеціальнаго надзора за дѣятельностью Сената, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что простою перемѣной наличнаго персонала Сената невозможно совершенно уничтожить замѣчаемыхъ въ немъ многочисленныхъ безпорядковъ. Контроль же надъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, организованнымъ на коллегіальныхъ началахъ, настойчиво проводимыхъ реформаторомъ во всѣ сферы государственной жизни, преобразователь нашелъ въ личномъ началѣ, установившемъ извѣстную связь между коллегіальными учрежденіями и верховною властью.

Въ первое время въ положеніе контролера надъ дѣятельностью высшаго коллегіальнаго учрежденія былъ поставленъ

---

[1]) П. С. З. т. V № 3,205.

[2]) „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго", стр. 158.

особый генералъ-ревизоръ, обязанный присутствовать на засѣданіяхъ Сената, вести протоколы, наблюдать за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ указовъ во всемъ государствѣ, побуждать самый Сенатъ къ наказанію виновныхъ въ несвоевременномъ исполненіи правительственныхъ распоряженій и доносить государю о случаяхъ незаконнаго отношенія сенаторовъ къ виновнымъ [1]). Первый опытъ правильно организованнаго личнаго надзора надъ высшимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ оказался довольно неудачнымъ, но ничтожные практическіе результаты дѣятельности генералъ-ревизора не разубѣдили Петра въ цѣлесообразности соединенія въ одно цѣлое личнаго и коллегіальнаго началъ, а только заставили его произвести перемѣны въ организаціи надзора за дѣятельностью Сената.

13-го февраля 1720 года въ положеніе генералъ-ревизора былъ поставленъ оберъ-секретарь Сената, получившій право наблюдать за правильностью и законностью дѣйствій сенаторовъ и непосредственно доносить государю о всѣхъ, хотя бы самыхъ малѣйшихъ, случаяхъ нарушенія Сенатомъ высочайшихъ указовъ, опредѣлявшихъ характеръ его правительственной дѣятельности [2]).

Не трудно представить себѣ, въ какое неестественное и двусмысленное положеніе былъ поставленъ Петромъ новый органъ надзора за дѣятельностью высшаго государственнаго учрежденія. Надѣленный значительными полномочіями, дававшими ему право наблюдать за ходомъ сенатскихъ дѣлъ, протестовать противъ незаконныхъ дѣйствій сенаторовъ и лично доносить о нихъ представителю самодержавной власти, оберъ-секретарь въ то же время, по самому характеру своей должности, оставался лицомъ, несвободнымъ отъ подчиненныхъ

---

[1]) П. С. З. т. V, № 2,957.

[2]) П. С. З. т. VI, № 3,519.

отношеній къ Сенату. Неудивительно, что оберъ-секретарь, находившійся въ извѣстной зависимости отъ Сената и, слѣдовательно, имѣвшій нѣкоторыя основанія опасаться возстановлять его противъ себя, въ скоромъ же времени успѣлъ доказать Петру всю непрактичность и безполезность его новой мѣры. Мысль о совмѣщеніи прокуратуры съ обязанностями секретаря была оставлена преобразователемъ, какъ крайне неудачная въ практическомъ отношеніи, и роль надзирателей за высшимъ государственнымъ учрежденіемъ передана лицамъ, не находившимся уже въ непосредственной зависимости отъ Сената.

Прокурорскія обязанности, такъ неудачно возложенныя на оберъ-секретаря, временно были поручены штабъ-офицерамъ гвардіи, выполнявшимъ въ Сенатѣ свою новую должность помѣсячно и по-очередно [1]). Но, безъ сомнѣнія, трудно было ожидать какихъ-либо полезныхъ практическихъ результатовъ и отъ временныхъ порученій обязанностей контролеровъ и надзирателей различнымъ лицамъ, совершенно незнакомымъ съ сенатскими дѣлами и, по недостатку времени, не имѣвшимъ даже возможности основательно ознакомиться съ ними.

Цѣлый рядъ практически неудачныхъ опытовъ примѣненія личнаго начала къ коллегіальному устройству высшаго государственнаго учрежденія въ 1722 году закончился, наконецъ, введеніемъ болѣе прочнаго и совершеннаго института прокуратуры, когда надзоръ за дѣятельностью Сената былъ порученъ особому генералъ-прокурору, надѣленному довольно широкими полномочіями. По идеѣ, положенной въ основу организаціи прокуратуры, Петръ, создавая новую должность генералъ-прокурора и надѣляя его значительными правами, не задавался цѣлью понизить значеніе Сената и отнять у своего любимаго учрежденія часть предоставленной ему власти, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать,

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,721.

что преобразователь, вызывая къ жизни новое систематическое учрежденіе прокуратуры, построенное на старыхъ личныхъ началахъ, хотѣлъ тѣмъ самымъ принести свое же собственное коллегіальное устройство Россіи въ жертву прежнему личному управленію. Онъ думалъ не объ искаженіи своего высшаго государственнаго учрежденія, а объ его улучшеніи. И стремился не къ превращенію Сената въ безжизненное коллегіальное учрежденіе, лишенное самостоятельности и подчиненное представителю личнаго управленія, а къ оживленію самой дѣятельности Сената. Являясь личнымъ органомъ, находившимся въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ верховною властью, генералъ-прокуроръ, по мысли реформатора, долженъ былъ доставлять государю легкую возможность всегда имѣть самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какъ высшее коллегіальное учрежденіе выполняетъ порученное ему дѣло управленія государствомъ; воплощая въ себѣ личное начало, высшій представитель прокуратуры долженъ былъ играть роль не какого-либо совершенно особаго, отдѣльнаго института, дѣйствующаго подавляющимъ образомъ на самостоятельность Сената, а только лишь своеобразнаго дополненія къ коллегіально организованному Сенату. Своеобразное же дополненіе къ коллегіальной организаціи управленія было сдѣлано преобразователемъ съ тою цѣлью, чтобы введеніемъ въ высшее государственное учрежденіе органа личнаго управленія уничтожить разнообразные несовершенства и недостатки, замѣчавшіеся въ дѣятельности Сената.

Такой взглядъ на цѣли и задачи, преслѣдовавшіяся Петромъ при введеніи прокуратуры въ коллегіальную систему государственнаго управленія, и на то назначеніе, какое долженъ былъ выполнять въ Сенатѣ генералъ-прокуроръ, вполнѣ подтверждается высочайшими указами отъ 27 апрѣля 1722 года „о должности Сената“ [1]) и генералъ-прокурора [2]). Сдѣлан-

[1]) П. С. З, т. VI, № 3,978.

[2]) П. С. З, т. VI, № 3,979.

ный непосредственнымъ начальникомъ сенатской канцеляріи [1]), генералъ-прокуроръ, въ силу высочайшей инструкціи отъ 27 апрѣля 1722 года, долженъ былъ внимательно наблюдать за ходомъ сенатскаго дѣлопроизводства, слѣдить за предписываемою регламентами и законами быстротою въ разсматриваніи и рѣшеніи дѣлъ и заботиться о томъ, чтобы правильность и законность въ дѣятельности Сената не ограничивались только предѣлами одной канцеляріи, а и проникали бы въ самую жизнь [2]). Названный „окомъ“ представителя верховной власти [3]), генералъ-прокуроръ былъ обязанъ „накрѣпко“ смотрѣть, чтобы Сенатъ въ своей правительственной дѣятельности всегда руководился существующими законами и ни въ чемъ не отступалъ отъ дѣйствительнаго смысла высочайшихъ указовъ. Въ случаяхъ неправильнаго пониманія Сенатомъ дѣйствующихъ законовъ, онъ долженъ былъ разъяснить ему ихъ настоящій смыслъ и значеніе и требовать измѣненія незаконнаго постановленія; при непослушаніи же сенаторовъ генералъ-прокуроръ располагалъ правомъ заявить свой протестъ, пріостановить дальнѣйшее производство начатаго дѣла и немедленно донести государю о происшедшемъ [4]). Не ограничиваясь простою, скромною и пассивною ролью „государева ока“, т. е. лишеннаго собственной иниціативы наблюдателя за правильностью канцелярскаго дѣлопроизводства и законностью дѣятельности Сената, генералъ-прокуроръ сдѣланный „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“ [5]), въ силу данной ему высочайшей инструкціи, имѣлъ возможность предлагать Сенату обсужденіе такихъ вопросовъ, на которые, по его мнѣнію, не существовало достаточно ясныхъ отвѣтовъ въ дѣйствующемъ

---

[3]) Тамъ же, п. 5.
[1]) Тамъ же, п. 1.
[2]) Тамъ же, п. 11.
[3]) Тамъ же, п. 2.
[4]) Тамъ же, п. 11.

законодательствѣ [1]); правда, генералъ-прокуроръ не имѣлъ права принимать живое и непосредственное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи возбуждаемыхъ имъ законодательныхъ вопросовъ, но, по самому положенію своему, онъ былъ прямо обязанъ заботиться о направленіи законодательной дѣятельности Сената въ интересахъ государства, какъ ихъ понималъ самъ же генералъ-прокуроръ.

Наученный неудачнымъ опытомъ вручения надзора за дѣятельностью высшаго государственнаго учрежденія его собственному оберъ-секретарю, находившемуся, по самому характеру подобной должности, въ значительной зависимости отъ Сената, Петръ поставилъ генералъ-прокурора въ совершенно самостоятельное положеніе, подчинивъ его суду одной только верховной власти [2]). Но, надѣляя генералъ-прокурора довольно обширными правами и, въ интересахъ порученнаго ему дѣла, совершенно освобождая его отъ вліянія высшаго государственнаго учрежденія, преобразователь не имѣлъ никакого намѣренія принести коллегіальныя начала, положенныя въ основу организаціи Сената, въ жертву личному началу, воплощенному въ должности генералъ-прокурора; это не трудно видѣть изъ того же 9-го пункта именного указа о должности генералъ-прокурора, гдѣ, за отсутствіемъ государя, въ случаѣ какого-либо тяжелаго преступленія генералъ-прокурора, Сенату предоставлялось право арестовать своего прокурора и произвести разслѣдованіе дѣла объ его преступленіи, не подвергая, однако же, виновнаго никакимъ наказаніямъ и пыткамъ, а самыя обязанности прокурорскаго надзора поручить другому лицу. По первоначальному же плану организаціи прокуратуры, преобразователь имѣлъ намѣреніе надѣлить Сенатъ правомъ выбора генералъ-прокурора и представленія его на высочайшее утвержденіе не только въ такихъ

---

[1]) Тамъ же, п. 10.

[2]) Тамъ же, п. 9.

исключительныхъ случаяхъ, но даже и при обыкновенномъ, нормальномъ положеніи дѣлъ [1]). Правда, послѣднее намѣреніе Петра не было осуществлено въ практической жизни, такъ какъ Сенатъ, насколько извѣстно, не пользовался такимъ важнымъ правомъ, и генералъ-прокуроры избирались и назначались самимъ государемъ, но, во всякомъ случаѣ, самый фактъ подобнаго распоряженія говоритъ за то, что реформаторъ былъ слишкомъ далекъ отъ мысли о сильномъ развитіи единоличной власти генералъ-прокуроровъ въ ущербъ правамъ коллегіально организованнаго Сената.

Знакомство съ организаціей прокуратуры въ сферѣ гражданскаго управленія имѣетъ для насъ очень важное значеніе, такъ какъ реформы, произведенныя Петромъ въ области церковной администраціи, не стояли какимъ-либо особнякомъ отъ общегосударственныхъ преобразованій, а находились съ ними въ самой тѣсной и неразрывной органической связи, и хотя были вызваны не столько одинаковыми побужденіями, сколько особыми политическими соображеніями преобразователя, но оказались основанными на однихъ и тѣхъ же началахъ.

Въ своемъ манифестѣ о церковной реформѣ, состоявшей въ замѣнѣ патріаршаго управленія синодальнымъ [2]), Петръ заявилъ, что, заботясь объ улучшеніи государственнаго и общественнаго устройства и видя многочисленные недостатки въ церковной администраціи, онъ чувствуетъ себя обязаннымъ произвести такія же преобразованія и улучшенія въ области духовнаго управленія, какія уже произведены имъ въ сферѣ гражданской и военной жизни. Самымъ же лучшимъ и вѣрнымъ средствомъ къ устраненію многочисленныхъ безпорядковъ, замѣчаемыхъ преобразователемъ въ духовномъ вѣдомствѣ, манифестъ признавалъ организацію церковнаго управленія на тѣхъ самыхъ коллегіальныхъ началахъ, которыя, по

---

[1]) П. С. З. т. VI. № 3,877, п. 4 и 5.

[2]) П. С. З. т. VI, № 3,718.

мнѣнію реформатора, съ такимъ успѣхомъ уже были примѣнены къ различнымъ отраслямъ общегосударственнаго управленія.

Подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній преобразователь своимъ манифестомъ и поставилъ во главѣ церковнаго управленія духовную коллегію, поручивъ ей завѣдываніе всѣми дѣлами въ русской церкви на основаніи спеціально написаннаго для нея Регламента и обязавъ своихъ подданныхъ относиться къ новому учрежденію и повиноваться его распоряженіямъ также, какъ они были обязаны повиноваться распоряженіямъ остальныхъ коллегій [1]). Въ Регламентѣ или „Уставѣ Духовной Коллегіи“, обнародованномъ вмѣстѣ съ манифестомъ, новый органъ высшаго церковнаго управленія вполнѣ ясно и опредѣленно былъ приравненъ къ Петровскимъ коллегіямъ, завѣдывавшимъ различными отраслями государственной жизни [2]).

Но въ первомъ же засѣданіи духовной коллегіи ея члены признали крайне неудобнымъ и несправедливымъ то второстепенное положеніе, въ какое первоначально хотѣлъ поставить Петръ высшій органъ церковной власти въ общей системѣ государственнаго управленія, приравнявъ его къ остальнымъ коллегіямъ, и стали убѣдительно доказывать, что „Духовное Сборное Правительство“, какъ прямой преемникъ полномочій патріарха, ни откуда ни получавшаго указовъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 314. „Повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ“, читаемъ въ манифестѣ, „имѣти“ духовную коллегію „за важное и сильное Правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ... противъ прочихъ коллегій“.

[2]) Тамъ же, стр. 316. „Таковыя различныя коллегіи“, разъясняется въ Регламентѣ, „по различію дѣлъ и нуждъ Государственныхъ, Державнѣйшій Царь Всероссійскій, Петръ Первый премудрѣ на пользу отечества державы Своея уставилъ въ лѣто 1718“.

должно стоять наряду не съ простыми коллегіями, подчиненными Сенату, а съ самимъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ [1]). Преобразователь не оставилъ безъ вниманія заявленія членовъ духовной коллегіи и ихъ недовольства предоставленною высшему органу церковнаго управленія ролью второстепеннаго государственнаго учрежденія. Въ своей резолюціи на первый докладъ вновь организованнаго учрежденія Петръ, позволяя духовной коллегіи называться святѣйшимъ правительствующимъ Синодомъ, опредѣлилъ характеръ отношеній Синода къ различнымъ государственнымъ учрежденіямъ, выдѣливъ его изъ ряда коллегій и предписавъ ему относиться къ послѣднимъ не какъ къ равнымъ себѣ органамъ власти, а такъ, какъ относится къ нимъ Сенатъ, съ самимъ же Сенатомъ сноситься простыми вѣдѣніями, на правахъ равнаго высшаго государственнаго учрежденія [2]).

Авторъ документальной статьи о святѣйшемъ Синодѣ, составленной на основаніи необнародованныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи [3]) стремится доказать, что, не смотря на измѣненіе первоначальнаго положенія Синода въ ряду другихъ органовъ государственнаго управленія, высшее церковное учрежденіе и послѣ высочайшей резолюціи 14 февраля 1721 года, поставившей его выше коллегій и приравнявшей къ Сенату, въ дѣйствительности не располагало правами, превышавшими полномочія простыхъ коллегій. „Равенство Синода съ Сенатомъ“, говоритъ онъ [4]), „было только кажущееся; оно являлось лишь внѣшнимъ титуломъ, безъ сущности полномочій“. Сенатъ во

---

[1]) П. С. П. и Р. т. I, № 3. Внутренній бытъ русскаго государства. Кн. 2, стр. 233.

[2]) П. С. З. т. VI, № 3,734.

[3]) Внутренній бытъ русскаго государства. Кн. 2 стр. 227—398.

[4]) Тамъ же, стр. 253.

время Петра, по его словамъ [1]), былъ полномочнымъ органомъ по управленію дѣлами государства, былъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи явились Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ. Это былъ высшій и главный центръ, гдѣ начиналось дѣло строенія государства и управленія. При существованіи же такого органа государственнаго управленія преобразователю, по мнѣнію автора, не представлялось никакой необходимости создавать рядомъ съ нимъ другой, по сущности полномочій совершенно ему равный, хотя бы только для завѣдыванія одними церковными дѣлами. Въ то время духовная область, замѣчаетъ онъ, не составляла какого-нибудь особеннаго организма, существующаго отдѣльно отъ государства. Церковь существовала въ государствѣ и служила ему наравнѣ съ другими элементами, входившими въ его составъ. Кромѣ того, духовная область не имѣла строго очерченныхъ границъ, въ которыхъ была бы замкнута ея жизнь, такъ какъ церковь не чуждалась и мірскихъ, свѣтскихъ интересовъ, и Сенатъ, по необходимости, долженъ былъ входить съ своей властью въ эту духовную область, гдѣ имѣло мѣсто множество дѣлъ и интересовъ число государственныхъ. Слѣдовательно, заключаетъ авторъ цитируемой статьи, если бы преобразователь, создавая для управленія духовными дѣлами новый органъ, надѣлилъ его полномочіями высшаго, самовластно и независимо дѣйствующаго органа, какимъ былъ Сенатъ, то онъ допустилъ бы въ одну область двоихъ равносильныхъ правителей, что погубило бы самое дѣло. Такимъ образомъ, для блага самого государства преобразователю невозможно было надѣлить Синодъ такою властью, какою онъ надѣлилъ Сенатъ.

Но самъ же авторъ отмѣченной статьи, разбираясь въ многочисленныхъ и разнохарактерныхъ матеріалахъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Синода и Сената, чувствуетъ себя вынужденнымъ признаться,

---

[1]) Тамъ же, стр. 252—253.

что въ то время, какъ одни источники побуждаютъ его утверждать, что Синодъ по своимъ полномочіямъ стоялъ не выше коллегій и находился, если не въ прямомъ, гласномъ подчиненіи у Сената, то въ косвенной зависимости отъ него, какъ органа главенствующаго во всемъ государствѣ и нерѣдко входившаго съ своею властью и въ область синодальную, то другіе документы прямо противорѣчатъ высказываемому имъ мнѣнію. Послѣдняго рода источники несомнѣнно указываютъ на то, что въ духовныхъ дѣлахъ Синодъ располагалъ такою же силой и пользовался такою же честью, какія Сенатъ имѣлъ въ дѣлахъ гражданскихъ, т. е. въ сферѣ свѣтскаго управленія, и что слѣдовательно, по своимъ полномочіямъ, Синодъ обладалъ равенствомъ съ Сенатомъ, былъ органомъ, не подчиненнымъ никому другому, кромѣ воли одного представителя верховной власти [1]).

И дѣйствительно, мысль о полномъ равенствѣ двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій [2]) въ отведенной имъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 232.

[2]) Называя св. Синодъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего изслѣдованія, высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, мы не хотимъ тѣмъ самымъ сказать, что организованная Петромъ духовная коллегія, поставленная во главѣ управленія русскою церковью, не имѣла характера церковнаго учрежденія. Мы знаемъ, что и въ высочайшемъ указѣ объ открытіи духовной коллегіи, и въ самомъ Регламентѣ новый органъ управленія русскою церковью характеризовался, какъ законно, канонически организованное высшее церковное учрежденіе. „Установляемъ Духовную Коллегію“, писалъ Петръ въ своемъ указѣ отъ 25 января 1721 года (П. С. П. и Р. т. 1, № 1, стр. 2), „то есть Духовное Соборное Правительство, которое, по слѣдующемъ здѣ Регламентѣ, имѣетъ всякія духовныя дѣла во Всероссійской Церкви управлять“. Знаемъ, что „Духовное Соборное Правительство“ замѣнило собою древнее патріаршее управленіе не по произвольному распоряженію одной свѣтской власти, но

сферѣ дѣятельности, не совсѣмъ еще опредѣленно высказанная въ высочайшей резолюціи отъ 14 февраля 1721 года, гдѣ Синоду предписывалось сноситься съ Сенатомъ простыми вѣдѣніями, а въ коллегіи обращаться съ указами, была въ скоромъ времени вполнѣ ясно и точно выражена самимъ Петромъ; „понеже“, писалъ онъ 12 апрѣля 1722 года [2]), „Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ въ гражданскомъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ и за преступленіе наказаніе“. Какъ органъ высшаго церковнаго управленія, располагавшій въ своей сферѣ равными съ Сенатомъ полномочіями, Синодъ, также какъ и Сенатъ, былъ надѣленъ преобразователемъ правомъ инициативы въ составленіи новыхъ законовъ [3]). Правда, онъ не могъ самостоятельно опубликовать свои новые законы, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и утвержденія ихъ со стороны

„по соизволенію і приговору священнаго собора“, какъ написано на заглавномъ листѣ подлиннаго рукописнаго Регламента, хранящагося въ присутствіи св. Синода. Не забываемъ, наконецъ, и того, что преобразователь, реформируя управленіе русскою церковью, обращался къ восточнымъ патріархамъ и получилъ отъ нихъ добровольное согласіе на признаніе законности произведенной реформы, такъ какъ патріархи назвали св. Синодъ своимъ братомъ во Христѣ, имѣющимъ власть „творити и совершати, елика четыре апостольскіи, святѣйшіи, патріаршіи престоли“. Но, признавая св. Синодъ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, правительство, въ то же время, смотрѣло на него и съ своей спеціальной, государственной точки зрѣнія и, съ этой точки зрѣнія, относилось къ нему, какъ къ учрежденію государственному.

[2]) Внутренній бытъ рус. государства. Кн. 2, стр. 234.

[3]) П. С. З. т. VI, № 3,718. „Должна же есть коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять Регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи“.

верховной власти [1]), но въ такое же положеніе по отношенію къ самодержавной власти былъ поставленъ и Сенатъ, что признаетъ и авторъ разсматриваемой статьи.

Доказательства существеннаго различія въ полномочіяхъ Синода и Сената онъ видитъ, однако же, въ неодинаковыхъ способахъ представленія на обсужденіе верховной власти сенатскихъ и синодскихъ законодательныхъ проектовъ. „Сенатъ стоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ государю", аргументируетъ авторъ [2]), „государь весьма часто присутствовалъ въ Сенатѣ. Совсѣмъ иное было положеніе Синода. Всѣ его „докладные пункты" не миновали Сената; они подавались государю большею частью чрезъ Сенатъ и обсуждались монархомъ совмѣстно съ Сенатомъ, безъ участія Синода... Изъ документовъ видно, что государь только одинъ разъ обсуждалъ синодскіе докладные пункты вмѣстѣ съ самимъ Синодомъ". Такіе факты очевиднаго предпочтенія Сената предъ Синодомъ и бо́льшаго довѣрія къ первому со стороны верховной власти и заставляютъ автора находить несомнѣнною не совсѣмъ вѣрную мысль, что государь только Сенатъ считалъ высшимъ органомъ государственнаго управленія и признавалъ его единственнымъ помощникомъ въ своихъ законодательныхъ работахъ [3]).

Близкія отношенія и бо́льшее довѣріе государя къ Сенату и факты почти постояннаго участія послѣдняго въ обсужденіи докладныхъ пунктовъ или законодательныхъ проектовъ Синода не подлежатъ никакому сомнѣнію, но они еще далеко не подтверждаютъ безошибочности выводовъ автора и не могутъ убѣдить насъ, что Петръ исключительно только одинъ Сенатъ признавалъ своимъ помощникомъ въ законодательныхъ

---

[1]) Тамъ же. „Однакожъ дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ Нашего соизволенія".

[2]) Внутренній бытъ русскаго государства. Кн. 2, стр. 236

[3]) Тамъ же, стр. 238.

работахъ. Явное предпочтеніе преобразователемъ Сената предъ Синодомъ, выражавшееся въ частыхъ случаяхъ личнаго присутствія государя на сенатскихъ засѣданіяхъ, обусловливалось, какъ намъ кажется, не тѣмъ, что Петръ только одинъ Сенатъ считалъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ и своимъ помощникомъ въ законодательной дѣятельности, а тѣмъ, что общегосударственныя дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи Сената, безъ сомнѣнія, несравненно больше интересовали преобразователя, чѣмъ узко-спеціальныя церковныя дѣла, порученныя высшему органу духовнаго управленія.

Сравнительно бо́льшее довѣріе, какимъ предпочтительно предъ Синодомъ пользовался Сенатъ въ глазахъ представителя верховной власти, могло находиться въ значительной зависимости отъ характера отношеній Петра ко всему вообще духовенству, какъ сословію, далеко не вполнѣ расположенному къ его реформамъ и даже находившемуся въ глухой оппозиціи къ нимъ.

Наконецъ, многочисленные случаи участія Сената въ обсужденіи законодательныхъ проектовъ Синода, представлявшихся на высочайшее усмотрѣніе, и почти полное отсутствіе фактовъ противоположнаго характера всего проще и естественнѣе объясняются самымъ свойствомъ и характеромъ дѣлъ, непосредственно входившихъ въ кругъ вѣдомства Синода и Сената Жизнь русской церкви, не чуждой и мірскихъ интересовъ, хотя и находилась въ вѣдѣніи своего собственнаго высшаго спеціальнаго органа управленія, но въ то же время во многихъ отношеніяхъ стояла въ самой тѣсной и неразрывной связи съ общимъ теченіемъ государственной жизни, порученнымъ завѣдыванію другого высшаго государственнаго учрежденія—Сената. Неудивительно, что, при существованіи подобныхъ условій, почти каждая общая законодательная мѣра, проектировавшаяся Синодомъ, обязательно затрогивала и интересы гражданскаго вѣдомства, находившагося въ вѣдѣніи Сената, а при такомъ положеніи дѣлъ участіе Сената въ

предварительномъ обсужденіи законодательныхъ синодальныхъ проектовъ должно было признаваться государемъ не только полезнымъ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и положительно необходимымъ.

Между тѣмъ, аналогичное же участіе Синода въ предварительномъ обсужденіи сенатскихъ законодательныхъ проектовъ, въ большинствѣ случаевъ, было бы совершенно неумѣстнымъ и безполезнымъ, такъ какъ громадная масса сенатскихъ дѣлъ не имѣла ничего общаго съ интересами церкви, и Синодъ оказался бы совершенно некомпетентнымъ и безполезнымъ въ обсужденіи подобныхъ дѣлъ. Конечно, иногда и въ практикѣ сенатскаго управленія могли возникать такіе вопросы, которые были небезразличны для интересовъ церкви и такъ или иначе затрогивали нѣкоторыя стороны общественной и государственной жизни, входившія уже въ сферу компетенціи св. Синода. Но въ такихъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ и Сенатъ обязанъ былъ предварительно сноситься съ Синодомъ и уже только послѣ совмѣстнаго обсужденія подобныхъ законопроектовъ могъ представлять ихъ на утвержденіе верховной власти, или же, за отсутствіемъ государя, публиковать ихъ въ видѣ обязательныхъ законовъ. Когда Синодъ въ одномъ изъ своихъ „докладныхъ пунктовъ“ обратилъ вниманіе государя на полезность совмѣстнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ со стороны Сената и Синода, то Петръ, поставивъ и то и другое высшее государственное учрежденіе въ одинаковыя отношенія къ верховной власти, призналъ вполнѣ законнымъ и обязательнымъ проектированный Синодомъ порядокъ обсужденія и рѣшенія подобныхъ дѣлъ [1]).

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,854. „Когда Сенатскими приговоры“, докладывалъ Синодъ, „бываютъ какія генералыю о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и Синодская команда заключается, тогда

Мы довольно подробно разсмотрѣли взгляды автора отмѣченной документальной статьи о св. Синодѣ, такъ какъ то или другое опредѣленіе положенія, въ какое поставилъ преобразователь высшій органъ церковной власти въ общей системѣ государственнаго управленія, далеко небезразлично для нашей цѣли. Правда, существуетъ не мало несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ, которыя говорятъ, что вновь организованное высшее учрежденіе, по своимъ полномочіямъ приравненное къ Сенату, въ практической жизни не всегда и не во всемъ стояло на одинаковой высотѣ съ нимъ. Сенатъ, привыкнувъ въ прежнее время довольно полновластно распоряжаться всѣми государственными дѣлами, не исключая и церковныхъ, какъ бы намѣренно не желалъ понять дѣйствительнаго значенія реформы Петра въ церковномъ управленіи и часто пользовался всевозможными благопріятными случаями, чтобы такъ или иначе поставить Синодъ ниже себя. Но всѣмъ подобнаго рода фактамъ уже невозможно придавать особенно важнаго значенія; они, въ большинствѣ случаевъ, говорятъ только о незаконныхъ стремленіяхъ Сената, нерѣдко встрѣчавшаго энергичный отпоръ со стороны Синода, ревниво оберегавшаго свои обширныя права самостоятельнаго и независимаго высшаго церковнаго учрежденія, никому не подчинен-

---

можно, видится, прежде заключенія, во время обычнаго о такихъ опредѣленіяхъ разсужденія, и Синодъ увѣдомлять, и съ общаго согласія такія опредѣленія заключать, чтобъ было къ лучшему общей пользы усмотрѣнію". Разсмотрѣвши синодальный докладъ, Петръ написалъ въ своей резолюціи: „Какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія Нашей руки чинить; а буде во отлученіи Нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытія Нашего будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ, и подписать, и потомъ публиковать". Пунктъ 5-й.

наго, кромѣ одной верховной власти. Для нашей же цѣли имѣетъ значеніе правильное, обоснованное на достаточномъ количествѣ документальныхъ данныхъ, опредѣленіе того юридическаго положенія, какое было отведено Синоду представителемъ верховной власти въ общей системѣ государственнаго управленія.

Поставивъ во главѣ духовнаго вѣдомства св. Синодъ, надѣленный такими же обширными правами и полномочіями въ отведенной ему сферѣ дѣятельности, какими располагалъ правительствующій Сенатъ, и организованный на одинаковыхъ съ нимъ коллегіальныхъ началахъ, Петръ долженъ былъ и относиться къ высшему церковному учрежденію также, какъ онъ относился къ Сенату. Говоря о преобразованіяхъ, произведенныхъ Петромъ въ высшемъ государственномъ управленіи, мы уже имѣли случай замѣтить, что, какъ ни велики были въ глазахъ реформатора преимущества коллегіальной формы правленія предъ старой системой администраціи, основанной на личномъ началѣ, все же одни они не признавались вполнѣ достаточной гарантіей отъ возможныхъ злоупотребленій новой администраціи. Глубоко довѣряя коллегіальной формѣ правленія и ставя ее несравненно выше системы администраціи, основанной на личномъ началѣ, преобразователь въ то же время, какъ это ни странно кажется съ перваго взгляда, сильно не довѣрялъ самымъ членамъ коллегіальныхъ учрежденій. Личный составъ коллегіально организованнаго Сената и характеръ дѣятельности его членовъ, часто заявлявшихъ себя неопытностью, небрежностью въ исполненіи своихъ обязанностей или даже позволявшихъ себѣ прямое нарушеніе законовъ и злоупотребленіе своимъ положеніемъ, поддерживали и усиливали въ преобразователѣ недовѣріе къ членамъ высшаго государственнаго учрежденія. Выходъ изъ затруднительнаго положенія, созданнаго глубокимъ убѣжденіемъ въ громадныхъ преимуществахъ коллегіальной системы управленія и признаніемъ несомнѣннаго факта существованія

различныхъ недостатковъ въ государственной и общественной жизни, являвшихся практическимъ результатомъ функціонированія подобной системы, Петръ, какъ намъ уже извѣстно, думалъ найти въ привнесеніи личнаго начала въ коллегіально организованный Сенатъ и въ своеобразномъ сочетаніи двухъ различныхъ началъ. Личное начало и было введено реформаторомъ въ коллегіальный Сенатъ въ формѣ института прокуратуры, неразрывно связаннаго съ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Отмѣченныя нами явленія имѣли мѣсто и въ исторіи отношеній верховной власти къ другому высшему учрежденію, поставленному во главѣ управленія русскою церковью. Какъ въ гражданскомъ управленіи коллегіальныя начала, положенныя въ основу организаціи Сената, не уничтожали собою возможности различныхъ нежелательныхъ явленій, которыя и заставили преобразователя организовать постоянный надзоръ и контроль за дѣятельностью Сената, такъ и въ области церковной жизни, съ учрежденіемъ св. Синода, государство, по мысли реформатора, далеко еще не могло считать себя вполнѣ обезпеченнымъ отъ нежелательнаго характера дѣятельности новаго органа церковнаго управленія. Мы уже говорили, что насколько было велико довѣріе Петра къ коллегіальной формѣ правленія, настолько же, если еще не болѣе, было велико его недовѣріе къ самымъ членамъ коллегій. Несомнѣнно, что такое же недовѣріе существовало у государя и по отношенію къ членамъ высшаго церковнаго учрежденія [1])—недовѣріе, по всей вѣроятности, даже болѣе

---

[1]) Правда, въ дѣйствительности наиболѣе видные синодальные члены: Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ пользовались значительнымъ довѣріемъ Петра, но это обстоятельство,

сильное, чѣмъ къ членамъ Сената; послѣдніе, хотя и злоупотребляли своимъ положеніемъ, позволяя сябѣ, напр., взяточничество, но, во всякомъ случаѣ, въ глазахъ Петра никогда не стояли на сторонѣ лицъ, несочувственно относившихся къ его реформаторской дѣятельности, тогда какъ всѣ члены Синода принадлежали къ духовному сословію, а духовенство, по мнѣнію преобразователя, далеко несочувственно относилось къ нему и даже находилось въ скрытой оппозиціи къ его реформамъ.

На ряду съ одинаковыми причинами и побужденіями, заставлявшими реформатора относиться къ дѣятельности высшаго церковнаго учрежденія съ такимъ же недовѣріемъ, съ какимъ онъ относился къ дѣятельности Сената, свободнаго отъ постояннаго правительственнаго надзора, характеръ отношеній Петра къ новому органу церковнаго управленія находился въ сильной зависимости и отъ тѣхъ идей государственнаго абсолютизма, о которыхъ мы уже говорили, какъ объ одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ правительство замѣнить древнее патріаршество св. Синодомъ. Отказавшись отъ своего первоначальнаго намѣренія ввести въ наличный составъ высшаго церковнаго учрежденія, чуждый духовенству, свѣтскій, мірской элементъ, преобразователь, въ то же время, не могъ оставить вновь организованное церковное управленіе въ безконтрольномъ распоряженіи однихъ представителей духовнаго сословія. Правда, онъ смотрѣлъ на членовъ св. Синода не только съ церковной, но и съ государственной точки зрѣнія и разсматривалъ ихъ, какъ лицъ, состоящихъ на службѣ не одной церкви, а и самому государю; назначая въ составъ членовъ высшаго церковнаго учреж-

---

конечно, не могло повліять на характеръ его отношеній къ самому учрежденію, такъ какъ существованіе въ св. Синодѣ подобныхъ членовъ было простою случайностью, нисколько не зависѣвшей отъ той или другой организаціи высшаго церковнаго управленія.

денія различныхъ духовныхъ лицъ, реформаторъ обязывалъ ихъ давать торжественную клятву исповѣдывать „крайняго Судію Духовныя Коллегіи быти Самого Всероссійскаго Монарха“ и „стараться споспѣшествовать всему, что къ Его Царскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ, о ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ... не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися“ [1]). Но, безъ сомнѣнія, въ глазахъ Петра однѣ торжественныя клятвы членовъ св. Синода не могли служить достаточно прочной гарантіей, желательнаго для интересовъ государства, характера правительственной дѣятельности высшаго церковнаго учрежденія.

При такихъ отношеніяхъ верховной власти къ св. Синоду, послѣдній, также какъ и Сенатъ, не могъ быть предоставленъ самому себѣ въ порученной ему сферѣ правительственной дѣятельности; преобразователь, не имѣвшій возможности всегда лично присутствовать на засѣданіяхъ Синода и далеко не во всемъ довѣрявшій его членамъ, чувствовалъ настоятельную необходимость въ учрежденіи постояннаго надзора и правильно организованнаго контроля за дѣятельностью новаго высшаго органа церковнаго управленія. Организація такого постояннаго надзора являлась тѣмъ болѣе необходимой, по мнѣнію практичнаго Петра, что въ вѣдѣніе св. Синода, съ соизволенія государственной власти, были переданы самыя интересныя для реформатора экономическія дѣла духовнаго вѣдомства. Создавать какое-либо новое учрежденіе для цѣлей подобнаго надзора, или же производить радикальныя измѣненія въ самой организаціи Синода не представлялось никакой необходимости; идея прокуратуры для коллегіальныхъ учрежденій была уже готова и даже получила практическое примѣненіе въ правительствующемъ Сенатѣ, гдѣ личное начало, въ лицѣ генералъ-

---

[1]) Полное Собраніе Постановленій и Распоряженій по вѣд. пр. исп. т. I, № 1, стр. 3.

прокурора, должно было соединяться съ правильностью и независимостью коллегіальнаго устройства, не подавляя его, а лишь только устанавливая желательную для преобразователя связь между верховною властью и Сенатомъ. Идея прокуратуры въ той формѣ, въ какой она уже примѣнялась къ Сенату въ лицѣ его генералъ-прокурора, и была цѣликомъ перенесена Петромъ въ область церковнаго управленія.

Въ примѣненіи къ св. Синоду институтъ прокурорскаго надзора за дѣятельностью высшихъ учрежденій выразился въ новой должности синодальнаго оберъ-прокурора, надѣленнаго тѣми же самыми правами и полномочіями, какими пользовался генералъ-прокуроръ правительствующаго Сената, и поставленнаго въ такія же отношенія къ верховной власти и къ порученному его надзору церковному учрежденію, въ какихъ находился сенатскій генералъ-прокуроръ. Высочайшимъ указомъ отъ 11 мая 1722 года Петръ, не разрушая и даже не желая ослаблять новыхъ началъ, положенныхъ въ основу организаціи высшаго церковнаго управленія, ввелъ въ св. Синодъ спеціальный органъ правительственнаго надзора, въ лицѣ синодальнаго оберъ-прокурора, поставленнаго въ ближайшія отношенія къ верховной власти [1]).

Вручая контроль за дѣятельностью Синода новому органу прокуратуры, преобразователь даже не нашелъ нужнымъ вырабатывать для него особой инструкціи и призналъ вполнѣ достаточной для опредѣленія его правъ и обязанностей уже готовую инструкцію генералъ-прокурора, почему избранный

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 4,001. „Въ Синодъ“, писалъ въ своемъ указѣ Петръ, „выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе Синодскаго дѣла знать, и быть ему Оберъ-Прокуроромъ и дать ему инструкцію, примѣняясь къ инструкціи Генералъ-Прокурора“.

государемъ 11 мая 1722 года [1]), первый синодальный оберъ-прокуроръ, полковникъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ, и получилъ въ свое руководство почти дословную копію съ генералъ-прокурорскаго наказа, съ простою замѣной названій самой должности и высшаго государственнаго учрежденія [2]). Даже названія низшихъ органовъ надзора, подчиненныхъ генералъ-прокурору Сената, въ оберъ-прокурорской инструкціи остались тѣ же самыя, что и въ генералъ-прокурорской, хотя въ синодальномъ вѣдомствѣ они и были извѣстны подъ другими именами. Въ исторической литературѣ [3]) уже была высказана правдоподобная догадка, что послѣдняя, довольно странная, особенность оберъ-прокурорскаго наказа обусловливалась невнимательнымъ отношеніемъ дьяка или подъячаго Сената къ порученному ему дѣлу составленія инструкціи. Получивъ приказаніе составить новую инструкцію сообразно съ генералъ-прокурорской, какой-нибудь сенатскій дьякъ, по всей вѣроятности, не совсѣмъ правильно понялъ подобное приказаніе и списалъ инструкцію почти слово въ слово съ даннаго ему наказа генералъ-прокурора, не потрудившись даже примѣнить ее къ особому положенію синодальнаго оберъ-прокурора и назвать въ ней, вмѣсто чиновниковъ, подчиненныхъ генералъ-прокурору, низшіе органы надзора, существовавшіе въ духовномъ вѣдомствѣ.

Повидимому, подобное предположеніе не устраняетъ всѣхъ недоразумѣній, вызываемыхъ существованіемъ въ оберъ-прокурорской инструкціи нѣкоторыхъ пунктовъ, совершенно не-

---

[1]) Полное Собр. Постан. и Распор. по вѣд. прав. исп. Т. II, № 705.

[2]) П. С. З. т. VI, № 4,036.

[3]) Петровскій. „О Сенатѣ въ царствованіе Петра В.“, стр. 171.

примѣнимыхъ къ представителю прокуратуры въ синодальномъ вѣдомствѣ [1]). Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы сенатскій дьякъ, получившій приказаніе написать инструкцію синодальному оберъ-прокурору, „примѣняясь“ къ инструкціи генералъ-прокурора, не понималъ смысла и значенія употребительнаго канцелярскаго выраженія „примѣняясь“ и отожествлялъ составленіе канцелярскихъ бумагъ примѣнительно къ какому-либо образцу съ простымъ копированіемъ готовыхъ документовъ; не менѣе страннымъ представляется и то, что сенаторы и сенатскіе чиновники, подписавшіе, за отсутствіемъ государя, подлинную оберъ-прокурорскую инструкцію, не замѣтили въ ней присутствія нѣсколькихъ пунктовъ, имѣвшихъ отношеніе къ сенатскому генералъ-прокурору, а не къ оберъ-прокурору св. Синода. Но необходимо замѣтить, что оберъ-прокурорская инструкція не представляла собою буквальной копіи съ генералъ-прокурорскаго наказа, и составитель инструкціи, переписывая генералъ-прокурорскій наказъ, сдѣлалъ въ немъ главныя, необходимыя измѣненія, примѣняясь къ особому положенію представителя прокуратуры въ синодальномъ вѣдомствѣ, т. е. замѣнилъ слова: генералъ-прокуроръ и Сенатъ словами: оберъ-прокуроръ и Синодъ, а во-вторыхъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Сенатъ, обремененный, во время отсутствія государя, массою всевозможныхъ государственныхъ дѣлъ, отнесся безъ должнаго вниманія къ возложенной на него обязанности составленія инструкціи синодальному оберъ-прокурору.

4 іюля 1722 года [2]) въ засѣданіи св. Синода было выслушано сенатское вѣдѣніе, гдѣ сообщалось, что 11 мая того же года государь, присутствуя въ Сенатѣ, опредѣлилъ учредить въ правительствующемъ Синодѣ особую должность оберъ-прокурора и назначилъ для отправленія новыхъ прокурорскихъ обязанностей полковника Ивана Васильевича Болтина, при-

[1]) П. С. П. и Р. т. II, № 680, п. 7.

[2]) Тамъ же, № 705.

казавъ дать ему въ руководство такую же инструкцію, какой долженъ былъ руководиться въ своей дѣятельности генералъ-прокуроръ. Сообщая о высочайшемъ повелѣніи, Сенатъ въ то же время доводилъ до свѣдѣнія Синода, что полковникъ Болтинъ уже выслушалъ указъ о своемъ назначеніи, получилъ инструкцію, подписанную, за отсутствіемъ государя, сенаторами, и приведенъ къ установленной присягѣ [1]).

Въ многочисленныхъ и разнообразныхъ документахъ и дѣлахъ, хранящихся въ синодальномъ архивѣ, не встрѣчается ни малѣйшаго указанія и намека на то, какъ отнесся Синодъ, въ лицѣ своихъ членовъ, къ извѣстію о новой и въ высшей степени важной для него правительственной мѣрѣ. Изъ цитированнаго дѣла, имѣющаго прямое отношеніе къ опредѣленію Болтина синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, видно, что св. Синодъ на сенатское вѣдѣніе отвѣтилъ простымъ постановленіемъ о вступленіи въ должность назначеннаго государемъ оберъ-прокурора и обратился къ Сенату съ просьбою прислать въ Синодъ копіи съ присяги, принятой Болтинымъ, и съ данной ему инструкціи [2]). Можно только предполагать, на основаніи нѣкоторыхъ не прямыхъ, но косвенныхъ данныхъ, что члены Синода не видѣли большой и серьезной опасности для самостоятельности и независимости высшаго церковнаго учрежденія отъ введенія въ его организацію новой должности оберъ-прокурора. По крайней мѣрѣ, когда въ высочайшемъ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи высшій органъ церковнаго управленія былъ приравненъ къ простымъ коллегіямъ, подчиненнымъ правительствующему Сенату, св. Синодъ, какъ намъ уже извѣстно, въ первомъ же засѣданіи призналъ крайне неудобнымъ и несправедливымъ то второстепенное, несамостоятельное положеніе, въ какое хотѣлъ первоначально

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. правит. Синода. Томъ II, часть 1, № 734.

[2]) Тамъ же, стр. 1122—1123.

поставить его Петръ въ общей системѣ государственнаго управленія, и настолько успѣшно и убѣдительно доказывалъ необходимость приравнять духовную коллегію къ высшему государственному учрежденію—Сенату, ни отъ кого не зависѣвшему, кромѣ одной верховной власти, что преобразователь долженъ былъ уступить доводамъ членовъ вновь организованнаго церковнаго учрежденія. Между тѣмъ, извѣстіе о назначеніи оберъ-прокурора, надѣленнаго довольно широкими правами и полномочіями [1]), повидимому, не вызвало въ членахъ Синода никакихъ серьезныхъ и сильныхъ опасеній, такъ какъ они, выслушавъ сенатское вѣдѣніе, тотчасъ же сдѣлали согласное съ нимъ постановленіе и только предложили Сенату прислать имъ копію съ оберъ-прокурорской инструкціи.

Права и полномочія, какими верховная власть надѣлила назначеннаго въ св. Синодъ представителя и защитника государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, были, дѣйствительно, очень не маловажны и довольно обширны, но, по идеѣ преобразователя, они нисколько не возвышали оберъ-прокурора надъ самымъ учрежденіемъ, а тѣмъ болѣе не должны были доставлять ему возможность дѣйствовать подавляющимъ образомъ на самостоятельность и независимость св. Синода. Поставленный государемъ въ положеніи его уполномоченнаго [2]), никому неподсуднаго, кромѣ одной верховной вла-

---

[1]) При тѣхъ довольно близкихъ отношеніяхъ, какія существовали въ разсматриваемое время между нѣкоторыми синодальными членами и сенаторами, болѣе чѣмъ вѣроятно, что св. Синодъ, и до полученія копіи съ оберъ-прокурорской инструкціи, имѣлъ уже неоффиціальныя свѣдѣнія о правахъ и обязанностяхъ своего оберъ-прокурора.

[2]) П. С. З. т. VI, № 4,036, п. 11. Въ данномъ пунктѣ государь, отъ имени котораго была составлена Сенатомъ разсматриваемая нами инструкція, называетъ синодальнаго оберъ-прокурора своимъ „окомъ“.

сти[1]), оберъ-прокуроръ долженъ былъ „накрѣпко смотрѣть“[2]) за разнообразной дѣятельностью св. Синода. Инструкція вмѣняла ему въ обязанность постоянно присутствовать на засѣданіяхъ Синода и внимательно наблюдать, чтобы высшее церковное учрежденіе строго сообразовалось въ своей дѣятельности съ высочайшими указами и регламентами и ни въ какомъ случаѣ не позволяло бы себѣ излишней медленности въ веденіи и рѣшеніи дѣлъ. Но такъ какъ дѣйствительные интересы закона далеко не всегда могли удовлетворяться одною формальною, канцелярскою правильностью синодальнаго дѣлопроизводства, то инструкція поручала оберъ-прокурору, не ограничивая своей надзоръ только предѣлами канцеляріи, строго смотрѣть и за тѣмъ, чтобы всѣ распоряженія и указы Синода, по возможности, немедленно разсылались по подчиненнымъ инстанціямъ и въ точности исполнялись ими, для чего и предписывала ему отмѣчать въ особомъ журналѣ день изданія каждаго указа и время его исполненія, или же, въ случаѣ неисполненія синодальнаго распоряженія, объяснять причины, обусловливавшія собою подобную неисправность[3]).

Отступленія членовъ Синода отъ точнаго исполненія дѣйствовавшихъ законовъ, а тѣмъ болѣе явное отсутствіе безпристрастія въ рѣшеніи какихъ-либо дѣлъ, позволяли оберъ-прокурору, какъ строгому блюстителю законности, вмѣшиваться въ самую дѣятельность высшаго церковнаго учрежденія. Въ такихъ случаяхъ, оберъ-прокуроръ, въ силу даннаго ему наказа, былъ обязанъ немедленно разъяснить Синоду, въ чемъ его члены поступаютъ несогласно съ дѣйствительными требованіями закона, и „предложить“ высшему органу церковнаго

---

[1]) Тамъ же, п. 9. „Оберъ-прокуроръ ничьему суду не подлежитъ, кромѣ Нашего“, читаемъ въ 9-мъ пунктѣ оберъ-прокурорской инструкціи.

[2]) Тамъ же, п. 1.

[3]) Тамъ же, п. 1.

управленія произвести извѣстныя измѣненія въ своемъ постановленіи [1]). Нежеланіе синодальныхъ членовъ отступить отъ разъ принятаго рѣшенія и подчиниться указаніямъ оберъ-прокурора давало послѣднему право опротестовать постановленіе Синода, пріостановить дальнѣйшее движеніе самаго дѣла и обо всемъ случившемся немедленно донести государю, если того требовали спѣшность и важность дѣла, или же доложить о своемъ столкновеніи съ Синодомъ при ближайшемъ, удобномъ случаѣ.

Какъ высшій органъ прокурорскаго надзора, поставленный во главѣ цѣлаго института прокуратуры, оберъ-прокуроръ не только долженъ былъ наблюдать за дѣятельностью фискаловъ и прокуроровъ, но и располагалъ правомъ, предлагая ихъ доношенія на обсужденіи св. Синода, побуждать послѣдній не оставлять безъ должнаго вниманія сообщеній различныхъ органовъ прокурорскаго и инквизиторскаго надзора [2]). Вмѣстѣ съ низшими представителями надзора въ церковномъ вѣдомствѣ инструкція ставила въ подчиненныя отношенія къ оберъ-прокурору и самые органы синодальнаго дѣлопроизводства, поручая его управленію канцеляріи св. Синода [3]).

Являясь „директоромъ“ спнодальной канцеляріи, имѣя подъ своимъ начальствомъ прокуроровъ, наблюдая за инквизиторами и располагая широкими полномочіями не только кон-

---

[1]) Тамъ же, п. 2. Оберъ-прокуроръ, читаемъ здѣсь, „долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Синодъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ. А ежели что увидитъ противное сему, тогда въ тотъ же часъ повиненъ предлагать Синоду явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили“,

[2]) Тамъ же, п.п. 3 и 4. Упоминаемымъ въ 4-мъ пунктѣ фискаламъ, существовавшимъ въ области государственнаго управленія, въ духовномъ вѣдомствѣ соотвѣтствовали инквизиторы.

[3]) Тамъ же, п. 5.

тролировать дѣятельность высшаго церковнаго учрежденія, но, при случаѣ, и оказывать извѣстное вліяніе на членовъ Синода, побуждая ихъ строго исполнять требованія закона или даже измѣнять свои неправильныя постановленія, оберъ-прокуроръ былъ надѣленъ еще однимъ довольно важнымъ правомъ. Инструкція не ставила синодальнаго оберъ-прокурора въ положеніе простого, совершенно пассивнаго наблюдателя за правильнымъ и законнымъ ходомъ дѣлъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи; правда, предписывая оберъ-прокурору постоянно присутствовать въ засѣданіяхъ св. Синода и „накрѣпко смотрѣть“ за его правительственною дѣятельностью, верховная власть не уполномочивала прокуратуру принимать непосредственное участіе въ самомъ обсужденіи и рѣшеніи синодальныхъ дѣлъ, но въ то же время инструкція вмѣняла въ обязанность оберъ-прокурору, по собственной инициативѣ, предлагать на разсмотрѣніе и рѣшеніе Синода такіе вопросы, на которые не существовало достаточно ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ.

Необходимо, однако, замѣтить, что, по данному вопросу, въ исторической литературѣ встрѣчаются и мнѣнія, будто бы „первоначально по инструкціи оберъ-прокуроръ въ Синодѣ имѣлъ значеніе только наблюдателя“ [1]). Подобный взглядъ на роль, отводимую инструкціей синодальному оберъ-прокурору въ высшемъ церковномъ управленіи, не совсѣмъ подтверждается самымъ оберъ-прокурорскимъ наказомъ, гдѣ верховная власть называетъ своего представителя въ св. Синодѣ „окомъ“ государя и „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“ [2]) и находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ 10-мъ пунктомъ той же инструкціи; „о которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяс-

---

[1]) Кедровъ. Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго.—Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Т. II.

[2]) Тамъ же, п. 11.

нено", читаемъ здѣсь о правахъ и обязанностяхъ оберъ-прокурора, „о тѣхъ предлагать Синоду, чтобы учинили на тѣ дѣла ясные указы... И ежели въ пополненіе сей инструкціи что усмотритъ, о томъ доносить же". Названіе синодальнаго оберъ-прокура „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ", при всей своей неопредѣленности [1]), въ связи съ прямымъ и естественнымъ смысломъ 10-го пункта разсматриваемой инструкціи позволяетъ намъ утверждать, что верховная власть, назначая въ св. Синодъ свое „око", вмѣняла ему въ обязанность оберегать интересы государства въ дѣлахъ высшаго церковнаго учрежденія и, по собственной иниціативѣ, проводить въ синодальномъ вѣдомствѣ, конечно чрезъ посредство самихъ же членовъ св. Синода, различныя мѣропріятія, вызывавшіяся нуждами и пользою государства. Если оберъ-прокуроръ находилъ, что интересы государства такъ или иначе могли пострадать отъ неясности узаконеній, касавшихся различныхъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію св. Синода, то, въ силу данной ему инструкціи, имѣлъ право предложить высшему церковному учрежденію выработать и издать новыя постановленія, болѣе ясныя и опредѣленныя и, безъ сомнѣнія, болѣе желательныя съ точки зрѣнія самой прокуратуры.

Но, создавая, въ лицѣ синодальнаго оберъ-прокурора, спеціальный органъ правительственнаго надзора за интересами государства въ сферѣ церковнаго управленія, ставя его

---

[1]) При дворѣ московскихъ государей стряпчіе принадлежали къ нижнимъ придворнымъ чинамъ; ихъ служебная дѣятельность состояла въ томъ, что они разносили кушанья за царскимъ столомъ, разливали напитки, подавали царю всевозможныя вещи, одѣвали и раздѣвали его, въ качествѣ спальниковъ. Число стряпчихъ было настолько велико, что ихъ назначали не только на разнообразныя службы при особѣ царя, но и отправляли для выполненія различныхъ служебныхъ обязанностей въ царскія деревни.

въ непосредственныя отношенія къ верховной власти и надѣляя довольно обширными правами и полномочіями, преобразователь не имѣлъ намѣренія подчинить прокуратурѣ высшее церковное учрежденіе и отнять у Синода самую возможность пользоваться въ будущемъ времени предоставленной ему относительной свободой и самостоятельностью дѣйствій. Учреждая новую должность оберъ-прокурора, Петръ не ставилъ послѣдняго въ положеніе начальника надъ св. Синодомъ, а лишь только вводилъ его въ высшій органъ церковнаго управленія, въ качествѣ своеобразнаго дополненія къ коллегіальной организаціи Синода. Право протеста противъ постановленій духовной коллегіи и возможность извѣстнаго вліянія на ея дѣятельность, предоставленныя инструкціей представителю государственныхъ интересовъ въ высшемъ церковномъ управленіи, были даны преобразователемъ синодальному оберъ-прокурору исключительно только съ тою цѣлью, чтобы имѣть въ его лицѣ надежное средство для успѣшной борьбы съ злоупотребленіями и энергичное орудіе для оживленія самой дѣятельности св. Синода.

Такой взглядъ на положеніе, созданное реформаторомъ для новой должности синодальнаго оберъ-прокурора, непосредственно вытекаетъ изъ анализа высочайшей инструкціи, характеризующей отношенія главнаго органа прокуратуры къ верховной власти и къ высшему церковному учрежденію. Надѣляя оберъ-прокурора очень важнымъ правомъ останавливать, *по своему усмотрѣнію* [1]), приведеніе въ исполненіе постановленій св. Синода, признаваемыхъ прокуратурой не согласными съ требованіями законовъ, и уполномочивая его доносить лично самому государю о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда члены св. Синода, послѣ оберъ-прокурорскихъ предложеній, „не по-

[1]) Если оберъ-прокуроръ, по словамъ 2-го пункта инструкціи, замѣтитъ, что Синодъ въ чемъ-либо уклоняется отъ своей обязанности „поступать праведно и нелицемѣрно", то „долженъ

слушаютъ“ его разъясненій и будутъ оставаться при своемъ мнѣніи [1]), Петръ въ то же время заботился и объ интересахъ духовной коллегіи и явно стремился къ тому, чтобы гарантировать ея дѣятельность отъ подавляющаго вліянія представителя прокурорскаго надзора. По словамъ инструкціи [2]), оберъ-прокуроръ въ своихъ доношеніяхъ, подаваемыхъ на высочайшее имя, обязанъ наблюдать крайнюю осторожность и осмотрительность, чтобы кому-нибудь не причинить незаслуженнаго безчестія, и долженъ имѣть въ виду, что за всякій небезпристрастный и несправедливый доносъ, вызванный какими-либо мотивами личнаго характера, онъ самъ понесетъ заслуженное наказаніе.

Доставляя духовной коллегіи извѣстныя гарантіи отъ нежелательнаго, подавляющаго вліянія на ея дѣятельность со стороны надѣленнаго довольно широкими полномочіями оберъ-прокурора, инструкція даже давала возможность высшему церковному учрежденію, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, относиться къ представителю прокуратуры въ церковномъ управленіи, какъ къ своему подчиненному.

Если во время отсутствія императора Синодъ замѣчалъ, что назначенный верховною властью оберъ-прокуроръ совер-

---

въ тотъ часъ протестовать и... дѣло остановить“. Хотя данный пунктъ инструкціи и уполномочивалъ оберъ-прокурора останавливать приведеніе въ исполненіе постановленій Синода только при томъ условіи, если они являлись не согласными съ требованіями законовъ, но едва ли можно отрицать, что въ дѣйствительности, на практикѣ, признаніе тѣхъ или другихъ мнѣній св. Синода не отвѣчавшими требованіямъ законовъ предоставлялось тою же инструкціей личному усмотрѣнію самого оберъ-прокурора, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, инструкція имѣла въ виду такіе факты, когда синодальные члены находили возможнымъ считать вполнѣ законными свои постановленія, вызывавшія протестацію прокуратуры.

[1]) П. С. П. Р. т. II, № 680, п. 2.

[2]) Тамъ же.

шилъ какое-либо важное и тяжелое преступленіе, требовавшее немедленнаго разслѣдованія дѣла и наказанія виновнаго, то имѣлъ право, собственною властью, арестовать „око государя“ и начать судебное слѣдствіе, оберъ-прокурорскія же обязанности поручить, по своему выбору, другому лицу. И только самое наказаніе обвиняемаго прокурора инструкція оставляла за одной верховной властью [1]). Безъ сомнѣнія, разсматриваемый пунктъ оберъ-прокурорскаго наказа не заключаетъ въ себѣ прямыхъ и непосредственныхъ указаній на нормальныя отношенія двухъ различныхъ началъ, соединенныхъ преобразователемъ въ высшемъ органѣ церковнаго управленія, но намъ кажется, что онъ имѣетъ немаловажное значеніе для правильнаго пониманія того положенія, въ какое Петръ хотѣлъ поставить своего оберъ-прокурора въ св. Синодѣ. Заботясь о государственныхъ интересахъ, реформаторъ думалъ найти въ лицномъ началѣ вѣрное и надежное средство для успѣшной борьбы съ недостаточно энергичной и не всегда строго-законной дѣятельностью членовъ вновь организованнаго учрежденія и съ этою цѣлью надѣлилъ своего оберъ-прокурора значительными правами и полномочіями; но, не имѣя намѣренія подавлять самодѣятельности высшаго церковнаго учрежденія сильнымъ развитіемъ власти оберъ-прокурора, онъ стремился сдѣлать рискованной и опасной возможность злоупотребленій со стороны прокуратуры предоставленными ей полномочіями.

Чтобы составить себѣ вполнѣ ясное представленіе о томъ положеніи, какое, по мысли верховной власти [2]), оберъ-проку-

---

[1]) Тамъ же, п. 9. „Ежели“ оберъ-прокуроръ „во отлученіи Нашемъ явится въ тяжкой и времени не терпящей винѣ, яко измѣнѣ; то Синодъ можетъ арестовать и розыскивать, а дѣло приказать иному кому; однакожъ никакой пытки, экзекуціи, или наказанія не чинить“.

[2]) Хотя оберъ-прокурорская инструкція и не была подпи-

ръ долженъ былъ занимать въ св. Синодѣ, необходимо имѣть въ виду, что преобразователь, реформируя всю систему государственнаго и церковнаго управленія и вводя въ новыя коллегіальныя учрежденія старыя начала, стремился соединить въ одно цѣлое коллегіальное и личное начало и слить ихъ въ одно прочное учрежденіе, „гдѣ", по словамъ проф. Градовскаго [1]), „правильность и независимость коллегіальнаго устройства была бы соединена съ быстротою и гибкостью единоличнаго состава", гдѣ единоличная власть входила бы, однако, въ коллегіи, какъ ихъ своеобразное дополненіе, предназначенное для того, чтобы усплывать въ нихъ быстроту дѣйствій, а не умепьшать независимость обсужденія различныхъ вопросовъ. „Не для раздору", справедливо утверждаетъ цитируемый авторъ [2]), „не для безконечной борьбы, а для совокупной дѣятельности на пользу государства ввелъ Петръ личное начало въ коллегіи, причемъ первое осталось только суррогатомъ послѣдняго... Преобразователь не создалъ изъ личнаго начала ничего отдѣльнаго, самостоятельнаго и вездѣ смотрѣлъ на него, какъ на необходимую часть коллегіи, какъ на одинъ изъ ея органовъ, которымъ она дѣйствуетъ и говоритъ. Личное начало ничего не рѣшало, нигдѣ не дѣйствовало—вся государственная дѣятельность во всей ея совокупности была предоставлена учрежденіямъ. Но каждое изъ этихъ началъ должно было осуществлять часть Петровскихъ идей".

сана императоромъ, но тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ законное право утверждать, что въ ней выражена высочайшая воля о правахъ и обязанностяхъ синодальнаго оберъ-прокурора, такъ какъ правительствующій Сенатъ, составивній оберъ-прокурорскую инструкцію, по распоряженію самого Петра, пользовался, во время отсутствія государя, всѣми прерогативами верховной власти.

[1]) Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія, стр. 114.

[2]) Тамъ же, стр. 127.

Въ такихъ же взаимныхъ отношеніяхъ должны были находиться, по мысли законодателя, выраженной въ разсматриваемой инструкціи, св. Синодъ и его оберъ-прокуроръ. Все церковное управленіе было поручено вѣдѣнію св. Синода; члены Синода должны были обсуждать и рѣшать всевозможныя дѣла, возникавшія въ духовномъ вѣдомствѣ, вполнѣ самостоятельно и совершенно независимо отъ какого либо посторонняго вліянія, сообразуясь исключительно только съ требованіями однихъ „регламентовъ и указовъ“ [1]). Если же оберъ-прокурору вмѣнялось въ обязанность иногда вмѣшиваться и въ самую дѣятельность высшаго церковнаго учрежденія и даже останавливать своими протестами приведеніе въ исполненіе его постановленій [2]), то дѣлалось это съ цѣлью, не имѣвшею ничего общаго съ намѣреніемъ стѣснить свободу и независимость синодальныхъ членовъ въ обсужденіи различныхъ вопросовъ церковнаго управленія. Здѣсь имѣлись въ виду исключительно только одни интересы закона, для охраненія которыхъ оберъ-прокуроръ и былъ надѣленъ довольно важнымъ правомъ дѣлать предложенія Синоду объ измѣненіи его постановленій, оказавшихся въ какомъ либо отношеніи не согласными съ требованіями дѣйствующихъ законовъ.

Еще менѣе стѣснительно для свободы и независимости высшаго церковнаго учрежденія было предоставленное прокуратурѣ право дѣлать св. Синоду настойчивыя предложенія, чтобы синодальныя „дѣла не на столѣ только вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись“ [3]). Самъ св. Синодъ, въ первое время своего существованія, не имѣлъ достаточно средствъ слѣдить за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ собственныхъ указовъ и распоряженій и не могъ не чувствовать значительныхъ неудобствъ отъ недостатка подоб-

---

[1]) П. С. П. и Р. т. II, № 680, п. 1.

[2]) Тамъ же, п. п. 1 и 2.

[3]) Тамъ же, п. 1.

ныхъ средствъ. Съ учрежденіемъ института прокуратуры, наблюденіе за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ постановленій высшаго церковнаго учрежденія было сдѣлано спеціальною обязанностью синодальнаго оберъ-прокурора. Очевидно, что, въ данномъ случаѣ, предоставленное прокуратурѣ право побуждать Синодъ принимать необходимыя мѣры къ дѣйствительному и быстрому исполненію его собственныхъ распоряженій не только не могло быть стѣснительно для церковнаго учрежденія, но и вполнѣ совпадало съ его интересами.

Наконецъ, и самое важное въ практическомъ отношеніи право оберъ-прокурора вступать въ непосредственныя сношенія съ верховною властью по дѣламъ св. Синода[1]), по намѣреніямъ законодателя, не должно было являться въ рукахъ прокуратуры средствомъ къ тому, чтобы оказывать какое либо нежелательное давленіе на свободу и независимость синодальныхъ членовъ, такъ какъ инструкція предписывала оберъ-прокурору въ своихъ доношеніяхъ, подаваемыхъ на высочайшее имя, „поступать осторожно и разсмотрительно, дабы напрасно кому безчестія не учинить“, угрожая, въ противномъ случаѣ, нежелательными послѣдствіями самому докладчику[2]).

Не смотря на всѣ мѣры, предпринятыя преобразователемъ для идеальнаго, съ его точки зрѣнія, соединенія двухъ различныхъ началъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, поставленныхъ во главѣ государственнаго и церковнаго управленія,

---

[1]) Тамъ же, п. 2. — О весьма нужныхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ Синодомъ, по мнѣнію прокуратуры, не согласно съ требованіями законовъ, оберъ-прокуроръ—писалось въ инструкціи отъ имени государя—долженъ „немедленно донесть Намъ, а о прочихъ въ бытность Нашу въ Синодѣ или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ“.

[2]) Тамъ же.

Петръ оказался не въ состояніи обезпечить государству существованіе вполнѣ опредѣленныхъ, прочныхъ и устойчивыхъ взаимныхъ отношеній между коллегіями и институтомъ прокуратуры. Однихъ инструкцій и указовъ реформатора, имѣвшихъ въ виду уравновѣсить ихъ взаимныя отношенія, оказалось далеко недостаточно, чтобы сдѣлать невозможнымъ возникновеніе стремленій прокуратуры и коллегіальныхъ учрежденій, не согласныхъ съ видами и намѣреніями законодателя и вызывавшихся, съ одной стороны, желаніями прокуратуры пріобрѣсти болѣе значительное вліяніе на ходъ управленія, а съ другой—и не менѣе сильнымъ желаніемъ самихъ учрежденій уменьшить, ослабить значеніе прокурорскаго надзора въ дѣлѣ управленія. Рѣшить важный жизненный вопросъ — какія отношенія, при такихъ условіяхъ, должны были съ теченіемъ времени дѣйствительно установиться между представителями двухъ различныхъ началъ, соединенныхъ преобразователемъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ,—могла уже только одна исторія.

Отмѣченныя нами общія причины, обусловливавшія собою непрочность и недолговѣчность уравновѣшенныхъ отношеній, какія стремился установить Петръ между членами коллегій и прокуратурой, *имѣли мѣсто въ жизни всѣхъ высшихъ, центральныхъ учрежденій*: Сената, различныхъ коллегій и св. Синода *Но въ св. Синодѣ къ нимъ присоединилась еще одна довольно важная причина*, не оставшаяся безъ значительнаго неблагопріятнаго вліянія на характеръ нормальныхъ отношеній между членами высшаго церковнаго учрежденія и его оберъ-прокурорами. *Мы имѣемъ въ виду особое, спеціальное положеніе синодальнаго оберъ-прокурора, какъ органа правительственнаго надзора за государственными интересами въ сферѣ церковнаго управленія.* Хотя, по идеѣ организатора прокурорскаго института, синодальный оберъ-прокуроръ и долженъ былъ помогать Синоду въ его правительственной дѣятельности, но, какъ „стряпчій о дѣлахъ *государственныхъ*“, онъ обязанъ былъ пользоваться всѣми находив-

шимися въ его распоряженіи средствами, чтобы отстаивать интересы государства въ области тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлъ, которыя верховная власть поручила вѣдѣнію высшаго церковнаго учрежденія. При тѣсной связи церковной жизни съ жизнью общегосударственной, высшій органъ церковнаго управленія завѣдывалъ массою такихъ дѣлъ, гдѣ интересы государства не только косвенно, но даже и прямо, непосредственно и притомъ довольно чувствительнымъ образомъ могли затрогиваться тѣми или другими распоряженіями Синода. Особенно сильно было заинтересовано государство въ управленіи обширными земельными владѣніями и громадными богатствами церкви; правительство всегда стремилось ограничивать права духовенства на безконтрольное пользованіе церковными имуществами и обнаруживало желаніе извлекать изъ нихъ возможно бо́льшую пользу, употребляя получаемыя отъ нихъ матеріальныя средства на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ нуждъ. Между тѣмъ, члены высшаго церковнаго учрежденія, хотя и принуждены были признавать за государствомъ извѣстныя права на пользованіе церковнымъ достояніемъ, но не могли не имѣть собственныхъ взглядовъ на назначеніе церковныхъ имуществъ и не могли не стремиться къ тому, чтобы матеріальныя средства, доставляемыя ими, и тратились прежде всего на удовлетвореніе различныхъ церковныхъ потребностей. Это различіе во взглядахъ и отношеніяхъ членовъ Синода и его оберъ-прокурора къ интересамъ церкви и государства, тѣсно переплетавшимся въ разнообразныхъ дѣлахъ, подлежавшихъ вѣдѣнію св. Синода, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ причинъ мѣшало дружной совмѣстной работѣ представителей двухъ различныхъ началъ, соединенныхъ преобразователемъ въ высшемъ органѣ церковнаго управленія.

И дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ учрежденія института прокуратуры въ св. Синодѣ, довольно рѣзко проявилось существенное различіе въ отноше-

ніяхъ оберъ-прокурора и синодальныхъ членовъ къ наиболѣе интереснымъ для государства экономическимъ дѣламъ, находившимся въ вѣдѣніи высшаго церковнаго учрежденія.

Уже первый синодальный оберъ-прокуроръ, Иванъ Васильевичъ Болтинъ, пользуясь однимъ изъ наиболѣе важныхъ правъ, даваемыхъ инструкціей,—правомъ протеста противъ тѣхъ постановленій Синода, которыя казались ему не вполнѣ согласными съ требованіями закона, въ скоромъ же времени послѣ вступленія въ новую должность, довольно чувствительнымъ образомъ

затронулъ самые жизненные интересы членовъ высшаго церковнаго учрежденія. Еще задолго до учрежденія должности оберъ-прокурора, а именно 29 ноября 1721 года, въ св. Синодѣ состоялось постановленіе по вопросу о выдачѣ его членамъ высочайше опредѣленнаго жалованья. Не смотря на то, что размѣры содержанія синодальныхъ членовъ были опредѣлены именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 18 января 1721 года [1]), въ первое время послѣ открытія Синодъ, какъ видно изъ документовъ его архива [2]), не имѣлъ возможности выдавать постояннаго жалованія своему наличному персоналу. 10 марта 1721 года одинъ изъ синодальныхъ ассессоровъ, іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ, принужденъ былъ обратиться къ Синоду съ просьбою выдать ему что-нибудь на пропитаніе, такъ какъ, по его объясненію, онъ не получилъ никакого вознагражденія за свою службу, и Синодъ могъ дать ему только заимообразно небольшую сумму изъ свободнаго наличнаго капитала. Чрезъ нѣсколько дней и по такой же просьбѣ была выдана денежная ссуда и другому синодальному ассессору, Кондоиди. Тогда уже Синодъ написалъ „вѣдѣніе“ въ правительствующій Сенатъ съ просьбою прислать „окладъ жалованья“ всѣмъ синодальнымъ членамъ и указать спеціальные источники для полученія назначеннаго содержанія. Въ отвѣтъ на посланное вѣдѣніе Сенатъ 22 сентября сообщилъ Синоду, что высочайшимъ указомъ президенту назначено жалованія 3.000 рублей, вице-президентамъ по 2,500 р., совѣтникамъ по 1.000 р. и ассессорамъ по 600 рублей, но съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы изъ опредѣленной суммы жалованія вычиталось столько же, сколько члены Синода получаютъ за свою епархіальную службу, т. е. архіереи отъ епархій и архимандриты отъ монастырей. Но при объявленіи о доходахъ, получаемыхъ синодальными чле-

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,712.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. I, № 151.

нами изъ мѣстъ ихъ епархіальнаго служенія, только одинъ архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій сообщилъ, что онъ имѣетъ годового дохода изъ своего архіерейскаго дома 313 рублей, 20 алтынъ, 5 денегъ [1]), а такъ какъ всѣ синодальные члены въ первое время сильно нуждались въ денежныхъ средствахъ, то Синодъ, основываясь на высочайшемъ указѣ, устанавливавшемъ опредѣленный окладъ вознагражденія за службу въ новомъ церковномъ учрежденіи, и постановилъ 29 ноября 1721 года выдать изъ наличныхъ суммъ полное жалованье за весь 1721-й годъ, „для новозаводства“, какъ мотивировалъ онъ свое опредѣленіе, „и ради нынѣшняго изъ Санктъ-Питербурха въ Москву отъѣзду и будущаго оттолѣ возвращенія“...

Хотя постановленіе Синода о выдачѣ жалованія за 1721 годъ и состоялось еще въ то время, когда не существовало самой должности оберъ-прокурора, Болтинъ, какъ представитель интересовъ государства, нашелъ неудобнымъ оставить безъ всякихъ послѣдствій, казавшійся ему не вполнѣ законнымъ, поступокъ синодальныхъ членовъ и въ іюнѣ 1723 года обратился въ Синодъ съ „предложеніемъ“, въ высшей степени непріятнымъ для его наличнаго состава; признавая днемъ открытія высшаго органа церковнаго управленія 14-е февраля 1721 года, онъ заявилъ свой протестъ противъ давно уже совершившагося факта полученія синодальными членами полнаго жалованья за весь 1721 годъ и потребовалъ отъ нихъ возвращенія излишнихъ суммъ.

Но св. Синодъ, признававшій за своими членами законное, заслуженное право на полученное жалованіе, нашелъ въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ, чтобы вступиться за собственные интересы и не исполнить крайне непріятныхъ требованій Болтина; такимъ средствомъ въ рукахъ высшаго церковнаго учрежденія явилась возможность

---

[1]) Тамъ же, стр. 138.

непосредственнаго обращенія къ самой верховной власти, отъ имени которой оберъ-прокуроръ и заявилъ свое требованіе, такъ сильно затронувшее жизненные интересы членовъ св. Синода. Въ своей „ремонстраціи“, вызванной оберъ-прокурорскимъ протестомъ, Синодъ рѣшительно утверждалъ, что ему ничего не слѣдуетъ возвращать изъ полученнаго жалованья [1]), и стремился самымъ убѣдительнымъ образомъ доказать законность своего постановленія и, слѣдовательно, неправильность, неумѣстность притязаній Болтина. По словамъ синодальнаго заявленія, нѣкоторые изъ членовъ св. Синода еще задолго до 1721 года уже много потрудились на пользу церковнаго вѣдомства, принимая живое и дѣятельное участіе въ составленіи Духовнаго Регламента, окончательно разсмотрѣннаго и даже утвержденнаго государемъ въ 1720 году [2]); другіе же синодальные члены, хотя и не принимали участія въ составленіи Регламента, но за то были призваны къ новой дѣятельности въ томъ же 1720 году и, находясь въ Москвѣ, должны были въ декабрѣ этого года переправляться въ С.-Петербургъ, что, безъ сомнѣнія, потребовало отъ нихъ значительныхъ издержекъ и такихъ трудовъ, „каковы бъ въ синодскомъ сидѣньѣ были“ [3]); самый высочайшій указъ о своемъ назначеніи члены Синода выслушали въ Сенатѣ еще до 14 февраля 1721 года [4]) и уже 9 февраля разсуждали объ одномъ духовномъ дѣлѣ на Александроневскомъ подворьѣ [5]). Доказывая незаконность притязаній оберъ-прокурора на жалованіе, взятое за январь и первую половину февраля 1721 года, св. Синодъ въ то же время не оставилъ безъ объясненій и того довольно важнаго обстоятельства, что, при своемъ постановленіи о выдачѣ вознагражъ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 136.
[2]) Тамъ же, п.п. 1 и 2.
[3]) Тамъ же, п. 3.
[4]) Тамъ же, п. 4.
[5]) Тамъ же, п. 5.

денія за 1721 годъ, онъ не принялъ во вниманіе доходовъ, получаемыхъ его членами отъ епархій и монастырей; по словамъ „ремонстраціи", доходы отъ епархій и монастырей не были включены въ размѣры высочайше опредѣленнаго жалованія на томъ основаніи, что они являлись вполнѣ законнымъ вознагражденіемъ за особые труды по управленію епархіями и монастырями, такъ какъ члены Синода не освобождены отъ возложенныхъ на нихъ епархіальныхъ обязанностей и должны нести двойной трудъ, участвуя въ засѣданіяхъ высшаго церковнаго учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляя своихъ прежнихъ заботъ о ввѣренныхъ ихъ попеченію епархіяхъ и монастыряхъ, почему Синодъ и признаетъ справедливымъ и безусловно необходимыхъ не включать епархіальныхъ доходовъ въ счетъ правительственнаго жалованія [1]).

Цитируемый документъ не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшихъ указаній на то, какъ отнеслась верховная власть къ конфликту, происшедшему между св. Синодомъ и представителемъ государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи [2]), но, на основаніи знакомства съ многочисленными аналогичными дѣлами синодальнаго архива, можно съ увѣренностью предполагать, что протестъ оберъ-прокурора остался безъ должныхъ практическихъ послѣдствій и вызвалъ со стороны Синода только одно письменное объясненіе тѣхъ моти-

---

[1]) Тамъ же, стр. 137.

[2]) Считаемъ необходимымъ оговориться, что, употребляя въ различныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія разнообразныя выраженія, которыя, повидимому, то очень съуживаютъ понятіе объ оберъ-прокурорской власти, то возвышаютъ ея значеніе, мы лишь отмѣняемъ ту или другую сторону въ положеніи и дѣятельности прокуратуры (смотря по ходу рѣчи), а не допускаемъ какія либо противорѣчія и разногласія въ ея опредѣленіи.

вовъ, которые побудили его сдѣлать постановленіе, опротестованное прокурорскимъ надзоромъ. Такое предположеніе непосредственно вызывается самымъ фактомъ молчанія разсматриваемаго документа о судьбѣ оберъ-прокурорскаго требованія послѣ „ремонстраціи“ св. Синода, такъ какъ въ томъ случаѣ, если бы протестъ Болтина встрѣтилъ открытое сочувствіе и поддержку со стороны государя, синодальное дѣло „о выдачѣ членамъ и прочимъ чинамъ Синода жалованья на 1721 и слѣдующіе годы“ не могло бы не упомянуть о результатахъ оберъ-прокурорскаго протеста.

Разсмотрѣнное дѣло синодальнаго архива является довольно типичнымъ для опредѣленія характера отношеній прокуратуры и синодальныхъ членовъ къ наиболѣе интереснымъ для государства экономическимъ дѣламъ, находившимся въ вѣдѣніи высшаго органа церковнаго управленія. Не менѣе типичнымъ должно быть признано данное дѣло и для характеристики бытовыхъ отношеній первыхъ представителей прокуратуры къ высшему церковному учрежденію. Юридически надѣленные довольно значительными правами и полномочіями, первые оберъ-прокуроры, какъ видно, фактически не всегда имѣли возможность эксплоатировать ихъ по своему желанію, такъ какъ иногда разнообразные предложенія и протесты прокуратуры, затрогивавшіе существенные интересы Синода или даже отдѣльныхъ его членовъ, вызывали энергичное противодѣйствіе св. Синода и оставались безъ всякихъ практическихъ результатовъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своего неудачнаго и безуспѣшнаго протеста противъ синодальнаго опредѣленія о полученіи полнаго жалованья за 1721 годъ [1]) оберъ-прокуроръ обратилъ вниманіе св. Синода на состоявшееся постановленіе [2])

---

[1]) 1 февраля 1723 года.

[2]) 10 октября 1722 года.

о занмообразной выдачѣ денегъ одному изъ его членовъ, архіепископу псковскому Ѳеофану. Основываясь на высочайшемъ указѣ, запрещавшемъ давать взаймы казенныя деньги, и указывая на продолжительный срокъ уплаты долга и возможность неожиданной смерти должника, Болтинъ предложилъ Синоду немедленно же возвратить въ казну всѣ деньги, выданныя его преосвященству [1]).

Въ первое время, подъ вліяніемъ обоснованія оберъ-прокурорскаго протеста на высочайшемъ запрещеніи давать взаймы казенныя деньги, Синодъ постановилъ [2]) немедленно взыскать долгъ съ своего члена, не дожидаясь наступленія прежде опредѣленнаго срока, но когда архіепископъ Ѳеофанъ рѣшительно заявилъ, что не только не имѣетъ никакой возможности такъ скоро выплатить занятой имъ крупной денежной суммы, но и поставленъ въ печальную необходимость дѣлать новые долги, о чемъ уже онъ и довелъ до свѣдѣнія государя, то Синодъ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ требованію Болтина и поставилъ дѣло такимъ образомъ, что его протестъ остался безъ послѣдствій. Представивъ [3]) въ Императорскій Кабинетъ, бывшій при Петрѣ личной канцеляріей самого государя, особый докладъ о предложеніи оберъ-прокурора и несостоятельности должника, св. Синодъ, къ тому времени уже успѣвшій испытать на себѣ непріятныя послѣдствія прокурорскаго надзора и вставшій въ оппозиціонныя отношенія къ Болтину изъ-за извѣстнаго вопроса о возвращеніи излишняго жалованія за 1721 годъ, отмѣнилъ свое прежнее постановленіе и опредѣлилъ пріостановить взысканіе денегъ до полученія высочайшей резолюціи. Но такъ какъ такой резолюціи не послѣдовало за все время

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. II, ч. II, № 1,048.

[2]) 11 марта 1723 года.

[3]) 26 октября 1723 года.

пребыванія въ должности перваго представителя прокуратуры въ церковномъ управленіи [1]), то св. Синодъ и не считалъ себя обязаннымъ исполнить требованіе оберъ-прокурора, хотя Болтинъ нѣсколько разъ возобновлялъ его.

Оказываясь фактически безсильнымъ настаивать на исполненіи своихъ предложеній, формально основанныхъ на требованіи дѣйствовавшихъ законовъ, но не совпадавшихъ со взглядами и интересами синодальныхъ членовъ, оберъ-прокуроръ не всегда даже, въ такихъ случаяхъ, долженъ былъ считаться съ правомъ Синода обращаться за разрѣшеніемъ недоразумѣній непосредственно къ самой верховной власти. Иногда предложенія Болтина оставлялись безъ исполненія просто потому, что не разсматривались св. Синодомъ и не вызывали съ его стороны никакого опредѣленія.

Однимъ изъ своихъ постановленій, опубликованныхъ по духовному вѣдомству, Синодъ опредѣлилъ, чтобы всѣ подчиненныя ему учрежденія въ своихъ доношеніяхъ высшему органу церковнаго управленія не ограничивались только простымъ изложеніемъ извѣстнаго дѣла, а обязательно бы выписывали „приличные указы“ и высказывали свое собственное, въ достаточной степени мотивированное, мнѣніе по возбужденному вопросу. Между тѣмъ, 12 ноября 1724 года московская духовная дикастерія прислала въ Синодъ доношеніе по дѣлу, возбужденному стряпчимъ Саввою Волчковымъ, и приложила къ нему только одну простую копію съ челобитной Волчкова и съ допроса бѣглаго ученика математической школы Паисія, не сдѣлавъ никакихъ выписокъ изъ

---

[1]) Резолюція: „вышеупомянутыхъ денегъ на Θеофанѣ архіепископѣ новгородскомъ взыскивать не велите“ была получена Синодомъ 3 ноября 1725 года, т. е. въ такое время, когда уже Болтинъ былъ замѣненъ новымъ оберъ-прокуроромъ, Баскаковымъ. (Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. II, ч. II, № 1,048, стр. 334).

дѣйствующихъ законовъ и не высказавъ своего мнѣнія по данному вопросу. Синодъ, постановившій не только не подавать подобныхъ допошеній, но и не принимать ихъ, какъ видно, уже не относился съ особенной строгостью къ нарушавшимъ его опредѣленіе и, оставивъ безъ должныхъ послѣдствій неправильный поступокъ московской консисторіи, принялъ ея доиссеніе, чѣмъ, конечно, нарушилъ свой собственный указъ Оберъ-прокуроръ, обративъ вниманіе Синода на явное нарушеніе его собственнаго постановленія, предложилъ оштрафовать московскую дикастерію и послать особое лицо для взысканія наложеннаго штрафа, чтобы и другія церковныя учрежденія опасались поступать своевольно и не исполнять синодальныхъ опредѣленій. Но предложеніе Болтина, косвеннымъ образомъ обвинявшаго въ незаконномъ поступкѣ и самый высшій органъ церковнаго управленія, должно было испытать очень печальную судьбу; оно не повело за собой никакихъ непріятныхъ послѣдствій для провинившейся дикастеріи по той чрезвычайно простой причинѣ, что совсѣмъ и не разсматривалось св. Синодомъ [1]).

Встрѣчая открытое или пассивное противодѣйствіе своимъ предложеніямъ со стороны членовъ св. Синода, Болтинъ не пользовался должнымъ авторитетомъ даже и среди простыхъ синодальныхъ чиновниковъ, поставленныхъ инструкціей подъ дирекцію оберъ-прокурора [2]). Можно думать, что, при существовавшихъ въ то время отношеніяхъ прокуратуры къ членамъ высшаго церковнаго учрежденія, нѣкоторые чиновники синодальняго вѣдомства имѣли достаточныя основанія разсчитывать, въ извѣстныхъ случаяхъ, на заступничество Синода, почему иногда и держали себя довольно независимо по отношенію къ своему оберъ-прокурору.

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. IV, № 501.

[2]) П. С. З. т. VI, № 4,036, п. 5.

31 января 1724 года Болтинъ приказалъ секретарю синодальной канцеляріи Тишину лично сообщить каждому члену св. Синода о настоятельной необходимости прислать прокуратурѣ точныя свѣдѣнія о своихъ доходахъ, получаемыхъ изъ епархій и монастырей, чтобы, согласно съ высочайшимъ указомъ, зачислять ихъ въ опредѣленный окладъ правительственнаго жалованія, назначеннаго синодальнымъ членамъ; распорядившись отобрать нужныя свѣдѣнія у засѣдавшихъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи архіереевъ и архимандритовъ, оберъ-прокуроръ приказалъ Тишину въ тотъ же день явиться къ нему на квартиру съ письменнымъ докладомъ по данному дѣлу. Но секретарь позволилъ себѣ критически отнестись къ распоряженію Болтина и, побывавъ только у нѣкоторыхъ членовъ Синода, разсудилъ, что ему нѣтъ никакой необходимости являться съ докладомъ въ оберъ прокурорскій домъ, такъ какъ данное ему порученіе, безъ сомнѣнія, дѣло канцелярское, а не домашнее. Оскорбленный оберъ-прокуроръ хотѣлъ было должнымъ образомъ наказать строптиваго, непочтительнаго чиновника, поручивъ оберъ-секретарю арестовать Тишина и отослать его въ синодальную канцелярію подъ караулъ. Хотя оберъ-секретарь и исполнилъ порученіе своего начальника, но отослалъ виновнаго въ Синодъ при шпагѣ, и здѣсь арестованный, не смотря на всѣ требованія дежурнаго капрала, обнаружилъ рѣшительное нежеланіе разстаться съ своимъ оружіемъ, заявивъ, что простой капралъ не имѣетъ права снимать съ него шпаги.

Увидя свое безсиліе собственною властью расправиться съ непослушнымъ секретаремъ и поставить его въ должныя отношенія къ себѣ, оберъ-прокуроръ предложилъ Синоду обсудить поступки Тишина и, заявивъ, что, при существованіи такихъ чиновниковъ, онъ не имѣетъ никакой возможности успѣшно выполнять высочайше порученное ему дѣло, потре-

бовалъ у Синода „сатисфакціи о непослушаніи и противности“ канцелярскаго чиновника [1]).

Для насъ представляютъ значительный интересъ самыя объясненія, данныя Тишинымъ по поводу происшедшаго инцидента; они могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ тѣмъ фактическимъ отношеніямъ, какія существовали въ первое время между оберъ-прокуроромъ и синодальными служащими, подчиненными, по смыслу инструкціи, оберъ-прокурорской власти. Призванный къ допросу, провинившійся секретарь объяснилъ св. Синоду, что приказаніе оберъ-прокурора отобрать свѣдѣнія у синодальныхъ членовъ о получаемыхъ ими доходахъ было исполнено, не смотря на то, что выполненіе подобныхъ порученій не входитъ въ кругъ секретарскихъ обязанностей; правда, онъ доложилъ Болтину о полученныхъ свѣдѣніяхъ уже на другой день и притомъ въ помѣщеніи канцеляріи, но являться съ своимъ докладомъ въ оберъ-прокурорскій домъ онъ и не считалъ себя обязаннымъ, такъ какъ „то дѣло канцелярское, а не домовное, и никакого въ томъ предъ оберъ-прокуроромъ непослушанія не было“. Самый арестъ былъ произведенъ оберъ-секретаремъ незаконно, по простому письму оберъ-прокурора, безъ доклада св. Синоду; своей шпаги арестованный секретарь не отдалъ дежурному капралу на томъ основаніи, что если бы даже онъ и дѣйствительно совершилъ какое-нибудь преступленіе, то его шпагу слѣдовало бы снять по синодальному опредѣленію, или хотя бы и по оберъ-прокурорскому приказу, но во всякомъ случаѣ не простому солдату, а офицеру, такъ какъ онъ, Тишинъ, подобно сенатскимъ секретарямъ, имѣетъ майорскій рангъ и не можетъ отдать своей шпаги простому капралу безъ всякаго указа и „безъ высшихъ командировъ“. Никакого непослушанія и никакихъ дерзостей предъ оберъ-

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Син. т. IV, № 50, стр. 55.

прокуроромъ онъ никогда не позволялъ себѣ и не намѣренъ позволять, если же Болтинъ требуетъ сатисфакціи, то и обвиняемый, съ своей стороны, проситъ у Синода безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла, потому что самое порученіе незаконно было возложено на него оберъ-прокуроромъ. Въ доказательство своихъ правъ не исполнять нѣкоторыхъ распоряженій оберъ-прокурора, Тишинъ ссылался на Адмиралтейскій Регламентъ, утверждая, что, по данному регламенту, оберъ-секретарь и секретари должны быть послушны прокурору только въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній приказываетъ имъ или произвести извѣстныя выписки, или показать какія-либо дѣла; для всевозможныхъ же сообщеній членамъ Синода или различнымъ присутственнымъ мѣстамъ, по мнѣнію Тишина, обоснованному на 46 главѣ Генеральнаго Регламента, существуютъ низшіе служители. Оправдывая свой поступокъ и обвиняя въ превышеніи власти самого оберъ-прокурора, Тишинъ стремился въ своемъ объясненіи затронуть и интересы св. Синода, представляя свой арестъ, произведенный безъ синодальнаго опредѣленія, по одному оберъ-прокурорскому приказу, какъ несомнѣнное проявленіе пренебреженія Болтина къ законнымъ правамъ высшаго церковнаго учрежденія [1]).

Къ сожалѣнію, архивный документъ не заключаетъ въ себѣ прямыхъ и положительныхъ указаній на то, чѣмъ кончилось интересное дѣло, вызванное своевольнымъ поступкомъ синодальнаго секретаря, и какъ отнесся Синодъ къ требованію своего оберъ-прокурора и объясненію Тишина; онъ только оставляетъ мѣсто весьма вѣроятному предположенію, что отсутствіе рѣшенія въ разсмотрѣнномъ „дѣлѣ“ обусловливалось тѣмъ, что его совсѣмъ не существовало и въ дѣйствительности. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что высшее церковное учрежденіе, находившееся уже въ довольно обостренныхъ отношеніяхъ съ представителемъ прокуратуры,

[1]) Тамъ же, стр. 56—57.

не чувствовало особеннаго желанія удовлетворять требованіе оберъ-прокурора, но такъ какъ сдѣлать это открыто, въ формѣ опредѣленнаго постановленія, оправдывавшаго дѣйствія синодальнаго секретаря, было во многихъ отношеніяхъ неудобно, то оно и оставило безъ всякаго рѣшенія начавшееся дѣло. Такія явленія нерѣдко имѣли мѣсто въ практикѣ синодальнаго дѣлопроизводства, и въ архивѣ св. Синода находится не мало документовъ, гдѣ можно видѣть, какъ иногда какой-либо оберъ-прокуроръ вносилъ свое предложеніе на обсужденіе Синода, настойчиво возобновлялъ его въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и, не смотря на всѣ свои усилія, достигалъ только того, что рѣшеніе возбужденнаго имъ вопроса, подъ различными предлогами, откладывалось до будущаго собранія, и такимъ образомъ, оберъ-прокурорское предложеніе оставлялось безъ соотвѣтствующаго синодальнаго постановленія. По крайней мѣрѣ, Тишинъ, оказавшій неповиновеніе оберъ-прокурору, и послѣ своего рѣзкаго объясненія, которое, конечно, должно было еще сильнѣе оскорбить Болтина, по-прежнему продолжалъ исполнять должность синодальнаго секретаря, и чрезъ нѣсколько времени мы видимъ, что оберъ-прокуроръ уже по другому дѣлу предлагалъ Синоду оштрафовать секретаря Тишина и взыскать съ него пошлины за то, что онъ незаконно принялъ на разсмотрѣніе искъ крестьянина Бочагова [1]).

Но не будемъ злоупотреблять предположеніями, хотя бы они и представлялись очень вѣроятными; разсмотрѣнный документъ заключаетъ въ себѣ достаточное количество и положительныхъ, фактическихъ данныхъ, имѣющихъ важное значеніе для уясненія и правильнаго пониманія того положенія, какое первоначально занималъ въ св. Синодѣ представитель оберъ-прокурорской власти, бывшій „окомъ“ государя и „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“ въ сферѣ церков-

[1]) Тамъ же, № 94.

наго управленія. Уже одинъ характеръ отношеній второстепеннаго синодальнаго чиновника къ приказаніямъ Болтина и все объясненіе, данное Тишинымъ св. Синоду, достаточно ясно иллюстрируютъ фактическое положеніе оберъ-прокурора въ высшемъ церковномъ учрежденіи. Какъ видно, оберъ-прокуроръ не имѣлъ даже возможности собственными средствами наказать провинившагося секретаря, хотя послѣдній, въ силу инструкціи, и былъ подчиненъ его власти; такое явленіе, безъ сомнѣнія, обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что виновный чиновникъ состоялъ въ то же время въ непосредственномъ вѣдѣніи самого св. Синода, почему Болтинъ и былъ поставленъ въ непріятную необходимость обратиться къ нему съ извѣстнымъ требованіемъ „сатисфакціи“. Не менѣе характерно и отношеніе Синода къ „требованію“ оберъ-прокурора; Синодъ, видимо, не придавалъ должнаго значенія показаніямъ Болтина о непослушаніи и „противности“ подчиненнаго ему секретаря и не спѣшилъ удовлетворить оскорбленное самолюбіе оберъ-прокурора; напротивъ, онъ началъ формальное судебное слѣдствіе съ неизбѣжнымъ допросомъ и объясненіями обвиняемаго и тѣмъ самымъ какъ бы поставилъ въ положеніе подсудимаго и самого обвинителя—оберъ-прокурора Болтина.

Незначительность и слабость фактическаго вліянія оберъ-прокурора на высшее церковное учрежденіе, обусловливавшія собою возможность такихъ явленій, какъ открытое неповиновеніе синодальныхъ чиновниковъ своему законному начальнику, не могли не отразиться и на положеніи, непосредственно подчиненныхъ Болтину, низшихъ органовъ прокуратуры, поставленныхъ верховною властью въ такія же отношенія къ второстепеннымъ синодальнымъ учрежденіямъ, какія были установлены инструкціей между самимъ оберъ-прокуроромъ и св. Синодомъ. Въ 1723 году синодальный оберъ-прокуроръ получилъ доношеніе отъ Раевскаго, исполнявшаго обязанности прокурора въ монастырскомъ приказѣ;

въ своемъ доношеніи Раевскій сообщалъ Болтину, что въ октябрѣ 1723 года онъ принужденъ былъ сдѣлать московской духовной дикастеріи предложеніе о пересмотрѣ двухъ неправильно рѣшенныхъ дѣлъ, но члены московскаго синодальнаго учрежденія не признали за нимъ права обращаться къ дикастеріи съ подобными предложеніями и рѣшительно отказались отъ исполненія требованій прокурорской власти. Прокуроръ продолжалъ энергично настаивать на своемъ требованіи, но когда, послѣ двухъ безрезультатныхъ письменныхъ предложеній, онъ лично явился въ дикастерію, то предсѣдательствовавшій въ ней синодальный совѣтникъ, архіепископъ Леонидъ, выслушавъ его желаніе, открыто заявилъ предъ всѣмъ собраніемъ членовъ, „чтобы впредь онъ, Раевскій прокуроръ, и въ дикастерію не приходилъ“ [1])...

Получивъ донесеніе Раевскаго и лично убѣдившись, на основаніи представленныхъ имъ экстрактовъ изъ дѣлъ, рѣшенныхъ дикастеріей, въ дѣйствительномъ нарушеніи требованій закона московскимъ синодальнымъ органомъ, Болтинъ сдѣлалъ вполнѣ правильное, логичное заключеніе, что въ столкновеніи Раевскаго съ преосвященнымъ Леонидомъ нарушены права и затронута честь его, оберъ-прокурора, и предложилъ св. Синоду произвести разслѣдованіе даннаго дѣла, чтобы „прокурорскому чину напраснаго уничиженія не было“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Болтинъ обратилъ вниманіе Синода на то, что и другое учрежденіе—московская синодальная канцелярія нарушаетъ его оберъ-прокурорскія права, такъ какъ самостоятельно награждаетъ чинами своихъ служащихъ и назначаетъ новыхъ чиновниковъ.

Хотя Синодъ и исполнилъ предложеніе оберъ-прокурора, опредѣливъ произвести тщательное и справедливое разслѣдо-

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Син. т. III, № 536, стр. 561—562.

ваніе дѣла, но члены московской духовной дикастеріи. позволившіе себѣ, въ довольно рѣзкой формѣ, нарушить права и полномочія оберъ-прокурорской власти, не были признаны виновными, такъ какъ слѣдствіе установило, что во время столкновенія съ Раевскимъ они не имѣли отъ Синода никакого указа, который бы обязывалъ ихъ принимать прокурорскія предложенія о перерѣшеніи дѣлъ, уже разсмотрѣнныхъ дикастеріей [1]). Изъ цитируемаго документа не видно, какъ отнесся св. Синодъ къ нарушенію оберъ-прокурорскихъ правъ со стороны московской синодальной канцеляріи; можно только догадываться, что онъ нашелъ возможнымъ ограничиться однимъ запросомъ, сдѣланнымъ канцеляріи, и разсмотрѣніемъ полученныхъ отъ нея оправдательныхъ объясненій, такъ какъ, по словамъ обвинявшагося учрежденія, самовольное распоряженіе служащими, вызываясь крайнею и безотлагательною необходимостью въ увеличеніи чиновничьяго персонала, въ то же время нисколько не противорѣчило и той инструкціи, какая была дана ему самимъ же св. Синодомъ [2]).

Не смотря на то, что Болтинъ, въ доказательство неправильности самостоятельныхъ распоряженій канцеляріи, игнорировавшей оберъ-прокурорскія права, ссылался на 4-й пунктъ [3])

---

[1]) Тамъ же, стр. 566.

[2]) Тамъ же.

[3]) Необходимо замѣтить, что Болтинъ, ссылаясь на 4-й пунктъ данной ему инструкціи, въ дѣйствительности цитируетъ 5-й пунктъ извѣстнаго намъ оберъ-прокурорскаго наказа. Чѣмъ объясняется такое различіе—рѣшить съ положительною достовѣрностью невозможно, такъ какъ подлинная инструкція, данная первому оберъ-прокурору, не сохранилась. Трудно допустить, чтобы въ подлинномъ наказѣ, выданномъ Болтину изъ пр. Сената, оказался опущеннымъ какой-либо пунктъ извѣстной намъ печатной оберъ-прокурорской инструкціи, вслѣдствіе чего 5-й § могъ бы занять въ подлинникѣ мѣсто 4-го пункта. Скорѣе возможно предположить здѣсь случайную описку или же, всего

данной ему инструкціи, гдѣ оберъ-прокурору повелѣвалось держать въ своей дирекціи синодальную канцелярію и ея служителей и выводилъ изъ него заключеніе, что и находящіяся въ вѣдѣніи св. Синода канцеляріи и конторы должны быть „послушны“ ему, оберъ-прокурору [1]), Синодъ далеко не охотно предоставлялъ оберъ-прокурору фактическую возможность распоряжаться по собственному усмотрѣнію канцелярскими чиновниками. Мы уже видѣли, какъ онъ отнесся къ требованію оберъ-прокурора наказать синодальнаго секретаря, не признававшаго авторитета за прокурорской властью и не считавшаго себя обязаннымъ въ точности исполнять всѣ приказанія Болтина; знаемъ также, что практиковавшійся въ московской духовной канцеляріи порядокъ назначенія и награжденія служащихъ, нарушавшій, по мнѣнію Болтина, права и полномочія оберъ-прокурора, нисколько не противорѣчилъ инструкціи, данной канцеляріи св. Синодомъ. Но высшій органъ церковнаго управленія не ограничивался только одними косвенными мѣрами, препятствовавшими развитію оберъ-прокурорскаго вліянія на синодальныхъ чиновниковъ; онъ обнаруживалъ явныя стремленія поставить въ непосредственную, ближайшую фактическую зависимость отъ себя всѣхъ служащихъ по духовному вѣдомству, не исключая и лицъ, находившихся на службѣ у самого оберъ-прокурора, такъ что Болтинъ принужденъ былъ доказывать предъ Синодомъ даже законность своего права представлять къ наградамъ тѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ, которые состояли въ его собственной конторѣ.

Предлагая высшему органу церковнаго управленія наградить или повысить чиномъ копіиста Матвѣева, оберъ-прокуроръ доказывалъ законность подобнаго предложенія ссылками

вѣроятнѣе, не совсѣмъ одинаковое размѣщеніе пунктовъ въ подлинной и печатной инструкціи.

[1]) Тамъ же, стр. 564.

на 50-ю главу Генеральнаго Регламента и 110-ю главу Регламента адмиралтейской коллегіи; въ первой изъ нихъ въ общихъ выраженіяхъ говорилось о необходимости поощрять наградами лучшихъ служителей, а во второй — вмѣнялось „командирамъ“ въ непремѣнную обязанность представлять къ наградамъ наиболѣе достойныхъ подчиненныхъ. Правда, св. Синодъ исполнилъ предложеніе Болтина и повысилъ въ чинѣ копіиста Матвѣева, постановивъ опредѣлить его подканцеляристомъ въ ту же контору оберъ-прокурорскихъ дѣлъ, но, въ данномъ случаѣ, для насъ имѣетъ очень важное значеніе не самый фактъ исполненія оберъ-прокурорскаго предложенія, а тотъ путь, какимъ Синодъ нашелъ нужнымъ придти къ своему рѣшенію, удовлетворившему желаніе Болтина. Члены св. Синода не ограничились одною оберъ-прокурорской рекомендаціей представленнаго къ наградѣ копіиста, но признали необходимымъ отобрать еще свѣдѣнія объ его достоинствахъ отъ своихъ синодальныхъ чиновниковъ: протоколиста, актуаріуса, регистратора и канцеляристовъ. И только уже послѣ того, какъ всѣ синодальные служащіе на предложенный имъ вопросъ: достоинъ ли копіистъ Матвѣевъ производства въ подканцеляристы—дали свой благопріятный отвѣтъ: „достоинъ, если св. Синодъ соизволитъ“, предложеніе оберъ-прокурора было исполнено [1]).

Такая постановка дѣла награжденія канцелярскихъ чиновниковъ, состоявшихъ подъ дирекціей оберъ-прокурора, находилась въ прямой зависимости отъ основного взгляда св. Синода на служебное положеніе всего чиновничьяго персонала, несшаго канцелярскія обязанности въ различныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства. Хотя инструкція и поручила оберъ-прокурору „имѣть въ своей дирекціи канцелярію синодскую и служителей оной“, что позволяло Бол-

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. III, № 585.

тину дѣлать заключеніе, что и всѣ другія канцеляріи и конторы духовнаго вѣдомства должны быть „послушны“ ему, но директорство оберъ-прокурора не замѣняло собою и не уничтожало власти самого св. Синода надъ своей собственной канцеляріей и ея служебнымъ персоналомъ. И съ учрежденіемъ института прокуратуры всѣ чиновники, служившіе въ духовномъ вѣдомствѣ, по-прежнему находились въ вѣдѣніи и распоряженіи св. Синода, какъ высшаго органа церковнаго управленія. И теперь назначеніе чиновниковъ [1]), ихъ повышенія по службѣ, опредѣленіе наградъ и наказаній и увольненія отъ службы зависѣли отъ Синода, а не отъ оберъ-прокурорской власти, „директорство“ же оберъ-прокурора состояло только въ томъ, что онъ обязанъ былъ руководить служебною дѣятельностью подчиненныхъ ему чиновниковъ и могъ предлагать св. Синоду сдѣлать о нихъ то или другое распоряженіе, причемъ, однако, исполненіе оберъ-прокурорскихъ предложеній зависѣло уже отъ усмотрѣнія самого св. Синода.

Только въ тѣхъ случаяхъ, когда канцелярскіе чиновники позволяли себѣ явное нарушеніе требованій закона и неаккуратнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей сильно тормозили успѣшный ходъ синодальнаго дѣлопроизводства, Болтинъ получалъ возможность фактически пользоваться оберъ-прокурорскими правами, но и то не путемъ непосредственнаго воздѣйствія на состоявшихъ „въ его дирекціи синодскихъ служителей“, а чрезъ посредство того же высшаго

---

[1]) Даже назначеніе въ московскую синодальную канцелярію ближайшаго подчиненнаго оберъ-прокурора, прокурора монастырскаго приказа, Раевскаго, котораго Болтинъ называлъ своимъ „окомъ“, находившимся подъ его командой (Опис. док. и дѣлъ арх. св. Син. т. III, № 536, стр. 563—564), состоялось по опредѣленію св. Синода, хотя и было вызвано предложеніемъ самого оберъ-прокурора. (П. С. П. и Р. т. III № 1128).

органа церковнаго управленія. Изъ предложенія, даннаго Болтинымъ св. Синоду 2 декабря 1724 года [1]), видно, что чиновники синодальной канцеляріи позволяли себѣ довольно открыто манкировать своими служебными обязанностями и обнаруживали значительную неисправность и крайнюю медленность въ веденіи порученныхъ имъ дѣлъ: оберъ-прокуроръ давалъ имъ соотвѣтствующія указанія, но его собственныя мѣры, какъ нужно думать на основаніи разсматриваемаго документа, оказывались безсильными установить въ канцеляріи правильное отправленіе дѣлопроизводства, такъ какъ синодальные служащіе отговаривались „многодѣліемъ“ и, повидимому, не придавали должнаго значенія оберъ-прокурорскимъ замѣчаніямъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Болтина, дѣйствительныя причины неисправности синодальной канцеляріи заключались не въ многочисленности и разнообразіи поручаемыхъ ей дѣлъ, а въ непозволительной неаккуратности самихъ канцелярскихъ чиновниковъ; послѣдніе, по его словамъ, являлись въ присутственное мѣсто не въ часы, опредѣленные Регламентомъ, а чрезвычайно поздно, ихъ же ближайшіе начальники: секретари и оберъ-секретарь и сами не отличались особеннымъ рвеніемъ къ службѣ, да мало наблюдали и за своими подчиненными. Неудивительно, что, при существованіи подобныхъ порядковъ или, вѣрнѣе, безпорядковъ, дѣла въ синодальной канцеляріи оказались чрезвычайно запущенными; многія предложенія самого оберъ-прокурора, а также вѣдѣнія, сообщенныя изъ Сената, остались не представленными на разсмотрѣніе Синода, не было произведено обязательной записи различныхъ указовъ, по чему-либо не исполненныхъ подчиненными лицами и присутственными мѣстами, оказался не отосланнымъ требуемый Сенатомъ реестръ сообщенныхъ ему вѣдѣній. Въ виду такого нежелательнаго отно-

---

[1]) Полное Собраніе Пост. и Расп. по вѣд. пр. исп. Т. IV, № 1,428.

шенія канцелярскихъ чиновниковъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, оберъ-прокуроръ и принужденъ былъ обратиться за содѣйствіемъ къ св. Синоду и предложилъ ему приказать оберъ-секретарю и секретарямъ, чтобы они внимательнѣе наблюдали за своими подчиненными и, ежедневно пріѣзжая въ канцелярію въ узаконенные часы, сами бы во всемъ поступали сообразно съ требованіями Регламента.

Хотя предложеніе Болтина было въ точности исполнено правительствующимъ Синодомъ, постановившимъ даже ввести на будущее время правильныя записи секретарскихъ пріѣздовъ и отъѣздовъ, но, безъ сомнѣнія, подобный фактъ ничего не говоритъ о вліяніи оберъ-прокурорской власти на высшій органъ церковнаго управленія, такъ какъ самое предложеніе Болтина, вызываясь явнымъ неисполненіемъ требованій закона со стороны синодальныхъ чиновниковъ, въ то же время нисколько не нарушало интересовъ св. Синода. Напротивъ, безпорядочное веденіе канцелярскаго дѣлопроизводства не могло не отражаться неблагопріятнымъ образомъ и на интересахъ высшаго церковнаго учрежденія, почему оно такъ охотно и исполнило предложеніе своего оберъ-прокурора. Замѣчательно, что, когда Болтинъ, въ видахъ скорѣйшаго окончанія накопившихся дѣлъ, предложилъ самому Синоду имѣть ежедневныя засѣданія до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшена вся масса залежавшихся прошеній и доношеній, давно уже ожидавшихъ синодской резолюціи, высшій органъ церковнаго управленія нашелъ невозможнымъ осуществить мысль оберъ-прокурора и отклонилъ его предложеніе, ссылаясь на различныя обстоятельства, упущенныя изъ вниманія Болтинымъ [1]).

Въ ряду разнообразныхъ причинъ, обусловливавшихъ собою незначительность оберъ-прокурорскаго вліянія на высшее церковное учрежденіе, самое важное и видное мѣсто принадлежало, существовавшему въ первое время, крайне не-

---

[1]) Тамъ же, т. V, № 1,518.

опредѣленному характеру отношеній къ верховной власти назначеннаго въ св. Синодъ спеціальнаго органа правительственнаго надзора за интересами государства въ сферѣ церковнаго управленія. По идеѣ преобразователя, положенной въ основу организаціи института прокуратуры, въ лицѣ синодальнаго оберъ-прокурора должна была устанавливаться новая и болѣе желательная для государства связь между самодержавною властью и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ; подобная же связь, по мысли инструкціи, должна была поддерживаться постоянными наблюденіями за дѣятельностью Синода со стороны представителя государственныхъ интересовъ и его непосредственными сообщеніями верховной власти о всѣхъ случаяхъ неправильнаго, незаконнаго отношенія синодальныхъ членовъ къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Повидимому, можно было бы ожидать, что реформаторъ, называвшій оберъ-прокурора „государевымъ окомъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“ и видѣвшій въ немъ живой и личный органъ, устанавливавшій желательную для государства [1]) связь между монархомъ и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, сдѣлаетъ изъ него главнаго посредника въ своихъ сношеніяхъ съ св. Синодомъ.

Въ дѣйствительности, однако же, ничего подобнаго не случилось, такъ какъ инструкція, данная оберъ-прокурору, только въ зародышѣ заключала въ себѣ мысль о представителѣ государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, какъ о посредникѣ въ сношеніяхъ верховной власти съ св. Синодомъ, но совершенно не развивала, не регламентировала ее. Характеристическая черта Петровской эпохи, не обнаруживавшей особенной склонности

---

[1]) Конечно, въ данномъ случаѣ, связь св. Синода съ верховною властью чрезъ посредство синодальнаго оберъ-прокурора называется нами желательной для государства исключительно только съ точки зрѣнія Петра.

къ точной регламентаціи, а, по большей части, высказывавшей лишь главную, существенную мысль, намѣчавшей самыя основанія для извѣстнаго правительственнаго мѣропріятія и затѣмъ спокойно предоставлявшей времени выяснять все неопредѣленное, довольно замѣтно отразилась и въ оберъ-прокурорской инструкціи, особенно въ тѣхъ ея пунктахъ, гдѣ она затрогивала очень важный вопросъ объ отношеніяхъ къ верховной власти представителей двухъ различныхъ началъ въ церковномъ управленіи. Предоставляя оберъ-прокурору право дѣлать непосредственно самому государю ежемѣсячныя или еженедѣльныя доношенія о нѣкоторыхъ дѣлахъ, разсматривавшихся и рѣшавшихся въ св. Синодѣ [1]), инструкція имѣла въ виду только одни исключительные случаи, а не нормальную дѣятельность церковнаго учрежденія. Она предусматривала возможность нарушенія синодальными членами дѣйствительныхъ требованій закона и вѣроятные факты неподчиненія указаніямъ прокурорскаго надзора [2]), допускала также необходимость внесенія различныхъ дополненій и поправокъ въ дѣйствующее законодательство по предложеніямъ оберъ-прокурора [3]); въ такихъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ верховная власть дозволяла обращаться къ ней за помощью и содѣйствіемъ, чтобы доставить прокуратурѣ фактическую возможность, опираясь непосредственно на высочайшую волю, оказывать должное вліяніе на членовъ Синода. Но обычный порядокъ сношеній съ верховной властью высшаго церковнаго учрежденія и его оберъ-прокурора, вызывавшійся нормальнымъ положеніемъ дѣлъ въ синодальномъ вѣдомствѣ, не былъ регламентированъ правительствомъ ни въ Духовномъ Регламентѣ, ни въ оберъ-прокурорской инструкціи.

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 4,036, п. 2.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, п. 10.

Отсутствіе точной правительственной регламентаціи въ такомъ важномъ вопросѣ обусловливало собою возможность непосредственныхъ сношеній съ верховной властью самихъ членовъ высшаго органа церковнаго управленія, что, безъ сомнѣнія, должно было сильно отражаться на положеніи оберъ-прокурора въ св. Синодѣ. а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже дѣлать совершенно фиктивными всѣ его значительныя права и полномочія. На основаніи архивныхъ матеріаловъ не трудно убѣдиться, что, и съ учрежденіемъ института прокуратуры, разнообразныя постановленія Синода, требовавшія высочайшей санкціи, или же вызывавшіяся какими-либо обстоятельствами прошенія его членовъ, нуждавшихся въ рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ верховною властью, подавались на разсмотрѣніе государя, безъ всякаго посредничества оберъ-прокурора, самими членами высшаго церковнаго учрежденія.

Когда Болтинъ заявилъ свой протестъ по поводу полученія синодальнымъ персоналомъ полнаго жалованья за весь 1721 годъ и потребовалъ возвращенія излишнихъ денежныхъ суммъ, то Синодъ, признавъ несправедливымъ требованіе оберъ-прокурора, постановилъ представить на разсмотрѣніе верховной власти подробное и основательно мотивированное объясненіе своего прежняго опредѣленія о выдачѣ жалованья [1]). И не одинъ разъ приходилось обращаться св. Синоду непосредственно къ самому государю по такому сложному и запутанному вопросу, какимъ былъ въ первое время вопросъ о жалованьи членамъ высшаго церковнаго учрежденія. Считая несправедливымъ правительственное распоряженіе объ обязательномъ включеніи въ общую сумму казеннаго вознагражденія частныхъ доходовъ, получаемыхъ синодальными членами изъ епархій и монастырей, Синодъ подавалъ на высочайшее имя прошеніе объ измѣненіи непріятнаго для него постанов-

[1]) Описс. докум. и дѣлъ арх. св. Синода. т. I, № 151.

леніе [1]).—24 мая 1724 года онъ вновь обратился къ государю съ всепокорнѣйшемъ прошеніемъ о прекращеніи установленнаго вычета изъ жалованья своимъ членамъ; указывая на накопившіяся недоимки за духовнымъ вѣдомствомъ, какъ на единственную причину, вызвавшую правительственное распоряженіе объ удержаніи жалованія высшему органу церковнаго управленія, и утверждая, что онъ имѣетъ полную возможность оправдать себя въ глазахъ государя, Синодъ просилъ Петра, по случаю коронаціи императрицы, перемѣнить свой гнѣвъ на милость и издать указъ о возстановленіи старыхъ порядковъ въ полученіи вознагражденія [2]).—Удовлетворенная верховною властью, просьба св. Синода вызвала вопросъ о спеціальныхъ средствахъ, необходимыхъ для выдачи полнаго жалованія, и мы видимъ, что съ докладомъ по данному вопросу являлся къ государю одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ синодальныхъ членовъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ [3]).

Непосредственно обращаясь къ государю съ своими постановленіями, доношеніями и прошеніями, требовавшими высочайшаго разсмотрѣнія, св. Синодъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обходился безъ всякаго посредничества прокуратуры и при полученіи именныхъ императорскихъ указовъ. Архивные документы сообщаютъ намъ только объ одномъ фактѣ, когда Болтинъ имѣлъ возможность поставить себя въ положеніе посредника между верховною властью и св. Синодомъ при полученіи послѣднимъ высочайшихъ указовъ [4]). 5 февраля 1723 года Синодъ выслушалъ приказаніе государя арестовать одного изъ своихъ членовъ, ассессора

---

[1]) Тамъ же, стр. 137.

[2]) Полное Собраніе Пост. и Расп. по вѣд. пр. исп. т. IV, № 1,267.

[3]) Тамъ же, № 1,280.

[4]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Синода. т. III, № 125, стр. 156.

Варлаама Овсянникова, и на другой день постановилъ содержать его подъ арестомъ въ своей канцеляріи, о чемъ, въ формѣ всеподданнѣйшаго доношенія, и довелъ до свѣдѣнія Петра. Но въ скоромъ времени, подъ вліяніемъ жалобъ и просьбъ арестованнаго, уже переведеннаго изъ синодальной канцеляріи въ другое помѣщеніе, гдѣ съ нимъ обращались очень строго и сурово, Синодъ горячо вступился за своего бывшаго ассессора, рѣшительно заявивъ, что не признаетъ никакой вины за пострадавшимъ Овсянниковымъ, такъ какъ безусловно убѣжденъ въ лживости всѣхъ показаній доносчика на оклеветаннаго Варлаама. Заявленіе синодальныхъ членовъ не оказало, однако же, должнаго вліянія на отношенія верховной власти къ обвиняемому ассессору; въ ея глазахъ онъ по-прежнему оставался виновнымъ и заслуживающимъ примѣрнаго наказанія, заступничество же Синода могло только возбудить подозрѣнія въ отсутствіи безпристрастнаго отношенія высшаго органа церковнаго управленія къ своимъ собственнымъ служащимъ. Существованіе послѣдняго условія дѣлало совершенно умѣстнымъ и даже необходимымъ ближайшее участіе оберъ-прокурора, какъ охранителя интересовъ закона, въ синодальномъ рѣшеніи вопроса о дальнѣйшей участи подсудимаго Варлаама, и 11 декабря 1723 года Петръ предоставилъ уже Болтину объявить св. Синоду высочайшій указъ о лишеніи священства и монашества игумена Овсянникова.

Обычный же, нормальный порядокъ полученія св. Синодомъ высочайшихъ указовъ не нуждался ни въ какомъ посредничествѣ существовавшей въ немъ оберъ-прокурорской власти, такъ какъ Петръ обыкновенно поручалъ объявлять свои указы въ св. Синодѣ кому-либо изъ его же членовъ: или Ѳеодосію Яновскому [1]), или Ѳеофану Прокопо-

---

[1]) Тамъ же, т. III, №№ 76, 155, 374, 449, 457, 458, 521, 523, 535, 541 и др.

вичу [1]), или тому и другому вмѣстѣ [2]), или же, наконецъ, одному изъ нихъ съ какимъ либо другимъ синодальнымъ членомъ [3]). Едва ли слѣдуетъ доказывать, что фактическое отстраненіе оберъ-прокурора отъ всякой активной роли въ сношеніяхъ Синода съ верховною властью и особенная близость къ государю нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ, часто имѣвшихъ возможность получать непосредстоенно отъ него самого разнообразные высочайшіе указы, должны были во многихъ случаяхъ сводить къ нулю все дѣйствительное вліяніе оберъ-прокурорской власти на высшій органъ церковнаго управленія.

Непосредственныя сношенія Синода съ государемъ, во многихъ случаахъ лишая оберъ-прокурора самой возможности оказывать, въ интересахъ государства, какое бы то ни было вліяніе на церковное учрежденіе, не могли не отражаться крайне неблагопріятнымъ образомъ и на практическихъ результатахъ тѣхъ протестовъ прокуратуры противъ различныхъ синодальныхъ постановленій, которые, повидимому, давали ей довольно важное и могущественное средство для развитія сильнаго вліянія на св. Синодъ. Нужно имѣть въ виду, что первый синодальный оберъ-прокуроръ Болтинъ былъ только простымъ драгунскимъ полковникомъ [4]) и, самъ по себѣ, являлся очень незначительной и маловліятельной личностью, такъ какъ не пользовался никакой особенной близостью къ источнику своихъ полномочій. Неудивительно, что, при наличности подобныхъ неблагопріятныхъ условій, оберъ-прокурорскіе протесты, такъ или иначе затрогивавшіе интересы духовнаго вѣдомства, нерѣдко должны были испытывать печальную участь, и св. Синодъ, пользуясь правомъ непосредственныхъ сношеній съ верховной властью и отсутствіемъ силь-

---

[1]) Тамъ же, т. IV. №№ 208, 288, 546.

[2]) Тамъ же, т. III, №№ 60, 61, 62, 469; т. IV, № 188.

[3]) Тамъ же, т. III, №№ 180, 434; т. IV, № 68.

[4]) Тамъ же, т. II, часть II, №№ 887 и 1,031.

ной фактической, дѣйствительной поддержки у Болтина со стороны государя, легко могъ оправдывать свои постановленія, вызывавшія протесты прокуратуры, и такимъ образомъ парализовать оберъ-прокурорское вліяніе на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи. Намъ уже извѣстно, какими практическими результатами сопровождались протесты Болтина по поводу полученія синодальными членами полнаго жалованья за 1721 годъ и по случаю выдачи денегъ Ѳеофану Прокоповичу; возможность непосредственнаго обращенія высшаго органа церковнаго управленія къ самому государю и фактическое безсиліе оберъ-прокуророра, обусловливавшееся отсутствіемъ прочной и постоянной поддержки со стороны верховной власти, позволяли Синоду не придавать большого значенія протестамъ Болтина и не исполнять его требованій.

Фактическое безсиліе оберъ-прокурорской власти, юридически надѣленной довольно значительными правами и полномочіями, обусловливаясь разнообразными причинами, между прочимъ находилось въ извѣстной связи съ тѣмъ, болѣе чѣмъ незавиднымъ, матеріальнымъ положеніемъ, въ какое были поставлены верховною властью первые представители прокуратуры въ синодальномъ управленіи. Въ то время, какъ даже подчиненные оберъ-прокурору канцелярскіе чиновники получали вполнѣ опредѣленное и довольно значительное жалованье (оберъ-секретарь 1,200, а секретари по 440 рублей въ годъ), Болтинъ въ первые годы своей новой службы принужденъ былъ довольствоваться старымъ полковничьимъ окладомъ въ 300 рублей, изъ которыхъ еще велѣно было вычитать четвертую часть положеннаго жалованья. Не получая никакого вознагражденія за синодальную службу и чувствуя крайнюю нужду въ денежныхъ средствахъ, оберъ-прокуроръ не имѣлъ возможности найти желательный выходъ изъ своего тяжелаго экономическаго положенія въ непосредственномъ обращеніи къ одной верховной власти, такъ какъ поданная имъ на имя

государя челобитная [1]) о назначеніи добавочнаго жалованья осталась безъ должныхъ послѣдствій; въ распоряженіи Болтина находилось еще другое средство—помощь и содѣйствіе самого св. Синода. Правда, подобное средство, можетъ быть, и представлялось очень непріятнымъ оберъ-прокурору, но печальная необходимость заставила его обратиться къ св. Синоду и уже, конечно, не съ „предложеніемъ“, а съ простымъ, обыкновеннымъ прошеніемъ, имѣющимъ мѣсто въ отношеніяхъ низшихъ лицъ къ высшимъ.

Такой характеръ смиреннаго прошенія, безъ сомнѣнія, носитъ доношеніе Болтина, представленное усмотрѣнію св. Синода 16 декабря 1723 года [2]); „билъ челомъ я Его Императорскому Величеству“, писалъ оберъ-прокуроръ, „а вашему святѣйшеству подалъ *челобитную* о сооей скудости, о награжденіи Его Императорскаго Величества жалованьемъ противъ своей братьи, какъ въ томъ челобитьѣ моемъ показано,—и по тому моему челобитью *прошу,* чтобъ ваше святѣйшество благоволили сообщить вѣдѣніе правительствующему Сенату, дабы за вашимъ предстательствомъ по тому моему челобитью милостивое разсмотрѣніе учинили“. Синодъ, уже испытавшій большія неудовольствія изъ-за извѣстнаго намъ протеста Болтина по поводу полученія синодальными членами полнаго жалованья за весь 1721 годъ, какъ видно, не спѣшилъ „предстательствовать“ за обдѣленнаго оберъ-прокурора, такъ какъ упоминаемая въ прошеніи челобитная была подана еще 4 ноября 1723 года [3]), и Болтинъ, не дождавшись никакой резолюціи, долженъ былъ снова возбудить старый вопросъ о прибавочномъ жалованьи. Указывая на приличные размѣры добавочнаго вознагражденія своимъ сверстникамъ, одновре-

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Син. т. III, № 548.

[2]) Полное Собраніе Постан. и Расп. по вѣд. пр. испов. т. IV, № 1,160.

[3]) Тамъ же, стр. 7.

менно съ нимъ назначеннымъ на гражданскую службу, и на крайнюю недостаточность одного полковничьяго оклада, онъ просилъ „для его скудости, Его Императорскаго Величества милостію наградить“. И только послѣ представленія второго прошенія Синодъ, наконецъ, принялъ участіе въ незавидномъ экономическомъ положеніи Болтина и постановилъ сообщить правительствующему Сенату свое мнѣніе о необходимости назначить оберъ-прокурору добавочное жалованье за его службу по духовному вѣдомству. Но такъ какъ постановленіе Синода, вслѣдствіе медленности сенатскаго дѣлопроизводства, долгое время не сопровождалось никакими практическими результатами, благопріятными для оберъ-прокурорскихъ интересовъ, то Болтинъ 9 сентября 1724 года еще разъ обратился къ высшему органу церковнаго управленія съ всепокорнѣйшимъ прошеніемъ выдать ему, по крайней мѣрѣ, какое либо вознагражденіе изъ особыхъ неокладныхъ доходовъ, находившихся въ исключительномъ вѣдѣніи одного св. Синода. „На 1724 годъ“, писалъ въ своемъ прошеніи Болтинъ [1]), „жалованья и донынѣ ничего не получилъ; а и на прошлой годъ жалованье, хотя я рангъ полковничей и оберъ-прокурорской имѣю, за вычетомъ четвертой части, получилъ только 225 рублевъ. Къ тому-жъ необходимую и крайнюю въ строеніи по Его Императорскаго Величества указу на Васильевскомъ острову двора имѣю нужду и исправиться въ томъ строеніи не вѣмъ чѣмъ, отчего опасенъ лишенія своихъ (хотя и малое число имѣю) деревнишекъ, дабы въ крайнюю нищету не пріитить“. Выставивъ на видъ свое безвыходное матеріальное положеніе, оберъ-прокуроръ указалъ Синоду на возможность, и безъ предварительнаго соглашенія съ Сенатомъ, наградить его извѣстной суммой денегъ изъ наличныхъ неокладныхъ доходовъ и „всепокорнѣйше просилъ“, чтобы поданное имъ заявленіе не было оставлено безъ вниманія.

---

[1]) Тамъ же, т. IV, № 1,376.

Просьба Болтина была уважена Синодомъ, но подобное обстоятельство не могло, конечно, уничтожить тяжелой экономической зависимости оберъ-прокурорской власти отъ высшаго церковнаго учрежденія, такъ какъ синодальное постановленіе о выдачѣ оберъ-прокурору 300 рублей въ награду за всю его уже довольно продолжительную службу [1]) имѣло характеръ только временной, случайной мѣры и нисколько не избавляло необезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи оберъ-прокурора отъ необходимости въ недалекомъ будущемъ вновь обращаться за содѣйствіемъ и помощью къ тому же св. Синоду. И дѣйствительно, мы видимъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія денежнаго вознагражденія нужда снова заставила Болтина поставить себя въ нежелательныя отношенія къ высшему органу церковнаго управленія [2]). 19 февраля 1725 года оберъ-прокуроръ, еще не получившій казеннаго жалованья за прошедшій 1724 годъ, подалъ въ правительствующій Синодъ новое прошеніе, гдѣ обращалъ его вниманіе на возможность одной комбинаціи, способной временно вывести Болтина изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія. Но Синодъ на просьбу оберъ-прокурора выдать ему, въ зачетъ заслуженнаго жалованья, какую-либо сумму денегъ изъ наличной синодальной казны отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, сославшись на то, что всѣ чиновники должны получать свое жалованье изъ штатсъ-конторы.

Не трудно представить себѣ, какъ должно было отражаться такое необезпеченное матеріальное положеніе оберъ-прокурора на характерѣ его отношеній къ высшему церковному учрежденію. Ничтожные размѣры и своеобразныя условія полученія жалованья создавали для Болтина тяжелую необходимость довольно часто обращаться къ Синоду или за благосклоннымъ содѣйствіемъ, или прямо за матеріальной

---

[1]) Тамъ жс, стр. 222.

[2]) Тамъ же, т. V, № 1,479.

помощью и заставляли его постоянно чувствовать себя въ сильной экономической зависимости отъ церковнаго учрежденія; наличность же подобныхъ условій нерѣдко не могла не парализовать самаго желанія прокуратуры настойчиво отстаивать государственные интересы въ сферѣ церковнаго управленія, такъ какъ оберъ-прокуроръ, при всѣхъ своихъ правахъ и полномочіяхъ, предоставленныхъ ему инструкціей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, невольно долженъ былъ считаться съ опасностью возстановить противъ себя членовъ св. Синода.

Повидимому, съ констатируемымъ нами фактическимъ безсиліемъ оберъ-прокурора, обусловливавшимся, главнымъ образомъ, отсутствіемъ у Болтина надежной и могущественной поддержки со стороны верховной власти, довольно плохо мирится та настойчивость, какую имѣлъ возможность проявить оберъ-прокуроръ въ своихъ требованіяхъ немедленнаго взысканія долга съ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ синодальныхъ членовъ, Ѳеофана Прокоповича [1]). Конечно, было бы трудно допустить, чтобы представитель прокуратуры, лишенный всякой фактической поддержки со стороны государя, могъ такъ настойчиво и энергично требовать отъ св. Синода немедленнаго исполненія своего предложенія о взысканіи казенныхъ денегъ съ архіепископа Ѳеофана, аккуратно возобновляя непріятныя для Синода требованія чрезъ опредѣленный срокъ; не слѣдуетъ забывать, что должникъ, котораго такъ упорно преслѣдовалъ Болтинъ своими оберъ-прокурорскими предложеніями, былъ лицомъ очень вліятельнымъ и пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ государя, почему невольно и является предположеніе, что оберъ-прокуроръ, въ своихъ столкновеніяхъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, также долженъ былъ опираться на сильное содѣй-

---

[1]) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Изд. Академіи Наукъ, стр. 145.

ствіе и покровительство верховной власти или, по крайней мѣрѣ, имѣть достаточныя основанія разсчитывать на возможность такого содѣйствія. Но недоразумѣнія, невольно возникающія при мысли о чрезвычайной настойчивости, проявленной оберъ-прокуроромъ въ дѣлѣ взысканія долга съ наиболѣе вліятельнаго синодальнаго члена, легко разъясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ данномъ случаѣ, Болтинъ дѣйствовалъ не одинъ, а въ союзѣ съ другимъ, не менѣе сильнымъ членомъ Синода, Ѳеодосіемъ Яновскимъ, находившимся во враждебныхъ отношеніяхъ съ Ѳеофаномъ.

Насколько, дѣйствительно, самъ по себѣ, былъ невліятеленъ и безсиленъ синодальный оберъ-прокуроръ, юридически надѣленный значительными правами и полномочіями, но фактически не всегда имѣвшій возможность пользоваться ими, вслѣдствіе отсутствія необходимой близости къ источнику своихъ полномочій, всего яснѣе доказывается печальными результатами столкновенія Болтина съ вице-президентомъ Синода, архіепископомъ Ѳеофаномъ.

По распоряженію Ѳеодосія Яновскаго и Болтина, желавшихъ подвести Ѳеофана Прокоповича подъ какую-либо отвѣтственность и такимъ путемъ ослабить его вліяніе или даже совершенно отстранить соперника Яновскаго отъ участія въ церковномъ управленіи, псковскій провинціалъ-инквизиторъ, іеромонахъ Савватій, произвелъ ревизію мѣстнаго печерскаго монастыря и въ началѣ 1725 года сдѣлалъ доносъ оберъ-прокурору о найденныхъ при ревизіи безпорядкахъ, соединенныхъ съ растратою монастырскаго имущества [1]). Такъ какъ наблюденіе за цѣлостью монастырскихъ имуществъ было одной изъ прямыхъ обязанностей прокуратуры, то Болтинъ воспользовался присланнымъ доносомъ и формально возбудилъ въ Синодѣ дѣло о злоупотребленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ епархіи псковскаго архіепископа Ѳеофана. Но со смертью

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. V, № 91.

Петра и съ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины I, положеніе Ѳеодосія, успѣвшаго своей притязательностью и заносчивостью возстановить противъ себя очень многихъ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, сдѣлалось въ высшей степени непрочнымъ и ненадежнымъ, положеніе же Ѳеофана, оказавшаго громадную услугу новой императрицѣ, напротивъ, упрочилось еще болѣе прежняго; неудивительно, что и столкновеніе оберъ-прокурора съ вліятельнымъ членомъ Синода повело за собою крайне неблагопріятныя послѣдствія для перваго изъ нихъ. Ѳеофанъ съумѣлъ поставить дѣло такимъ образомъ, что Синодъ поручилъ ему самому изслѣдованіе доноса, представленнаго Болтину провинціалъ-инквизиторомъ Савватіемъ; безъ сомнѣнія, уже такая постановка дѣла, явившаяся результатомъ безсилія оберъ-прокурора, должна была въ значительной степени уменьшить опасность, угрожавшую Прокоповичу, но одна она, при существованіи въ Синодѣ такихъ враговъ, какъ Ѳеодосій и его сторонникъ, Болтинъ, оказалась еще не въ состояніи гарантировать псковскаго архіепископа отъ всевозможныхъ непріятныхъ случайностей начавшагося судебнаго слѣдствія.

Крайняя безтактность Ѳеодосія Яновскаго [1]) доставила Ѳеофану легкій и удобный случай совершенно освободиться отъ своихъ опасныхъ враговъ, и 22 апрѣля 1725 года Ѳеофанъ Прокоповичъ, отъ имени синодальныхъ членовъ, донесъ Екатеринѣ о непозволительныхъ поступкахъ Ѳеодосія, представивъ его политически неблагонадежнымъ лицомъ. Екатерина, имѣвшая уже достаточно основаній быть сильно недовольной Яновскимъ, 27 апрѣля приказала арестовать обвиняемаго архіепископа, а такъ какъ оберъ-прокурорская инструкція, вмѣнявшая представителю прокурорскаго надзора въ непремѣн-

---

[1]) Русскій Архивъ. 1864 г. № 2. „Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія“, стр. 121—172.

ную обязанность „вѣрно поступать“ [1]) по своей должности, возлагала на прокуратуру долгъ каждаго вѣрноподданнаго дѣлать своевременныя донесенія о политическихъ преступникахъ и угрожала, въ противномъ случаѣ, наказаніемъ самому оберъ-прокурору, то вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ, по распоряженію государыни, былъ взятъ въ крѣпость и его сторонникъ, Болтинъ [2]). Привлеченный къ допросу, бывшій синодальный оберъ-прокуроръ долженъ былъ тяжело поплатиться за свое столкновеніе съ сильнымъ и вліятельнымъ членомъ высшаго церковнаго учрежденія. Одновременно съ обнародованіемъ высочайшаго указа о наказаніи осужденнаго Ѳеодосія,—указа, составленнаго Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [3]) и подписаннаго Екатериной 11 мая 1725 года [4]), состоялось и рѣшеніе участи Ивана Васильевича Болтина; обвиненный въ упущеніяхъ по своей должности, выразившихся въ томъ, что онъ не доносилъ о предосудительныхъ и незаконныхъ поступкахъ Яновскаго, и уличенный въ пристрастномъ отношеніи къ Ѳеодосію, обнаруженномъ на допросахъ, бывшій оберъ-прокуроръ оказался приговореннымъ къ ссылкѣ въ Сибирь, съ правомъ полученія какого-либо служебнаго назначенія. Но въ скоромъ же времени враги Болтина успѣли открыть въ его прошлой оберъ-прокурорской дѣятельности еще новыя упущенія, и первый представитель прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи былъ лишенъ всякихъ правъ на занятіе какихъ бы то ни было правительственныхъ должностей [5]). Чрезъ два года пра-

---

[1]) П. С. П. и Р. т. II, № 680 п. 11.

[2]) Русскій Архивъ. 1864 г. № 2, стр. 149.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей... Ч. V, стр. 386.

[4]) П. С. З. т. VII, № 4,717.

[5]) Въ исторической литературѣ краткія свѣдѣнія о судьбѣ осужденнаго оберъ-прокурора встрѣчаются у Соловьева. (Исторія Россіи. Т. XVIII, стр. 326).

вительство признало, однако же, Болтина заслуживающимъ прощенія и назначило его на должность вице-губернатора Сибири [1]).

11-е мая 1725 года, когда верховная власть окончательно рѣшила участь Болтина, было въ то же время и днемъ высочайшаго назначенія новаго синодальнаго оберъ-прокурора, лейбъ-гвардіи капитана, Алексѣя Петровича Баскакова [2]). Правительствующій Сенатъ сообщилъ высшему органу церковнаго управленія о состоявшемся назначеніи, и Синодъ 18 мая 1725 года постановилъ разослать указы о вступленіи въ должность преемника Болтина [3]).

Баскаковъ, еще задолго до своего опредѣленія въ новую должность, уже исполнялъ правительственныя порученія по духовному вѣдомству и имѣлъ случаи приходить въ непосредственныя соприкосновенія съ самимъ св. Синодомъ. „Святѣйшій Синодъ!“, писалъ императоръ Петръ 29 мая 1724 года. „Деньги, сбираемыя за штрафъ съ раскольниковъ безъ указу Нашего ни на какіе расходы не держите. А изъ вышереченныхъ денегъ отпускайте на дѣла капитану Баскакову, по его писмамъ, сколько онъ потребуетъ“ [4]). Въ тотъ же день Баскаковъ получилъ высочайшее предписаніе завѣдывать распредѣленіемъ монастырскихъ доходовъ на жалованье начальствующимъ, на церковныя потребности, на поддержку монастырей, на больныхъ съ служащими имъ монахами, на малолѣтнихъ и былъ уполномоченъ государемъ отвести для госпиталей и сиротскихъ домовъ Вознесенскій, Чудовъ и Новодѣвичій монастыри, а для школъ приспособить тотъ изъ монастырей, который будетъ

---

[1]) Сборникъ имп. р. ист. общ. т. 63-й, стр. 188, 480 и 508.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. т. VI, № 22.

[3]) Полное Собраніе Пост. и Расп. по вѣд. пр. исп. т. V, № 1,546.

[4]) П. С. П. и Р. т. IV, № 1,278.

указанъ св. Синодомъ [1]). Синодъ постановилъ отдать для образовательныхъ цѣлей Николаевскій Перервинскій монастырь [2]), но, прежде чѣмъ его опредѣленіе было приведено въ исполненіе, Баскаковъ словесно объявилъ ему высочайшій указъ о назначеніи для подобной цѣли другого монастыря, уже избраннаго самимъ Петромъ [3]).—Сличая полученныя изъ нѣкоторыхъ монастырей вѣдомости съ свѣдѣніями, присланными изъ Сената, Баскаковъ легко пришелъ къ заключенію, что между ними существуетъ громадное различіе, вредно отражающееся на интересахъ государственнаго казначейства, почему, чрезъ московскую синодальную канцелярію, и просилъ св. Синодъ сдѣлать распоряженіе, чтобы деньги и хлѣбъ собирались съ монастырскихъ вотчинъ въ размѣрахъ, опредѣленныхъ въ сенатскихъ вѣдомостяхъ [4]). Послѣ запроса, посланнаго Баскакову, и разсмотрѣнія полученнаго отъ него отвѣта, Синодъ увидѣлъ необходимость сдѣлать постановленіе, согласное съ доношеніемъ будущаго оберъ-прокурора, и предписалъ камеръ-конторѣ, чрезъ прежнихъ коммисаровъ, немедленно же доставить въ Чудовъ и Вознесенскій монастыри хлѣбъ, недобранный съ ихъ вотчинъ за 1724 годъ, а затѣмъ и совсѣмъ не вступаться въ сборы разнообразныхъ доходовъ съ указанныхъ монастырей [5]).

Преслѣдуя казенные интересы, Баскаковъ составилъ опредѣленныя правила относительно содержанія Чудова монастыря и въ нихъ довольно чувствительно затронулъ интересы монастырскаго начальства [6]). Чудовскій архимандритъ, состояв-

---

[1]) Тамъ же, № 1,279.

[2]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Синода. т. IV, № 285.

[3]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. т. IV, №, 1,316.

[4]) Описаніе док. и дѣлъ арх. Св. Синода т. IV, № 285, стр. 282.

[5]) Тамъ же, № 327.

[6]) Тамъ же. Приложенія, IX, стр. XLV—XLIX.

шій въ то время синодальнымъ членомъ, нашелъ невозможнымъ принять въ обязательное руководство полученныя правила и представилъ ихъ, вмѣстѣ съ своими замѣчаніями [1]), на разсмотрѣніе св. Синода; послѣдній, очевидно, раздѣлялъ отношеніе своего члена къ требованіямъ Баскакова и также не желалъ практическаго примѣненія выработанныхъ имъ новыхъ правилъ, такъ какъ постановилъ—на ближайшей же конференціи предложить Сенату составить болѣе удобныя законоположенія о содержаніи какъ Чудова, такъ и другихъ монастырей [2]).

Такимъ образомъ, еще до вступленія въ новую должность синодальнаго оберъ-прокурора, Баскаковъ имѣлъ уже случай практически, путемъ непосредственнаго опыта, нѣсколько ознакомиться съ наиболѣе интересными для государства экономическими дѣлами, находившимися въ вѣдѣніи св. Синода, и съ характеромъ отношеній къ подобнымъ дѣламъ высшаго церковнаго учрежденія. Нѣкоторая опытность, хотя бы и не особенно значительная, давала возможность новому оберъ-прокурору сообразоваться въ своей дѣятельности, въ своихъ отношеніяхъ къ св. Синоду съ дѣйствительными, реальными стремленіями его членовъ, не всегда благопріятными для тѣхъ государственныхъ интересовъ, охраненіе которыхъ въ сферѣ церковнаго управленія сотавляло спеціальную обязанность прокуратуры. Но одно предварительное знакомство съ нѣкоторыми отраслями церковнаго управленія, могло избавить Баскакова только отъ нѣкоторыхъ нетактичныхъ шаговъ по отношенію къ св. Синоду; оказать же какое-либо существенное, замѣтное вліяніе на фактическое положеніе синодальнаго оберъ-прокурора въ высшемъ органѣ церковнаго управленія оно было совершенно безсильнымъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. XLIX—LVI.

[2]) Тамъ же, № 336.

Чтобы яснѣе представлять себѣ характеръ не юридическихъ, а дѣйствительныхъ, бытовыхъ отношеній оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду, необходимо помнить, что оберъ-прокурорская власть, введенная преобразователемъ въ высшій органъ церковнаго управленія, являлась не только своеобразнымъ дополненіемъ къ коллегіальному учрежденію, предназначеннымъ къ оживленію его правительственной дѣятельности, но и охранительницей государственныхъ интересовъ въ области церковнаго управленія. Какъ спеціальные органы правительственнаго надзора за государственными интересами въ церковномъ управленіи, оберъ-прокуроры должны были стремиться въ своей дѣятельности къ цѣлямъ, которыя далеко не всегда могли совпадать съ интересами церкви, какъ ихъ понимали члены св. Синода. Различіе въ основныхъ взглядахъ Синода и его оберъ-прокуроровъ на церковные и государственные интересы и оказывало громадное вліяніе на характеръ ихъ дѣйствительныхъ, бытовыхъ взаимныхъ отношеній.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ, обусловливавшихъ собою ничтожное значеніе Болтина въ церковномъ управленіи, являлся, какъ мы видѣли, крайне неопредѣленный характеръ отношеній оберъ-прокурора и Синода къ верховной власти, дававшій возможность высшему церковному учрежденію въ непосредственномъ обращеніи къ государю находить достаточно средствъ для того, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ, когда оберъ-прокурорская власть обнаруживала стремленія воспользоваться своими правами и полномочіями въ ущербъ интересамъ Синода, совершенно парализовать вліяніе прокуратуры на церковное управленіе. Неопредѣленность отношеній Синода къ верховной власти, являвшаяся результатомъ отсутствія точной правительственной регламентаціи по данному вопросу, въ скоромъ же времени послѣ назначенія Баскакова синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, была устранена высочайшимъ указомъ императрицы Екатерины I; но новое правительственное распоряженіе не только не отнимало у

св. Синода возможности пользоваться извѣстными выгодами и преимуществами непосредственныхъ обращеній къ государынѣ, а даже, напротивъ, узаконяло такой порядокъ сношеній съ верховной властью.

1 іюня 1725 года сенатскій оберъ-секретарь, пригласивъ въ свою канцелярію синодальнаго секретаря Тишина, словесно объявилъ ему высочайшій указъ императрицы Екатерины, чтобы св. Синодъ докладывалъ въ Кабинетъ Ея Величества о положеніи своихъ дѣлъ; по словамъ сенатскаго оберъ-секретаря, Синодъ долженъ былъ репортовать въ Императорскій Кабинетъ о количествѣ, содержаніи, времени слушанія и характерѣ рѣшеній разсматриваемыхъ дѣлъ [1]). Такъ какъ съ содержаніемъ высочайшаго указа высшій органъ церковнаго управленія былъ ознакомленъ довольно оригинальнымъ способомъ, то онъ нашелъ нужнымъ предварительно переговорить о новомъ правительственномъ распоряженіи съ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, завѣдывавшимъ дѣлами Императорскаго Кабинета; Макаровъ подтвердилъ дѣйствительное существованіе подобнаго указа, читаннаго въ правительствующемъ Сенатѣ, и, заявивъ, что и сенатскіе репорты присылаются въ Кабинетъ, предложилъ и Синоду еженедѣльно доставлять къ нему свои доклады для объявленія ихъ Ея Императорскому Величеству, послѣ чего состоялось уже формальное опредѣленіе представлять синодальные репорты непосредственно въ Кабинетъ императрицы [2]).

Съ появленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Синодъ, поставленный, вмѣстѣ съ Сенатомъ, въ подчиненныя отношенія къ новому высшему государственному учрежденію, лишился возможности непосредственныхъ сношеній съ верховной властью, такъ какъ, получая указы изъ Тайнаго Совѣта, онъ долженъ былъ подавать въ него и свои „допошенія“ о разно-

---

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп., т. V, № 1,560.

[2]) Тамъ же, № 1,573.

образныхъ дѣлахъ, требовавшихъ высочайшей резолюціи. Конечно, лишеніе Синода возможности непосредственныхъ сношеній съ верховной властью, не могло не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на самостоятельности и независимости высшаго церковнаго учрежденія, но синодальный оберъ-прокуроръ не получалъ никакихъ выгодъ и не пріобрѣталъ никакихъ преимуществъ отъ униженія Синода и сильнаго стѣсненія его дѣятельности властью Тайнаго Совѣта; новый органъ высшаго государственнаго управленія одинаково отстранялъ отъ непосредственныхъ сношеній съ верховной властью какъ св. Синодъ, такъ и самого оберъ-прокурора, и послѣдній, въ случаяхъ столкновенія съ синодальными членами и безрезультатности своихъ протестовъ, долженъ былъ обращаться за содѣйствіемъ къ тому же Верховному Тайному Совѣту.

Правда, съ учрежденіемъ Верховнаго Совѣта приходится иногда видѣть Баскакова и въ новой роли, очень важной въ дѣлѣ развитія фактическаго вліянія оберъ-прокурорской власти на церковное управленіе; мы имѣемъ въ виду роль посредника между св. Синодомъ и высшей правительственной инстанціей, въ какой иногда получалъ возможность выступать синодальный оберъ-прокуроръ, представляя на разсмотрѣніе Тайнаго Совѣта нѣкоторые доклады Синода и передавая послѣднему распоряженія, указы Верховнаго Совѣта. 9 іюня 1727 года оберъ-прокуроръ Баскаковъ являлся въ Верховный Тайный Совѣтъ съ докладомъ отъ Синода объ отрѣшеніи отъ должности оберъ-секретаря Палехина [1]) и, выслушавъ состоявшееся здѣсь рѣшеніе по данному вопросу, въ ближайшемъ засѣданіи объявилъ Синоду объ участи бывшаго оберъ-секретаря и о временномъ порученіи его обязанностей про-

[1]) Сборникъ импер. русскаго историч. общества. Т. 63, стр. 677—678.

стымъ секретарямъ [1]).—26 сентября 1726 года Верховный Совѣтъ распорядился призвать къ себѣ Алексѣя Баскакова и приказалъ ему передать Синоду указъ о сочиненіи проекта реорганизаціи высшаго органа церковнаго управленія и о немедленномъ доставленіи его въ Тайный Совѣтъ [2]).—8 мая 1727 года то же высшее государственное учрежденіе постановило объявить Синоду о необходимости прекратить чтеніе по церквамъ печатныхъ листовъ о государственномъ наслѣдствѣ и на слѣдующій день поручило оберъ-прокурору Баскакову передать состоявшееся опредѣленіе св. Синоду [3]).

Но такіе факты посредничества между св. Синодомъ и высшей правительственной инстанціей были только рѣдкими, случайными явленіями, обычный же, нормальный порядокъ сношеній Синода съ верховною властью чрезъ Тайный Совѣтъ не давалъ никакого мѣста посредничеству оберъ-прокурора. Уничтоженіе Совѣта и появленіе новаго высшаго государственнаго учрежденія—Кабинета также не оказали замѣтнаго вліянія на установившійся порядокъ сношеній Синода и его оберъ-прокурора съ верховною властью.

Фактически поставленный въ своихъ отношеніяхъ къ самодержавной власти въ условія, крайне неблагопріятныя для развитія оберъ-прокурорскаго вліянія на церковное учрежденіе, Баскаковъ, подобно своему предшественнику—Болтину, находился еще и въ извѣстной зависимости отъ Синода въ матеріальномъ, финансовомъ отношеніи. Хотя онъ и не испытывалъ такого затруднительнаго положенія, какъ Болтинъ, и имѣлъ право, по рангу генералъ-майора, на болѣе высокое жалованье, но отсутствіе опредѣленнаго правительственнаго оклада за исполненіе обязанностей оберъ-прокурорской службы

---

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. т. VI, №, 1,981.
[2]) Сборникъ имп. р. ист. общ. т. 56, стр. 107.
[3]) Тамъ же, т. 63, стр. 477—478.

ставило Баскакова въ непріятную необходимость обращаться къ Синоду съ просьбами о назначеніи и выдачѣ заслуженнаго жалованья. Въ 1726 году штатсъ-контора сообщила св. Синоду о просьбѣ оберъ-прокурора Баскакова опредѣлить и выдать ему вознагражденіе за всю его уже довольно продолжительную служебную дѣятельность и замѣтила, что она, съ своей стороны, находитъ возможнымъ назначить просителю, по рангу генералъ-майора, за 7 мѣсяцевъ и 7 дней, прошедшихъ со времени его вступленія въ должность, 637 руб. 79 3/4 коп. Синодъ, разсмотрѣвъ сообщеніе штатсъ-конторы и согласившись съ ея мнѣніемъ о размѣрахъ вознагражденія новаго оберъ-прокурора, постановилъ выдать просителю назначенное жалованье [1]).

Какъ не существовало опредѣленнаго правительственнаго оклада для синодальнаго оберъ-прокурора, такъ не было и строго опредѣленнаго порядка во времени полученія оберъ-прокуроромъ заслуженнаго жалованья; въ этомъ послѣднемъ отношеніи представитель прокуратуры находился уже въ полнѣйшей зависимости отъ высшаго церковнаго учрежденія, такъ какъ выдача жалованья [2]) могла быть произведена не иначе, какъ въ силу особаго постановленія св. Синода, который, въ данномъ случаѣ, относился къ своему оберъ-прокурору совершенно также, какъ и ко всѣмъ другимъ чиновникамъ, состоявшимъ при немъ для разнообразныхъ потребностей синодальнаго управленія. „Святѣйшій Правительствующій Синодъ“, читаемъ въ его протоколѣ отъ 16 мая 1830 года [3]), „приказали обрѣтающемуся при Ихъ Святѣйшествѣ оберъ-проку-

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Синода т. VI, № 16, стр. 28—29.

[2]) Оберъ-прокурору Баскакову Синодъ опредѣлилъ выдавать годового жалованья 1,058 р. 10 коп. (Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Синода. т. VII, № 140).

[3]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1730 г. 16 мая, № 14.

рору господину Баскакову" выдать изъ коллегіи экономіи заслуженное жалованье за генварьскую треть 1730 года въ количествѣ 352 р. 70 коп., съ обязательнымъ вычетомъ на нужды лазарета по одной копѣйкѣ съ рубля. И не слѣдуетъ думать, что подобный порядокъ выдачи оберъ-прокурорскаго жалованья былъ только простой и пустой формальностью, безразличной для фактическаго положенія прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи; напротивъ, существованіе такого порядка довольно чувствительно отзывалось на интересахъ оберъ-прокурора и нерѣдко вынуждало его обращаться къ Синоду съ прошеніями ускорить выдачу заслуженнаго, но по чему либо задерживаемаго жалованья.

Принимая самое ничтожное и незамѣтное участіе въ сношеніяхъ св. Синода съ верховной властью и находясь въ извѣстной экономической зависимости отъ него, Баскаковъ въ то же время представлялъ изъ себя такую же маловліятельную личность, не пользовавшуюся особеннымъ значеніемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, какою былъ и его предшественникъ, Болтинъ.

Одинаковыя условія, въ какихъ приходилось дѣйствовать первымъ представителямъ прокуратуры въ церковномъ управленіи, создавали и одинаковый характеръ фактическихъ отношеній синодальныхъ оберъ-прокуроровъ къ высшему церковному учрежденію. Баскаковъ, юридически располагавшій правомъ протестовать противъ постановленій Синода, признаваемыхъ имъ не согласными съ требованіями законовъ, и не позволять синодальнымъ членамъ приводить въ исполненіе опротестованныя опредѣленія, довольно часто долженъ былъ убѣждаться въ фактическомъ безсиліи оберъ-прокурорской власти, не имѣвшей возможности настоять на обязательномъ исполненіи своихъ требованій.

5 мая 1729 года св. Синодъ опредѣлилъ приписать къ одной изъ существующихъ церквей участокъ земли, когда-то также принадлежавшій давно уже исчезнувшей церкви, но

незадолго предъ тѣмъ отданный казеннымъ приказомъ мѣстному землевладѣльцу, получившему ее за высшую цѣну, объявленную на публичныхъ торгахъ. Синодъ постановилъ владѣть спорной землей церковному причту или же, съ его согласія, пользоваться даннымъ участкомъ другому претенденту на церковную землю, подъ условіемъ непремѣннаго выполненія имъ принимаемыхъ на себя обязательствъ; публичные же торги, позволившіе казенному приказу установить высшую цѣну за оброчное владѣніе землей, были признаны незаконными и недѣйствительными. Баскаковъ увидѣлъ въ синодальномъ опредѣленіи нарушеніе интересовъ казны и, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ протеста, заявилъ, что Синодъ поступилъ „не по силѣ указовъ“; по его словамъ, публичный торгъ на церковную землю былъ объявленъ казеннымъ приказомъ вполнѣ правильно и законно, между тѣмъ какъ синодальное постановленіе, предоставившее владѣніе земельнымъ участкомъ изъ-за пятидесятирублеваго оброка одному заинтересованному лицу и остранившее отъ публичнаго торга всѣхъ другихъ претендентовъ, находилось въ прямомъ противорѣчіи съ высочайшими указами. Синодъ, руководившійся въ своихъ отношеніяхъ къ вопросу о спорномъ участкѣ церковной земли не интересами государственной казны, а интересами собственнаго вѣдомства, оставилъ безъ всякихъ послѣдствій протестъ оберъ-прокурора и вновь постановилъ, согласно съ своимъ прежнимъ опредѣленіемъ, отдать землю во владѣніе мѣстному церковному причту [1]).

Интересно, что въ своемъ послѣднемъ постановленіи св. Синодъ нашелъ нужнымъ совершенно не упоминать о протестѣ и предложеніи оберъ-прокурора, но секретари синодальной канцеляріи, составляя, на основаніи состоявшагося опредѣленія, указъ для казеннаго приказа, по какимъ-то соображеніямъ, внесли въ него и предложеніе Баскакова. Синодъ узналъ о

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Синода т. VIII, № 717, стр. 677—680.

такомъ поступкѣ своихъ секретарей уже послѣ того, какъ указъ былъ отправленъ по назначенію, и архіепископъ Леонидъ, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ казенному приказу, обратилъ его вниманіе на то, что въ присланномъ указѣ, „въ противность законамъ, написано излишество“. Сличивъ указъ съ своимъ опредѣленіемъ и убѣдившись, что въ него внесено не упомянутое въ постановленіи оберъ-прокурорское предложеніе, Синодъ опредѣлилъ уничтожить старый указъ и написать новый, безъ всякихъ упоминаній о предложеніи Баскакова, такъ какъ оно, по его словамъ, „недѣйствительно“, канцелярскихъ же секретарей, за ихъ самовольный поступокъ, привлечь къ допросу и законной отвѣтственности.

Не придавая большого значенія протестамъ Баскакова и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляя ихъ безъ всякихъ послѣдствій, Синодъ находилъ возможнымъ не исполнять и оберъ-прокурорскихъ предложеній, если послѣднія въ какомъ либо отношеніи оказывались небезразличными для его интересовъ. 16 ноября 1725 года Баскаковъ, исполнявшій въ то время свои служебныя обязанности за предѣлами С.-Петербурга, послалъ въ св. Синодъ предложеніе объ обязательномъ аккуратномъ веденіи спеціальнаго оберъ-прокурорскаго журнала, успѣвшаго прекратить свое существованіе за время отсутствія самого оберъ-прокурора. Баскаковъ писалъ, что, по сообщенію экзекутора Лукина, въ синодальной канцеляріи уже давно не производится никакихъ записей съ особомъ оберъ-прокурорскомъ журналѣ, и что экзекуторъ до самого послѣдняго времени не имѣетъ еще отъ Синода спеціальной инструкціи; отсутствіе оберъ-прокурорскаго журнала, по словамъ Баскакова, лишало возможности синодальнаго экзекутора записывать разнообразныя справки, требуемыя отъ него правительствующимъ Сенатомъ, такъ какъ и канцелярскіе служители, приставленные къ веденію журнала, были опредѣлены къ другимъ дѣламъ и не замѣнены новыми канцеляристами. Въ видахъ устраненія нежелательныхъ послѣдствій замѣченныхъ

безпорядковъ, оберъ прокуроръ и предложилъ св. Синоду или опредѣлить къ временно прекратившему свое существованіе журналу прежнихъ канцелярскихъ служителей, или назначить новыхъ чиновниковъ и обязательно производить необходимыя записи въ оберъ-прокурорскомъ журналѣ, экзекутора же снабдить особой инструкціей, чтобы „въ дѣлахъ Ея Императорскаго Величества остановки и помѣшательства не было“ [1]).

Аккуратное веденіе особаго, спеціальнаго оберъ-прокурорскаго журнала являлось, конечно, въ рукахъ представителя прокурорскаго надзора однимъ изъ важныхъ средствъ для дѣйствительнаго контролированія дѣятельности высшаго церковнаго учрежденія. Правда, св. Синодъ, мотивируя свой отказъ отъ исполненія оберъ-прокурорскаго предложенія, утверждалъ, что общій „журналъ всѣмъ входящимъ въ него доношеніямъ и прочему по обыкновенію“ ведется въ регистратурѣ, гдѣ производятся также и записи указовъ [2]), такъ что, справившись съ протоколами, всегда возможно получить всѣ необходимыя свѣдѣнія, но нѣтъ достаточныхъ основаній думать, что веденіе спеціальнаго оберъ-прокурорскаго журнала дѣйствительно являлось только излишнею канцелярскою обузой, безполезною даже для самой прокуратуры, какъ представлялъ дѣло св. Синодъ [3]). Несомнѣнно, что существованіе, узаконеннаго инструкціей, спеціальнаго оберъ-прокурорскаго журнала, въ который тщательно должны были записываться всѣ дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію и рѣшенію Синода [4]), въ значительной степени облегчало прокуратурѣ выполненіе возложенной на нее обязанности „смотрѣть накрѣпко, дабы Синодъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ истинно, ревностно и порядочно, безъ потеряпія времени, по Регламентамъ и ука-

---

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. т. V, № 1,690, стр. 226.
[2]) Тамъ же, стр. 227—228.
[3]) Тамъ же, стр. 228.
[4]) П. С. П. и Р. т. II, № 680, п. 1.

замъ отправлялъ“ [1]). Неудивительно, что Баскаковъ, получившій донесеніе о прекращеніи установленныхъ инструкціей записей въ своемъ оберъ-прокурорскомъ журналѣ, пожелалъ возстановить старые узаконенные порядки, дававшіе ему возможность, безъ большихъ затрудненій, контролировать дѣятельность св. Синода и за время своихъ отлучекъ изъ Петербурга. Но Синодъ, разсмотрѣвъ предложеніе Баскакова, не только не нашелъ нужнымъ привести его въ исполненіе, а и въ довольно рѣзкой формѣ поставилъ на видъ оберъ-прокурору крайнюю неумѣстность его требованія. Высшій органъ церковнаго управленія приказалъ своей канцеляріи сообщить Баскакову, что экзекуторъ не нуждается ни въ какой инструкціи и совершенно напрасно написалъ оберъ-прокурору, безъ предварительнаго доклада св. Синоду, о воображаемыхъ безпорядкахъ, такъ какъ спеціальный оберъ-прокурорскій журналъ не ведется по той простой причинѣ, что и не существуетъ особыхъ оберъ-прокурорскихъ дѣйствій.

Особенный интересъ представляетъ для насъ то обстоятельство, что въ своемъ отвѣтѣ, посланномъ Баскакову, Синодъ не ограничился только простымъ указаніемъ на временное отсутствіе оберъ-прокурорскихъ дѣйствій, обусловливавшееся пребываніемъ Баскакова за предѣлами Петербурга, какъ на достаточно уважительную причину несуществованія самого журнала, а и заявилъ довольно рѣшительнымъ образомъ, что, даже при наличномъ присутствіи представителя прокуратуры нѣтъ никакой нужды въ особомъ оберъ-прокурорскомъ журналѣ [1]).

Рѣзкое различіе между юридическимъ о фактическимъ положеніемъ оберъ-прокурора въ высшемъ церковномъ учрежденіи не могло не оказать извѣстнаго вліянія и на характеръ отношеній къ Баскакову подчиненныхъ Синоду второстепен-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) П. С. П. и Р. т. V, № 1, 690, стр. 227—228.

ныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства. Дѣйствительное вліяніе оберъ-прокурорской власти на церковное управленіе было еще такъ слабо и ничтожно, что нѣкоторыя предложенія оберъ-прокурора оставлялись безъ исполненія не только самимъ св. Синодомъ, но и низшими органами синодальнаго управленія. Еще Болтинъ былъ вынужденъ обратить вниманіе Синода на то, что московская синодальная канцелярія не вполнѣ понимала свои обязанности по отношенію къ оберъ-прокурору; ссылаясь на одинъ изъ пунктовъ высочайшей инструкціи, гдѣ оберъ-прокурору повелѣвалось имѣть въ своей рекціи канцелярію Синода и ея служителей, онъ выводилъ изъ него заключеніе, что и подчиненныя высшему церковному учрежденію канцеляріи и конторы должны быть послушны ему, Болтину [1]). Но, какъ видно, Синодъ не нашелъ нужнымъ внушить своей московской канцеляріи правильнаго пониманія ея служебныхъ обязанностей по отношенію къ оберъ-прокурору. По крайней мѣрѣ, когда преемникъ Болтина, Баскаковъ, получившій предписаніе обревизовать московскіе соборы и монастыри, обратился въ мѣстную синодальную канцелярію съ предложеніемъ оказать ему необходимое содѣйствіе въ предстоявшихъ работахъ и разослать по монастырямъ и соборамъ „послушные указы“ о безпрепятственномъ предоставленіи въ распоряженіе оберъ-прокурора нужныхъ свѣдѣній, московская синодальная канцелярія не отнеслась къ предложенію Баскакова, какъ къ чему-либо обязательному для себя; она нашла необходимымъ предварительно освѣдомиться о томъ, какъ смотритъ на намѣренія оберъ-прокурора и какъ относится къ его требованію св. Синодъ, и, заявивъ, что безъ синодальнаго указа не смѣетъ исполнить предложенія Баскакова, просила высшій органъ церковнаго управленія дать ей надлежащія инструкціи [2]).

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Синода т. III, № 536, стр. 564.

[2]) Полное Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп. т. V. № 1,575.

Характеризуя фактическое положеніе оберъ-прокурора въ сферѣ его отношеній къ св. Синоду и подчиненнымъ послѣднему низшимъ административнымъ учрежденіямъ, цитируемый документъ, въ то же время, позволяетъ намъ составить довольно опредѣленное представленіе и о тѣхъ взглядахъ на оберъ-прокурорскую власть и ея значеніе въ церковномъ управленіи, какіе тогда имѣли мѣсто не только въ непосредственно зависѣвшихъ отъ Синода правительственныхъ органахъ, но и во всемъ вообще синодальномъ вѣдомствѣ, не исключая даже и низшихъ, отдѣльныхъ его представителей изъ среды простого. невліятельнаго епархіальнаго духовенства и монашества. Авторитетъ синодальнаго оберъ-прокурора въ мірѣ современнаго Баскакову духовенства и монашества былъ еще настолько незначителенъ, что оберъ-прокуроръ не имѣлъ достаточныхъ основаній разсчитывать на безпрепятственное выполненіе возложеннаго на него порученія и принужденъ былъ предварительно заручиться содѣйствіемъ московской синодальной канцеляріи, предложивъ ей особыми указами обязать настоятелей соборовъ и монастырей повиноваться ему, Баскакову, при производствѣ переписи разницъ и церковной утвари въ московскихъ соборахъ и монастыряхъ. И св. Синодъ также допускалъ полнѣйшую возможность такихъ явленій, какъ неповиновеніе личнымъ оберъ-прокурорскимъ распоряженіямъ простыхъ протоіереевъ и архимандритовъ, такъ какъ нашелъ необходимымъ послать въ надлежащія мѣста спеціальные указы, чтобы „подчиненные Синоду были послушны оберъ-прокурору Баскакову въ перепискѣ ризницъ и церковной утвари“ [1]).

Только въ тѣхъ случаяхъ, когда представитель прокуратуры пользовался своими полномочіями правительственнаго контролера надъ дѣятельностью разнообразныхъ органовъ церковнаго управленія, не только не нарушая интересовъ св. Си-

[1]) Тамъ же, стр. 111.

нода, но даже оказывая ему извѣстное содѣйствіе въ уничтоженіи нежелательныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, оберъ-прокурорская власть встрѣчала сочувственное отношеніе къ своимъ предложеніямъ со стороны высшаго церковнаго учрежденія. Баскаковъ, ознакомившись съ дѣятельностью синодальнаго казеннаго приказа, завѣдывавшаго, между прочимъ, раздачей въ оброчное пользованіе находившихся въ Москвѣ и во всей бывшей патріаршей области церковныхъ земель, увидѣлъ значительную безпорядочность приказнаго дѣлопроизводства, обусловливавшую собою чрезвычайно легкую возможность различныхъ злоупотребленій мѣстныхъ чиновниковъ; казенный приказъ не сообщалъ въ св. Синодъ никакихъ свѣдѣній ни о количествѣ отданныхъ въ оброкъ церковныхъ земель, ни о мѣстѣ ихъ нахожденія, ни о размѣрахъ земельныхъ участковъ и назначенной за нихъ оброчной платы и не увѣдомлялъ его ни о полученіи оброка, ни объ употребленіи въ расходъ собранныхъ денегъ. Оберъ-прокуроръ нашелъ, что подобные порядки или, вѣрнѣе, безпорядки „не безъ сумнительства“, и предложилъ высшему органу церковнаго управленія, вытребовавъ необходимыя свѣдѣнія изъ казеннаго приказа, воспретить на будущее время такую раздачу оброчныхъ церковныхъ земель безъ вѣдома св. Синода. Такъ какъ безконтрольное хозяйничаніе казеннаго приказа оброчными церковными землями, дѣйствительно, очень легко могло давать мѣсто различнымъ злоупотребленіямъ, отъ которыхъ должны были страдать интересы не одного только государственнаго казначейства, но и самого синодальнаго вѣдомства, то св. Синодъ, не видѣвшій ничего непріятнаго и стѣснительнаго для себя въ предложеніи Баскакова, и постановилъ поступить вполнѣ согласно съ желаніемъ и указаніями своего оберъ-прокурора [1]).

3 іюня 1726 года Баскаковъ, получившій извѣстіе, что

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т VIII, № 621.

архимандритъ казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, Салникѣевъ, самовольно распродалъ нѣкоторыя церковныя вещи, предложилъ св. Синоду послать казанскому преосвященному указъ о производствѣ немедленной ревизіи мѣстнаго Спасо-Преображенскаго монастыря, поручивъ ему освидѣтельствовать по прежней описи все монастырское имущество и, въ случаѣ дѣйствительнаго исчезновенія какихъ-либо церковныхъ принадлежностей, надлежащимъ образомъ допросить Салникѣева, для чего и препроводить въ Казань подозрѣваемаго архимандрита, находившагося въ то время въ Москвѣ. Предложеніе назначить судебное слѣдствіе по дѣлу о расхищеніи монастырскихъ драгоцѣнностей, въ данномъ случаѣ, вполнѣ совпадало съ интересами самого св. Синода, не менѣе оберъ-прокурора оберегавшаго церковную собственность отъ незаконныхъ растратъ, почему Синодъ придалъ должное значеніе сообщенію оберъ-прокурора и постановилъ исполнить желаніе Баскакова [1]).

3 іюня 1728 года московская духовная дикастерія донесла св. Синоду, что она не имѣетъ никакой возможности справиться со всѣми своими многочисленными и разнообразными дѣлами при наличномъ существованіи единственнаго секретаря, и просила опредѣлить на должность второго секретаря или канцеляриста Зыкова, или регистратора Яковлева. Одинъ изъ синодальныхъ членовъ, архіепископъ ростовскій Георгій, написалъ на доношеніи духовной дикастеріи: „велѣть быть Зыкову“, а другой — Игнатій, митрополитъ коломенскій, еще добавилъ, что на освободившееся мѣсто Зыкова назначается Яковлевъ. Баскаковъ обратилъ вниманіе Синода на одно обстоятельство, совершенно упущенное изъ вниманія при опредѣленіи второго секретаря московской дикастеріи, а именно на то, что Зыковъ не представилъ еще счетныхъ списковъ прихода и расхода по своей настоящей должности,

---

[1]) Тамъ же, т. VI, № 172.

почему оберъ-прокуроръ и высказалъ „опасеніе“ въ возможности нежелательныхъ послѣдствій отъ такого не вполнѣ законнаго способа назначенія чиновниковъ на новыя должности; по его мнѣнію, намѣченнаго кандидата можно произвести въ секретари только по окончаніи необходимой провѣрки находившихся въ распоряженіи Зыкова приходо-расходныхъ книгъ и, конечно, при томъ непремѣнномъ условіи, если, послѣ произведеннаго учета, онъ окажется стоящимъ внѣ всякихъ подозрѣній. Трудно было не согласиться съ справедливостью замѣчаній Баскакова, и весьма вѣроятная возможность злоупотребленій въ непровѣренныхъ дѣйствіяхъ синодальнаго чиновника, нѣкоторое время находившагося „у прихода и расхода“ денежныхъ суммъ, побудила св. Синодъ постановить: немедленно же и самымъ тщательнымъ образомъ „счесть“ Зыкова по приходо-расходнымъ книгамъ, за все время его пребыванія у прихода и расхода, и, если по тому счету Зыковъ будетъ признанъ безподозрительнымъ, назначить его въ секретари дикастеріи [1]).

Опредѣляя характеръ отношеній Баскакова, какъ „ока государя и стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ“, къ святѣйшему Синоду, какъ высшему церковному учрежденію, необходимо еще замѣтить, что оберъ-прокуроръ иногда имѣлъ возможность видѣть точное и немедленное исполненіе своихъ предложеній даже и при такихъ условіяхъ, если ему приходилось затрогивать нѣкоторые вопросы, не совсѣмъ безразличные для интересовъ синодальныхъ членовъ. Но такіе, сравнительно рѣдкіе, случаи нисколько не противорѣчатъ нашимъ представленіямъ о характерѣ фактическихъ отношеній первыхъ оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду, такъ какъ самая возможность подобныхъ фактовъ обусловливалась не тѣмъ, что высшее церковное учрежденіе добровольно признавало себя обязаннымъ исполнять предложенія своего оберъ-прокурора,

[1]) Тамъ же, т. VIII, № 382.

а другими, совершенно посторонними и чисто внѣшними причинами. Баскакову иногда приходилось дѣлать Синоду извѣстныя предложенія не лично отъ себя самого, а отъ высшаго государственнаго учрежденія, какимъ былъ въ то время Верховный Тайный Совѣтъ, или даже отъ какого-либо всесильнаго фаворита, и, въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, оберъ-прокуроръ, по большей части, не встрѣчалъ никакого противодѣйствія передаваемымъ предложеніямъ со стороны высшаго органа церковнаго управленія.

Въ предложеніи отъ 31 мая 1727 года Баскаковъ писалъ св. Синоду, что Верховный Тайный Совѣтъ, призвавъ къ себѣ его, оберъ-прокурора, приказалъ составить особыя отчетныя вѣдомости о различныхъ денежныхъ суммахъ и цѣнныхъ вещахъ, поступавшихъ въ распоряженіе св. Синода за все время его существованія; въ вѣдомостяхъ, по распоряженію Верховнаго Совѣта, требовалось сообщить точныя свѣдѣнія о размѣрахъ собраннаго съ раскольниковъ двойного оклада, съ указаніемъ расходовъ и потребностей, на какія были истрачены полученныя суммы, о количествѣ денегъ и вещей, оставшихся послѣ умершихъ архіереевъ, архимандритовъ и другихъ духовныхъ лицъ и поступившихъ въ распоряженіе Синода, о суммѣ разнообразныхъ штрафовъ и, наконецъ, о томъ, кому изъ синодальныхъ членовъ были розданы платье и другія вещи, сохранившіяся послѣ московскихъ патріарховъ. Такъ какъ далеко не всѣ свѣдѣнія, необходимыя для составленія подобныхъ вѣдомостей, могли быть найдены Баскаковымъ въ канцеляріи Синода, и большая часть ихъ сохранялась въ документахъ московскихъ синодальныхъ учрежденій, то оберъ-прокуроръ и предложилъ высшему органу церковнаго управленія предписать московской синодальной канцеляріи немедленно же произвести всѣ необходимыя справки и собранныя свѣдѣнія представить въ св. Синодъ [1]).

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. VII, № 175.

Едва ли возможно допустить, чтобы предложеніе Баскакова—составить для Верховнаго Тайнаго Совѣта подробныя и точныя вѣдомости о расходованіи различныхъ денежныхъ суммъ и употребленіи въ личное пользованіе разнообразныхъ цѣнныхъ вещей, находившихся въ распоряженіи Синода, нисколько не нарушало его интересовъ; напротивъ, мы, по всей вѣроятности, не ошибемся. если предположимъ, что привлеченіе къ отчетности въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ полученіе и расходованіе денегъ, должно было показаться высшему органу церковнаго управленія очень непріятнымъ и совсѣмъ уже нежелательнымъ явленіемъ. Между тѣмъ, св. Синодъ тотчасъ же сдѣлалъ соотвѣтствующее предписаніе своей московской канцеляріи и даже постановилъ въ тотъ же день (31 мая) составить требуемыя вѣдомости на основаніи имѣющихся подъ руками свѣдѣній и представить ихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ [1]).

Понятно, что въ данномъ и въ аналогичныхъ съ нимъ случаяхъ не могло имѣть никакого мѣста личное вліяніе оберъ-прокурора на рѣшенія и опредѣленія св. Синода, такъ какъ Синодъ чувствовалъ себя вынужденнымъ исполнять не предложенія Баскакова, а волю и желанія Тайнаго Совѣта, сосредочивавшаго въ своихъ рукахъ высшее управленіе всѣми государственными дѣлами. Конечно, и простое посредничество Баскакова между могущественнымъ Верховнымъ Совѣтомъ и церковнымъ учрежденіемъ легко могло бы повести за собою развитіе сильнаго фактическаго вліянія оберъ-прокурора на правительственную дѣятельность св. Синода, если бы подобное посредничество представляло собою постоянное, нормальное явленіе, дѣлавшее невозможными непосредственныя сношенія Синода съ верховною властью чрезъ тотъ же Тайный Совѣтъ. Но въ дѣйствительности, какъ мы уже знаемъ, Баскакову сравнительно очень рѣдко приходилось вы-

[1]) Тамъ же.

ступать въ св. Синодѣ въ такой выгодной роли, и оберъ-прокурорская власть не извлекла никакихъ выгодъ изъ случайныхъ порученій высшаго государственнаго учрежденія.

Такое же значеніе для оберъ-прокурорской власти имѣли и тѣ единичные случаи, когда различные временщики и фавориты избирали Баскакова орудіемъ для передачи своихъ распоряженій св. Синоду. Оберъ-прокуроръ сообщалъ высшему церковному учрежденію желаніе какого-либо сильнаго лица, передавшаго ему свое распоряженіе подъ видомъ именного высочайшаго указа, и Синоду, по необходимости, приходилось удовлетворять вліятельныхъ временщиковъ. 3 іюля 1728 года Баскаковъ доложилъ св. Синоду именной высочайшій указъ, сообщенный оберъ прокурору, чрезъ протоколиста иностранной коллегіи, графомъ Остерманомъ, предписавшимъ въ самомъ непродолжительномъ времени вызвать въ Москву архимандрита Троицко-Сергіева монастыря, Варлаама; распоряженіе Остермана, располагавшаго въ то время громаднымъ вліяніемъ на государственныя дѣла, было безпрекословно и въ точности исполнено высшимъ органомъ церковнаго управленія [1]).—Въ томъ же 1728 году князь Долгоруковъ, также подъ видомъ именного высочайшаго указа, увѣдомилъ Баскакова о необходимости отправить въ Николаевскій Радовицкій монастырь рязанской епархіи умалишеннаго полковника Селиванова, и Синодъ, по предложенію оберъ-прокурора, постановилъ послать настоятелю монастыря послушной указъ о принятіи „подъ начало“ безумнаго полковника [2]).

Но необходимо замѣтить, что даже и въ такихъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда Баскаковъ, услужливо выполнявшій разнообразныя порученія сильныхъ временщиковъ, являлся посредникомъ между церковнымъ учрежденіемъ и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ или же отдѣльными влія-

---

[1]) Тамъ же, т. VIII, № 402.

[2]) Тамъ же, № 481.

тельными личностями, св. Синодъ иногда находилъ еще возможнымъ разсматривать предложенія оберъ-прокурора съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, не смотря на то, что въ данныхъ случаяхъ оберъ-прокурорская власть передавала ему постороннія распоряженія подъ видомъ именныхъ высочайшихъ указовъ. 15 октября 1728 года высшій органъ церковнаго управленія слушалъ словесное заявленіе Баскакова, что князь Долгорукій объявилъ ему высочайшій указъ о назначеніи на мѣсто протопопа Успенскаго собора священника Преображенскаго полка, Максимова, и Синодъ только послѣ предварительнаго, обстоятельнаго обсужденія оберъ-прокурорскаго сообщенія, („довольно разсуждая", какъ сказано въ документѣ,) опредѣлилъ назначить Максимова протопопомъ Успенскаго собора [1]).—Въ своемъ предложеніи отъ 13 сентября 1727 года Баскаковъ сообщилъ св. Синоду, что оберъ-секретарь Масловъ объявилъ ему отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобы въ С.Петербургѣ и въ ближайшихъ къ столицѣ завоеванныхъ городахъ и уѣздахъ надзоръ за благочиніемъ всего мѣстнаго духовенства былъ порученъ митрополиту коломенскому, Игнатію. Предложеніе оберъ-прокурора, хотя и было вызвано приказаніемъ Верховнаго Совѣта, не встрѣтило, однако же, со стороны церковнаго учрежденія покорной готовности немедленно привести въ исполненіе не совсѣмъ пріятное для него распоряженіе верховниковъ, позволявшихъ себѣ вмѣшиваться въ совершенно чуждую имъ сферу церковнаго управленія. Синодъ, послѣ продолжительныхъ разсужденій, постановилъ не исполнять предложеніе Баскакова, а потребовать еще предварительно письменный указъ по предмету сообщенія оберъ-прокурора, съ такимъ распоряженіемъ, чтобы на митрополита Игнатія были возложены не только наблюденіе за благочиніемъ духовенства, но и остальныя обязанности епархіальнаго управленія [2]).

---

[1]) Тамъ же, № 607.

[2]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. VII, № 262.

Насколько, дѣйствительно, ничтожное значеніе имѣли, въ дѣлѣ развитія фактическаго вліянія оберъ-прокурора на высшее церковное учрежденіе, случайные единичные факты посредничества Баскакова между верховною властью [1]) и св. Синодомъ, доказываетъ самая возможность полученія „окомъ“ государя распоряженій, „указовъ“ не только отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и пр. Сената [2]), но и отъ самого св. Синода. Такія проявленія своеобразныхъ отношеній между высшимъ церковнымъ учрежденіемъ и органомъ прокуратуры, хотя и рѣдко, но все же встрѣчаются въ документахъ синодальнаго архива.

Высочайшимъ повелѣніемъ императрицы Екатерины было приказано возвратить по принадлежности всѣ церковныя и монастырскія вещи, произвольно отобранныя въ архіерейскій домъ бывшимъ новгородскимъ архіепископомъ, Ѳеодосіемъ Яновскимъ. Для обсужденія болѣе удобныхъ способовъ исполненія императорскаго распоряженія состоялось общее „собраніе“ Сената съ Синодомъ, и высшія государственныя учрежденія постановили послать „указъ“ синодальному оберъ-прокурору Баскакову, съ предписаніемъ выполнить во всей точности высочайшее повелѣніе и, по окончаніи порученія, представить соотвѣтствующій репортъ въ Кабинетъ Ея Величества [3]). Правда, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ отношеніемъ оберъ прокурора не къ одному св. Синоду, а къ конференціи двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій, но, при юридическимъ равенствѣ полномочій Сената и Синода, и подобный указъ является довольно характернымъ для правильнаго пониманія фактическаго положенія представителя

---

[1]) Чрезъ Тайный Совѣтъ и отдѣльныхъ вліятельныхъ личностей.

[2]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. V, № 137.— П. С. П. и Р. т. V, № 1, 575.

[3]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. VIII, № 371, стр. 359—360.

синодальной прокуратуры.—Въ нашемъ распоряженіи находится, однако, и другой, болѣе важный документъ, позволяющій видѣть, какъ высшій органъ церковнаго управленія, въ формѣ указа, сообщилъ Баскакову свое постановленіе, вызванное однимъ нежелательнымъ оберъ-прокурорскимъ предложеніемъ. Когда Баскаковъ сдѣлалъ св. Синоду извѣстное предложеніе о правильномъ веденіи оберъ-прокурорскаго журнала и о необходимости составленія особой инструкціи для синодальнаго экзекутора, то высшее церковное учрежденіе, послѣ наведенныхъ справокъ по возбужденнымъ Баскаковымъ вопросамъ, опредѣлило послать своему оберъ-прокурору точную копію съ произведенной справки „при указѣ", въ которомъ и распорядилось написать, что экзекуторъ не требуетъ особой инструкціи, и что нѣтъ никакой нужды въ спеціальномъ оберъ-прокурорскомъ журналѣ [1]).

Одновременное существованіе такихъ противоположныхъ и, повидимому, взаимно исключающихъ другъ друга явленій, какъ право оберъ-прокурора дѣлать предложенія высшему церковному учрежденію и фактическая возможность полученія имъ указовъ отъ того же учрежденія, имѣло мѣсто въ изучаемой нами исторіи прокуратуры не только въ одномъ синодальномъ вѣдомствѣ, но и въ области взаимныхъ отношеній Сената и генералъ-прокурора. И здѣсь генералъ-прокуроръ дѣлалъ предложенія правительствующему Сенату, но въ то же время иногда и самъ получалъ отъ него указы [2]).

Верховная власть, надѣливъ синодальнаго оберъ-прокурора довольно значительными правами и полномочіями, какъ уже было замѣчено выше, не стремилась поставить прокуратуру въ такое положеніе, при которомъ бы она могла пользоваться своими правами въ ущербъ относительной самостоятельности и независимости высшаго церковнаго учрежденія.

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. т. V, № 1,690, стр. 228.

[2]) См. изслѣдованіе Петровскаго „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго", стр. 184, примѣчаніе.

Но такъ какъ въ сферу дѣятельности св. Синода, кромѣ спеціально церковныхъ или духовныхъ дѣлъ, какъ они называются въ оффиціальныхъ документахъ того времени [1]), входили еще многочисленныя и разнообразныя дѣла, существеннымъ образомъ затрогивавшія экономическіе и другіе интересы государства, то правительство, въ скоромъ же времени послѣ учрежденія института прокуратуры, пришло къ убѣжденію въ недостаточности одной новой мѣры для приведенія всей системы церковнаго управленія въ желательное для государства состояніе. По словамъ высочайшаго указа императрицы Екатерины I отъ 15 іюля 1726 года [2]), преобразователь, отмѣнившій патріаршество, заботясь объ исправленіи „чина духовнаго“, учредилъ „Духовную Коллегію (т. е. Духовное Соборное Правительство), чтобъ по Регламенту всякія духовныя дѣла во Всероссійской Церкви управлять“. Но когда, по докладнымъ пунктамъ, въ вѣдѣніе и распоряженіе вновь учрежденнаго Духовнаго Собранія были переданы и многія другія дѣла, соединенныя съ управленіемъ вотчинами, со сборами съ нихъ разнообразныхъ доходовъ и со всевозможными „росправами“, св. Синодъ оказался сильно отягощеннымъ своими сложными обязанностями, „отъ чего и во управленіи духовныхъ дѣлъ учинилось помѣшательство“. Тогда государь, по выраженію оффиціальнаго правительственнаго документа, „соизволилъ воспріять было намѣреніе“ снова ограничить дѣятельность Синода исключительно только однимъ духовными дѣлами, чтобы „церковное правленіе и ученіе во славу имяни Божія въ наилутчае происходило“, и лишь преждевременная смерть реформатора замедлила практическое осуществленіе его плановъ.

Хотя въ указѣ императрицы Екатерины и выставлялись главными причинами намѣренія преобразователя „помѣша-

---

[1]) П. С. П. и Р. т. V, № 1,819.

[2]) Тамъ же.

тельство въ управленіи духовныхъ дѣлъ", являвшееся слѣдствіемъ отягощенія Синода сложными обязанностями, и желаніе привести церковное управленіе въ лучшее состояніе, но общій характеръ отношеній практичнаго Петра къ церкви и церковному управленію заставляетъ предполагать, что, въ данномъ случаѣ, правительство не столько заботилось о дѣйствительныхъ интересахъ церкви, сколько стремилось къ тому, чтобы поставить въ желательное для себя положеніе управленіе наиболѣе интересными для государства экономическими дѣлами церкви. Государство было сильно заинтересовано въ тѣхъ многочисленныхъ дѣлахъ, соединенныхъ съ управленіемъ церковными вотчинами, сборами съ нихъ разнообразныхъ доходовъ и всевозможными „росправами", которыя были переданы въ непосредственное вѣдѣніе и распоряженіе св. Синода, и Петръ, очевидно, не удовлетворился однимъ назначеніемъ въ Синодъ спеціальнаго органа правительственнаго надзора за интересами государства въ сферѣ церковнаго управленія. Онъ желалъ устранить членовъ высшаго церковнаго учрежденія отъ непосредственнаго завѣдыванія экономическими дѣлами церкви и организовать управленіе подобными дѣлами на новыхъ началахъ, поставивъ его въ ближайшую зависимость отъ государства. Не успѣвъ привести въ исполненіе свои преобразовательные планы во всемъ ихъ объемѣ, Петръ, однако же, положилъ начало освобожденію св. Синода отъ непосредственнаго завѣдыванія нѣкоторыми интересными для государства экономическими церковными дѣлами. Такъ, мы уже знаемъ, что онъ поручилъ важныя въ экономическомъ отношеніи дѣла „объ учрежденіи монастырей" [1]), о распредѣленіи монастырскихъ доходовъ [2]) и штрафныхъ денегъ, собиравшихся съ раскольниковъ, [3]) вѣдѣнію свѣтскаго довѣреннаго лица, капитана Баскакова.

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх св. Син. т. V, № 136.
[2]) П. С. П. и Р. т. IV, № 1,279.
[3]) Тамъ же, № 1,278.

Императрица Екатерина I, заявившая по своемъ вступленіи на престолъ, что она будетъ продолжать не докончennое преобразователемъ, дѣйствительно продолжала и начатое Петромъ ограниченіе правъ св. Синода на непосредственное завѣдываніе разнообразными экономическими дѣлами русской церкви. Послѣ увольненія Болтина отъ оберъ-прокурорской должности, Екатерина назначила на освободившееся мѣсто спеціальнаго органа правительственнаго надзора за интересами государства въ сферѣ церковнаго управленія того самаго гвардейскаго капитана Баскакова, который уже при ея предшественникѣ успѣлъ зарекомендовать себя въ глазахъ правительства умѣлымъ веденіемъ порученныхъ ему церковно-экономическихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ назначеніемъ новаго оберъ-прокурора императрица оффиціально признала за нимъ и ближайшія права на участіе въ управленіи монастырскими дѣлами, приказавъ Баскакову, и въ новомъ положеніи синодальнаго оберъ-прокурора, „отправлять порученныя... отъ Его Императорскаго Величества о учрежденіи монастырей дѣла“ [1]).

Но порученіе ближайшему вѣдѣнію синодальной прокуратуры значительной части экономическихъ дѣлъ, связанныхъ съ „учрежденіемъ монастырей“, не могло удовлетворить Екатерининское правительство, стремившееся осуществить болѣе широкіе планы преобразователя, и 15-го іюля 1726 года Екатерина издала указъ о реформированіи синодальнаго управленія, выразившемся въ раздѣленіи св. Синода на два отдѣльныхъ апартамента [2]). Первый апартаментъ, состоявшій изъ шести членовъ-архіереевъ, въ силу высочайшаго указа императрицы Екатерины, долженъ былъ завѣдывать духовными дѣлами всероссійской церкви и наблюдать за благочиніемъ духовенства и печатаніемъ церковныхъ книгъ, второй же апартаментъ былъ обязанъ управлять судомъ, расправою и

[1]) Опис. док. и дѣлъ арх. св. Син. т. V, № 136.

[2]) П. С. П. и Р. т. V, № 1,819.

экономіею по дѣламъ духовнаго вѣдомства, по примѣру бывшаго Патріаршаго Разряда и другихъ патріаршихъ приказовъ. Выдѣливъ въ вѣдѣніе второго апартамента всѣ дѣла духовнаго вѣдомства, такъ или иначе затрогивавшія наиболѣе существенные интересы государства, правительство нашло нужнымъ совершенно устранить отъ участія въ немъ представителей духовнаго сословія и пополнило его наличный составъ исключительно только одними свѣтскими чиновниками, отведя среди нихъ первое мѣсто оберъ-прокурору Баскакову.

Ограниченіе дѣятельности св. Синода или, точнѣе, его перваго апартамента „единымъ правленіемъ въ духовныхъ дѣлахъ“, не соединялось, однако же, съ предоставленіемъ синодальнымъ членамъ полной, безусловной свободы и самостоятельности даже и въ рѣшеніи узко-спеціальныхъ „духовныхъ“ дѣлъ, такъ какъ тѣмъ же высочайшимъ указомъ предписывалось первому апартаменту „о которыхъ духовныхъ дѣлахъ рѣшеніе учинить будетъ не можно, о томъ доносить государынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, представляя свои мнѣнія“. Второй апартаментъ, состоявшій исключительно изъ однихъ свѣтскихъ лицъ, обязанъ былъ, въ силу высочайшаго указа, сообщать „Синоду“, т. е. его первому апартаменту, „о тѣхъ дѣлахъ, которыя подлежатъ къ духовному разсужденію“, а о свѣтскихъ дѣлахъ долженъ уже былъ доносить „Высокому Сенату“ [1]).

Предполагая назначить членомъ вновь организованнаго второго апартамента синодальнаго оберъ-прокурора Баскакова, какъ человѣка, близко знакомаго, по своему служебному положенію, съ характеромъ самыхъ дѣлъ, поручаемыхъ новому апартаменту, Екатерина въ первое время признавала, повидимому, неудобнымъ совмѣщеніе обязанностей синодальной прокуратуры съ дѣятельностью члена вновь возникавшаго учрежденія, и 24 іюня 1726 года, т. е. за нѣсколько дней до

[1]) Тамъ же.

изданія извѣстнаго намъ указа о реорганизаціи синодальнаго управленія, приказала опредѣлить въ св. Синодъ, вмѣсто оберъ-прокурора Баскакова, простого прокурора и назначить на эту новую должность Раевскаго [1]), исправлявшаго прокурорскія обязанности въ монастырскомъ приказѣ; бывшему же оберъ-прокурору высочайшимъ распоряженіемъ было поручено, вмѣстѣ съ другими свѣтскими чиновниками, завѣдываніе дѣлами во второмъ апартаментѣ реорганизованнаго Синода [2]). 14 іюля императорскій указъ изъ Верховнаго Совѣта поступилъ въ Сенатъ, который, въ свою очередь, переслалъ его въ св. Синодъ [3]).

Повидимому, правительственное назначеніе Раевскаго простымъ прокуроромъ [4]) въ св. Синодъ, значительно пони-

---

[1]) Сборникъ имп. рус. ист. общ. т. 55, стр. 384, № 220.

[2]) Тамъ же, стр. 479.

[3]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. т. V, № 1,824. Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син, т. VI, № 212.

[4]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода (Т. V, № 137, стр. 247), дѣлается указаніе на одно сенатское вѣдѣніе, присланное въ Синодъ 23 марта 1727 года, въ которомъ сообщалось, что будто бы 25 іюля 1726 года Раевскій былъ назначенъ *оберъ-прокуроромъ* св. Синода. Но мы не рѣшаемся довѣрять этому единственному, не совсѣмъ надежному, источнику и скорѣе склонны допустить здѣсь простую описку въ названіи новой должности Раевскаго („оберъ-прокуроромъ“ вмѣсто „прокуроромъ“), такъ какъ тотъ же Сенатъ въ своемъ вѣдѣніи, посланномъ въ Синодъ 27 іюля 1726 года, оффиціально сообщилъ о высочайшемъ назначеніи Раевскаго „прокуроромъ“ въ св. Синодъ (П. С. П. и Р. т. V, № 1,824), а многочисленные документы не оставляютъ мѣста никакому сомнѣнію, что, и послѣ назначенія Раевскаго въ св. Синодъ на прокурорскую должность, синодальнымъ оберъ-прокуроромъ по-прежнему оставался Баскаковъ, состоявшій въ то же время и членомъ-президентомъ вновь организованнаго второго апартамента.

жавшее положеніе прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи, должно было вполнѣ совпадать съ его интересами. Между тѣмъ, св. Синодъ отнесся къ уничтоженію оберъ-прокурорской власти далеко неблагопріятно. Въ новомъ высочайшемъ распоряженіи Синодъ, по всей вѣроятности, увидѣлъ явное стремленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта унизить его честь и достоинство, такъ какъ простые прокуроры имѣли мѣсто не въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, а въ обыкновенныхъ коллегіяхъ, стоявшихъ въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Сенату. Только при такомъ предположеніи и возможно объяснить то довольно странное обстоятельство, что присланный при сенатскомъ вѣдѣніи императорскій указъ остался безъ должнаго исполненія. Св. Синодъ ограничился лишь тѣмъ, что выслушалъ высочайшее повелѣніе и затѣмъ распорядился сдѣлать на немъ слѣдующую надпись: „подано и слушано 8 дня августа 1726 года; записавъ въ книгу, отдать по повытью“. Въ протоколъ выслушанный указъ не былъ внесенъ и никакого синодальнаго опредѣленія по нему не послѣдовало; высочайшій указъ былъ сданъ въ синодальный архивъ, съ отмѣткой на обложкѣ дѣла: „не рѣшено“ [1]). Баскаковъ же, назначенный, вмѣстѣ съ другими свѣтскими чиновниками, во второй апартаментъ преобразованнаго Синода, продолжалъ еще долгое время исполнять и оберъ-прокурорскія обязанности.

Такое отношеніе высшаго церковнаго учрежденія къ высочайшему распоряженію или, вѣрнѣе, къ распоряженію верховниковъ не представляетъ собою исключительнаго явленія; св. Синодъ, ревниво оберегавшій предоставленныя ему права и полномочія, создававшія Синоду такое же положеніе въ области церковнаго управленія, какое занималъ пр. Сенатъ въ сферѣ гражданскаго управленія, иногда находилъ возможнымъ оставлять безъ исполненія не одни только

[1]) П. С. П. и Р. т. V, № 1,824, примѣч.

оберъ-прокурорскія предложенія, но и высочайшія повелѣнія, если въ какомъ-либо отношеніи признавалъ ихъ нежелательными для себя. Когда, съ возникновеніемъ Тайнаго Совѣта и преобразованіемъ Синода, верховная власть нашла неудобнымъ соединять съ названіемъ послѣдняго учрежденія титулъ „правительствующаго“ [1]) и даже прямо предписала, именнымъ высочайшимъ указомъ, чтобы „титуловать его—святѣйшій Синодъ, а „правительствующій“ не писать“ [2]), Синодъ, какъ можно думать на основаніи существующихъ документовъ, и послѣ такого распоряженія по-прежнему называлъ себя не только „святѣйшимъ“, но и „правительствующимъ“ [3]).

Назначеніе Баскакова членомъ второго апартамента, въ скоромъ времени (26 сентября 1726 года) переименованнаго въ коллегію экономіи синодальнаго правленія [4]), не измѣнило характера отношеній оберъ-прокурора къ св. Синоду, а только въ значительной степени уяснило кругъ его ближайшихъ дѣлъ и важнѣйшихъ обязанностей. Какъ первый членъ второго апартамента и президентъ коллегіи экономіи [5]), Баскаковъ, несомнѣнно, пріобрѣлъ болѣе значительное вліяніе на ходъ и направленіе хозяйственныхъ и нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ въ синодальномъ вѣдомствѣ, но это довольно важное обстоятельство не оказало, однако же, существеннаго вліянія на измѣненіе его положенія, какъ синодальнаго оберъ-прокурора, въ высшемъ церковномъ учрежденіи.

Правда, въ архивныхъ документахъ, имѣющихъ отношеніе къ служебной дѣятельности Баскакова послѣ реорганизаціи св. Синода, встрѣчаются нѣкоторыя данныя, которыя, по-

---

[1]) Сборникъ рус. истор. общ. т. 55, стр. 457, № 258.

[2]) П. С. З. т. VII, № 4,925.

[3]) П. С. П. и Р. т. V—Описаніе док. и дѣлъ арх. св Син. т. VI, № 292, стр. 514.

[4]) П. С. П. и Р. т. V, № 1,843.

[5]) Тамъ же, № 1,890.

видимому, заставляютъ думать, что оберъ-прокуроръ, въ прежнее время (въ лицѣ Болтина) принужденный требовать у Синода „сатисфакціи о непослушаніи и противности“ канцелярскаго чиновника и не имѣвшій возможности наказать его собственною властью, теперь уже могъ иногда самостоятельно и властно распоряжаться чиновничьимъ персоналомъ, служившимъ въ канцеляріи св. Синода. Такъ, мы видимъ, что въ 1728 году Баскаковъ вполнѣ самостоятельно, *безъ синодальнаго опредѣленія*, приказалъ бить „батогами нещадно“ подъячаго Буйнакова „за его дурачество“, выразившееся въ составленіи одного грязнаго и циничнаго письма, которое „за безмѣрнымъ срамословіемъ удобно только для секретнаго прочтенія“, и распорядился исключить его изъ канцелярскихъ служителей за различныя неисправности по службѣ [1]). Но нужно замѣтить, что, въ данномъ случаѣ, оберъ-прокуроръ имѣлъ дѣло съ чиновникомъ, уже ранѣе (25 сентября 1727 года) исключеннымъ изъ числа служителей синодальной канцеляріи („за скаредныя писательства“) по распоряженію самого св. Синода, какъ можно видѣть изъ другого документа [2]), хотя и неизвѣстно, какимъ образомъ Буйнаковъ снова оказался канцелярскимъ служителемъ. Обыкновенный же, нормальный порядокъ увольненій отъ службы и назначеній канцелярскихъ чиновниковъ, состоявшихъ „подъ дирекціей“ оберъ-прокурора, и теперь оставался въ прежнемъ положеніи, такъ какъ Баскаковъ только предлагалъ Синоду сдѣлать тѣ или другія измѣненія въ наличномъ составѣ чиновничьяго персонала, дѣйствительныя же распоряженія о назначеніи, перемѣщеніи и увольненіи канцелярскихъ служащихъ зависѣли уже отъ самого высшаго церковнаго учрежденія [3]), которое могло не согласиться съ представленіемъ оберъ-прокурора и не исполнить его предложеніе.

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. VIII, № 605.

[2]) Опис. док. и дѣлъ арх. св. Син. т. VII, № 50.

[3]) Тамъ же, т. VIII, № 230.

Не всегда исполняя оберъ-прокурорскія предложенія, синодальные члены иногда даже находили возможнымъ не придавать значенія и протестамъ Баскакова [1]), что, при обязанности прокуратуры „накрѣпко смотрѣть“ за дѣятельностью св. Синода и не позволять ему приводить въ исполненіе свои распоряженія, не согласныя съ требованіями существующихъ указовъ, легко могло подвести подъ отвѣтственность и самого Баскакова.

Какъ президентъ коллегіи экономіи, хотя и состоявшей подъ вѣдѣніемъ св. Синода, но въ то же время обязанной дѣйствовать и по указаніямъ пр. Сената, синодальный оберъ-прокуроръ долженъ былъ слѣдить за законностью собиранія всевозможныхъ окладовъ, установленныхъ правительствомъ по духовному вѣдомству. Между прочимъ, именнымъ высочайшимъ указомъ Петра I отъ 3 іюня 1714 года былъ установленъ особый сборъ пошлинныхъ и лазаретныхъ денегъ съ такъ называемыхъ вѣнечныхъ памятей, въ размѣрѣ 24 копѣекъ съ первобрачныхъ, 36 коп. съ полуторобрачныхъ, 50 коп. съ второбрачныхъ и 60 коп. съ троебрачныхъ [2]). Но многія лица, завѣдывавшія отпускомъ вѣнечныхъ памятей, позволяли себѣ брать вѣнечныя пошлины и лазаретныя деньги „не уравнительно и съ не малымъ излишествомъ“; св. Синодъ, узнавъ о существованіи злоупотребленій, „причинявшихъ тяготу напрасную маломощнымъ людямъ“, 24 апрѣля 1730 года предписалъ строго руководиться при собираніи пошлинъ съ вѣнечныхъ памятей одною опредѣленною нормой, постановивъ брать съ первыхъ браковъ по 30 копѣекъ, съ полуторныхъ по 42 коп., со вторыхъ браковъ по 56 коп. и съ третьихъ—по 66 копѣекъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, № 717.

[2]) П. С. З. т. VIII, № 5,575.

[3]) П. С. П. и Р. т VII. № 2,317.

Сенатъ, сильно интересовавшійся экономическими дѣлами синодальнаго вѣдомства и не упускавшій благопріятныхъ случаевъ для вмѣшательства въ подобныя дѣла, узнавъ о новомъ постановленіи св. Синода, позволившаго себѣ увеличить на нѣсколько копѣекъ размѣры пошлинъ съ вѣнечныхъ памятей, 10 іюня 1730 года опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе свой указъ о возстановленіи въ прежней силѣ высочайшаго распоряженія Петра. Правительствующему Сенату—писалъ онъ [1])—сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Москвѣ и въ другихъ епархіяхъ „сверхъ указу“ берутъ съ вѣнечныхъ памятей „многія излишнія деньги“, отчего сильно страдаютъ экономическіе интересы небогатаго крестьянскаго населенія. Въ видахъ уничтоженія „не малой тягости, чинимой крестьянамъ сборомъ излишнихъ денегъ“ съ вѣнечныхъ памятей, Сенатъ и опредѣлилъ, чтобы во всѣхъ епархіяхъ, при собираніи пошлинъ съ вѣнечныхъ памятей, руководились исключительно только однимъ распоряженіемъ Петра Великаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сенатъ распорядился, чтобы всѣ „лазаретныя деньги сполна“ поступали въ коллегію экономіи, обязанную репортовать ему о правильномъ и аккуратномъ поступленіи установленныхъ сборовъ, угрожая въ противномъ случаѣ, если „тѣхъ денегъ сполна высылать не будутъ, или тѣ деньги держать станутъ на другіе какіе расходы“, брать „штрафы не малые“ съ архіерейскихъ приказныхъ людей и взыскивать издержанныя на другіе расходы денежныя суммы изъ ихъ собственнаго имущества [2]).

Разосланный по губерніямъ, сенатскій указъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ былъ доставленъ и въ св. Синодъ, вмѣстѣ съ особымъ вѣдѣніемъ, въ которомъ Сенатъ настаивалъ на необходимости распространить новое распоряженіе по епархіямъ.

---

[1]) П. С. З. т. VIII, 5,575.

[2]) П. С. П. и Р. т. VII, № 2, 363.

Высшій органъ церковнаго управленія, по всей вѣроятности очень недовольный вмѣшательствомъ Сената въ спеціальную область церковнаго хозяйства, ссылаясь на именные императорскіе указы, предписывавшіе Сенату издавать какія либо распоряженія, затрогивавшія и интересы „синодской команды", послѣ совмѣстнаго обсужденія дѣла съ св. Синодомъ и не позволявшіе ни Синоду, ни Сенату „чинить новыя генеральныя распоряженія" безъ собственно-ручной подписи государя, довольно рѣшительно замѣтилъ, что по присланному сенатскому опредѣленію „св. Синоду дѣйства производить и въ епархіи указовъ посылать невозможно". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Синодъ постановилъ потребовать отъ Сената, чтобы по разосланнымъ имъ въ губерніи печатнымъ указамъ „дѣйствъ свѣтскимъ командирамъ не производить, дабы духовнымъ управителямъ напраснаго отъ нихъ отягощенія болѣе не происходило", и опредѣлилъ, до окончательнаго разъясненія и рѣшенія затронутаго вопроса на конференціи Сената съ Синодомъ, полученные сенатскіе указы въ епархіи не разсылать и никакого по нимъ дѣйствія не чинить. Постановленіе св. Синода, разославшаго по всѣмъ епархіямъ свои собственные указы, совершенно не согласные съ распоряженіемъ пр. Сената [1]), повидимому, не встрѣтило никакого протеста со стороны Баскакова, имѣвшаго право, въ качествѣ синодальнаго оберъ-прокурора, остановить приведеніе въ исполненіе каждаго опредѣленія высшаго церковнаго учрежденія, признаваемаго имъ неправильнымъ и незаконнымъ [2]). А такъ какъ синодальный оберъ-прокуроръ въ то же время состоялъ еще и президентомъ коллегіи экономіи, обязанной дѣйствовать по указаніямъ Сената, то очень вѣроятно, что послѣдній, оставшійся крайне недовольнымъ

---

[1]) П. С. П. и Р. т. VII, № 2,363, стр. 140—141.

[2]) Тамъ же, т. II, № 680, п. 2.

образомъ дѣйствій св. Синода, перенесъ свое неудовольствіе и на его оберъ-прокурора.

Авторъ цитированной нами документальной статьи о св. Синодѣ, составленной на основаніи не опубликованныхъ матеріаловъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, считаетъ столкновеніе Синода съ Сенатомъ изъ-за разсылки указовъ о сборѣ денегъ съ вѣнечныхъ памятей единственной и ближайшей причиной послѣдовавшаго въ скоромъ времени увольненія Баскакова отъ оберъ-прокурорской должности, утверждая, что Сенатъ увидѣлъ въ отношеніи Баскакова къ распоряженію синодальныхъ членовъ незаконное бездѣйствіе оберъ-прокурорской власти и устранилъ его отъ должности [1]). Къ сожалѣнію, подлинный документъ, имѣющій отношеніе къ увольненію Баскакова отъ оберъ-прокурорской должности, – собственноручный указъ императрицы Анны Іоанновны—заключаетъ въ себѣ довольно неопредѣленное указаніе на дѣйствительныя причины увольненія синодальнаго оберъ-прокурора, называя такою причиной „оплошку“ Баскакова противъ прокурорской должности: „Алексѣя Баскакова за оплошку противъ должности прокурорской вычесть у него изъ жалованія за четверть года и отъ оберъ-прокуровъ отставить“, писала императрица Анна Іоанновна въ своемъ указѣ отъ 2 декабря 1730 года, объявленномъ св. Синоду изъ пр. Сената [2]). Безъ сомнѣнія, такое неопредѣленное выраженіе, какъ „оплошка противъ должности прокурорской“, мало уясняетъ дѣйствительную вину Баскакова, которою нашелъ возможнымъ воспользоваться Сенатъ, чтобы устранить его отъ исполненія обязанностей спеціальнаго органа правительственнаго надзора за интересами государства въ сферѣ церковнаго управленія. Неопредѣленность выраженія

---

[1]) Внутренній бытъ рус. государства, кн. 2, стр. 255.

[2]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1730 г. (20 марта) № 105.

высочайшаго указа, при отсутствіи другихъ документальныхъ данныхъ, и заставляетъ насъ ограничиваться, при объясненіи ближайшихъ причинъ увольненія Баскакова, только одними, болѣе или менѣе вѣроятными, догадками и предположеніями. Интересно, что въ документахъ синодальнаго архива приведенный указъ императрицы Анны Іоанновны находится въ дѣлѣ о бывшемъ воронежскомъ епископѣ Львѣ, обвинявшемся въ преступленіи политическаго характера, лишенномъ по суду сана и сосланномъ въ ссылку въ 1730 году, т. е. почти въ одно время съ отставкой Баскакова [1]). Послѣднее обстоятельство позволяетъ предполагать, что Сенатъ, недовольный дѣйствіями оберъ-прокурора въ извѣстномъ столкновеніи съ Синодомъ, могъ воспользоваться и даннымъ дѣломъ, чтобы обвинить Баскакова въ „оплошкѣ противъ прокурорской должности“ и испросить у государыни высочайшій указъ объ увольненіи синодальнаго оберъ-прокурора.

Св. Синодъ не имѣлъ особенныхъ побужденій отстаивать своего оберъ-прокурора и, получивъ сенатское вѣдѣніе съ высочайшимъ указомъ императрицы Анны, постановилъ (4 декабря) [2]) привести въ исполненіе правительственное распоряженіе объ отрѣшеніи Баскакова отъ оберъ-прокурорской должности.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 419.

ГЛАВА II.

Увольненіе Баскакова отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора на нѣкоторое время совершенно освободило высшее церковное учрежденіе отъ всякаго контроля со стороны прокуратуры, такъ какъ, состоявшееся 14 іюля 1726 года, высочайшее распоряженіе о назначеніи, вмѣсто оберъ-прокурора Баскакова, простого прокурора Раевскаго не было приведено въ исполненіе св. Синодомъ [1]).

Институтъ прокурорскаго надзора за высшими государственными учрежденіями, обязанный своимъ происхожденіемъ преобразовательнымъ идеямъ Петра, при его ближайшихъ преемникахъ уже, видимо, не пользовался никакимъ сочувствіемъ правительства. Главный представитель прокуратуры, Ягужинскій, назначенный преобразователемъ генералъ-прокуроромъ Сената, съ появленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, отстранившаго „око государя“ отъ непосредственныхъ сношеній съ источникомъ его полномочій, утратилъ всякую возможность дѣйствительнаго, фактическаго вліянія на ходъ государственнаго управленія и даже, какъ позволяетъ думать одинъ историческій документъ, не могъ исполнять своихъ генералъ-прокурорскихъ обязанностей. По крайней мѣрѣ, въ высочайшемъ манифестѣ отъ 2 октября 1730 года [2]) импе-

---

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. т. V, № 1,824.

[2]) П. С. З. т. VIII, № 5,625.

ратрица Анна Іоанновна констатировала, какъ несомнѣнный фактъ, уничтоженіе генералъ-прокурорской должности по смерти Петра, хотя ей и были неизвѣстны виновники такой печальной участи сенатскаго генералъ-прокурора.

Уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ извѣстно, было соединено съ возстановленіемъ Сената въ томъ первоначальномъ значеніи, какое ему принадлежало въ общей системѣ государственнаго управленія при жизни его основателя—Петра [1]). Повидимому, можно было бы ожидать, что возстановленный въ первоначальномъ видѣ правительствующій Сенатъ будетъ соединять въ себѣ вмѣстѣ съ коллегіальными началами, положенными въ основу его организаціи, и введенное въ него личное начало, воплощенное въ должности генералъ-прокурора. Но на первомъ же засѣданіи обновленный Сенатъ призналъ нежелательнымъ возстановленіе института прокуратуры и нашелъ болѣе удобнымъ совершенно освободить себя отъ генералъ-прокурорскаго и оберъ-прокурорскаго контроля [2]).

Очевидно, что и верховная власть, въ лицѣ императрицы Анны Іоанновны, если и не вполнѣ раздѣляла воззрѣнія сенаторовъ на значеніе прокурорскаго надзора въ дѣлѣ упорядоченія дѣятельности коллегіальныхъ учрежденій, то, по крайней мѣрѣ, находила возможнымъ мириться съ ними, такъ какъ позволила Сенату оставаться безъ представителей прокуратуры.—Неизвѣстно, кто оказалъ на императрицу вліяніе, неблагопріятное для интересовъ Сената, внушивъ ей мысль преобразователя о необходимости прокуратуры въ коллегіальныхъ учрожденіяхъ, но въ своемъ манифестѣ отъ 2 октября 1730 года [2]) Анна Іоанновна уже открыто признала уничтоженіе генералъ-прокурорской должности одною изъ главныхъ

---

[1]) Тамъ же, № 5,510.

[2]) Соловьевъ Исторія Россіи, т. XIX. стр. 272.

[3]) П. С. З. т. VIII, № 5,625.

причинъ существованія различныхъ безпорядковъ въ государственномъ управленіи и, до назначенія въ правительствующій Сенатъ особаго генералъ-прокурора, поручила исполненіе его должности одному изъ сенаторовъ, генералу Ягужинскому.

Высказанное императрицей обѣщаніе назначить въ Сенатъ особаго генералъ-прокурора оказало, однако, самое ничтожное вліяніе на положеніе прокуратуры въ высшихъ органахъ государственнаго управленія; намѣреніе верховной власти осталось безъ исполненія, и даже исправлявшій генералъ-прокурорскую должность, Ягужинскій, въ скоромъ времени послѣ учрежденія Императорскаго Кабинета [1]), замѣнившаго собою уничтоженный Верховный Тайный Совѣтъ, былъ удаленъ въ почетную ссылку. Какъ человѣка безпокойнаго и небезопаснаго для Остермана, вновь унизившаго Сенатъ созданіемъ Императорскаго Кабинета, Ягужинскаго постарались лишить всякой возможности оказывать какое бы то ни было вліяніе на государственныя дѣла и съ этою цѣлью въ концѣ 1731 года отправили его посланникомъ въ Берлинъ. Должность сенатскаго генералъ-прокурора, временно порученная Ягужинскому, съ его удаленіемъ осталась уже совершенно незанятой, но верховная власть не спѣшила возстановить институтъ прокуратуры въ томъ первоначальномъ видѣ, какой онъ имѣлъ при жизни своего организатора, и только 28 апрѣля 1740 года Сенатъ получилъ, наконецъ, генералъ-прокурора въ лицѣ князя Трубецкого [2]).

Неудивительно, что, при такомъ отношеніи къ главному представителю прокурорскаго надзора верховной власти или, вѣрнѣе, тѣхъ лицъ, которыя управляли государствомъ въ царствованіе Анны Іоанновны, и св. Синодъ имѣлъ возможность довольно долгое время оставаться безъ спеціальнаго органа правительственнаго контроля. Назначеніе Трубецкого на долж-

---

[1]) Тамъ же, № 5,871

[2]) Внутренній бытъ рус. госуд. кн. 2, стр. 43.

ность сенатскаго генералъ-прокурора должно было повести за собою необходимыя улучшенія въ сильно разстроенномъ дѣлѣ прокурорскаго надзора за различными государственными учрежденіями. И дѣйствительно, мы видимъ, что новый генералъ-прокуроръ задумалъ возстановить умиравшій институтъ прокуратуры и даже внести въ него нѣкоторыя улучшенія и дополненія, способныя придать ему бо́льшую стройность и жизненность. 31 октября 1740 года Трубецкой подалъ на высочайшее имя особый докладъ о современномъ положеніи прокурорскаго надзора и о необходимости принятія нѣкоторыхъ мѣръ для уничтоженія разнообразныхъ недостатковъ въ организаціи правительственнаго контроля надъ дѣятельностью государственныхъ учрежденій. Проектируя придать бо́льшую стройность и законченность системѣ прокурорскаго надзора, поставивъ во главѣ ея генералъ-прокурора и подчинивъ его власти всѣхъ остальныхъ органовъ контроля, не исключая и синодальнаго оберъ-прокурора, Трубецкой не стѣснялся даже искажать историческіе факты, утверждая въ своемъ долладѣ, что графъ Ягужинскій, назначенный именнымъ императорскимъ указомъ Петра генералъ-прокуроромъ Сената, вмѣстѣ съ низшими представителями прокуратуры получилъ себѣ въ помощники и оберъ-прокурора св. Синода, и что самый выборъ всѣхъ органовъ правительственнаго контроля, а слѣдовательно и синодальнаго оберъ-прокурора, былъ предоставленъ ему же, Ягужинскому [1]). Такъ какъ, по словамъ доклада [2]), въ Синодѣ и Сенатѣ не существовало оберъ-прокуроровъ, а въ коллегіяхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ — простыхъ прокуроровъ, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ лицъ, совершенно неспособныхъ къ порученному имъ дѣлу, то Трубецкой и предложилъ на высочайшее утвержденіе избранныхъ имъ кандидатовъ на должности оберъ-прокуроровъ и простыхъ

[1]) Тамъ же, стр. 42.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

прокуроровъ въ различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Въ числѣ представленныхъ кандидатовъ находился и оберъ-прокуроръ св. Синода.

3 ноября 1740 года докладъ генералъ-прокурора былъ утвержденъ регентомъ Бирономъ, и Синодъ, долгое время остававшійся безъ спеціальнаго органа правительственнаго надзора, вновь получилъ отъ государственной власти своего оберъ-прокурора, въ лицѣ выбраннаго Трубецкимъ генералъ-провіантмейстера, Никиты Семеновича Кречетникова [1]). Поступившее въ Сенатъ для исполненія, правительственное распоряженіе постепенно уже начинало осуществляться въ дѣйствительной жизни; находившіеся въ Москвѣ и другихъ городахъ новые прокуроры успѣли пріѣхать въ Петербургъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже приняли и установленную присягу; въ числѣ вызванныхъ въ Петербургъ находился и синодальный оберъ-прокуроръ Кречетниковъ. Но въ то время, когда Кречетникову оставалось только явиться въ св. Синодъ и вступить въ отправленіе своихъ прокурорскихъ обязанностей, произошелъ важный государственный переворотъ. Послѣдовало низверженіе регента Бирона и назначеніе правительницей государства принцессы Анны Леопольдовны. Личныя перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи немедленно же отразились и на положеніи представителей прокуратуры; за подписью правительницы появился указъ, отмѣнявшій утвержденный Бирономъ проектъ Трубецкого о реорганизаціи прокурорскаго надзора.

Крайне неопредѣленное положеніе, въ какомъ оказались, вслѣдствіе неожиданнаго распоряженія новаго правительства, всѣ кандидаты на вакантныя прокурорскія должности, вызвало въ Сенатѣ нѣкоторыя недоразумѣнія, и верховная власть 29 декабря 1740 года уполномочила Сенатъ опредѣлить на старыя мѣста тѣхъ лицъ изъ назначенныхъ на прокурорскія

---

[1]) Тамъ же, стр. 278.

должности, которыя не пожелаютъ дольше оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи [1]). Не пожелавшихъ числиться на несуществующей службѣ и оставаться не у дѣлъ оказалось очень не мало; въ числѣ ихъ былъ и синодальный оберъ-прокуроръ Кречетниковъ. Въ февралѣ 1741 года онъ обратился въ Императорскій Кабинетъ съ прошеніемъ объ освобожденіи отъ оберъ-прокурорской должности и назначеніи на какую либо другую службу. „Минувшаго ноября 3-го дня", писалъ Кречетниковъ [1]), „по всемилостивѣйшему именному указу пожалованъ я въ святѣйшій Синодъ въ оберъ-прокуроры, въ рангъ генералъ-майора, по силѣ котораго Вашего Императорскаго Величества указа велѣно отъ меня коммиссію принять и явиться въ С.-Петербургѣ, почему и прибылъ; а нынѣ, по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, во опредѣленное мѣсто и никуда не опредѣленъ". Ссылаясь на именной императорскій указъ отъ 29 декабря 1740 года, Кречетниковъ просилъ Кабинетъ опредѣлить его „къ статскимъ дѣламъ, или куда повелѣно будетъ".

Прежде чѣмъ окончательно уволить отъ фиктивныхъ должностей Кречетникова и другихъ прокуроровъ, Императорскій Кабинетъ, несочувственно относившійся къ проекту Трубецкого о возстановленіи института прокуратуры, нашелъ нужнымъ возбудить принципіальный вопросъ о томъ, существуетъ ли дѣйствительная потребность въ учрежденіи какихъ либо чиновниковъ, вмѣсто отказывающихся отъ службы прокуроровъ? Сенатъ, приглашенный Кабинетомъ обсудить возбужденный вопросъ и представить о немъ собственное мнѣніе, поспѣшилъ высказаться въ пользу предоставленія прокурорскихъ правъ и обязанностей старшимъ членамъ самихъ же коллегіальныхъ учрежденій, замѣтивъ, между прочимъ, что въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 44.

[2]) Тамъ же, стр. 279.

св. Синодѣ оберъ-прокурорскую должность можетъ исправлять кто-либо „изъ первыхъ духовныхъ персонъ“ [2]).

Чтобы понять, какимъ образомъ Сенатъ могъ высказать такую мысль, находившуюся, повидимому, въ полномъ противорѣчіи съ постоянными стремленіями государственной власти подчинить своему надзору и вліянію разнообразныя стороны церковнаго управленія, необходимо имѣть въ виду взглядъ того же Сената на законную сферу дѣятельности св. Синода и дѣйствительное положеніе церковнаго управленія въ изучаемое время. Сенатъ находилъ возможнымъ предоставить исправленіе оберъ-прокурорской должности въ св. Синодѣ кому-либо „изъ первыхъ духовныхъ персонъ“ только потому, что ограничивалъ законную область дѣятельности Синода почти исключительно одними „духовными“ дѣлами, такъ какъ коллегія экономіи „съ прочими мѣстами, гдѣ вѣдались сборы и свѣтскія дѣла“, съ 1738 года была окончательно „отрѣшена“ отъ Синода и передана въ вѣдѣніе пр. Сената.

Къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстно, какъ отнесся Императорскій Кабинетъ къ сенатскому проекту о порученіи прокурорскихъ обязанностей старшимъ членамъ самихъ государственныхъ учрежденій; существуютъ только основанія утверждать, что большинство остававшихся не у дѣлъ представителей прокуратуры, въ томъ числѣ и Кречетниковъ, въ скоромъ же времени были уволены отъ номинальныхъ должностей. Въ іюлѣ 1741 года Кабинетъ опредѣлилъ Кречетникова президентомъ ревизіонъ-коллегіи, и св. Синодъ вновь остался безъ оберъ-прокурорской власти.

Съ вступленіемъ на престолъ дочери Петра, императрицы Елизаветы, русское правительство рѣшительно высказалось за возстановленіе въ первоначальномъ видѣ наиболѣе важныхъ государственныхъ учрежденій преобразователя, испытавшихъ не мало перемѣнъ за время господства Верховнаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 44.

Тайнаго Совѣта и Кабинета. Именнымъ указомъ отъ 12 декабря 1741 года [1]) Елизавета Петровна, вмѣстѣ съ реорганизаціей правительствующаго Сената въ духѣ своего отца, возобновила и институтъ прокуратуры въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ при жизни реформатора. Въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ снова получили свое прежнее мѣсто представители прокурорскаго надзора. И хотя въ именномъ указѣ о возстановленіи Сената и прокуратуры упоминались только свѣтскія коллегіи, канцеляріи и конторы, какъ учрежденія, нуждавшіяся въ особыхъ органахъ правительственнаго контроля, но въ скоромъ времени и въ св. Синодѣ была возобновлена оберъ-прокурорская должность.

Возстановленіе оберъ прокурорской власти въ св. Синодѣ вызывалось также и тѣми перемѣнами, какія вновь начали происходить въ изучаемое время въ организаціи управленія церковными имѣніями. Если съ устраненіемъ Синода отъ завѣдыванія наиболѣе интересными для государства экономическими дѣлами духовнаго вѣдомства и съ передачей въ полное распоряженіе Сената коллегіи экономіи, сдѣлавшейся центральнымъ учрежденіемъ по управленію церковными имуществами, правительство не видѣло особенной нужды въ существованіи синодальной прокуратуры, и Сенатъ находилъ даже возможнымъ поручить исполненіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей кому либо изъ самихъ же синодальныхъ членовъ, то теперь, подъ вліяніемъ жалобъ духовныхъ властей и ходатайствъ св. Синода, снова выступалъ на очередь вопросъ о возвращеніи къ старымъ порядкамъ въ управленіи церковными вотчинами. 26 іюня 1741 года св. Синодъ представилъ государынѣ всеподданнѣйшій докладъ о печальныхъ послѣдствіяхъ произведенной реформы въ управленіи церковными имѣніями; „многіе епархіальные архіереи и разныхъ монастырей архимандриты“, писалъ онъ въ своемъ докладѣ, „жаловались, что посланные изъ коллегіи экономіи

[1]) П. С. З. т. XI, № 8,480.

управители всякіе доходы, съѣстные и хлѣбные припасы и въ вотчинныхъ селахъ скотъ и прочее все отъ нихъ отняли и заопредѣленныхъ вотчинъ крестьяне никакихъ архіерейскихъ домовыхъ и монастырскихъ работъ не исправляютъ, отъ чего де оные монастыри приходятъ въ оскудѣніе". Такое положеніе дѣлъ и позволило Синоду обратиться къ государынѣ съ всеподданнѣйшей просьбой, „чтобы всемилостивѣйше повелѣно было заопредѣленныя архіерейскихъ домовъ и монастырей вотчины въ тѣ архіерейскіе домы и монастыри возвратить попрежнему". Такъ какъ ходатайство св. Синода не осталось безъ послѣдствій и высочайшей резолюціей, положенной на всеподданнѣйшемъ докладѣ, было предписано „онымъ заопредѣленнымъ вотчинамъ до дальнѣйшаго впредь разсмотрѣнія и опредѣленія быть по-прежнему въ вѣдомствѣ у (духовныхъ) властей и доходы платить въ коллегію экономіи", то правительство не могло уже теперь не озаботиться и возстановленіемъ контроля за дѣятельностью „духовныхъ властей".

Князь Трубецкой, утвержденный генералъ-прокуроромъ Сената и воспользовавшійся наступившими благопріятными обстоятельствами, чтобы осуществить въ практической жизни свой старый проектъ о подчиненіи сенатскому генералъ-прокурору всѣхъ остальныхъ органовъ правительственнаго надзора, призналъ необходимымъ, въ виду происшедшихъ перемѣнъ въ управленіи церковными имѣніями, возстановить прокуратуру и въ синодальномъ вѣдомствѣ. Представляя на утвержденіе верховной власти избранныхъ имъ кандидатовъ для замѣщенія свободныхъ прокурорскихъ вакансій, Трубецкой присвоилъ себѣ и право выбора оберъ-прокурора св. Синода [1]), вслѣдствіе чего 31 декабря 1741 года [2]) и оказался назначеннымъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской.

---

[1]) Записки кн. Як. Петр. Шаховского. Изд. „Русской Старины", стр. 36.

[2]) Архивъ Св. Синода. Дѣло 1742 г. (янв. 4) № 4.

Мы уже знаемъ, что институтъ прокуратуры, введенный въ систему синодальнаго управленія, былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ той же государственной идеѣ Петра, которая обусловливала собою и самую организацію русскаго церковнаго управленія на новыхъ коллегіальныхъ началахъ. Усвоенная преобразователемъ государственная точка зрѣнія на религіозную жизнь своихъ подданныхъ создавала вполнѣ опредѣленную правительственную политику и по отношенію къ церковному управленію, —политику, дѣлавшую невозможнымъ дальнѣйшее существованіе прежней обособленности церкви отъ государства. Въ глазахъ Петра, послѣдовательно и настойчиво проводившаго государственную идею во всей своей реформаторской дѣятельности, не оставившей не затронутой ни одной изъ разнообразныхъ сторонъ народной жизни, духовныя лица, стоявшія во главѣ церковнаго управленія, были органами правительственной власти, обязанными служить государству въ сферѣ своей спеціальной дѣятельности. Практическимъ результатомъ такихъ взглядовъ преобразователя и явилась коренная реформа церковнаго управленія, состоявшая въ томъ, что правительство поручило его, вмѣсто самостоятельной и независимой власти патріарха, коллегіальному учрежденію, тѣсно связанному съ общей системой государственной администраціи и поставленному въ непосредственную зависимость отъ верховной власти.

Повидимому, съ появленіемъ новаго высшаго органа церковнаго управленія, главная, основная идея Петра объ обязательномъ подчиненіи церкви государству, въ лицѣ его представителя— самодержавнаго монарха, нашла себѣ полное примѣненіе въ практической жизни; члены духовной коллегіи или св. Синода, при вступленіи въ отправленіе предписываемыхъ имъ правительствомъ спеціальныхъ обязанностей, должны были, вмѣстѣ съ присягой на вѣрность служенія церкви, не только давать такую же клятву и на вѣрность служенія государству, обѣщая ставить на первомъ планѣ въ своей дѣятельности

интересы государя, но и обязаны были „исповѣдывать крайняго Судію Духовныя... Коллегіи... Самого Всероссійскаго Монарха“ [1]), т. е. признавать за верховною, неограниченною властью то же самое значеніе въ церковной жизни, какое она имѣла въ сферѣ государственнаго, гражданскаго управленія. Подчиненіе церкви государству, достигнутое съ учрежденіемъ св. Синода, далеко, однако же, еще не вполнѣ обезпечивало преобразователю дѣйствительное и постоянное соблюденіе государственныхъ интересовъ со стороны высшаго органа церковнаго управленія, такъ какъ его наличный составъ пополнялся исключительно только одними представителями духовнаго сословія, и Петръ имѣлъ достаточныя основанія сомнѣваться въ искреннемъ сочувствіи членовъ Синода своей государственной идеѣ, не совпадавшей со взглядами духовенства. Разсчитывать на добровольное и совершенно безпристрастное выполненіе новымъ церковнымъ учрежденіемъ разнообразныхъ обязанностей по отношенію къ государству, интересы котораго нерѣдко могли діаметрально расходиться съ нуждами и потребностями церкви, было бы, безъ сомнѣнія, безполезно и неразумно, и преобразователь нашелъ необходимымъ установить строгій правительственный надзоръ за интересами государства въ обширной области синодальнаго управленія. Средство для постояннаго наблюденія за характеромъ дѣятельности св. Синода, имѣвшей ближайшее отношеніе къ интересамъ государства, и было найдено реформаторомъ въ институтѣ прокуратуры, введенномъ въ высшее церковное учрежденіе.

Синодальные оберъ-прокуроры вполнѣ усвоили себѣ государственную идею Петра и всегда руководились ею въ своихъ отношеніяхъ къ дѣятельности высшаго органа церковнаго управленія. Члены же св. Синода, хотя и были поставлены правительствомъ въ положеніе, обязывавшее ихъ во всемъ сообразоваться съ видами государственной власти, въ

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,718, стр. 315.

дѣйствительности никогда не могли совершенно отрѣшиться отъ болѣе близкихъ къ нимъ интересовъ церкви и духовенства, нерѣдко оказывавшихся далеко не солидарными съ интересами государства. Наличность подобныхъ условій оказывала несомнѣнное вліяніе на характеръ взаимныхъ отношеній оберъ-прокуроровъ и св. Синода. При отсутствіи солидарности въ нѣкоторыхъ основныхъ взглядахъ и стремленіяхъ представителей церкви и государства, оберъ-прокуроры должны были довольно часто вызывать своимъ исключительнымъ и односторонним служеніемъ государственнымъ интересамъ сильное неудовольствіе въ членахъ св. Синода и встрѣчать съ ихъ стороны пассивное или даже открытое противодѣйствіе многимъ изъ своихъ предложеній, отвѣчавшимъ тѣмъ или другимъ государственнымъ цѣлямъ.

Возможность же такихъ отношеній къ представителямъ прокуратуры со стороны синодальныхъ членовъ, обязанныхъ, по мысли преобразователя, служить государству и въ своей спеціальной церковной области, обусловливалась тѣмъ положеніемъ, въ какое оберъ-прокуроры были поставлены реформаторомъ въ Синодѣ, и фактическими отношеніями самой верховной власти къ представителямъ прокуратуры и высшему церковному учрежденію.

При анализѣ оберъ-прокурорской инструкціи мы имѣли случай замѣтить, что, вводя институтъ прокуратуры въ преобразованное церковное управленіе, Петръ не ставилъ свое „око“ въ положеніе начальника надъ св. Синодомъ и былъ далекъ отъ мысли подчинить оберъ-прокурору коллегіально организованное учрежденіе и отнять у Синода самую возможность пользоваться въ будущемъ времени предоставленной ему относительной свободой и самостоятельностью дѣйствій. Правда, преобразователь надѣлилъ синодальнаго оберъ-прокурора настолько значительными правами и полномочіями, что, располагая ими, представитель государственныхъ инте-

ресовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, легко могъ, выполняя свою спеціальную миссію, занять довольно вліятельное положеніе въ высшемъ церковномъ учрежденіи, но такихъ условій, неблагопріятныхъ для интересовъ св. Синода, оберъ-прокуроры и не встрѣтили въ первое время своего существованія.

Верховная власть, надѣлившая синодальнаго оберъ-прокурора довольно значительными правами и полномочіями, предоставлявшими ему, повидимому, полную возможность, путемъ контролированія и косвеннаго участія въ церковномъ управленіи, оказывать извѣстное вліяніе на св. Синодъ, а чрезъ него и на всю церковную жизнь, въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, поставила синодальную прокуратуру въ условія, не совсѣмъ благопріятныя для представителей оберъ-прокурорскаго надзора. Уже при жизни самого организатора прокурорскаго института, синодальный оберъ-прокуроръ долженъ былъ чувствовать себя лишеннымъ фактической близости къ источнику своихъ полномочій; отсутствіе же такой близости, при непосредственныхъ сношеніяхъ съ государемъ синодальныхъ членовъ, сильно парализовало вліяніе „стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ“ на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи, такъ какъ, въ случаяхъ серьезныхъ столкновеній съ Синодомъ, оберъ-прокуроръ не только не могъ опираться на могущественную поддержку верховной власти, но и не былъ совершенно гарантированъ отъ непріятныхъ и нежелательныхъ послѣдствій нарушенія интересовъ св. Синода.

Со смертью преобразователя, отношенія верховной власти къ представителямъ прокуратуры въ высшихъ учрежденіяхъ сдѣлались еще менѣе благопріятными для развитія сильнаго фактическаго вліянія оберъ-прокурорской власти на церковное управленіе. Правда, съ раздѣленіемъ св. Синода на два апартамента, когда практически болѣе точно выяснп-

лись важнѣйшія обязанности синодальной прокуратуры и опредѣлился кругъ ея ближайшихъ дѣлъ, оберъ-прокуроръ пріобрѣлъ и возможность болѣе сильнаго вліянія на экономическое церковное управленіе, такъ какъ правительство назначило его первенствующимъ членомъ второго апартамента, преобразованнаго впослѣдствіи въ коллегію экономіи, сосредоточившую въ своихъ рукахъ завѣдываніе всѣми наиболѣе интересными для государства дѣлами духовнаго вѣдомства. Но въ такомъ положеніи синодальная прокуратура, какъ извѣстно, оставалась очень недолгое время. Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, а затѣмъ Императорскаго Кабинета, захватившихъ въ свои руки все управленіе государствомъ и унизившихъ первоначальное значеніе Сената и Синода, не прошло безслѣдно и для института прокуратуры. Не говоря уже о томъ, что появленіе новыхъ всесильныхъ государственныхъ учрежденій еще болѣе отдаляло синодальнаго оберъ-прокурора отъ непосредственнаго источника его полномочій, подчиненіе Сената и Синода Тайному Совѣту и Кабинету, въ извѣстной степени, уменьшало для верховной власти необходимость контролированія дѣятельности высшихъ органовъ гражданскаго и церковнаго управленія посредствомъ спеціальныхъ орудій прокурорскаго надзора. При такомъ же положеніи новыхъ государственныхъ учрежденій, представители прокуратуры не могли разсчитывать и на то незначительное вниманіе верховной власти къ своей дѣятельности, какимъ они пользовались при жизни Петра. Явилась даже мысль о совершенной безполезности особаго, спеціальнаго прокурорскаго надзора, и верховная власть находила возможнымъ продолжительное время оставлять Синодъ безъ всякаго контроля со стороны прокуратуры.

Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы, возвратившейся къ Петровской системѣ государственнаго управ-

ленія, снова сдѣлало необходимымъ существованіе особыхъ, спеціальныхъ представителей государственнаго надзора въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, результатомъ чего и явилось назначеніе Шаховского оберъ-прокуроромъ св. Синода.

ГЛАВА III.

Генералъ-прокуроръ Трубецкой, присвоившій себѣ право выбора синодальнаго оберъ-прокурора, съумѣлъ поставить его въ такое положеніе, что самъ Шаховской считалъ сенатскаго генералъ-прокурора своимъ „командиромъ“ [1]) и безпрекословно исполнялъ всѣ его распоряженія. Представивъ императрицѣ, вмѣстѣ съ другими своими подчиненными, вновь назначеннаго синодальнаго оберъ-прокурора, Трубецкой приказалъ [2]) Шаховскому на слѣдующій же день явиться въ св. Синодъ и вступить въ отправленіе порученныхъ ему обязанностей. Послѣ перваго засѣданія въ Синодѣ, Шаховской счелъ своимъ долгомъ доложить обо всемъ видѣнномъ сенатскому генералъ-прокурору, но получилъ отъ него приказаніе представить о томъ письменный „рапортъ“ [3]). Когда обнаруженное въ Синодѣ отсутствіе оберъ-прокурорской инструкціи заставило Шаховского обратиться къ генералъ-прокурору съ соотвѣтствующимъ рапортомъ, то Трубецкой, посылая синодальному оберъ-прокурору копію съ извѣстной Петровской инструкціи, позволилъ себѣ внести въ нее одно существенное измѣненіе. Вмѣсто непосредственныхъ сношеній съ верховною властью, синодальный оберъ-прокуроръ, въ силу измѣненной инструкціи, долженъ уже былъ доносить обо всѣхъ дѣлахъ, требовавшихъ высочайшей резолюціи, не самой императрицѣ, а генералъ-прокурору. Ему же Шаховской былъ

---

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 37.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 39.

обязанъ представлять въ двухъ экземплярахъ и еженедѣльные доклады о дѣлахъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе св. Синода и рѣшавшихся имъ; одинъ экземпляръ предназначался, для свѣдѣнія, генералъ-прокурору, а другой—чрезъ него же подавался на разсмотрѣніе государыни [1]).

Повидимому, произвольный поступокъ Трубецкого, лишившаго синодальнаго оберъ-прокурора громадныхъ преимуществъ, соединенныхъ съ правомъ непосредственнаго обращенія къ верховной власти по обязанностямъ своей службы, не могъ не отразиться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на фактическомъ положеніи представителя прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи. Въ дѣйствительности, однако же, установленныя Трубецкимъ подчиненныя отношенія къ генералъ-прокурору, ослаблявшія возможность вліянія оберъ-прокурора на членовъ св. Синода, нисколько не помѣшали Шаховскому не только дѣлать постоянныя попытки широко пользоваться разнообразными правами и полномочіями, предоставленными оберъ-прокурорской власти инструкціей преобразователя и выработанными предшествовавшей практикой, но и настойчиво стремиться къ подчиненію сильному вліянію прокуратуры высшаго церковнаго учрежденія.

Причины, объясняющія такое не совсѣмъ понятное явленіе, заключались какъ въ личныхъ качествахъ и способностяхъ Шаховского, такъ и въ томъ, что властолюбивый и энергичный оберъ-прокуроръ, въ скоромъ же времени послѣ своего вступленія въ новую должность, съумѣлъ пріобрѣсти благосклонность и большое довѣріе государыни [2]).

Богатѣйшій матеріалъ для характеристики личности новаго синодальнаго оберъ-прокурора заключаютъ въ себѣ обширныя автобіографическія „Записки“ самого Шаховского, такъ какъ авторъ ихъ, сообщая подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ своей частной жизни и разнообразной служебной дѣятельности, является, повидимому, въ высшей степени правдивымъ повѣствователемъ и нерѣдко даже не замѣчаетъ, что его разсказы далеко не на всѣхъ читателей

---

[1]) Тамъ же, стр. 40. Канцелярія оберъ-прокурора св. Синода. Дѣло 1742 г. (генв. 4) № 1.

[2]) Записки кн. Шаховского, стр. 50.

могутъ производить благопріятное для автора впечатлѣніе. Сообщеніе біографическихъ свѣдѣній о синодальныхъ оберъ-прокурорахъ, конечно, не можетъ входить въ наши планы, но для нашей цѣли имѣетъ довольно важное значеніе знакомство съ самою личностью Шаховского, такъ какъ оно помогаетъ уясненію и правильному пониманію характера отношеній оберъ-прокурорской власти къ св. Синоду въ изучаемое время.

Почти всѣ изслѣдователи, касавшіеся въ своихъ трудахъ жизни и дѣятельности Шаховского, единодушно признаютъ его дѣятельною, энергичною и честною личностью, счастливо выдѣлявшеюся изъ ряда современныхъ ей государственныхъ дѣльцовъ рѣдкою правдивостью и неподкупностью. Авторъ предисловія къ 1 и 2 изданію „Записокъ князя Шаховского“ отмѣчаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, что Шаховской „съ вѣрностью и исправностью“ исполнялъ возлагаемыя на него высочайшія порученія, всегда имѣя въ виду долгъ службы и присяги, и „съ неутомимымъ усердіемъ всегда и вездѣ радѣлъ о пользѣ общественной“. Семевскій, дѣлая третье изданіе Записокъ Шаховского и присоединяя къ нимъ, извлеченныя изъ государственныхъ архивовъ, подлинныя бумаги князя, замѣчаетъ, что оффиціальные документы, какъ нельзя лучше, дорисовываютъ энергическую, честную личность государственнаго дѣльца XVIII вѣка и подтверждаютъ вполнѣ, до мельчайшихъ подробностей, все, что сказано имъ въ Запискахъ [1]). Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи ...“ [2]) называетъ Шаховского человѣкомъ, извѣстнымъ дѣятельностью, правдивостью и неподкупностью.

Но, отличаясь несомнѣнными достоинствами—рѣдкою по своему времени честностью и незаурядною энергіей въ исполненіи возлагаемыхъ на него разнообразныхъ обязанностей государственной службы, Шаховской, въ то же время, обладалъ и другими, менѣе привлекательными, но очень выгодными для него качествами. Не смотря на свою „правдивость“ и честность въ исполненіи всевозможныхъ служебныхъ обя-

---

[1]) Записки кн. Я. П. Шаховского. Изд. „Русской Старины“, стр. XXII.

[2]) 2-е изданіе, кн. V, стр. 1174.

занностей, онъ въ свои отношенія къ сильнымъ и вліятельнымъ лицамъ всегда вносилъ значительную дозу обыкновеннаго житейскаго, практическаго такта и умѣлъ пользоваться обстоятельствами, чтобы пріобрѣтать расположеніе и довѣріе лицъ, стоявшихъ во главѣ государственнаго управленія. Еще въ должности начальника полиціи Шаховской съумѣлъ заслужить особенное расположеніе всесильнаго регента Бирона; паденіе герцога, угрожавшее серьезными опасностями и его любимцу, не повлекло, однако же, за собою особенно печальныхъ послѣдствій для Шаховского, такъ какъ въ скоромъ времени онъ успѣлъ найти новаго покровителя, въ лицѣ сильнаго кабинетъ-министра гр. Головкина, предоставившаго ему видную должность сенатора. Государственный переворотъ, возведшій на царскій престолъ Елизавету Петровну, хотя и вызвалъ арестъ кабинетъ-министра Головкина и увольненіе изъ Сената самого Шаховского, но также не помѣшалъ послѣднему въ самомъ непродолжительномъ времени снискать расположеніе новаго вліятельнаго лица—генералъ-прокурора Трубецкого. Состоявшееся, по представленію Трубецкого, назначеніе Шаховского оберъ-прокуроромъ св. Синода доставило ему возможность заслужить и довѣріе самой императрицы; императица Елизавета начала довольно часто призывать его къ себѣ по дѣламъ церковнаго управленія и непосредственно чрезъ оберъ-прокурора передавать Синоду свои распоряженія, позволяя и ему, въ свою очередь, лично докладывать верховной власти о тѣхъ или иныхъ мѣрахъ, необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей [1]). Послѣ же одного наиболѣе крупнаго столкновенія прокуратуры съ членами св. Синода, упрашивавшими императрицу освободить ихъ отъ неудобнаго оберъ-прокурора, Елизавета, въ доказательство полнаго довѣрія къ обвинявшемуся Шаховскому, приказала лично ему самому принимать отъ нея всѣ указы и словесныя распоряженія по синодальному вѣдомству и поручила оберъ-прокурору, безъ всякаго посредничества, дѣлать ей доклады по дѣламъ св. Синода [2]). Съ того времени—замѣ-

---

[1]) Записки Шаховского, стр. 49 и 52.

[2]) А. Радищевъ. Жизнь кн. Я. П. Шаховского, стр. 77—79. Ивановъ. Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, стр. 28.

чаетъ Шаховской въ своихъ автобіографическихъ „Запискахъ“ [1]) — императрица стала оказывать мнѣ милостивое расположеніе и довѣріе, и рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы я не имѣлъ счастья являться къ государынѣ для принятія отъ нея различныхъ повелѣній и распоряженій, касавшихся церковныхъ дѣлъ и св. Синода, и для личныхъ докладовъ и объясненій по обязанностямъ своей службы.

Какъ образцовый чиновникъ своего времени, привыкшій усердно исполнять разнообразныя порученія правительства, Шаховской, сдѣлавшись синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, обязаннымъ, по самому характеру подобной должности, главнымъ образомъ наблюдать за интересами государства въ сферѣ церковнаго управленія, при всей своей „правдивости и честности“ могъ смотрѣть на многія дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи св. Синода, преимущественно или даже исключительно съ своей односторонней государственной точки зрѣнія, что нерѣдко должно было вести за собою нежелательныя послѣдствія, нарушавшія интересы духовнаго вѣдомства.

Наличность же такихъ условій, какъ расположеніе, довѣріе государыни и дѣйствительное, фактическое, а не номинальное посредничество между верховной властью и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, предоставляла новому оберъ-прокурору полную возможность въ широкихъ размѣрахъ пользоваться для практическаго осуществленія своихъ взглядовъ и стремленій не только не совсѣмъ точно опредѣленными юридическими правами прокуратуры, но и разнообразными преимуществами своего положенія, не опасаясь непріятныхъ послѣдствій нарушенія интересовъ св. Синода Вполнѣ понятное стремленіе Шаховского оправдать оказываемое ему довѣріе и постоянно поддерживать его характеромъ своей дѣятельности побуждало оберъ-прокурора, какъ блюстителя государственныхъ интересовъ въ духовномъ вѣдомствѣ, принимать самое близкое участіе во всѣхъ отрасляхъ синодальнаго управленія, не смотря на то, что подобное участіе, выражавшееся въ формѣ строгаго контроля, частыхъ протестовъ и непріятныхъ для Синода предложеній, и должно было возстановить противъ него высшій органъ церковнаго управленія. Но Ша-

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 67.

ховской, въ скоромъ же времени послѣ вступленія въ новую должность вполнѣ усвоившій себѣ государственную идею Петра въ ея примѣненіи къ церковной жизни, имѣлъ достаточно основаній разсчитывать, что вызванное его дѣятельностью сильное недовольство въ средѣ членовъ св. Синода не будетъ представлять для него такой серьезной опасности, какъ потеря расположенія и довѣрія верховной власти, почему онъ и не стѣснялся затрогивать самые существенные интересы церковнаго вѣдомства. По собственному признанію откровеннаго оберъ-прокурора [1]), „ревностное устремленіе, съ честолюбіемъ смѣшанное, понуждало его... стараться, чтобъ какъ наискорѣе оказаться въ порученной ему должности исправнымъ и тѣмъ заслужить лучшій въ публикѣ кредитъ, а отъ монархини большую довѣренность".

Какъ понималъ Шаховской „исправное" исполненіе своей должности, способное, по его мнѣнію, доставить оберъ-прокурору расположеніе и довѣріе государыни, можно видѣть не только изъ многочисленныхъ „предложеній" Шаховского св. Синоду, но также и изъ его мемуаровъ, гдѣ онъ довольно подробно описываетъ свою синодальную службу, начиная съ самаго перваго дня вступленія въ новую должность. Знакомство съ данными, заключающимися въ собственныхъ Запискахъ Шаховского, имѣетъ для насъ очень важное значеніе, такъ какъ авторъ мемуаровъ сообщаетъ въ высшей степени интересныя и цѣнныя свѣдѣнія о современномъ ему состояніи синодальнаго управленія, о цѣляхъ и задачахъ, какія онъ считалъ необходимымъ преслѣдовать въ своей дѣятельности, и о тѣхъ средствахъ и пріемахъ, какіе употреблялись оберъ-прокуроромъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Хотя Шаховской, при своемъ вступленіи въ новую оберъ-прокурорскую должность, и имѣлъ самыя смутныя представленія о характерѣ синодальнаго управленія, какъ можно думать на основаніи его же собственныхъ словъ [2]), но знаком-

---

[1]) Тамъ же, стр. 40.

[2]) Въ своихъ „Запискахъ" Шаховской замѣчаетъ, что при полученіи отъ генералъ-прокурора копіи съ оберъ-прокурорской инструкціи онъ „впервые" узналъ объ ея происхожденіи и содержаніи. Стр. 39—40.

ство съ сенатскимъ дѣлопроизводствомъ [1]) и отношеніями генералъ-прокурора къ сенаторамъ [2]) дало ему возможность, при первомъ же появленіи въ Синодѣ, замѣтить многочисленные и разнообразные недостатки и упущенія въ мѣстномъ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, лишавшіе представителя прокуратуры важныхъ средствъ для дѣйствительнаго контролированія дѣятельности церковнаго учрежденія.

Почтительно встрѣченный, при своемъ появленіи въ св. Синодѣ, чиновниками синодальной канцеляріи [3]), оберъ-прокуроръ, повидимому, радушно былъ принятъ и самими членами Синода, „ласково“ привѣтствовавшими его, какъ своего „сотоварища“, и поздравлявшими его съ вступленіемъ въ новую должность [4]), хотя и нужно замѣтить, что самъ Шаховской, какъ бывшій сенаторъ, разсчитывавшій на болѣе высокій и почетный постъ, въ первое время и былъ не вполнѣ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. Прерванное, по случаю прихода и представленія Шаховского, слушаніе разсматривавшагося дѣла продолжалось и послѣ окончанія привѣтствій и поздравленій, а новый оберъ-прокуроръ, замѣтивъ, что на приготовленномъ для него столѣ находились только чернильница и нѣсколько листовъ чистой бумаги, тотчасъ же приказалъ оберъ-секретарю представить ему Духовный Регламентъ, оберъ-прокурорскую инструкцію и всѣ послѣдующіе указы, а также реестры нерѣшенныхъ Синодомъ дѣлъ о колодникахъ и казенныхъ денежныхъ суммахъ [5]). Но оберъ-секретарь могъ доставить Шаховскому только одинъ Духовный Регламентъ, объ указахъ же и реестрѣ нерѣшенныхъ дѣлъ заявилъ, что, хотя они и существуютъ въ синодальной канцеляріи, но находятся въ безпорядочномъ состояніи, почему и просилъ дать ему срокъ въ нѣсколько дней, чтобы привести въ надлежащій порядокъ требуемые документы. Относительно же документовъ, спеціально касавшихся оберъ-прокурорской должности, оберъ-

---

[1]) Шаховской былъ нѣкоторое время сенаторомъ. Записки Шаховского, стр. 27.

[2]) Тамъ же, стр. 38.

[3]) Тамъ же, стр. 37.

[4]) Тамъ же, стр. 38.

[5]) Тамъ же.

секретарь доложилъ, что ни инструкцій, ни какихъ-либо другихъ бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности оберъ-прокуроровъ, въ св. Синодѣ невозможно отыскать, потому что отъ нихъ не сохранилось ни одной строки; въ объясненіе такого неожиданнаго для Шаховского сообщенія, оберъ-секретарь ссылался на бывшіе пожары и различныя „приключенія", результатомъ которыхъ явилась утрата многихъ дѣлъ синодальной канцеляріи, и на то, что синодальные документы содержатся въ самомъ первобытномъ, патріархальномъ порядкѣ, безъ всякихъ описей, въ ящикахъ и сундукахъ, такъ какъ учрежденнаго для ихъ храненія архива въ дѣйствительности не существуетъ.

Не удовлетворившись полученнымъ объясненіемъ, настойчивый оберъ-прокуроръ, заявивъ, что приметъ, съ своей стороны, всѣ мѣры къ упорядоченію канцелярскаго дѣлопроизводства, далъ письменный приказъ синодальному экзекутору, чтобы послѣдній отобралъ подписки отъ секретарей, архиваріуса и канцеляристовъ объ имѣющихся у нихъ оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ и, составивъ реестръ найденнымъ документамъ, на слѣдующій день представилъ бы ихъ ему при своемъ рапортѣ. По словамъ самого Шаховского [1]), въ первый же день своего вступленія въ новую должность онъ обнаружилъ явное стремленіе заставить весь чиновный персоналъ синодальной канцеляріи почувствовать надъ собою не номинальную, а дѣйствительную власть внимательнаго и энергичнаго начальника; оберъ-прокуроръ посѣтилъ всѣ помѣщенія, гдѣ находились секретари и различные канцеляристы, внимательно осмотрѣлъ порученныя имъ дѣла и приказалъ исправить и уничтожить замѣченные недостатки.

Распоряженіе, отданное экзекутору, не привело, однако, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; чрезъ два дня оберъ-прокуроръ получилъ при рапортѣ подписки отъ секретарей и прочихъ канцелярскихъ чиновниковъ, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ ни инструкціи, ни указовъ, ни какихъ бы то ни было дѣлъ, касающихся оберъ-прокурорской должности. Не найдя въ св. Синодѣ никакихъ документовъ о своихъ пра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 39.

вахъ и обязанностяхъ [1]), Шаховской обратился за указаніями къ генералъ-прокурору Трубецкому и получилъ отъ него копію съ оберъ-прокурорской инструкціи [2]). Ознакомившись,

---

[1]) Трудно допустить, чтобы члены св. Синода, воспользовавшись временнымъ прекращеніемъ существованія института прокуратуры, позволили себѣ намѣренно уничтожить и самые документы объ учрежденіи оберъ-прокурорской власти, надѣленной стѣснительными для нихъ правами и полномочіями. Подобное предположеніе является тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что намѣренное уничтоженіе указовъ и оберъ-прокурорской инструкціи, не могло бы сопровождаться и желательными практическими результатами, такъ какъ не сдѣлало бы невозможнымъ возстановленіе содержанія уничтоженныхъ документовъ, составлявшихся, какъ извѣстно, не въ св. Синодѣ, а въ пр. Сенатѣ. Остается признать правдоподобнымъ объясненіе, данное Шаховскому синодальнымъ оберъ-секретаремъ, сославшимся на пожары и крайне безпорядочное состояніе мѣстнаго архива, какъ на дѣйствительныя причины исчезновенія многихъ документовъ.

[2]) Получивъ отъ генералъ-прокурора копію съ инструкціи синодальнаго оберъ-прокурора, замѣчаетъ Шаховской въ своихъ Запискахъ, „я впервые узналъ, что инструкція первому оберъ-прокурору, въ синодѣ опредѣленному, сочинена и утверждена въ пр. Сенатѣ въ присутствіи Государя Императора Петра Великаго“ (стр. 39—40). Но намъ уже извѣстно, что въ дѣйствительности инструкція, данная Болтину, была составлена и утверждена въ пр. Сенатѣ въ отсутствіе государя, такъ какъ Петръ находился въ то время далеко за предѣлами Петербурга. Конечно, на основаніи замѣчанія Шаховского, что полученная имъ инструкція представляла собою копію оберъ-прокурорскаго наказа, сочиненнаго и утвержденнаго въ Сенатѣ въ присутствіи самого государя, было бы довольно странно предполагать, что и дѣйствительно генералъ-прокуроръ Трубецкой снабдилъ синодальнаго оберъ-прокурора какою-то особой, неизвѣстной намъ инструкціей, а не тою же самой, которая дана была въ руководство Болтину. Скорѣе и естественнѣе допустить

на основаніи полученной инструкціи, съ своими правами и полномочіями, оберъ-прокуроръ пришелъ къ заключенію, что для выполненія возложенныхъ на него обязанностей ему необходимо предварительно изучить спеціальные церковные законы, которыми руководились въ своей дѣятельности члены св. Синода, безотчетно управлявшіе, по мнѣнію Шаховского, епархіями и монастырями и произвольно распоряжавшіеся казенными денежными средствами [1]). Та же оберъ-прокурорская инструкція, познакомившая Шаховского съ его новыми обязанностями, должна была еще сильнѣе укрѣпить въ немъ мысль о необходимости обезпечить за собой фактическую возможность дѣйствительнаго контролированія правительственной дѣятельности Синода. И мы видимъ, что энергичному и настойчивому оберъ-прокурору удалось въ значительной степени упорядочить канцелярское дѣлопроизводство, учредить правильно организованный архивъ для храненія синодальныхъ документовъ, завести обязательные реестры всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Синода, и заставить канцелярію составлять экстракты изъ дѣлъ, остающихся безъ разсмотрѣнія и исполненія, чтобы, на основаніи подобныхъ экстрактовъ, всегда имѣть возможность своевременно побуждать высшее церковное учрежденіе къ рѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ.

Введеніе новыхъ порядковъ, по словамъ Шаховского, наглядно убѣдило его въ существованіи многочисленныхъ и разнообразныхъ упущеній и недостатковъ въ синодальномъ управленіи и заставило признать настоятельную необходимость въ неизбѣжныхъ столкновеніяхъ съ членами св. Синода. Тогда —

здѣсь простую неточность въ Запискахъ Шаховского, составленныхъ авторомъ чрезъ много лѣтъ послѣ описанныхъ событій. Подобныхъ неточностей встрѣчается не мало въ автобіографическомъ трудѣ Шаховского; такъ, напримѣръ, въ немъ сообщается, что коллегія экономіи была упразднена императрицей „въ бытность ея величества въ Москвѣ въ 1745 году“ (стр. 50), тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ важный для Синода и прокуратуры правительственный актъ имѣлъ мѣсто 15 іюля 1744 года.

[1]) Записки Шаховского, стр. 40—41.

замѣчаетъ оберъ-прокуроръ [1])—„позналъ я, что должно мнѣ необходимо вступать въ большіе споры и несогласія съ членами святѣйшаго Синода, къ чему я поучаться и пріуготовляться всеприлежно тщиться началъ“.

Но, при первыхъ же недоразумѣніяхъ съ синодальными членами, Шаховской долженъ былъ сознаться, что „присутствующія въ Синодѣ духовныя особы превосходятъ его разумомъ и краснорѣчивымъ о своихъ дѣлахъ толкованіемъ“ [2]), почему онъ и нашелъ необходимымъ нѣкоторое время избѣгать открытыхъ и серьезныхъ столкновеній съ св. Синодомъ, а предварительно поставилъ себѣ цѣлью запастись нужными свѣдѣніями и основательно изучить все, что могло дать ему надежныя средства успѣшно дѣйствовать на членовъ церковнаго учрежденія путемъ убѣжденій и доказательствъ. Подобная политика со стороны тактичнаго оберъ-прокурора была тѣмъ болѣе умѣстна въ первое время послѣ его вступленія въ новую должность, что св. Синодъ пользовался большимъ расположеніемъ императрицы, такъ какъ одинъ изъ его членовъ, духовникъ Елизаветы, имѣлъ при дворѣ значительное вліяніе, а фаворитъ государыни, графъ Алексѣй Разумовскій, находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ синодальными членами, и, при случаѣ, всегда оказывалъ имъ свое сильное покровительство.

Выработавъ опредѣленную программу дѣйствій, Шаховской началъ внимательно наблюдать за текущими дѣлами, обыкновенно не возбуждавшими большихъ недоразумѣній и споровъ, тщательно изучалъ ихъ, но въ то же время сдерживалъ себя и заботился о томъ, чтобы какимъ-либо неосторожнымъ поступкомъ не вызвать противъ себя неудовольствій со стороны св. Синода [3]). Такой характеръ дѣятельности оберъ-прокурора производилъ самое пріятное впечатлѣніе на налич-

---

[1]) Тамъ же, стр. 41.

[2]) Тамъ же, стр. 49—50.

[3]) „Особливо наблюдалъ“, замѣчаетъ о себѣ Шаховской, „чтобъ учтиво поступать, говорить и писать о дѣлахъ, охраняясь, чтобъ не быть несправедливо досадителемъ“. Записки кн. Шаховского, стр. 50.

ный персоналъ высшаго церковнаго учрежденія, и члены Синода стали вездѣ хвалить Шаховского, а такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ пользовались большимъ довѣріемъ и расположеніемъ при дворѣ Елизаветы Петровны, то ихъ похвалы и рекомендаціи оказали сильное вліяніе на государыню, и императрица начала обнаруживать явное расположеніе къ синодальному оберъ-прокурору.

Ознакомившись въ достаточной степени съ церковнымъ управленіемъ и заслуживъ довѣріе и расположеніе верховной власти, оберъ-прокуроръ почувствовалъ подъ собой твердую почву и нашелъ возможнымъ измѣнить характеръ своихъ отношеній къ св. Синоду. Теперь уже онъ пересталъ ограничиваться въ своей дѣятельности скромною ролью простого наблюдателя за правильностью и законностью рѣшенія текущихъ дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе высшаго церковнаго учрежденія, а началъ вмѣшиваться во всѣ отрасли синодальнаго управленія и церковной жизни, вездѣ находя какіе-либо недостатки или злоупотребленія и настойчиво требуя отъ Синода исправленія недостатковъ и введенія различныхъ улучшеній.

Узнавъ, что въ синодальной области и въ другихъ епархіяхъ очень часто практиковалось посвященіе въ дьяконы и священники церковныхъ причетниковъ, совершенно не обучавшихся въ заведенныхъ для нихъ школахъ и въ высшей степени невѣжественныхъ въ пониманіи христіанской религіи, Шаховской предложилъ [1]) св. Синоду послать въ епархіи строжайшіе указы, чтобы отъ кандидатовъ на священно-служительскія вакансіи обязательно требовалось не одно только простое умѣнье читать и пѣть по богослужебнымъ церковнымъ книгамъ, но и здравое пониманіе догматовъ вѣры, для чего оберъ-прокуроръ и рекомендовалъ обязать духовенство „въ самую тонкость“ изучать катихизисъ, толкованіе евангельскихъ заповѣдей и другія православныя книги, поручивъ въ то же время мѣстному начальству внимательно наблюдать за дѣйствительнымъ исполненіемъ распоряженія и репортовать о результатахъ своихъ наблюденій св. Синоду [2]).—Замѣтивъ,

---

[1]) 13 мая 1742 года.

[2]) Канцелярія оберъ-прокурора св. Синода. Дѣло 1742 г., № 8, стр. 1—2.

что въ нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ существовалъ обычай, за нѣсколько дней предъ мѣстными храмовыми праздниками, выставлять иконы на улицахъ и площадяхъ, гдѣ собирались толпы гуляющаго народа, и поручать причетникамъ, находившимся при иконахъ, громкимъ голосомъ просить у публики подаянія денегъ и свѣчъ, Шаховской предложилъ правительствующему Синоду позаботиться объ искорененіи такихъ „непристойныхъ“ явленій церковной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оберъ-прокуроръ обратилъ вниманіе высшаго органа церковнаго управленія и на другой нежелательный и некрасивый обычай духовенства ходить во время праздниковъ съ крестомъ и образами не только къ своимъ прихожанамъ, но и къ жителямъ другихъ приходовъ, а въ особенности къ знатнымъ лицамъ, причемъ горожанамъ, по словамъ Шаховского, очень часто приходилось еще наблюдать, какъ по нѣскольку человѣкъ священно-церковно-служителей разъѣзжало со святыми иконами на однихъ извощичьихъ роспускахъ „съ непристойнымъ священническому чину благочиніемъ“ [1]).—Основываясь на существованіи именного высочайшаго указа, устанавливавшаго обязательное штрафованіе лицъ, своими разговорами нарушавшихъ тишину въ храмахъ во время богослуженія, и убѣдившись, что духовныя власти нисколько не заботятся объ исполненіи императорскаго указа, такъ какъ „въ церквахъ во время службы Божіей приходящіе молебщики вмѣсто того, чтобъ молиться съ благоговѣніемъ, производятъ многіе о разныхъ свѣтскихъ дѣлахъ разговоры“, Шаховской предложилъ [2]) Синоду сообщить правительствующему Сенату о необходимости новаго распоряженія, подтверждающаго силу и обязательность забытаго указа [3]).—Просматривая доношенія, присланныя въ св. Синодъ изъ различныхъ епархій, оберъ-прокуроръ замѣтилъ, что въ то время, какъ при нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ существуетъ болѣе чѣмъ достаточное число священно-церковно-служителей, при другихъ храмахъ или со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 3. Цитированныя предложенія оберъ-прокурора напечатаны въ „Приложеніяхъ“ къ „Запискамъ“ Шаховского, стр. 262—263.

[2]) 31 мая 1742 года.

[3]) П. С. З. т. XI, № 8,559

вершенно не имѣется никакого причта, или же состоитъ неполный комплектъ духовенства, почему и предложилъ Синоду принять мѣры къ устраненію указанныхъ недостатковъ [1]).

Внимательно наблюдая за дѣятельностью духовенства и предлагая св. Синоду принимать строгія и рѣшительныя мѣры къ уничтоженію многихъ нежелательныхъ явленій въ церковной жизни, Шаховской очень часто находилъ необходимымъ обращать вниманіе высшаго органа церковнаго управленія на его собственное отношеніе къ высочайшимъ распоряженіямъ и настаивать на немедленномъ исполненіи различныхъ указовъ. Еще Петръ I, заботясь о подъемѣ религіознаго развитія духовенства и мірянъ, опредѣлилъ составить особыя религіозно-нравственныя книги; между тѣмъ, и въ началѣ царствованія Елизаветы распоряженіе Петра не было приведено въ исполненіе. Оберъ-прокуроръ призналъ себя обязаннымъ предложить св. Синоду приказать, кому слѣдуетъ, „вышепомянутыя книжицы безъ продолженія сочинить“ и разослать ихъ по всѣмъ православнымъ церквамъ [2]).—Въ силу указа того же императора, обратившаго вниманіе на такія неприглядныя явленія жизни духовенства, какъ „торгъ“ и вымогательство платы за совершеніе богослуженія, св. Синодъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ правительствующимъ Сенатомъ, установить болѣе желательный характеръ взаимныхъ отношеній духовенства и прихожанъ, при которомъ бы священники не имѣли правъ брать особой платы за исполненіе своихъ обязанностей, за исключеніемъ только однихъ добровольныхъ подарковъ, да и то чрезъ нѣсколько недѣль послѣ совершенія какого-либо богослужебнаго акта. Но такъ какъ Синодъ по данному вопросу, возбужденному верховной властью, не постановилъ никакого опредѣленія, то оберъ-прокуроръ и предложилъ принять, наконецъ, нужныя мѣры для осуществленія въ практической жизни мысли преобразователя [3]).—Именнымъ императорскимъ указомъ Екатерины I синодальные члены устранялись отъ

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокурора св. Синода. Дѣло 1742 г. № 8, стр. 7. Записки Шаховского. Прилож. стр. 264—265, IV.

[2]) Записки Шаховского. Прилож. стр. 263—264, III.

[3]) Тамъ же, стр. 265, V.

управленія своими епархіями, а вмѣсто нихъ предписывалось поручать дѣйствительное завѣдываніе мѣстными дѣлами особымъ викаріямъ, обязаннымъ отдавать отчетъ въ своей дѣятельности епархіальнымъ архіереямъ. Но правительственное распоряженіе о назначенія викаріевъ въ епархіи синодальныхъ членовъ высшимъ органомъ церковнаго управленія было оставлено безъ исполненія, результатомъ чего явились различныя упущенія въ епархіальномъ управленіи. Шаховской, указавъ Синоду на нежелательныя послѣдствія непосредственнаго завѣдыванія его членовъ дѣлами своихъ епархій, предложилъ постановить опредѣленіе, согласное съ императорскимъ указомъ [1]).—Указами Петра отъ 1721 и 1724 годовъ св. Синоду было предписано установить опредѣленный порядокъ продажи церковныхъ восковыхъ свѣчъ, но на практикѣ существовалъ свой собственный своеобразный порядокъ, безусловно вредный для интересовъ церквей, такъ какъ продажей восковыхъ свѣчъ, вмѣсто церковныхъ старостъ, занимались различныя частныя лица, почему оберъ-прокуроръ и предложилъ Синоду „учинить благопристойное опредѣленіе“ [2]).—Духовный Регламентъ и именной императорскій указъ отъ 31 января 1724 года устанавливали обязательную денежную отчетность первоклассныхъ монастырей и епархіальныхъ архіереевъ предъ высшимъ органомъ церковнаго управленія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности св. Синодъ не получалъ отъ нихъ никакихъ отчетовъ; Шаховской, указывая Синоду на свою обязанность внимательно наблюдать, чтобы ни одно правительственное распоряженіе не оставлялось безъ исполненія, настаивалъ на необходимости особаго синодальнаго постановленія, отвѣчавшаго требованіямъ Регламента и верховной власти [3]).

Знакомясь съ многочисленными и разнохарактерными предложеніями Шаховского, затрогивавшаго въ своей дѣятельности всѣ разнообразныя стороны церковной жизни, можно, повидимому, придти къ заключенію, что оберъ-прокурорская власть, въ его лицѣ, успѣла уже пріобрѣсти сильное вліяніе на высшее церковное учрежденіе. Такое заключеніе будетъ, однако же, преждевременнымъ и далеко не вѣрнымъ. Правда,

---

[1]) Тамъ же, стр. 267, VIII.

[2]) Тамъ же, стр. 271—272, XVI.

[3]) Тамъ же, стр. 269—270, XII.

не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что властолюбивый и энергичный Шаховской, поставленный въ благопріятныя условія, располагавшій правомъ непосредственныхъ сношеній съ верховною властью и пользовавшійся особымъ довѣріемъ императрицы, имѣлъ, даже и въ разсматриваемую нами первую половину своего управленія оберъ-прокурорскими дѣлами, несравненно бо́льшее значеніе въ церковной жизни, чѣмъ его предшественники—Баскаковъ и Болтинъ, но, при всей своей энергіи и при всѣхъ усиліяхъ, опираясь на преимущества своего положенія, оказывать дѣйствительное, фактическое вліяніе на членовъ высшаго церковнаго учрежденія, оберъ-прокуроръ довольно часто долженъ былъ приходить къ непріятному сознанію, что св. Синодъ не придаетъ особенно-важнаго значенія его правамъ и полномочіямъ и не считаетъ себя обязаннымъ исполнять его многочисленныя предложенія, если почему-либо находитъ ихъ неудобными для интересовъ церкви и духовнаго вѣдомства.

Узнавъ, что, при посвященіи грузинскимъ архіереемъ Іосифомъ дьякона и священника въ вотчину генералъ-прокурора Трубецкого, со ставленниковъ, подъ различными предлогами, незаконно были получены денежныя взятки, Шаховской предложилъ [1]) Синоду разслѣдовать дѣло и принять надлежащія мѣры для предупрежденія подобныхъ явленій на будущее время [2]). Но Синодъ, какъ видно изъ другого оберъ-прокурорскаго предложенія, не считалъ себя обязаннымъ исполнять требованіе Шаховского, и послѣдній, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ [3]), принужденъ былъ обратиться къ нему съ новымъ, письменнымъ предложеніемъ. Такъ какъ—писалъ оберъ-прокуроръ [4])—*многократно* словесно предлагалось Вашему Святѣйшеству постановить опредѣленное рѣшеніе по дѣлу о незаконныхъ взяткахъ со ставленниковъ и, въ предупрежденіе такихъ нежелательныхъ поступковъ, разослать по епархіямъ наи-

---

[1]) 29 марта 1742 года.

[2]) Канцелярія оберъ-прокурора св. Синода. Дѣло 1742 г. № 3.

[3]) 27 августа 1741 года.

[4]) Канцелярія оберъ-прокурора св. Синода. Дѣло 1742 г. № 8, стр. 11. Записки Шаховского. Прилож., стр. 265—266, VI.

строжайшіе указы, что, однако же, осталось безъ всякаго исполненія, то я, по должности своей, предлагаю безотлагательно сдѣлать, наконецъ, необходимыя распоряженія.

Особенно часто Шаховскому приходилось убѣждаться въ фактическомъ безсиліи своей власти въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, какъ представитель государственныхъ интересовъ, обнаруживалъ явное стремленіе принести въ жертву имъ ближайшіе, личные, непосредственные интересы самихъ членовъ церковнаго учрежденія. Въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ [1]) синодальный оберъ-прокуроръ довольно опредѣленно характеризовалъ отношенія св. Синода къ тѣмъ изъ своихъ предложеній, которыя такъ или иначе, но близко затрогивали интересы его наличнаго персонала Увѣряя императрицу въ своемъ ревностномъ и безпристрастномъ исполненіи оберъ-прокурорскихъ обязанностей, Шаховской писалъ ей, что онъ принимаетъ всевозможныя мѣры къ рѣшенію дѣлъ, остающихся въ Синодѣ безъ надлежащаго исполненія, и съ этою цѣлью часто дѣлаетъ высшему органу церковнаго управленія и письменныя, и словесныя предложенія. Но такъ какъ члены коллегіальнаго учрежденія, въ качествѣ епархіальныхъ архіереевъ и начальниковъ различныхъ монастырей, по закону, должны подавать свои отчеты въ св. Синодъ и затѣмъ сами же, въ роли синодальныхъ членовъ, обязаны разсматривать ихъ и опредѣлять рѣшенія по дѣламъ, возникающимъ въ ихъ епархіяхъ и монастыряхъ, то неудивительно, что многія дѣла, затрогивающія интересы наличнаго персонала высшаго органа церковнаго управленія, сознательно и намѣренно „весьма не скоро въ надлежащее дѣйство производятся“, не смотря на всѣ напоминанія и побужденія оберъ-прокурорской власти. Указывая императрицѣ на такія ненормальныя, нежелательныя отношенія Синода къ возложеннымъ на него обязанностямъ и представляя на разсмотрѣніе государыни экстрактъ изъ нѣкоторыхъ, оставленныхъ безъ рѣшенія, дѣлъ, Шаховской откровенно сознавался въ своемъ письмѣ въ полнѣйшемъ безсиліи оберъ-прокурорской власти; „чтобъ означенныя дѣла въ Синодѣ въ надлежащее состояніе привесть“, писалъ онъ [2]), „возможности моей нѣтъ“. Такое безсиліе оберъ-про-

---

[1]) 15 іюля 1745 года.

[2]) Записки кн. Шаховского. Прилож. стр. 209—210, № 1.

курора установить желательный порядокъ въ разсматриваніи и рѣшеніи синодальныхъ дѣлъ обусловливалось тѣмъ, что ему довольно часто приходилось встрѣчать явное противодѣйствіе своимъ стремленіемъ со стороны членовъ св. Синода; въ Синодѣ, по его словамъ [1]), „скорѣе старанія къ учиненію ему разными образы въ томъ препятствія, нежели къ надлежащему означенныхъ дѣлъ исполненію, употреблялись". Обвиняя членовъ Синода въ небезпристрастномъ отношеніи къ своимъ интересамъ, Шаховской высказывалъ надежду, что императрица, подъ вліяніемъ частыхъ и докучливыхъ просьбъ съ его стороны, окажетъ оберъ-прокурору необходимую помощь и содѣйствіе и тѣмъ самымъ доставитъ ему фактическую возможность ревностно и добросовѣстно исполнять свою службу [2]).

Разнообразныя недоразумѣнія и столкновенія, имѣвшія мѣсто во взаимныхъ отношеніяхъ оберъ-прокурорской власти, стремившейся усилить свое вліяніе на церковное учрежденіе, и членовъ св. Синода, обнаруживавшихъ плохо скрываемое нежеланіе подчиняться развивавшемуся вліянію прокуратуры, должны были пріобрѣсти наиболѣе острый, интенсивный характеръ на почвѣ матеріальныхъ интересовъ духовнаго вѣдомства и самого наличнаго синодальнаго персонала, сильно страдавшихъ отъ дѣятельности Шаховского.

Намъ уже извѣстно, что св. Синодъ, реорганизованный въ періодъ господства Верховнаго Тайнаго Совѣта, былъ раздѣленъ правительствомъ на два отдѣльныхъ апартамента; второй апартаментъ въ скоромъ же времени былъ переименованъ въ коллегію экономіи синодальнаго правленія и получилъ въ свое завѣдываніе всѣ хозяйственныя, финансовыя дѣла церковнаго вѣдомства. Дѣятельность коллегіи экономіи, первоначально находившейся въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ св. Синоду, не удовлетворяла правительство, такъ какъ сопровождалась накопленіемъ громадныхъ недоимокъ на духовномъ вѣдомствѣ, вслѣдствіе чего высочайшимъ указомъ отъ 15 апрѣля 1738 года [3]) спеціальный органъ управленія всѣми синодальными хозяйственными, финансовыми дѣлами и

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) П. С. З. т. X, № 7,558.

былъ поставленъ въ исключительную зависимость отъ правительствующаго Сената. Высшее церковное учрежденіе, окончательно устраненное, въ силу новаго правительственнаго распоряженія, отъ завѣдыванія церковными имуществами и обязанное получать жалованье всѣмъ своимъ служащимъ изъ коллегіи экономіи, совершенно освобожденной изъ - подъ его вліянія, не могло легко примириться съ потерей своихъ прежнихъ важныхъ правъ самостоятельно распоряжаться доходами и расходами синодальнаго вѣдомства. Воспользовавшись первымъ же удобнымъ случаемъ—жалобами епархіальныхъ архіереевъ и монастырскихъ властей на дѣйствія чиновниковъ коллегіи экономіи, св. Синодъ [1]) обратился къ верховной власти съ всеподданѣйшимъ докладомъ о возвращеніи церковныхъ вотчинъ въ управленіе духовныхъ властей. Правительство сдѣлало уступку Синоду, но съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы доходы, собиравшіеся съ церковныхъ вотчинъ, „ежегодно исправно и бездомочно“ доставлялись духовными властями въ ту же коллегію экономіи [2]).

Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, обнаруживавшей значительное расположеніе къ духовенству и св. Синоду, дало возможность послѣднему вновь возбудить вопросъ о возвращеніи къ старымъ порядкамъ въ системѣ управленія церковными имуществами. И хотя первая просьба Синода, жаловавшагося на громадныя неудобства, испытываемыя имъ отъ завѣдыванія финансами коллегіей экономіи, была оставлена верховною властью безъ надлежащаго исполненія [3]), но высшій органъ церковнаго управленія не хотѣлъ разстаться съ мыслью подѣйствовать на императрицу въ благопріятномъ для себя направленіи, и члены Синода, по выраженію Шаховского [4]), начали докучать ей своими просьбами передать въ ихъ вѣдомство и управленіе всѣ дѣла, находившіяся въ распоряженіи коллегіи экономіи.

Настойчивыя просьбы оказали, наконецъ, свое вліяніе

---

[1]) 26 іюля 1741 года.

[2]) Барсовъ. Синодальныя учрежденія прежняго времени, стр. 210.

[3]) Тамъ же, стр. 202, примѣчаніе, стр. 214—215.

[4]) Записки кн. Шаховского, стр. 50.

на государыню, и Елизавета Петровна обнадежила высшее церковное учрежденіе обѣщаніемъ уничтожить коллегію экономіи и передать всѣ ея дѣла въ непосредственное распоряженіе самого св. Синода. Но, не рѣшаясь привести въ исполненіе выпрошенное у нея обѣщаніе, безъ предварительнаго обсужденія такого важнаго вопроса съ свѣдущими и незаинтересованными людьми, императрица нашла нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ Шаховскому, предоставивъ ему высказать свой собственный взглядъ, насколько, по его мнѣнію, цѣлесообразны предполагаемыя преобразованія съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ.

Повидимому, государственные интересы, какъ ихъ понимали представители прокуратуры, должны были бы требовать сохраненія установившихся порядковъ въ управленіи церковными имѣніями. Но такъ какъ освобожденіе коллегіи экономіи изъ-подъ власти Сената не отдавало ее въ безконтрольное распоряженіе Синода, а по прежнему ставило хозяйственное управленіе синодальнаго вѣдомства подъ ближайшее наблюденіе оберъ прокурорской власти и въ тоже время соединялось съ освобожденіемъ самого оберъ-прокурора отъ нежелательныхъ отношеній къ Сенату и его генералъ-прокурору, то члены св. Синода, по всей вѣроятности совершенно неожиданно для себя, встрѣтили въ лицѣ Шаховского не опаснаго противника своимъ стремленіямъ, а надежнаго и вліятельнаго союзника. Синодальный оберъ-прокуроръ успокоилъ колебавшуюся государыню, уже сильно сомнѣвавшуюся въ практичности и полезности обѣщаннаго правительственнаго распоряженія, и убѣдилъ ее, что представляется полнѣйшая возможность и исполнить данное обѣщаніе и въ то же время, при новой постановкѣ дѣла управленія церковными имуществами, увеличить самые размѣры доходовъ, поступавшихъ съ нихъ въ государственную казну [1]).

Такъ какъ верховная власть всего болѣе интересовалась въ дѣлѣ управленія церковными имѣніями размѣрами доходовъ, поступавшихъ съ нихъ въ государственное казначейство, то послѣднее соображаніе Шаховского, находившаго возможнымъ воспользоваться проектировавшейся реформой въ инте-

---

[1]) Тамъ же, стр. 51.

ресахъ государства и увеличить доходы казны съ церковныхъ вотчинъ, окончательно рѣшило судьбу коллегіи экономіи, и на слѣдующій же день Елизавета Петровна, призвавъ къ себѣ нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ, объявила имъ, что она передаетъ въ вѣдѣніе Синода управленіе всѣми дѣлами коллегіи экономіи, но только предварительно требуетъ отъ нихъ соотвѣтствующаго письменнаго доклада съ обстоятельнымъ объясненіемъ тѣхъ основаній, на какихъ они намѣреваются организовать управленіе церковными имуществами.

Св. Синодъ не имѣлъ возможности воспользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами, чтобы вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго участія представителя прокуратуры, выработать, отвѣчавшія своимъ спеціальнымъ интересамъ, новыя основанія для завѣдыванія доходами и расходами духовнаго вѣдомства, такъ какъ императрица поручила синодальнымъ членамъ представить ей письменный докладъ, „согласясь съ оберъ-прокуроромъ“ [1]). Исполняя высочайшую волю, синодальные члены сообщили Шаховскому желаніе государыни, и оберъ-прокуроръ, поспѣшившій заявить о своихъ совѣтахъ императрицѣ, успѣлъ вызвать къ себѣ довѣріе св. Синода и былъ уполномоченъ имъ составить письменный докладъ для представленія верховной власти.

Указывая на необходимость уничтоженія особой коллегіи экономіи, Шаховской, хотя и просилъ въ своемъ докладѣ передать всѣ синодальныя, архіерейскія и монастырскія вотчины въ полное распоряженіе самого высшаго органа церковнаго управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ имени св. Синода, обѣщалъ императрицѣ, что доходы съ церковныхъ имуществъ будутъ употребляться на нужды духовнаго вѣдомства только въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ размѣрахъ, необходимыхъ для удовлетворенія дѣйствительно существующихъ потребностей, всѣ же излишнія, остающіяся суммы будутъ бережно сохраняться и поступать въ вѣдѣніе государыни. Прочитанный синодальнымъ членамъ и вызвавшій съ ихъ стороны незначительныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ выраженій, письменный докладъ былъ представленъ оберъ-прокуроромъ на разсмотрѣніе Елизаветы Петровны и получилъ отъ нея высочайшее утвержденіе.

---

[1]) Тамъ же.

Безъ сомнѣнія, принятое св. Синодомъ, въ силу доклада составленнаго Шаховскимъ, обязательство сохранять остатки своихъ доходовъ и отдавать въ нихъ отчетъ предъ верховной властью, являлось необходимымъ условіемъ полученія согласія императрицы на уничтоженіе коллегіи экономіи, почему Шаховской и имѣлъ возможность внести его въ представленный докладъ. Между тѣмъ, подобное обязательство ставило экономическое, финансовое управленіе духовнаго вѣдомства подъ сильнѣйшій контроль оберъ-прокурора, какъ представителя государственныхъ интересовъ, и создавало для него множество удобныхъ поводовъ къ вмѣшательству въ дѣятельность высшаго органа церковнаго управленія.

И дѣйствительно, уже въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ изданія именного указа объ уничтоженіе коллегіи экономіи [1]), оберъ-прикуроръ замѣтилъ стремленіе Синода уклоняться отъ точнаго исполненія своихъ обѣщаній, высказанныхъ въ извѣстномъ докладѣ. По его словамъ, синодальные члены, при организаціи управленія переданными въ ихъ распоряженіе церковными вотчинами, дѣйствовали „въ иномъ разумѣ, несходно съ аппробованнымъ докладомъ“ [2]), почему Шаховской и увидѣлъ себя обязаннымъ сдѣлать Синоду нѣсколько словесныхъ замѣчаній о характерѣ его хозяйственной, экономической дѣятельности; но такъ какъ словесныя замѣчанія оберъ-прокурора не сопровождались никакими практическими результатами, то Шаховскэй обратился къ св. Синоду съ особымъ письменымъ предложеніемъ и представилъ на его разсмотрѣніе свой обширный проектъ реорганизаціи управленія церковными имуществами.

Обращая вниманіе высшаго церковнаго учрежденія на то, что, со времени передачи въ его распоряженіе всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, заботы Синода о нобходимыхъ улучшеніяхъ въ системѣ церковнаго хозяйства выразились только въ простой замѣнѣ бывшей коллегіи экономіи канцеляріей синодальнаго экономическаго правленія, заимствовавшей отъ своей предшественницы всѣ старые порядки, оберъ-прокуроръ констатировалъ крайне неравно-

---

[1]) П. С. З. т. XII, № 8,993.
[2]) Записки кн. Шаховского, стр. 52.

мѣрное, сильно устарѣвшее распредѣленіе денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ съ синодальныхъ и епархіальныхъ деревень и проектировалъ произвести новую раскладку податей съ крѣпостныхъ крестьянъ духовнаго вѣдомства. Заботясь объ увеличеніи доходности церковныхъ имуществъ, Шаховской предлагалъ произвести нѣкоторыя измѣненія и въ наличномъ составѣ канцеляріи синодальнаго экономическаго правленія, назначивъ въ нее двоихъ новыхъ свѣтскихъ чиновниковъ, основательно знакомыхъ съ сложной системой вотчиннаго хозяйства и не занимающихъ никакихъ другихъ посторонніихъ должностей, а также и особаго прокурора, который бы имѣлъ возможность ближайшимъ образомъ слѣдить за характеромъ экономической дѣятельности канцеляріи. Стремясь къ увеличенію доходовъ, получавшихся съ вотчинъ синодальнаго вѣдомства, путемъ производства новой раскладки податей и посредствомъ введенія въ наличный составъ канцеляріи экономическаго правленія представителя прокурорскаго надзора и новыхъ свѣдущихъ, опытныхъ чиновниковъ, Шаховской въ то же время проектировалъ принять нѣкоторыя мѣры и для поднятія самой экономической производительности церковныхъ вотчинъ; съ этою цѣлью онъ предлагалъ св. Синоду назначить въ канцелярію экономическаго правленія особыхъ свѣтскихъ и духовныхъ экономовъ, спеціально, практически изучившихъ сельское хозяйство, и поручить имъ заботы о поднятіи благосостоянія и производительности церковныхъ вотчинъ [1]).

Желаніе оберъ-прокурора ввести въ коллегію синодальнаго экономическаго правленія свѣтскій элементъ и даже особаго представителя прокурорскаго надзора не могло, конечно, встрѣтить сочувствія со стороны высшаго органа церковнаго управленія, почему и осталось безъ исполненія, но другіе проекты Шаховского, имѣвшіе цѣлью упорядочить плохо организованную систему управленія сложнымъ хозяйствомъ синодальнаго вѣдомства, поднять экономическое благосостояніе въ церковныхъ вотчинахъ и увеличить, путемъ новой раскладки податей, общую доходность имуществъ, легко могли быть признаны совпадавшими и съ интересами самого св. Синода.

---

[1]) Тамъ же, приложенія, стр. 272—275, XVIII.

Предложеніе оберъ-прокурора внимательно и всесторонне ознакомиться съ современнымъ состояніемъ церковныхъ вотчинъ, съ промыслами и занятіями живущихъ въ нихъ крестьянъ, съ размѣрами обложенія крѣпостного населенія, чтобы, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, имѣть возможность установить новыя нормы податей и повинностей, новое распредѣленіе налоговъ между крестьянскимъ населеніемъ различныхъ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, было, повидимому, съ удовольствіемъ встрѣчено св. Синодомъ, и послѣдній немедленно же опредѣлилъ послать указы, чтобы о всѣхъ селахъ и деревняхъ духовнаго вѣдомства были доставлены объяснительныя вѣдомости съ требуемыми свѣдѣніями, необходимыми для измѣненія устарѣвшаго обложенія [1]).

Но въ скоромъ времени Шаховской узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что требуемыя вѣдомости намѣренно не присылаются въ Синодъ исполнительными органами, и убѣдившись, что высшее церковное учрежденіе не принимаетъ никакихъ мѣръ къ практическому осуществленію своего собственнаго распоряженія, сталъ употреблять всевозможныя средства, чтобы побудить св. Синодъ не отступать отъ принятаго рѣшенія. „И хотя я“, замѣчастъ оберъ-прокуроръ [2]), „о томъ ея величеству объяснительно представлялъ и по ея же благоволенію и наставленію многія старанія и домогательства употреблялъ, но не возмогъ сдѣлать къ тому полезнаго успѣха“. Такое довольно странное и на первый взглядъ непонятное явленіе, по всей вѣроятности, находилось въ зависимости отъ того, что Синодъ увидѣлъ въ объяснительныхъ вѣдомостяхъ объ экономическомъ состояніи различныхъ церковныхъ вотчинъ важное средство, которымъ прокуратура могла воспользоваться въ интересахъ государственной казны, а не духовнаго вѣдомства; по крайней мѣрѣ, Шаховской въ своихъ мемуарахъ приписываетъ подобныя опасенія многимъ изъ лицъ духовнаго вѣдомства, замѣчая, что „по большей части властители деревень себѣ получать, а не въ казну умножать доходы желали“ [3]). Только при такомъ предположеніи и дѣлается понятнымъ упорное пассивное противодѣйствіе св. Синода и подчинен-

---

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 53.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

ныхъ ему органовъ церковной администраціи настойчивымъ предложеніямъ и побужденіямъ оберъ-прокурора.

То же предположеніе помогаетъ намъ уяснить причины, обусловливавшія собою происшедшее въ скоромъ времени на почвѣ матеріальныхъ интересовъ крупное столкновеніе Шаховского съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ. Очень вѣроятно, что безуспѣшность, безрезультатность всѣхъ попытокъ оберъ-прокурора настоять на практическомъ осуществленіи своего предложенія не осталась безъ извѣстнаго вліянія на его личныя отношенія къ членамъ св. Синода; къ побужденіямъ чисто личнаго характера присоединялось еще и убѣжденіе, вынесенное изъ ближайшаго знакомства съ синодальнымъ экономическимъ управленіемъ,—убѣжденіе въ несомнѣнномъ стремленіи высшаго церковнаго учрежденія руководиться въ своей экономической дѣятельности и въ распоряженіи матеріальными, денежными средствами исключительно только интересами одного духовнаго вѣдомства, а не государственной казны. Подъ вліяніемъ подобныхъ причинъ, представитель государственныхъ интересовъ, въ то время, по его собственнымъ словамъ [1]), уже вполнѣ увѣренный „въ своемъ у ея императорскаго величества кредитѣ, безъ коего и съ наилучшими искусствами отъ происковъ злоковарныхъ поражаемы бываютъ“, рѣшился дать почувствовать синодальнымъ членамъ возможность непріятныхъ практическихъ послѣдствій отъ столкновеній съ оберъ-прокурорской властью и съ этою цѣлью не побоялся самымъ чувствительнымъ образомъ затронуть ихъ матеріальные интересы.

Располагая важнымъ правомъ останавливать своимъ протестомъ приведеніе въ исполненіе синодальныхъ постановленій, признаваемыхъ прокуратурой несогласными съ дѣйствующими законами и правительственными распоряженіями, Шаховской воспользовался для своихъ цѣлей однимъ старымъ Петровскимъ указомъ, имѣвшимъ отношеніе къ выдачѣ жалованья членамъ св. Синода. Ссылаясь на извѣстный намъ указъ императора Петра I, устанавливавшій обязательный вычетъ изъ размѣровъ казеннаго жалованья синодальнымъ членамъ содержанія, получаемаго ими отъ своихъ епархій и монастырей, оберъ-прокуроръ заявилъ синоду, что игнориро-

[1]) Тамъ же.

ваніе подобнаго правительственнаго распоряженія является незаконнымъ, такъ какъ царствующая государыня объявила всѣ указы Петра своими собственными указами, т. е. признала за ними обязательную силу дѣйствующихъ законовъ. Практиковавшуюся же высшимъ органомъ церковнаго управленія выдачу своимъ членамъ полнаго казеннаго жалованья Шаховской, какъ оффиціальный, строгій блюститель законности, имѣлъ возможность признать непозволительной еще и на томъ основаніи, что незадолго до своей смерти Петръ собственноручно написалъ на одномъ изъ представленныхъ ему дѣлъ: „доколѣ отъ епархій и монастырей о приходахъ и расходахъ счетовъ не подадутъ (члены Синода), жалованье имъ брать —запретить“.

Указывая на несомнѣнное несоотвѣтствіе существовавшихъ порядковъ въ полученіи жалованья правительственнымъ распоряженіямъ, оберъ-прокуроръ первоначально неоффиціально заявилъ членамъ св. Синода, что они незаконно получаютъ лишнее жалованье, и посовѣтовалъ имъ обратиться къ верховной власти съ просьбой о высочайшемъ опредѣленіи размѣровъ слѣдуемаго имъ вознагражденія. Замѣчаніе и совѣты Шаховского сильно не понравились синодальнымъ членамъ, и когда послѣдніе, не обращая вниманія на словесныя заявленія оберъ-прокурора, чрезъ нѣсколько времени распорядились составить обычное опредѣленіе о выдачѣ жалованья, Шаховской обратился къ св. Синоду съ оффиціальнымъ, письменнымъ предложеніемъ и заявилъ его членамъ, чтобы они не брали своего жалованья безъ предварительнаго разрѣшенія верховной власти, угрожая, въ противномъ случаѣ, опротестовать ихъ опредѣленіе и донести о случившемся императрицѣ. Но вліяніе представителя прокуратуры на высшее церковное учрежденіе было еще настолько незначительно, что члены св. Синода не придали значенія даже и такимъ энергичнымъ заявленіямъ оберъ-прокурора и, послѣ продолжительныхъ споровъ съ Шаховскимъ, подписали свое опредѣленіе и обнаружили намѣреніе привести его исполненіе. Настойчивый оберъ-прокуроръ воспользовался, однако, своими юридическими правами и, протестовавъ синодальное опредѣленіе, не допустилъ его до исполненія [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 54.

Безъ сомнѣнія, высшій органъ церковнаго управленія, такъ независимо державшій себя по отношенію къ оберъ-прокурору, имѣлъ достаточныя основанія разсчитывать на поддержку и покровительство сильныхъ людей, располагавшихъ значительнымъ вліяніемъ на императрицу. И дѣйствительно, мы видимъ, что члены Синода, немедленно же послѣ протеста оберъ-прокурора, обратились за содѣйствіемъ къ своимъ вліятельнымъ друзьямъ и покровителямъ и чрезъ нихъ начали жаловаться государынѣ на Шаховского, обвиняя его въ небезпристрастномъ и незаконномъ отношеніи къ предоставленнымъ ему полномочіямъ [1]). Столкновеніе оберъ-прокурора съ св. Синодомъ начинало принимать довольно обостренный характеръ, не совсѣмъ безопасный для самого Шаховского, и онъ поспѣшилъ ослабить возмозможность неблагопріятныхъ послѣдствій отъ многочисленныхъ жалобъ синодальныхъ членовъ, лично явившись къ императрицѣ и предупредивъ ее о присшедшемъ инцидентѣ и о весьма вѣроятномъ формальномъ обжалованіи его дѣйствій со стороны св. Синода.

Не ограничившись частными жалобами на несправедливыя дѣйствія оберъ-прокурора, Синодъ въ скоромъ времени нашелъ случай подать письменное прошеніе о безпрепятственной выдачѣ заслуженнаго жалованья и непосредственно самой государынѣ, формально обвинивъ Шаховского предъ верховной властью въ незаконномъ протестѣ противъ правильнаго синодальнаго опредѣленія. Но императрица, заблаговременно предупрежденная предусмотрительнымъ оберъ-прокуроромъ, получивъ прошеніе и доносъ св. Синода, исполнила желаніе Шаховского и предварительно потребовала отъ него также формальныхъ, письменныхъ объясненій по поводу поступившихъ жалобъ. Оберъ-прокуроръ, предвидѣвшій неизбѣжность нелегкой и небезопасной борьбы съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, благоразумно заготовилъ уже ранѣе

---

[1]) „При логическихъ и риторическихъ къ своей выгодѣ доказательствахъ, синодальные члены", замѣчаетъ Шаховской въ своихъ Запискахъ (стр. 55), „крѣпко устремились, чтобы рѣшеніе" (о полученіи жалованья) „своими способными дорогами, черезъ своихъ друзей у ея императорскаго величества съ жалобами на меня, якобы несправедливо имъ препятствующаго, въ дѣйство пользу свою произвесть".

экстрактъ изъ всѣхъ законоположеній и указовъ Петра, имѣвшихъ отношеніе къ вопросу о полученія жалованья синодальными членами, и, тотчасъ же представивъ его на разсмотрѣніе государыни, просилъ ее сопоставить поданный докладъ съ тѣми основаніями, которыми Синодъ доказывалъ законность своихъ правъ на полученіе задержаннаго вознагражденія.

Экстрактъ изъ распоряженій Петра оказалъ на императрицу дѣйствіе, благопріятное для Шаховского, и хотя Елизавета Петровна въ своемъ указѣ, данномъ на имя Синода, приказала: „оберъ-прокурору, князю Шаховскому синодальнымъ членамъ жалованье выдать и впредь выдавать безъ задержанія“, по въ то же время признала вполнѣ законнымъ поведеніе оберъ-прокурора, вызвавшее жалобы св. Синода; указъ предписывалъ строго руководиться правительственными распоряженіями Петра при выдачѣ жалованья синодальнымъ членамъ и обязательно принимать во вниманіе ихъ епархіальные и монастырскіе доходы, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и предоставлялъ высшему органу церковнаго управленія право обратиться къ верховной власти съ особымъ ходатайствомъ объ отмѣнѣ стѣснительныхъ правилъ [1]).

Синодъ не находилъ нужнымъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ; оставивъ, и послѣ полученія спеціальнаго императорскаго указа, безъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія вопросъ о размѣрахъ жалованья, онъ, очевидно, надѣялся достичь своихъ цѣлей и безъ подачи особыхъ прошеній на высочайшее имя, не оберъ-прокуроръ употреблялъ всѣ зависявшія отъ него мѣры, чтобы не дать возможности синодальнымъ членамъ самостоятельно распоряжаться денежными суммами духовнаго вѣдомства [2]).

Хотя первое крупное столкновеніе оберъ-прокурора съ св. Синодомъ и закончилось неблагопріятно для послѣдняго, но побѣда прокуратуры надъ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ не прошла безнаказанно и для Шаховского. Синодъ, сильно

---

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 56.

[2]) „Хотя они (т. е. члены Синода)“, пишетъ Шаховской (стр. 56), „чрезъ разные случаи получать то свое жалованье многократно домогались“, но... „я всегда того наблюдая болѣе ста тысячъ рублевъ такихъ, коп бы безъ моего препятствія легко получить могли, въ казнѣ удержать усчастливился“.

вооруженый противъ своего оберъ-прокурора, рѣшилъ отплатить ему той же монетой; онъ располагалъ достаточными средствами для приведенія въ исполненіе своего плана, такъ какъ оберъ-прокуроръ получалъ жалованье не изъ государственнаго казначейства, а изъ доходовъ синодальнаго вѣдомства, находившихся въ распоряженіи церковнаго учрежденія. Въ ближайшій же срокъ, когда, по установившемуся порядку, членамъ св. Синода слѣдовало подписать обычное опредѣленіе о выдачѣ оберъ-прокурору заслуженнаго вознагражденія, Шаховской долженъ былъ выслушать отъ нихъ неожиданное и непріятное заявленіе, что они не имѣютъ точнаго указа о производствѣ оберъ-прокурорскаго жалованья изъ доходовъ духовнаго вѣдомства, почему и не считаютъ себя обязанными составлять подобныя опредѣленія. Разсчитывая на покровительство государыни, Шаховской съ полной увѣренностью замѣтилъ членамъ св. Синода, что если они не намѣрены написать своего опредѣленія о выдачѣ жалованья, то онъ постарается обойтись и безъ ихъ постановленія, такъ какъ твердо убѣжденъ, что императрица, возложившая на него оберъ-прокурорскія обязанности, не оставитъ своего служащаго безъ законнаго вознагражденія. Оберъ-прокуроръ даже разсчитывалъ, что поступокъ Синода доставитъ ему удобный случай и прекрасный поводъ, убѣдивъ государыню въ ненависти синодальныхъ членовъ къ представителю прокурорскаго надзора, испросить у нея для себя болѣе высокій окладъ жалованья [1]), почему онъ немедленно же и написалъ императрицѣ о происшедшемъ инцидентѣ со всевозможными объясненіями, благопріятными для его личныхъ интересовъ.

Но разсчеты Шаховского далеко не оправдались въ дѣйствительности, и онъ былъ въ достаточной степени и довольно чувствительно наказанъ за свою излишнюю самоувѣренность. Прошло больше двухъ мѣсяцевъ съ того времени, какъ лишенный Синодомъ жалованья оберъ-прокуроръ послалъ Елизаветѣ свое первое письмо, а между тѣмъ, ни Синодъ, ни оберъ-прокуроръ не получали отъ верховной власти никакого распоряженія о безпрепятственной выдачѣ задержаннаго вознагражденія. Не дождавшись никакой резо-

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 57.

люціи на свой первый докладъ, Шаховской лично явился къ государынѣ и подалъ второе прошеніе, но прошло еще болѣе четырехъ мѣсяцевъ томительнаго ожиданія, а его неопредѣленное и тяжелое положеніе нисколько не измѣнялось.

Такіе неожиданные для оберъ-прокурора и на первый взглядъ не совсѣмъ понятные результаты происшедшаго столкновенія обусловливались существованіемъ у членовъ высшаго церковнаго учрежденія сильныхъ покровителей, пользовавшихся своимъ значительнымъ вліяніемъ на императрицу въ интересахъ св. Синода [1]). Убѣдившись, что, благодаря нѣкоторымъ вліятельнымъ личностямъ и, въ особенности, первому фавориту того времени, графу Алексѣю Разумовскому, Синодъ успѣлъ привлечь на свою сторону расположеніе государыни и возстановить ее противъ него, оберъ-прокурора, Шаховской рѣшился дѣйствовать тѣми же окольными путями: желая ослабить вліяніе синодальныхъ членовъ на графа Разумовскаго, онъ употребилъ всевозможныя средства, чтобы представить себя въ его глазахъ невинно пострадавшимъ и вызвать сочувствіе къ своему тяжелому матеріальному положенію.

Повидимому, оберъ-прокурору нѣсколько удалось расположить Разумовскаго въ свою пользу, и графъ не ограничился только однимъ обѣщаніемъ походатайствовать за него предъ императрицей; по крайней мѣрѣ, когда чрезъ нѣсколько времени Шаховскому представился удобный случай, по поводу замѣченныхъ государыней неисправностей въ богослужебныхъ книгахъ, выставить въ очень некрасивомъ видѣ дѣятельность синодальныхъ членовъ, Елизавета довольно благосклонно замѣтила оберъ-прокурору, что она виновата предъ нимъ, такъ какъ все забываетъ сдѣлать распоряженіе относительно его жалованья [2]). Впрочемъ, Шаховскому уже въ достаточной

---

[1]) „Неиначе заключалъ я", замѣчаетъ Шаховской въ своихъ Запискахъ (стр. 57), „что то происходитъ по коварнымъ препонамъ моихъ ненавистниковъ, и я... довольно видѣлъ опытовъ, что первый тогда фаворитъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій св. Синода членамъ особливо благосклоненъ былъ и неотрицательно по ихъ домогательствамъ и прошеніямъ всевозможныя у ея величества предстательства и заступленія употреблялъ".

[2]) Записки кн. Шаховского, стр. 58. Едва-ли въ ссылкѣ императрицы на свою забывчивость можно видѣть указаніе

степени пострадавшему изъ-за своего столкновенія съ св. Синодомъ, и послѣ милостиваго обѣщанія императрицы еще около двухъ мѣсяцевъ пришлось каждый день ожидать обѣщанной высочайшей резолюціи, пока, наконецъ, въ Синодѣ не былъ полученъ указъ о безпрепятственной выдачѣ задержаннаго оберъ-прокурорскаго жалованья изъ суммъ духовнаго вѣдомства.

Получивъ предписаніе верховной власти, синодальные члены поспѣшили безпрекословно исполнить его и даже начали увѣрять оберъ-прокурора, что они не давали ему своего опредѣленія о выдачѣ жалованья не подъ вліяніемъ какихъ-либо враждебныхъ отношеній къ Шаховскому, а изъ простого и вполнѣ извинительнаго опасенія нарушить требованія законовъ, такъ какъ въ ихъ распоряженіи не существовало точнаго указа о производствѣ оберъ-прокурорскаго вознагражденія изъ синодальныхъ доходовъ. Очевидно, что выраженное въ указѣ неудовольствіе императрицы по поводу поступка Синода было принято его членами за несомнѣнный признакъ вновь пріобрѣтеннаго оберъ-прокуроромъ расположенія верховной власти, почему синодальные члены и нашли благоразумнымъ нѣсколько измѣнить характеръ своихъ отношеній къ Шаховскому.

Непріятныя практическія послѣдствія крупныхъ столкновеній оберъ-прокурора съ св. Синодомъ, повидимому, не оказали никакого замѣтнаго вліянія на характеръ отношеній представителя прокуратуры къ высшему церковному учрежденію. По всей вѣроятности, временно пострадавшій, властолюбивый и энергичный оберъ-прокуроръ, успѣвшій изучить непостоянный характеръ императрицы, легко поддававшейся самымъ разнообразнымъ и даже прямо противоположнымъ вліяніямъ, увидѣлъ благопріятныя признаки возвращенія расположенія и довѣрія верховной власти въ высочайшемъ указѣ

на дѣйствительную и единственную причину продолжительнаго, фактическаго лишенія оберъ-прокурора законнаго, заслуженнаго жалованья; по крайней мѣрѣ, „Записки Шаховского“ позволяютъ догадываться, что здѣсь имѣли мѣсто не столько забывчивость Елизаветы, сколько внушенія нѣкоторыхъ лицъ, возстановлявшихъ ее противъ синодальнаго оберъ-прокурора.

о безпрепятственной выдачѣ задержаннаго жалованья и, въ особенности, въ томъ неудовольствіи, какое было выражено указомъ по адресу высшаго органа церковнаго управленія: Шаховской легко могъ истолковать данный фактъ въ смыслѣ косвеннаго одобренія своей дѣятельности со стороны верховной власти и, во всякомъ случаѣ, легко могъ придти къ убѣжденію въ полной возможности держаться прежней политики по отношенію къ членамъ Синода. По крайней мѣрѣ, опасность вновь возстановить противъ себя св. Синодъ со всѣми его вліятельными друзьями и покровителями нисколько не помѣшала оберъ-прокурору въ скоромъ же времени принять самое живое и близкое участіе въ одномъ очень некрасивомъ дѣлѣ, сильно компрометировавшемъ русское духовенство, энергично настаивать на его безпристрастномъ разслѣдованіи и рѣшительно воспрепятствовать Синоду уничтожить начавшееся дѣло.

Одинъ, довольно хорошо извѣстный синодальнымъ членамъ, архимандритъ, уличенный на мѣстѣ въ грубомъ, фактическомъ нарушеніи седьмой заповѣди, вмѣстѣ съ участницей преступленія былъ привезенъ монастырскими крестьянами въ св. Синодъ. Согрѣшившій архимандритъ, въ присутствіи оберъ-прокурора, чистосердечно сознался предъ членами Синода [1]) въ своемъ преступленіи и, послѣ обычныхъ просьбъ о прощеніи и помилованіи, былъ посаженъ подъ караулъ. Между тѣмъ, быстро распространившіеся среди общества слухи о соблазнительномъ происшествіи въ духовномъ, монашескомъ мірѣ заставили высшій органъ церковнаго управленія придти къ убѣжденію въ настоятельной необходимости какимъ бы то ни было образомъ замять начавшееся дѣло или даже совершенно уничтожить его, чтобы тѣмъ самымъ ослабить неблагопріятное для церкви впечатлѣніе, произведенное на общество безнравственнымъ поступкомъ архимандрита. Съ этою цѣлью одинъ изъ синодальныхъ членовъ, находившійся въ довольно хорошихъ личныхъ отношеніяхъ съ Шаховскимъ, явился на домъ къ оберъ-прокурору и конфиденціально обратился къ нему съ просьбой не препятствовать Синоду уничтожить соблазнительное дѣло о провинившемся монахѣ. Но Шаховской, находившійся въ обостренныхъ отношеніяхъ съ высшимъ церковнымъ

---

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 60.

учрежденіемъ и совершенно чуждый соображеній его членовъ, рѣшительно отклонилъ отъ себя подобную просьбу и заявилъ, что широкая огласка соблазнительнаго дѣла требуетъ отъ св. Синода самаго строгаго отношенія къ подсудимому и примѣрнаго наказанія виновнаго, чтобы общество не имѣло никакихъ основаній обвинять высшій органъ церковнаго управленія въ укрывательствѣ позорныхъ преступленій, имѣющихъ мѣсто въ духовномъ мірѣ, и не могло заподозрить Синодъ въ стремленіи оказывать незаслуженное покровительство своимъ людямъ.

Потерявъ надежду на возможность уничтоженія начавшагося дѣла о безнравственномъ поступкѣ архимандрита, св. Синодъ рѣшился обратиться къ другому средству, чтобы лишить общественное мнѣніе права пользоваться даннымъ дѣломъ, какъ прекраснымъ поводомъ для нежелательныхъ нареканій на духовенство; средство это состояло въ томъ, что подсудимому, по словамъ Шаховского, было внушено совершенно измѣнить свои первоначальныя показанія и, отрицая самый фактъ совершенія преступленія, представить себя несчастною жертвой, невинно опороченной крестьянами. Получивъ такія инструкціи, содержавшійся подъ карауломъ монахъ заявилъ оберъ-прокурору, что онъ желаетъ дать еще новыя показанія по своему дѣлу, почему и испрашиваетъ позволеніе быть допущеннымъ въ собраніе св. Синода. Приведенный въ Синодъ, обвинявшійся архимандритъ, довольно неожиданно для Шаховского, самымъ рѣшительнымъ образомъ началъ отрицать дѣйствительность факта, въ которомъ самъ же сознался при первомъ допросѣ, утверждая, что первоначальныя ложныя показанія онъ давалъ въ совершенно безсознательномъ состояніи, вызванномъ незаслуженнымъ позоромъ, поруганіемъ, издѣвательствомъ надъ его личностью и величайшимъ страхомъ за свою послѣдующую судьбу.

Члены св. Синода обнаружили явное желаніе воспользоваться новыми данными, чтобы оффиціально признать архимандрита невинно опороченнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи и такимъ образомъ снять съ духовенства позорную тѣнь, наброшенную на него безнравственнымъ поступкомъ монаха. Но оберъ-прокуроръ, глубоко убѣжденный, что измѣненія въ показаніяхъ подсудимаго произошли подъ вліяніемъ причинъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣмъ, на что ссы-

лался обвиняемый, категорически заявилъ о своемъ полнѣйшемъ недовѣріи къ послѣднимъ оправданіямъ архимандрита, такъ какъ его первоначальное безусловно искреннее признаніе и чистосердечное раскаяніе не оставили никакого сомнѣнія въ дѣйствительности факта преступленія.

Убѣдившись въ настойчивомъ стремленіи Шаховского достигнуть формальнаго разслѣдованія дѣла и примѣрнаго наказанія подсудимаго, Синодъ обратился къ своей обычной тактикѣ по отношенію къ оберъ-прокурору, какой онъ довольно нерѣдко и далеко небезуспѣшно пользовался въ тѣхъ случаяхъ, когда стремленія прокуратуры рѣзко расходились съ желаніями высшаго органа церковнаго управленія. Члены св. Синода, подъ различными предлогами, начали задерживать производство судебнаго слѣдствія и откладывать окончательное рѣшеніе дѣла, а между тѣмъ, чрезъ посредство своихъ друзей и покровителей, постепенно внушали императрицѣ, что крестьяне напрасно оклеветали архимандрита, и что оберъ-прокуроръ, обнаруживающій излишнюю строгость по возникшему дѣлу, преувеличиваетъ его значеніе и нежелательнымъ разглашеніемъ предполагаемаго преступленія приноситъ громадный вредъ русской церкви и духовенству. „Онымъ разглашеніемъ“, жаловались члены св. Синода [1]), „теперь всенародное посмѣяніе всему ихъ сану происходитъ, такъ что, когда изъ оныхъ кто по улицѣ ѣдетъ, то нарочно пальцами указываютъ и въ слухъ говорятъ съ поношеніемъ, почитая ихъ быть такими же“.

Жалобы и внушенія Синода оказали свое дѣйствіе на государыню, и Елизавета, сообразно съ его желаніемъ, приказала наказать крестьянъ, заставшихъ монаха на мѣстѣ преступленія, и самую участницу преступленія, какъ лицъ, оклеветавшихъ невиннаго архимандрита, а подсудимаго распорядилась перевести въ другой монастырь, безъ всякаго наказанія. Шаховской же чрезъ генералъ-прокурора получилъ отъ императрицы строгій выговоръ за распространеніе среди общества слуховъ о дѣлѣ, компрометировавшемъ духовенство, такъ какъ, по ея словамъ, слѣдуетъ жестоко наказывать тѣхъ, „кто тайности изъ Синода выноситъ“.

---

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 62.

Но явное нерасположеніе государыни, возстановленной противъ Шаховского членами св. Синода, не измѣнило характера отношеній оберъ-прокурора къ высшему церковному учрежденію; глубоко убѣжденный въ виновности архимандрита и прекрасно знавшій непостоянство императрицы, Шаховской терпѣливо выжидалъ благопріятнаго случая, чтобы оправдать себя въ глазахъ Елизаветы и представить въ настоящемъ свѣтѣ неправильно рѣшенное дѣло. Удачно воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, когда императрица, по поводу замѣченнаго ей въ одной изъ церквей непозволительнаго изображенія ангеловъ, выразила свое неудовольствіе на св. Синодъ, оберъ-прокуроръ заявилъ государынѣ, что его многочисленныя предложенія, направленныя къ уничтоженію разнообразныхъ недостатковъ въ церковной жизни, оставляются безъ всякаго исполненія и сопровождаются только однимъ результатомъ — сильнымъ неудовольствіемъ и враждебными отношеніями къ нему со стороны синодальныхъ членовъ, которые нерѣдко, путемъ замаскированнаго обмана, вынуждаютъ у самой верховной власти согласіе на совершенно незаконныя и крайне пристрастныя распоряженія, что еще такъ недавно имѣло мѣсто при неожиданномъ оправданіи несомнѣнно виновнаго архимандрита. Шаховскому вполнѣ удалось убѣдить Елизавету, что она сдѣлалась жертвой обмана, и что наказанія заслуживали не обвинители-крестьяне, а обвинявшійся архимандритъ. Подъ вліяніемъ происшедшаго объясненія, императрица высказала предъ своими приближенными сожалѣніе по поводу несправедливо рѣшеннаго дѣла и отозвалась съ похвалой о справедливости и безпристрастіи оберъ-прокурора, что, конечно, не осталось несообщеннымъ синодальнымъ членамъ.

Св. Синодъ, съ величайшимъ неудовольствіемъ узнавшій о возвращеніи довѣрія государыни къ такому неудобному и тяжелому для него оберъ прокурору, какимъ являлся настойчивый Шаховской, всегда и во всемъ ставившій на первомъ планѣ государственные интересы и не рѣдко приносившій въ жертву имъ интересы церковнаго вѣдомства, рѣшился обратиться къ послѣднему средству, чтобы избавиться, наконецъ, отъ нежелательнаго представителя прокурорскаго надзора. Явившись къ императрицѣ, синодальные члены на колѣняхъ, со слезами, умоляли ее избавить ихъ отъ невыносимаго оберъ-прокурора, жаловались государынѣ, что нѣтъ никакой возможности вы-

слушивать въ собраніи Синода докучливыя, дерзкія, оскорбительныя письменныя и словесныя предложенія Шаховского, нерѣдко сопровождающіяся неприличными спорами, и убѣждали Елизавету въ необходимости уволить Шаховского отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора, прося ее, въ случаѣ несогласія на предлагаемую мѣру, освободить ихъ самихъ отъ присутствованія въ св. Синодѣ [1]).

Повидимому, сильное и рѣшительное средство, какимъ воспользовались синодальные члены въ борьбѣ съ своимъ оберъ-прокуроромъ, произвело на императрицу благопріятное для нихъ впечатлѣніе, такъ какъ Елизавета обѣщала опредѣлить въ Синодъ новаго представителя прокуратуры, и генералъ-прокуроръ Трубецкой нашелъ нужнымъ „дружески“ посовѣтывать Шаховскому не являться болѣе на службу, а ждать новаго назначенія. Но оберъ-прокуроръ, какъ видно, имѣлъ достаточныя основанія предполагать, что императрица распорядилась представить кандидата на его мѣсто только подъ первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее жалобами и просьбами синодальныхъ членовъ, и, не считая распоряженія Елизаветы окончательнымъ и безповоротнымъ, не находилъ никакой необходимости слѣдовать совѣту Трубецкого. Напротивъ, явившись на слѣдующій же день въ синодальную канцелярію, Шаховской намѣренно приказалъ приготовить къ слушанію наиболѣе непріятныя для синодальныхъ членовъ дѣла, имѣвшія ближайшее отношеніе къ ихъ епархіямъ и уже долгое время напрасно ожидавшія своего рѣшенія: члены св. Синода, разсчитывавшіе увидѣть рѣзкую перемѣну въ оберъ-прокурорѣ, которому неминуемо угрожала непріятная перспектива быть уволеннымъ отъ занимаемой должности, съ величайшимъ удивленіемъ должны были выслушать настойчивое предложеніе Шаховского обязательно рѣшить постоянно откладываемыя дѣла,—предложеніе, сопровождавшееся даже обѣщаніемъ, въ случаѣ неисполненія предъявленнаго требованія прокуратуры, немедленно донести верховной власти о произвольныхъ дѣйствіяхъ высшаго органа церковнаго управленія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.

Предложеніе и угроза оберъ-прокурора не оказали, однако, никакого вліянія на судьбу нерѣшенныхъ дѣлъ, такъ какъ высшее церковное учрежденіе, увѣренное въ предстоящей отставкѣ Шаховского, преспокойно отложило ихъ „до будущаго полнаго собранія“; это былъ одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ пріемовъ, какими довольно часто пользовался Синодъ въ тѣхъ случаяхъ, когда государственная власть, въ лицѣ оберъ-прокурора, такъ или иначе затрогивала интересы церкви, какъ ихъ понимали ея оффиціальные представители — члены высшаго органа церковнаго управленія, или даже личные интересы самихъ синодальныхъ членовъ, и когда св. Синодъ, не имѣя формальныхъ основаній отклонить предложенія прокуратуры, находилъ возможнымъ парализовать нежелательное государственное вліяніе на церковную жизнь посредствомъ пассивнаго противодѣйствія оберъ-прокурорскимъ предложеніямъ. Члены св. Синода даже довольно зло иронизировали надъ своимъ оберъ-прокуроромъ, замѣтивъ ему, что должно быть, онъ очень спокойно спалъ прошедшую ночь, если теперь вдругъ принялся за такія хлопотливыя дѣла [1]).

Частые случаи уклоненій св. Синода отъ исполненія оберъ-прокурорскихъ предложеній и его послѣднее постановленіе дали право Шаховскому лично явиться къ императрицѣ и выставить въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ дѣятельность синодальныхъ членовъ и ихъ отношеніе къ государственнымъ интересамъ. По словамъ Шаховского, множество важныхъ дѣлъ, касавшихся синодальнаго персонала и требовавшихъ немедленнаго обсужденія и рѣшенія, намѣренно, умышленно откладывались до будущихъ полныхъ собраній, съ единственною цѣлью отсрочить на неопредѣленное время разборъ какого-либо непріятнаго дѣла или даже совершенно не обсуждать нѣкоторыхъ вопросовъ, возбуждавшихся прокуратурой; всѣ же замѣчанія и напоминанія о необходимости ускорить рѣшеніе постоянно откладывавшихся дѣлъ только усиливали въ членахъ Синода ненависть къ оберъ-прокурору и побуждали ихъ создавать всевозможныя затрудненія успѣшной дѣятельности прокуратуры.

---

[1]) Тамъ же, стр. 66.

Шаховской не ошибся въ своихъ разсчетахъ на возможность возвращенія прежняго довѣрія верховной власти; Елизавета, подъ вліяніемъ происшедшаго объясненія, видимо, рѣзко измѣнила свои взгляды на дѣйствительныя причины, вызвавшія жалобы Синода на неудобнаго для него оберъ-прокурора и пришла къ убѣжденію, что Шаховской тѣмъ только и заслужилъ нерасположеніе и ненависть синодальныхъ членовъ, что всегда ревниво оберегалъ государственные интересы и внимательно, безпристрастно слѣдилъ за законностью правительственной дѣятельности церковнаго учрежденія. По крайней мѣрѣ, когда генералъ-прокуроръ, по просьбѣ самого Шаховского, напомнилъ императрицѣ объ ея намѣреніи перевести синодальнаго оберъ-прокурора въ какое либо другое учрежденіе и предложилъ назначить его на должность президента одной изъ коллегій, Елизавета рѣшительно заявила, что Шаховской нуженъ ей въ св. Синодѣ, и что она совсѣмъ не намѣрена уволить его отъ оберъ-прокурорской службы, такъ какъ достаточно уже убѣдилась въ его добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ [1]).

Полное довѣріе верховной власти, вновь пріобрѣтенное Шаховскимъ, не только не удаленнымъ отъ должности по жалобѣ и просьбѣ синодальныхъ членовъ, но даже получившимъ возможность почти каждую недѣлю являться къ государынѣ съ докладами по различнымъ церковнымъ дѣламъ [2]), заставило Синодъ, въ первое время послѣ неудачныхъ результатовъ открытой борьбы съ оберъ-прокуроромъ, болѣе тактично и осторожно держать себя по отношенію къ Шаховскому, избѣгать рѣзкихъ столкновеній съ нимъ, не обнаруживать явнаго нерасположенія къ его дѣятельности, а парализовать усиливавшееся вліяніе прокуратуры на церковное управленіе другими, болѣе безопасными средствами. „Ихъ святѣйшества“, замѣчаетъ Шаховской въ своихъ Запискахъ [3]), „видя въ моихъ предпріятіяхъ успѣхи, никакихъ явныхъ неудовольствій долго не оказывали, а всегда подъ добрыми покрывалами умалить мой кредитъ старались“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 67.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 68.

Рѣшительная побѣда, одержанная оберъ-прокуроромъ въ упорной борьбѣ съ членами высшаго церковнаго учрежденія, употреблявшими всевозможныя средства, чтобы лишить его довѣрія императрицы и даже совершенно избавиться отъ постояннаго нежелательнаго вмѣшательства въ церковное управленіе слишкомъ ревностнаго защитника государственныхъ интересовъ, не могла остаться безъ всякаго вліянія на характеръ отношеній Шаховского къ св. Синоду. Если уже и ранѣе, когда невольно приходилось считаться съ серьезной опасностью возстановить противъ собя государыню характеромъ своей дѣятельности, непріятной членамъ Синода и ихъ вліятельнымъ покровителямъ, оберъ-прокуроръ не боялся вмѣшиваться во всѣ сферы управленія, всюду преслѣдуя государственныя цѣли и вступая въ упорную борьбу съ церковными интересами синодальныхъ членовъ, то теперь, считая окончательно упроченнымъ свое положеніе въ св Синодѣ, Шаховской еще смѣлѣе началъ пользоваться преимуществами своего упроченнаго положенія, затрогивая многочисленными предложеніями самыя разнообразныя стороны церковной жизни и стремясь частыми протестами не позволять Синоду приводить въ исполненіе различныя постановленія, несогласныя съ государственными интересами и желаніями прокуратуры. Но стремленіе Шаховского оказывать дѣйствительное, фактическое вліяніе на церковное управленіе, по прежнему, вызывало сильное и далеко небезуспѣшное противодѣйствіе со стороны св. Синода.

Многочисленные документы, имѣющіе отношеніе къ дѣятельности Шаховского въ послѣдніе годы его пребыванія въ должности оберъ-прокурора, позволяютъ намъ составить вполнѣ опредѣленныя представленія о той роли, какую *настойчиво стремилась выполнять и какую дѣйствительно выполняла* въ синодальномъ управленіи и во всей вообще церковной жизни оберъ-прокурорская власть, повидимому, поставленная въ условія, благопріятныя для ея фактическаго развитія.

Мы знаемъ, что первые оберъ прокуроры, не смотря на значительныя юридическіе права, предоставленныя имъ извѣстною инструкціей, поставившей синодальную канцелярію со всѣми ея чиновниками „подъ дирекцію“ оберъ-прокурора, въ дѣйствительности, на практикѣ располагали очень незначительнымъ вліяніемъ на синодальныхъ служащихъ, такъ что Болтинъ долженъ былъ доказывать предъ св. Синодомъ даже

законность своего права представлять къ наградамъ чиновниковъ собственной оберъ прокурорской конторы. При Шаховскомъ канцелярія Синода получила, въ лицѣ властнаго оберъ-прокурора, фактическаго директора и вліятельнаго начальника, который въ значительной степени упорядочилъ ея дѣлопроизводство, внимательно слѣдилъ за дѣятельностью канцелярскихъ чиновниковъ и безпрепятственно пользовался правомъ поощрять ихъ наградами за усердную службу и наказывать за недобросовѣстное отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, хотя и необходимо замѣтить, что подобныя проявленія начальническихъ отношеній къ синодальному чиновничьему персоналу со стороны оберъ-прокурорской власти по-прежнему требовали для себя посредничества высшаго церковнаго учрежденія. Шаховской только предлагалъ Синоду наградить или наказать извѣстныхъ чиновниковъ, дѣйствительное же исполненіе его предложеній зависѣло уже не отъ самого оберъ-прокурора, а отъ высшаго органа церковнаго управленія. Такъ какъ предложенія Шаховского о необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ по отношенію къ различнымъ чиновникамъ, въ большинствѣ случаевъ, очень незначительно затрогивали интересы Синода, то послѣдній обыкновенно поступалъ согласно съ желаніями оберъ-прокурорской власти, чѣмъ и создавалъ для нея возможность сильнаго фактическаго вліянія на синодальныхъ служащихъ.

По силѣ данной мнѣ инструкціи, писалъ Шаховской въ своемъ предложеніи отъ 15 декабря 1746 года [1]), канцелярія св. Синода со всѣми ея служителями состоитъ въ моей дирекціи; выходя изъ такого общаго положенія и ссылаясь на императорскіе указы Петра, предоставлявшіе командирамъ право поощрять денежными наградами усердныхъ канцелярскихъ служителей, оберъ-прокуроръ и предложилъ св. Синоду наградить прибавкою жалованья нѣкоторыхъ канцелярскихъ чиновниковъ, признанныхъ имъ достойными такого поощренія за свою усердную службу. Синодъ исполнилъ оберъ-прокурорское предложеніе [2]).— Замѣтивъ, что одинъ изъ чиновниковъ синодальной

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокурора св. Синода. Дѣло 1746 г. № 79, стр. 10.—Записки Шаховского, прилож., стр. 294—295, XLVI

[2]) Канцелярія об.-прок. св. Син. Дѣло 1746 г. № 79.

канцеляріи, Борисъ Невскій, довольно сильно страдалъ запоемъ, часто не являлся въ канцелярію въ установленные часы и неаккуратно исполнялъ самыя служебныя порученія, Шаховской предложилъ св. Синоду отрѣшить его отъ должности, какъ человѣка безнадежнаго, неисправимаго и неспособнаго къ службѣ [1]).

Но фактическое подчиненіе канцелярскихъ чиновниковъ власти синодальнаго оберъ прокурора вызывало обыкновенно сильные протесты со стороны св. Синода въ тѣхъ случаяхъ, когда Шаховской обнаруживалъ явное намѣреніе воспользоваться своими правами надъ состоявшими въ его дирекціи канцелярскими чиновниками для достиженія какихъ либо цѣлей, сильно расходившихся съ интересами высшаго органа церковнаго управленія. Когда на одномъ изъ засѣданій Синода (7 октября 1752 года) оберъ-прокуроръ приказалъ протоколисту записать въ журналъ не совсѣмъ осторожное заявленіе новгородскаго архіепископа Стефана, послѣдній рѣзко замѣтилъ, что не слѣдуетъ записывать его заявленія въ синодальный журналъ, такъ какъ для этого необходимо приказаніе не оберъ-прокурора, а самихъ членовъ св. Синода. Хотя Шаховской и заявилъ, что онъ, по самому характеру своей должности обязанный наблюдать за точнымъ исполненіемъ существующихъ законовъ, приказалъ протоколисту сдѣлать только то, что требуется Регламентомъ, но новгородскій архіепископъ снова повторилъ, что протоколисту слѣдуетъ руководиться при составленіи журнала приказаніями св. Синода, такъ какъ, при такомъ неумѣстномъ вмѣшательствѣ оберъ-прокурора, синодальнымъ членамъ „незачѣмъ и въ канцелярію ѣздить“ [2]).

Фактическое подчиненіе вліянію оберъ-прокурорской власти чиновничьяго персонала синодальной канцеляріи имѣло довольно важное значеніе для Шаховского, такъ какъ доставляло ему легкую возможность дѣйствительно контролировать правительственную дѣятельность высшаго церковнаго учрежденія. Но, безъ сомнѣнія, фактическая возможность дѣйствительнаго контролированія одного только синодальнаго дѣлопроизводства не могла удовлетворять Шаховского, задававшагося болѣе широкими планами и стремившагося подчинить такому

---

[1]) Записки Шаховского, прилож., стр. 308—309, LVIII.
[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2-е. Кн. V, стр. 704.

же дѣйствительному, фактическому контролю прокуратуры и дѣятельность низшихъ органовъ церковнаго управленія, находившихся въ непосредственномъ вѣдѣніи св. Синода; инструкція вполнѣ опредѣленно вмѣняла ему въ непремѣнную обязанность, не ограничивая свой надзоръ предѣлами канцеляріи, строго смотрѣлъ и за тѣмъ, чтобы всѣ распоряженія и указы Синода въ точности и, по возможности, немедленно приводились въ исполненіе различными учрежденіями и лицами, подчиненными высшему органу церковнаго управленія. Удовлетворительное же выполненіе подобнаго требованія инструкціи было возможно лишь при томъ условіи, если бы оберъ-прокурорская власть располагала собственными спеціальными средствами, позволявшими непосредственно ей самой слѣдить за дѣятельностью мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ и ихъ отношеніемъ къ распоряженіямъ центральнаго учрежденія. Между тѣмъ, прокуратура не располагала такими спеціальными орудіями надзора за областною, епархіальною церковною жизнью, и Шаховской рѣшилъ возбудить въ св. Синодѣ вопросъ о необходимости учрежденія и предоставленія въ его распоряженіе особыхъ органовъ надзора за состояніемъ епархіальнаго церковнаго управленія. Наиболѣе удобнымъ средствомъ для практическаго осуществленія своихъ намѣреній онъ признавалъ возстановленіе уничтоженнаго института инквизиторовъ, разсчитывая, по всей вѣроятности, подчинить инквизиторовъ сильному вліянію оберъ-прокурорской власти.

Чтобы составить себѣ ясное и отчетливое представленіе о значеніи подобной мѣры въ общей системѣ церковнаго управленія и понять, какъ долженъ былъ отнестись Синодъ къ стремленіямъ Шаховского, необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о томъ, что представлялъ изъ себя отмѣненный институтъ инквизиторовъ. Инквизиторскій институтъ былъ учрежденъ св. Синодомъ въ концѣ 1721 года по образцу фискальства, существовавшаго въ сферѣ гражданскаго управленія. Во главѣ инквизиторскаго института былъ поставленъ протоинквизиторъ, непосредственно подчиненный св. Синоду и обязанный „надлежащія по инструкціи дѣйства чинить во всемъ государствѣ, по примѣру обрѣтающагося у гражданскихъ дѣлъ оберъ-фискала“; въ его распоряженіе были предоставлены провинціалъ-инквизиторы, обязанные наблюдать за церковнымъ управленіемъ по отдѣльнымъ епархіямъ, а про-

вниціалъ-инквизиторамъ подчинялись, въ свою очередь, простые инквизиторы. Инструкція [1]), вмѣняла въ обязанность инквизиторамъ [2]) наблюдать, „все ли исправляютъ архіереи по учиненному своему при поставленіи обѣщанію“ [3]) и „во всемъ ли поступаютъ по правиламъ, и по Духовному Регламенту и по опредѣленіямъ и установленіямъ св. Синода“ [4]); вмѣстѣ съ тѣмъ, она обязывала инквизиторовъ „прилежно смотрѣть“ и за дѣятельностью всѣхъ другихъ „духовныхъ персонъ, какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ“, распространяя право инквизиторскаго надзора на всѣ стороны епархіальной церковной жизни [5]). Обо всѣхъ замѣченныхъ нарушеніяхъ установленныхъ порядковъ инквизиторы должны были немедленно и „безъ всякаго укрывательства“ доносить св. Синоду.

Съ учрежденіемъ института прокуратуры, право надзора за инквизиторами, находившимися въ вѣдѣніи Синода, было предоставлено и оберъ-прокурорской власти. Правда, въ оберъ-прокурорской инструкціи нѣтъ никакихъ упоминаній объ инквизиторахъ, но въ ея 4-мъ пунктѣ, буквально списанномъ съ генералъ-прокурорскаго наказа, говорится о правѣ и обязанности оберъ-прокурора наблюдать за фискалами, которымъ въ церковномъ управленіи, какъ извѣстно, соотвѣтствовали инквизиторы [6]). Синодальный оберъ-прокуроръ долженъ былъ

---

[1]) П. С. П. и Р. т. I, № 348 (321).

[2]) Инквизиторы избирались изъ монашествующаго духовенства.

[3]) П. С. П. и Р. т. I, № 348, стр. 403, п. 1.

[4]) Тамъ же, п. 2.

[5]) Тамъ же, п. п. 8—18.

[6]) Нужно замѣтить, что, повидимому, существуютъ и положительныя данныя, подтверждающія дѣйствительность узаконеннаго надзора оберъ-прокурорской власти за дѣятельностью инквизиторовъ. „Вамъ“, писалъ оберъ-прокуроръ прокурору монастырскаго приказа (П. С. П. и Р. т. I, № 57.), „надъ приказнымъ протоинквизиторомъ и инквизиторы, въ небытность мою, имѣть команду во всемъ, а которые явятся подозрительны, вамъ, изслѣдовавъ, писать ко мнѣ“. Къ сожалѣнію, документъ, заключающій въ себѣ приведенную резолюцію оберъ-прокурора, очевидно, датированъ невѣрно, такъ какъ помѣченъ 1-мъ

принимать допошенія инквизиторовъ, предлагать ихъ св. Синоду и „инстиговать“, а также слѣдить за дѣятельностью инквизиторовъ и немедленно доносить высшему органу церковнаго управленія о неправильныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ инквизиторовъ [1]). Но, подчинившись надзору прокуратуры, инквизиторы попрежнему состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи и распоряженіи самого св. Синода, который по своему усмотрѣнію избиралъ и назначалъ различныхъ протоинквизиторовъ и провинціалъ-инквизиторовъ, производилъ нужныя измѣненія и дополненія въ инквизиторской инструкціи [2]) и, наконецъ, 15 марта 1727 года совершенно отмѣнилъ инквизиторство, поручивъ обязанности надзора за епархіальною жизнью особымъ „заказщикамъ“ изъ духовныхъ властей и поповскимъ старостамъ, непосредственно подчиненнымъ епархіальнымъ архіереямъ [3]). Съ передачей обязанностей надзора за различными сторонами епархіальной жизни духовнымъ властямъ, подчиненнымъ мѣстнымъ архіереямъ, прокуратура лишилась довольно важныхъ средствъ контролированія епархіальнаго управленія.

числомъ мѣсяца апрѣля 1721 года, когда еще не существовало самой должности синодальнаго оберъ-прокурора, что и побуждаетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей приписывать датированную резолюцію не синодальному, а сенатскому оберъ-прокурору. Но подобное предположеніе нисколько не уничтожаетъ отмѣченной хронологической несообразности, такъ какъ 1-го апрѣля 1721 года институтъ прокуратуры еще не былъ введенъ и въ пр. Сенатѣ. Остается предположить, что возбуждающій недоразумѣнія документъ, какъ заключающій въ себѣ докладные пункты прокурора монастырскаго приказа, называвшагося „окомъ“ синодальнаго оберъ-прокурора, содержитъ въ себѣ и резолюціи, принадлежащія тому же оберъ-прокурору, и только, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, ошибочно датированъ 1721 годомъ и даже помѣщенъ въ П. С. З., а равнымъ образомъ и въ П. С. П. и Р. по вѣд. пр. исп. ранѣе опредѣленія св. Синода объ учрежденіи самаго института инквизиторовъ.

[1]) П. С. П. и Р. т. I, № 348, п. 4.
[2]) Тамъ же, т. V, № 1,526.
[3]) Тамъ же, № 1,937.

Неудивительно, что Шаховской, настойчиво стремившійся широко пользоваться предоставленными ему правами, не могъ мириться съ отсутствіемъ, хотя бы и косвенно подчиненныхъ прокуратурѣ, органовъ надзора за епархіальнымъ управленіемъ, дѣлавшимъ для оберъ прокурорской власти чрезвычайно затруднительнымъ успѣшное выполненіе извѣстной части ея служебныхъ обязанностей. И мы видимъ, что Шаховской нерѣдко обращалъ вниманіе св. Синода на нежелательныя для прокуратуры послѣдствія уничтоженія инспекта инквизиторовъ и настойчиво предлагалъ ему доставить оберъ-прокурору фактическую возможность успѣшно выполнять требованія инструкціи. Такъ какъ 3-й пунктъ инструкціи [1]), писалъ Шаховской

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что 3-й пунктъ извѣстной намъ оберъ-прокурорской инструкціи, на которомъ Шаховской обосновывалъ свое предложеніе, касается отношеній синодальнаго оберъ-прокурора не къ инквизиторамъ, а къ прокурорамъ, объ инквизиторахъ же или, вѣрнѣе, о фискалахъ говорится въ 4 и 7 пунктахъ инструкціи. Намъ уже приходилось отмѣчать такое же несоотвѣтствіе между нумераціей печатной инструкціи и ссылкой Болтина на одинъ изъ пунктовъ оберъ-прокурорскаго наказа и высказать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, способное объяснить происхожденіе подобнаго различія. По всей вѣроятности, и копія съ оберъ-прокурорской инструкціи, полученная Шаховскимъ отъ сенатскаго генералъ-прокурора, имѣла нумерацію пунктовъ, нѣсколько отличную отъ той, какая существуетъ въ печатной инструкціи. Если мы предположимъ, что 3-й 4-й пункты печатной инструкціи были соединены вмѣстѣ и составляли одинъ пунктъ въ инструкціяхъ, находившихся въ распоряженіи Болтина и Шаховского, то устранимъ всѣ недоразумѣнія, возникающія при сличеніи инструкцій, такъ какъ тогда Болтинъ, доказывая обязанность московской синодальной канцеляріи быть „послушной" оберъ-прокурору, дѣйствительно долженъ былъ сослаться на 4-й пунктъ данной ему инструкціи, а Шаховской, говоря о своихъ правахъ наблюдать за инквизиторами, долженъ былъ цитировать 3-й пунктъ оберъ-прокурорскаго наказа. Предполагать же, что Шаховской получилъ отъ генералъ-прокурора Трубецкого наказъ, отличный отъ извѣстной намъ оберъ-прокурорской инструкціи, мы не имѣемъ никакого права. Правда, въ своемъ предложеніи Шаховской писалъ, что 3-мъ пунктомъ наказа ему предписывается наблюдать за всѣми протоинквизиторами и инквизиторами, между тѣмъ

въ одномъ изъ своихъ предложеній высшему органу церковнаго управленія [1]), вмѣняетъ оберъ-прокурору въ непремѣнную обязанность слѣдить за протоинквизиторами и инквизиторами и побуждать Синодъ придавать должное значеніе ихъ доношеніямъ, а между тѣмъ въ настоящее время не существуетъ никакихъ инквизиторовъ, и св. Синодъ, прекративъ ихъ существованіе, никому не поручилъ и исполненія ихъ обязанностей, то онъ, оберъ-прокуроръ, признаетъ необходимымъ принять какія-либо мѣры, чтобы дать возможность прокуратурѣ надлежащимъ образомъ выполнять свои обязанности по отношенію къ мѣстному епархіальному управленію. Но предложеніе Шаховского возстановить институтъ инквизиторовъ или, по крайней мѣрѣ, учредить, вмѣсто него, какіе либо другіе органы постояннаго надзора за дѣятельностью епархіальныхъ властей и подчиненныхъ Синоду присутственныхъ мѣстъ не могло встрѣтить сочувствія со стороны высшаго церковнаго учрежденія, увидѣвшаго въ подобномъ предложеніи желаніе оберъ-прокурорской власти подчинить своему контролю всю систему областного церковнаго управленія, порученнаго епархіальнымъ архіереямъ и находившагося въ высшемъ завѣдываніи самого св. Синода. Предложеніе осталось неисполненнымъ.—4 февраля 1747 года Шаховской вновь обратилъ вниманіе св. Синода на громадныя неудобства, являвшіяся результатомъ отсутствія спеціальныхъ органовъ надзора за дѣятельностью епархіальныхъ властей и различныхъ церковныхъ учрежденій; по его словамъ, интересы церковнаго управленія сильно страдали отъ недостатка строгаго надзора за подчиненными Синоду учрежденіями, такъ какъ во многихъ епархіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ съ необыкновенною медленностью приводились въ исполненіе синодальные указы,

---

какъ въ печатной инструкціи нѣтъ никакихъ и упоминаній объ инквизиторахъ, но нужно замѣтить, что въ данномъ случаѣ Шаховской не сдѣлалъ буквальной выдержки изъ своей инструкціи, а намъ уже извѣстно, какъ слѣдуетъ понимать пунктъ оберъ-прокурорскаго наказа, трактующій о фискалахъ, которымъ въ духовномъ вѣдомствѣ соотвѣтствовали инквизиторы.

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. Дѣло 1745 г. № 65, стр. 6—8.—Записки Шаховского, прилож., стр. 280—281, XXVIII.

а изъ нѣкоторыхъ, не смотря даже на дупликаты и трепликаты, не возможно было получить требуемыхъ вѣдомостей и отчетовъ, слѣдствіемъ чего являлись неизбѣжныя затрудненія и въ самомъ синодальномъ дѣлопроизводствѣ. Для наглядnаго доказательства справедливости своихъ замѣчаній относительно крайней безпорядочности областного церковнаго управленія, оберъ-прокуроръ представилъ обширный реестръ тѣхъ распоряженій и указовъ Синода, объ исполненіи которыхъ не было получено установленныхъ репортовъ или по требованію которыхъ не было прислано изъ подчиненныхъ мѣстъ нужныхъ вѣдомостей. Обращая вниманіе синодальныхъ членовъ на существованіе такихъ нежелательныхъ явленій въ церковномъ управленіи и побуждая ихъ принять необходимыя мѣры для наказанія виновныхъ и предупрежденія подобныхъ безпорядковъ на будущее время, Шаховской предложилъ Синоду выработать, наконецъ, какое-нибудь опредѣленное постановленіе по вопросу объ инквизиторахъ, какъ спеціальныхъ органахъ надзора за церковною жизнью, необходимыхъ для успѣшнаго выполненія оберъ-прокурорскою властью возложенныхъ на нее обязанностей [1]). Не смотря на то, что въ реестрѣ было выписано довольно внушительное число (болѣе 100) неисполненныхъ синодальныхъ указовъ, оберъ-прокурорское предложеніе не оказало должнаго воздѣйствія на членовъ св. Синода, и чрезъ нѣсколько времени (30 марта 1747 года) Шаховскому пришлось снова и также безуспѣшно напомнить Синоду свое предложеніе [2]).

Очевидно, что и во вторую половину управленія оберъ-прокурорскими дѣлами, послѣ извѣстныхъ событій, когда Шаховской, оправдавшись предъ императрицей во всѣхъ обвиненіяхъ синодальныхъ членовъ и заслуживъ полное довѣріе верховной власти, могъ считать окончательно упроченнымъ свое положеніе въ св. Синодѣ, оберъ-прокуроръ оказывался безсильнымъ настоять на обязательномъ исполненіи своихъ предложеній, расходившихся съ интересами высшаго церковнаго учрежденія.

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Син. Дѣло. 1847 г. № 101. —Записки Шаховского, прилож., стр. 296—297, XLVIII.

[2]) Канцелярія оберъ-прок. св. Син. Дѣло 1747 г. № 101.

Но, и не получивъ въ свое распоряженіе особыхъ, спеціальныхъ органовъ надзора за областной церковной жизнью, Шаховской всегда обнаруживалъ явное стремленіе прокуратуры контролировать епархіальную церковную жизнь и оказывать на нее извѣстное вліяніе чрезъ св. Синодъ. Средства для такого надзора за епархіальнымъ управленіемъ могла доставлять прокуратурѣ, находившаяся въ ея распоряженіи, синодальная канцелярія; изъ предложенія Шаховского отъ 4 февраля 1747 года мы видѣли, что оберъ-прокуроръ имѣлъ возможность обратить вниманіе св. Синода на незаконное, непозволительное отношеніе къ его указамъ и распоряженіямъ различныхъ церковныхъ учрежденій и епархіальныхъ властей, воспользовавшись для своихъ цѣлей матеріалами синодальной канцеляріи или, вѣрнѣе, отсутствіемъ въ ней установленныхъ документовъ, свидѣтельствовавшихъ объ исполненіи предписаній Синода подчиненными ему органами церковной администраціи. Такое же значеніе имѣли въ рукахъ оберъ-прокурорской власти и разнообразные отчеты, вѣдомости, присылавшіеся въ синодальную канцелярію тѣми учрежденіями и лицами, которыя завѣдывали всевозможными отраслями церковнаго управленія.

Шаховской не оставлялъ безъ должнаго вниманія подобныхъ отчетовъ и донесеній, пользовался ими, какъ средствомъ для наблюденія за церковною жизнью, и, находя въ нихъ указанія на существованіе въ духовномъ вѣдомствѣ тѣхъ или другихъ явленій, нежелательныхъ съ точки зрѣнія представителя государственныхъ интересовъ, обращался къ Синоду съ предложеніями устранить замѣченные недостатки и принять рекомендуемыя имъ мѣры для внесенія необходимыхъ улучшеній въ извѣстную область синодальнаго управленія.

Просматривая присылавшіеся въ Синодъ изъ различныхъ епархій вѣдомости и отчеты о состояніи духовныхъ школъ, имѣвшихъ цѣлью приготовленіе пастырей церкви, оберъ-прокуроръ пришелъ къ убѣжденію, что постановка даннаго дѣла заставляетъ еще желать очень многаго, такъ какъ существующія духовныя семинаріи, при ихъ современномъ неблагоустроенномъ состояніи, не отвѣчаютъ запросамъ церкви и государства и не могутъ удовлетворять ихъ дѣйствительныхъ нуждъ; по его словамъ, во многихъ, даже давно открытыхъ, семинаріяхъ существовало самое ограниченное число воспитанниковъ, обучавшихся только низшимъ, первоначальнымъ

наукамъ, что заставляло Шаховского сильно сомнѣваться въ благопріятныхъ результатахъ семинарскаго образованія. Убѣжденіе въ неудовлетворительномъ состояніи духовныхъ семинарій побудило оберъ-прокурора предложить св. Синоду позаботиться объ упорядоченіи, въ намѣченномъ имъ направленіи, такого важнаго дѣла, какъ школьное образованіе будущихъ пастырей церкви [1]).

Не ограничиваясь выполненіемъ своихъ ближайшихъ обязанностей — наблюденіемъ за экономическими интересами государства въ области синодальнаго управленія, Шаховской, повидимому, считалъ своимъ долгомъ внимательно слѣдить за церковною жизнью во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и обнаруживалъ явное стремленіе оказывать на нее извѣстное вліяніе посредствомъ своихъ предложеній св. Синоду. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда Синодъ замѣчалъ, что предложенія Шаховского или не вполнѣ совпадали, или даже совершенно расходились съ интересами церкви и духовенства, оберъ-прокуроръ обыкновенно встрѣчалъ сильное, хотя иногда и пассивное, противодѣйствіе своимъ планамъ, и синодальные члены находили возможнымъ оставлять безъ исполненія неудобныя оберъ-прокурорскія предложенія.

Въ числѣ матеріаловъ синодальной канцеляріи, доставлявшихъ возможность оберъ-прокурору слѣдить за епархіальною жизнью и предлагать высшему органу церковнаго управленія различныя мѣры для устраненія замѣчаемыхъ въ ней недостатковъ, имѣли мѣсто и случайныя тяжебныя, судебныя дѣла, возникавшія въ Синодѣ по жалобамъ какихъ-либо частныхъ лицъ на дѣйствія представителей епархіальнаго церковнаго управленія. Оберъ-прокурорская власть, въ лицѣ Шаховского, начала уже принимать живое участіе въ жалобахъ и доносахъ пострадавшихъ лицъ, настаивала на обязательномъ разслѣдованіи возбуждавшихся дѣлъ и пользовалась всѣми, находившими въ ея распоряженіи, средствами, чтобы оказывать извѣстное вліяніе на самый ходъ судебнаго слѣдствія и результаты судебнаго разслѣдованія дѣла. Но такъ какъ и въ сферѣ судебной дѣятельности св. Синодъ нерѣдко находилъ

---

[1]) Канцелярія об.-прокур. св. Син. Дѣло 1745 г. № 65, стр. 6.—Записки Шаховского, прилож., стр, 279—280, XXVII.

необходимымъ руководиться не только одними формальными требованіями закона, но и другими соображеніями, которымъ не придавала должнаго значенія прокуратура, то часто и предложенія Шаховского разслѣдовать обнаруженные какими-либо жалобами безпорядки и злоупотребленія въ церковной жизни не оказывали на синодальныхъ членовъ того вліянія, какое было желательно прокуратурѣ.

Въ 1746 году на нижегородскаго преосвященнаго Димитрія былъ поданъ доносъ пѣвчимъ мѣстнаго архіерейскаго хора, Никитою Румяновскимъ; въ своемъ доносѣ пѣвчій жаловался на незаслуженные побои, причиненные архіереемъ ему и его женѣ, и обвинялъ преосвященнаго въ выпиливаніи иконы, взяточничествѣ и другихъ предосудительныхъ поступкахъ [1]). Оберъ-прокуроръ придалъ должное значеніе жалобѣ Румяновскаго, считая ее, по всей вѣроятности, вызванной дѣйствительными злоупотребленіями нижегородскаго архіерея, и предложилъ св. Синоду произвести надлежащее разслѣдованіе всѣхъ предосудительныхъ поступковъ преосвященнаго Димитрія [2]). Цитируемый документъ синодальнаго архива позволяетъ предполагать, что Шаховской, довѣряя доносу Румяновскаго, желалъ своимъ предложеніемъ побудить высшій органъ церковнаго управленія отнестись со всею строгостью законовъ къ начавшемуся дѣлу и не оставить безъ заслуженнаго наказанія обвинявшагося архіерея.

Такъ какъ предложеніе оберъ-прокурора было объявлено отъ имени самой императрицы, поручившей Шаховскому передать св. Синоду высочайшее распоряженіе о производствѣ формальнаго судебнаго слѣдствія надъ нижегородскимъ епископомъ, то высшее церковное учрежденіе должно было исполнить оберъ-прокурорское предложеніе и постановило начать судебное слѣдствіе по доносу архіерейскаго пѣвчаго. Но, вынужденный исполнить предложеніе Шаховского, Синодъ, какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, признавая крайне нежелательными явленіями жалобы, доносы подчинен-

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1746 г. № 121.

[2]) Тамъ же, стр. 31. Оберъ-прокурорское предложеніе напечатано въ „Приложеніяхъ“ къ „Запискамъ Шаховского“, стр. 293, XLIII.

ныхъ лицъ на своихъ архіереевъ, поставилъ судебное слѣдствіе такимъ образомъ, что оно привело къ результатамъ, совершенно не отвѣчавшимъ стремленіямъ оберъ-прокурорской власти.

Выслушавъ предложеніе оберъ-прокурора, Синодъ, прежде чѣмъ привести его въ исполненіе, распорядился предварительно сдѣлать выписки „изъ приличныхъ о доносителяхъ на своихъ архіереевъ святыхъ правилъ“, представить обстоятельную справку по самому дѣлу и только тогда обсудить и окончательно рѣшить вопросъ о производствѣ судебнаго слѣдствія надъ обвиняемымъ архіереемъ [1]). Произведенная въ синодальной канцеляріи выписка изъ святоотеческихъ правилъ, съ ихъ толкованіемъ, была составлена крайне неблагопріятно для „доносителя“ [2]), а по справкѣ о дѣлѣ оказалось, что, по словамъ самого нижегородскаго епископа, „его преосвященство того плута Румяновскаго и жены его безвинно никогда не бивалъ, а наказаны де они были по слѣдственнымъ въ консисторіи дѣламъ за правильныя разныя вины по силѣ церковныхъ и гражданскихъ правъ безпристрастно, безъ чего обойтись было невозможно, разоренья же никакого никогда ему не чинилъ и денежныхъ взятокъ себѣ ни единыя полушки съ него не биралъ, и что во всемъ оклеветалъ его плутъ ложно и напрасно“ [3]), такъ какъ, если онъ, дѣйствительно, и выпилилъ средину въ иконѣ похвалы Пресвятой Богородицы, вставивъ на ея мѣсто другой образъ, то сдѣлалъ это исключительно только въ видахъ лучшаго ўкрашенія храма.

Сдѣланныя по распоряженію Синода выписка изъ святоотеческихъ правилъ и справка о начавшемся дѣлѣ вполнѣ опредѣляли характеръ отношеній высшаго церковнаго учрежденія къ доносу „плута“ Румяновскаго на своего епархіальнаго архіерея; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и спеціально назначенная Синодомъ для разслѣдованія даннаго дѣла „духовная персона“ не могла отрѣшиться отъ подобныхъ же взглядовъ при производствѣ самаго слѣдствія, результатомъ чего и явилось полное оправданіе нижегородскаго преосвящен-

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1746 г. № 121, стр. 33.
[2]) Тамъ же, стр. 34—41.
[3]) Тамъ же, стр. 44.

наго. 26 августа 1747 года св. Синодъ, въ формѣ всеподданѣйшаго доклада, представилъ въ Кабинетъ императрицы свои заключенія по дѣлу, возбужденному доносомъ Румяновскаго; въ своемъ всеподданѣйшемъ докладѣ св. Синодъ написалъ, что виновнымъ оказался самъ же доносчикъ, признанный заслуживающимъ „надлежащаго по св. правиламъ наказанія“, обвиненный же имъ преосвященный Димитрій въ дѣйствительности не только не запятналъ себя никакими предосудительными поступками, но даже „похвалы весьма достоинъ“ [1]).

Видно, что предложенія Шаховского, хотя бы и переданныя отъ лица самой императрицы, оказывались еще далеко недостаточными, чтобы заставить Синодъ подчиняться вліянію прокуратуры въ рѣшеніи нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ, затрогивавшихъ честь и авторитетъ церковной іерархіи. Мы уже знаемъ, какъ отнесся Синодъ къ монастырскимъ крестьянамъ, обличившимъ архимандрита въ безнравственномъ поступкѣ, сильно скомпрометировавшемъ русское монашество; очень вѣроятно, что и въ данномъ случаѣ оправданіе нижегородскаго архіерея и осужденіе пострадавшаго пѣвчаго находились въ извѣстной зависимости отъ неблагопріятныхъ отношеній Синода къ „доносителямъ“, порочившимъ различными жалобами свое духовное начальство. И можно думать, что неблагопріятное отношеніе высшаго органа церковнаго управленія къ лицамъ, осмѣливавшимся жаловаться на свое епархіальное начальство, не представляло собою какого-либо исключительнаго явленія; по крайней мѣрѣ, Шаховской, передавая св. Синоду полученную отъ императрицы новую жалобу на того же преосвященнаго Димитрія, поданную священникомъ нижегородскаго архангельскаго собора Иваномъ Васильевымъ, и предлагая разсмотрѣть ее сообразно съ существующими законами, сообщилъ Синоду и особое повелѣніе государыни, „чтобы оной проситель и отецъ его обижены не были“ [2]).

Не смотря на то, что оберъ-прокурорская власть, стремившаяся оказывать дѣйствительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи, не ограничивалась только одними предложеніями объ обязательномъ производствѣ установлен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 87—92.

[2]) Записки Шаховского, прилож., стр. 293—294, XLIV.

ныхъ судебныхъ слѣдствій по поводу различныхъ жалобъ на непозволительныя дѣйствія духовныхъ лицъ, но и внимательно слѣдила за самою постановкою судебнаго процесса, вооружалась противъ незаконныхъ отступленій отъ установленныхъ пріемовъ при разслѣдованіи дѣлъ, рекомендовала обязательно руководиться указаніями прокуратуры, угрожая, въ противномъ случаѣ, опротестовать рѣшеніе Синода, высшій органъ церковнаго управленія иногда находилъ возможнымъ не придавать большого значенія ни контролю, ни угрозамъ представителя прокурорскаго надзора. Интересы церкви, какъ ихъ понимало духовенство, нерѣдко побуждали св. Синодъ смотрѣть на нѣкоторыя явленія церковной жизни съ точки зрѣнія, совершенно не совпадавшей со взглядами оберъ-прокурора, и въ такихъ случаяхъ Шаховской обыкновенно встрѣчался съ энергичнымъ противодѣйствіемъ Синода, располагавшаго еще достаточными средствами, чтобы парализовать вліяніе прокуратуры на церковное управленіе.

Когда возникло небезъизвѣстное [1]) дѣло, вызванное столкновеніемъ вятскаго архіерея Варлаама съ мѣстнымъ воеводою Писаревымъ, и св. Синодъ обнаружилъ явное намѣреніе оправдать преосвященнаго, поссорившагося съ воеводой, оберъ-прокуроръ нѣсколько разъ обращалъ вниманіе высшаго церковнаго учрежденія на многія нарушенія формальныхъ требованій закона при производствѣ судебнаго слѣдствія, настойчиво предлагалъ ему сообразоваться съ указаніями прокуратуры и даже протестовалъ противъ различныхъ постановленій Синода, имѣвшихъ отношеніе къ данному дѣлу, но оказался безсильнымъ повліять на характеръ судебнаго приговора надъ обвинявшимся архіереемъ.

Дѣло о вятскомъ преосвященномъ Варлаамѣ началось по прошенію пострадавшаго воеводы, жаловавшагося, что, когда однажды на него напали архіерейскіе служки и школьники, и онъ, задержавъ двоихъ нападавшихъ, сталъ допрашивать ихъ въ своей канцеляріи, къ нему явился архіерей и здѣсь, въ канцеляріи, позволилъ себѣ не только браниться „скаредною бранью“, но даже ударилъ его, воеводу. Св. Синодъ опредѣлилъ взять отъ Варлаама объясненіе по поводу

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2-е, кн. V, стр. 264—265, 327, 400—401.

обвиненія, возводимаго на него воеводой Писаревымъ. Хотя въ представленномъ объясненіи вятскій архіерей и не отрицалъ самаго факта удара „по ланитѣ“ жаловавшагося воеводы, но считалъ подобный поступокъ вполнѣ справедливымъ, вызваннымъ достаточно уважительными причинами, и, утверждая, что Писаревъ совершенно невѣрно представилъ обстоятельства дѣла, („ложно клеветозатѣйствовалъ“) просилъ, съ своей стороны, „о обидахъ и о нанесенномъ безчестіи надлежащей сатисфакціи“. Синодъ опредѣлилъ провѣрить объясненіе Варлаама посредствомъ допроса архимандрита вятскаго Трифонова монастыря и троихъ архіерейскихъ служителей, присутствовавшихъ въ провинціальной канцеляріи при ссорѣ преосвященнаго съ воеводой и также обвинявшихся Писаревымъ „въ показуемыхъ на его преосвященство худыхъ поступкахъ“ [1]). Понятно, что отъ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ оправданіи Варлаама, трудно было ожидать безпристрастныхъ показаній; вѣроятность полученія, при такой неправильной постановкѣ судебнаго слѣдствія, пристрастныхъ свидѣтельскихъ показаній, неспособныхъ удовлетворить интересамъ правосудія, и побудила оберъ-прокурора обратить вниманіе св. Синода на допущенное имъ нарушеніе требованій закона [2]). Но предложеніе Шаховского не оказало должнаго дѣйствія на церковное учрежденіе, и Синодъ, заявивъ, что онъ не располагаетъ никакими другими средствами для разслѣдованія дѣла, снова опредѣлилъ допросить вятскаго архимандрита [3]). И не смотря на то, что синодальное постановленіе было опротестовано оберъ-прокуроромъ, предложившимъ Синоду принять рекомендованныя имъ мѣры для законнаго рѣшенія даннаго дѣла [4]), столкновеніе преосвященнаго съ воеводой осталось безнаказаннымъ, и Варлаамъ вновь явился въ свою вятскую епархію.

Очевидно, что настойчивое стремленіе Синода непремѣнно оправдать вятскаго архіерея, обусловливалось достаточно уважительными причинами, побуждавшими высшее церковное учрежденіе не придавать должнаго значенія пред-

---

[1]) Записки Шаховского, прилож., стр. 282—283, XXXI.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 295—296. XLVII.
[4]) Тамъ же, стр. 296.

ложеніямъ и протестамъ представителя прокуратуры. Такія причины, дѣйствительно, существовали, но онѣ заключались не въ самыхъ обстоятельствахъ столкновенія преосвященнаго Варлаама съ воеводой Писаревымъ, а въ общемъ характерѣ отношеній свѣтскихъ властей къ духовенству того времени. Въ св. Синодъ нерѣдко поступали жалобы духовенства на непозволительное обращеніе съ нимъ свѣтскаго начальства, и высшій органъ церковнаго управленія настойчиво требовалъ отъ Сената удовлетворенія по различнымъ случаямъ насилія свѣтскихъ властей надъ духовными лицами; очень вѣроятно, что, защищая интересы духовенства, нерѣдко сильно страдавшаго отъ насилій свѣтскихъ чиновниковъ, Синодъ смотрѣлъ и на ссору вятскаго архіерея съ мѣстнымъ воеводой съ исключительной точки зрѣнія защитника своихъ подчиненныхъ отъ покушеній на ихъ честь и достоинство со стороны свѣтскихъ властей, почему и долженъ былъ придти въ столкновеніе съ оберъ-прокуроромъ, руководившимся въ своихъ отношеніяхъ къ возникшему дѣлу одними формальными требованіями существующихъ государственныхъ законовъ.

Рѣзкое различіе взглядовъ и стремленій Шаховского и синодальныхъ членовъ, дѣлавшее неизбѣжными столкновенія оберъ-прокурора съ св. Синодомъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ церковнаго управленія, особенно сильно должно было давать чувствовать себя въ такой области церковной жизни, гдѣ на первый планъ выступали матеріальные интересы духовенства и государства. Уже въ первую половину своего управленія оберъ-прокурорскими дѣлами Шаховской, не останавливаясь предъ серьезной опасностью возстановить противъ себя сильный Синодъ, обнаруживалъ настойчивое стремленіе подчинить строгому контролю его экономическую дѣятельность и лишить возможности синодальное вѣдомство распоряжаться по собственному усмотрѣнію денежными средствами, собиравшимися съ церковныхъ имуществъ. Теперь же, когда оберъ-прокуроръ имѣлъ достаточныя основанія считать свое положеніе въ св. Синодѣ окончательно упроченнымъ, Шаховской могъ еще болѣе энергично вмѣшиваться въ экономическую дѣятельность высшаго церковнаго учрежденія и смѣлѣе пользоваться своимъ правомъ протеста противъ распоряженій Синода, казавшихся ему не согласными съ государственными интересами.

Уничтожая коллегію экономіи и передавая управленіе церковными имуществами въ вѣдѣніе св. Синода, Елизавета не предоставляла духовенству права произвольно распоряжаться получаемыми съ нихъ доходами; возвращаясь къ старымъ порядкамъ, существовавшимъ при Петрѣ, правительство желало, чтобы духовенство употребляло на собственныя нужды и потребности только извѣстную часть матеріальныхъ средствъ, доставляемыхъ церковными имуществами, отдавая все остальное въ распоряженіе государства, для удовлетворенія различныхъ общественныхъ нуждъ и преимущественно для устройства и содержанія благотворительныхъ заведеній. Внимательно слѣдя за экономической дѣятельностью св. Синода, оберъ-прокуроръ, понимавшій довольно односторонне свое назначеніе и, при своихъ похвальныхъ заботахъ о государственныхъ интересахъ, не придававшій должнаго значенія необходимости удовлетворенія многихъ настоятельныхъ нуждъ и потребностей духовнаго вѣдомства, пришелъ къ убѣжденію, что Синодъ не всегда строго исполняетъ существующіе законы, стѣсняющіе его свободу дѣйствій въ распоряженіи денежными суммами духовнаго вѣдомства.

Убѣдившись, что св. Синодъ довольно часто выдаетъ значительныя денежныя суммы на различныя постройки и починки въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, безъ надлежащаго разсмотрѣнія ихъ доходовъ и расходовъ, и даже не требуетъ отъ архіереевъ и монастырей никакой отчетности въ употребленіи выданныхъ денегъ „безъ похищенія и лакомства“, Шаховской 12 февраля 1748 года обратился къ нему съ письменнымъ предложеніемъ, имѣвшимъ въ виду положить конецъ безотчетному расходованію денежныхъ средствъ на потребности духовнаго вѣдомства. Хотя, писалъ Шаховской, св. Синоду неоднократно указывалось на необходимость требовать отъ богатыхъ монастырей и епархіальныхъ архіереевъ установленныя вѣдомости о приходахъ и расходахъ, но до самаго послѣдняго времени не принято никакихъ мѣръ для исполненія законнаго желанія прокуратуры, почему онъ, оберъ-прокуроръ, и считаетъ своимъ долгомъ предложить высшему органу церковнаго управленія послать во всѣ мѣста строжайшіе указы о немедленномъ доставленіи упомянутыхъ вѣдомостей и, безъ внимательнаго разсмотрѣнія установленныхъ отчетовъ, ни въ какомъ случаѣ не удовлетворять

просьбъ архіереевъ и монастырей о выдачѣ денегъ на различныя починки и постройки [1]).

Синодъ выслушалъ непріятное для интересовъ духовенства предложеніе Шаховского и, не имѣя возможности открыто не исполнить формально-законнаго требованія представителя прокуратуры, постановилъ отложить его обсужденіе „до полнаго собранія“; оберъ-прокурорское предложеніе должно было долгое время дожидаться полнаго собранія синодальныхъ членовъ, пока, наконецъ, 15 іюня 1748 года св. Синодъ не опредѣлилъ послать указы въ различныя епархіи и монастыри, но не о немедленномъ доставленіи приходо-расходныхъ вѣдомостей, какъ требовала прокуратура, а только о присылкѣ въ канцелярію счетовъ денегъ, выданныхъ изъ казны на необходимыя постройки и починки. Обсужденіе вопроса о доходахъ и расходахъ „знатнѣйшихъ“ монастырей и епархіальныхъ архіереевъ вновь было отложено до слѣдующаго полнаго собранія. Въ то же время Синодъ опредѣлилъ разрѣшить костромскому Богоявленскому монастырю, получившему еще въ 1743 году изъ бывшей коллегіи экономіи 513 рублей 67 коп. и не представившему ни отчета въ ихъ употребленіи, ни вѣдомостей о своихъ доходахъ и расходахъ, употребить на починку монастырскихъ зданій изъ платежей, подлежавшихъ поступленію въ экономическую канцелярію за два года, 1,398 рублей 76 копѣекъ и окладной хлѣбъ. Подобное синодальное постановленіе, совершенно игнорировавшее заявленіе прокуратуры, явилось своеобразнымъ и краснорѣчивымъ отвѣтомъ высшаго церковнаго учрежденія на предложеніе Шаховского, и оберъ-прокуроръ [2]) снова напомнилъ Синоду о незаконности выдачи денегъ монастырямъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія ихъ доходовъ, расходовъ и дѣйствительныхъ нуждъ, заявивъ, что если и его вторичное предложеніе не будетъ принято и исполнено, то онъ, оберъ-прокуроръ, протестуетъ противъ неправильнаго синодальнаго опредѣленія и останавливаетъ выдачу денегъ. Члены св. Синода, выслушавъ Шаховского, „послѣ многихъ споровъ“ постановили доложить его предложеніе въ полномъ собраніи, т. е. обнаружили несомнѣнное нежеланіе удовлетворить требованіе оберъ-

---

[1]) Канцелярія оберъ-прок. св. Син. Дѣло 1748 г. № 107.
[2]) 20 іюня 1748 года.

прокурора, почему послѣдній увидѣлъ себя вынужденнымъ опротестовать синодальное постановленіе о выдачѣ денегъ костромскому Богоявленскому монастырю и обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ самой верховной власти [1]).

Св Синодъ, доносилъ Шаховской императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ [2]), получивши въ свое вѣдѣніе коллегію экономіи со всѣми ея доходами, вмѣсто того, чтобы, въ силу существующихъ законовъ, заботиться объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ, доставляемыхъ церковными имуществами на содержаніе отставныхъ офицеровъ, раненныхъ солдатъ и воспитательныхъ домовъ, незаконно истратилъ крупныя казенныя суммы на богатые монастыри и архіерейскіе дома: по словамъ оберъ-прокурора, высшій органъ церковнаго управленія, не смотря на всѣ его словесныя напоминанія и письменныя предложенія, не требовалъ отъ монастырей и епархіальныхъ архіереевъ установленныхъ ежегодныхъ приходо-расходныхъ вѣдомостей и не только не заботился о сохраненіи различныхъ остаточныхъ суммъ, но даже выдалъ на постройки и починки въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ болѣе 40,000 рублей „изъ прежде окладныхъ въ казну собираемыхъ денегъ“.

Но и посредственное обращеніе оберъ-прокурора къ верховной власти оказалось безсильнымъ измѣнить характеръ отношеній Синода къ непріятнымъ и неудобнымъ для него предложеніямъ Шаховского; чрезъ нѣсколько времени послѣ протеста прокуратуры противъ выдачи денегъ одному изъ костромскихъ монастырей, Синодъ вновь постановилъ, безъ разсмотрѣнія приходо-расходныхъ вѣдомостей, предоставить крутицкому архіерейскому дому окладной хлѣбъ, а ставропигіальному Петровскому монастырю выдать на постройки опредѣленную денежную сумму, что, въ свою очередь, вызвало новые протесты оберъ-прокурорской власти и новыя предложенія, выслушанныя высшимъ церковнымъ учрежденіемъ и, по обыкновенію, оставленныя безъ исполненія [3]).—22 мая 1749 года оберъ-прокуроръ, напомнивъ Синоду о своемъ письменномъ предложеніи обязать епархіальныхъ архіереевъ

---

[1]) Канцелярія об.-пр. св. Син. Дѣло 1748 г. № 107.
[2]) Записки Шаховского, прилож., стр. 212—213, IV.
[3]) Тамъ же, стр. 303—305, LIV.

и богатые монастыри аккуратно доставлять установленныя приходо-расходныя вѣдомости, замѣтилъ, что данное предложеніе уже дважды было выслушано высшимъ органомъ церковнаго управленія, но не вызвало съ его стороны никакого постановленія [1]).—11 октября 1749 года Синодъ опредѣлилъ выдать бѣлоградскому преосвященному Іосифу 1,600 рублей; такъ какъ и послѣднее синодальное распоряженіе о выдачѣ казенныхъ денегъ на церковныя потребности бѣлоградской епархіи было сдѣлано по простому прошенію мѣстнаго архіерея, безъ формальной провѣрки дѣйствительныхъ размѣровъ нужды въ епархіи преосвященнаго Іосифа, то Шаховской опять опротестовалъ синодальное опредѣленіе [2]).

Повидимому, приведенные факты изъ области экономической дѣятельности св. Синода, вызывавшіе разнообразные предложенія и протесты прокуратуры, говорятъ не въ пользу высшаго церковнаго учрежденія. Но мы слишкомъ далеки отъ мысли обвинять св. Синодъ въ незаконномъ пользованіи и безотчетномъ распоряженіи матеріальными средствами духовнаго вѣдомства. Чтобы правильно понимать, чѣмъ въ дѣйствительности вызывались протесты прокуратуры противъ многихъ синодальныхъ распоряженій экономическаго характера, необходимо имѣть въ виду, что Шаховской, обѣщавшій императрицѣ, съ передачей коллегіи экономіи въ вѣдѣніе св. Синода, увеличить доходы съ церковныхъ имѣній, „кои въ казну ея величеству для государственныхъ расходовъ собирать слѣдуетъ“, заботился главнымъ образомъ только о томъ, чтобы на средства, собиравшіяся съ духовнаго вѣдомства, доставить возможность правительству удовлетворить какъ можно болѣе различныхъ государственныхъ нуждъ и потребностей. Синодъ же, хотя и примирялся съ необходимостью отдавать на государственныя нужды значительную часть церковныхъ сборовъ, все же въ своей экономической дѣятельности ставилъ на первомъ планѣ вполнѣ естественныя и законныя заботы объ удовлетвореніи многочисленныхъ потребностей собственнаго вѣдомства. Неудивительно, что и ходатайства епархіальныхъ преосвященныхъ о предоставленіи въ ихъ распоряженіе денеж-

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Син. Дѣло 1749 г. № 122, стр. 15.

[2]) Записки Шаховского, прилож., стр. 304—305, LIV.

ныхъ суммъ для необходимыхъ построекъ и починокъ въ различныхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ встрѣчали сочувственное отношеніе къ себѣ со стороны св. Синода. А такъ какъ при исполненіи подобныхъ просьбъ и ходатайствъ не всегда точно соблюдались всѣ предписанныя закономъ формальности, показывавшія дѣйствительные размѣры нужды въ извѣстныхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, то Шаховской имѣлъ достаточно поводовъ протестовать противъ распоряженій Синода, шедшихъ въ разрѣзъ съ стремленіями прокуратуры, извлекавшей возможно бо́льшую пользу для государственныхъ интересовъ изъ матеріальныхъ средствъ, доставляемыхъ церковными имѣніями.

Внимательно наблюдая за отношеніемъ св. Синода къ матеріальнымъ средствамъ духовнаго вѣдомства и широко пользуясь своимъ правомъ протеста противъ постановленій высшаго органа церковнаго управленія, нежелательныхъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, оберъ-прокуроръ не могъ не придти въ столкновеніе съ нимъ и по поводу неисполненія существовавшихъ законовъ объ обязательномъ доставленіи въ опредѣленныя мѣста всѣхъ денегъ и цѣнныхъ вещей, оставшихся послѣ смерти высшихъ духовныхъ лицъ. Несомнѣнно, что и въ данномъ случаѣ интересы духовнаго вѣдомства и представителя прокуратуры далеко не совпадали между собой, и св. Синодъ, подававшій императрицѣ спеціальный докладъ объ измѣненіи назначенія имуществъ умиравшихъ архіереевъ и архимандритовъ въ интересахъ духовнаго вѣдомства, имѣлъ достаточно побужденій не придавать должнаго значенія частымъ словеснымъ напоминаніямъ оберъ-прокурора объ обязательномъ исполненіи существовавшихъ законовъ. Безрезультатность словесныхъ замѣчаній заставила Шаховского обратиться къ Синоду съ особымъ письменнымъ предложеніемъ; изъ присланныхъ въ синодальную канцелярію доношеній, писалъ оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи отъ 25 января 1748 года [1]), видно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и монастыряхъ, послѣ смерти различныхъ духовныхъ лицъ, осталось значительное количество денегъ и цѣнныхъ вещей, а такъ какъ оставшіяся деньги и пожитки, не смотря на ясныя требованія дѣйствующихъ законовъ, не присылаются

[1]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Син. Дѣло 1748 г. № 104

изъ епархій и монастырей, и Синодъ не принимаетъ никакихъ понудительныхъ мѣръ для исполненія правительственныхъ распоряженій, то онъ, оберъ-прокуроръ, и предлагаетъ сдѣлать постановленіе о немедленномъ доставленіи изъ епархій и монастырей всѣхъ денегъ и вещей, оставшихся послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ. Синодъ, вѣрный своей политикѣ пассивнаго противодѣйствія оберъ-прокурорскому вліянію на церковное управленіе, выслушалъ предложеніе Шаховского и опредѣлилъ обсудить его въ будущемъ собраніи, что, по обыкновенію, и осталось неисполненнымъ [1]).

Между тѣмъ, представивъ въ слѣдующемъ году [2]) особый докладъ императрицѣ о необходимости новаго назначенія движимыхъ имуществъ, оставшихся послѣ смерти различныхъ духовныхъ лицъ, Синодъ не только не употреблялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы заставлять мѣстныя власти высылать изъ епархій и монастырей деньги и вещи умершихъ архіереевъ и архимандритовъ, но даже позволялъ себѣ дѣлать распоряженія, прямо противоположныя предложенію прокуратуры; 20 октября 1749 года онъ формально разрѣшилъ одному изъ своихъ членовъ, коломенскому епископу Гавріилу, оставить въ архіерейскомъ домѣ пожитки и деньги, принадлежавшія умершему предшественнику Гавріила по архіерейской каѳедрѣ.

Приведенные факты не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что и въ данномъ случаѣ представитель оберъ-прокурорской власти, при всѣхъ своихъ личныхъ способностяхъ, энергіи и настойчивости, оказывался еще фактически безсильнымъ настаивать на обязательномъ исполненіи своихъ предложеній; но если право оберъ-прокурора дѣлать предложенія св. Синоду не обезпечивало Шаховскому возможности дѣйствительнаго, фактическаго вліянія на ходъ дѣлъ въ синодальномъ управленіи, то, по крайней мѣрѣ, въ его лицѣ, оберъ-прокурорская власть получила возможность широко пользоваться своимъ правомъ протеста противъ постановленій высшаго церковнаго учрежденія, признаваемыхъ прокуратурой не согласными съ требованіями законовъ. И мы видимъ, что опредѣленіе Синода,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) 27 февраля 1749 года. (Тамъ же).

распорядившагося деньгами и вещами умершаго коломенскаго архіерея несогласно съ требованіями существовавшихъ законовъ и желаніями прокуратуры, не могло быть приведено въ исполненіе, такъ какъ вызвало формальный протестъ Шаховского [1]).

Можно думать, что оберъ-прокуроръ долженъ былъ довольно часто пользоваться своимъ законнымъ правомъ протеста противъ различныхъ синодальныхъ постановленій, такъ какъ высшій органъ церковнаго управленія не только не исполнялъ непріятныя для него оберъ-прокурорскія предложенія, постоянно откладывая ихъ обсужденіе до слѣдующихъ полныхъ собраній, но и нерѣдко позволялъ себѣ дѣлать распоряженія, прямо противоположныя заявленіямъ и желаніямъ прокуратуры. Интересно, что подобныя синодальныя опредѣленія, совершенно несогласныя съ оберъ-прокурорскими предложеніями, иногда даже, посредствомъ довольно своеобразныхъ пріемовъ, скрывались отъ представителя прокурорскаго надзора и только съ теченіемъ времени, независимо отъ желанія Синода, дѣлались извѣстными Шаховскому.

4 февраля 1747 года оберъ-прокуроръ предложилъ св. Синоду обязательно требовать отчеты о производившихся по церквамъ установленныхъ сборахъ, имѣвшихъ различное спеціальное назначеніе: такъ какъ одинъ изъ нихъ долженъ былъ доставлять средства на содержаніе госпиталей, то Шаховской, ближайшимъ образомъ заинтересованный въ аккуратномъ поступленіи собиравшихся денегъ, не могъ мириться съ полною безотчетностью производившихся по церквамъ денежныхъ сборовъ. Синодъ же, руководившійся въ своей дѣятельности интересами духовнаго вѣдомства, хотя и не уклонялся отъ обязанности отдавать на государственныя потребности часть церковныхъ сборовъ, но въ то же время признавалъ вполнѣ законнымъ пользоваться ими и для удовлетворенія различныхъ нуждъ собственнаго вѣдомства. Выслушавъ предложеніе Шаховского и обсудивъ его должнымъ образомъ, члены св. Синода составили обычный журналъ, но не скрѣпили его своими подписями; между тѣмъ, синодальный протоколистъ Бѣляевъ доложилъ оберъ-прокурору о данномъ журналѣ, какъ о подписанномъ [2]).

---

[1]) Записки Шаховского, прилож., стр. 302—303, LIII.

[2]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Син. Дѣло 1749 г. № 131.

Черезъ нѣсколько времени, просматривая документы синодальной канцеляріи, Шаховской, къ крайнему удивленію, нашелъ среди нихъ опредѣленіе св. Синода, діаметрально противоположное своему предложенію; въ найденномъ опредѣленіи Синодъ распорядился, чтобы деньги, собиравшіяся отъ продажи свѣчъ на содержаніе госпиталей, употреблялись на покупку и починку церковной утвари, а остаточныя суммы, не израсходованныя на церковныя потребности, тратились бы на нищихъ и бѣдняковъ, не способныхъ прокормить себя собственнымъ трудомъ. Всякая отчетность о суммахъ, получавшихся посредствомъ установленныхъ сборовъ, была признана совершенно излишней и все предоставлено личному усмотрѣнію мѣстныхъ архіереевъ—на томъ основаніи, что церковные сборы на госпитали, какъ мотивировалъ Синодъ свое опредѣленіе, вездѣ обыкновенно давали очень незначительныя денежныя суммы. И и не смотря на то, что данное опредѣленіе, половина листа котораго оказалось оторванной и подклеенной, было подписано не всѣми членами св. Синода, не было занесено ни въ какой реестръ и не объявлено оберъ-прокурору, на основаніи такого постановленія были разосланы соотвѣтствующіе указы по всѣмъ епархіямъ. Шаховской, узнавъ о дѣйствіяхъ св. Синода и его канцеляріи, 13 іюня 1749 года потребовалъ разъясненія обнаруженнаго факта отъ синодальныхъ чиновниковъ: оберъ-секретаря, секретарей, протоколистовъ, регистриторовъ, но они не дали ему желательныхъ объясненій, сославшись на давность времени, забывчивость и довѣріе къ членамъ Синода [1]).

Являясь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ рѣзкаго различія во взглядахъ прокуратуры и синодальныхъ членовъ на назначеніе матеріальныхъ средствъ, собираемыхъ по духовному вѣдомству, уклоненіе св. Синода отъ исполненія непріятныхъ предложеній Шаховского и настойчивое, систематическое стремленіе прокуратуры посредствомъ частыхъ протестовъ противъ нежелательныхъ синодальныхъ постановленій отнять у высшаго церковнаго учрежденія самую возможность дѣйствовать несогласно съ интересами государства, не могли не имѣть мѣста и въ такомъ важномъ вопросѣ, какимъ былъ въ то

---

[1]) Тамъ же.

время довольно сложный и все еще не разрѣшенный вопросъ о размѣрахъ жалованья членамъ св. Синода.

Намъ уже извѣстно, что Шаховской, еще въ первые годы управленія оберъ-прокурорскими дѣлами, своимъ протестомъ противъ опредѣленія Синода не позволилъ его членамъ получить изъ казны заслуженное жалованье. Хотя при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и былъ составленъ штатъ высшаго церковнаго учрежденія, съ указаніемъ размѣровъ жалованья его членамъ, но онъ не былъ апробованъ, не получилъ высочайшаго утвержденія ни при Аннѣ Ивановнѣ, ни при новой государынѣ, Елизаветѣ Петровнѣ. Когда синодальные члены начали разсуждать о выдачѣ жалованья за майскую треть 1745 года „по неапробованному штату“, оберъ-прокуроръ словесно заявилъ имъ о незаконности такого порядка полученія казеннаго вознагражденія, а такъ какъ оберъ-прокурорское заявленіе не оказало на нихъ никакого дѣйствія, и они скрѣпили протоколъ о выдачѣ полнаго жалованья, положеннаго по штату, не утвержденному верховной властью, то Шаховской обратился къ Синоду съ письменнымъ предложеніемъ; въ своемъ предложеніи [1]) оберъ-прокуроръ предупреждалъ синодальныхъ членовъ, чтобы они такъ произвольно „чинить не дерзали“, и настаивалъ на томъ, что Синодъ обязанъ прежде испросить высочайшую апробацію своему штату, а до того времени долженъ получать жалованье по указу Петра Великаго, съ установленнымъ вычетомъ епархіальныхъ и монастырскихъ доходовъ. Но такъ какъ и письменное предложеніе оберъ-прокурора было оставлено безъ исполненія высшимъ органомъ церковнаго управленія, то Шаховской опротестовалъ синодальное опредѣленіе о выдачѣ жалованья, и члены Синода довольно продолжительное время оставались безъ всякаго вознагражденія, пока, наконецъ, въ силу высочайшаго распоряженія отъ 6 апрѣля 1748 года, не пріобрѣли права на полученіе задержаннаго жалованья по указу Петра, т. е. съ обязательнымъ включеніемъ въ размѣры положеннаго жалованья епархіальныхъ и монастырскихъ доходовъ [2]).

---

[1]) Предложеніе Шаховского напечатано въ „Приложеніяхъ“ къ его „Запискамъ“, стр. 283—284, XXXII.

[2]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Син. Дѣло 1748 г. № 108.

Получивъ высочайшій указъ, члены св. Синода, собравшись въ своей канцеляріи въ отсутствіе оберъ-прокурора, собственноручно сдѣлали, необоснованныя ни на какихъ документальныхъ данныхъ, краткія сообщенія объ однихъ только денежныхъ доходахъ и, не выслушавъ выписки изъ существовавшихъ законоположеній, имѣвшихъ отношеніе къ затронутому вопросу, составили опредѣленіе о выдачѣ жалованья.

Состоявшееся въ отсутствіе оберъ-прокурора, синодальное опредѣленіе заставило Шаховского обратиться къ Синоду съ письменнымъ предложеніемъ о необходимости измѣненія даннаго постановленія; указывая на то, что члены св. Синода, не опредѣливъ съ необходимою точностью, кому, въ какихъ размѣрахъ и на какомъ основаніи слѣдуетъ получить казенное жалованье, „непорядочно... и несходно съ указами рѣшеніе учинили“, оберъ-прокуроръ предложилъ, чтобы Синодъ измѣнилъ неправильно составленный протоколъ, положивъ въ основу своего опредѣленія о выдачѣ жалованья точныя и обстоятельныя вѣдомости не только объ однихъ денежныхъ, но и о хлѣбныхъ доходахъ. Члены Синода, выслушавъ оберъ-прокурорское предложеніе и заявивъ, что никакіе указы никогда не обязывали ихъ при объявленіи своихъ доходовъ сообщать о хлѣбѣ и другихъ хозяйственныхъ припасахъ, получаемыхъ изъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ [1]), постановили... обсудить его въ слѣдующемъ полномъ собраніи [2]).

Убѣдившись въ безрезультатности своего предложенія, Шаховской воспользовался правомъ протеста противъ опредѣленій церковнаго учрежденія, признаваемыхъ оберъ-прокурорской властью не согласными съ требованіями законовъ,

---

[1]) Заявленіе Синода было не совсѣмъ точное. „Въ 1726 году“, писалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей „Запискѣ о жалованьи членамъ св. Синода“, (Русскій Архивъ. 1870 г., стр. 1,953—1,956.) „присланъ былъ отъ Верховнаго Совѣта, подъ имянемъ... Императрицы Екатерины Алексѣевны, указъ, дабы синодальные члены показали порознь и собственно всякъ, что̀ кто изъ мѣстъ своихъ къ житію своему получаетъ. И тогда мы всѣ письменныя о томъ подавали вѣдомости.“

[2]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Син. Дѣло 1748 г. № 108, стр. 4.

остановилъ выдачу жалованія синодальнымъ членамъ и, чрезъ посредство графа Разумовскаго, донесъ обо всемъ случившемся императрицѣ. Въ своемъ письмѣ къ Разумовскому [1]) Шаховской просилъ вліятельнаго графа, какъ извѣстнаго заступника и защитника всѣхъ вѣрнослужащихъ, представить государынѣ составленный имъ докладъ о недоразумѣніяхъ между прокуратурой и св. Синодомъ, защитить его предъ императрицей, въ случаѣ весьма вѣроятныхъ жалобъ синодальныхъ членовъ, и испросить у нея позволеніе документально доказать свою невинность и безпристрастіе въ происшедшемъ столкновеніи съ высшимъ органомъ церковнаго управленія Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ государынѣ 21 іюня 1748 года [2]), оберъ-прокуроръ, выяснивши императрицѣ всѣ законныя побужденія, заставившія остановить выдачу жалованья синодальнымъ членамъ, просилъ оказать ему содѣйствіе и покровительство, такъ какъ, безъ такого покровительства, онъ признавалъ себя безсильнымъ успѣшно бороться за государственные интересы „противъ шестерыхъ, да еще таковыхъ персонъ, которыя по своимъ дѣламъ просители и сами судьи есть“.

Но и оберъ-прокурорскій протестъ, на продолжительное время лишившій членовъ Синода возможности получать заслуженное жалованье, не могъ заставить высшее церковное учрежденіе исполнить предложеніе Шаховского, такъ какъ требованіе прокуратуры точно опредѣлить всѣ денежные и хлѣбные доходы, находившіеся въ распоряженіи синодальныхъ членовъ, рѣзко расходилось съ ихъ матеріальными интересами. Синодъ, чрезъ посредство различныхъ вліятельныхъ лицъ, обратился къ государынѣ съ жалобой на неполученіе законнаго вознагражденія изъ-за споровъ съ оберъ-прокуроромъ, и 12 декабря 1749 года, по докладу духовника императрицы, протоіерея Дубянскаго, Елизавета, наконецъ, приказала: „жалованье выдать, до будущаго утвержденія штата, за прошлые и за 1749 годъ по указу Петра Великаго, удержавъ въ казнѣ, вмѣсто епархіальныхъ доходовъ, четвертую часть жалованья“ [3]).

---

[1]) Записки Шаховского. прилож., стр. 211—212, III.
[2]) Тамъ же, стр. 213—215, V.
[3]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Син. Дѣло 1748 г. № 108.

Синодъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ для себя высочайшимъ указомъ и распорядился выдать изъ казны задержанное вознагражденіе. Постановленіе о полученіи жалованья состоялось въ отсутствіе Шаховского, и деньги были выданы изъ казны безъ увѣдомленія оберъ-прокурора, почему онъ во всеподданнѣйшемъ доношеніи отъ 13 января 1750 года вновь опротестовалъ синодальное опредѣленіе [1]).

Въ объясненіе своего распоряженія о выдачѣ жалованья, состоявшагося въ отсутствіе Шаховского, члены св. Синода написали, что они въ тотъ день, когда было рѣшено привести въ исполненіе высочайшій указъ, намѣрено прибыли въ собраніе только послѣ троекратнаго приглашенія оберъ-прокурора и привели въ исполненіе свое опредѣленіе лишь тогда, когда уже оно, по принятому порядку, было отослано къ оберъ-прокурору, котораго, однако, какъ доложилъ имъ экзекуторъ, нигдѣ не могли отыскать ни въ тотъ, ни въ слѣдующій день. Оправдывая свое опредѣленіе, Синодъ рѣшительно заявилъ, что теперь не можетъ быть никакихъ недоразумѣній по вопросу о полученіи казеннаго вознагражденія, такъ какъ всѣ споры оберъ-прокурора съ синодальными членами о размѣрахъ ихъ жалованья навсегда прекращены высочайшимъ указомъ отъ 12 декабря 1749 года. Выходя изъ подобныхъ соображеній, Синодъ опредѣлилъ немедленно же, „не ожидая оберъ-прокурорскаго смотрѣнія“, выдать казенное жалованье и тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые въ то время находились въ Москвѣ; въ силу состоявшагося синодальнаго опредѣленія, выдача жалованья, дѣйствительно, была произведена [2]), не смотря на то, что Шаховской сдѣлалъ московской синодальной конторѣ предложеніе не исполнять опротестованное опредѣленіе св. Синода [3]).

Разсмотрѣнные факты изъ области взаимныхъ отношеній оберъ-прокурора и св. Синода, имѣвшіе мѣсто въ такой сферѣ церковной жизни, гдѣ на первый планъ выступали наиболѣе важные и жизненные матеріальные интересы членовъ высшаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 8—9.
[2]) Тамъ же, стр. 16.
[3]) Тамъ же, стр. 17—18.

учрежденія духовнаго вѣдомства, несомнѣнно, заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ, въ высшей степени цѣнныхъ для правильнаго пониманія того значенія, какимъ фактически, на практикѣ располагалъ представитель прокуратуры въ церковномъ управленіи за вторую половину пребыванія Шаховского въ должности синодальнаго оберъ-прокурора. На основаніи приведенныхъ фактовъ не трудно убѣдиться, что даже и пріобрѣтенная оберъ-прокуроромъ фактическая возможность не только пользоваться своимъ юридическимъ правомъ непосредственнаго обращенія къ верховной власти въ случаяхъ неправильныхъ дѣйствій Синода, но и выполнять важную роль посредника между верховною властью и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ не произвела существенныхъ, радикальныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ послѣдняго къ своему оберъ-прокурору. Конечно, не возможно отрицать, не становясь въ противорѣчіе съ несомнѣнными фактами, что энергичный и властолюбивый Шаховской, располагая довѣріемъ государыни и часто пользуясь правомъ непосредственнаго обращенія къ верховной власти по дѣламъ св. Синода, въ извѣстной степени, возвысилъ значеніе прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи и усилилъ ея вліяніе на церковное управленіе, но члены св. Синода, какъ мы видѣли, находили еще въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ, чтобы успѣшно противодѣйствовать нежелательному для нихъ вліянію на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи слишкомъ ревностнаго защитника государственныхъ интересовъ.

Шаховской добросовѣстно выполнялъ трудныя и сложныя обязанности „ока государыни и стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ“, зорко слѣдилъ за дѣятельностью высшаго органа церковнаго управленія, постоянно обращалъ его вниманіе на явленія церковной жизни и собственныя распоряженія Синода, нежелательныя съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ и не согласныя съ существовавшими законами [1]), настойчиво требовалъ обязательнаго исполненія своихъ многочисленныхъ предложеній, широко пользовался

---

[1]) Необходимо замѣтить, что Шаховской, являясь блюстителемъ законности, иногда даже приходилъ въ столкновеніе съ

правомъ протеста противъ разнообразныхъ синодальныхъ постановленій, не совпадавшихъ съ предложеніями прокуратуры, но Синодъ не менѣе настойчиво продолжалъ руководиться въ своей дѣятельности собственными видами и соображеніями, нерѣдко довольно рѣзко расходившимися съ интересами государственной власти, употреблялъ всевозможныя средства,

---

членами св. Синода и въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы государства вполнѣ совпадали съ интересами высшаго церковнаго учрежденія, но какія-либо внѣшнія, посторонія причины побуждали Синодъ дѣйствовать несогласно съ своими собственными взглядами и желаніями. Мы имѣемъ въ виду образъ дѣйствій синодальнаго оберъ-прокурора въ извѣстномъ дѣлѣ объ аѳонскомъ архимандритѣ Анатоліѣ Мелесѣ. (Русскій Архивъ. 1870 г., стр. 689—743.—Записки Шаховского, стр. 68—73). Появившійся въ С.-Петербургѣ въ 1751 году, аѳонскій архимандритъ своими незаконными поступками вызвалъ противъ себя сильное неудовольствіе св. Синода и, привлеченный къ допросу, былъ задержанъ въ синодальной канцеляріи до времени опредѣленія заслуженнаго имъ наказанія. Между тѣмъ, существовавшіе у Анатолія вліятельные покровители успѣли убѣдить императрицу въ невинности арестованнаго монаха, и Елизавета, чрезъ своего духовника, „съ великимъ гнѣвомъ“ приказала Синоду немедленно освободить архимандрита. Синодальные члены тотчасъ же распорядились исполнить приказаніе государыни, но оберъ-прокуроръ не позволилъ имъ привести въ исполненіе вынужденное распоряженіе объ освобожденіи правильно задержаннаго архимандрита, сославшись на то, что они обязаны „не только чрезъ другихъ словесно объявляемые указы, но и точно письменно, за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ, съ неприпадлежащей стороны, подъ видомъ справедливости въ питомство пристрастій обманно исходатайствованные не прежде, какъ о настоящихъ по тому сомнительствахъ съ ея величествомъ изъяснясь, въ дѣйство проваводить“. Правда, почъ вліяніемъ настоятельныхъ просьбъ синодальныхъ членовъ, сильно боявшихся навлечь на себя гнѣвъ императрицы за неисполненіе ея приказанія, Шаховской освободилъ арестованнаго Анатолія, но при этомъ обязалъ его подпиской непремѣнно исполнить всѣ требованія, предъявленныя къ нему св. Синодомъ, и, при первомъ же представившемся случаѣ, успѣлъ убѣдить государыню въ дѣйствительной виновности архимандрита и безусловной законности вполнѣ заслуженнаго имъ наказанія.

чтобы парализовать постепенно возраставшее вліяніе оберъ-прокурора на церковное управленіе, постоянно откладывалъ на неопредѣленное время разсмотрѣніе неудобныхъ предложеній Шаховского и даже иногда находилъ возможнымъ приводить въ исполненіе свои опредѣленія, не смотря на протесты прокуратуры.

Причины, дѣлавшія возможными для высшаго органа церковнаго управленія такія отношенія къ оберъ-прокурору и обусловливавшія собою значительное несоотвѣтствіе между стремленіями Шаховского, повидимому располагавшаго всѣми необходимыми средствами для развитія сильнаго фактическаго вліянія прокуратуры на церковную жизнь, и его дѣйствительнымъ значеніемъ въ синодальномъ управленіи, заключались въ характерѣ тѣхъ отношеній, какія существовали въ царствованіе Елизаветы между верховною властью и св. Синодомъ. Хотя Шаховской, благодаря своимъ личнымъ качествамъ заслуживший довѣріе и расположеніе государыни, и пріобрѣлъ важное право обращаться непосредственно къ самой верховной власти по дѣламъ духовнаго вѣдомства и, докладывая императрицѣ о дѣятельности св. Синода, въ то же время довольно часто передавалъ послѣднему и разнообразныя высочайшія повелѣнія, но, при всемъ томъ, синодальный оберъ-прокуроръ, въ лицѣ Шаховского, ни въ какомъ случаѣ не могъ еще считать себя единственнымъ и обязательнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ высшаго церковнаго учрежденія съ верховною властью.

Не говоря уже о первыхъ годахъ управленія оберъ-прокурорскими дѣлами, когда еще Шаховской не успѣлъ пріобрѣсти большого расположенія и довѣрія императрицы, даже и во вторую половину своей синодальной службы оберъ-прокуроръ не располагалъ исключительной привиллегіей непосредственныхъ сношеній съ верховною властью по дѣламъ церковнаго управленія; правда, какъ мы видѣли, онъ довольно широко пользовался на практикѣ позволеніемъ государыни обращаться къ ней по обязанностямъ своей службы, представлялъ императрицѣ различные доклады по духовному вѣдомству, жаловался Елизаветѣ на дѣйствія синодальныхъ членовъ, нарушавшихъ государственные интересы, передавалъ св. Синоду всевозможныя распоряженія верховной

власти и даже дѣлалъ ему выговоры отъ имени государыни [1]), но въ то же время императрица и непосредственно, чрезъ самихъ синодальныхъ членовъ, принимала и выслушивала доклады высшаго органа церковнаго управленія и, чрезъ тѣхъ же членовъ, передавала ему свои резолюціи и указы [2]). Особенно часто пользовалась Елизавета въ своихъ сношеніяхъ съ св. Синодомъ посредничествомъ одного изъ его членовъ, протоіерея Дубянскаго.

Въ самыхъ отношеніяхъ императрицы къ оберъ-прокурору и синодальнымъ членамъ, какъ представителямъ далеко неодинаковыхъ, а иногда даже и прямо противоположныхъ интересовъ государства и церкви, мы напрасно стали бы искать односторонней, строго выдержанной и исключительно благопріятной для Шаховского правительственной программы. Елизавета, легко совмѣщавшая въ себѣ различныя и, повидимому, непримиримыя крайности, отличавшаяся большою набожностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бывшая страстной любительницей всевозможныхъ увеселеній, поражавшая своихъ современниковъ скудостью полученнаго образованія, не любившая ни читать, ни писать и, въ то же время, основавшая первый русскій университетъ, умѣвшая выбирать для завѣдыванія разнообразными отраслями государственнаго управленія опытныхъ и умныхъ людей и иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не дававшая имъ возможности являться къ ней съ необходимыми докладами, оказывала большое расположеніе и довѣріе Шаховскому, ревниво оберегавшему государственные интересы въ церковномъ управленіи, но, одновременно съ тѣмъ, относилась съ большимъ уваженіемъ и къ русскому духовенству, преслѣдовавшему, въ лицѣ членовъ св. Синода, свои спеціально-церковные интересы въ управленіи духовнымъ вѣдомствомъ. Отличаясь значительнымъ безпристрастіемъ и довольно спокойнымъ отношеніемъ къ всевозможнымъ столкновеніямъ и интригамъ окружавшихъ ее лицъ, завѣдывавшихъ различными отраслями управленія, императрица умѣла сохранять на службѣ самые непримиримые элементы, если

---

[1]) П. С. З. т. XIII, № 10,028.

[2]) Тамъ же, №№ 9,591, 10,050, 10,150 и др. Канцелярія оберъ-прокурора св. Син. Дѣло 1748 г. № 108 и др.

только находила ихъ полезными для дѣла. Оставивъ Шаховского въ должности оберъ-прокурора, не смотря на униженныя просьбы членовъ св. Синода, на колѣняхъ умолявшихъ императрицу избавить ихъ отъ неудобнаго представителя прокуратуры, и тѣмъ самымъ упрочивъ его служебное положеніе, Елизавета, однако, не доставляла синодальному оберъ-прокурору фактической возможности всегда успѣшно пользоваться преимуществами своего положенія, такъ какъ нерѣдко не оказывала ему необходимаго содѣйствія и поддержки въ частыхъ столкновеніяхъ съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ и даже иногда сдерживала его неумѣренную ревность, что, въ свою очередь, позволяло Синоду оставлять безъ исполненія многочисленныя предложенія Шаховского, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ не обращать вниманія и на его протесты.

Безъ сомнѣнія, принадлежавшее членамъ св. Синода право непосредственно обращаться къ государынѣ по дѣламъ церковнаго управленія и личное расположеніе императрицы къ духовенству предоставляли въ распоряженіе высшаго церковнаго учрежденія важныя средства для успѣшной борьбы съ неблагопріятными для него стремленіями Шаховского и позволяли ему въ сильной степени парализовать вліяніе прокуратуры на положеніе дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ.

Но, какъ ни успѣшно было противодѣйствіе св. Синода несомнѣннымъ желаніямъ прокуратуры подчинить извѣстныя стороны церковной жизни сильному вліянію представителя государственныхъ интересовъ, и какъ ни велико было различіе между стремленіями оберъ-прокурора и его дѣйствительнымъ, фактическимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ синодальномъ управленіи, все же дѣятельность Шаховского прошла далеко не безслѣдно для оберъ-прокурорской власти и ея значенія въ высшемъ церковномъ учрежденіи. Не смотря на довольно нерѣдкіе случаи безрезультатности самыхъ настойчивыхъ предложеній св. Синоду, находившему въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ для пассивнаго противодѣйствія оберъ прокурорскому вліянію, Шаховской, хотя часто и долженъ былъ чувствовать себя совершенно безсильнымъ подѣйствовать въ желательномъ направленіи на рѣшеніе того или другого вопроса, возникавшаго въ церковной жизни, но въ то же время иногда имѣлъ возможность, посредствомъ протестовъ противъ различныхъ распоряженій синодальныхъ членовъ, успѣшно защищать госу-

дарственные интересы въ духовномъ вѣдомствѣ, такъ какъ высшій органъ церковнаго управленія, только въ исключительныхъ случаяхъ, рѣшался приводить въ исполненіе свои постановленія, формально опротестованныя прокуратурой. Шаховской имѣлъ достаточныя основанія хвалиться [1]), что изъ разнообразныхъ суммъ, собиравшихся по духовному вѣдомству, онъ успѣлъ сохранить для государственнаго казначейства 100,000 рублей, не позволивъ Синоду истратить ихъ на свои потребности, безъ всякой пользы для государственныхъ интересовъ [2]).

Очевидно, что оберъ-прокурорская власть, въ лицѣ Шаховского, въ большинствѣ случаевъ, стоявшаго, съ формальной стороны, на строго-законной почвѣ въ своихъ отношеніяхъ къ св. Синоду, не только номинально контролировала его дѣятельность и дѣлала разнообразныя предложенія, оставляемыя имъ безъ всякаго исполненія, но и получила фактическую возможность, если и не всегда, то, по крайней мѣрѣ, довольно нерѣдко не позволять Синоду нарушать государственные интересы въ управленіи духовнымъ вѣдомствомъ, что, безъ сомнѣнія, должно было въ сильной степени отражаться на положеніи оберъ-прокурора въ высшемъ церковномъ учрежденіи. Благодаря дѣятельности Шаховского, власть прокуратуры въ св. Синодѣ пріобрѣла уже характеръ значительной реальной силы, которая, хотя и не могла еще оказывать положительнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи, когда ея желанія расходились съ стремленіями высшаго церковнаго учрежденія, но за то, въ большинствѣ случаевъ, довольно успѣшно лишала возможности и самихъ синодальныхъ членовъ приводить въ исполненіе свои постановленія, не согласныя съ интересами государства.

Оберъ-прокурорская дѣятельность Шаховского, съумѣвшаго, и съ передачей коллегіи экономіи въ вѣдѣніе св. Синода, выполнить данное императрицѣ обѣщаніе объ увеличеніи доходовъ, поступавшихъ въ государственную казну съ церковныхъ имуществъ, не могла не зарекомендовать его въ глазахъ Елизаветинскаго правительства, какъ образцоваго эко-

---

[1]) Записки Шаховского, стр. 56.
[2]) Тамъ же, стр. 215—216, VI.

нома, ревниво оберегавшаго выгоды государственнаго казначейства. Успѣвшій обнаружить въ высшей степени выгодныя для правительства незаурядныя способности образцоваго экономa, доставившія государству около 100 тысячъ рублей сбереженій по духовному вѣдомству, Шаховской былъ признанъ Елизаветой наиболѣе подходящимъ лицомъ для замѣщенія спеціальной экономической должности генерала-кригсъ-коммиссара, гдѣ бережливому оберъ-прокурору представлялась возможность съ бо́льшею пользою для государственныхъ интересовъ примѣнять къ дѣлу свои способности и дарованія.

Въ 1753 году, во время своего пребыванія въ Москвѣ, куда, вмѣстѣ съ императрицей, прибылъ и св. Синодъ, Елизавета указомъ отъ 29 марта уволила Шаховского отъ оберъ-прокурорской службы [1]) и назначила его на новую должность генерала-кригсъ-коммиссара. По словамъ самого Шаховского, не было никакихъ основаній предполагать, чтобы его увольненіе отъ оберъ-прокурорской службы обусловливалось происками синодальныхъ членовъ, желавшихъ избавиться отъ неудобнаго представителя государственной власти въ церковномъ управленіи; напротивъ, онъ даже разсматривалъ свое новое назначеніе, какъ награду за добросовѣстное исполненіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей, утверждая, что „то сдѣлано государыней въ его пользу и по отмѣнной благонадежности о лучшемъ исправленіи оной должности“ [2]).

---

18 декабря 1753 года [3]) императрица замѣстила вакантную должность синодальнаго оберъ-прокурора статскимъ совѣтникомъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Львовымъ. Новый оберъ-прокуроръ не измѣнилъ характера отношеній представителей прокуратуры къ высшему органу церковнаго управленія; въ основѣ его отношеній къ св. Синоду лежали тѣ же стремленія, которыми руководился и Шаховской въ своей оберъ-прокурорской дѣятельности. Онъ также стремился установить

---

[1]) Архивъ св. Синода. Сенатск. вѣдѣн. 1753 г. № 164, стр. 25.

[2]) Записки Шаховского, стр. 73.

[3]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1754 г. (янв. 12) № 5.

строгій фактическій контроль за всей системой синодальнаго управленія, начиная съ высшаго учрежденія и кончая подчиненными ему низшими органами церковной администраціи, обращался къ Синоду съ различными предложеніями, направленными къ защитѣ государственныхъ интересовъ въ сферѣ церковной жизни, протестовалъ противъ синодальныхъ постановленій, не отвѣчавшихъ видамъ правительства, но, не располагая энергіей и настойчивостью Шаховского, оказывалъ менѣе значительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи. Раздѣляя посредничество между верховною властью и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ съ самими членами св. Синода и не пользуясь особеннымъ расположеніемъ государыни, Львовъ очень часто не имѣлъ никакой возможности видѣть желательные практическіе результаты отъ своихъ предложеній и протестовъ, не совпадавшихъ съ интересами духовнаго вѣдомства.

Мы видѣли, что Шаховской, настойчиво стремившійся расширить сферу своего вліянія на церковную жизнь и подчинить своему ближайшему надзору епархіальное управленіе, возбуждалъ въ св. Синодѣ вопросъ о возстановленіи института инквизиторовъ и усердно настаивалъ на необходимости предоставленія въ распоряженіе прокуратуры какихъ-либо спеціальныхъ средствъ для дѣйствительнаго контроля епархіальнаго церковнаго управленія. Львовъ, раздѣлявшій стремленія своего предшественника, задумалъ провести чрезъ св. Синодъ еще болѣе важную мѣру, которая бы дала возможность оберъ-прокурорской власти имѣть въ своемъ распоряженіи непосредственно ей самой подчиненные органы постояннаго надзора за епархіальною церковною жизнью; понятно, что такое намѣреніе прокуратуры не могло уже не вызывать со стороны синодальныхъ членовъ еще болѣе энергичнаго противодѣйствія, чѣмъ то, какое въ свое время встрѣтили настойчивыя предложенія Шаховского, такъ какъ инквизиторы, какъ извѣстно, находились въ вѣдѣніи самого св. Синода и только косвенно были подчинены оберъ-прокурорской власти.

2 мая 1754 года оберъ-прокуроръ Львовъ обратился въ св. Синодъ съ предложеніемъ, имѣвшимъ въ виду сдѣлать для прокуратуры фактически возможнымъ безпрепятственное выполненіе тѣхъ обязанностей по отношенію къ церковному

управленію, какія были возложены на нее извѣстной инструкціей 1722 года. Оберъ-прокурорская инструкція, писалъ Львовъ въ своемъ предложеніи св. Синоду [2]), вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность оберъ-прокурорской власти внимательно наблюдать за характеромъ правительственной дѣятельности высшаго церковнаго учрежденія; она требуетъ, чтобы всѣ дѣла, подлежащія синодальному разсмотрѣнію и рѣшенію, „истинно ревностно, безъ потери времени, по регламенту и указамъ отправлялись“, и устанавливаетъ строгую отчетность для всѣхъ учрежденій и лицъ, обязанныхъ доносить о времени исполненія получаемыхъ указовъ или же, въ случаѣ ихъ неисполненія, о причинахъ, обусловливавшихъ собою такое нежелательное явленіе. Органами правительственнаго надзора за дѣятельностью подчиненныхъ Синоду учрежденій и лицъ инструкція считаетъ особыхъ прокуроровъ, а между тѣмъ, въ дѣйствительности такіе прокуроры нигдѣ не существуютъ, и ихъ обязанности никѣмъ не исполняются; по словамъ Львова, епархіальныя учрежденія синодальнаго вѣдомства не только совершенно свободны отъ контроля представителей прокурорскаго надзора, но даже не располагаютъ необходимыми свѣдѣніями о правахъ и обязанностяхъ оберъ-прокурора. Послѣднее обстоятельство и побудило Львова прежде всего предложить св. Синоду немедленно разослать во всѣ учрежденія духовнаго вѣдомства точныя копіи съ оберъ-прокурорской инструкціи.

Предложеніе прокуратуры не могло, конечно, вызвать сочувственнаго отношенія къ себѣ со стороны св. Синода, такъ какъ проектировавшееся Львовымъ назначеніе въ епархіальныя учрежденія особыхъ прокуроровъ, непосредственно подчиненныхъ оберъ-прокурорской власти, существеннымъ образомъ затрогивало интересы высшаго органа церковнаго управленія. Самая разсылка во всѣ подчиненныя Синоду присутственныя мѣста точныхъ копій съ оберъ-прокурорской инструкціи, въ которой Львовъ видѣлъ указаніе на обязательность существованія прокуроровъ въ епархіальныхъ учрежденіяхъ, должна уже была являться косвеннымъ признаніемъ со стороны синодальныхъ членовъ законныхъ правъ прокура-

---

[2]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1754 г. № 6, стр. 1.

туры на ближайшій надзоръ за епархіальнымъ управленіемъ. А между тѣмъ, св. Синодъ считалъ наблюденіе за епархіальною церковною жизнью, порученною вѣдѣнію мѣстныхъ архіереевъ, своею собственною обязанностью и не видѣлъ въ оберъ-прокурорской инструкціи никакихъ указаній на обязательное существованіе представителей прокуратуры въ епархіальныхъ учрежденіяхъ. Не желая исполнять неудобное предложеніе Львова, направленное къ усиленію оберъ-прокурорскаго вліянія на церковное управленіе, Синодъ постановилъ отложить его обсужденіе до слѣдующаго полнаго собранія синодальныхъ членовъ [1]). Встрѣтивъ со стороны высшаго церковнаго учрежденія пассивное противодѣйствіе своему предложенію, оберъ-прокуроръ 13 мая во второй разъ обратился съ нимъ къ св. Синоду. Видя настойчивость Львова, Синодъ нашелъ необходимымъ позаботиться о томъ, чтобы имѣть возможность обставить свой отказъ отъ исполненія непріятнаго оберъ-прокурорскаго предложенія достаточно уважительными причинами, и опредѣлилъ произвести предварительно справку, 1) существуетъ-ли такой указъ, который бы обязывалъ „распубликовать копіями объ оберъ-прокурорской должности“, 2) находятся-ли какія-либо указанія на необходимость подобной публикаціи въ самой инструкціи и 3) были-ли при прежнихъ оберъ-прокурорахъ примѣры разсылки копій во всѣ подчиненныя Синоду присутственныя мѣста [2])?

Хотя Синодъ и постановилъ обсудить въ слѣдующемъ собраніи результаты произведенныхъ справокъ, но, видимо, не спѣшилъ рѣшеніемъ затронутаго оберъ-прокуроромъ вопроса, такъ какъ 6 іюля 1754 года Львовъ принужденъ былъ вновь обратиться къ нему съ своимъ предложеніемъ. Выслушавъ въ третій разъ заявленіе представителя оберъ-прокурорской власти, высшій органъ церковнаго управленія постановилъ произвести новую справку, необходимую ему для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи какія-либо формально-законныя основанія для отклоненія неудобнаго предложенія прокуратуры. Въ силу состоявшагося распоряженія, синодальная канцелярія должна была навести надлежащія справки

---

[1]) Тамъ же, стр. 7.
[2]) Тамъ же, стр. 8

и дать обстоятельные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) имѣется-ли указъ объ обязательномъ существованіи прокуроровъ въ епархіяхъ, 2) какія обязанности по церковному епархіальному управленію возложены на епископовъ Духовнымъ Регламентомъ, 3) какъ и гдѣ слѣдуетъ, по Регламенту, искать суда недовольнымъ дѣйствіями епархіальныхъ архіереевъ и 4), наконецъ, были-ли примѣры разсылки копій оберъ-прокурорской инструкціи въ прежнее время?

Справки, дѣйствительно, были произведены и дали результаты, позволившіе Синоду на достаточномъ, юридическомъ и историческомъ, основаніи оставить безъ исполненія предложеніе Львова. На первый вопросъ канцелярія отвѣтила, что въ ея дѣлахъ, съ самаго начала существованія св. Синода, не значится ни одного указа о назначеніи прокуроровъ въ епархіальныя церковныя учрежденія; 2-й и 3-й пункты вызвали пространныя выписки изъ Духовнаго Регламента,— выписки, далеко неблагопріятныя для стремленій прокуратуры, а на 4-й вопросъ канцелярія отвѣтила, что при прежнихъ оберъ-прокурорахъ никогда не было примѣровъ разсылки по епархіямъ копій съ оберъ-прокурорской инструкціи, и что въ учрежденія, подчиненныя св. Синоду, всегда посылались только одни указы о вступленіи въ должность того или другого оберъ-прокурора [1]). Располагая такими данными, полученными путемъ произведенныхъ справокъ, Синодъ нашелъ уже возможнымъ оставить свои обычные пріемы постояннаго откладыванія обсужденія неудобныхъ оберъ-прокурорскихъ предложеній до будущихъ полныхъ собраній и прямо отклонилъ отъ себя исполненіе желанія Львова.

Фактическое безсиліе оберъ-прокурорской власти, не имѣвшей возможности настаивать на обязательномъ исполненіи своихъ предложеній, хотя въ разсмотрѣнномъ столкновеніи Львова съ св. Синодомъ и обусловливалось тѣмъ, что Синодъ нашелъ достаточныя юридическія и историческія основанія, доказывавшія необязательность нежелательнаго предложенія прокуратуры, но въ тоже время зависѣло и отъ другихъ, болѣе общихъ причинъ. Мы имѣемъ въ виду характеръ отношеній императрицы къ членамъ св. Синода

[1]) Тамъ же, стр. 10—27.

и его оберъ-прокурору, т. е. тѣ же самыя причины, которыя позволяли высшему церковному учрежденію съ значительнымъ успѣхомъ парализовать нежелательное вліяніе прокуратуры на синодальное управленіе даже при такомъ оберъ-прокурорѣ, какимъ былъ Шаховской. И при Львовѣ, также какъ и ранѣе, Елизавета не считала синодальнаго оберъ-прокурора обязательнымъ посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ высшимъ органомъ церковнаго управленія, а такъ какъ Львовъ въ то же время, повидимому, не пользовался и особымъ расположеніемъ государыни, то оберъ-прокуроръ только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣлъ возможность обращаться къ св. Синоду съ своими предложеніями, обоснованными на высочайшихъ повелѣніяхъ, непосредственно полученныхъ имъ отъ верховной власти. По крайней мѣрѣ, такъ позволяютъ думать документальные памятники правительственной дѣятельности св. Синода, гдѣ Львовъ очень рѣдко выступаетъ въ роли посредника между государыней и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ.

Интересно, что даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Львову приходилось выполнять роль посредника между верховной властью и св. Синодомъ, императрица поручала своему оберъ-прокурору объявить какой-либо высочайшій указъ только послѣ того, какъ данный указъ былъ предварительно сообщенъ высшему органу церковнаго управленія безъ всякаго посредничества прокуратуры, но, по какимъ-либо соображеніямъ, оставлялся имъ безъ исполненія. По словамъ письменнаго оберъ-прокурорскаго предложенія отъ 20 апрѣля 1754 года [1]), императрица Елизавета приказала Львову объявить св. Синоду, (состоявшему изъ членовъ малороссійскаго происхожденія,) что, если указъ объ обязательномъ назначеніи „и великороссіянъ на праздныя ваканціи въ архіереи и архимандриты“, устно сообщенный ею самой синодальнымъ членамъ, остается безъ должнаго исполненія, то она вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность немедленно же записать въ св. Синодѣ высочайшее повелѣніе „для неотмѣннаго исполненія и о всемъ томъ ему, оберъ-прокурору, донести Ея Императорскому Величеству“. По справкамъ, произведеннымъ въ

[1]) П. С. З. т. XIV, № 10, 216.

синодальной канцеляріи, дѣйствительно оказалось, что никто изъ духовныхъ лицъ, выслушавшихъ распоряженіе государыни, не объявлялъ его оффиціально св. Синоду, почему Синодъ, подъ вліяніемъ новаго высочайшаго распоряженія, принужденъ былъ исполнить оберъ-прокурорское предложеніе и постановилъ записать именной императорскій указъ „и по немъ чинить исполненіе неотмѣнно".

Насколько незначительно было фактическое вліяніе оберъ-прокурора Львова на ходъ дѣлъ, находившихся въ завѣдываніи высшаго церковнаго учрежденія, всего нагляднѣе показываетъ одинъ любопытный указъ императрицы Елизаветы, который позволяетъ намъ утверждать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ члены св. Синода находили даже возможнымъ оставлять прокуратуру въ совершенномъ невѣдѣніи относительно своихъ постановленій и распоряженій. 8-го октября 1755 года императрица Елизавета Петровна приказала т. с. барону Черкасову „объявить собранію св. Синода, чтобы впредь св. Синодъ въ противность указамъ никакихъ дѣлъ по домамъ не дѣлалъ, но по указу въ Синодѣ, ничего не скрывая отъ оберъ-прокурора, какъ было то до тѣхъ поръ, по дошедшимъ до Ея Величества свѣдѣніямъ, также чтобы и оберъ-секретари и прочіе канцелярскіе служители были оберъ-прокурору послушны, дѣлъ не подписывали по домамъ у синодальныхъ членовъ и того, что подписывали, не таили бы отъ оберъ-прокурора. И если окажутъ себя отъ сихъ поръ противными указамъ и непослушными оберъ прокурору, то съ ними поступлено будетъ по жестокости правъ государственныхъ безъ послабленія" [1]).

Не пользуясь значительнымъ вліяніемъ на церковное управленіе, оберъ-прокурорская власть, въ лицѣ Львова, повидимому далеко нерѣдко, должна была раздѣлять свои прямыя обязанности представителя и защитника государственныхъ интересовъ въ духовномъ вѣдомствѣ съ пр. Сенатомъ, хотя нужно замѣтить, что и ранѣе Сенатъ не оставлялъ безъ вниманія нѣкоторыхъ дѣлъ, находившихся въ вѣдѣніи св. Синода.

---

[1]) Архивъ канцеляріи об.-пр. св. Син. Дѣла секретныя, № 143.

9 февраля 1755 года св. Синодъ долженъ былъ выслушать вѣдѣніе правительствующаго Сената, напомнившаго ему о государственной обязанности духовнаго вѣдомства опредѣлять въ монастыри и богадѣльни всѣхъ присылавшихся изъ военной коллегіи и отъ генералитета отставныхъ служащихъ, не имѣвшихъ собственныхъ средствъ для существованія; выслушавъ сенатское вѣдѣніе, основанное на требованіи императорскихъ указовъ, Синодъ постановилъ приказать канцеляріи синодальнаго экономическаго правленія въ точност исполнять высочайшія распоряженія о размѣщеніи по монастырямъ и богадѣльнямъ „отставныхъ отъ воинской и статской службы воинскихъ чиновъ людей“ [1]).—Сенатъ, узнавъ, по доношенію главнаго коммисаріата, дѣйствовавшаго, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ генерала-грегсъ-коммиссара, бывшаго синодальнаго оберъ-прокурора, Шаховского, что св. Синодъ по своему усмотрѣнію распоряжается имуществами осужденныхъ духовныхъ лицъ и раскольниковъ, предназначенными правительствомъ на содержаніе госпиталей, 24 іюля 1756 года постановилъ сообщить Синоду вѣдѣніе, чтобы оставшіяся послѣ духовныхъ персонъ и раскольниковъ движимыя и недвижимыя имѣнія, а также и деньги, полученныя отъ продажи ихъ имуществъ, были немедленно же, въ силу высочайшаго повелѣнія Петра I, переданы на содержаніе госпиталей въ вѣдомство главнаго коммисаріата [2]).—2 октября того же 1756 года, по воводу доношенія военной коллегіи, получившей отъ св. Синода формальный отказъ въ принятіи на монастырское содержаніе безумнаго юнкера Ушакова, не имѣвшаго собственныхъ средствъ для существованія, Сенатъ опредѣлилъ поставить на видъ высшему органу церковнаго управленія его законную обязанность взять на свое попеченіе присланнаго изъ коллегіи юнкера и „впредь таковыхъ же безумствующихъ изъ воинскихъ служителей и бѣдныхъ... въ пристойные монастыри до исправленія ума принимать“ [3]).—20 декабря 1756 года св. Синодъ слушалъ вѣдѣніе правительствующаго Сената, что въ

---

[1]) Тамъ же, № 10,355.
[2]) Тамъ же, № 10,588.
[3]) Тамъ же, № 10,614.

Украйнѣ „отъ лакомства поповъ“ сильно распространился незаконный обычай вѣнчанія однодворцами своихъ малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ [1]), и что мѣстное духовенство брало за совершеніе подобныхъ браковъ большія денежныя суммы, чѣмъ и приносило значительный вредъ экономическому благосостоянію однодворцевъ. Хотя Синодъ и не совсѣмъ довѣрчиво отнесся къ сообщенію Сената объ отягощеніи однодворцевъ высокой и непосильной платой за совершеніе браковъ, мотивируя свое недовѣріе отсутствіемъ жалобъ на вымогательство духовенства, по тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ исполнить желаніе Сената и постановилъ послать указы къ епархіальнымъ преосвященнымъ объ обязательномъ принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ, необходимыхъ для прекращенія и предупрежденія на будущее время незаконныхъ браковъ и вымогательства приходскаго духовенства [2]).

Несомнѣнно, что всѣ приведенные случаи вмѣшательства Сената въ область синодальнаго управленія обусловливались тѣмъ, что государственные интересы, охраненіе которыхъ въ сферѣ церковной жизни составляло прямую и непосредственную обязанность оберъ-прокурора, не всегда пользовались со стороны св. Синода такимъ вниманіемъ, какое было желательно свѣтскому правительству. Между тѣмъ, прокуратура, спеціально учрежденная для того, чтобы слѣдить за дѣятельностью высшаго органа церковнаго управленія и не позволять ей принимать направленіе, вредное для интересовъ государства, оказывалась еще иногда неспособной вполнѣ удовлетворительно выполнять свое главное назначеніе, что и побуждало Сенатъ обращаться къ Синоду съ различными вѣдѣніями по тѣмъ или другимъ вопросамъ церковно-государственной жизни.

Члены св. Синода, пользуясь правомъ непосредственныхъ сношеній съ верховной властью и отсутствіемъ особеннаго довѣрія и расположенія императрицы къ представителю проку-

---

[1]) Нужно замѣтить, что распространеніе незаконнаго обычая вѣнчать несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ на взрослыхъ дѣвицахъ, во многихъ мѣстахъ, обусловливалось зависимостью духовенства отъ своихъ вліятельныхъ прихожанъ. Соловьевъ. Исторія Россіи... Изд. 2-е, кн. V, стр. 616.

[2]) П. С. З. т. XIV, № 10,676.

ратуры въ духовномъ вѣдомствѣ, теперь уже могли несравненно легче, чѣмъ при Шаховскомъ, парализовать вліяніе оберъ-прокурора на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи. Не располагая ни такимъ довѣріемъ государыни, какимъ пользовался Шаховской, ни той рѣдкой энергіей и настойчивостью, какія онъ всегда умѣлъ проявлять въ исполненіи возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, Львовъ, при наличности подобныхъ неблагопріятныхъ условій, давалъ еще синодальнымъ членамъ извѣстныя средства для успѣшной борьбы съ оберъ-прокурорской властью и своей не вполнѣ безупречной дѣятельностью, доставлявшей Синоду законныя основанія къ протестамъ противъ дѣйствій оберъ-прокурора и обжалованію ихъ предъ самой верховной властью.

17 марта 1757 года св. Синодъ слушалъ донесеніе своего члена, епископа переяславскаго Амвросія, жаловавшагося на незаконныя дѣйствія оберъ-прокурора Львова и просившаго высшее церковное учрежденіе обратиться къ императрицѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ по поводу дѣлаемаго имъ заявленія. Упомянувъ о состоявшемся, по его прошенію, синодальномъ опредѣленіи, въ силу котораго онъ долженъ былъ получить извѣстныя денежныя суммы на необходимыя церковныя и монастырскія починки въ своей епархіи, Амвросій заявилъ, что оберъ-прокуроръ удерживаетъ у себя законное опредѣленіе Синода и не допускаетъ его до исполненія; по словамъ Амвросія, подобное отношеніе Львова къ синодальному постановленію обусловливалось тѣмъ, что оберъ-прокуроръ, „по своему лакомству“, ожидалъ отъ него такихъ же взятокъ, какія онъ и прежде бралъ съ его епархіальныхъ монастырей, пользуясь, какъ средствомъ для вымогательства взятокъ, возможностью задерживать приведеніе въ исполненіе указовъ о выдачѣ денегъ на необходимый ремонтъ различныхъ зданій въ томъ или другомъ монастырѣ. Еще въ 1754 году, писалъ синодальный членъ, Львовъ взялъ съ Данилова и Никитскаго монастырей по 50 рублей, съ Волоколамскаго Іосифова монастыря 100 рублей, да по Воскресенскому монастырю требовалъ съ бывшаго намѣстника Каллистрата 50 рублей за выдачу ему законнаго жалованья [1]). Въ доказательство спра-

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1757 г. (17 марта) № 3, стр. 1.

ведливости своей жалобы Амвросій приложилъ къ доношенію и письменные документы, подтверждавшіе факты злоупотребленія Львовымъ оберъ-прокурорскою властью [1]).

Выставивъ на видъ незаконный характеръ дѣятельности Львова, Амвросій просилъ св. Синодъ отобрать у оберъ-прокурора свое опредѣленіе и приказать немедленно же привести его въ исполненіе, а на самого Львова подать императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ, „чтобы оберъ-прокуроръ, въ виду его явныхъ интригъ и злобы на Амвросія, впредь не мѣшался бы ни въ какія его епархіальныя и монастырскія дѣла“ [2]). Синодъ воспользовался доношеніемъ переяславскаго архіерея и, дѣйствительно, подалъ на своего оберъ-прокурора всеподданнѣйшій докладъ [3]).

Въ скоромъ времени (11 іюля 1757 года) переяславскій архіерей снова обратился къ Синоду съ жалобой на незаконныя дѣйствія его оберъ-прокурора; Амвросій донесъ, что вотчинные крестьяне Даниловa, Никитскаго и Волоколамскаго Іосифова монастырей переяславской епархіи не платятъ никакихъ оброковъ, не исполняютъ установленныхъ работъ, не повинуются высочайшимъ указамъ, присылаемымъ изъ св. Синода, и что прикащикомъ села Балашова тверского уѣзда пойманъ былъ Иванъ Алѣксѣевъ съ возмутительными письмами отъ его петербургскихъ товарищей, „плутовъ“ даниловскихъ и никитскихъ крестьянъ, возбуждавшихъ своихъ земляковъ къ неповиновенію монастырскому начальству. Изъ писемъ, по словамъ Амвросія, видно, что монастырскіе крестьяне, вопреки высочайшему указу, намѣрены подать прошеніе императрицѣ, и что подстрекаетъ ихъ къ такому незаконному поступку синодальный оберъ-прокуроръ. Представляя на разсмотрѣніе отобранныя письма, переяславскій преосвященный въ то же время настоятельно просилъ Синодъ, чтобы оберъ-прокуроръ, „вслѣдствіе оказавшихся подозрѣній“ и по случаю отлучки изъ Петербурга самого Амвросія, не былъ допускаемъ ни до какихъ дѣлъ по его епархіи, и чтобы отъ Львова не

---

[1]) Тамъ же, стр. 2—11.
[2]) Тамъ же, стр. 1.
[3]) Тамъ же, стр. 17—21.

принимались ни словесныя, ни письменныя предложенія [1]). Св. Синодъ не оставилъ безъ вниманія донощенія своего члена и подалъ на высочайшее имя соотвѣтствующій докладъ.

Архивныя документальныя данныя ничего не говорятъ объ отношеніи императрицы Елизаветы къ представленнымъ синодальнымъ докладамъ, но они, по крайней мѣрѣ, позволяютъ предполагать, безъ особеннаго риска принять простую хронологическую послѣдовательность за причинную связь, что небезупречный характеръ дѣятельности Львова доставилъ Синоду возможность лишить оберъ-прокурора довѣрія верховной власти, такъ какъ въ началѣ слѣдующаго года государыня нашла нужнымъ уволить Львова отъ должности и приказала Сенату выбрать кандидатовъ для назначенія новаго синодальнаго оберъ-прокурора.

12 января 1758 года Синодъ, узнавъ, что правительствующій Сенатъ, получившій отъ императрицы приказаніе выбрать 4 достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія оберъ-прокурорской должности, исполнилъ высочайшее повелѣніе и представилъ Елизаветѣ намѣченныхъ кандидатовъ, и самъ рѣшилъ принять участіе въ выборѣ своего оберъ прокурора и съ этою цѣлью обратился къ государынѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. „Во исполненіе имяннаго повелѣнія по опредѣленію, на мѣсто оберъ-прокурора Львова, оберъ-прокуроромъ же изъ представленныхъ Вашему Величеству отъ Сената 4-хъ кандидатовъ“, писалось въ докладѣ, „Синодъ, согласно избравъ, за способнѣйшаго и достойнаго признаетъ обрѣтающагося при Сенатѣ совѣтника Александра Іаковлева, который, какъ Синодъ вѣдаетъ, состоянія добраго и въ дѣлахъ искусный“ [2]). Но стремленіе Синода воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти вліяніе на самый выборъ представителя прокуратуры, не дало желательныхъ результатовъ, и, вмѣсто удовлетворенія всеподданнѣйшаго доклада, Синодъ получилъ изъ правительствующаго Сената вѣдѣніе, что 17 апрѣля 1758 года Ея Императорское Величество,

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1757 г. № 3, стр. 23—24.
[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1758 г. (12 генв.) № 2, стр. 2—3.

уволивъ Львова, пожаловала оберъ-прокуроромъ лейбъ-гвардіи отставного премьеръ-майора, Алексѣя Семеновича Козловскаго [1]).

Назначеніе на мѣсто уволеннаго Львова новаго синодальнаго оберъ-прокурора не могло оказать какого-либо замѣтнаго вліянія на фактическое положеніе прокуратуры въ св. Синодѣ; отношенія императрицы Елизаветы къ представителю прокуратуры въ церковномъ управленіи и къ самому св. Синоду, дававшія возможность послѣднему успѣшно противодѣйствовать постоянному стремленію оберъ-прокуроровъ широко пользоваться своими юридическими правами въ интересахъ государства, и при князѣ Козловскомъ сохраняли тотъ же самый характеръ, какимъ они отличались при его предшественникѣ—Львовѣ.

Новый оберъ-прокуроръ, также какъ и его предшественникъ—Львовъ, не располагалъ сильнымъ фактическимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи. Хотя онъ и не уклонялся отъ своихъ прямыхъ обязанностей по отношенію къ церковному управленію, внимательно слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ существовавшихъ законовъ въ синодальномъ вѣдомствѣ и, замѣчая нарушенія различныхъ правительственныхъ распоряженій, дѣлалъ предложенія Синоду объ обязательномъ соблюденіи тѣхъ или другихъ высочайшихъ указовъ, но св. Синодъ обыкновенно слѣдовалъ указаніямъ Козловскаго только въ тѣхъ случаяхъ, когда предложенія прокуратуры не находились въ очень рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами духовнаго вѣдомства.

14 іюля 1759 года оберъ-прокуроръ Козловскій въ своемъ предложеніи обратилъ вниманіе св. Синода на неправильныя дѣйствія смоленскаго епископа Гедеона, присвоившаго себѣ, на основаніи синодальнаго указа, не принадлежащія архіереямъ права разслѣдованія и рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ, воз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 7.

никавшихъ между духовными и свѣтскими лицами. Изъ донесенія смоленскаго преосвященнаго по дѣлу „о боѣ“ мѣстнаго игумена Исаіи Залескевича отставнымъ полковникомъ Алексѣемъ Арсеньевымъ оберъ-прокуроръ усмотрѣлъ, что епископъ Гедеонъ вступилъ въ производство начавшагося дѣла, считая вполнѣ законнымъ синодальный указъ 1729 года, предписывавшій ему рѣшать подобныя дѣла въ духовномъ приказѣ. Между тѣмъ, высочайшимъ повелѣніемъ императора Петра I, написаннымъ на докладныхъ пунктахъ св. Синода 1721 года, было вполнѣ ясно и точно опредѣлено, что всѣ жалобы духовныхъ лицъ на свѣтскихъ должны обязательно разбираться не въ синодальныхъ учрежденіяхъ, а въ свѣтскомъ судѣ. На основаніи подобнаго высочайшаго повелѣнія Козловскій и предложилъ св. Синоду отмѣнить свой указъ 1729 года и предписать смоленскому архіерею передать дѣло игумена Исаіи въ свѣтскій судъ и на будущее время никогда не вступаться въ производство подобныхъ дѣлъ, а только посылать въ гражданскій судъ своихъ депутатовъ, чтобы пострадавшія духовныя лица получали въ свѣтскихъ судахъ „достойную сатисфакцію“. Для того же, чтобы предотвратить самую возможность аналогичныхъ явленій не только въ смоленской, но и въ другихъ епархіяхъ, оберъ-прокуроръ предложилъ послать соотвѣтствующіе указы ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ [1]).

Конечно, установленный правительствомъ порядокъ разслѣдованія судебныхъ дѣлъ, возбуждавшихся различными духовными особами противъ свѣтскихъ лицъ, былъ не совсѣмъ удобенъ и желателенъ для церковнаго вѣдомства, но, во всякомъ случаѣ, онъ не находился въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ его интересами, такъ какъ позволялъ епархіальнымъ архіереямъ посылать въ гражданскіе суды своихъ депутатовъ для наблюденія за безпристрастнымъ рѣшеніемъ дѣлъ и, въ случаѣ неполученія „достойной сатисфакціи“, приносить жалобы на дѣйствія свѣтскаго суда св. Синоду. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, Синодъ нашелъ возможнымъ исполнить обоснованное на высочайшемъ повелѣніи предложеніе Козловскаго и 16 сентября 1759 года постановилъ предписать

[1]) П. С. З. т. XV, 10,988.

всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ не вступать въ производство дѣлъ, возникавшихъ по жалобамъ духовныхъ персонъ на свѣтскихъ лицъ, а отсылать ихъ въ свѣтскій судъ и, чрезъ своихъ депутатовъ, „накрѣпко... наблюдать и стараться, дабы оныя дѣла въ свѣтской командѣ надлежащимъ порядкомъ... производились и рѣшались, и обидимыя духовныя священно и церковно-служители достойное удовольствіе и сатисфакцію получали по сущей справедливости безъ всякаго медленія и волокиты"; въ случаѣ же небезпристрастнаго отношенія „свѣтской команды" къ духовнымъ лицамъ, высшій органъ церковнаго управленія вмѣнялъ въ обязанность епархіальному начальству подавать въ св. Синодъ жалобы на дѣйствія гражданскаго суда [1])

Удовлетворительно выполняя свои спеціальныя обязанности въ тѣхъ случаяхъ, когда оберъ-прокурорскія предложенія не очень сильно затрогивали интересы духовнаго вѣдомства и не находились съ ними въ непримиримомъ противорѣчіи, Козловскій, какъ можно думать на основаніи существующихъ матеріаловъ, далеко не всегда имѣлъ возможность оказывать желательное для правительства вліяніе на св. Синодъ и не позволять ему уклоняться отъ исполненія нѣкоторыхъ распоряженій свѣтской власти, что по-прежнему вызывало иногда вмѣшательство Сената или генералъ-прокурора въ нѣкоторыя дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи св. Синода.

Въ силу высочайшихъ указовъ, какъ всѣ епархіальные архіереи и монастыри, такъ и самъ св Синодъ обязаны были, въ узаконенные сроки, присылать въ ревизіонъ-коллегію отчеты „объ остаточныхъ наличныхъ деньгахъ"; между тѣмъ, высшій органъ церковнаго управленія не только не побуждалъ епархіальныя и монастырскія начальства доставлять въ ревизіонъ-коллегію нужныя свѣдѣнія, но и самъ не исполнялъ правительственныхъ распоряженій. 9 февраля 1759 года правительствующій Сенатъ постановилъ сообщить Синоду, чтобы во всѣ епархіи и монастыри были отправлены указы объ обязательномъ доставленіи въ ревизіонъ-коллегію установленныхъ счетовъ находившихся въ ихъ распоряженіи остаточныхъ денежныхъ суммъ, такъ какъ, по существовавшимъ законамъ, Си-

---

[1]) Тамъ же, стр. 375—376.

подъ ежегодно долженъ былъ отсылать въ ревизіонъ-коллегію счеты и вѣдомости объ остаточныхъ деньгахъ архіерейскихъ домовъ (кромѣ новгородскаго) и монастырей [1]). Очевидно, что, не смотря на присутствіе въ Синодѣ спеціальнаго представителя государственныхъ интересовъ, обязаннаго не позволять высшему церковному учрежденію уклоняться отъ точнаго исполненія дѣйствующихъ законовъ, св. Синодъ имѣлъ полнѣйшую возможность руководиться въ своей дѣятельности собственными соображеніями, не отвѣчавшими видамъ правительства.

Когда въ 1760 году императрица назначила генералъ-прокуроромъ Сената бывшаго синодальнаго оберъ-прокурора, князя Шаховского, стремленіе Синода руководиться въ своей дѣятельности спеціальными церковными интересами, не встрѣчавшее должнаго фактическаго противодѣйствія со стороны Козловскаго, иногда побуждало новаго генералъ-прокурора выполнять обязанности „ока государева и стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ“ и по отношенію къ высшему церковному учрежденію. На конференціи Сената съ Синодомъ, состоявшейся 6 октября 1760 года, генералъ-прокуроръ Шаховской заявилъ, что еще въ 1757 году императрица Елизавета приказала обсудить и рѣшить вопросъ о монастырскихъ и архіерейскихъ доходахъ, между тѣмъ какъ только 24 іюля 1760 года по данному вопросу состоялось общее собраніе государственныхъ учрежденій, не пришедшихъ, однако, ни къ какимъ опредѣленнымъ заключеніямъ. Въ виду такого непозволительнаго отношенія Синода и Сената къ именному высочайшему указу, въ теченіе трехъ лѣтъ остававшемуся безъ всякаго исполненія, генералъ-прокуроръ и предложилъ конференціи поспѣшить рѣшеніемъ возбужденнаго вопроса [2]).

1 сентября 1760 года Шаховской обратилъ вниманіе синодальнаго оберъ-прокурора Козловскаго на несогласное съ требованіями законовъ отношеніе св. Синода къ дѣлу, начавшемуся по доносу черниговскаго архимандрита Іова Малѣевскаго, протопопа Димитрія Стефановскаго, дьякона Стефана Шаршановскаго и протопопова сына Ѳедора Григоровича,

---

[1]) Тамъ же, № 10,923.

[2]) Соловьевъ Исторія Россіи. Изд. 2-е, кн. V, т. XXVI, стр. 1,180.

обвинявшихъ мѣстнаго епархіальнаго архіерея въ томъ, что онъ отправлялъ съ своимъ келейникомъ для продажи въ Петербургъ и Москву различные запрещенные напитки и провозилъ въ Москву деньги чрезъ посредство своей матери и другихъ родственниковъ. Въ первое время данное дѣло разсматривалось въ самомъ св. Синодѣ, но затѣмъ, въ 1757 году, по высочайшему указу, въ Черниговѣ была учреждена особая коммиссія, въ которую, какъ писалъ Шаховской на основаніи поданныхъ ему челобитныхъ и доношеній, оказались назначенными лица, находившіяся подъ вліяніемъ мѣстнаго архіерея, почему показанія и доказательства дьякона Шаршановскаго (наиболѣе храбраго и настойчиваго обвинителя) совсѣмъ не были приняты коммиссіей и не вызвали съ ея стороны законнаго разслѣдованія справедливости представленныхъ обвиненій. Явное пристрастіе, обнаруженное членами черниговской коммиссіи при разслѣдованіи порученнаго ей дѣла, заставило дьякона пріѣхать въ Петербургъ и обжаловать ея незаконныя дѣйствія предъ св. Синодомъ, но Синодъ, не смотря на многочисленныя прошенія Шаршановскаго, оставилъ его безъ всякаго отвѣта; послѣднія же челобитныя дьякона, нѣсколько разъ подававшіяся въ 1760 году, не только остались не разсмотрѣнными, но даже и не были приняты отъ него. Такой образъ дѣйствій высшаго органа церковнаго управленія, очевидно руководившагося въ своихъ отношеніяхъ къ возникшему дѣлу особыми, спеціальными соображеніями, расходившимися съ формальными требованіями законовъ, и не желавшаго обвинять епархіальнаго архіерея по допосамъ и жалобамъ подчиненнаго ему духовенства, не вызывалъ, однако же, никакихъ протестовъ со стороны Козловскаго, какъ представителя государственныхъ интересовъ и оффиціальнаго блюстителя законности, что и побудило Шаховского обратиться къ синодальному оберъ-прокурору съ порученіемъ предложить Синоду челобитныя и доношенія дьякона Шаршановскаго для надлежащаго разсмотрѣнія [1]).

Козловскій, хотя и исполнилъ желаніе генералъ-прокурора, предложивъ св. Синоду разсмотрѣть и рѣшить, согласно съ церковными канонами и высочайшими указами, дѣло, воз-

---

[1]) Канцелярія оберъ-прок. св. Син. Дѣло 1760 г. № 437, стр. 1.

бужденное противъ черниговскаго архіерея, но въ то же время заявилъ, что дьяконъ Шаршановскій жалуется и на него, оберъ-прокурора, будто бы онъ не принималъ подававшихся челобитныхъ „за посяжками“; неожиданное обвиненіе дьякона заставило прокуратуру предложить на разсмотрѣніе Синода и клевету Шаршановскаго. Извѣщая Шаховского объ исполненіи его желанія, Козловскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ генералъ-прокурору, что, въ виду несправедливаго обвиненія дьякономъ самого оберъ-прокурора, онъ опасается присутствовать при разборѣ даннаго дѣла и находитъ неудобнымъ слѣдить за его производствомъ [1]).

Цитируемый документъ оберъ прокурорской канцеляріи не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что присутствіе въ св. Синодѣ спеціальнаго блюстителя законности еще не обезпечивало государственной власти желательнаго характера правительственной дѣятельности высшаго церковнаго учрежденія, такъ какъ Козловскій не располагалъ сильнымъ вліяніемъ на церковное управленіе, и св. Синодъ имѣлъ возможность руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ возникшему дѣлу собственными соображеніями, не отвѣчавшими требованіямъ высочайшихъ указовъ.

Причины, обусловливавшія собою констатируемый нами характеръ отношеній оберъ-прокурорской власти къ св Синоду, заключались какъ въ личности самого Козловскаго, не располагавшаго тѣми выдающимися способностями, какія были необходимы для того, чтобы, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, успѣшно пользоваться предоставленными прокуратурѣ правами, такъ и въ чисто внѣшнихъ обстоятельствахъ, нисколько не зависѣвшихъ отъ наличнаго представителя государственныхъ интересовъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Мы имѣемъ въ виду отношеніе императрицы Елизаветы къ св. Синоду, сохранившее и при Козловскомъ тотъ же самый характеръ, какимъ оно отличалось при его предшественникѣ—Львовѣ, такъ какъ и теперь высшій органъ церковнаго управленія, въ большинствѣ случаевъ, обходился безъ всякаго посредничества оберъ-прокурора въ своихъ сношеніяхъ съ верховною властью [2]).

---

[1]) Канцелярія оберъ-прок. св. Син. Дѣло 1760 г. № 437.
[2]) П. С. З. т. XV, №№ 10,935 и 11,332.

Отношенія верховной власти къ св. Синоду и его оберъ-прокурору, имѣвшія громадное вліяніе на фактическое положеніе прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи не только при Козловскомъ, но и въ продолженіе всего Елизаветинскаго царствованія, какъ мы видѣли, оказывались далеко неблагопріятными для стремленій синодальныхъ оберъ-прокуроровъ всегда руководиться въ своей дѣятельности государственной идеей Петра въ ея примѣненіи къ церковной жизни. Но такой характеръ отношеній Елизаветы къ св. Синоду и его оберъ-прокурору обусловливался не тѣмъ, что императрица не раздѣляла Петровской государственной идеи, а другими причинами, лежавшими въ личномъ характерѣ Елизаветы Петровны и ея расположеніи къ духовенству.

Вступивъ на престолъ, императрица Елизавета въ своемъ именномъ указѣ отъ 12 декабря 1741 года [1]) съ сожалѣніемъ заявила о нежелательныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ государственномъ управленіи по смерти преобразователя, и предписала „накрѣпчайше содержать всѣ указы и регламенты Петра“ и по нимъ всегда и во всемъ „неотмѣнно поступать“ въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, не исключая и духовной коллегіи или св. Синода. Высочайшій указъ, обязывавшій всѣ правительственныя учрежденія, въ томъ числѣ и высшій органъ церковнаго управленія, руководиться въ своей дѣятельности законами реформатора, и возстановленіе въ св. Синодѣ института прокуратуры, учрежденнаго преобразователемъ съ извѣстною спеціальною цѣлью надзора за государственными интересами въ сферѣ церковнаго управленія, дѣлаютъ несомнѣннымъ, что Елизавета вполнѣ раздѣляла государственную идею Петра. Повидимому, оберъ-прокуроры, являвшіеся спеціальными орудіями правительственнаго надзора за синодальнымъ управленіемъ и всегда руководившіеся въ своей дѣятельности государственной идеей Петра, раздѣляемой и самой государыней, должны были бы встрѣчать со стороны верховной власти не только полное сочувствіе, но и постоянную реальную, сильную поддержку своимъ стремленіямъ оказывать на церковное учрежденіе дѣйствительное, фактическое вліяніе, требуемое интересами государства. Но, если и при жизни самого организатора института прокуратуры, не отли-

[1]) П. С. З. т. XI, № 8,480

чавшагося особеннымъ расположеніемъ къ духовенству и даже увѣреннаго въ существованіи среди духовнаго міра скрытой, глухой оппозиціи его реформамъ, оберъ-прокурорская власть не имѣла фактической возможности широко пользоваться своими юридическими правами и полномочіями, то нѣтъ ничего удивительнаго, что она далеко не всегда и не во всемъ встрѣчала необходимое содѣйствіе своимъ стремленіямъ со стороны Елизаветы, сильно расположенной къ русскому духовенству и отличавшейся спокойнымъ, безпристрастнымъ отношеніемъ къ окружавшимъ ее лицамъ съ ихъ различными и часто даже противоположными интересами.

По справедливому замѣчанію Соловьева [1]), императрица Елизавета, не располагая ни блестящими способностями, ни образованіемъ, ни подготовкой, ни опытностью и привычкой къ правительственнымъ дѣламъ, не могла имѣть вполнѣ самостоятельныхъ мнѣній и взглядовъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ она руководилась своимъ непосредственнымъ чувствомъ; выслушивая одно мнѣніе, она принимала его и, по живости характера, высказывала свое одобреніе, но обыкновенно не спѣшила рѣшать дѣло по первому впечатлѣнію, а знакомилась и съ другими мнѣніями, останавливалась на новой сторонѣ дѣла и долго колебалась въ принятіи окончательнаго рѣшенія по тому или другому вопросу.

Этою отличительною чертою характера императрицы, охотно выслушивавшей различныя мнѣнія заинтересованныхъ лицъ по каждому спорному вопросу, довольно успѣшно и пользовался св. Синодъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его оберъ-прокуроры, руководившіеся въ своей дѣятельности государственной идеей Петра, такъ или иначе затрогивали существенные интересы церковнаго вѣдомства. Располагая правомъ непосредственныхъ сношеній съ верховной властью, высшій органъ церковнаго управленія имѣлъ легкую возможность оказывать на государыню извѣстное воздѣйствіе, противоположное вліянію прокуратуры, и тѣмъ самымъ парализовать неблагопріятныя для себя стремленія синодальныхъ оберъ-прокуроровъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе было возможно для св. Синода, что Елизавета, всегда обнаруживавшая боль-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2-е, кн. V, стр. 169.

шое расположеніе къ духовенству, имѣла около себя такихъ сильныхъ и вліятельныхъ защитниковъ церковныхъ интересовъ, какъ графъ Ал. Гр. Разумовскій и ея духовникъ, протоіерей Дубянскій. По словамъ Васильчикова [1]), Разумовскій, „призрѣнный въ младенчествѣ духовенствомъ, возросшій подъ его крыломъ, смотрѣлъ на служителей церкви съ чувствами самой искренной и глубокой благодарности и былъ преданъ имъ всѣмъ своимъ честнымъ и любящимъ сердцемъ“. Духовенство всегда могло вполнѣ разсчитывать на его заступничество предъ государыней, а между тѣмъ, вліяніе Разумовскаго, послѣ тайнаго брака съ Елизаветой, сдѣлалось громаднымъ, такъ какъ „всѣ его почитали и съ нимъ обращались, какъ съ супругомъ императрицы“ [2]). Правда, графъ не любилъ заниматься государственными дѣлами, но существовали, однако, два вопроса, говоритъ біографъ Разумовскаго [3]), „которые и его задѣвали за живое; для нихъ онъ забывалъ и природную лѣнь и отвращеніе отъ дѣлъ и смѣло выступалъ впередъ, не опасаясь докучать государынѣ“. Первый изъ такихъ вопросовъ и касался жизни церкви и духовенства.—Немаловажное значеніе для св. Синода представляла также и близость къ императрицѣ одного изъ его членовъ, царскаго духовника, протоіерея Дубянскаго, имѣвшаго постоянный доступъ къ государынѣ и пользовавшаго большимъ довѣріемъ и расположеніемъ Елизаветы.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, обусловливавшихъ собою довольно сильное вліяніе духовенства на набожную и суевѣрную государыню, св. Синодъ могъ успѣшно дѣйствовать противъ стремленій оберъ-прокурорской власти, нарушавшихъ спеціально-церковные интересы духовнаго вѣдомства, не смотря даже на то, что оберъ-прокуроры руководились въ своей дѣятельности государственной идеей Петра, усвоенной и самой императрицей. И только личныя выдающіяся способности Шаховского нѣсколько возвысили значеніе прокуратуры въ св. Синодѣ, но и онѣ, какъ мы знаемъ, оказались далеко недостаточными для того, чтобы доставить оберъ-

---

[1]) А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. I, стр. 19.
[2]) Тамъ же, стр. 20.
[3]) Тамъ же, стр. 39.

прокурорской власти фактическую возможность безпрепятственно пользоваться своими юридическими правами въ тѣхъ случаяхъ, когда Синодъ находилъ ея дѣйствія вредными для интересовъ церкви и духовенства.

Измѣненія въ фактическомъ положеніи синодальныхъ оберъ прокуроровъ и дальнѣйшее развитіе процесса постепеннаго усиленія вліянія прокуратуры на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи могли послѣдовать только съ перемѣною въ отношеніяхъ къ духовенству со стороны верховной власти, что уже случилось послѣ смерти Елизаветы Петровны.

ГЛАВА IV.

Смерть Елизаветы, создававшей характеромъ своихъ отношеній къ русскому духовенству благопріятныя условія для успѣшнаго противодѣйствія св. Синода вліянію прокуратуры на церковное управленіе, передала верховную власть въ руки Петра III, не только не раздѣлявшаго взглядовъ умершей государыни на служителей православной церкви, но и не стѣснявшагося высказывать явное нерасположеніе къ нимъ. Еще при жизни Елизаветы Петръ III выражалъ свои непріязненныя отношенія къ духовнымъ лицамъ высовываніемъ языка священникамъ и дьякопамъ во время богослуженія; вступленіе на престолъ дало ему возможность проявить свое нерасположеніе къ православной церкви и ея духовенству и въ самой правительственной дѣятельности.

Мы не будемъ говорить объ общеизвѣстныхъ фактахъ, являвшихся результатами нескрываемаго презрѣнія новаго государя къ господствовавшей въ Россіи религіи, а упомянемъ только объ одномъ императорскомъ указѣ, прекрасно характеризующемъ отношенія верховной власти къ высшему органу церковнаго управленія. Указъ отъ 26 марта 1762 года [1])

[1]) Русская Старина. 1872 г. Т. VI, стр. 567—568. Данный указъ не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ, такъ какъ Синодъ, воспользовавшись смертью Петра III и открытымъ осужденіемъ всѣхъ его дѣйствій со стороны Екатерининскаго правительства, не только не исполнилъ императорское распоряженіе „сей указъ для всенароднаго извѣстія напечатать и къ настольнымъ указамъ присовокупить“, но и нашелъ возможнымъ уничтожить самые слѣды непріятнаго правительственнаго постановленія.

констатировалъ одно довольно характерное явленіе, прочно укоренившееся въ практикѣ синодальнаго управленія; по словамъ Петра III, челобитчики, обращавшіеся въ св. Синодъ съ жалобами на свое начальство или епархіальныхъ архіереевъ, послѣ продолжительной волокиты, обыкновенно, безъ всякаго рѣшенія, отсылались для разслѣдованія дѣла къ тѣмъ же епархіальнымъ преосвященнымъ, такъ что Синодъ, по мнѣнію государя, не только не исполнялъ возложенныхъ на него законныхъ обязанностей, но даже обнаруживалъ очевидное пристрастіе и дѣлалъ „одпѣ потачки“ епархіальнымъ начальникамъ, походя больше на опекуна знатнаго духовенства, чѣмъ на строгаго блюстителя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ. Въ доказательство такого незаконнаго, пристрастнаго отношенія св. Синода къ „знатному духовенству“, императоръ указывалъ на судьбу челобитныхъ извѣстнаго намъ дьякона Шаршановскаго и священника Бордяковскаго, жаловавшихся на своего черниговскаго архіерея. Въ видахъ прекращенія на будущее время соблазнительныхъ отношеній высшаго органа церковнаго управленія къ интересамъ правосудія, указъ повелѣвалъ Синоду не только немедленно дать безпристрастное рѣшеніе дѣлъ, возбужденныхъ челобитными Шаршановскаго и Бордяковскаго, но и всегда удовлетворять подобныя жалобы, не отсылая ихъ на разсмотрѣніе къ епархіальнымъ преосвященнымъ; въ заключеніе императорскаго указа было объявлено св. Синоду, что малѣйшее нарушеніе истины будетъ наказано, какъ злѣйшее государственное преступленіе.

При такихъ отношеніяхъ императорской власти къ св. Синоду, оберъ-прокуроръ, какъ представитель государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, смѣло могъ расчитывать, что теперь уже политика правительства въ сферѣ церковной жизни не будетъ имѣть того нерѣшительнаго, а иногда даже и не совсѣмъ послѣдовательнаго характера, какой она носила въ предшествовавшій періодъ, и что синодальный оберъ-прокуроръ въ своихъ столкновеніяхъ съ Синодомъ, вызывающихся различіемъ государственныхъ и церковныхъ интересовъ, не будетъ чувствовать недостатка въ необходимой фактической поддержкѣ верховной власти. Правда, царствованіе Петра III, по своей непродолжительности, не могло оказать замѣтнаго вліянія на положеніе прокуратуры въ св. Синодѣ, а Екатерина II въ первое время управленія государ-

ствомъ, въ силу особыхъ политическихъ соображеній, рѣзко осуждала отношенія своего предшественника къ православной церкви и русскому духовенству, но основной характеръ церковной политики Екатерининскаго правительства, несомнѣнно, былъ также очень благопріятенъ для синодальныхъ оберъ-прокуроровъ.

Въ исторической литературѣ довольно нерѣдко высказывалось вполнѣ справедливое мнѣніе, что Екатерина II, находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ философскихъ идей своего вѣка, смотрѣла на религію съ исключительной, политической точки зрѣнія и признавала за нею служебное значеніе, —значеніе моральнаго орудія, необходимаго государству въ дѣлѣ управленія простымъ народомъ. Разсматривая религію, какъ извѣстную политическую силу, которая, при неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ доказала печальная судьба Петра III, могла быть и небезопасной для верховной власти, Екатерина должна была стремиться къ тому, чтобы лишить русскую церковь и ея представителей самой возможности дѣйствовать несогласно съ видами правительства. И хотя въ первое время послѣ вступленія на престолъ, когда еще положеніе новой императрицы не могло считаться окончательно упроченнымъ и государыня сильно нуждалась въ сочувствіи вліятельнаго духовенства, Екатерина употребляла разнообразныя мѣры, чтобы вызвать къ себѣ довѣріе и расположеніе церкви, но лишь только она пріобрѣла увѣренность въ прочности своего положенія, какъ совершенно перестала стѣсняться приносить интересы духовенства въ жертву интересамъ государства и обнаружила явное намѣреніе правительства ослабить, ограничить силу и значеніе церкви и поставить высшій органъ церковнаго управленія въ положеніе учрежденія, завѣдующаго одними духовными дѣлами русскаго государства.

Выходя изъ основныхъ началъ современныхъ философскихъ идей, не допускавшихъ совмѣстнаго существованія въ государствѣ двухъ различныхъ властей и требовавшихъ обязательнаго ограниченія и ослабленія такой власти, которая руководится въ своей дѣятельности не одними только общегосударственными, но и собственными спеціальными законами и даже ставитъ ихъ выше государственныхъ, Екатерина признавала самую широкую зависимость церкви отъ государства

и, съ этой точки зрѣнія, находила возможнымъ называть себя главою русской церкви.

Правда, русское правительство, еще въ лицѣ Петра I, вполнѣ ясно и опредѣленно высказало свою государственную точку зрѣнія на церковь и довольно усердно проводило ее въ практическую жизнь, но Екатерина не могла удовлетвориться правительственными мѣрами предшествовавшаго времени, направленными къ практическому осуществленію государственной идеи Петра, такъ какъ онѣ не успѣли довести до конца дѣло, начатое преобразователемъ, и позволили духовенству сохранить въ своихъ рукахъ громадныя матеріальныя средства, создававшія возможность нежелательныхъ отношеній двухъ различныхъ властей въ государствѣ.

Еще московскіе государи XVII вѣка обнаруживали несомнѣнныя стремленія, направленныя къ ограниченію вотчинныхъ правъ духовенства, Петръ же и его ближайшіе преемники поставили на очередь вопросъ о совершенномъ уничтоженіи подобныхъ правъ. Но даже и такой рѣшительный и энергичный императоръ, какимъ былъ преобразователь Россіи, не останавливавшійся предъ самыми коренными реформами разнообразныхъ сторонъ государственной и народной жизни, обнаруживалъ нѣкоторую нерѣшительность и непослѣдовательность въ возбужденномъ имъ вопросѣ о совершенномъ уничтоженіи вотчинныхъ правъ духовенства.

Въ 1701 году Петръ приказалъ описать всѣ церковныя имущества и приставить къ нимъ свѣтскихъ управителей, а духовнымъ лицамъ давать, для ихъ содержанія, опредѣленное жалованье, остальные же доходы, получавшіеся съ описанныхъ вотчинъ, употреблять на различныя благотворительныя дѣла. Учрежденіе св. Синода заставило, однако, преобразователя снова передать въ руки духовенства отнятое у него управленіе монастырскими имуществами, хотя и необходимо замѣтить, что, отступая отъ началъ, принятыхъ въ 1721 году при организаціи управленія недвижимыми имуществами церкви, Петръ въ то же время остался вѣренъ самому себѣ въ вопросѣ объ употребленіи доходовъ, получавшихся съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Возвращая монастырямъ и архіерейскимъ домамъ отобранныя у нихъ вотчины, замѣчаетъ Милютинъ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи по

интересующему насъ вопросу [1]), Петръ не имѣлъ никакого намѣренія возвратить имъ и прежнее право на произвольное распоряженіе получаемыми доходами; напротивъ, онъ желалъ, чтобы монастырское, церковное хозяйство находилось подъ постояннымъ, строгимъ правительственнымъ контролемъ, и чтобы всѣ доходы духовенства, за вычетомъ суммъ, опредѣленныхъ на его содержаніе государственными законами, обязательно поступали на удовлетвореніе различныхъ общественныхъ нуждъ и, преимущественно, на устройство и содержаніе благотворительныхъ заведеній. Но преобразователь не успѣлъ издать опредѣленныхъ государственныхъ законовъ о размѣрахъ содержанія архіерейскихъ домовъ и монастырей, и составленіе задуманнаго имъ генеральнаго „церковнаго штата“ досталось на долю его преемниковъ.

Установленный преобразователемъ двоякій взглядъ на назначеніе церковныхъ вотчинъ, обязанныхъ, по мысли правительства, съ одной стороны, доставлять матеріальныя средства для различныхъ потребностей государства, а съ другой—удовлетворять и законныя нужды самихъ духовныхъ учрежденій, при отсутствіи „церковнаго штата“ и предоставленіи непосредственнаго завѣдыванія недвижимыми имуществами св. Синоду, получившему ихъ въ свое управленіе въ послѣдніе годы царствованія Петра, легко вызывалъ въ практической жизни разнообразныя явленія, крайне нежелательныя какъ для церкви, такъ и для самого государства.

Вполнѣ понятное стремленіе Синода извлекать изъ управленія церковными имуществами возможно бо́льшую пользу для своего вѣдомства не могло не нарушать существенныхъ интересовъ правительства и должно было побуждать его къ введенію различныхъ измѣненій въ организацію управленія монастырскими и архіерейскими вотчинами. Правда, верховная власть назначила въ св. Синодъ спеціальнаго представителя и защитника государственныхъ интересовъ, и оберъ-прокуроры, въ первое время своего существованія, обращали главное и преимущественное вниманіе на разнообразные вопросы финансоваго характера, но институтъ прокуратуры да-

---

[1]) «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“. Чтенія въ импер. общ. ист. и др. росс. 1861 г., стр. 523.

леко не обезпечивалъ правительству согласный съ его видами образъ дѣйствій высшаго церковнаго учрежденія, такъ какъ оберъ-прокуроры, поставленные въ неблагопріятныя условія и лишенные фактической возможности успѣшно пользоваться своими юридическими правами, нерѣдко оказывались совершенно безсильными бороться съ спеціально-церковными стремленіями св. Синода.

Единственное радикальное средство, способное гарантировать государству извлеченіе всей возможной матеріальной пользы изъ церковныхъ вотчинъ, правительство видѣло въ практическомъ осуществленіи проекта о непосредственномъ завѣдываніи государства архіерейскими и монастырскими недвижимыми имуществами, съ обязательнымъ обезпеченіемъ церковныхъ учрежденій опредѣленнымъ штатнымъ содержаніемъ, выдаваемымъ имъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ отобранныхъ вотчинъ. Правительственный проектъ, обязанный своимъ происхожденіемъ Петру I, вполнѣ раздѣлялся и его ближайшими преемниками, постепенно усиливавшими вліяніе государства въ управленіи церковными имуществами. Въ царствованіе Анны Іоанновны правительство сдѣлало, наконецъ, рѣшительный шагъ въ дѣлѣ практическаго осуществленія проекта преобразователя и передало въ непосредственное управленіе коллегіи экономіи всѣ вотчины духовенства за исключеніемъ только тѣхъ, которыя были спеціально предназначены для его содержанія Но постановленіе Анны Іоанновны не было еще окончательнымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ участи недвижимыхъ церковныхъ имѣній, такъ какъ въ скоромъ же времени правительство, подъ вліяніемъ жалобъ и просьбъ св. Синода, отступило отъ послѣдовательнаго проведенія своихъ собственныхъ идей, положенныхъ въ основу всей предшествовавшей церковной политики, и первоначально (при Аннѣ Леопольдовнѣ) передало управленіе „заопредѣленными“ вотчинами въ вѣдомство духовныхъ властей, обязавъ ихъ исправно и бездоимочно выплачивать въ коллегію экономіи доходы, получаемые съ вотчинъ, а затѣмъ (при Елизаветѣ Петровнѣ) и совершенно уничтожило самую коллегію экономіи. Возстановленіе старыхъ порядковъ въ управленіи монастырскими и архіерейскими вотчинами сопровождалось возобновленіемъ прежнихъ отношеній высшаго церковнаго учрежденія къ недвижимымъ имуществамъ своего вѣдомства, — от-

ношеній, крайне нежелательныхъ для интересовъ государства, что снова побудило императрицу Елизавету дать участіе свѣтской, государственной власти въ завѣдываніи церковными имѣніями [1]).

Петръ III, менѣе всего расположенный къ русскому духовенству и его интересамъ, не могъ удовлетвориться полумѣрами правительства предшествовавшаго времени и своимъ указомъ отъ 21 марта 1762 года [2]) задумалъ дать окончательное рѣшеніе вопроса о церковныхъ вотчинахъ; учрежденная имъ коллегія экономіи, поставленная въ непосредственную зависимость отъ Сената, получила въ свое управленіе всѣ синодальныя, монастырскія, архіерейскія и церковныя вотчины, крестьяне же, обработывавшіе церковныя земли на архіереевъ и монастыри, прекращали всякія обязательныя отношенія къ нимъ и должны были выплачивать опредѣленный денежный окладъ въ коллегію экономіи. Произведенное безъ должнаго вниманія ко многимъ сторонамъ сложнаго вопроса о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, быстрое и крутое преобразованіе управленія церковными имуществами вызвало отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны преемницы Петра III — Екатерины II, увидѣвшей необходимость временно вновь возвратить духовенству завѣдываніе отнятыми вотчинами. „Кажется“, писала Екатерина о распоряженіи Петра III въ своемъ указѣ отъ 12 августа 1762 года [3]), „надобность состояла только въ томъ, чтобъ отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобъ осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, и какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано“.

Но, не смотря на такой неблагопріятный отзывъ о рѣшительной правительственной мѣрѣ, предпринятой Петромъ III по отношенію къ церковнымъ вотчинамъ, и даже не смотря на временное возвращеніе ихъ въ руки духовенства, Екатерина вполнѣ раздѣляла современныя ей политическія воззрѣнія на монастырскія и архіерейскія имущества, какъ на

---

[1]) П. С. З. т. XIV, № 10,765.
[2]) П. С. З. т. XV, № 11,481.
[3]) П. С. З. т. XVI, № 11,643.

имущества государственныя, хотя въ первое время, подъ вліяніемъ извѣстныхъ соображеній, и находила неудобнымъ открыто высказывать подобныя мысли, а старалась замаскировать ихъ обычными напоминаніями правительственныхъ указовъ о необходимости употребленія излишнихъ церковныхъ богатствъ на законныя нужды и потребности государства. „Не имѣемъ Мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія“, писала Екатерина въ томъ же самомъ именномъ указѣ, „но только имѣемъ данную Намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ оныхъ употребленіи на славу Божію и пользу отечества“.

Лучшимъ средствомъ для практическаго осуществленія высказаннаго желанія о болѣе цѣлесообразномъ употребленіи церковныхъ имѣній императрица, подобно своему предшественнику Петру III, признавала полную секуляризацію монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ, но она считала возможнымъ провести въ жизнь эту важную и коренную реформу только послѣ предварительныхъ обстоятельныхъ обсужденій даннаго вопроса въ особой коммиссіи, предусмотрительно составленной изъ такихъ представителей церкви и государства, которые бы не только ясно понимали дѣйствительныя желанія и намѣренія Екатерины, не совсѣмъ опредѣленно высказывавшіяся дипломатичной императрицей, а и сами бы оказывали извѣстное содѣйствіе окончательному рѣшенію порученнаго имъ дѣла въ духѣ и видахъ правительства.

Въ составъ правительственной коммисіи, учрежденной Екатериной 29 ноября 1762 года [1]) для формально-законнаго разрѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ монастырскихъ и архіерейскихъ имуществъ, вошли, кромѣ свѣтскихъ лицъ и синодальнаго оберъ-прокурора Козловскаго, какъ спеціальнаго представителя государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, и нѣкоторые изъ членовъ св. Синода: новгородскій митрополитъ Димитрій и с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ. И хотя императрица, высказавшая въ особой инструкціи опредѣленный правительственный взглядъ на желательное назначеніе монастырскихъ вотчинъ, въ то же время, повидимому, предоставила коммиссіи и относительную свободу

[1]) П. С. З. т. XVI, № 11,716

дѣйствій, замѣтивъ, что она имѣетъ право „или Нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучшее еще и богоугоднѣйшее къ пользѣ народной придумаетъ, Намъ представить“ [1]), но засѣдавшіе въ коммиссіи члены св. Синода прекрасно понимали истинный смыслъ подобныхъ правительственныхъ заявленій и считали далеко небезопаснымъ для себя идти противъ господствовавшаго теченія и отстаивать свои спеціально-церковные интересы, съ которыми такъ часто приходили въ столкновенія синодальные оберъ-прокуроры. Понятно, что, при такихъ отношеніяхъ синодальныхъ членовъ къ интересамъ своего вѣдомства, вопросъ о матеріальныхъ богатствахъ церкви могъ считаться предрѣшеннымъ въ извѣстномъ смыслѣ уже въ самомъ началѣ дѣятельности коммиссіи, и послѣдней оставалось только осуществить въ практической жизни желаніе Екатерины.

Несомнѣнное стремленіе государственной власти окончательно лишить церковь громадныхъ матеріальныхъ средствъ не могло встрѣтить никакого противодѣйствія и протеста не только среди духовныхъ членовъ коммиссіи, но даже и со стороны самого св. Синода, такъ какъ Екатерина позаботилась пополнить его наличный составъ или архіереями, вполнѣ преданными ей, или же людьми маловліятельными и неспособными энергично отстаивать интересы духовнаго вѣдомства. И когда, къ величайшему неудовольствію правительства, въ рядахъ духовенства раздался смѣлый голосъ ростовскаго митрополита Арсенія Маціевича, рѣшительно возставшаго противъ очевидныхъ намѣреній императрицы, синодальные члены не только не воспользовались въ достаточной степени мотивированнымъ протестомъ ростовскаго митрополита, доставлявшимъ Синоду возможность обсуждать вопросъ о церковныхъ имуществахъ не исключительно только съ одной государственной точки зрѣнія, но и поспѣшили предупредительно выдать Арсенія верховной власти и присудили его, за смѣлую и самоотверженную защиту интересовъ церкви, къ такому тяжелому наказанію, что оставили еще мѣсто проявленію „человѣколюбія“ Екатерины по отношенію къ „дерзкому и безумному фанатику, преступному въ предпріятіи, противномъ православной вѣрѣ и верховной власти“ [2]). Поведеніе

---

[1]) Тамъ же, п. 14, стр. 123.

[2]) Сборникъ р. истр. общ. Т. X, стр. 37.

св. Синода въ дѣлѣ Арсенія Маціевича убѣдило Екатерину въ полнѣйшей возможности не стѣсняться въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ интересами и желаніями высшаго органа церковнаго управленія и открыто заявить ему о своемъ безповоротномъ рѣшеніи превратить всѣ монастырскія и архіерейскія вотчины въ государственныя имущества.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться на дальнѣйшихъ перипетіяхъ исторіи секуляризаціи церковныхъ имуществъ; если мы позволили себѣ бросить ретроспективный взглядъ на всю исторію вопроса о церковныхъ вотчинахъ, то сдѣлали это исключительно съ тою цѣлью, чтобы уяснить характеръ отношеній государственной власти Екатерининскаго времени къ высшему церковному учрежденію, поставленному императрицей въ положеніе послушнаго орудія верховной власти, вынужденнаго, въ видахъ указанныхъ правительствомъ государственныхъ цѣлей, безпрекословно жертвовать даже самыми существенными интересами своего вѣдомства.

Констатируемый нами, смѣлый и рѣшительный характеръ отношеній государственной власти къ св. Синоду особенно рельефно выразился въ извѣстной рѣчи Екатерины къ членамъ высшаго церковнаго учрежденія, сказанной императрицей въ скоромъ времени послѣ осужденія и заточенія Арсенія Маціевича [1]). Называя синодальныхъ членовъ „государственными особами“, состоящими подъ властью монарха, Екатерина рѣзко укоряла ихъ въ своей рѣчи въ обладаніи громадными богатствами, дававшими имъ полную возможность, „совершенно противно своему званію, жить въ преизбыточествѣ благъ земныхъ». Искусно подчеркивая преемственную связь архіереевъ съ апостолами, которые и сами были бѣдны и другимъ внушали презрѣніе къ богатствамъ, она рекомендовала Синоду проникнуться мыслью, что царство церкви „не отъ міра сего“, иронически замѣчая, что эту послѣднюю фразу она слышала изъ устъ самого же духовенства. Императрица высказывала предъ Синодомъ свое удивленіе, какъ могутъ представители церкви, съ спокойною совѣстью, пользоваться громадными богатствами и имѣть безпредѣльныя земельныя владѣнія, дѣлающія ихъ, по могуществу, рав-

[1]) Чтенія въ импер. общ. исг. и др. росс. 1862 г., кн. 2, стр. 187—188.

ными самимъ царямъ. Она рѣшительно называла всѣ земельныя владѣнія духовенства похищенными у государства и категорически заявляла, что церковь не можетъ удерживать ихъ въ своихъ рукахъ, не оказывая явной несправедливости по отношенію къ государству. Въ заключеніе же своей необыкновенно рѣзкой рѣчи Екатерина поставила членовъ св. Синода въ совершенно безвыходное положеніе, замѣтивъ имъ, что если они повинуются законамъ и, дѣйствительно, являются вѣрнѣйшими подданными своей государыни, то не замедлятъ возвратить государству все то, чѣмъ владѣли неправильнымъ образомъ.

„Никогда, ни прежде, ни послѣ, Синодъ не слышалъ ничего подобнаго", замѣчаетъ по поводу цитированной рѣчи историкъ Екатерины II, Бильбасовъ [1]). „Въ этой рѣчи, блистательной по смѣлости замысла и эффектной по рѣзкости выраженія", по его словамъ, „вылилась вся Екатерина съ ея дерзкою увѣренностью въ безнаказанности" и съ рѣдкой, выдающеюся откровенностью. Архіереи — не служители алтаря, не духовные сановники, но „государственныя особы", „вѣрнѣйшіе подданные"; для нихъ власть монарховъ должна быть выше всего. Они, „преемники апостоловъ", обязанные внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ, виноваты тѣмъ, что „по могуществу равны царямъ" и что у нихъ „много подвластныхъ". Помня свой поступокъ съ Арсеніемъ, члены Синода должны были покорно выслушать императорскую рѣчь, полную изысканной укоризны и нескрываемаго презрѣнія къ нимъ. Они какъ рабы, предали Арсенія свѣтской власти; теперь свѣтская власть поработила ихъ" [2]).

Безъ сомнѣнія, подобный характеръ отношеній верховной власти къ св. Синоду, обнаружившійся въ болѣе смѣлыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ правительства, направленныхъ къ подчиненію государственнымъ интересамъ ближайшихъ интересовъ церкви и духовенства, не могъ не отразиться извѣстнымъ образомъ и на положеніи оберъ прокурора въ церковномъ управленіи. Екатерина, открыто высказавшая предъ Синодомъ вполнѣ опредѣленныя стремле-

---

[1]) Исторія Екатерины II. Томъ II, стр. 247.

[2]) Тамъ же, стр. 248.

нія правительства къ подчиненію церкви государству, по необходимости, должна была содѣйствовать усиленію фактическаго вліянія оберъ-прокурорской власти на Синодъ, такъ какъ прокуратура являлась ближайшимъ и непосредственнымъ орудіемъ проведенія въ практическую жизнь церковной политики правительства.

Очень вѣроятно, что при болѣе смѣлыхъ и рѣшительныхъ отношеніяхъ правительства къ интересамъ церкви и духовенства, Екатерина въ скоромъ же времени почувствовала нужду и въ новомъ представителѣ синодальной прокуратуры, который бы вполнѣ раздѣлялъ современныя воззрѣнія на религію и церковную жизнь, господствовавшія въ передовыхъ просвѣщенныхъ кружкахъ западно-европейскаго и русскаго общества. И дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ знаменитой рѣчи императрицы, съ полною откровенностью высказавшей свой взглядъ на св. Синодъ и его обязанности по отношенію къ государству, Екатерининское правительство признало полезнымъ устранить отъ дѣлъ стараго Елизаветинскаго оберъ-прокурора, и указомъ отъ 9 іюня 1763 года [1]) Алексѣй Семеновичъ Козловскій былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности.

При новыхъ, либеральныхъ взглядахъ на религію и церковь, выработанныхъ французской философіей и нашедшихъ себѣ усердную послѣдовательницу въ лицѣ русской государыни, выборъ преемника Козловскому долженъ былъ остановиться на такой личности, которая бы вполнѣ раздѣляла воззрѣнія на религію и церковь, господствовавшія въ передовой части современнаго Екатеринѣ западно-европейскаго и русскаго общества и усвоенныя самой императрицей. Такимъ лицомъ, обратившимъ на себя вниманіе Екатерины и признаннымъ ею способнымъ удовлетворительно выполнять оберъ-прокурорскія обязанности, оказался бывшій директоръ московскаго университета [2]), Иванъ

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1763 г. (іюня 18) № 15.

[2]) Сочиненія Фонвизина. Изд. Ефремова. 1866 г. стр. 537.— Записки А. Т. Болотова, т. IV, стр. 542.— Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2, кн. 6, стр. 257.

Ивановичъ Мелиссино, 10 іюня 1763 года избранный императрицей на постъ синодальнаго оберъ-прокурора, пожалованный ею, по случаю новаго назначенія, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получившій право на высшій, въ сравненіи съ размѣрами вознагражденія прежнихъ оберъ-прокуроровъ, 2-хъ тысячный окладъ годового жалованья [1]).

Характеръ отношеній Екатерины къ русскому духовенству и его интересамъ дѣлаетъ несомнѣннымъ, что императрица, открыто заявившая свой взглядъ на членовъ св. Синода, какъ на „государственныхъ особъ и вѣрнѣйшихъ подданныхъ", обязанныхъ преслѣдовать въ своей дѣятельности цѣли, указанныя правительствомъ, должна была придавать большое значеніе власти синодальнаго оберъ-прокурора и не могла не оказывать значительнаго содѣйствія развитію фактическаго вліянія прокуратуры на высшее церковное управленіе. Прекрасно сознавая, что для дѣйствительнаго, фактическаго вліянія государства на св. Синодъ, а чрезъ него и на всю церковную жизнь, недостаточно еще одного назначенія оберъ-прокурора изъ числа лицъ, вполнѣ раздѣлявшихъ взгляды и намѣренія императрицы, а необходимо и предварительное основательное практическое знакомство вновь избираемаго представителя прокуратуры со всѣми особенностями церковнаго управленія, Екатерина, въ скоромъ же времени послѣ назначенія новаго оберъ-прокурора, позаботилась и о заблаговременной практической подготовкѣ опытнаго преемника Мелиссино.

19 августа 1763 года св. Синодъ получилъ отъ императрицы Екатерины именной указъ о назначеніи за оберъ-прокурорскій столъ особаго чиновника, въ лицѣ камеръ-юнкера Григорія Потемкина. Очень вѣроятно, что, озабочиваясь заблаговременной практической подготовкой опытныхъ представителей прокуратуры, Екатерина въ то же время имѣла въ виду назначеніемъ Потемкина за оберъ-прокурорскій столъ въ значительной степени облегчить тяжелый трудъ новаго оберъ-прокурора, такъ какъ бывшій директоръ университета не могъ не чувствовать серьезныхъ затрудненій въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, по случаю происходив-

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1763 г. (іюня 18) № 15.— Дѣло 1764 г. (сен. 6) № 7.

шей тогда въ высшей степени сложной разработки вопроса о предстоявшей секуляризаціи церковныхъ имѣній.

Въ силу императорскаго указа, камеръ-юнкеръ Потемкинъ долженъ былъ постоянно присутствовать въ св. Синодѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, внимательно слушать разсматривавшіяся дѣла, читать всевозможныя синодальныя резолюціи, даже принимать ближайшее участіе въ ихъ составленіи и, вообще, пользоваться всевозможными средствами для полнаго и основательнаго ознакомленія со всѣми обязанностями прокуратуры въ церковномъ управленіи, чтобы со временемъ имѣть возможность принять на себя и дѣйствительное исполненіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей [1]). Въ инструкціи, данной Потемкину, Екатерина предписывала своему камеръ-юнкеру: 1) подробно ознакомиться со всѣми спеціальными узаконеніями, имѣющими отношеніе къ церковному управленію, 2) обязательно присутствовать въ Синодѣ не только во время собранія его членовъ, но и въ другіе часы, 3) внимательно изучать дѣла, приготовленныя къ докладу. 4) тщательно слѣдить за составленіемъ протоколовъ и сличать ихъ съ подлинными резолюціями синодальныхъ членовъ, 5) принимать, по возможности, личное, непосредственное участіе въ составленіи важныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и 6) наконецъ, во время отсутствія или болѣзни оберъ-прокурора, являться къ государынѣ съ докладами по текущимъ синодальнымъ дѣламъ и записывать ея повелѣнія въ св. Синодѣ [2]).

Правда, первый опытъ практической подготовки правительственныхъ чиновниковъ для замѣщенія оберъ-прокурорской должности оказался неудачнымъ и не привился къ дѣйствительной жизни въ Екатерининскій вѣкъ. Екатерина, какъ извѣстно, въ дѣйствительности никогда не назначала Потемкина синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, и уже въ началѣ слѣдующаго года оберъ-прокуроръ Мелиссино, получившій разрѣшеніе на 3-хъ недѣльный отпускъ въ Москву, обратился къ Синоду съ такимъ предложеніемъ, которое могло быть

---

[1]) Архивъ св Синода. Дѣло 1763 г. (авг. 19) № 16, стр. 1.—Сборникъ р. ист. общ. Т. VII, стр. 316.

[2]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1763 г. № 16, стр. 2—3.—Сборн. р. ист. общ. Т. VII, стр. 317—318.

умѣстнымъ только при отсутствіи въ высшемъ церковномъ учрежденіи спеціальнаго правительственнаго чиновника, обязаннаго, по мысли императорской инструкціи, временно, за отсутствіемъ или болѣзнью оберъ-прокурора, исполнять его обязанности; „на время моей отлучки“, писалъ Мелиссино 29 января 1764 года [1]), „оберъ-прокурорскую должность въ св. Синодѣ предлагаю править синодальному оберъ-секретарю господину Остолопову“. Но для насъ, въ данномъ случаѣ, имѣютъ значеніе не результаты сдѣланнаго правительствомъ распоряженія, а самые взгляды Екатерины на желательныя отношенія къ св. Синоду со стороны представителей прокуратуры,—взгляды, очень ясно выраженные въ разсмотрѣнной инструкціи Потемкину, такъ какъ нѣтъ основаній думать, что требованія строжайшаго, внимательнаго контроля за дѣятельностью св. Синода и ближайшаго участія въ церковномъ управленіи, предъявлявшіяся императрицей къ чиновнику за оберъ-прокурорскимъ столомъ, могли отличаться отъ требованій, предъявлявшихся правительствомъ къ самому синодальному оберъ-прокурору. Не слѣдуетъ забывать, что, назначая Потемкина за оберъ-прокурорскій столъ, Екатерина предписала ему всесторонне ознакомиться съ обязанностями прокуратуры въ церковномъ управленіи, чтобы со временемъ имѣть возможность принять на себя и дѣйствительное исполненіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей.

Конечно, подобныя требованія, предъявляемыя верховною властью къ оффиціальному представителю государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, не заключали въ себѣ почти ничего новаго, сравнительно съ тѣмъ, къ чему онъ обязывался оберъ-прокурорской инструкціей 1722 года, и только развивали и разъясняли основную идею Петра, но, при извѣстныхъ намъ отношеніяхъ императрицы къ св. Синоду и церковной жизни, прокуратура Екатерининскаго времени получала достаточныя основанія разсчитывать на благопріятныя условія для своей дѣятельности, дававшія ей, повидимому, полную возможность осуществлять на практикѣ цѣли и намѣренія правительства и подчинять своему сильному вліянію высшій органъ церковнаго управленія.

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1764 г. (янв. 29) № 6.

Екатерина не только юридически признавала за оберъ-прокуроромъ св. Синода важное право непосредственныхъ сношеній съ верховною властью по дѣламъ церковнаго управленія, какъ можно видѣть изъ 6-го пункта ея инструкціи Потемкину, но и фактически довольно часто пользовалась посредничествомъ оберъ-прокурора въ разнообразныхъ дѣлахъ духовнаго вѣдомства. Мелиссино, докладывавшій императрицѣ о положеніи дѣлъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи, въ то же время получалъ отъ Екатерины различныя приказанія или рескрипты, уполномочивавшіе его передать св. Синоду то или другое порученіе верховной власти.

„Иванъ Ивановичъ!“ писала, напримѣръ, Екатерина въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ на имя оберъ-прокурора Мелиссино. „Посланнаго при семъ, тамбовской епархіи, попа Іосію Іоникіева, подавшаго ко мнѣ продерзостное ...челобитье,... изволите, объявя сей мой въ Синодъ указъ, послать въ какой нибудь монастырь на нѣкоторое время для усмиренія подъ началъ, гдѣ противъ монаха и содержаніе ему опредѣлите“ [1]).—14 января 1767 года императрица обратилась къ Мелиссино съ аналогичнымъ же порученіемъ, предписавъ ему предложить св. Синоду лишить священника тамбовской епархіи Алексѣя Васильева всякой возможности безпокоить государыню частыми жалобами на притѣсненія и обиды, испытываемыя имъ отъ одного сильнаго лица [2]).—Въ 1767 году студентъ-миссіонеръ Грязновъ обратился въ св. Синодъ съ просьбою о постриженіи въ монашество; Синодъ нашелъ его вполнѣ достойнымъ поступленія въ монашество, но такъ какъ, въ силу высочайшаго распоряженія, новыя постриженія были запрещены до тѣхъ поръ, пока не будутъ размѣщены всѣ монахи, оставшіеся за штатомъ послѣ извѣстной реформы Екатерины, то онъ увидѣлъ необходимость представить Екатеринѣ особый докладъ по возбужденному вопросу, но сдѣлалъ это не путемъ непосредственныхъ сношеній съ верховною властью, а чрезъ своего оберъ-прокурора Мелиссино. Тому же Мелиссино нашла нужнымъ поручить передачу своего отвѣта св. Синоду и императрица Екатерина [3]).

---

[1]) Русскій Архивъ. 1870 г., стр. 750, II.
[2]) Тамъ же, стр. 751—752, III.
[3]) Тамъ же стр. 757—758, V.

Во время своего путешествія по Волгѣ Екатерина получила отъ одного казанскаго купца оригинальный образъ Святой Троицы съ тремя лицами и четырьмя глазами. Признавая крайне нежелательнымъ существованіе такихъ странныхъ иконъ и опасаясь возможности распространенія и даже дальнѣйшаго развитія „соблазнительнаго“ иконописанія, императрица отослала поднесенный образъ къ синодальному оберъ-прокурору, предписавъ Мелиссино предложить его вниманію св. Синода и доложить ей, позволено ли дѣлать подобные образа. Но, не желая подвергать непріятнымъ послѣдствіямъ формальнаго разслѣдованія возбуждаемаго дѣла простодушнаго купца, нисколько не виновнаго въ пылкой фантазіи художника и поднесшаго икону отъ избытка вѣрноподданическихъ чувствъ, Екатерина дала знать оберъ-прокурору, чтобы онъ освободилъ казанскаго коммерсанта отъ строгихъ допросовъ [1]). Когда Синодъ, возмущенный нелѣпымъ и непристойнымъ изображеніемъ Св. Троицы, выразилъ желаніе, чтобы нигдѣ не писали иконъ и не выпускали ихъ въ продажу „безъ апробаціи“ спеціальныхъ синодальныхъ живописцевъ, о чемъ оберъ-прокуроръ и довелъ до свѣдѣнія императрицы, Екатерина въ особомъ письмѣ на имя Мелиссино признала предполагавшееся распоряженіе неудобнымъ во многимъ отношеніяхъ и рекомендовала ограничиться одними указами епархіальнымъ архіереямъ, чтобы на будущее время нигдѣ не допускались такія неприличныя изображенія [2]). Синодъ долженъ былъ измѣнить свое первоначальное намѣреніе и исполнить переданную оберъ-прокуроромъ волю императрицы.

Тѣ же обязанности посредника, получавшаго разнообразныя повелѣнія отъ самой верховной власти, сообщавшаго ихъ, въ видѣ особыхъ предложеній, высшему церковному учрежденію и докладывавшаго государынѣ о всевозможныхъ постановленіяхъ Синода, — обязанности, въ высшей степени важныя въ дѣлѣ фактическаго усиленія оберъ-прокурорскаго вліянія на церковное управленіе, имѣлъ возможность выполнять Мелиссино и во многихъ другихъ случаяхъ, побуждавшихъ Екатерину пользоваться его посредничествомъ для сообщенія Синоду своихъ распоряженій. 22 іюля 1765 года оберъ-про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 758—759, VI.
[2]) Тамъ же, стр. 763, VII.

куроръ предложилъ вниманію св. Синода полученный отъ императрицы указъ объ оставленіи въ должности уволеннаго синодальнаго живописца Антропова и о вознагражденіи его жалованьемъ изъ доходовъ коллегіи экономіи. Синодъ чрезъ оберъ-прокурора представилъ государынѣ особую записку, гдѣ рѣшительно высказался, что, съ назначеніемъ для наблюденія за иконописцами художника Колокольникова, обязавшагося служить въ синодальномъ вѣдомствѣ безъ всякаго жалованья, нѣтъ никакой нужды въ Антроповѣ, но Екатерина поручила Мелиссино „произвесть въ надлежащее дѣйство“ свое первоначальное распоряженіе объ уволенномъ художникѣ, и, по предложенію оберъ-прокурора, св. Синодъ долженъ былъ опредѣлить Антропова на штатную службу [1]).—Въ 1765 году Мелиссино, отъ имени императрицы, предложилъ св. Синоду выбрать 10 человѣкъ изъ лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій и отправить ихъ въ Англію для обученія высшимъ наукамъ (не исключая и богословія) и восточнымъ языкамъ въ оксфордскомъ и кембриджскомъ университетахъ; оберъ-прокурорское предложеніе было исполнено, и Синодъ командировалъ въ иностранные университеты нѣсколькихъ способныхъ семинаристовъ [2]).—Въ сентябрѣ 1767 года скончался настоятель московскаго Успенскаго собора, протопопъ Ѳеодоръ Листіевъ, и въ то время, какъ Синодъ намѣревался сдѣлать постановленіе о назначеніи новаго соборнаго настоятеля, оберъ-прокуроръ, на основаніи рескрипта, полученнаго отъ императрицы, предложилъ ему опредѣлить на мѣсто умершаго протоіерея брата законоучителя наслѣдника престола [3]).

Повидимому, во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ посредничества оберъ-прокурора между верховною властью и св. Синодомъ высшее церковное учрежденіе должно было исполнять не оберъ-прокурорскія предложенія, а распоряженія и указы самой императрицы, которые, конечно, всегда имѣли для него обязательную силу, совершенно независимо отъ способа ихъ передачи, но не слѣдуетъ забывать, что, пользуясь правомъ дѣлать доклады государынѣ по текущимъ синодальнымъ дѣламъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 745—750, I.
[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2, кн, 6, стр, 257—258.
[3]) Русскій Архивъ. 1870 г., стр. 766, IX.

Мелиссино могъ иногда представлять ихъ въ глазахъ императрицы въ желательномъ для себя свѣтѣ и такимъ путемъ вызывать по адресу св. Синода тѣ или другія распоряженія Екатерины.

Выслушивая отъ оберъ-прокурора разнообразныя предложенія, обоснованныя на желаніяхъ верховной власти, дѣйствовавшей, въ лицѣ Екатерины, довольно рѣшительнымъ образомъ въ наиболѣе важныхъ вопросахъ церковной жизни, св. Синодъ иногда долженъ былъ чувствовать себя вынужденнымъ подчиняться вліянію прокуратуры и исполнять ея предложенія даже въ тѣхъ случаяхъ, если Мелиссино затрогивалъ самые существенные интересы духовнаго вѣдомства. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣетъ для насъ одно оберъ-прокурорское предложеніе, вызванное положеніемъ недвижимыхъ имуществъ въ Малороссіи.

Какъ извѣстно, учрежденная Екатериной коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ успѣшно выполнила трудную задачу, возложенную на нее правительствомъ, и 26 февраля 1764 года [1]) государство навсегда отобрало у духовнаго вѣдомства архіерейскія и монастырскія вотчины. Но секуляризаціонная операція, доставившая государству грамадныя выгоды, была произведена въ первое время исключительно только въ великорусскихъ губерніяхъ, въ предѣлахъ же Малороссіи монастыри и архіерейскіе дома по-прежнему еще продолжали владѣть церковными вотчинами. Руководясь желаніемъ императрицы, стремившейся распространить секуляризацію монастырскихъ имуществъ и на Малороссію, оберъ-прокуроръ въ 1766 году обратился къ св. Синоду съ предложеніемъ, имѣвшимъ въ виду побудить его предупредительно пойти на встрѣчу намѣреніямъ и видамъ правительства.—Ея императорское величество избавило духовенство отъ мірской суеты и отъ того „зазрѣнія“, въ какомъ оно находилось, поставленное въ необходимость заботиться о мірскихъ дѣлахъ, писалъ въ своемъ предложеніи Мелиссино, намекая на состоявшееся отобраніе церковныхъ имуществъ. По его словамъ, св. Синодъ уже на опытѣ убѣдился въ блаженствѣ своемъ подъ державою православной монархини, почему оберъ-прокуроръ и внушалъ ему „за долгъ званія своего принять и просить ея императорское величество, чтобы она ту же матернюю свою щедроту изліяла и на духовный въ Малороссіи живущій чинъ“. Въ качествѣ главныхъ по-

[1]) П. С. З. т. XVI, № 12,060.

будительныхъ причинъ къ введенію желательной реформы въ Малороссіи, представитель государственныхъ интересовъ указывалъ на многочисленные безпорядки въ управленіи церковными вотчинами и безконечные судебные процессы между владѣльцами имѣній.

Какъ ни тяжелы были въ дѣйствительности для духовенства тѣ „материя щедроты“ Екатерины, которыя правительство стремилось распространить и на Малороссію, и какъ ни рѣзко расходились, въ данномъ случаѣ, интересы Синода съ желаніями прокуратуры, но высшій органъ церковнаго управленія, имѣвшія случай убѣдиться въ серьезной опасности противодѣйствія правительственнымъ планамъ, долженъ былъ исполнить предложеніе Мелиссино и 15 сентября 1766 года подалъ императрицѣ докладъ, составленный въ духѣ оберъ-прокурорскаго предложенія [1]).

Говоря о значительномъ вліяніи констатируемаго нами положенія синодальной прокуратуры на фактическое усиленіе оберъ-прокурорской власти въ сферѣ церковнаго управленія, необходимо, однако, замѣтить, что даже и во время Екатерининскаго царствованія посредничество оберъ-прокурора не являлось еще обязательнымъ и необходимымъ условіемъ всѣхъ сношеній верховной власти съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ. Разсматривая оберъ-прокурора, какъ оффиціальнаго представителя государственныхъ интересовъ въ синодальномъ управленіи, и пользуясь его посредничествомъ въ своихъ сношеніяхъ съ св. Синодомъ, Екатерина въ то же время не считала важное право сношеній съ верховною властью исключительною привиллегіей прокуратуры и нерѣдко передавала свои распоряженія по духовному вѣдомству чрезъ кого-либо изъ самихъ же синодальныхъ членовъ.

Еще въ началѣ 1763 года, нѣсколько ранѣе назначенія Мелиссино на должность синодальнаго оберъ-прокурора, императрица дала на имя Синода особый указъ, узаконявшій порядокъ сношеній верховной власти съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, не совсѣмъ благопріятный для интересовъ его оберъ прокурора. „Указы Наши словесные принимать повелѣваемъ“, писала Екатерина св. Синоду [2]), „отъ членовъ св.

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2, кн. 6, стр. 301.
[2]) П. С. З. т. XVI, № 11,746.

Синода, отъ генералъ-прокурора и оберъ-прокурора синодскаго, отъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ и отъ правящаго нашимъ Кабинетомъ". Въ приведенномъ именномъ императорскомъ указѣ верховная власть предоставляла право передачи св. Синоду различныхъ словесныхъ высочайшихъ повелѣній не только оберъ-прокурору, но и самимъ синодальнымъ членамъ и даже, повидимому, отводила имъ, въ данномъ случаѣ, первое мѣсто.

Неудивительно, что, при существованіи подобныхъ правительственныхъ взглядовъ на порядокъ передачи высочайшей воли св. Синоду, императрица нерѣдко и въ дѣйствительности сообщала ему свои повелѣнія не чрезъ оберъ-прокурора, а чрезъ кого-либо изъ синодальныхъ членовъ. 7 ноября 1764 года петербургскій архіепископъ Гавріилъ въ письменномъ предложеніи объ-явилъ Синоду императорское распоряженіе о немедленномъ распредѣленіи по монастырямъ всѣхъ монаховъ и монахинь, въ изобиліи бродившихъ по улицамъ Москвы и выпрашивавшихъ подаянія [1]).—10 декабря 1766 года другой синодальный членъ, новгородскій митрополитъ Димитрій сообщилъ св. Синоду приказаніе Екатерины, чтобы въ польскіе монастыри, находившіеся въ вѣдѣніи кіевскаго митрополита и переяславскаго архіерея, ни въ какомъ случаѣ не назначались настоятелями природные поляки, а чтобы непремѣнно опредѣлялись туда мѣстные благонадежные малороссіяне [2]).

Въ свою очередь и Синодъ имѣлъ возможность дѣлать доклады верховной власти безъ обязательнаго посредничества оберъ-прокурора. 15 декабря 1766 года св. Синодъ, занимавшійся исправленіемъ „послѣдованія въ недѣлю православія", постановилъ поднести новоисправленный чинъ императрицѣ, а 19 декабря новгородскій митрополитъ Димитрій объявилъ въ собраніи синодальныхъ членовъ, что онъ исполнилъ порученіе и представилъ государынѣ измѣненный „чинъ" или „зборное чиноположеніе", какъ назвала его сама Екатерина [3]).

Возможность непосредственныхъ сношеній св. Синода съ верховною властью не могла не отражаться извѣстнымъ образомъ на положеніи прокуратуры и ея фактическомъ вліяніи на ходъ

---

[1]) Тамъ же, № 12,279.
[2]) Тамъ же, т. XVII, № 12,798.
[3]) Русскій Архивъ. 1870 г. стр. 752—757.

дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Чувствуя себя совершенно безсильнымъ энергично противодѣйствовать вліянію оберъ-прокурора въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній выступалъ съ своими предложеніями отъ имени верховной власти, и безпрекословно исполняя даже самыя непріятныя и тяжелыя требованія Екатерины, предъявлявшіяся ея оффиціальнымъ представителемъ въ церковномъ управленіи, св. Синодъ находилъ еще въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ, чтобы парализовать стремленія Мелиссино подчинить синодальныхъ членовъ вліянію современныхъ имъ передовыхъ философскихъ идей о религіи и церковномъ устройствѣ.

Мы имѣемъ въ виду небезизвѣстный фактъ предложенія св. Синоду особыхъ оберъ-прокурорскихъ „пунктовъ“, предназначенныхъ служить руководствомъ при составленіи наказа для синодальнаго депутата Екатерининской коммиссіи 1767 года. Въ 1767 году должна была открыть свои дѣйствія учрежденная императрицей Большая коммиссія, призванная Екатериной къ составленію проекта новаго уложенія, затрогивавшаго самыя разнообразныя стороны русской государственной и народной жизни. Синодъ, получившій право послать въ коммиссію своего депутата, долженъ былъ выработать для него опредѣленный наказъ, съ точнымъ обозначеніемъ тѣхъ нуждъ русской церковно-общественной жизни, какія, по его мнѣнію, слѣдовало представить на обсужденіе депутатскаго собранія.

Напоминая высшему церковному учрежденію о необходимости поспѣшить составленіемъ наказа синодальному депутату, Мелиссино въ іюнѣ 1767 года предложилъ Синоду разсмотрѣть написанные имъ „пункты“ и воспользоваться ими при сочиненіи депутатскаго наказа или же представить ихъ на обсужденіе самой коммиссіи; если же нѣкоторые пункты, писалъ оберъ-прокуроръ, „разсудится совсѣмъ отмѣнить“, то въ такомъ случаѣ синодальные члены обязаны представить надлежащія объясненія, по какимъ уважительнымъ причинамъ они находятъ необходимымъ отмѣнить тотъ или другой пунктъ [1]).

---

[1]) Чтенія въ имп. общ. ист. и др. росс. 1871 г. кн. 3, отд. V, стр. 114.

Хотя пункты Мелиссино [1]), затрогивавшіе разнообразныя стороны церковно-общественной жизни, и были составлены въ формѣ вопросовъ, которые предлагалось рѣшить Синоду, по его собственному усмотрѣнію, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, но самые вопросы были изложены въ такой формѣ, съ такими ясными указаніями на характеръ желательныхъ отвѣтовъ и съ такою подробною мотивировкой законности желательнаго рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, что дѣлали несомнѣннымъ очевидное стремленіе оберъ-прокурора оказать извѣстное вліяніе на членовъ высшаго церковнаго учрежденія и побудить ихъ предупредительно отнестись къ видамъ и намѣреніямъ правительства.

Указывая на правительственныя распоряженія о вызовѣ въ Россію иностранцевъ, Мелиссино спрашивалъ въ своихъ пунктахъ, не слѣдуетъ ли предоставить совершенную свободу вѣроисповѣданія иностранцамъ, приглашаемымъ въ русскую землю самимъ же правительствомъ? [2]) Отмѣчая несомнѣнное существованіе въ мірѣ раскольниковъ многихъ нежелательныхъ явленій, вызванныхъ репрессивными мѣрами по отношенію къ нимъ со стороны церковнаго и гражданскаго правительства, оберъ-прокуроръ ставилъ на очередь вопросъ, не слѣдуетъ ли, въ видахъ предупрежденія бо́льшаго зла, позволить имъ публично совершать свои богослуженія и имѣть собственное духовенство? [3]) Ссылаясь на Св. Писаніе и утверждая, что оно узаконило только добровольные посты, а также указывая на Апостольскія Правила, установившія обязательные посты не въ томъ видѣ, въ какомъ они впослѣдствіи утвердились въ церковной практикѣ, оберъ-прокуроръ предлагалъ рѣшить вопросъ, не представляется ли возможнымъ, „въ разсужденіи Св. Писанія“, позаботиться объ ослабленіи и сокращеніи православныхъ постовъ? [4]) Констатируя, что Кормчая Книга считается „непросвѣщеннымъ народомъ“ сборникомъ настоящихъ и безусловно-обязательныхъ церковныхъ правилъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она, по мнѣнію Мелиссино, заключаетъ въ себѣ множество погрѣшностей, противорѣчій и лиш-

---

[1]) Тамъ же, стр. 115—121.
[2]) Тамъ же, пунктъ 1.
[3]) Тамъ же, п. 2.
[4]) Тамъ же, п. 3.

нихъ прибавокъ, оберъ-прокуроръ спрашивалъ, не будетъ ли полезно заняться ея исправленіемъ? [1]) Основываясь на Духовномъ Регламентѣ и нѣскольскихъ указахъ, возстававшихъ противъ распространенія суевѣрій, порождаемыхъ ложными чудотворными иконами и мощами, Мелиссино предлагалъ вопросъ, не слѣдуетъ ли очистить церковь отъ суевѣрія и всѣхъ „притворныхъ“ чудесъ? [2]) Припоминая прежнія распоряженія, запрещавшія носить по домамъ церковные образа, авторъ пунктовъ писалъ, не лучше ли было бы, въ видахъ ослабленія народнаго суевѣрія, совершенно и навсегда отмѣнить возобновленный обычай ношенія по домамъ церковныхъ иконъ? [3]) Основываясь на Духовномъ Регламентѣ и именномъ императорскомъ указѣ, вмѣнявшихъ въ обязанность Синоду разъяснять народу различіе между закономъ Божіимъ, отеческими преданіями и второстепенными церковными обрядами, оберъ-прокуроръ задавался вопросомъ, нельзя ли что-либо убавить изъ „продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ“ и не принесетъ ли обществу пользу отмѣненіе многихъ излишнихъ праздничныхъ дней? [4]) Приводя слова Евангелія о неумѣстности языческаго многословія въ христіанскихъ молитвахъ и отмѣчая введеніе въ наше богослуженіе множества стихиръ, тропарей, каноновъ и пр., не имѣвшихъ мѣста въ первенствующей церкви, Мелиссино предлагалъ обсудить вопросъ, не полезнѣе ли будетъ, вмѣсто всенощныхъ и вечерень, установить чтеніе краткихъ молитвъ, съ обязательнымъ поученіемъ народа? [5])

Указывая на отсутствіе монашества въ древней христіанской церкви, оберъ-прокуроръ возбуждалъ вопросъ, не производительнѣе-ли будетъ употреблять громадныя суммы, идущія на содержаніе монастырей, на нужды и потребности „искусныхъ и ученыхъ“ священниковъ и проповѣдниковъ и изъ нихъ же, по примѣру первенствующей церкви, избирать кандидатовъ на архіерейскія каѳедры? [6]) Приводя слова св. Пи-

---

[1]) Тамъ же, п. 4
[2]) Тамъ же, п. 5.
[3]) Тамъ же, п. 6.
[4]) Тамъ же, п. 7.
[5]) Тамъ же, п. 8.
[6]) Тамъ же, п. 9.

санія: „епископу подобаетъ быти единыя жены мужу“, Мелиссино находилъ возможнымъ обратиться къ Синоду съ вопросомъ, не слѣдуетъ ли дозволить, на основаніи прямого указанія св. Писанія и примѣра первенствующей церкви, „и епископамъ съ законными женами сожитіе имѣть“? [1]) Находя вполнѣ позволительными измѣненія въ формѣ той или другой одежды, оберъ-прокуроръ спрашивалъ, не должно ли разрѣшить духовенству ношеніе болѣе приличнаго платья? [2]) Приводя ясныя свидѣтельства св. Писанія и святоотеческихъ толкованій о спасеніи или осужденіи душъ умершихъ людей, авторъ пунктовъ предлагалъ на обсужденіе вопросъ, не благоразумнѣе ли будетъ совершенно отмѣнить обычай поминовенія усопшихъ, имѣющій цѣлью оказать извѣстное вліяніе на ихъ загробную участь, такъ какъ подобный обычай только доставляетъ духовенству лишній поводъ къ различныхъ вымогательствамъ. [3]) Ссылаясь на различныя мѣста св. Писанія и древнія церковныя правила, запрещавшія заключеніе браковъ лишь въ первыхъ четырехъ степеняхъ кровнаго родства, отмѣчая существованіе въ западно-европейскихъ странахъ законовъ, позволявшихъ расторженіе неудачныхъ браковъ не изъ-за одного только прелюбодѣянія, но и по другимъ уважительнымъ причинамъ, указывая на древнюю церковную практику, признававшую законными брачныя связи христіанъ съ иновѣрцами, и основываясь на отсутствіи въ св. Писаніи и правилахъ вселенскихъ соборовъ прямыхъ указаній на число браковъ, позволительныхъ для христіанина, Мелиссино предлагалъ обсудить вопросы, не слѣдуетъ ли ослабить слишкомъ строгія правила о родствѣ и свойствѣ, какъ препятствіяхъ къ заключенію браковъ [4]), установить законныя причины для развода, „кромѣ прелюбодѣйнаго случая“ [5]), предоставить полнѣйшую свободу въ заключеніи брачныхъ союзовъ между православными и иновѣрцами [6]) и не воспрещать овдовѣвшимъ послѣ третьяго брака жениться или выходить замужъ? [7])

---

[1]) Тамъ же, п. 10.
[2]) Тамъ же, п. 11.
[3]) Тамъ же, п. 12.
[4]) Тамъ же, п. 14.
[5]) Тамъ же, п. 15.
[6]) Тамъ же, п. 17.
[7]) Тамъ же. п. 18.

Къ крайнему сожалѣнію, документы синодальнаго архива не заключаютъ въ себѣ никакихъ положительныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ отношеніи св. Синода къ оригинальному предложенію свободомыслящаго оберъ-прокурора, разсчитывавшаго, посредствомъ разсмотрѣнныхъ пунктовъ, провести въ церковно-общественную жизнь либеральныя идеи своего времени, находившіяся въ рѣзкой дисгармоніи не только съ однимъ обрядами, освященными русскою церковью, но и съ церковными канонами и даже съ самимъ православнымъ ученіемъ. Въ исторической литературѣ уже было отмѣчено, что въ документахъ синодальныхъ собраній, занимавшихся выработкой депутатскаго наказа, не встрѣчается ни одного упоминанія о предложеніи Мелиссино [1]). Правда, при первомъ [2]) обнародованіи наказа, даннаго св. Синодомъ своему депутату, было высказано предположеніе, что оберъ-прокурорскіе „пункты, кажется, не остались безъ нѣкоторой доли вліянія“ на составителей депутатской инструкціи [3]). Но сравненіе депутатскаго наказа съ пунктами Мелиссино только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позволяетъ подмѣчать отдаленное, очень незначительное и скорѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее сходство между отдѣльными статьями оберъ-прокурорскаго предложенія и депутатскаго наказа; по своему же внутреннему содержанію, по своимъ основнымъ идеямъ предложеніе и наказъ не имѣютъ между собой ничего общаго.

Очевидно, что св. Синодъ, хотя и былъ поставленъ Екатериной въ положеніе, заставлявшее его членовъ содѣйствовать практическому осуществленію самыхъ непріятныхъ для себя видовъ и намѣреній правительства, что, напримѣръ, имѣло мѣсто въ извѣстномъ вопросѣ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, но не настолько еще подчинился возраставшему вліянію прокуратуры, чтобы Мелиссино, позволившій

---

[1]) Христіанское Чтеніе. 1876 г. ч. 2. «Наказъ и пункты депутату отъ св. Синода въ Екатерин. коммиссію о сочин. проекта нов. уложенія“, стр. 227.

[2]) Наказъ синодальному депутату въ первый разъ появился въ печати на страницахъ Христіанскаго Чтенія (1876 г. ч. 2, стр. 241—265), затѣмъ онъ снова былъ опубликованъ въ Сборникѣ р. ист. общества (Т 43. стр. 42—62).

[3]) Христіанское Чтеніе. 1876 г. ч. II, стр. 227.

себѣ выйти за границы предоставленныхъ ему правъ, имѣлъ возможность воспользоваться преимуществами своей должности для проведенія въ церковно-общественную жизнь современныхъ либеральныхъ идей, рѣзко расходившихся съ началами православнаго ученія.

Отсутствіе какихъ бы то ни было упоминаній объ оберъ-прокурорскихъ пунктахъ въ архивныхъ документахъ, имѣющихъ отношеніе къ составленію Синодомъ наказа для своего депутата, заставляетъ предполагать, что высшій органъ церковнаго управленія не только не отнесся предупредительно къ видамъ и намѣреніямъ представителя прокуратуры, но и совершенно уклонился отъ оффиціальнаго обсужденія крайне неудобнаго оберъ-прокурорскаго предложенія, такъ какъ Мелиссино, какъ мы видѣли, вмѣнялъ въ обязанность св. Синоду „учинить надлежащее изъясненіе“, въ случаѣ непринятія его пунктовъ, „для какихъ законоправильныхъ причинъ (они) къ отмѣнѣ слѣдуютъ“ [1]). Наказъ синодальному депутату, избранному для участія въ кодификаціонныхъ работахъ Большой коммиссіи, былъ составленъ высшимъ органомъ церковнаго управленія не подъ вліяніемъ пунктовъ свободомыслящаго оберъ-прокурора, но на основаніи произведенныхъ выписокъ изъ Кормчей, Духовнаго Регламента и изъ своихъ собственныхъ опредѣленій прежняго времени, а главнымъ образомъ, на основаніи отдѣльныхъ заявленій о современныхъ нуждахъ церковно-общественной жизни, сдѣланныхъ самими же членами св. Синода. Мелиссино не имѣлъ возможности настаивать на обязательномъ исполненіи своего предложенія, такъ какъ составленіе наказовъ депутатамъ различныхъ сословій и присутственныхъ мѣстъ, посылавшихъ своихъ представителей въ Большую коммиссію, должно было совершаться, по мысли Екатерины, совершенно свободно отъ всякаго правительственнаго вліянія, чтобы верховная власть могла познакомиться, чрезъ посредство выборныхъ депутатовъ, съ дѣйствительными нуждами и потребностями русской общественной и государственной жизни [2]). При такихъ благопріятныхъ условіяхъ,

---

[1]) Чтенія въ импер. общ. ист. и др. росс. 1871 г. кн. III, отд. V, стр. 114.

[2]) См. мою статью: «Отношеніе современниковъ и исторіи къ Наказу и Большой коммиссіи Екатерины II“. Наблюдатель, 1895 г., октябрь.

высшее церковное учрежденіе, безъ особенныхъ препятствій, могло совершенно независимо отъ вліянія прокуратуры заниматься своими сложными работами, вызванными необходимостью представить многочисленныя нужды церковно-общественной жизни на обсужденіе депутатскаго собранія, созваннаго для составленія проекта новаго уложенія. И мы, дѣйствительно, видимъ, что документы, имѣющіе отношеніе къ дѣятельности св. Синода по интересующему насъ вопросу, ничего не говорятъ ни о какомъ вліяніи представителя государственной власти на синодальныхъ членовъ. Правда, по обязанностямъ своей должности, Мелиссино иногда побуждалъ высшій органъ церковнаго управленія спѣшить окончаніемъ работъ, стоявшихъ въ извѣстной связи съ дѣятельностью Большой коммиссіи, какъ, напримѣръ, въ засѣданіи 12 мая 1768 года, когда Синодъ, по предложенію оберъ-прокурора, рѣшилъ еженедѣльно, по средамъ, заниматься разсматриваніемъ исключительно однихъ пунктовъ, присланныхъ малороссійскимъ духовенствомъ [1]); но, не говоря уже о томъ, что, въ данномъ случаѣ, предложеніе прокуратуры не могло оказать никакого вліянія на самый характеръ отношеній синодальныхъ членовъ къ малороссійскимъ пунктамъ, Синодъ даже не исполнилъ и своего собственнаго постановленія, такъ какъ, до самаго увольненія Мелиссино отъ оберъ-прокурорской должности, посвятилъ спеціальному разсмотрѣнію заявленій малороссійскихъ архіереевъ и монастырей всего лишь два засѣданія (21 мая и 31 іюля) [2]), хотя увольненіе Мелиссино отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора и послѣдовало только 24 октября 1768 года [3]).

---

[1]) Сборникъ импер. р. ист. общ. Т. 43, стр. II.

[2]) Тамъ же, стр. II—III.

[3]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1768 г. (окт. 28) № 3. Къ сожалѣнію, документы синодальнаго архива не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній ни о причинѣ увольненія Мелиссино, ни объ обстоятельствахъ, при какихъ произошла отставка либеральнаго оберъ-прокурора.

Преемникомъ Мелиссино, уволеннаго отъ оберъ-прокурорской службы съ чиномъ тайнаго совѣтника [1]), 24 октября 1768 года былъ назначенъ Екатериной бригадиръ Петръ Петровичъ Чебышевъ, вступившій въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей въ званіи исправляющаго должность оберъ-прокурора св. Синода [2]).

Новый представитель прокуратуры въ церковномъ управленіи, также какъ и его предшественникъ—Мелиссино, принадлежалъ къ разряду свободомыслящихъ людей Екатерининскаго времени, вполнѣ усвоившихъ себѣ современные философскіе взгляды на религію и церковь, не только не имѣвшіе ничего общаго съ воззрѣніями самихъ членовъ Синода, но и прямо противоположные имъ. Въ исторической литературѣ [3]) уже было отмѣчено, что синодальными оберъ-прокурорами въ первую половину царствованія Екатерины являлись „люди самоновѣйшихъ понятій о церкви и религіи“, и что Чебышевъ не стѣснялся даже публично заявлять о своемъ атеистическомъ образѣ мыслей [4]).

Безъ сомнѣнія, самый фактъ продолжительнаго отправленія оберъ-прокурорскихъ обязанностей человѣкомъ, открыто говорившимъ о своемъ невѣріи въ существованіе Бога, имѣетъ для насъ очень важное значеніе, такъ какъ онъ, въ извѣстной степени, характеризуетъ то фактическое положеніе, въ какое верховная власть, въ лицѣ императрицы Екатерины, поставила высшее церковное учрежденіе, принужденное мириться съ правительственнымъ назначеніемъ на постъ синодальнаго оберъ-прокурора открытаго атеиста, считавшаго излишнимъ скрывать или маскировать свои убѣжденія. Не стѣсняясь публично заявлять о своемъ образѣ мыслей, совершенно непозволительномъ для оберъ-прокурора св. Синода, Чебышевъ своею дѣятельностью и даже самымъ обращеніемъ съ членами высшаго органа церковнаго управленія долженъ

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1768 г. № 3.

[2]) Тамъ же.

[3]) Православный Собесѣдн. 1875 г. ч. I. „Чтенія...“ проф. П. В. Знаменскаго, стр. 412—413.—Чтенія въ общ. люб. д. просв. 1874 г. „Отношеніе госуд. власти къ церкви и дух. въ царств. Екатерины II“.

[4]) Сочиненія Фонвизина. Изд. 1866 г. стр. 550.

былъ сильно вооружать противъ себя представителей церкви, засѣдавшихъ въ св. Синодѣ [1]). По воспоминаніямъ, сохранившимся въ духовномъ мірѣ объ оберъ-прокурорѣ Чебышевѣ, послѣдній былъ настолько невоздержанъ и грубъ, что „когда синодальные члены не соглашались съ его мнѣніемъ, разсуждали о дѣлахъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось и, особенно, когда подписывали уже свое рѣшеніе, не по мысли настойчиваго оберъ-прокурора, то онъ, разумѣется, про себя, чуть слышно (а все жъ таки слышно) провожалъ каждую подпись гнилымъ словомъ....“ [2]).

Но интересно, что св. Синодъ, поставленный Екатериной въ печальную для него необходимость признавать своимъ оберъ-прокуроромъ такого представителя государственной власти, какимъ былъ Чебышевъ, и исполнять его разнообразныя предложенія, когда они обосновывались на высочайшей волѣ, по-прежнему еще продолжалъ держать себя довольно самостоятельно и независимо по отношенію къ прокуратурѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда Чебышевъ возставалъ противъ постановленій и распоряженій высшаго церковнаго учрежденія, по чему-либо казавшихся ему неправильными, основываясь исключительно только на однихъ правахъ и полномочіяхъ, предоставленныхъ оберъ-прокурору извѣстной инструкціей.

Небезъизвѣстенъ фактъ вынужденнаго возвращенія священнаго сана бывшему аѳонскому монаху Анатолію Мелесу, получившему отъ Синода незаслуженное прощеніе всѣхъ своихъ многочисленныхъ проступковъ подъ вліяніемъ настоятельныхъ предложеній оберъ-прокурора, передавшаго высшему органу церковнаго управленія обязательное для него желаніе верховной власти. 22 января 1769 года исправлявшій оберъ-прокурорскую должность Чебышевъ, по порученію Екатерины, предложилъ св. Синоду немедленно возвратить монаха Анатолія изъ мѣста ссылки въ Петербургъ и доложить объ его прибытіи императрицѣ. Предложеніе оберъ-прокурора было

---

[1]) „Не подражайте Чебышеву“, говорилъ оберъ-прокурору Яковлеву, по словамъ его Записокъ, (Русскій Вѣстникъ. 1868 г., т. 74, стр. 468—469.) епископъ ярославскій Павелъ, „мы проклинаемъ его“.

[2]) Сушковъ. Записки о жизни... Филарета, митрополита Московскаго, стр. 223.

исполнено, и Синодъ, видя явное покровительство государыни осужденному монаху, не смотря на все свое нерасположеніе къ Анатолію, принужденъ былъ заняться пересмотромъ его дѣла, чтобы формально-законнымъ порядкомъ произвести какія либо улучшенія въ участи Мелеса [1]). Пересмотрѣвъ все сложное дѣло Анатолія и признавъ его „правильно осужденнымъ", Синодъ, однако, нашелъ возможнымъ оказать снисхожденіе достаточно наказанному монаху и возратить ему священство, но только подъ непремѣннымъ условіемъ принесенія Мелесомъ оффиціальнаго покаянія и письменнаго признанія своей вины. Когда же Анатолій, исполняя требуемую отъ него формальность, подалъ прошеніе о прощеніи въ св. Синодъ, и послѣдній возвратилъ его для измѣненія нѣкоторыхъ выраженій, императрица, сильно недовольная дѣйствіями синодальныхъ членовъ, написала Чебышеву, что ее очень удивляетъ поступокъ Синода—тѣмъ болѣе, что, чрезъ оберъ-прокурора, ему ясно дано было понять желаніе государыни. Высказавъ свое неудовольствіе по поводу отношеній высшаго церковнаго учрежденія къ раскаявшемуся и обнаружившему полную покорность монаху, Екатерина уполномочила Чебышева [2]) сдѣлать предложеніе св. Синоду объ обязательномъ исполненіи ея желанія видѣть Анатолія прощеннымъ и вновь получившимъ законныя права на принадлежавшій ему ранѣе священный санъ. Выслушавъ оберъ-прокурорское предложеніе, Синодъ увидѣлъ себя вынужденнымъ немедленно же исполнить желаніе верховной власти и возвратилъ Анатолію священство, а чрезъ нѣсколько времени даже призналъ его и епископомъ, хотя самъ же прежде оффиціально опредѣлилъ считать посвященіе Мелеса въ архіереи незаконнымъ и недѣйствительнымъ [3]).

---

[1]) Русскій Архивъ. 1870 г. стр. 736—738.

[2]) Тамъ же, стр. 767, X.

[3]) Тамъ же, стр. 739—743. Интересно, въ данномъ случаѣ, сопоставить отношеніе Чебышева къ дѣлу Анатолія Мелеса съ совершенно противоположнымъ отношеніемъ къ тому же самому дѣлу оберъ-прокурора Шаховского. Послѣдній, какъ извѣстно, (см. 208—209 стр.) не смотря на строгое приказаніе императрицы немедленно освободить законно арестованнаго архимандрита, не позволилъ св. Синоду привести въ исполненіе

Безпрекословно исполняя оберъ-прокурорскія предложенія въ тѣхъ случаяхъ, когда представитель государственной власти дѣйствовалъ непосредственно отъ имени самой императрицы, Синодъ, какъ мы замѣтили, не былъ поставленъ въ такое положеніе по отношенію къ прокуратурѣ, чтобы Чебышевъ имѣлъ фактическую возможность безпрепятственно оказывать извѣстное вліяніе на высшее церковное учрежденіе, опираясь исключительно только на одни права и полномочія, предоставленныя ему оберъ-прокурорской инструкціей. Напротивъ, очень часто указанія Чебышева на тѣ или другія нарушенія требованій закона, имѣвшія мѣсто, по его мнѣнію, въ дѣятельности св. Синода,—указанія, сопровождавшіяся обыкновенно предложеніями произвести какія-либо измѣненія въ постановленіяхъ, вызывали энергичное противодѣйствіе синодальныхъ членовъ, въ большинствѣ случаевъ далеко небезуспѣшно отстаивавшихъ свои распоряженія отъ непріятныхъ протестовъ прокуратуры.

Когда на разсмотрѣніе св. Синода поступило дѣло о подсудимомъ тамбовскомъ епископѣ Ѳеодосіѣ, вмѣстѣ съ мнѣніями спеціальной коммиссіи, учреждавшейся въ Воронежѣ для разслѣдованія различныхъ жалобъ, подававшихся на тамбовскаго архіерея, высшій органъ церковнаго управленія долженъ былъ признать несомнѣннымъ фактъ незаконныхъ, „несходственныхъ съ указомъ“ поступковъ Ѳеодосія при разборѣ священно-церковно-служительскихъ дѣтей и отдачѣ ихъ въ военную службу. Между тѣмъ, не желая, по всей вѣроятности,

---

вынужденное постановленіе объ освобожденіи правильно задержаннаго Анатолія и даже успѣлъ убѣдить государыню въ безусловной законности вполнѣ заслуженнаго имъ наказанія. Чебышевъ же, хотя по своему оффиціальному положенію также обязанъ былъ „накрѣпко“ смотрѣть за точнымъ исполненіемъ законовъ въ церковномъ управленіи, „дабы Синодъ свою должность... по Регламентамъ и указамъ отправлялъ“, но въ своихъ отношеніяхъ къ дѣлу Анатолія Мелеса руководился единственнымъ побужденіемъ—исполнить волю императрицы и, какъ кажется, мало интересовался тѣмъ, что вынужденное исполненіе подобнаго желанія заставитъ Синодъ нѣсколько уклониться отъ обязанности всегда руководиться въ своей дѣятельности строго опредѣленными церковными законами.

строгимъ наказаніемъ виновнаго архіерея подрывать значеніе и авторитетъ высшихъ представителей іерархіи въ глазахъ низшаго духовенства, св. Синодъ нашелъ нужнымъ оставить Ѳеодосія безъ всякаго наказанія; онъ призналъ возможнымъ извинить епископа на томъ основаніи, что Ѳеодосій не запирался въ своихъ поступкахъ и совершилъ ихъ по непониманію дѣйствительнаго смысла указа, а не по пристрастію, да и не нанесъ своими непреднамѣренными дѣйствіями никакого ущерба государственнымъ интересамъ. При такихъ взглядахъ на характеръ и значеніе нарушенія тамбовскимъ преосвященнымъ обязательныхъ законовъ, Синодъ нашелъ вполнѣ позволительнымъ оставить Ѳеодосія епархіальнымъ архіереемъ и вмѣнить ему въ наказаніе одно временное отрѣшеніе отъ должности, вызванное производствомъ судебнаго слѣдствія, и вынужденное пребываніе подсудимаго „на своемъ коштѣ“ въ г. Воронежѣ, гдѣ была учреждена спеціальная коммиссія для разслѣдованія его дѣла. И только одинъ синодальный членъ, протоіерей гвардіи Андрей Преображенскій, какъ человѣкъ, не заинтересованный непосредственно въ положеніи высшихъ представителей іерархіи, высказалъ особое мнѣніе, что Синодъ не имѣетъ права рѣшать такимъ образомъ дѣло Ѳеодосія, а долженъ произвести выписку изъ соотвѣтствующихъ законоположеній, имѣющихъ отношеніе къ преступленію подсудимаго, и, „заключивъ надлежащую съ законами сентенцію“, представить обсуждаемое дѣло на высочайшее соизволеніе [1]).

Такъ какъ въ производившейся тамбовскимъ архіереемъ незаконной отдачѣ въ военную службу священно-церковнослужительскихъ дѣтей оказались замѣшанными не одни только духовныя, но и свѣтскія лица, и такъ какъ въ самомъ судебномъ слѣдствіи принимали участіе гражданскія власти (губернаторъ и Сенатъ), то оберъ-прокуроръ Чебышевъ [2]) 2 апрѣля

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Синода. Дѣло 1772 г. (апр. 2) № 545.

[2]) Чебышевъ, первоначально назначенный въ св. Синодъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора, 17 февраля 1770 года былъ утвержденъ въ должности синодальнаго оберъ-прокурора „за прилежное и рачительное исполненіе“ своихъ служебныхъ обязанностей. Архивъ св. Синода. Дѣло 1770 г. (мар. 5) № 4, стр. 1.

1772 года предложилъ св. Синоду, не приступая преждевременно къ окончательному рѣшенію дѣла, какъ касающагося духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, предварительно вступить въ сношенія съ Сенатомъ и потребовать отъ него увѣдомленія, какого онъ держится мнѣнія по данному вопросу, чтобы тогда имѣть возможность составить и свое опредѣленіе, вполнѣ согласное съ законами [1]) Но члены высшаго органа церковнаго управленія, выслушавъ желаніе Чебышева, рѣшительно и категорически заявили, что они, послѣ обстоятельнаго обсужденія своего опредѣленія, отдѣльнаго мнѣнія протоіерея Преображенскаго и предложенія оберъ-прокурора, находятъ совершенно невозможнымъ произвести какія бы то ни было измѣненія въ состоявшемся постановленіи, такъ какъ признаютъ его вполнѣ правильнымъ и законнымъ [2]).

Встрѣтивъ со стороны Синода такой рѣшительный отказъ исполнить предложеніе прокуратуры, Чебышевъ обратился за помощью и содѣйствіемъ къ верховной власти и 29 апрѣля 1772 года представилъ императрицѣ Екатеринѣ всеподданнѣйшій докладъ обо всемъ происшедшемъ. Но и непосредственное обращеніе къ государынѣ не доставило оберъ-прокурору фактической возможности настоять на обязательномъ исполненіи своего предложенія; представленіе всеподданнѣйшаго доклада очень долгое время не сопровождалось никакими практическими результатами, и только 14 февраля 1773 года на поданномъ докладѣ послѣдовала резолюція Екатерины, далеко неблагопріятная для Чебышева. „Архіерея тамбовскаго“, писала императрица, „какъ и всѣхъ въ семъ дѣлѣ приличившихся, прощаемъ, а Синодъ архіерею подтвердить имѣетъ, чтобъ впредь въ исполненіи узаконеній поступалъ исправнѣе“ [3]).

Еще болѣе важное значеніе имѣютъ для насъ цѣнныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ прокуратуры къ св. Синоду, заключающіяся въ многотомномъ дѣлѣ синодальнаго архива о послушкахъ сѣвскаго епископа Кирилла [4]). Дѣло началось по

---

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Синода. Дѣло 1772 г. № 545, стр. 1—2.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 4.

[4]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1771 г. (30 нояб.) № 122. 5 томовъ съ приложеніями.

жалобѣ дьячка Крестовоздвиженской церкви города Сѣвска, Захара Аѳанасьева, 30 ноября 1771 года представившаго въ св. Синодъ доношеніе на своего епархіальнаго архіерея Кирилла; дьячекъ жаловался, что мѣстный епископъ Кириллъ своимъ лихоимствомъ и взяточничествомъ превосходилъ всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ и, презирая указы, присягу и совѣсть, бралъ громадныя взятки со ставленниковъ, не смотря на ихъ крайнюю бѣдность; обирая бѣдныхъ кандидатовъ священства, Кириллъ въ то же время, по словамъ Аѳанасьева, дозволялъ продѣлывать то же самое и своимъ подчиненнымъ, чѣмъ совершенно разорялъ ставленниковъ. Въ особой ставленнической конторѣ, спеціально учрежденной для собиранія своеобразныхъ налоговъ съ духовенства, епископъ Кириллъ даже вывѣсилъ собственноручное росписаніе установленныхъ имъ сборовъ съ различныхъ ставленниковъ. Снявъ копію съ архіерейскаго росписанія и приложивъ ее къ своему доносу, смѣлый дьячекъ просилъ св. Синодъ произвести слѣдствіе надъ обвиняемымъ архіереемъ, утверждая, что формальное, безпристрастное слѣдствіе легко можетъ открыть и другіе противозаконные поступки преосвященнаго [1]).

Св. Синодъ не могъ оставить безъ всякаго вниманія доноса Аѳанасьева и потребовалъ отъ Кирилла соотвѣтствующихъ объясненій. Отвѣтъ епископа подтвердилъ справедливость почти всѣхъ показаній дьячка, такъ какъ Кириллъ сознался въ своихъ незаконныхъ поступкахъ.

Чтобы избѣжать односторонняго пониманія дѣла епископа Кирилла, необходимо замѣтить, что послѣ окончательной секуляризаціи всѣхъ церковныхъ имѣній, когда сильно сократились матеріальныя средства епархіальныхъ архіереевъ, послѣдніе во многихъ мѣстахъ должны были изыскивать различныя мѣстныя средства для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей епархіальнаго управленія. „Вслѣдствіе ничтожности окладовъ, назначенныхъ на епархіальные чины“, говоритъ проф. П. В. Знаменскій въ своихъ „Чтеніяхъ изъ исторіи русской церкви за время царствованія Екатерины II“ [2]), „сами архіереи должны были допускать въ пользу ихъ существованіе

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Синода. Дѣло 1772 г. (22 іюн.) № 546, стр. 1—3.

[2]) Правосл. Собесѣдникъ. 1875 г., т. 3-й, стр. 405—406

разныхъ безгрѣшныхъ доходовъ; послѣдніе получали видъ какихъ то законныхъ взятокъ, которыя возбуждали противъ себя ревнителей безкорыстія властей не столько сами по себѣ, сколько развѣ лишь по своему часто неумѣренному количеству. Содержаніе епархіальныхъ чиновъ открыто раздѣлялось на два источника,—жалованіе по штатамъ и такъ называемые доходы... Вся дѣятельность архіереевъ, которые желали возставать противъ епархіальныхъ кормленщиковъ, поневолѣ должна была ограничиваться преслѣдованіемъ только слишкомъ уже большихъ поборовъ съ духовенства". Къ числу такихъ епархіальныхъ архіереевъ, какъ видно изъ извѣстныхъ „Записокъ Добрынина" [1]), принадлежалъ и сѣвскій епископъ Кириллъ Флоринскій, не разъ подтверждавшій своей консисторіи, „чтобы канцелярскіе служители никакихъ лишнихъ и сверхъ пропорціи труда своего взятковъ, особливо съ вымогательствомъ, не брали". Убѣдившись въ безрезультатности всѣхъ своихъ распоряженій, преосвященный Кириллъ рѣшился отдѣлить отъ консисторіи наиболѣе доходныя ставленическія дѣла и поручилъ ихъ вѣдѣнію особой, вновь учрежденной имъ, ставленической конторы, а чтобы лишить ее возможности слѣдовать дурному примѣру консисторіи, точно опредѣлилъ размѣры „взятковъ" съ различныхъ ставленниковъ (7 рублей съ произзодившихся во священники, 5 р.—во дьякопы и 3 руб. 50 коп. съ посвящавшихся въ стихарь), указавъ и опредѣленное назначеніе собиравшимся суммамъ. По словамъ самого епископа Кирилла, такое распоряженіе „казалось ему безгрѣшнымъ, такъ какъ оно малою цѣною освобождало просителей отъ тяжкихъ, издревле введенныхъ взятковъ, а наиболѣе обыкновенныхъ по консисторіи" [2]).

Св. Синодъ, хотя и долженъ былъ признать дѣйствія сѣвскаго архіерея противозаконными, но, уважая его собственное добровольное признаніе, соединенное съ различными извиненіями, 19 мая 1772 года подписалъ опредѣленіе и всеподданнѣйшій докладъ императрицѣ, въ которыхъ всѣ нелегальные поступки Кирилла извинилъ его чистосердечнымъ признаніемъ и тѣмъ, что въ дѣйствіяхъ епископа, бравшаго со

---

[1]) Русская Старина. 1871 г., т. III.
[2]) Тамъ же, стр. 151.

ставленниковъ опредѣленныя денежныя суммы, невозможно заподозрить никакого лихоимства, такъ какъ недозволенные поборы производились не въ пользу самого преосвященнаго; свое снисходительное отношеніе къ обвинявшемуся архіерею св. Синодъ мотивировалъ еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что никто и никогда не жаловался на притѣсненія Кирилла, и что самъ доноситель отказался отъ доказательства справедливости своихъ обвиненій.

Оберъ-прокуроръ Чебышевъ нашелъ опредѣленіе и докладъ Синода незаконными и въ своемъ письменномъ предложеніи отъ 22 іюня заявилъ синодальнымъ членамъ, что онъ не можетъ допустить до исполненія ихъ неправильнаго постановленія, такъ какъ, если въ синодальномъ опредѣленіи и всеподданнѣйшемъ докладѣ написано, что епископъ поступалъ „въ противность законамъ“, то и рѣшеніе должно быть строго согласовано съ тѣми же законами, извинять же виновнаго архіерея „дьячковымъ отъ доказательствъ отрицательствомъ, а равно и собственнымъ его признаніемъ и прочими резонами“, по словамъ Чебышева, „ни мало неприлично“. Законность своего протеста противъ снисходительнаго синодальнаго опредѣленія оберъ-прокуроръ обосновывалъ на многочисленныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ разнообразныхъ обстоятельствъ возникшаго дѣла.

Если доноситель Аѳанасьевъ, писалъ Чебышевъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ собственноручное архіерейское росписаніе незаконныхъ поборовъ, то отказъ дьячка отъ доказательства справедливости первоначальнаго показанія не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для извиненія епископа, такъ какъ Синодъ долженъ уже убѣдиться, что Кириллъ, дѣйствительно, далъ росписаніе взятокъ своимъ подчиненнымъ; по крайней мѣрѣ, самъ архіерей сознался въ своемъ доношеніи, что такое росписаніе было составлено имъ и вывѣшено въ ставленнической конторѣ, но только впослѣдствіи оказалось кѣмъ-то похищеннымъ изъ конторы.—Кириллъ оправдывалъ свой противозаконный образъ дѣйствій довольно наивною ссылкою на то, что онъ слѣдовалъ обычаямъ, ранѣе его введеннымъ въ сѣвской епархіи; оберъ-прокуроръ не безъ основанія замѣтилъ, что подобная ссылка болѣе обвиняетъ преосвященнаго, чѣмъ оправдываетъ его, такъ какъ онъ слѣдовалъ „худымъ примѣрамъ“.—Считая не подлежавшимъ никакому сомнѣнію фактъ

вынужденнаго отреченія дьячка отъ своихъ первоначальныхъ показаній, Чебышевъ обращалъ вниманіе Синода на странный, подозрительный образъ дѣйствій кіевскаго архіерея: сознавшись въ справедливости доноса Аѳанасьева, Кириллъ въ непродолжительномъ времени принялъ отъ того же самаго дьячка заявленіе, что будто бы онъ сдѣлалъ несправедливый доносъ на своего архіерея. Такая странная непослѣдовательность епископа, по словамъ оберъ-прокурора, „бросаетъ на него почти несомнѣнное подозрѣніе“.—Не менѣе подозрительнымъ признавалъ Чебышевъ и одинъ поступокъ, очевидно запуганнаго, дьячка. Когда Синодъ приказалъ Аѳанасьеву прислать подлинное архіерейское росписаніе ставленническихъ взятокъ и другія доказательства справедливости поданнаго доноса, дьячекъ принесъ въ магистратъ пакетъ, для отсылки его въ Петербургъ, а на слѣдующій день, пока еще наводились справки, позволительно-ли отправлять въ Синодъ посылку дьячка, послѣдній, явившись въ магистратъ, взялъ обратно свой пакетъ и замѣнилъ его новымъ, въ которомъ и оказалось доношеніе Аѳанасьева, гдѣ онъ отказывался отъ первоначальныхъ обвиненій Кирилла. Подобный фактъ позволилъ оберъ-прокурору съ увѣренностью высказать предположеніе, что дьячекъ Аѳанасьевъ по принужденію долженъ былъ обмѣнить свой пакетъ.—Наконецъ, указаніе Синода на отсутствіе обиженныхъ челобитчиковъ изъ кіевской епархіи, какъ на одну изъ побудительныхъ причинъ къ оправданію Кирилла, по мнѣнію Чебышева, ничего не говоритъ въ пользу архіерея, такъ какъ обиженные видѣли, что какъ только дьячекъ осмѣлился написать доносъ, то тотчасъ же лишился своего мѣста, былъ уволенъ изъ духовнаго сословія „въ свѣтскую команду“ и даже потерялъ всякую надежду на защиту правосудія.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ соображеній, оберъ-прокуроръ и предложилъ св. Синоду исключить изъ своего опредѣленія и доклада извиненіе проступковъ епископа Кирилла, какъ неосновательное, и предоставить рѣшеніе участи виновнаго архіерея усмотрѣнію императрицы, доносчика же, дьячка Захара Аѳанасьева, лишеннаго должности, „въ доказательство правосудія и другимъ въ поощреніе“, возратить къ прежнему мѣсту и обезопасить его отъ мести, а отъ преосвященнаго обязательно потребовать объясненія законныхъ причинъ, вы-

звавшихъ увольненіе дьячка изъ духовнаго званія [1]). Синодъ выслушалъ оберъ-прокурорское предложеніе и постановилъ отложить его обсужденіе до слѣдующаго собранія; только одинъ изъ синодальныхъ членовъ, не принадлежавшій къ представителямъ высшей церковной іерархіи, протоіерей гвардіи Андрей Преображенскій заявилъ, что онъ во всемъ соглашается съ предложеніемъ Чебышева.

25 іюня 1772 года св. Синодъ вновь выслушалъ предложеніе оберъ-прокурора, причемъ синодальные члены: Гавріилъ, архіепископъ петербургскій, Иннокентій псковскій и Платонъ тверской рѣшительно объявили Чебышеву, что такъ какъ они, послѣ обстоятельнаго обсужденія и внимательнаго пересмотра своего прежняго опредѣленія и доклада, не нашли въ нихъ ничего незаконнаго, то и не считаютъ нужнымъ измѣнять ихъ; что же касается положенія доносчика—дьячка, то Синодъ не входилъ и не намѣренъ входить въ его положеніе, потому что не имѣетъ отъ него никакого прошенія. Интересно, что даже и протоіерей Преображенскій, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ остальныхъ синодальныхъ членовъ, отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія, замѣтивъ, что онъ не вполнѣ солидаренъ съ оберъ-прокуроромъ и не во всемъ соглашается съ его предложеніемъ [2]).

Чебышевъ обратился за содѣйствіемъ къ верховной власти и представилъ на разсмотрѣніе Екатерины опредѣленіе и докладъ высшаго церковнаго учрежденія, вмѣстѣ съ своимъ отвергнутымъ предложеніемъ и вызванными имъ разсужденіями синодальныхъ членовъ. Очень долгое время оберъ-прокуроръ не получалъ отъ императрицы никакого распоряженія по возбужденному дѣлу о сѣвскомъ архіереѣ Кириллѣ, и только 27 іюля 1773 года на вторичномъ синодальномъ докладѣ, поднесенномъ Екатеринѣ по тому же самому дѣлу, послѣдовала высочайшая резолюція: „объ епископѣ и о воеводѣ сѣвскихъ и о протчихъ произвесть слѣдствіе“. Такъ какъ слѣдствіе должны были производить не одни духовныя лица, но и сенатскіе чиновники, что, конечно, легко могло повести за со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 5—7.
[2]) Тамъ же, стр. 9.

бою непредвидѣнные и не совсѣмъ желательные результаты, то Синодъ предусмотрительно распорядился, чтобы слѣдователи, назначенные имъ и правительствующимъ Сенатомъ, по исполненіи даннаго имъ порученія, представили въ Синодъ результаты слѣдствія „безъ своего заключенія".

Оберъ-прокуроръ прекрасно понималъ значеніе и цѣль подобнаго синодальнаго распоряженія и, опротестовавъ состоявшееся постановленіе, какъ не отвѣчавшее требованіямъ законовъ [1]), предложилъ св. Синоду составить новое опредѣленіе, согласное съ государственными узаконеніями [2]). Судьба новаго оберъ-прокурорскаго предложенія неизвѣстна, такъ какъ въ скоромъ времени самъ представитель государственныхъ интересовъ и оффиціальный блюститель закона въ церковномъ управленіи былъ обвиненъ въ незаконномъ пользованіи казенными суммами синодальнаго вѣдомства и отстраненъ отъ занимаемой имъ должности.

Документы синодальнаго архива позволяютъ предполагать, что Чебышевъ довольно свободно относился къ казеннымъ денежнымъ средствамъ, находившимся въ распоряженіи высшаго церковнаго учрежденія, и усвоилъ себѣ привычку дѣлать иногда очень крупныя позаимствованія изъ синодальной казны, безъ обычныхъ, предписанныхъ закономъ, опредѣленій св. Синода. Очень вѣроятно, что члены Синода, не находившіеся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Чебышевымъ, часто возставшимъ противъ ихъ дѣйствій и разнообразныхъ распоряженій, не совпадавшихъ со взглядами прокуратуры, не упустили случая довести до свѣдѣнія верховной власти о непозволительномъ злоупотребленіи оберъ-прокурора значительными денежными суммами. По крайней мѣрѣ, достовѣрно, документально извѣстно, что Екатерина узнала о фактахъ нелегальныхъ позаимствованій казенныхъ денегъ, нерѣдко дозволяемыхъ себѣ оффиціальнымъ блюстителемъ государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, и приказала произвести внезапную ревизію синодальной казны. Порученіе произвести ревизію было дано генералъ-прокурору, князю Вяземскому, еще въ 1771 году получившему право сосредоточивать въ своихъ рукахъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 15.
[2]) Тамъ же, стр. 25.

высшее наблюденіе „за всѣми и всякаго званія государственными доходами и расходами безъ изъятія“ [1]).

7 мая 1774 года генералъ-прокуроръ Вяземскій увѣдомилъ высшій органъ церковнаго управленія о состоявшемся распоряженіи императрицы: „Ея Императорское Величество“, писалъ Вяземскій [2]), „повелѣла состоящую въ св. Синодѣ денежную казну вмѣстѣ съ членами Синода освидѣтельствовать; и по случаю, что изъ оной явилось забраннымъ г. оберъ-прокуроромъ Чебышевымъ 10 тысячъ 440 рублей, то ему въ св. Синодѣ болѣе не присутствовать“. Въ тотъ же день наличная касса и документы были освидѣтельствованы, и ревизіонная коммиссія констатировала, что въ то время, какъ по приходнымъ книгамъ, за выдачею на генварьскую треть заслуженнаго жалованья, должно было находиться на лицо 16.108 рублей 71 коп., въ дѣйствительности оказалось только 5,668 рублей 71 коп., остальныя же деньги, въ размѣрѣ 10,440 рублей, были забраны синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Чебышевымъ „по его собственноручнымъ росписямъ и письменнымъ приказамъ“. Рѣшивъ представить всеподданнѣйшій докладъ о результатахъ произведенной ревизіи, коммиссія признала необходимымъ, въ предупрежденіе такихъ нежелательныхъ явленій на будущее время, имѣть синодальную денежную казну оберъ-секретарю за своею печатью и выдавать расходчику только на тѣ расходы, на которые будутъ подписаны синодальныя опредѣленія, а безъ опредѣленій, подъ росписки, никому не выдавать ни подъ какимъ видомъ, по окончаніи же каждаго мѣсяца обязательно свидѣтельствовать наличную кассу и подавать о томъ репорты св. Синоду [3]).

Узнавъ о произведенной ревизіи, Чебышевъ поспѣшилъ прислать къ оберъ-секретарю Синода записку съ требованіемъ, чтобы отъ него келейнымъ, неоффиціальнымъ образомъ (въ домѣ самого уволеннаго оберъ-прокурора) были приняты, въ счетъ забранной суммы, 9,000 рублей и возвращены его собственноручныя росписки; остальныя же деньги (1,440 рублей) Чебышевъ обѣщалъ уплатить на той же недѣлѣ. Такъ какъ синодальная сумма была уже освидѣтельствована, то оберъ-

---

[1]) П. С. З. т. XIX, № 13,639.
[2]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1774 г. (мая 4) № 5, стр. 1.
[3]) Тамъ же, стр. 7—8.

секретарь не исполнилъ желанія Чебышева и доложилъ объ его запискѣ членамъ св. Синода. Синодъ обратился за дальнѣйшими указаніями по данному дѣлу къ генералъ-прокурору [1]), который и позволилъ ему принять деньги и возвратить росписки [2]).

На мѣсто уволеннаго отъ службы Чебышева указомъ отъ 12 мая 1774 года былъ назначенъ исправляющимъ должность синодальнаго оберъ-прокурора статскій совѣтникъ Сергѣй Васильевичъ Акчуринъ [3]). 20 іюля 1775 года окончательно утвержденный оберъ-прокуроромъ св. Синода [4]).

Новый оберъ-прокуроръ, избранный императрицей, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, далеко уже не походилъ на своихъ предшественниковъ—типичныхъ религіозныхъ вольнодумцевъ первой, либеральной половины Екатерининскаго вѣка. Какъ въ первые годы своего царствованія, когда Екатерина особенно усердно увлекалась французскою философіей и выработанными ею взглядами на религію и церковь, императрица поручала оберъ-прокурорскую должность въ св. Синодѣ лицамъ, усвоившимъ западно-европейскія либеральныя идеи, и даже находила возможнымъ предоставлять важныя обязанности прокурорскаго надзора въ церковномъ управленіи открытымъ атеистамъ, такъ и теперь значительныя перемѣны, начавшія происходить во взглядахъ государыни, не остались безъ извѣстнаго вліянія на выборъ новаго оберъ-прокурора. И мы видимъ, что вмѣсто Чебышева, который своею дѣятельностью, своимъ отношеніемъ къ церкви и ея интересамъ заслужилъ крайнее нерасположеніе синодальныхъ членовъ и даже ихъ „проклятія“ [5]), Екатерина назначила оберъ-прокуроромъ св. Синода человѣка, какъ кажется, не имѣвшаго уже ничего общаго съ религіознымъ вольнодумствомъ своего времени и съумѣвшаго вызвать своею дѣятельностью не только вниманіе и одобреніе верховной власти, но и расположеніе самихъ членовъ высшаго церковнаго учрежденія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 13.
[3]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1774 г. (мая 13) № 6.
[4]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1775 г. (авг. 4) № 1.
[5]) Русскій Вѣстникъ. 1868 г., т. LXXIV, стр. 468—469.

Недобросовѣстное отношеніе Чебышева къ государственнымъ интересамъ, выразившееся въ произвольномъ, незаконномъ пользованіи казенными денежными средствами, хотя и доставило св. Синоду прекрасный и удобный случай въ значительной степени ослабить стѣснительный для него правительственный контроль въ распоряженіи денежными средствами духовнаго вѣдомства, но не могло оказать существеннаго вліянія на положеніе прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи. Отстраненіе оберъ-прокурора отъ ближайшаго наблюденія за денежными расходами синодальнаго вѣдомства совершенно не гармонировало съ видами и стремленіями правительства, и Екатерина, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ назначенія Акчурина, нашла нужнымъ вновь подтвердить права и обязанности оберъ прокурора внимательно слѣдить за всѣми распоряженіями Синода, имѣвшими финансовый характеръ.

„До будущаго соизволенія Нашего“, писала Екатерина съ своемъ указѣ. даннымъ 28 мая 1781 года на имя генералъ-прокурора Вяземскаго [1]), „Мы находимъ пристойнымъ, чтобы всѣ при Синодѣ Нашемъ денежные расходы ведены были подъ наблюденіемъ синодальнаго оберъ-прокурора, а въ конторѣ синодской подъ смотрѣніемъ тамошняго прокурора“ Стремленіе къ полному объединенію финансоваго управленія всѣхъ вѣдомствъ въ рукахъ главнаго представителя государственныхъ интересовъ въ общей системѣ правительственной администраціи заставило, однако же, Екатерину возложить на синодальнаго оберъ-прокурора обязанность представлять денежную отчетность по духовному вѣдомству генералъ-прокурору Сената. Оберъ-прокуроръ св. Синода и прокуроръ его конторы, писала императрица кн. Вяземскому въ томъ же указѣ отъ 28 мая 1781 года, „должны установленныя вѣдомости представлять вамъ и въ надобныхъ случаяхъ требовать вашей резолюціи, поступая въ перепискѣ съ вами по примѣру сенатскаго оберъ-прокурора“ [2]).

Хотя правительственныя распоряженія о подчиненіи генералъ-прокурору Сената синодальнаго оберъ-прокурора имѣли уже мѣсто въ исторіи прокуратуры, но они, какъ намъ из-

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокур. св. Синода. Дѣло 1781 г. (іюн. 2) № 617.

[2]) Тамъ же.

вѣстно, не привились къ практической жизни и не отстранили оберъ-прокурора отъ непосредственныхъ сношеній съ верховною властью. Безъ сомнѣнія, при такомъ положеніи прокуратуры, указъ императрицы Екатерины II, устанавливавшій обязательную и опредѣленную отчетность синодальнаго оберъ-прокурора предъ сенатскимъ генералъ-прокуроромъ, былъ далеко не безразличенъ для интересовъ Акчурина, какъ самостоятельнаго органа государственнаго контроля въ церковномъ управленіи, но, въ данномъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду, что новое правительственное распоряженіе, вызванное стремленіемъ Екатерины сосредоточить высшее завѣдываніе всѣми государственными доходами и расходами въ рукахъ одного главнаго представителя прокуратуры, затрогивало исключительно только финансовую сферу управленія и даже въ этой сферѣ нисколько не измѣняло отношеній оберъ-прокурора къ членамъ св. Синода. Напротивъ, указъ императрицы, какъ мы видѣли, соединялся съ напоминаніемъ и подтвержденіемъ важнѣйшей обязанности оберъ-прокурора—внимательно слѣдить за хозяйственною, финансовою дѣятельностью высшаго церковнаго учрежденія; кромѣ того, устанавливавшаяся имъ обязательная финансовая отчетность синодальнаго представителя государственныхъ интересовъ предъ сенатскимъ генералъ-прокуроромъ не отнимала у Акчурина самой возможности непосредственныхъ сношеній съ верховной властью по другимъ дѣламъ духовнаго вѣдомства.

Въ свою очередь, и Екатерина иногда пользовалась имъ, какъ посредникомъ въ сношеніяхъ верховной власти съ высшимъ органомъ церковнаго управленія, поручая оберъ-прокурору передавать Синоду тѣ или другія распоряженія. 15 іюля 1778 года Акчуринъ объявилъ св. Синоду желаніе императрицы, чтобы церковныя власти не допускали постриженія въ монахини молодыхъ женщинъ, а тѣмъ болѣе молодыхъ дѣвицъ, и чтобы для наблюденія за благочиніемъ и порядкомъ въ женскихъ монастыряхъ назначались игуменьями „искусныя и разумныя“ монахини [1]) —16 марта 1775 года Екатерина, получившая прошеніе отъ 16 дьячковъ владимірской епархіи, уволенныхъ изъ духовнаго званія, писала оберъ-прокурору: „Господинъ Акчуринъ, скажите Синоду.

[1]) П. С. З. т. XX, № 14,773.

чтобъ старались сихъ бѣдныхъ людей умѣстить на праздныя мѣста, гдѣ будетъ нынѣ число церквей въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ прибыло“ [1]). И Синодъ исполнилъ желаніе императрицы, выраженное въ оберъ-прокурорскомъ предложеніи, вновь распредѣливъ по мѣстамъ всѣхъ 16 дьячковъ и исключивъ ихъ изъ подушнаго оклада [2]).

Но, передавая различныя распоряженія по духовному вѣдомству чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора, Екатерина не считала Акчурина единственнымъ и обязательнымъ посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ высшимъ органомъ церковнаго управленія. Какъ и при первыхъ оберъ-прокурорахъ: Козловскомъ, Мелиссино и Чебышевѣ, императрица и теперь вступала въ непосредственныя сношенія съ св. Синодомъ или же пользовалась посредничествомъ кого-либо изъ синодальныхъ членовъ.

Территоріальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя на югѣ Россіи послѣ счастливой войны съ Турціей, побудили Екатерину учредить въ предѣлахъ новороссійской и азовской губерній новую славянскую и херсонскую епархію и указать Синоду желательнаго кандидата для замѣщенія вновь учрежденной архіерейской каѳедры. 9 сентября 1775 года императрица писала въ своемъ именномъ указѣ, данномъ на имя высшаго церковнаго учрежденія: „объявляемъ Синоду Нашу Монаршую волю на посвященіе во архіепископа въ (славянскую и херсонскую) епархію грека іеремонаха Евгенія“, какъ человѣка, вполнѣ одареннаго высотою разума, благочестіемъ и всѣми добродѣтелями, необходимыми для архипастыря [3]). —Желаніе имѣть православнаго архіерея въ католической Польшѣ, гдѣ существовало и православное населеніе, заставило Екатерину дать св. Синоду именной указъ (отъ 27 марта 1785 года) объ учрежденіи въ польскихъ предѣлахъ особаго викаріатства и назначеніи на новую архіерейскую каѳедру архимандрита слуцкаго монастыря Виктора [4]).

Давая свои именные указы непосредственно св. Синоду, императрица иногда проводила въ практическую жизнь раз-

---

[1]) Русскій Архивъ. 1870 г. стр. 767.
[2]) Тамъ же, стр. 768.
[3]) П. С. З. т. XX, № 14,366.
[4]) Тамъ же, т. XXII, № 16,173.

личныя высочайшія распоряженія по духовному вѣдомству и чрезъ кого-либо изъ самихъ же членовъ высшаго церковнаго учрежденія.—10 мая 1776 года одинъ изъ синодальныхъ членовъ, архіепископъ новгородскій Гавріилъ, предложилъ вниманію св. Синода свой докладъ о приписке къ тверской епархіи городовъ Бѣжецка, Краснаго Холма и Вышняго Волочка; докладъ предварительно былъ представленъ лично имъ самимъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Екатерины и уже въ утвержденномъ видѣ объявленъ Синоду для надлежащаго исполненія [1]). — Именнымъ императорскимъ указомъ, даннымъ 23 декабря 1785 года синодальному члену, архіепископу московскому Платону, было, между прочимъ, предписано, чтобы всѣ типографіи выпускали въ свѣтъ свои книги не иначе, какъ послѣ предварительной цензуры, и чтобы цензорами, вмѣстѣ съ свѣтскими лицами, непремѣнно назначались и духовныя ученыя и просвѣщенныя особы, обязанныя слѣдить, чтобы въ книги, затрогивавшія различные религіозные вопросы, „не могли вкрасться расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія“. Сообщая свою волю московскому архіепископу Платону, Екатерина въ то-же время предписывала ему довести содержаніе даннаго указа до свѣдѣнія св. Синода [2]).

При выясненіи разнообразныхъ причинъ, создававшихъ постоянныя препятствія усиленію фактическаго вліянія синодальныхъ оберъ-прокуроровъ на церковное управленіе, нами было отведено должное мѣсто установившимся порядкамъ въ сношеніяхъ верховной власти съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ. Несомнѣнно, что и въ разсматриваемое время возможность непосредственныхъ сношеній Синода съ императрицей не могла не отражаться неблагопріятнымъ образомъ на фактическомъ положеніи и значеніи прокуратуры въ духовномъ вѣдомствѣ, предоставляя въ распоряженіе синодальныхъ членовъ важныя средства для небезуспѣшнаго противодѣйствія оберъ-прокурорскому вліянію на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи. И мы видимъ, что Акчуринъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось дѣйствовать не по непо-

---

[1]) П. С. З. т. XX, № 14,468.

[2]) Тамъ же, т. XXII, № 16, 352.

средственному порученію верховной власти, а въ силу тѣхъ правъ и полномочій, какія были ему предоставлены извѣстной оберъ-прокурорской инструкціей, не располагалъ значительнымъ вліяніемъ на св. Синодъ, и послѣдній имѣлъ возможность, безъ особенныхъ затрудненій, оставлять безъ исполненія его предложенія, если, по какимъ либо соображеніямъ, находилъ ихъ нежелательными и неудобными для себя.

11 генваря 1781 года синодальный оберъ-прокуроръ Акчуринъ получилъ чрезъ своего кучера письмо, въ которомъ оказалось доношеніе въ св. Синодъ „о наложенныхъ преосвященнымъ переяславскимъ на духовенство своей епархіи новыхъ поборахъ и чинимыхъ при производствѣ въ священнослужительскіе чины и при прочихъ просьбахъ отягощеніяхъ". Хотя и письмо, и доношеніе не были анонимными, но собственноручная подпись ихъ автора оказалась сдѣланной безъ должнаго соблюденія законной формы, установленной для подобныхъ прошеній; подпись состояла изъ имени и фамиліи переяславскаго протопопа Андрея Назарьева, причемъ доноситель, на основаніи горькаго опыта другихъ лицъ, жестоко поплатившихся за свои смѣлыя жалобы на епархіальныхъ архіереевъ, просилъ Синодъ не объявлять его имени. „Вы воображаете монаршее око", писалъ протоіерей Назарьевъ оберъ-прокурору Акчурину [1]), „какъ долгъ велитъ войти въ бѣдное состояніе своихъ подчиненныхъ, потому самому мнѣ другого нѣтъ способа, какъ прибѣгнуть подъ защиту Вашу, поднеся при семъ къ дѣйствію рабское мое изъясненіе".

Оберъ-прокуроръ предложилъ полученное „изъясненіе" на разсмотрѣніе св. Синода; очевидно, Акчуринъ придавалъ доношенію Назарьева значеніе законной жалобы и находилъ возможнымъ начать формальное судебное слѣдствіе надъ переяславскимъ архіереемъ. Но Синодъ, обыкновенно далеко неблагосклонно относившійся къ жалобамъ низшаго духовенства на свое ближайшее епархіальное начальство и, по всей вѣроятности, видѣвшій въ нихъ серьезную опасность для интересовъ строгой церковной дисциплины, отнесся совершенно иначе къ доносу переяславскаго протопопа. „Такъ какъ", моти-

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1781 г. (генв. 11) № 176, стр. 1.

вировалъ онъ свое постановленіе, вызванное предложеніемъ Акчурина, „полученное оберъ-прокуроромъ доношеніе писано старыми числами отъ неизвѣстнаго человѣка, который ни мѣста, ни званія своего не объявляетъ, да и подано не въ указанномъ мѣстѣ кѣмъ неизвѣстно, и чинъ и въ рукоприкладствѣ имя писаны по чищеному, самъ же доноситель, вмѣсто доказательствъ, проситъ, чтобы и имя его предъ цѣлымъ свѣтомъ скрыть, почему и признается оное за пасквиль, того ради оное оставить безъ всякого дѣйствія“ [1]).

Интересно, что очевидное нежеланіе Синода провѣрить справедливость жалобы на злоупотребленія архіерея заставила его воспользоваться для доказательства законности своего отрицательнаго отношенія къ предложенію оберъ-прокурора довольно сомнительными данными, утрачивающими всякое значеніе при внимательномъ знакомствѣ съ цитируемымъ дѣломъ синодальнаго архива. Въ оправданіе своего рѣшенія Синодъ, какъ мы видѣли, ссылался на то, что „доношеніе писано старыми числами“; дѣйствительно, оно было помѣчено 9-мъ числомъ генваря 1780 года, получено же оберъ-прокуроромъ только 10 января 1781 года. Но такой значительный промежутокъ времени, отдѣляющій фактъ полученія Акчуринымъ доноса Назарьева отъ самаго акта составленія жалобы, не представляетъ собою ничего страннаго, если принять во вниманіе способъ передачи доношенія. Указаніе Синода на то, что донось „писанъ отъ неизвѣстнаго человѣка, который ни мѣста, ни званія своего не объявляетъ“, совершенно не согласно съ дѣйствительностью, такъ какъ и мѣсто („переяславльскій“), и званіе („протопопъ“) автора поданной жалобы были объявлены, но только не по установленной формѣ.—Такой же характеръ имѣетъ и очень важная, повидимому, ссылка синодальнаго постановленія на то, что „въ рукоприкладствѣ имя писано по чищеному“: въ дѣйствительности, на томъ мѣстѣ, гдѣ подписаны имя и фамилія доносителя, никакой подчистки не существуетъ, а только собственноручная подпись Андрея Назарьева покрыта какимъ-то составомъ, подобно тому, какъ иногда въ нѣкоторыхъ документахъ покрываются лакомъ, написанныя карандашемъ, замѣтки различныхъ высокопоставленныхъ лицъ.

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1781 г. № 476.

Не смотря на такое отношеніе Синода къ допосу переяславскаго протопопа о злоупотребленіяхъ епархіальнаго архіерея и довольно несостоятельныя доказательства законности состоявшагося постановленія — оставить безъ всякихъ послѣдствій поданную жалобу, синодальные члены не встрѣтили никакого протеста противъ своего рѣшенія со стороны оберъ-прокурорской власти, и Акчуринъ, повидимому, легко примирился съ отрицательными результатами сдѣланнаго предложенія. Подобный образъ дѣйствій оберъ-прокурора, такъ легко примирившагося съ своей неудачной попыткой возбудить формальное судебное слѣдствіе о злоупотребленіяхъ переяславскаго архіерея, находился уже въ значительной зависимости отъ характера его личныхъ отношеній къ членамъ св. Синода, такъ какъ Акчуринъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ, по всей вѣроятности подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ печальнаго инцидента съ оберъ-прокуроромъ Чебышевымъ, державшимъ себя очень рѣзко съ синодальными членами, но послѣ извѣстной ревизіи казенныхъ суммъ вынужденнымъ искать поддержки и заступничества у тѣхъ же членовъ [1]), очень дорожилъ хорошими отношеніями съ сильными и вліятельными архіереями, засѣдавшими въ св. Синодѣ, и былъ даже „уголливъ и низкопоклоненъ“ предъ ними [2]). Отношенія прокуратуры къ членамъ высшаго церковнаго учрежденія настолько даже улучшились при преемникѣ Чебышева, что сами члены св. Синода признали справедливымъ испросить у государыни награду Акчурину за его служебную дѣятельность, и дѣйствительно, по ходатайству митрополитовъ Гавріила и Платона, оберъ-прокуроръ получилъ отъ Екатерины аннинскую ленту, чинъ тайнаго совѣтника, сенаторство и деревню [3]).

---

[1]) По словамъ московскаго митрополита Филарета, (Сушковъ. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго, стр. 223) когда открылась растрата казенныхъ денегъ, Чебышевъ съ отчаянія кинулся въ воду... да всплылъ и, обсушась, побрелъ по членамъ Синода съ повинною.

[2]) Русскій Вѣстникъ. 1868 г. т. LXXVI. „Изъ прошлаго“, стр. 471.

[3]) Тамъ же, стр. 469.

28 іюня 1786 года императрица Екатерина уволила Акчурина отъ занимаемой имъ должности синодальнаго оберъ-прокурора [1]) и въ тотъ же день назначила на его мѣсто статскаго совѣтника Аполлоса Ивановича Наумова, состоявшаго до того времени оберъ-секретаремъ синодальной канцеляріи [2]). Назначеніе новаго оберъ-прокурора не повело за собою значительныхъ измѣненій въ отношеніяхъ прокуратуры къ св. Синоду, такъ какъ и Наумовъ, не смотря на извѣстный намъ характеръ церковной политики правительства, благопріятной для интересовъ оберъ прокурорской власти, располагалъ тѣми же не вполнѣ достаточными средствами для дѣйствительнаго, фактическаго вліянія на членовъ св. Синода, какія находились въ распоряженіи его предшественниковъ — первыхъ оберъ-прокуроровъ Екатерининскаго царствованія.

Правда, Синодъ исполнялъ оберъ-прокурорскія предложенія не исключительно только въ тѣхъ случаяхъ, когда Наумовъ передавалъ ему желанія или приказанія верховной власти непосредственно отъ самой императрицы; нерѣдко Синодъ придавалъ должное значеніе указаніямъ Наумова на различные безпорядки и опущенія въ церковномъ управленіи и исполнялъ его предложенія даже и при отсутствіи подобнаго условія, когда оберъ-прокуроръ, какъ представитель государственныхъ интересовъ въ церковномъ учрежденіи, дѣйствовалъ по своей собственной иниціативѣ, въ силу тѣхъ правъ и полномочій, какія были представлены ему инструкціей 1722 года. Но подобные факты нисколько не противорѣчатъ нашимъ представленіямъ о фактическомъ положеніи прокуратуры въ синодальномъ вѣдомствѣ и степени ея вліянія на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, исполненіе предложеній Наумова находилось въ значительной зависимости отъ того, что Синодъ не считалъ ихъ не согласными съ своими интересами и не видѣлъ въ стремленіяхъ и воззрѣніяхъ оберъ-прокурора рѣзкаго противорѣчія своимъ собственнымъ взглядамъ на тѣ или другія явленія и потребности церковной жизни.

---

[1]) Архивъ св. Синода. Сенатск. вѣдѣн. 1786 г. № 280, стр. 59.

[2]) Тамъ же.

26 марта 1789 года оберъ-прокуроръ Наумовъ предложилъ св. Синоду, чтобы всѣ учрежденія духовнаго вѣдомства обязательно доставляли въ синодальную канцелярію копіи съ получаемыхъ ими именныхъ императорскихъ указовъ. Просматривая различныя частныя дѣла, поступавшія въ Синодъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, оберъ прокуроръ замѣтилъ, что нерѣдко епархіальные преосвященные, получая „отъ свѣтскихъ персонъ и командъ“ именные императорскіе указы о постройкѣ и починкѣ архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей, или совершенно не сообщали св. Синоду никакихъ свѣдѣній ни о полученіи указовъ, ни объ ихъ исполненіи, или же докладывали ему о высочайшихъ распоряженіяхъ уже послѣ того, какъ они были приведены въ исполненіе. А между тѣмъ, именнымъ указомъ Петра I отъ 10 мая 1723 года всѣ коллегіи и канцеляріи, получавшія императорскія распоряженія, были обязаны немедленно же доводить о нихъ до свѣдѣнія Сената, чтобы „за неизвѣстіемъ о такихъ указахъ не происходило въ дѣлахъ помѣшательство“ Такъ какъ данный указъ самъ же св. Синодъ, распоряженіемъ отъ 25 іюня того же года, сдѣлалъ обязательнымъ для всѣхъ учрежденій духовнаго вѣдомства, то Наумовъ и предложилъ ему подтвердить свое прежнее постановленіе и предписать подчиненнымъ учрежденіямъ доставить точныя свѣдѣнія относительно всѣхъ именныхъ указовъ, полученныхъ ими со времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины, а на будущее время, въ случаѣ полученія подобныхъ указовъ, немедленно присылать съ нихъ копіи и въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ увѣдомлять Синодъ объ исполненіи тѣхъ или другихъ распоряженій [1]).

Не смотря на то, что оберъ-прокуроръ, констатируя неаккуратность епархіальныхъ властей въ доставленіи узаконенныхъ свѣдѣній объ исполненіи различныхъ распоряженій экономическаго характера, стремился къ введенію строгой отчетности по исполненію церковными учрежденіями всевозможныхъ императорскихъ указовъ, предложеніе Наумова не нарушало интересовъ св. Синода; напротивъ, можно даже утверждать, что уклоненія епархіальныхъ архіереевъ отъ установленной отчетности предъ Синодомъ въ исполненіи именныхъ импера-

---

[1]) П. С. З. т. XXIII, № 16,752.

торскихъ указовъ не гармонировали съ его собственными стремленіями, почему Синодъ и отнесся сочувственно къ предложенію оберъ-прокурора, постановивъ немедленно привести его въ исполненіе [1]).

Такой же характеръ носитъ и предложеніе Наумова, данное св. Синоду 10 января 1793 года [2]). По случаю пожара, уничтожившаго въ московскомъ Рождественскомъ женскомъ монастырѣ деревянную келью и каменную богадѣльню, императрица поручила синодальному оберъ-прокурору „сдѣлать описаніе погорѣвшему строенію“ и представить смѣту суммъ, необходимыхъ для возобновленія кельи и богадѣльни. Исполняя императорское порученіе, Наумовъ обратилъ вниманіе на то, что о монастырскомъ пожарѣ „ни откуда по командѣ св. Синоду не было рапортовано“, тогда какъ въ гражданскихъ вѣдомствахъ считалось обязательнымъ доставленіе начальству точныхъ свѣдѣній о подобныхъ происшествіяхъ, вслѣдствіе чего оберъ-прокуроръ и предложилъ св. Синоду предписать всѣмъ подчиненнымъ ему учрежденіямъ съ первою же почтой обязательно доносить о такихъ случайныхъ происшествіяхъ. Безъ сомнѣнія, данное оберъ-прокурорское предложеніе, направленное къ развитію и усиленію отчетности епархіальныхъ архіереевъ предъ самимъ св. Синодомъ, нисколько не противорѣчило интересамъ послѣдняго, и мы видимъ, что желаніе Наумова въ непродолжительномъ времени было въ точности исполнено Синодомъ [3]).

Охотно исполняя оберъ-прокурорскія предложенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они не нарушали интересовъ духовнаго вѣдомства, св. Синодъ совершенно иначе держалъ себя по отношенію къ прокуратурѣ, если замѣчалъ, что ея воззрѣнія на тѣ или другія явленія и потребности церковной жизни рѣзко расходились со взглядами самихъ синодальныхъ членовъ; при наличности подобныхъ условій, Наумовъ не имѣлъ уже никакой возможности оказывать дѣйствительное, фактическое вліяніе на характеръ и направленіе его дѣятельности, и Синодъ руководился въ своихъ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ исклю-

---

[1]) П. С. З. т. XXIII, № 16,752.

[2]) Тамъ же, № 17,096.

[3]) Тамъ же.

чительно только собственными соображеніями и не придавалъ особеннаго значенія недовольству и протестамъ оберъ-прокурора.

Въ 1786 году въ св. Синодѣ началось дѣло, вызванное прошеніемъ, уволеннаго изъ духовнаго званія, протоіерея вятскаго каѳедральнаго собора Тукмачева и доношеніемъ вятскаго преосвященнаго Лаврентія, жаловавшагося на протопопа Тукмачева въ навлеченіи имъ на него, епископа, подозрѣній въ незаконномъ расходованіи по архіерейскому дому казенныхъ денежныхъ суммъ [1]). Судебное слѣдствіе выяснило, что 1) еще предшественникъ Лаврентія, вятскій епископъ Варѳоломей, въ 1759 году получилъ на различныя потребности архіерейскаго дома и мѣстнаго монастыря 15,782 рубля 51½ коп., но употребилъ на дѣйствительныя нужды только 1,099 р. 73¾ к., остальныя же деньги оставилъ въ своемъ архіерейскомъ домѣ, а между тѣмъ, 2) въ 1760 году, по опредѣленію св. Синода, въ тотъ же архіерейскій домъ было отпущено 5,293 р. 40 к., которые и оказались израсходованными. 3) Когда въ 1764 году, по составленіи штатовъ, коллегія экономіи потребовала вѣрныхъ и точныхъ вѣдомостей о всѣхъ наличныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ суммахъ, покойный епископъ Варѳоломей не сообщилъ никакихъ свѣдѣній объ оставшихся въ вятскомъ архіерейскомъ домѣ 14,682 р. 77¾ к., преосвященный же Лаврентій сослался на то, что Сенатъ особымъ указомъ назначилъ оставшіяся деньги на постройку дома, почему Варѳоломей и израсходовалъ изъ нихъ 9,643 руб. 27½ коп. 4) Послѣ учрежденія штатовъ, Варѳоломей нерѣдко присвоялъ себѣ нѣкоторыя монастырскія суммы, составлявшія, по закону, собственность коллегіи экономіи, 5) епископъ же Лаврентій, вступивши на каѳедру вятской епархіи (въ 1774 году), хотя и нашелъ въ своей канцеляріи свободныхъ, наличныхъ остаточныхъ суммъ 5,039 р. 50¼ к., однако не сообщилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній, а вытребовалъ еще въ 1777 году изъ коллегіи экономіи 490 рублей на исправленіе семинаріи, да въ 1785 году получилъ отъ вятской казенной палаты 495 рублей на поправку консисторскаго зданія. 6) Кромѣ того, въ вят-

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокурора св. Синода. Дѣло 1788 г. (сент. 29) № 953.

скій архіерейскій домъ ежегодно поступало доходовъ отъ свѣчной продажи отъ 1,590 до 6,200 рублей; изъ этихъ крупныхъ суммъ на одне постройки было истрачено съ 1760 по 1786 годъ болѣе 100.000 рублей, о чемъ, однако же, епархіальное начальство не потрудилось представить точныхъ отчетовъ. 7) Когда же протоіерей Тукмачевъ началъ заявлять „сумнительства“ о незаконномъ отношеніи вятскаго архіерея къ казеннымъ деньгамъ, епископъ Лаврентій поспѣшилъ употребить наличныя казенныя суммы, въ количествѣ 5,039 р. $50^1/_4$ к., на неуказанныя постройки, а церковные сборы истратилъ, за небольшимъ остаткомъ, на „непужное устроеніе въ соборѣ на престолѣ сребропрошитой одежды“, оставшейся безъ употребленія, и на покупку книгъ въ соборную библіотеку; въ то же время преосвященный раздавалъ наличныя деньги и различнымъ частнымъ лицамъ подъ векселя съ процентами, съ причисленіемъ послѣднихъ къ церковнымъ суммамъ.

Св. Синодъ, послѣ внимательнаго и продолжительнаго обсужденія результатовъ судебнаго слѣдствія, постановилъ обязать епископа Лаврентія немедленно возвратить въ вятскую казенную палату оставшіяся въ незначительномъ количествѣ наличныя деньги (4,979 р. 52 к.) и, при первой возможности, уплатить въ ту же палату, вмѣсто истраченныхъ суммъ, 1,340 р. $48^1/_4$ к.; въ то же время всѣ обстоятельства даннаго дѣла, обнаруженныя судебнымъ слѣдствіемъ, Синодъ рѣшилъ представить на разсмотрѣніе генералъ-прокурора, которому, какъ намъ извѣстно, именнымъ императорскимъ указомъ было поручено главное наблюденіе за приходами и расходами во всѣхъ, безъ исключенія, вѣдомствахъ.

Представляя генералъ-прокурору Вяземскому экстрактъ разбиравшагося дѣла, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ св. Синода, оберъ-прокуроръ Наумовъ обнаружилъ явное недовольство отношеніемъ синодальныхъ членовъ къ дѣйствіямъ епископа Лаврентія. Изъ открывшихся по слѣдствію обстоятельствъ, писалъ онъ, обнаружилось, что въ вятскомъ архіерейскомъ домѣ, путемъ различныхъ церковныхъ сборовъ, ежегодно получались очень значительныя денежныя суммы; между тѣмъ, хотя въ духовныхъ штатахъ вполнѣ точно опредѣлены размѣры содержанія, назначеннаго на каждый архіерейскій домъ, свѣчные же доходы предписано употреблять съ надлежащею и строгою отчетностью, обязательно доставляя въ коллегію

экономіи точныя свѣдѣнія о времени, количествѣ и назначеніи произведенныхъ тратъ, а оставшіяся суммы велѣно сохранять въ казнѣ и не производить на нихъ никакихъ новыхъ построекъ безъ распоряженія коллегіи экономіи, въ вятской епархіи не всегда и не во всемъ исполнялись распоряженія правительства. Многочисленные свѣчные доходы совсѣмъ не показывались въ отчетахъ и, вообще, о нихъ ничего не давалось знать, какъ будто бы ихъ вовсе и не существовало, остававшіяся деньги въ казнѣ не содержались, а самовольно употреблялись на неуказанные расходы и ненужныя постройки; имѣя свободныя наличныя суммы и умалчивая о нихъ, вятскій архіерей не только ежегодно получалъ изъ казны положенныя по штату деньги, но и требовалъ особыя суммы на различныя поправки.

Очевидно, что Наумовъ, обязанный слѣдить за точнымъ исполненіемъ дѣйствовавшихъ законовъ, охранявшихъ интересы государственной казны, считалъ епископа Лаврентія виновнымъ въ произвольномъ распоряженіи церковными доходами, имѣвшими строго опредѣленное назначеніе, и находилъ нежелательнымъ снисходительное отношеніе къ поступкамъ вятскаго архіерея, почему въ своемъ рапортѣ, поданномъ Вяземскому 4 октября 1788 года, и просилъ генералъ-прокурора принять какія либо мѣры для устраненія подобныхъ явленій на будущее время. Но св. Синодъ, выходившій изъ своей точки зрѣнія на назначеніе церковныхъ доходовъ, не нашелъ въ дѣйствіяхъ вятскаго преосвященнаго никакихъ злоупотребленій, которыя бы могли быть отнесены къ похищенію казенныхъ денегъ или къ расходованію ихъ на личныя потребности, такъ какъ дѣло было поставлено такимъ образомъ, что послѣ многочисленныхъ разъясненій и оправдательныхъ документовъ, представленныхъ архіереемъ, самъ доноситель—протопопъ Тукмачевъ, въ концѣ концовъ, оказался вынужденнымъ дать въ консисторіи письменное показаніе, что „онъ объ утратѣ казенныхъ денегъ никакого сумнѣнія не беретъ, и что деньги по различнымъ расходнымъ статьямъ не утаены“, и даже засвидѣтельствовалъ своимъ рукоприкладствомъ справку о всѣхъ доходахъ и расходахъ вятской епархіи, произведенную въ мѣстной консисторіи и представленную въ св. Синодъ. Основываясь на подобныхъ данныхъ, Синодъ и пришелъ къ заключенію, что дѣло епископа Лаврентія,

возбужденное „по одному только его протопопа вышеобъявленному сумнѣнію, не точію безъ всякаго доказательства, но и безъ точнаго показанія, въ чемъ онъ то сумнѣніе имѣетъ“, не представляетъ собою особенно важнаго явленія и не требуетъ спеціальнаго синодальнаго рѣшенія.

Очень вѣроятно, что св. Синодъ, убѣжденный въ крайней недостаточности штатныхъ суммъ, отпускавшихся на содержаніе архіерейскихъ домовъ и разнообразныя потребности епархіальнаго управленія, не видѣлъ ничего непозволительнаго въ естественныхъ стремленіяхъ епархіальныхъ архіереевъ изыскивать всевозможныя мѣстныя средства для удовлетворенія многочисленныхъ нуждъ церковной жизни.

Какъ смотрѣли нѣкоторые синодальные члены изучаемаго времени на пользованіе церковными суммами и стремленія представителей государственной власти строго контролировать расходованіе денежныхъ средствъ, собираемыхъ по духовному вѣдомству и ассигнуемыхъ на различныя потребности церковной жизни, можно отчасти видѣть изъ писемъ московскаго митрополита Платона къ Амвросію Подобѣдову. „Что Вы думаете“, писалъ Амвросію митрополитъ Платонъ въ 1788 году, „о недавно изданномъ указѣ о имуществѣ домовъ нашихъ? Можетъ-ли быть что несправедливѣе и нелѣпѣе?“ [1]) „Тяжелѣе отказа то“, читаемъ въ другомъ письмѣ Платона [2]), „что мы и на свои деньги ничего не можемъ возобновлять въ домахъ и монастыряхъ, не испросивъ дозволенія отъ свѣтскихъ начальствъ. Какое намъ дѣло до нихъ и имъ до насъ? И съ чего взяли, чтобы мы подчинялись имъ даже въ этомъ?“ Понятно, что, при подобныхъ взглядахъ на церковныя суммы и ихъ нормальное назначеніе, св. Синодъ не нашелъ ничего предосудительнаго въ дѣйствіяхъ вятскаго епископа Лаврентія и постановилъ прекратить возбужденное дѣло безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій для обвинявшагося архіерея.

Оберъ-прокуроръ Наумовъ довелъ постановленіе синодальныхъ членовъ до свѣдѣнія генералъ-прокурора Вяземскаго, но генералъ-прокуроръ не нашелъ возможнымъ вмѣшиваться

---

[1]) Правосл. Обозр. 1869 г. кн. V. Письма Платона, стр. 16.

[2]) Тамъ же и кн. VI, стр. 17.

въ отношенія Синода къ вятскому архіерею, такъ какъ Синодъ не признавалъ въ его поступкахъ никакого преступленія, имѣвшаго характеръ растраты казенныхъ денежныхъ суммъ, и только попросилъ оберъ-прокурора предложить высшему церковному учрежденію озаботиться введеніемъ строгой отчетности о свѣчныхъ доходахъ и казенныхъ суммахъ, отпускавшихся на починки и различныя церковныя потребности, что и было исполнено Наумовымъ 27 февраля 1789 года [1]).

Оказывая незначительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи, Наумовъ въ послѣдніе годы оберъ-прокурорской службы находилъ даже возможнымъ предоставлять самимъ синодальнымъ членамъ право выбора своего временнаго замѣстителя. По крайней мѣрѣ, получивъ въ іюлѣ 1790 года отъ гофмейстера гр. Безбородко отпускъ на 29 дней и уже выѣхавъ изъ Петербурга, Наумовъ, чрезъ письмо къ синодальному оберъ-секретарю, предложилъ св. Синоду самому обсудить и рѣшить вопросъ, кому слѣдуетъ поручить, до его возвращенія, исполненіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей [2]).

Можно думать, что къ концу своей синодальной службы Наумовъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, оказался не въ состояніи успѣшно выполнять сложныя и трудныя обязанности прокуратуры въ церковномъ управленіи и высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату 26 іюля 1791 года, былъ уволенъ отъ занимаемой должности, по его собственному прошенію, „за старостью и болѣзнями“, какъ объявлено въ указѣ, и замѣненъ новымъ оберъ-прокуроромъ—дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ [3]).

Документы синодальнаго архива, имѣющіе отношеніе къ оберъ-прокурорской дѣятельности Мусина-Пушкина, позволяютъ утверждать, что преемникъ Наумова, въ значительной степени усиливший вліяніе прокуратуры на церковное управленіе, до-

---

[1]) Канцелярія оберъ-прок. св. Син. Дѣло 1788 г. № 953.

[2]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1790 г. (іюл. 8) № 2.

[3]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1791 г. (іюл. 31) № 1.

вольно внимательно слѣдилъ за ходомъ синодальнаго дѣлопроизводства, наблюдалъ за цѣлостью денежныхъ суммъ, находившихся въ распоряженіи св. Синода, и не оставлялъ безъ должнаго надзора дѣятельности всего чиновничьяго персонала, состоявшаго въ канцеляріи высшаго церковнаго учрежденія. Синодальный экзекуторъ не только былъ обязанъ, но и въ дѣйствительности очень аккуратно доставлялъ оберъ-прокурору репорты о числѣ протоколовъ, подписанныхъ Синодомъ въ продолженіе извѣстнаго періода, съ точнымъ указаніемъ тѣхъ изъ нихъ, по которымъ или уже „исполненіе учинено“, или еще только заготовлялись надлежащія справки [1]). Въ то же время оберъ-секретарь синодальной канцеляріи ежемѣсячно представлялъ Мусину-Пушкину вѣдомость о количествѣ и назначеніи различныхъ денежныхъ суммъ, остававшихся въ наличности при св. Синодѣ [2]), а экзекуторъ доносилъ ему о состояніи канцеляріи, о служебной дѣятельности секретарей и прочихъ чиновниковъ [3]), подавая на разсмотрѣніе оберъ-прокурора, въ случаѣ болѣзни или манкированія кѣмъ-либо изъ нихъ своими служебными обязанностями, и особыя вѣдомости объ упущеніяхъ по службѣ неисправныхъ чиновниковъ [4]).

Внимательнс слѣдя за всѣмъ, происходившимъ въ синодальной канцеляріи, Мусинъ-Пушкинъ настойчиво требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы въ предѣлахъ ея ничто не дѣлалось безъ вѣдома и распоряженія оберъ-прокурора. Въ своемъ предписаніи отъ 20 іюня 1795 года, данномъ на имя синодальной канцеляріи, Мусинъ-Пушкинъ замѣтилъ, что хотя еще покойный оберъ-прокуроръ Акчуринъ распорядился, чтобы не только никому и никакихъ синодальныхъ дѣлъ, „безъ дозволенія оберъ-прокурора, не казать и не давать, но даже

---

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. Дѣло № 1,195.

[2]) Тамъ же, № 1,329.

[3]) Тамъ же, № 1,195. „Въ канцеляріи св. Синода, также въ архивѣ и типографіи“, писалъ обыкновенно въ своихъ рапортахъ синодальный экзекуторъ, „состояло все благополучно, господа секретари и прочіе канцелярскіе служители при должностяхъ своихъ, а унтеръ-офицеры, солдаты и сторожа въ содержаніи карауловъ и прочаго находились исправно“,

[4]) Канцелярія об.-прокур. св. Син. № 1,195.

объ нихъ безъ надобности и не сказывать, особенно же о важныхъ и тайныхъ дѣлахъ, прежде подписанія и выпуска какого-либо опредѣленія", и самъ онъ ордеромъ отъ 19 сентября 1791 года далъ канцеляріи аналогичное предписаніе, но теперь снова является необходимость подтвердить прежнее распоряженіе и настойчиво требовать отъ чиновниковъ точнаго исполненія оберъ-прокурорскаго приказа; „нынѣ," писалъ Мусинъ-Пушкинъ, „по нѣкоторымъ открывшимся обстоятельствамъ за нужное нахожу подтвердить всѣмъ чинамъ канцеляріи, чтобы никто, безъ вѣдѣнія оберъ-прокурора, подъ опасеніемъ взысканія", не показывалъ никому и никакихъ синодальныхъ дѣлъ [1]).

Довольно самостоятельно распоряжаясь канцеляріей св. Синода со всѣмъ ея чиновничьимъ персоналомъ, Мусинъ-Пушкинъ, благодаря непосредственнымъ сношеніямъ съ императрицей, имѣлъ даже возможность, безъ всякихъ препятствій со стороны высшаго церковнаго учрежденія, пользоваться штатными суммами духовнаго вѣдомства и употреблять ихъ для удовлетворенія возраставшихъ нуждъ и потребностей оберъ-прокурорской службы. 2 ноября 1793 года Мусинъ-Пушкинъ словесно заявилъ св. Синоду, что императрица Екатерина позволила ему, оберъ-прокурору, взять изъ остающихся въ московской синодальной конторѣ штатныхъ суммъ 2.000 рублей на расходъ и содержаніе людей по особо порученнымъ ему дѣламъ, о чемъ онъ, оберъ-прокуроръ, дастъ конторѣ надлежащее предписаніе. Выслушавъ предложеніе Мусина-Пушкина, Синодъ отнесся къ нему, какъ къ сообщенію, не подлежавшему никакимъ обсужденіямъ, и ограничился только тѣмъ, что приказалъ записать его въ журналъ — для свѣдѣнія [2]).— 8 декабря 1794 года Мусинъ-Пушкинъ, не присутствовавшій лично на засѣданіи синодальныхъ членовъ, поручилъ оберъ-секретарю словесно предложить св. Синоду, что императрица позволила ему, оберъ-прокурору, взять на годовой расходъ и содержаніе людей 2,000 рублей, да кромѣ того, отдала въ его распоряженіе, для пересылки церковныхъ ризницъ въ раз-

---

[1]) Тамъ же, № 1,381.

[2]) Архивъ св. Синода. Копіи съ Высочайшихъ указовъ 1787—1793 гг., стр. 168, № 23.

личныя мѣста, 500 рублей изъ остающихся въ московской синодальной конторѣ наличныхъ штатныхъ суммъ, о чемъ имъ, оберъ-прокуроромъ, и будетъ дано соотвѣтствующее предписаніе. Не смотря на отсутствіе Мусина-Пушкина, и данное предложеніе прокуратуры, какъ основанное на высочайшей волѣ, встрѣтило со стороны св. Синода такое же отношеніе, какое вызвало личное заявленіе оберъ-прокурора отъ 2 ноября 1793 года [1]).

Непосредственныя сношенія синодальнаго оберъ-прокурора съ верховною властью по самымъ разнообразнымъ дѣламъ церковнаго управленія, не исключая даже и дѣлъ экономическаго характера, которыя еще такъ недавно были поручены высшему надзору сенатскаго генералъ-прокурора, нерѣдко могли предоставлять Мусину-Пушкину возможность пользоваться своими всеподданнѣйшими докладами, какъ чрезвычайно удобнымъ средствомъ, чтобы убѣждать императрицу въ необходимости такихъ указовъ и распоряженій по адресу высшаго церковнаго учрежденія, какіе признавались полезными самою прокуратурой. Едва ли слѣдуетъ доказывать, что такія отношенія между прокуратурой и верховною властью не могли не отражаться извѣстнымъ образомъ на положеніи Мусина-Пушкина въ св. Синодѣ и фактическихъ отношеніяхъ синодальныхъ членовъ къ своему оберъ-прокурору.

Высказанное нами положеніе не представляетъ собою ничего невѣроятнаго, такъ какъ Екатерина очень часто давала Мусину-Пушкину различныя порученія по духовному вѣдомству для передачи ихъ св. Синоду, и многія изъ ея высочайшихъ повелѣній являлись результатами предшествовавшихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ оберъ-прокурора.

22 марта 1792 года оберъ-прокуроръ, на основаніи полученнаго имъ отъ императрицы высочайшаго распоряженія, предложилъ св. Синоду, чтобы во всѣ епархіи, а особенно въ оба столичные города, было дано строжайшее предписаніе о соблюденіи приходскими священниками величайшей осторожности при вѣнчаніи брачущихся въ различныхъ степеняхъ родства или свойства, для чего и рекомендовалъ снаб-

---

[1]) Тамъ же. Копіи Высоч. указ. 1794—1797 гг. стр. 19, № 28.

дить священниковъ точными правилами [1]).— 12 апрѣля 1792 года Мусинъ-Пушкинъ предложилъ св. Синоду принять къ свѣдѣнію, что Ея Величество всемилостивѣйше позволила епископу нижегородскому Дамаскину пріѣхать въ Петербургъ [2]).— 8 декабря 1794 года оберъ прокуроръ словесно предложилъ св. Синоду, что императрица Екатерина, *по его всеподданнѣйшему докладу*, приказала находившагося въ Саровской пустынѣ монаха Палладія Лаврова, писавшаго „дерзновенныя, наполненныя нелѣпостями бумаги", перевести въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, гдѣ и содержать его подъ присмотромъ, не давая ему ни бумаги, ни чернилъ, а въ случаѣ дерзости или упрямства, наказывать заключеннаго по обычаю монашескому [3]).—27 августа 1796 года оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи сообщилъ св. Синоду, что онъ, Мусинъ-Пушкинъ, являлся къ государынѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ по вопросу о производствѣ жалованія синодальному члену, митрополиту новгородскому и петербургскому Гавріилу, временно не присутствовавшему въ Синодѣ по случаю пребыванія въ Новгородѣ, и выслушалъ отъ нея распоряженіе о выдачѣ митрополиту полнаго жалованія, по званію члена св. Синода, за все время его занятія своими епархіальными дѣлами, о чемъ оберъ-прокуроръ и увѣдомилъ уже Гавріила [4]).

Передавая св. Синоду самыя разнообразныя распоряженія верховной власти и представляя государынѣ всеподданнѣйшіе доклады по дѣламъ духовнаго вѣдомства, прокуратура, въ лицѣ Мусина-Пушкина, ввела въ практику обычай, при подношеніи верховной власти обыкновенныхъ еженедѣльныхъ репортовъ о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ св. Синодѣ, прилагать къ нимъ отъ себя особыя краткія записки; по крайней мѣрѣ, въ журналѣ св. Синода отъ 24 апрѣля 1797 года за № 24-мъ

---

[1]) Архивъ св. Син. Копіи съ Высоч. указ. 1787—1793 гг., стр. 138.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же. Копіи съ Выс. указ. 1794—1797 гг., стр. 18, № 27.

[4]) Архивъ св. Син. Копіи съ Высоч. указ. 1794—1797 гг., стр. 61—62, № 23.

встрѣчается слѣдующее постановленіе: „при подношеніи Его Императорскому Величеству отъ синодальнаго г. оберъ-прокурора обыкновенныхъ семидневныхъ о рѣшенныхъ въ св. Синодѣ дѣлахъ репортовъ, о случающихся между ними такихъ, кои рѣшены по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, предоставить ему же, оберъ-прокурору, прилагать особыя краткія записки“ [1]).

Но интересно, что Мусинъ Пушкинъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ для значительнаго фактическаго вліянія на положеніе дѣлъ въ церковномъ управленіи, не приходилъ въ столкновенія съ синодальными членами и иногда совершенно не вмѣшивался въ ихъ дѣятельность даже въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо дѣла, возникавшія въ св. Синодѣ, такъ или иначе, но близко затрогивали самые существенные, матеріальные интересы государственной казны.

27 марта 1791 года въ св. Синодъ было прислано прошеніе іеромонаха Богословскаго монастыря рязанской епархіи, Макарія, съ доносомъ на мѣстнаго епархіальнаго архіепископа Симона, обвинявшагося въ „ненужной“, не вызванной никакими дѣйствительными потребностями, ломкѣ прежнихъ построекъ въ архіерейскомъ домѣ и въ замѣнѣ ихъ новыми „излишними“ покоями, „съ безполезною тратою казенныхъ суммъ“. Въ своемъ прошеніи іеромонахъ Макарій доносилъ Синоду и о другихъ предосудительныхъ поступкахъ архіепископа Симона, „относившихся къ казенному интересу“, и жаловался на неполученіе вознагражденія по должности экономa архіерейскаго дома. Въ то же время, Макарій сообщалъ, что изъ 300 рублевой суммы, ежегодно получаемой по штату на содержаніе ризницы, Симонъ, въ продолженіи 13 лѣтъ управленія епархіей, употребилъ на ризницу не болѣе 1000 рублей, издержавъ остальныя деньги на безполезныя прихоти [2]).

Не смотря на то, что въ дѣлѣ, возникшемъ подъ вліяніемъ доноса іеромонаха Макарія, были замѣнены денежные

---

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 1,585.

[2]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1791 г. (25 мар.) № 99, стр 1—4.

казенные интересы, во имя защиты которыхъ оберъ прокуроры прежняго времени такъ часто приходили въ столкновенія съ синодальными членами, Мусинъ-Пушкинъ не принималъ никакого активнаго участія въ судьбѣ человѣка, своею жалобой на рязанскаго архіепископа доставлявшаго возможность прокуратурѣ познакомиться съ дѣйствительнымъ отношеніемъ мѣстнаго епархіальнаго начальства къ отпускаемымъ въ его распоряженіе казеннымъ денежнымъ суммамъ. и не обнаруживалъ никакого стремленія оказывать извѣстное вліяніе на производство судебнаго слѣдствія, хотя св. Синодъ и отнесся крайне неблагопріятно къ жалобѣ іеромонаха Макарія на своего епархіальнаго архіерея. Основываясь на томъ, что прошеніе Макарія, какъ сказано въ синодальномъ опредѣленіи, „смѣшано разными матеріями“ и состояло не только изъ доноса на преосвященнаго о злоупотребленіи казенными суммами, но и изъ собственной жалобы Макарія на личныя обиды, будто бы нанесенныя ему архіепископомъ Симономъ, притомъ же и „писано не порядочно, не по указанной формѣ, не по пунктамъ и съ поносительными словами“, Синодъ высказался, что подобное прошеніе слѣдовало бы возвратить доносчику обратно. Но такъ какъ въ доносѣ на архіепископа рязанскаго были замѣшаны государственные, казенные интересы, почему и прошеніе іеромонаха Макарія невозможно было оставить безъ всякаго разслѣдованія, то Синодъ постановилъ передать разсмотрѣніе возбужденнаго дѣла, въ значительно съуженномъ видѣ, своей синодальной конторѣ [1]).

Неблагопріятное отношеніе высшаго церковнаго учрежденія къ жалобамъ и доносамъ подчиненнаго духовенства на свое епархіальное начальство не вызвало, однако, со стороны синодальнаго представителя государственныхъ интересовъ ни предложеній, ни протестовъ, и во всемъ дѣлѣ, возбужденномъ прошеніемъ іеромонаха Макарія отъ 25 марта 1791 года и закончившемся 2 августа 1798 года, незамѣтно ни малѣйшаго участія Мусина-Пушкина.

Правда, въ практикѣ синодальнаго управленія имѣли мѣсто и такого рода судебныя дѣла о различныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіерсевъ, которыя возникали

[1]) Тамъ же, стр. 5—10.

въ Синодѣ по предложенію Мусина-Пушкина: но и въ подобныхъ случаяхъ оберъ-прокуроръ обыкновенно дѣйствовалъ не по собственной иниціативѣ, въ силу самыхъ обязанностей, возложенныхъ на прокуратуру, а по особымъ порученіямъ верховной власти.

24 марта 1797 года императоръ Павелъ получилъ прошеніе жены священника воронежскаго Покровскаго женскаго монастыря, Ѳеодосіи Баженовой, жаловавшейся, что ея мужъ, священникъ Петръ Баженовъ, перенесъ много притѣсненій отъ преосвященнаго воронежскаго Меѳодія и, наконецъ, былъ отосланъ имъ въ монастырь „за несоблюденіе будто бы учиненнаго отъ преосвященнаго запрещенія". Когда ея мужъ, по словамъ Ѳеодосіи Баженовой, зная свою невинность, просилъ у архіерея позволенія перенести дѣло въ Синодъ, преосвященный не далъ ему „ни апелляціи, ни паспорта на проходъ въ св. Синодъ", а вмѣсто того, отрѣшивъ священника отъ мѣста и не снявъ съ него запрещенія, отослалъ Баженова въ монастырь на работу, не назначивъ даже и времени его освобожденію [1]). По порученію государя, Мусинъ-Пушкинъ 24 апрѣля 1797 года предложилъ поступившую жалобу на обсужденіе св. Синода [2]), и послѣдній постановилъ потребовать отъ епископа Меѳодія соотвѣтствующихъ объясненій [3]). Меѳодій написалъ въ своемъ объясненіи, что онъ говорилъ Баженову о синодальныхъ указахъ, предписывавшихъ, въ случаѣ неудовольствія на распоряженія епархіальнаго начальства, обязательно пересылать прошенія въ св. Синодъ по почтѣ и никого изъ духовныхъ лицъ не отпускать въ столицы „безъ законо правильныхъ причинъ". И хотя преосвященный оправдывалъ себя въ невыдачѣ священнику паспорта и просимой имъ копіи съ дѣла, для перенесенія его въ св. Синодъ, — оправдывалъ тѣмъ, что „попъ" Баженовъ былъ замѣшанъ въ производившемся въ то время и еще не рѣшенномъ дѣлѣ дѣвицы Екатерины Бехтѣевой, находившейся въ преступной связи съ подсудимымъ священникомъ [4]), но Синодъ, разсмот-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1797 г. (апр. 24) № 610, стр. 1.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 3—4.

[4]) Тамъ же, стр. 30—34.

рѣвъ всѣ обстоятельства, обнаруженныя начавшимся слѣдствіемъ, безъ всякаго вліянія прокуратуры, постановилъ дѣло Баженова, какъ „произведенное не на законномъ основаніи, а по одному точію мнимому его епископа подозрѣнію, уничтожить во вся", пострадавшаго священника, посланнаго въ монастырь неправильно и противозаконно, немедленно освободить изъ заключенія, возвратить на старое мѣсто и обязательно выдать ему жалованье и всѣ доходы за все время со дня его отрѣшенія отъ должности, преосвященному же воронежскому подтвердить, чтобы онъ на будущее время поступалъ осторожнѣе въ производствѣ и рѣшеніи различныхъ дѣлъ, сообразуясь съ точнымъ смысломъ церковныхъ и государственныхъ законовъ, а не подвергая истязаніямъ и штрафамъ безвинныхъ священно-служителей [1]).

Очень вѣроятно, что въ подобныхъ случаяхъ отсутствіе замѣтнаго стремленія прокуратуры оказывать извѣстное вліяніе на постановку и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ св. Синодѣ, обусловливалось не фактическимъ безсиліемъ оберъ-прокурорской власти, такъ какъ архивные документы, имѣющіе отношеніе къ дѣятельности Мусина-Пушкина, дѣлаютъ невозможнымъ подобное предположеніе, а тѣмъ, что Мусинъ-Пушкинъ, по своимъ взглядамъ и воззрѣніямъ на церковное управленіе, не расходился такъ рѣзко съ синодальными членами, какъ нѣкоторые изъ его предшественниковъ, и находилъ возможнымъ ограничивать свои отношенія къ церковному суду скромною ролью пассивнаго наблюдателя за дѣйствіями и распоряженіями св. Синода.

Но признавая, что въ лицѣ Мусина-Пушкина оберъ-прокурорская власть располагала уже довольно значительными средствами для дѣйствительнаго надзора за церковнымъ управленіемъ и, при желаніи, могла оказывать извѣстное вліяніе на дѣятельность синодальныхъ членовъ, необходимо, однако, замѣтить, что, даже при жизни Екатерины, Мусинъ-Пушкинъ не былъ единственнымъ и обязательнымъ посредникомъ между верховной властью и св. Синодомъ; государыня, по-прежнему, иногда передавала различныя распоряженія по духовному вѣдомству, имѣя дѣло непосредственно съ самимъ учрежденіемъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 60—65.

или доставляя возможность выполнять важную роль посредника кому-либо изъ наиболѣе вліятельныхъ синодальныхъ членовъ.

Особенно же частыми дѣлаются послѣдняго рода явленія, далеко неблагопріятныя для развитія сильнаго фактическаго вліянія прокуратуры на церковное управленіе, въ концѣ XVIII столѣтія, когда, послѣ смерти Екатерины II, императорская власть перешла къ ея сыну, Павлу Петровичу.

Хотя и въ царствованіе Павла верховная власть, въ большинствѣ случаевъ, какъ видно изъ документовъ синодальнаго архива [1]), передавала свои распоряженія по духовному вѣдомству, чрезъ различныхъ приближенныхъ лицъ, оберъ-прокурорамъ св. Синода для предложенія ихъ высшему церковному учрежденію, но, въ то же время, преемникъ Екатерины очень часто пользовался въ своихъ сношеніяхъ съ Синодомъ и посредничествомъ его первенствующаго члена. Такими посредниками въ сношеніяхъ верховной власти съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ были, въ первое время, Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и петербургскій, а затѣмъ — его преемникъ по петербургской каѳедрѣ, архіепископъ Амвросій.

Путешествуя по Россіи и присутствуя въ различныхъ церквахъ при богослуженіи, Павелъ остался очень недовольнымъ широко распространеннымъ обычаемъ пѣть, вмѣсто концерта, стихи, „сочиненные по произволенію“, и 10 мая 1797 года поручилъ митрополиту Гавріилу предложить св. Синоду предписать всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не употребляли въ церковномъ пѣніи «выдуманныхъ стиховъ», а чтобы, вмѣсто концерта, пѣли или псаломъ, или же обыкновенный канонникъ [2]). — 21 сентября того же года Трощинскій писалъ митрополиту Гавріилу, что императоръ, получивъ прошеніе священника 1-го чугуевскаго регулярнаго казачьяго полка, Насеткина, съ жалобой на полковника князя Багратіона и другихъ офицеровъ, будто бы преслѣдовавшихъ его за принятіе и отправленіе на почту доноса, врученнаго ему отъ двухъ полковыхъ вахмистровъ, пре-

---

[1]) Архивъ св. Синода. См. „Копіи Высочайшихъ указовъ“ за время царствованія Павла.

[2]) П. С. З. т. XXIV, № 17,960.

провождаетъ полученное прошеніе къ нему, Гавріилу, съ тѣмъ, чтобы „духовное правительство“ произвело свой судъ надъ священникомъ, вмѣшавшимся въ „чужое“ дѣло и принявшимъ дѣятельное участіе въ доносѣ вахмистровъ, уже отданныхъ подъ судъ за клевету на свое начальство [1]). — 23 сентября 1797 года Трощинскій препроводилъ къ митрополиту Гавріилу поданное на высочайшее имя прошеніе священника упраздненной крѣпости Узеней. Ѳедорова, съ порученіемъ, чтобы проситель былъ возвращенъ на прежнее мѣсто или же опредѣленъ къ какому-либо другому приходу, по разсужденію св. Синода [2]). И нужно замѣтить, что подобныя распоряженія верховной власти митрополиту Гавріилу приходилось предлагать св. Синоду довольно нерѣдко [3]).

Но еще чаще въ такомъ же важномъ и вліятельномъ положеніи посредника между императорской властью и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ мы видимъ преемника Гавріила по званію первенствующаго члена св. Синода—Амвросія, архіепископа с.-петербургскаго, а впослѣдствіи митрополита новгородскаго и петербургскаго.

10 іюля 1797 года императоръ Павелъ получилъ отъ іеромонаха Кіево-печерской лавры Дометіана Владѣвича доносъ на кіевскаго преосвященнаго Іероѳея, обвинявшагося въ неслуженіи благодарственнаго молебна по полученіи извѣстія о вступленіи на престолъ Павла Петровича и въ растратѣ значительныхъ церковныхъ суммъ на свои личныя прихоти; по словамъ Владѣвича, преосвященный Іерооей, за время управленія Кіево-печерской лаврой, расточилъ болѣе 25,000 рублей изъ неокладныхъ церковныхъ суммъ на покупку „токайскихъ винъ и англійскихъ пивъ“ [4]).

Государь поручилъ Трощинскому препроводить оригиналъ письма къ митрополиту Гавріилу [5]), и послѣдній 17 іюля

---

[1]) Архивъ св. Син. Копіи Высоч. указовъ 1794—1797 гг., стр. 112.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

[3]) Тамъ же, стр. 114 и др. Копіи Высоч. указ 1898 г., стр. 49—51, 86—89, 91—92 и др.

[4]) Архивъ св Синода. Дѣло 1797 г. (іюл. 17) № 158, стр. 2—3.

[5]) Тамъ же, стр. 1.

предложилъ св. Синоду разсмотрѣть присланное отъ императора письмо Дометіана съ доносомъ на кіевскаго митрополита Іерофея [1]). Іерофей состоялъ въ то время синодальнымъ членомъ, и св. Синодъ нашелъ нужнымъ, послав къ нему „по секрету“ копію доношенія. потребовать отъ преосвященнаго обстоятельнаго, пунктуальнаго, секретнаго объясненія [2]). Получивъ объяснительный репортъ Іерофея [3]) и обсудивъ его, Синодъ, безъ посредничества оберъ-прокурора, 4 сентября 1797 года представилъ государю докладъ о ложности доноса Владѣвича [4]). И уже послѣ высочайшаго утвержденія состоявшагося доклада Трощинскій 8 сентября сообщилъ синодальному оберъ-прокурору о совершившемся фактѣ [5]). Въ такомъ же положеніи чрезъ нѣсколько времени мы видимъ по тому же самому дѣлу и митрополита Амвросія; когда высланный изъ Россіи Дометіанъ Владѣвичъ прислалъ государю прошеніе о повелѣніи св. Синоду возвратить его въ Кіево-печерскую лавру [6]), императоръ поручилъ Амвросію предложить св. Синоду разсмотрѣть. можетъ-ли быть удовлетворена подобная просьба безъ нарушенія порядка и справедливости [7]).

Амвросій, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Павла, довольно часто обращался къ Синоду съ своими предложеніями, представлявшими собою объявленіе высшему церковному учрежденію императорскихъ распоряженій, получаемыхъ имъ, по большей части, отъ тѣхъ самыхъ лицъ, чрезъ которыхъ передавались различныя высочайшія повелѣнія по духовному вѣдомству и синодальному оберъ-прокурору. 5 марта 1800 года Амвросій предложилъ св. Синоду принять нужныя мѣры по поводу одного замѣчанія государя, сдѣланнаго имъ на репортѣ тамбовскаго губернатора. „Въ отношеніи, полученномъ мною отъ тайнаго совѣтника Неплюева“, предлагалъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.
[2]) Тамъ же, стр. 7—8.
[3]) Тамъ же, стр. 9—18.
[4]) Тамъ же, стр. 29—30
[5]) Тамъ же, стр. 33.
[6]) Тамъ же. стр. 92—93.
[7]) Тамъ же, стр. 91.

первенствующій синодальный членъ, написано, что государь, узнавъ изъ репорта тамбовскаго губернатора о смерти отъ пьянства дьякона Крестовоздвиженской церкви города Нижняго-Ломова, Ананія Петрова, приказалъ сообщить мнѣ, чтобы, кому слѣдуетъ, было предписано удерживать людей духовнаго званія отъ такого позорнаго порока. Синодъ постановилъ разослать соотвѣтствующіе указы всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и предоставилъ Амвросію доложить государю о состоявшемся распоряженіи [1]).— „Въ отношеніи отъ генералъ-губернатора Обольянинова, полученномъ мною", писалъ архіепископъ Амвросій въ предложеніи св. Синоду отъ 4 іюля 1800 года, „изображено", что государь, убѣдившись изъ донесеній симбирскаго губернатора Сушкова въ прикосновенности къ крестьянскому волненію троихъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, приказалъ сообщить ему, преосвященному, для замѣчанія и подтвержденія, кому слѣдуетъ, чтобы духовенство, ни подъ какимъ видомъ, не вмѣшивалось въ такіе „постыдные и закону противные поступки" [2]).

Часто пользуясь посредничествомъ Амвросія въ своихъ сношеніяхъ съ св. Синодомъ, императоръ Павелъ обнаруживалъ даже иногда несомнѣнное стремленіе возвысить значеніе первенствующаго синодальнаго члена въ церковномъ управленіи, такъ какъ давалъ ему такія порученія, которыя не могли не отражаться благопріятнымъ образомъ на его положеніи въ св. Синодѣ. 13 августа 1800 года Амвросій писалъ въ своемъ предложеніи Синоду, что Его Императорское Величество, узнавъ изъ донесенія генерала Львова I объ участіи „отставного" семинариста Ивана Петрова въ убійствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ городѣ Астрахани, приказалъ, чрезъ генералъ-адъютанта кн. Долгорукаго, сообщить ему, преосвященному, о своемъ крайнемъ удивленіи по поводу существованія „отставного" семинариста, такъ какъ, по словамъ государя, если какой-либо семинаристъ „не годится въ духовное званіе, то долженъ быть отправленъ къ тому роду службы, куда способнымъ найдется, а отставлять изъ семинаріи совсѣмъ — противно установленію"; въ видахъ прекращенія на будущее вре-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1800 г. № 119, стр. 4—14.

[2]) Тамъ же, № 392.

мя такихъ нежелательныхъ и незаконныхъ явленій, сообщалъ Амвросій въ своемъ предложеніи, государю было угодно поручить *мнѣ* сдѣлать предписаніе во всѣ семинаріи, чтобы подобные случаи нигдѣ болѣе не повторялись, и въ то же время „дать сіе на замѣчаніе Синоду“ [1]).

Исключительное положеніе первенствующаго синодальнаго члена и его громадное вліяніе на церковное управленіе, создававшіяся характеромъ отношеній императора Павла къ митрополиту Гавріилу и архіепископу Амвросію, поднявши на значительную высоту духовно-іерархическую власть въ св. Синодѣ, не могли не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на фактическомъ значеніи прокуратуры въ области синодальнаго управленія. Правда, мы знаемъ, что и въ прежнее время наиболѣе вліятельные синодальные члены, юридически не лишенные права выполнять обязанности посредниковъ между верховною властью и высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, нерѣдко и на практикѣ пользовались такимъ важнымъ правомъ. Но едва ли кто изъ ближайшихъ предшественниковъ императора Павла такъ часто доставлялъ возможность самой церковной іерархіи, въ лицѣ ея главнаго представителя, выполнять важныя обязанности посредничества между верховною властью и св. Синодомъ.

Не смотря, однако же, на исключительно благопріятныя условія, въ какія императоръ ставилъ свою благосклонностью первенствующаго синодальнаго члена, оберъ-прокуроры не чувствовали еще необходимости измѣнять самый характеръ своихъ отношеній къ высшему церковному учрежденію и попрежнему имѣли возможность руководиться въ своей дѣятельности стремленіями, рѣзко расходившимися съ интересами св. Синода и нерѣдко вызывавшими съ его стороны пассивное или открытое противодѣйствіе. Въ такомъ положеніи мы видимъ синодальныхъ оберъ-прокуроровъ даже и въ періодъ наибольшаго развитія особеннаго расположенія Павла къ архіепископу Амвросію, уже послѣ того, какъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, именнымъ императорскимъ указомъ, даннымъ правительствующему Сенату 27 іюня 1797 года, былъ назначенъ сена-

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1800 г., № 480.

торомъ [1]), съ устраненіемъ отъ должности оберъ-прокурора св. Синода.

8 іюля 1797 года св. Синодъ выслушалъ сенатское вѣдѣніе о правительственномъ назначеніи своего оберъ-прокурора въ шестой департаментъ Сената [2]) Такъ какъ въ это время самъ государь, отъ усмотрѣнія котораго зависѣло опредѣленіе того или другого лица на должность синодальнаго оберъ-прокурора, находился за предѣлами С. Петербурга, то сенатскій генералъ-прокуроръ Куракинъ, какъ главный представитель прокуратуры, позволилъ себѣ поручить временное исполненіе обязанностей синодальнаго оберъ-прокурора одному изъ своихъ ближайшихъ подчиненныхъ и 9 іюля далъ слѣдующее предписаніе оберъ-прокурору Сената, князю Василію Алексѣевичу Хованскому: „по поводу Высочайшаго Его Императорскаго Величества отсутствія, въ св. Синодѣ оберъ-прокуроръ еще неопредѣленъ, а посему и рекомендую Вашему Сіятельству сверхъ настоящей своей исправлять до времени и сію въ Синодѣ должность, на точномъ основаніи данныхъ предписаній и узаконеній“ [3]). 10 іюля Синодъ выслушалъ сенатское вѣдѣніе о временномъ назначеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора [4]), а 14 числа того же мѣсяца былъ данъ Сенату и именной императорскій указъ объ опредѣленіи кн. Хованскаго оберъ-прокуроромъ св. Синода [5]).

Бывшій сенатскій оберъ прокуроръ, хорошо знакомый съ внѣшнею, формальною стороною оберъ-прокурорской дѣятельности, сдѣлавшись оберъ-прокуроромъ св. Синода, и въ своей новой должности прежде всего обратилъ вниманіе на то, что въ мѣстной синодальной канцеляріи или неаккуратно выполнялись, или были еще совершенно не введены въ практику многіе, очень важные для прокуратуры, порядки, уже имѣвшіе мѣсто въ пр. Сенатѣ. Ближайшее знакомство съ

---

[1]) Архивъ св. Син. Сенатскія вѣдѣнія 1797 г., стр. 486.

[2]) Тамъ же.

[3]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 1,605, стр. 1.

[4]) Тамъ же, стр. 2.

[5]) Тамъ же, стр. 3.

массою самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе св. Синода, и съ тѣми средствами, какими располагалъ синодальный оберъ-прокуроръ для постояннаго и успѣшнаго наблюденія за законнымъ теченіемъ возбуждавшихся дѣлъ, въ скоромъ времени убѣдило Хованскаго, что синодальная канцелярія не доставляетъ прокуратурѣ очень важныхъ свѣдѣній, въ значительной степени облегчающихъ ей возможность успѣшнаго надзора за церковнымъ управленіемъ.

Чтобы имѣть фактическую возможность дѣйствительно наблюдать за всѣмъ ходомъ дѣлъ въ порученномъ его оберъ-прокурорскому надзору духовномъ вѣдомствѣ, Хованскій 15 генваря 1798 года далъ предписаніе синодальному регистратору обязательно доставлять ему, оберъ-прокурору, ежедневные реестры всѣхъ бумагъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе св. Синода. Желая имѣть въ виду всѣ дѣла, входящія въ Синодъ,—писалъ Хованскій въ своемъ ордерѣ синодальному регистратору [1]),—и постоянно слѣдить за успѣшнымъ и законнымъ теченіемъ возбуждающихся дѣлъ, рекомендую Вамъ немедленно подать мнѣ краткій реестръ разнообразныхъ бумагъ, вступившихъ въ Синодъ съ начала нынѣшняго года, а на будущее время обязательно представлять мнѣ подобные реестры „за каждый тотъ день, въ который какія дѣла ... записаны будутъ“. И необходимо замѣтить, что данное распоряженіе оберъ прокурора въ точности исполнялось во все время синодальной службы Хованскаго [2]).

Обезпечивъ себѣ фактическую возможность всегда своевременно знать о всѣхъ дѣлахъ, поступавшихъ на обсужденіе высшаго церковнаго учрежденія, Хованскій въ то же время обязалъ синодальнаго оберъ-секретаря доставлять прокуратурѣ точныя свѣдѣнія о каждомъ засѣданіи св. Синода, съ указаніемъ слушанныхъ дѣлъ, ихъ рѣшеній и даже времени прихода и выхода изъ собранія самихъ членовъ Синода. „Впредь“, писалъ онъ синодальному оберъ-секретарю въ началѣ 1798 года [3]), „для составленія семидневныхъ меморій

---

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 1,629, стр. 1.

[2]) Тамъ же, стр. 2—338.

[3]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 1,625, стр. 1.

подносимыхъ отъ меня государю императору о рѣшенныхъ въ Синодѣ дѣлахъ, рекомендую Вашему Высокоблагородію доставлять ко мнѣ послѣ каждаго собранія, за подписью Вашею, краткія записки съ изъясненіемъ, какія дѣла слушаны и какія по оныхъ даны резолюціи, прилагая при томъ, за подписью протоколиста, свѣдѣніе и о присутствовавшихъ членахъ св. Синода съ показаніемъ времени прихода и выхода оныхъ изъ собранія".

Стремленіе Хованскаго доставить оберъ-прокурорской власти фактическую возможность безпрепятственно слѣдить за законнымъ теченіемъ дѣлъ въ сферѣ церковнаго управленія не ограничилось только предѣлами одного св. Синода и и его канцеляріи. Обязавъ синодальную канцелярію доставлять прокуратурѣ самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе высшаго церковнаго учрежденія, и объ отношеніи самихъ синодальныхъ членовъ къ возложеннымъ на нихъ служебнымъ обязанностямъ, Хованскій стремился доставить фактическую возможность оберъ-прокурорской власти съ такимъ же успѣхомъ слѣдить и за ходомъ мѣстнаго епархіальнаго управленія. Чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи точныя свѣдѣнія о характерѣ дѣятельности мѣстныхъ представителей церковной администраціи, Хованскій предписалъ секретарямъ епархіальныхъ консисторій ежемѣсячно доставлять прокуратурѣ записки о слушанныхъ дѣлахъ, съ указаніемъ всѣхъ дѣлъ, остающихся безъ рѣшенія.

Получая отъ консисторскихъ секретарей ежемѣсячныя донесенія о состояніи епархіальнаго управленія, оберъ-прокуроръ не оставлялъ безъ должнаго вниманія различныхъ безпорядковъ и уклоненій отъ точнаго исполненія требованій закона, имѣвшихъ мѣсто въ церковной жизни той или другой епархіи, а обыкновенно доводилъ о нихъ до свѣдѣнія св. Синода и предлагалъ ему дѣлать соотвѣтствующія распоряженія для устраненія замѣченныхъ прокуратурой безпорядковъ въ епархіальномъ управленіи.—Въ своемъ предложеніи св. Синоду отъ 18 февраля 1798 года Хованскій заявилъ, что, просматривая вѣдомость о рѣшенныхъ дѣлахъ, представленную секретаремъ тамбовской консисторіи Дмитревскимъ за декабрь 1797 года, онъ замѣтилъ совершенно незаконное уклоненіе мѣстной консисторіи отъ разслѣдованія одного дѣла; по его словамъ, тамбовская консисторія оставила безъ надле-

жащаго производства и рѣшенія дѣло, начавшееся по прошенію секретаря Дмитревскаго, жаловавшагося на бывшаго мокшанскаго протоіерея Егорова, который, придя „въ консисторскіе покои“ во время присутственныхъ часовъ, позволилъ себѣ кричать здѣсь „азартнымъ образомъ“, что Дмитревскій „чинилъ ему по дѣламъ притѣсненія“ и даже будто-бы принудилъ его дать консисторскому секретарю довольно крупную взятку въ 250 рублей. Обращая вниманіе св. Синода на незаконный поступокъ тамбовской консисторіи, оставившей безъ разслѣдованія возникшее дѣло „за объявленнымъ отъ Дмитревскаго на консисторію подозрѣніемъ“, оберъ-прокуроръ предложилъ высшему церковному учрежденію сдѣлать, съ своей стороны, надлежащее распоряженіе по случаю замѣченнаго нарушенія требованій закона. Св. Синодъ, разсмотрѣвъ оберъ-прокурорское предложеніе, согласился съ мнѣніемъ Хованскаго о поступкѣ тамбовской консисторіи и постановилъ немедленно же предписать тамбовскому преосвященному, отрѣшивъ Дмитревскаго отъ должности, произвести законное разслѣдованіе по его дѣлу, и въ томъ случаѣ, если формальное судебное слѣдствіе дѣйствительно установитъ фактъ несомнѣнной виновности секретаря въ приписываемыхъ ему взяткахъ и притѣсненіяхъ, предать его гражданскому суду [1]).

Ежемѣсячныя донесенія консисторскихъ секретарей, знакомя прокуратуру съ состояніемъ епархіальнаго управленія и позволяя ей предлагать св. Синоду употреблять необходимыя мѣры противъ нежелательныхъ явленій въ церковной жизни различныхъ епархій, между прочимъ, обратили вниманіе Хованскаго на характеръ отношеній провинціальныхъ свѣтскихъ властей къ запросамъ духовныхъ консисторій, какъ на одну изъ важныхъ причинъ, обусловившихъ собою медленность консисторскаго дѣлопроизводства. Очевидно, что свѣтскія провинціальныя власти были слишкомъ далеки отъ предупредительныхъ отношеній къ запросамъ такихъ присутственныхъ мѣстъ, какими являлись въ глазахъ свѣтскаго начальства духовныя консисторіи, и нерѣдко не стѣснялись оставлять безъ отвѣтовъ ихъ разнообразные запросы, необхо-

[1]) Тамъ же, стр. 104—105, 13.

димые для законнаго рѣшенія дѣлъ. Убѣдившись, что во многихъ епархіяхъ различныя дѣла оставались нерѣшенными вслѣдствіе неполученія отъ свѣтскихъ властей необходимыхъ отвѣтовъ на сдѣланные имъ запросы, Хованскій 16 марта 1798 года предложилъ св. Синоду, въ видахъ прекращенія на будущее время такой невольной медленности въ производствѣ консисторскихъ дѣлъ, отнестись къ Сенату, чтобы послѣдній далъ строгое предписаніе гражданскимъ властямъ немедленно удовлетворять необходимые запросы духовнаго начальства. Синодъ, конечно, не могъ не согласиться съ полною цѣлесообразностью предложенія своего оберъ-прокурора и постановилъ просить Сенатъ сдѣлать свѣтскимъ властямъ строгое предписаніе о немедленномъ удовлетвореніи законныхъ запросовъ духовнаго начальства [1]).

Распоряженіе оберъ-прокурора, собственною властью вмѣнившаго въ обязанность секретарямъ консисторій ежемѣсячно доставлять прокуратурѣ точныя свѣдѣнія о всѣхъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ мѣстныхъ дѣлахъ, позволяетъ намъ утверждать, что Хованскій стремился уже ввести въ сферу своего ближайшаго, непосредственнаго вліянія консисторскихъ секретарей и пользовался ими, какъ орудіями надзора за епархіальнымъ церковнымъ управленіемъ.

Правда, оберъ прокуроръ собственною властью не имѣлъ права ни увольнять отъ службы, ни наказывать консисторскихъ секретарей, не исполнявшихъ его распоряженій, но онъ обыкновенно предлагалъ св. Синоду опредѣлять необходимыя, по его мнѣнію, наказанія неаккуратнымъ чиновникамъ и Синодъ, какъ видно, считалъ секретарей духовныхъ консисторій обязанными исполнять оберъ-прокурорскія предписанія и находилъ справедливымъ наказывать ихъ за неисполненіе распоряженій Хованскаго.—18 февраля 1798 года Хованскій предложилъ св. Синоду обсудить непозволительное отношеніе секретаря орловской консисторіи Петрова къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и опредѣлить заслуженное имъ наказаніе; секретарь Петровъ, по словамъ Хованскаго, получилъ отъ него, оберъ-прокурора, предписаніе обязательно присылать прокуратурѣ ежемѣсячныя записки о слушанныхъ въ консисторіи дѣлахъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 172, 6.

съ особыми вѣдомостями и о тѣхъ дѣлахъ, какія по чему-либо оставались нерѣшенными, но, не смотря на свой рапортъ о полученіи предписанія, до послѣдняго времени не представилъ еще ни одной вѣдомости. Выставляя на видъ служебную неисправность консисторскаго секретаря, Хованскій предложилъ также на обсужденіе св. Синода особое письмо, полученное отъ орловскаго епископа Аполлоса, сообщившаго оберъ прокурору самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о служебной дѣятельности Петрова, и св. Синодъ, подъ вліяніемъ оберъ-прокурорскаго предложенія, опредѣлилъ отрѣшить секретаря орловской консисторіи отъ должности и даже исключить его изъ синодальнаго вѣдомства [1]). Тотъ фактъ, что орловскій епископъ Аполлосъ сообщалъ Хованскому неблагопріятныя свѣдѣнія о служебной дѣятельности секретаря мѣстной консисторіи, также говоритъ о подчиненіи консисторскихъ секретарей надзору оберъ-прокурорской власти, пользовавшейся ими для наблюденія за состояніемъ епархіальнаго управленія.

Получая оффиціальныя свѣдѣнія о состояніи епархіальнаго управленія посредствомъ ежемѣсячныхъ донесеній секретарей духовныхъ консисторій, оберъ-прокуроръ въ то же время имѣлъ еще возможность узнавать о различныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ представителей церковной администраціи и путемъ частныхъ донесеній и жалобъ, нерѣдко поступавшихъ къ Хованскому отъ епархіальныхъ преосвященныхъ и пострадавшихъ лицъ изъ низшаго духовенства. Доводя до свѣдѣнія св. Синода полученныя донесенія и жалобы, оберъ-прокуроръ обыкновенно предлагалъ ему отнестись къ подобнымъ жалобамъ съ точки зрѣнія, предварительно уже высказанной прокуратурой, и Синодъ, въ большинствѣ случаевъ, поступалъ согласно съ предложеніями Хованскаго, хотя исполненіе его предложеній и обусловливалось не тѣмъ, что синодальные члены чувствовали себя вынужденными подчиняться личному вліянію оберъ-прокурора, а тѣмъ, что Хованскій обосновывалъ свои предложенія на требованіяхъ дѣйствовавшихъ законовъ.—28 іюля 1798 года оберъ-прокуроръ обратился къ св. Синоду съ предложеніемъ, вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 100. 5.

званнымъ письмомъ бѣлорусскаго епископа Апастасія, донесшаго Хованскому о злоупотребленіяхъ секретаря мѣстной консисторіи Маркевича, позволявшаго себѣ дѣлать различныя упущенія по службѣ и брать взятки съ католиковъ за незаконное отношеніе къ нѣкоторымъ уніатскимъ дѣламъ; въ своемъ письмѣ бѣлорусскій преосвященный сообщилъ Хованскому, что секретарь Маркевичъ посылалъ ложныя донесенія ему, оберъ-прокурору, замалчивалъ неправильно рѣшенныя дѣла и не стѣснялся тратить казенныя деньги на свои личныя потребности. Основываясь на донесеніи епископа Анастасія, оберъ-прокуроръ предложилъ св. Синоду устранить отъ должности секретаря Маркевича и, нарядивъ слѣдствіе надъ обвиняемымъ чиновникомъ, предать его уголовному суду, и Синодъ немедленно исполнилъ желаніе Хованскаго, постановивъ послать указъ бѣлорусскому преосвященному объ устраненіи Маркевича отъ должности секретаря консисторіи, объ учрежденіи слѣдственной коммиссіи и представленіи результатовъ ея работъ, вмѣстѣ съ собственнымъ мнѣніемъ коммиссіи, на усмотрѣніе св. Синода [1]).

Мы уже замѣтили, что иногда незаконныя дѣйствія и небезпристрастныя отношенія кого-либо изъ представителей мѣстнаго епархіальнаго начальства къ подчиненному ему низшему духовенству дѣлались извѣстными оберъ-прокурору, благодаря частнымъ жалобамъ пострадавшихъ лицъ, искавшихъ защиты у оффиціальнаго блюстителя законности въ церковномъ управленіи или даже осмѣливавшихся подавать свои прошенія самому государю. Въ подобныхъ случаяхъ Хованскій, (при которомъ священно-церковнослужители, хотя и были лишены возможности, безъ позволенія своихъ преосвященныхъ, являться въ Петербургъ для подачи жалобъ на епархіальное начальство, но сохраняли еще за собою право искать защиты отъ притѣсненій и несправедливостей мѣстныхъ властей посредствомъ установленныхъ прошеній, отправляемыхъ по почтѣ, [2]) принималъ самое живое участіе въ возбуждав-

---

[1]) Тамъ же, стр. 404—405, 3.

[2]) 20 февраля 1798 года оберъ-прокуроръ предложилъ св. Синоду обратить должное вниманіе на довольно частыя самовольныя отлучки священно-церковнослужителей, являвшихся въ Петербургъ, безъ всякаго письменнаго вида, съ

шихся дѣлахъ и предлагалъ св. Синоду немедленно позаботиться о законномъ, безпристрастномъ разслѣдованіи поступавшихъ жалобъ.

18 марта 1798 года Хованскій предложилъ св. Синоду разсмотрѣть жалобу, поданную ему, оберъ-прокурору, пономаремъ архангельской епархіи, каргопольскаго уѣзда, никольскаго прихода. Алексѣемъ Ѳедоровымъ, обвинявшимъ мѣстное начальство въ присужденіи незаслуженнаго наказанія совершенно невинному человѣку; утверждая въ своей жалобѣ, что онъ несправедливо присужденъ бывшею олонецкою палатою уголовнаго суда къ 3-хъ рублевому штрафу и наказанію батогами при погостѣ за „противныя продерзости“, будто бы сдѣланныя имъ въ церкви, при совершеніи приходскимъ священникомъ Михаиломъ Ѳедоровымъ противозаконнаго брака, пономарь Ѳедоровъ просилъ оберъ прокурора защитить невиннаго служителя церкви и оказать ему свое покровительство. Предлагая Синоду дать законный ходъ поступившему прошенію, Хованскій словесно заявилъ, что Ѳедоровъ, явившійся въ Петербургъ безъ всякаго письменнаго вида, временно задержанъ имъ при синодальной канцеляріи. Св. Синодъ, исполняя оберъ-прокурорское предложеніе, опредѣлилъ, отославъ просителя, какъ не имѣвшаго никакого письменнаго вида, въ петербургскую полицію для препровожденія къ епархіальному

жалобами на своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Желая положить конецъ такимъ незаконнымъ отлучкамъ духовныхъ лицъ изъ своихъ епархій, Хованскій и находилъ умѣстнымъ сдѣлать соотвѣтствующее предписаніе всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ. Св. Синодъ, далеко неблагопріятно относившійся къ жалобамъ духовенства на свое начальство, сочувственно принялъ оберъ-прокурорское предложеніе и постановилъ предписать всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ объявить духовенству, чтобы священно-церковнослужители, не отлучаясь самовольно въ Петербургъ для подачи различныхъ жалобъ и прошеній, обязательно брали бы отъ мѣстныхъ преосвященныхъ паспорты для подобныхъ поѣздокъ или же, въ случаѣ невозможности запастись законнымъ паспортомъ, посылали бы свои жалобы по почтѣ, угрожая, въ противномъ случаѣ, поступать съ ослушниками состоявшагося распоряженія, какъ съ бѣглыми, и отсылать ихъ въ военную службу (П. С. З. т. XXV, № 18,391).

архіерею, архангельскому епископу Веніамину, потребовать отъ послѣдняго немедленнаго сообщенія обо всемъ томъ, что заключало въ себѣ прошеніе Ѳедорова [1]).

26 апрѣля 1798 года оберъ-прокуроръ предложилъ вниманію св. Синода, полученное чрезъ Трощинскаго отъ государя, вторичное прошеніе пономаря пермской губерніи, Бѣлослуцкой слободы, Шишевича, вмѣстѣ съ копіей письма тобольскаго игумена Маргарита къ священнику Евдокиму Удинцову; въ своемъ прошеніи Шишевичъ жаловался на тобольскую духовную консисторію, утверждая, что, не смотря на указъ св. Синода по поводу его первой жалобы, принесенной государю на одного изъ консисторскихъ членовъ, игумена Маргарита, и секретаря Пырьева, позволявшихъ себѣ брать взятки и притѣснять просителя, мѣстная епархіальная консисторія оставила безъ должнаго вниманія всѣ его доводы и показанія. Хованскій, внимательно слѣдившій за состояніемъ епархіальнаго управленія и знавшій, что на обвиняемыхъ лицъ уже неоднократно отъ многихъ просителей подавались государю разнообразныя жалобы, предложилъ св. Синоду лишить игумена Маргарита и секретаря Пырьева всякой возможности оказывать препятствія правильному, безпристрастному разслѣдованію начавшагося дѣла, такъ какъ изъ прошенія пострадавшаго пономаря было видно, что, хотя онъ и предъявлялъ консисторіи доказательства справедливости своихъ показаній, но игуменъ и секретарь не только не оказались обвиненными, а даже не оставили безнаказаннымъ самого Шишевича. Во избѣжаніе повторенія такихъ нежелательныхъ явленій на будущее время, оберъ-прокуроръ и предложилъ удалить Маргарита и Пырьева отъ занимаемыхъ ими должностей до окончательнаго рѣшенія возбужденнаго дѣла и, опредѣливъ на ихъ мѣста другихъ лицъ, совершенно свободныхъ отъ всякихъ подозрѣній, возложить на мѣстнаго преосвященнаго обязательство, вмѣстѣ съ консисторіей, лично войти въ изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, затронутыхъ въ жалобѣ пономаря.

Св. Синодъ исполнилъ оберъ-прокурорское предложеніе и постановилъ сдѣлать строгій выговоръ какъ тобольской консисторіи, за ея крайнюю неосмотрительность въ отправленіи

---

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 1.625, стр. 180, 7.

своихъ служебныхъ обязанностей, такъ и самому епархіальному архіерею за то, что онъ не принялъ личнаго, непосредственнаго участія въ разслѣдованіи дѣла о взяткахъ, начатаго по высочайшему повелѣнію, и не потребовалъ отъ игумена Маргарита никакого отвѣта о письмѣ къ священнику Удинцову, обличавшемъ Маргарита во взяточничествѣ; мѣстному же преосвященному, по желанію Хованскаго, было предписано, чтобы онъ, по полученіи указа, немедленно прибылъ въ консисторію и, призвавъ Шишевича, отобралъ у него подлинное письмо Маргарита, а затѣмъ, лично допросивъ игумена, его-ли рукою написано письмо, сличилъ бы послѣднее съ почеркомъ обвиняемаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Синодъ опредѣлилъ, на время производства слѣдствія, отрѣшить отъ должности всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ, назначить для исполненія секретарскихъ обязанностей кого-либо изъ надежныхъ приказныхъ тобольской консисторіи, по рекомендаціи епархіальнаго преосвященнаго оберъ-прокурору Хованскому, произвести законное и быстрое разслѣдованіе дѣла и о результатахъ донести св. Синоду [1]).

28 апрѣля 1798 года Хованскій предложилъ на разсмотрѣніе высшаго церковнаго учрежденія, полученное имъ отъ государя, вторичное прошеніе священника тобольской епархіи, Пышлинской слободы, Иконникова, жаловавшагося на различныя злоупотребленія извѣстныхъ уже намъ игумена Маргарита и секретаря Пырьева и испрашивавшаго высочайшаго повелѣнія о разслѣдованіи его дѣла свѣтской командой. Синодъ, хотя и заявилъ на оберъ-прокурорское предложеніе, что первое прошеніе Иконникова не было удовлетворено потому, что онъ самъ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія, но постановилъ предписать тобольскому епископу Варлааму, отрѣшивъ Маргарита и секретаря отъ должностей, произвести уголовнымъ порядкомъ слѣдствіе по возбужденному дѣлу и представить на окончательное заключеніе св. Синода результаты произведеннаго слѣдствія [2]).

Строгій надзоръ прокуратуры за всею сложною системой церковной администраціи, соединявшійся съ настойчивыми требованіями отъ ея представителей точнаго исполненія

---

[1]) Тамъ же, стр. 242—243.
[2]) Тамъ же, стр. 253, 1.

дѣйствовавшихъ государственныхъ и церковныхъ законовъ, хотя во многихъ случаяхъ оказывался небезполезнымъ и для самого св. Синода, обращая его вниманіе на различныя нежелательныя явленія церковной жизни, но въ то же время не могъ не вызывать и сильнаго недовольства въ средѣ синодальныхъ членовъ. Подобное недовольство дѣятельностью настойчиваго оберъ-прокурора было тѣмъ болѣе естественно, что Хованскій и по отношенію къ самимъ синодальнымъ членамъ началъ „настаивать на строгомъ соблюденіи всѣхъ правилъ Духовнаго Регламента“ [1]).

Непріязненныя отношенія къ Хованскому еще болѣе обострились вслѣдствіе того, что оберъ-прокуроръ, по словамъ „Записокъ“ Яковлева [2]), началъ усиленно настаивать на законномъ порядкѣ въ расходованіи денежныхъ суммъ, остатки которыхъ неоффиціально распредѣлялись между наиболѣе вліятельными синодальными членами, удѣлявшими часть ихъ и нѣкоторымъ епархіальнымъ архіереямъ. Не имѣя возможности открыто дѣйствовать противъ неудобнаго оберъ-прокурора, часть синодальныхъ членовъ, во главѣ съ архіепископомъ Амвросіемъ, рѣшилась неоффиціальнымъ путемъ возстановить противъ него самого государя. Съ этою цѣлью была составлена записка, заключавшая въ себѣ жалобу на князя Хованскаго, что онъ „стѣсняетъ духовное управленіе“ и даже можетъ принести большой вредъ самому православію. Чрезъ посредство различныхъ приближенныхъ къ императору лицъ, записка была доставлена Павлу Петровичу и произвела на него ожидаемое впечатлѣніе [3]). Оберъ-прокуроръ,

---

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1868 г., т. 74, стр. 461

[2]) Тамъ же.

[3]) „Амвросій съ сидѣвшими тогда въ Синодѣ Павломъ Ярославскимъ и Иринеемъ Псковскимъ“, читаемъ въ „Запискахъ“ Яковлева (стр. 461) „не смѣли открыто возстать противъ кн. Хованскаго, но написали записку, окольными путями дошедшую до Кутайсова, а чрезъ него до государя. Въ ней говорилось, что кн. Хованскій стѣсняетъ духовное управленіе, и что отъ него православію угрожаетъ большая опасность. Нашлись люди, раздувшіе искру, брошенную интригой“. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ о ближайшихъ причинахъ, вызвавшихъ освобожденіе св. Синода отъ неудобнаго оберъ-прокурора, мы можемъ говорить объ увольн-

не имѣвшій непосредственныхъ сношеній съ государемъ, а обыкновенно доставлявшій доклады св. Синода на разсмотрѣніе верховной власти [1]) и получавшій высочайшія распоряженія по синодальному вѣдомству чрезъ различныхъ вліятельныхъ лицъ [2]): Куракина [3]), Нелединскаго-Мелецкаго [4]), Трощинскаго [5]), Неплюева [6]), не могъ ослабить и уничтожить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на Павла запискою синодальныхъ членовъ, и долженъ былъ перенести печальныя послѣдствія гнѣва государя, уволившаго Хованскаго отъ оберъ-прокурорской службы и приказавшаго ему отправиться на жительство въ свое симбирское имѣніе.

5 іюня 1799 года архіепископъ Амвросій получилъ отъ генералъ прокурора Лопухина отношеніе, гдѣ было написано: „сейчасъ подписанъ Его Императорскимъ Величествомъ указъ, что оберъ-прокуроръ Хованскій отъ службы отставленъ"; извѣщая Амвросія объ увольненіи оберъ-прокурора, Лопухинъ просилъ его, по случаю отсутствія засѣданій въ правительствующемъ Сенатѣ, объявить Хованскому о состоявшемся высочайшемъ распоряженіи [7]).

—

По удаленіи Хованскаго отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора, архіепископъ Амвросій, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ императора Павла, получилъ отъ государя въ высшей степени важное повелѣніе—избрать, вмѣстѣ съ другими членами св. Синода, достойнаго кандидата для замѣщенія освободившейся вакансіи оберъ-прокурора и

ченіи Хованскаго исключительно только на основаніи „Записокъ" Яковлева, сообщающихъ очень неопредѣленныя свѣдѣнія о содержаніи жалобы синодальныхъ членовъ и, нужно замѣтить, не всегда свободныхъ отъ небезпристрастнаго отношенія къ описываемымъ имъ лицамъ.

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 4,661, стр. 20 и др.
[2]) Тамъ же, стр. 12, 15, 17, 21, 22 и др.
[3]) Тамъ же, стр. 5 и др.
[4]) Тамъ же, стр. 9, 14, 17—22 и др.
[5]) Тамъ же, стр. 6—8, 10—13, 15—16 и др.
[6]) Тамъ же, стр. 25—26, 30—35.
[7]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1899 г. (іюн. 5) № 4.

представить его на высочайшее утвержденіе. „5 іюня“, писалъ архіепископъ Амвросій въ своемъ предложеніи св. Синоду [1]), „государь императоръ указать мнѣ соизволилъ, чтобы вмѣстѣ съ св. Синодомъ избрать на мѣсто оберъ-прокурора. *по мнѣнію моему* и общему, человѣка способнаго и достойнаго заступить и исполнять данную должность и представить избраннаго Его Величеству на утвержденіе“.

Синодъ, хотя и воспользовался предоставленнымъ ему правомъ, но нашелъ нужнымъ, вмѣсто одного лица, представить на высочайшее утвержденіе трехъ желательныхъ кандидатовъ [2]), изъ которыхъ первый, Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, императорскимъ указомъ отъ 10 іюня 1799 года, и былъ утвержденъ въ должности оберъ-прокурора св. Синода [3]). „По объявленіи мнѣ 13 іюня 1799 года Высочайшей воли о бытіи оберъ-прокуроромъ“, писалъ Хвостовъ по случаю своего новаго назначенія, „я того жъ числа вступилъ въ отправленіе должности“ [4]).

Избраніе новаго оберъ-прокурора самимъ св. Синодомъ, вмѣстѣ съ не менѣе важнымъ фактомъ увольненія Хованскаго подъ вліяніемъ жалобы синодальныхъ членовъ, не могло не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на фактическомъ положеніи прокуратуры въ высшемъ церковномъ учрежденіи. Избранный св. Синодомъ, новый оберъ-прокуроръ, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ печальной судьбы своего предшественника, возставившаго противъ себя синодальныхъ членовъ, держался въ высшей степени миролюбиво по отношенію къ членамъ св. Синода и, повидимому, чрезвычайно легко примирился съ возраставшимъ вліяніемъ архіепископа Амвросія, позволивъ ему, безъ всякой борьбы, сосредоточить въ своихъ рукахъ дѣйствительное, фактическое управленіе всѣми наиболѣе важными дѣлами духовнаго вѣдомства. Такой характеръ отношеній Хвостова къ членамъ св. Синода побудилъ даже его преемника Яковлева замѣтить въ своихъ „Запискахъ“ [5]), что графъ Хвостовъ, не отличавшійся храб-

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1799 г. (іюн. 8) № 6, стр. 1
[2]) Тамъ же, стр. 4.
[3]) Тамъ же, стр 5.
[4]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 1,937.
[5]) Русскій Вѣстникъ. 1868 г., т. 74, стр. 465.

ростью предъ засѣдавшими въ Синодѣ „смиренными“ архіереями, не занимался дѣлами, какъ бы слѣдовало, и былъ оберъ-прокуроромъ только по имени, такъ какъ фактически предоставлялъ распоряжаться болѣе существенными дѣлами самимъ синодальнымъ членамъ, а другими, менѣе важными, оберъ-секретарямъ.

Но мы уже имѣли случай отмѣтить не вполнѣ объективное и далеко небезпристрастное отношеніе автора цитируемыхъ Записокъ къ описываемымъ имъ событіямъ и лицамъ. Какъ бывшій синодальный оберъ-прокуроръ, высоко ставившій свою должность и признававшій за прокуратурой широкія права и полномочія въ области церковнаго управленія, Яковлевъ смотрѣлъ на дѣятельность гр. Хвостова съ своей исключительной точки зрѣнія и находилъ ее не отвѣчавшею выработанному имъ идеалу оберъ-прокурорской власти, что, безъ сомнѣнія, не могло не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на его отзывѣ о такомъ скромномъ оберъ-прокурорѣ, какимъ былъ Д. И. Хвостовъ. И дѣйствительно, документы синодальнаго архива, имѣющіе отношеніе къ оберъ-прокурорской дѣятельности Хвостова, заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ, не позволяющихъ вполнѣ согласиться съ рѣзкимъ отзывомъ Яковлева объ его предшественникѣ, какъ только о номинальномъ оберъ-прокурорѣ; напротивъ, архивные документы даютъ право утверждать, что Хвостовъ довольно часто обращался къ св. Синоду съ разнообразными предложеніями, обоснованными на высочайшихъ повелѣніяхъ [1]), и слѣдилъ за состояніемъ синодальнаго дѣлопроизводства По крайней мѣрѣ, Хвостовъ неоднократно обращался къ синодальнымъ оберъ секретарямъ съ предписаніями доставлять ему точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе св. Синода. „Милостивые государи мои“, писалъ оберъ-прокуроръ оберъ-секретарямъ синодальной канцеляріи 3 іюня 1802 года, „со вступленія моего въ св. Синодъ, какія были получены мною отъ разныхъ особъ отношенія, по которымъ я предлагалъ ко исполненію св. Синоду, равно и какія во все то время послѣдовали св. Синоду по

---

[1]) Архивъ св. Синода. Копіи Высоч. повелѣв. за 1801 и 1802 гг.

настоящее число Высочайшія повелѣнія, рекомендую Вамъ, приказавъ для собственнаго моего свѣдѣнія списать со всѣхъ копіи, доставить ко мнѣ“ [1]).—30 октября 1802 года Хвостовъ предписалъ оберъ-секретарямъ въ самомъ непродолжительномъ времени доставить къ нему полный списокъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ съ ихъ викаріями, а также архимандритовъ, игуменовъ, настоятелей и игуменій различныхъ монастырей, и точную вѣдомость, сколько въ 1799, 1800 и 1801 годахъ оставалось нерѣшенныхъ дѣлъ, сколько ихъ поступило вновь и было разсмотрѣно Синодомъ, и какое количество нерѣшенныхъ дѣлъ остается еще ко дню отправленія требуемой вѣдомости [2]).

Встрѣчаются также въ документахъ синодальнаго архива и памятники внимательнаго отношенія Хвостова къ интересамъ государственной казны, страдавшимъ отъ неправильныхъ дѣйствій лицъ, близко стоявшихъ къ денежнымъ суммамъ, хранившимся въ св. Синодѣ. 22 декабря 1799 года Хвостовъ писалъ оберъ-секретарю Пукалову, что изъ ордера, даннаго бывшимъ оберъ-прокуроромъ Хованскимъ синодальному казначею Грузинскому, онъ узналъ объ одномъ неисполненномъ обѣщаніи своего предшественника: въ ордерѣ отъ 31 декабря 1798 года, данномъ на имя казначея Грузинскаго, Хованскій писалъ, что, хотя члены св. Синода, предложившіе ему размѣнять на ассигнаціи имѣвшуюся въ синодальной казнѣ золотую монету, и предоставили въ его пользу „слѣдовавшій на нее лажъ“, но такъ какъ онъ не считалъ себя въ правѣ воспользоваться казенными деньгами, то и рекомендовалъ казначею, по принятіи отъ него ассигнацій, вычесть изъ оберъ-прокурорскаго жалованья курсовую разницу между золотыми червонцами и ассигнаціями и присоединить удержанное жалованье къ синодальнымъ суммамъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности не было произведено никакого вычета изъ оберъ-прокурорскаго жалованья, и Хвостовъ предписалъ оберъ-секретарю Пукалову взыскать съ князя Хованскаго или его родственниковъ ту сумму, какой лишилась синодальная казна отъ простой замѣны червонцевъ ассигна-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1802 г. № 1,021.

[2]) Тамъ же.

ціями. 31 декабря 1799 года Хвостовъ сообщилъ о своемъ распоряженіи св. Синоду, заявивъ, что его предшественникъ взялъ изъ типографской суммы золотыхъ червонцевъ на 254 рубля и вложилъ вмѣсто нихъ ассигнаціи безъ лажа, что, при современномъ лажѣ по 55 копѣекъ съ рубля, лишило казну 139 рублей 70 копѣекъ [1]).

Наблюдая за состояніемъ синодальнаго дѣлопроизводства и интересами государственнаго казначейства, Хвостовъ не оставлялъ безъ оберъ-прокурорскаго надзора и мѣстнаго, епархіальнаго управленія. Когда императоръ поручилъ архіепископу Амвросію сдѣлать замѣчаніе владимірской консисторіи, несвоевременно донесшей о непозволительныхъ словахъ, сказанныхъ дьякономъ Коровинскимъ по адресу государя, оберъ-прокуроръ по секрету разослалъ всѣмъ секретарямъ духовныхъ консисторій строжайшія предписанія о внимательномъ отношеніи къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей; „я", писалъ Хвостовъ [2]), „наблюдая за благоустройствомъ, исправнымъ теченіемъ и производствомъ дѣлъ,... подъ моимъ начальствомъ находящихся, наистрожайше предписываю всѣмъ секретарямъ консисторій, въ случаѣ возникновенія подобныхъ дѣлъ, немедленно же приступать къ исполненію указа, а между тѣмъ обо всемъ доносить, подъ опасеніемъ за малѣйшее опозданіе отрѣшенія отъ мѣста и отдачи уголовному суду".

Слѣдя за состояніемъ синодальнаго дѣлопроизводства и епархіальнымъ управленіемъ, Хвостовъ дѣлалъ св. Синоду и разнообразныя предложенія, но, какъ позволяютъ думать архивныя документальныя данныя, не оказывалъ вліянія на синодальныхъ членовъ и, предоставляя имъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, легко мирился съ утратою и той доли фактическаго вліянія на церковное управленіе, какое уже успѣла пріобрѣсти прокуратура въ предшествовавшее время.

5 марта 1802 года оберъ-прокуроръ предложилъ на разсмотрѣніе св. Синода отношеніе костромского губернатора объ излишней перепискѣ мѣстной духовной консисторіи съ

---

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 1,785.

[2]) Тамъ же, № 5,661.

губернскимъ правленіемъ по дѣлу о найденномъ мертвомъ тѣлѣ пономаря Степанова [1]). Губернаторъ обвинялъ мѣстное епархіальное начальство въ частыхъ незаконныхъ требованіяхъ, предъявлявшихся въ губернскому правленію и затруднявшихъ его безполезною перепиской. Все участіе оберъ-прокурора въ обсужденіи неправильныхъ дѣйствій епархіальнаго начальства выразилось только въ томъ, что Хвостовъ предложилъ на разсмотрѣніе св. Синода отношеніе костромского губернатора и, по желанію Синода, увѣдомилъ губернатора о состоявшемся постановленіи [2]).—Въ такомъ же пассивномъ положеніи мы видимъ синодальнаго оберъ-прокурора при производствѣ дѣла, начавшагося въ высшемъ церковномъ учрежденіи по предложенію Хвостова, получившаго отъ статсъ-секретаря Муравьева письмо съ объявленіемъ именного императорскаго указа о разсмотрѣніи прошенія солдатки Сторчачки и казака Телембета, обвинявшихъ своего приходскаго священника „въ несносныхъ обидахъ“ и произвольномъ недопущеніи ихъ, прихожанъ, къ исповѣди и причастію. И здѣсь оберъ-прокуроръ не оказывалъ никакого вліянія на рѣшеніе возбужденнаго дѣла и ограничился только тѣмъ, что объявилъ Синоду императорскій указъ и принялъ отъ него порученіе доложить государю о состоявшемся синодальномъ постановленіи, неблагопріятномъ для жалобщиковъ [3]).

Не оказывая почти никакого вліянія на характеръ дѣятельности синодальныхъ членовъ, Хвостовъ принужденъ былъ даже довольно часто дѣлиться съ наиболѣе вліятельнымъ членомъ св. Синода, митрополитомъ Амвросіемъ, самыми важными прерогативами оберъ-прокурорской власти, и мы видимъ, что по однимъ и тѣмъ же дѣламъ обращались съ своими предложеніями къ высшему церковному учрежденію и оберъ-прокуроръ Хвостовъ и митрополитъ Амвросій. Такъ, по дѣлу, вызванному прошеніемъ, поданнымъ государю священникомъ города Динабурга Герасимомъ Дюбановичемъ, 22 марта 1801 года обращался къ св. Синоду съ своимъ пред-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1802 г. № 197, стр. 1.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

[3]) Архивъ св. Син. Дѣло 1802 г. № 387, стр. 71

ложеніемъ оберъ-прокуроръ [1]), получившій чрезъ Трощинскаго высочайшее повелѣніе разсмотрѣть миссіонерскую дѣятельность Дюбановича, а 28 іюня того же года Синодъ слушалъ по данному дѣлу такое же предложеніе митрополита Амвросія [2]).—7 февраля 1802 года гр. Хвостовъ предложилъ на разсмотрѣніе Синода полученное имъ, оберъ-прокуроромъ, отъ статсъ-секретаря Муравьева, поданное на высочайшее имя, прошеніе лишенныхъ священства Самарскаго и Стефановскаго [3]), а чрезъ нѣсколько времени съ подобнымъ же предложеніемъ обратился къ Синоду и митрополитъ Амвросій, объявившій волю государя о назначеніи священническаго мѣста одному изъ просителей, Стефановскому [4]), которому ранѣе Синодъ нашелъ невозможнымъ разрѣшить священнослуженіе [5]).

Раздѣляя съ митрополитомъ Амвросіемъ право прокуратуры выполнять важныя обязанности посредника въ сношеніяхъ верховной власти съ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ и дѣлать Синоду разнообразныя предложенія, Хвостовъ фактически нерѣдко уступалъ первенствующему синодальному члену и другое важное право оберъ-прокурора—производить отъ своего имени переписку по дѣламъ духовнаго вѣдомства съ главными учрежденіями и лицами, завѣдывавшими отдѣльными частями управленія. „Государственный казначей, графъ А. И. Васильевъ“, писалъ, напримѣръ, оберъ-прокуроръ Хвостовъ въ своемъ предложеніи св. Синоду отъ 30 октября 1801 года, „препроводилъ ко мнѣ копію съ присланнаго къ нему отъ Амвросія, митрополита новгородскаго и петербургскаго, списка о духовныхъ особахъ и чиновникахъ по синодальному вѣдомству, для полученія медалей,.... съ означеніемъ, кому какая медаль слѣдуетъ“ [6]).

Неудивительно, что когда широкіе преобразовательные

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1801 г. № 253, стр. 1.

[2]) Тамъ же, стр. 15.

[3]) Архивъ св. Син. Дѣло 1802 г. № 107, стр. 1.

[4]) Тамъ же, стр. 25.

[5]) Тамъ же, стр. 24.

[6]) Архивъ св. Син. Дѣло 1801 г. № 945.

планы новаго Александровскаго правительства распространились и на духовное вѣдомство, такой мало энергичный представитель государственной власти въ высшемъ церковномъ учрежденіи, какимъ былъ гр. Хвостовъ, избранный оберъ-прокуроромъ самимъ св. Синодомъ и оказавшійся неспособнымъ удержать за прокуратурой, выработанное предшествовавшей практикой, значеніе въ церковномъ управленіи, не могъ удовлетворять запросамъ правительства и долженъ былъ уступить свое мѣсто болѣе дѣятельному и энергичному оберъ-прокурору. 31 декабря 1802 года Сенату и былъ данъ именной императорскій указъ объ увольненіи Хвостова отъ занимаемой имъ должности; „тайнаго совѣтника, св. пр. Синода оберъ-прокурора гр. Хвостова“, писалъ въ своемъ указѣ императоръ Александръ, „Всемилостивѣйше увольняемъ по его прошенію отъ сей должности, съ произвожденіемъ ему прежняго жалованья впредь до опредѣленія“ [1]).

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. № 30.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

31 декабря 1802 года, одновременно съ указомъ объ увольненіи гр. Хвостова, былъ данъ на имя Сената и другой императорскій указъ о назначеніи новаго синодальнаго оберъ-прокурора; „счисляющемуся при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Яковлеву“, писалось въ указѣ, „Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть оберъ-прокуроромъ въ св. пр. Синодѣ“. 9 января 1803 года Синодъ выслушалъ сенатское вѣдѣніе о состоявшемся императорскомъ распоряженіи и постановилъ разослать указы о вступленіи въ должность новаго оберъ-прокурора, Александра Алексѣевича Яковлева [1]).

Выборъ государя оказался довольно удачнымъ для интересовъ синодальной прокуратуры, такъ такъ Яковлевъ, при своихъ взглядахъ на права и обязанности оберъ-прокурорской власти и при своемъ энергичномъ, рѣшительномъ и властолюбивомъ характерѣ, не могъ мириться съ незавиднымъ фактическимъ положеніемъ прокуратуры, созданнымъ при его предшественникѣ громаднымъ вліяніемъ на церковное управленіе митрополита Амвросія. Безъ сомнѣнія, такой оберъ-прокуроръ болѣе отвѣчалъ видамъ и намѣреніямъ новаго правительства, задававшагося самыми широкими планами государственныхъ преобразованій, которыя, при тѣсной связи церковной жизни съ жизнью государственною, не могли не отра-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. № 18.

зиться извѣстнымъ образомъ и на системѣ церковнаго управленія. Какъ извѣстно, преобразовательные планы императора Александра I были самые грандіозные; мечтая сдѣлать Россію счастливой и свободной, онъ не только хотѣлъ произвести разнообразныя частныя преобразованія, но и былъ намѣренъ подвергнуть коренной реорганизаціи всю многосложную систему государственнаго управленія. Не чуждый печальнаго знакомства съ злоупотребленіями русской администраціи конца царствованія Екатерины II, наблюдавшій и даже испытавшій на себѣ самомъ рѣзкія проявленія деспотизма, Александръ, получивъ въ свои руки неограниченную власть надъ государствомъ, стремился освободить его жизнь отъ тѣхъ ненормальныхъ, нежелательныхъ явленій, какія имѣли мѣсто въ царствованіе Екатерины II и Павла. Правда, въ своемъ манифестѣ о вступленіи на престолъ [1]) императоръ Александръ торжественно заявилъ, что вмѣстѣ съ прародительскимъ тономъ онъ принимаетъ на себя и „обязанность управлять народомъ по законамъ и по сердцу... государыни Екатерины Великой“; но, конечно, въ данномъ случаѣ внукъ Екатерины имѣлъ въ виду не практическую дѣятельность своей бабки, тѣмъ болѣе не послѣдніе годы ея царствованія, а лучшія идеальныя стремленія императрицы, наиболѣе ясно и отчетливо высказанныя въ ея знаменитомъ Наказѣ. Подобное предположеніе находитъ для себя подтвержденіе и въ дальнѣйшихъ словахъ того же манифеста, гдѣ Александръ указываетъ конечную цѣль, какой онъ стремился достичь, намѣреваясь управлять народомъ по закону и по сердцу Екатерины; „да по ея премудрымъ *намѣреніямъ* шествуя,—писалъ онъ въ своемъ манифестѣ,—достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ“.

Торжественному обѣщанію императора Александра возвратиться къ принципамъ Екатерининскаго царствованія и уничтожить слѣды Павловской реакціи вполнѣ отвѣчали и либеральныя стремленія передовой части русскаго общества, признававшей необходимымъ устраивать, улучшать и преобразовывать русскую государственную и общественную жизнь на

---

[1]) П. С. З. т. XXVI, № 19, 779.

основаніи началъ, выработанныхъ современною жизнью западно-европейскихъ государствъ. Эта передовая часть русскаго общества, съ вступленіемъ на престолъ императора Александра, и получила возможность оказывать сильное вліяніе на молодого, либерально настроеннаго государя. Но въ то время, какъ Екатерина и современное ей поколѣніе русскаго образованнаго общества, знакомясь съ идеями французской философіи и, повидимому, искренно симпатизируя имъ, легко и спокойно примиряли возвышенныя теоретическія начала философіи съ далеко не возвышенною практикой русской государственной и общественной жизни,—новое молодое поколѣніе передовой части русскаго общества уже не ограничивалось однимъ только теоретическимъ усвоеніемъ возвышенныхъ принциповъ, а начало, вмѣстѣ съ самимъ императоромъ, разрабатывать обширные планы всевозможныхъ преобразованій. Пользуясь сохранившимися „извлеченіями изъ засѣданій неффиціальнаго комитета“ [1]), мы можемъ составить себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе, какъ новое молодое поколѣніе, въ лицѣ императора Александра и интимнаго кружка его ближайшихъ совѣтниковъ, стремилось устранить рѣзкое различіе между принципами французской философіи и русскою дѣйствительностью и перенести новыя понятія изъ чисто теоретической сферы въ практическую жизнь.

Занимаясь систематеческой разработкой проектировавшихся реформъ „безобразнаго зданія государственной администраціи“, какъ выражаются протоколы засѣданій неоффиціальнаго комитета [2]), комитетъ, между прочимъ, призналъ необходимымъ уничтожить старыя Петровскія коллегіи и замѣнить ихъ новымъ учрежденіемъ министерствъ. Въ своихъ разсужденіяхъ объ образованіи министерствъ императоръ Александръ и члены неоффиціальнаго комитета руководились не только новыми иностранными вліяніями, но и старыми попытками образованія министерствъ, имѣвшими мѣсто въ Россіи при Екатеринѣ II и Павлѣ. Графъ Кочубей, выясняя причины, побуждавшія учредить министерства, заявилъ въ

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I. Т. I, прилож., стр. 38—91.

[2]) Тамъ же, стр. 38.

комитетѣ, что еще Екатерина II имѣла намѣреніе преобразовать государственное управленіе, и что гр. Панинъ представилъ ей планъ, въ который входило образованіе нѣсколькихъ министерствъ. И дѣйствительно, сопоставляя проекты неоффиціальнаго комитета и самое учрежденіе министерствъ 1802 года съ докладомъ гр. Панина Екатеринѣ II [1]), невозможно отрицать очень замѣтнаго сходства между идеями Панина и неоффиціальнаго комитета. По смерти же Екатерины, при ея ближайшемъ преемникѣ Павлѣ, идеи объ учрежденіи министерствъ начинаютъ постепенно осуществляться на практикѣ, и въ системѣ центральнаго управленія появляется уже нѣсколько министерствъ, въ формѣ новыхъ коллегій съ ихъ главными директорами, получившими право непосредственнаго доклада государю. Императоръ Александръ рѣшился въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣнить къ практической жизни принципъ единоличнаго управленія отдѣльными отраслями государственныхъ дѣлъ,—принципъ, теоретически развивавшійся въ докладѣ Екатерининскаго дѣятеля и начавшій уже практически осуществляться въ царствованіе Павла. Послѣ продолжительнаго обсужденія возбужденнаго въ неоффиціальномъ комитетѣ вопроса о преобразованіи центральнаго управленія было рѣшено приступить и къ самымъ реформамъ, и 8 сентября 1802 года государь издалъ высочайшій манифестъ объ учрежденіи министерствъ.

Но, организованное по планамъ и проектамъ неоффиціальнаго комитета, министерское управленіе 1802 года носило еще на себѣ,—какъ справедливо отмѣчено уже въ историко-юридической литературѣ, — характеръ поспѣшной работы, торопливаго желанія доставить своимъ идеямъ торжество въ принципѣ, хотя бы въ самой несовершенной формѣ, чтобы впослѣдствіи дать новому учрежденію болѣе совершенную организацію. Съ изданіемъ манифеста объ учрежденіи министерствъ 1802 года Петровскія коллегіи оставались въ первобытномъ состояніи, и въ производствѣ дѣлъ сохранялся тотъ же коллегіальный характеръ, какой существовалъ и до изданія указа [2]).

---

[1]) Русскій Архивъ. 1871 г., стр. 1408.

[2]) Сборникъ рус. историч. общ. Т. III, стр. 35, п. п. 2 и 3.

Поставленные во главѣ отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія министры не были органически введены въ составъ подчиненныхъ имъ коллегій, и само коллегіальное устройство находившихся въ ихъ вѣдѣніи учрежденій оставалось неприкосновеннымъ, такъ что въ первое время не было осуществлено въ практической жизни одно изъ главныхъ и необходимыхъ условій нормальнаго министерскаго управленія.

Такой характеръ новаго министерскаго управленія находился въ зависимости отъ воззрѣній нѣкоторыхъ членовъ неоффиціальнаго комитета и — главнымъ образомъ — самого государя, полагавшаго, что невозможно было бы разомъ уничтожить коллегіи,—всѣ эти старинныя формы, крѣпко привившіяся къ жизни и что достаточно подчинить ихъ министрамъ и уже впослѣдствіи, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезными, замѣнить ихъ другими учрежденіями [1]). Опытъ дѣйствительно показалъ крайнія неудобства совмѣщенія во вновь организованной системѣ центральной администраціи двухъ различныхъ началъ и, въ скоромъ времени послѣ учрежденія министерствъ, коллегіи были закрыты и замѣнены простыми канцеляріями, непосредственно подчиненными единоличной волѣ министровъ.

Учрежденіе министерствъ, внесшее существенныя измѣнія въ административное государственное устройство, не могло пройти совершенно безслѣдно и для системы церковнаго управленія. И какъ организованныя великимъ преобразователемъ Россіи государственныя коллегіи, замѣнившія старые московскіе приказы, повели за собою, съ теченіемъ времени, реформу церковнаго управленія и вызвали учрежденіе Духовнаго Коллегіума или св. Синода, такъ и министерскій принципъ, нашедшій себѣ широкое примѣненіе во всей сложной системѣ государственнаго управленія, былъ признанъ правительствомъ императора Александра пригоднымъ и для спеціальной, церковной отрасли управленія, находившейся въ вѣдѣніи св. Синода. Лишенный религіознаго образованія въ духѣ господствующей православной церкви, Александръ, повидимому, не видѣлъ никакихъ неудобствъ въ примѣненіи министерскаго принципа и къ синодальному управленію рус-

---

[1]) Извлеченія изъ засѣданій неоффиц. комитета, стр. 73.

скою церковью и только признавалъ необходимымъ соблюденіе извѣстной постепенности въ преобразованіи старинныхъ формъ управленія, успѣвшихъ прочно привиться къ практической жизни.

Яковлевъ, назначенный оберъ-прокуроромъ св. Синода въ скоромъ времени послѣ учрежденія министерствъ, очевидно уже подчинился значительному вліянію новыхъ идей Александровскаго правительства и *обнаружилъ несомнѣнное стремленіе присвоить себѣ министерскія полномочія въ „синодальномъ департаментѣ“*, какъ иногда называлъ самъ государь высшее церковное учрежденіе.

Оффиціальные документы синодальнаго архива и неоффиціальныя „Записки“ самого Яковлева [1]),—записки, нужно замѣтить, уже эксплоатировавшіяся въ исторической литературѣ [2]), даютъ намъ возможность составить вполнѣ ясное представленіе объ оберъ-прокурорской дѣятельности преемника Хвостова и его отношеніяхъ къ наиболѣе вліятельнымъ синодальнымъ членамъ, съумѣвшимъ сосредоточить въ своихъ рукахъ дѣйствительное управленіе важнѣйшими дѣлами духовнаго вѣдомства.

Какъ представитель государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, обязанный главнымъ образомъ слѣдить за хозяйственными, экономическими дѣлами въ духовномъ вѣдомствѣ, Яковлевъ прежде всего обратилъ вниманіе на состояніе синодальнаго хозяйства и безъ труда убѣдился, что при его предшественникѣ члены св. Синода распоряжались разнообразными суммами, ассигновавшимися на духовное вѣдомство, безъ строгаго фактическаго контроля оберъ-прокурорской власти. Отсутствіе оберъ-прокурорскаго надзора повело за собою появленіе значительныхъ безпорядковъ во многихъ отрасляхъ синодальнаго хозяйства; такіе безпорядки, иногда даже принимавшіе характеръ злоупотребленій, чувствительно отзывавшихся на интересахъ государственной казны, Яковлевъ замѣтилъ въ московской синодальной типо-

---

[1]) См. цитированную статью Русскаго Вѣстника за 1868 г. Т. 74, стр. 438—513.

[2]) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX столѣтія.

графіи, находившейся въ то время въ завѣдываніи племянника митрополита Амвросія. Особенно крупныя злоупотребленія имѣли мѣсто въ московской типографіи, при торгахъ на поставку бумаги и другихъ матеріаловъ для типографскихъ работъ. Такъ какъ подобные торги производились обыкновенно въ самой Москвѣ, вдали отъ оберъ-прокурорскаго надзора, то Яковлевъ нашелъ необходимымъ измѣнить установившійся порядокъ и съ этою цѣлью, чрезъ Новосильцева, представилъ государю всеподданнѣйшій докладъ о необходимости перенести торги въ Петербургъ и поставить ихъ подъ непосредственный, личный контроль оберъ-прокурора. Въ то же время Яковлевъ настаивалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ и на томъ, чтобы оберъ-прокурору было позволено и на будущее время во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, гдѣ представится какая-либо возможность оказать извѣстную пользу интересамъ казны, „поступать по своему лучшему усмотрѣнію“.

Императоръ Александръ вполнѣ одобрилъ желаніе оберъ-прокурора, и 5 марта 1803 года св. Синодъ, къ крайнему удивленію и неудовольствію наиболѣе вліятельныхъ его членовъ, долженъ былъ выслушать соотвѣтствующее предложеніе Яковлева.—Государь императоръ, писалъ оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи св. Синоду, утвердивъ мое мнѣніе, благоволилъ указать, чтобы съ поставщиками для московской синодальной типографіи бумаги, кожи и прочихъ матеріаловъ заключать контракты здѣсь, въ св. Синодѣ, подъ особымъ моимъ присмотромъ, для бо́льшаго соблюденія казенныхъ выгодъ, а затѣмъ Его Императорское Величество, удостоивъ всемилостивѣйшаго благоволенія мои представленія, повелѣлъ, чтобы я, какъ въ данномъ случаѣ, „такъ и впредь въ подобныхъ дѣлахъ поступалъ по лучшему моему усмотрѣнію на пользу службы и для лучшаго исполненія возложенной на меня должности“ [1]).

Едва ли нужно доказывать, какое важное значеніе должны были имѣть для прокуратуры и св. Синода присвоенное Яковлевымъ министерское право совершенно самостоятельно дѣлать государю всеподданнѣйшіе доклады о раз-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. № 79, стр. 58.

личныхъ нуждахъ духовнаго вѣдомства и полученная имъ привиллегія „и впредь поступать по своему личному усмотрѣнію“ въ распоряженіи хозяйственными, экономическими дѣлами, находившимися въ вѣдѣніи высшаго церковнаго учрежденія. Члены св. Синода не безъ основанія увидѣли въ дѣйствіяхъ оберъ-прокурора Яковлева явное стремленіе къ расширенію своихъ правъ въ ущербъ законнымъ правамъ самого церковнаго учрежденія и рѣшили принять нужныя мѣры для огражденія себя отъ нежелательныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго развитія оберъ-прокурорской власти.

По словамъ „Записокъ“ самого Яковлева, митрополитъ Амвросій, при первомъ же частномъ свиданіи съ оберъ-прокуроромъ, началъ уговаривать его дѣйствовать всегда согласно съ синодальными членами и, безъ предварительнаго совмѣстнаго обсужденія извѣстныхъ вопросовъ, не обращаться къ государю ни съ какими докладами. Разсчитывая подѣйствовать на Яковлева въ желательномъ направленіи, Амвросій, отъ имени св. Синода, обѣщалъ исходатайствовать ему чинъ тайнаго совѣтника, ленту и столовыя деньги, не полученныя еще оберъ-прокуроромъ за прежнюю службу, замѣтивъ, что его предшественники, жившіе въ согласіи съ синодальными членами, благодаря именно имъ и получали всѣ свои награды. Когда убѣжденія Амвросія не оказали ожидаемаго дѣйствія на оберъ-прокурора, и Яковлевъ рѣшительно заявилъ, что полученіе наградъ по ходатайству св. Синода создастъ для него нежелательное, ложное положеніе, такъ какъ обяжетъ его благодарностью по отношенію къ синодальнымъ членамъ и невольно будетъ побуждать уступать имъ во всемъ въ ущербъ государственнымъ интересамъ, митрополитъ Амвросій поставилъ ему на видъ, что у каждаго изъ нихъ, членовъ Синода, имѣются близъ государя пріятели и покровители, а у него, оберъ-прокурора, существуетъ только одинъ Новосильцевъ. „Насъ много, а Вы одинъ, замѣтилъ онъ, по свидѣтельству Яковлева [1]), „мы сильнѣе и опаснѣе для Васъ, нежели Вы для насъ“.

Оберъ-прокуроръ особой запиской довелъ до свѣдѣнія императора о своемъ разговорѣ съ митрополитомъ Амвро-

---

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1868 г., т. 74, стр. 468.

сіемъ, но Амвросій, вмѣстѣ съ другимъ членомъ Синода, ярославскимъ архіепископомъ Павломъ, попытался еще разъ уговорить Яковлева поддерживать съ ними, наиболѣе вліятельными синодальными членами, мирныя, дружелюбныя отношенія и, безъ ихъ согласія, не писать государю никакихъ докладовъ, угрожая ему, въ противномъ случаѣ, печальною судьбою оберъ-прокуроровъ Чебышева и Хованскаго. Рѣшительный отказъ Яковлева отъ предложенія митрополита Амвросія и архіепископа Павла еще болѣе возстановилъ ихъ противъ неудобнаго оберъ-прокурора, и хотя Яковлевъ въ новой запискѣ, представленной чрезъ Новосильцева, успѣлъ сообщить императору Александру обо всемъ происшедшемъ, но, очевидно подъ вліяніемъ жалобъ заинтересованныхъ лицъ, получилъ отъ государя внушеніе соблюдать бо́льшую осторожность въ своихъ отношеніяхъ къ синодальнымъ членамъ [1].

Между тѣмъ, произведенные подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Яковлева, торги на поставку въ московскую синодальную типографію бумаги и другихъ матеріаловъ дали казнѣ громадную экономію въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, и оберъ-прокуроръ, очень высоко цѣнившій достигнутые результаты удачныхъ торговъ, обратился къ государю съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ о награжденіи чиновниковъ, оказавшихъ услуги успѣшному окончанію дѣла. Представленіе Яковлева было утверждено, и оберъ-прокуроръ предложилъ св. Синоду для надлежащаго исполненія высочайшее повелѣніе: 1) рекомендованнаго оберъ-прокуроромъ синодальнаго секретаря Журихина представить къ награжденію орденомъ св. Владиміра, 2) служащихъ въ оберъ-прокурорской канцеляріи титулярнаго совѣтника Алексѣева и канцеляриста Плохова произвести въ слѣдующіе чины и 3)

---

[1]) Тамъ же, стр. 468—469.—Хотя императоръ, послѣ полученія докладной записки Яковлева, и прислалъ золотой ключъ оберъ-прокурору, который говорилъ синодальнымъ членамъ, что онъ „всегда будетъ принадлежать своему государю и всегда, во всѣхъ дѣлахъ, будетъ охранять его интересы“, но, когда новопожалованный камергеръ явился во дворецъ для принесенія благодарности, Александръ, улыбаясь, сказалъ ему: „потише, потише!“

выдать изъ типографской суммы 5000 рублей для награжденія канцелярскихъ чиновниковъ, по личному усмотрѣнію самого оберъ-прокурора [1]).

Знакомясь съ расходованіемъ различныхъ денежныхъ суммъ, ассигновавшихся на разнообразныя потребности духовнаго вѣдомства, Яковлевъ, между прочимъ, замѣтилъ, что Синодъ довольно свободно распоряжался добавочными суммами, выдававшимися на прибавку канцелярскихъ служителей въ духовныхъ консисторіяхъ, не стѣсняясь ихъ вполнѣ опредѣленнымъ назначеніемъ. Очень вѣроятно, что св. Синодъ считалъ необходимымъ удовлетворять ими какія либо другія неотложныя нужды епархіальнаго управленія, но оберъ-прокуроръ нашелъ болѣе полезнымъ употреблять остатки добавочныхъ суммъ на потребности духовнаго вѣдомства по своему личному усмотрѣнію и, получивъ высочайшее соизволеніе на представленный чрезъ Новосильцева докладъ, 3 марта 1803 года сообщилъ св. Синоду, что государь, по его представленію, указалъ „оставшуюся въ экономіи изъ прибавочныхъ на консисторскихъ канцелярскихъ служителей сумму, всего 2909 р. $27^1/_4$ коп., употребить ему, оберъ-прокурору, для исправленія нѣкоторыхъ по синодскому департаменту изъясненныхъ Его Императорскому Величеству надобностей“ [2]).

Явное стремленіе прокуратуры лишить Синодъ всякой возможности распоряжаться по своему усмотрѣнію денежными средствами, отпускавшимися на нужды церковнаго управленія, не могло быть удовлетворено незначительными практическими результатами, достигнутыми Яковлевымъ. На различныя потребности духовнаго вѣдомства ежегодно отпускалось 1,400,000 рублей, но каждый годъ отъ этой суммы получались значительные остатки, доходившіе иногда до 100,000 рублей. Такъ какъ Синодъ никогда не возвращалъ въ казну подобныхъ остатковъ, а распоряжался ими по своему усмотрѣнію, распредѣляя ихъ на различные непредвидѣнные и случайные расходы по синодальному вѣдомству, то оберъ-прокуроръ обратился къ государю съ особымъ докладомъ о

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. № 79, стр. 91.
[2]) Тамъ же, стр. 58.

необходимости обязать Синодъ возвращать въ казну ежегодные остатки отъ штатной суммы, выдаваемой на содержаніе „духовнаго департамента“. Но Синодъ, имѣвшій при особѣ государя сильныхъ покровителей въ лицѣ различныхъ высокопоставленныхъ друзей своихъ членовъ, принялъ извѣстныя мѣры, чтобы избавить себя отъ непріятныхъ и крайне нежелательныхъ послѣдствій оберъ-прокурорскаго доклада, и всеподданнѣйшій докладъ Яковлева, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ Трощинскаго, поддерживавшаго митрополита Амвросія, остался безъ высочайшаго утвержденія [1]). Въ данномъ случаѣ нельзя не замѣтить, что оберъ-прокуроръ, стремившійся присвоить себѣ министерское право дѣлать вполнѣ самостоятельно и независимо отъ св. Синода всеподданнѣйшіе доклады о нуждахъ духовнаго вѣдомства, совершенно забывалъ о главной и существенной обязанности каждаго министра — заботиться объ удовлетвореніи дѣйствительныхъ потребностей своего вѣдомства и всецѣло приносилъ ихъ въ жертву, довольно односторонне понимаемыхъ имъ, интересовъ государственной казны. Члены же св. Синода признавали и за остатками, получавшимися отъ денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на духовное вѣдомство, то же самое назначеніе, какое имѣли штатныя суммы, ежегодно ассигнуемыя на нужды церковнаго управленія, почему и считали себя въ правѣ употреблять ихъ на удовлетвореніе различныхъ потребностей своего вѣдомства.

Знакомство съ разнообразными отраслями синодальнаго хозяйства позволило Яковлеву узнать, что при его предшественникѣ, гр. Хвостовѣ, неоффиціально было распродано изъ синодальной лавки на 20,000 рублей различныхъ казенныхъ книгъ. Чтобы покрыть крупную растрату, оберъ-секретарь Пукаловъ, сильно замѣшанный въ данномъ дѣлѣ, придумалъ очень остроумный способъ; не существовавшія книги были оффиціально проданы коллежскому совѣтнику Сорокину, который, хотя и внесъ за нихъ 20,000 рублей, но въ скоромъ же времени заявилъ, что купленныя книги не имѣютъ никакой цѣнности, такъ какъ одни изъ нихъ лишены многихъ листовъ, а другія даже совершенно сгнили. Донесеніе Соро-

---

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1868 г., т. 74, стр. 469—470.

кипа было принято Синодомъ безъ всякой провѣрки его справедливости, и, въ силу состоявшагося синодальнаго постановленія, вся сумма стоимости фиктивныхъ книгъ была вновь возвращена Сорокину. Яковлевъ не могъ оставить безъ формальнаго разслѣдованія обнаруженнаго имъ факта замаскированнаго подлога и растраты казенныхъ денегъ, полученныхъ отъ распродажи книгъ, и, доведя обо всемъ до свѣдѣнія государя, вызвалъ высочайшее повелѣніе о строгомъ изслѣдованіи запутаннаго „Сорокинскаго“ дѣла [1]).

Постоянное, настойчивое стремленіе Яковлева сдѣлать фактическимъ строгій контроль прокуратуры надъ хозяйственною дѣятельностью св. Синода и лишить синодальныхъ членовъ всякой возможности распоряжаться по своему усмотрѣнію денежными средствами духовнаго вѣдомства, не могло не возстановить противъ него митрополита Амвросія и другихъ вліятельныхъ членовъ высшаго церковнаго учрежденія, такъ какъ при предшественникѣ Яковлева, обязанномъ Синоду своимъ назначеніемъ на постъ синодальнаго оберъ-прокурора, они уже въ значительной степени отвыкли отъ стѣснительнаго фактическаго контроля прокуратуры.

Обостренныя отношенія, возникшія между оберъ-прокуроромъ и отдѣльными членами св. Синода, наиболѣе заинтересованными въ сохраненіи установившихся порядковъ синодальнаго хозяйства, постепенно усиливались и развивались подъ вліяніемъ настойчиваго стремленія Яковлева не только возвратить прокуратурѣ, выработанное предшествовавшей жизнью и временно утраченное при Хвостовѣ, значеніе въ церковномъ управленіи, но и придать ей новый характеръ, уже въ сильной степени нарушавшій права и полномочія самого св. Синода.

Мы видѣли, что митрополитъ Амвросій, пользуясь особеннымъ расположеніемъ императора Павла и слабостью оберъ-прокурора Хвостова, успѣлъ сильно возвысить значеніе первенствующаго синодальнаго члена въ высшемъ церковномъ управленіи и нерѣдко велъ переписку по дѣламъ св. Синода съ главными государственными учрежде-

---

[1]) Тамъ же, стр. 475.—Чистовичъ. Руководящіе дѣятели.., стр. 15—16.

ніями, а со времени появленія министерствъ—съ министрами. Яковлевъ, поставившій себѣ цѣлью устранить всѣ препятствія, мѣшавшія дѣйствительному вліянію прокуратуры на положеніе дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ, прекрасно понималъ, что оффиціальная переписка митрополита съ министрами далеко небезразлична для интересовъ оберъ-прокурорской власти, почему и представилъ государю особый докладъ о необходимости установить обязательный порядокъ сношеній Синода съ министрами исключительно только чрезъ одного оберъ-прокурора. Императоръ Александръ сочувственно отнесся къ представленію Яковлева, видимо, стремившагося приравнять свое положеніе въ церковномъ вѣдомствѣ къ положенію министровъ, поставленныхъ въ главѣ другихъ вѣдомствъ, и въ скоромъ времени всѣмъ министрамъ было объявлено высочайшее распоряженіе, обязывавшее ихъ вести дѣловую переписку не съ первенствующимъ синодальнымъ членомъ, а съ оберъ-прокуроромъ. Но и послѣ состоявшагося распоряженія, митрополитъ Амвросій, по словамъ „Записокъ" Яковлева, не хотѣлъ добровольно примириться съ ограниченіемъ своихъ правъ и нерѣдко еще находилъ возможнымъ пользоваться привиллегіей посредника въ сношеніяхъ министровъ съ св. Синодомъ [1]).

Чтобы лишить Амвросія самой возможности нарушать, установленный въ интересахъ прокуратуры, порядокъ сношеній Синода съ учрежденіями и лицами, стоявшими во главѣ управленія отдѣльными вѣдомствами, Яковлевъ даже предписалъ оберъ-секретарямъ синодальной канцеляріи не исполнять требованій митрополита о производствѣ канцелярскихъ справокъ и не сообщать ему никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній о положеніи тѣхъ или другихъ дѣлъ. И когда однажды первенствующій синодальный членъ получилъ отъ статсъ-секретаря Муравьева поданную государю жалобу на вологодскаго архіерея и, обязанный, по высочайшему повелѣнію, сообщить надлежащія свѣдѣнія о положеніи даннаго дѣла въ св. Синодѣ, обратился въ канцелярію за необходимыми справками, оберъ-секретарь не осмѣлился нарушить предписанія

[1]) Русскій Вѣстн, 1868 г., т. 74, стр. 470—471.—Чистовичъ. Руков. дѣят..., стр. 8—9.

Яковлева и доложилъ ему рапортомъ о требованіи Амвросія [1]). Яковлевъ же приказалъ дать требуемую справку не митрополиту, а ему, оберъ-прокурору [2]), и уже отъ себя отослалъ ее Муразьеву, замѣтивъ послѣднему, въ объясненіе своего распоряженія, что за каждую справку отвѣчаетъ не митрополитъ, а оберъ-прокуроръ [3]).

Хотя къ концу XVIII вѣка усиліями наиболѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ оберъ-прокуроровъ дѣлопроизводство синодальной канцеляріи и было уже въ значительной степени подчинено фактическому контролю представителя прокуратуры въ церковномъ управленіи, но при гр. Хвостовѣ нерѣдко случалось, что различныя бумаги, присылавшіяся по почтѣ въ св. Синодъ, распечатывались оберъ-секретарями и докладывались митрополиту Амвросію, а нѣкоторыя жалобы на епархіальныхъ архіереевъ, подъ вліяніемъ частныхъ писемъ обвинявшихся лицъ къ синодальнымъ членамъ, оставались долгое время безъ надлежащаго разсмотрѣнія или даже совершенно уничтожались. Яковлевъ рѣшительно возсталъ противъ подобныхъ порядковъ и подалъ государю докладъ, вызвавшій высочайшее повелѣніе, чтобы ни одна бумага, поступавшая въ св. Синодъ, не оставалась неизвѣстной оберъ-прокурору [4]).

Но, отнявъ у синодальныхъ членовъ и, въ частности, у митрополита Амвросія возможность распоряжаться по своему усмотрѣнію разнобразными бумагами и жалобами, поступавшими въ св. Синодъ, Яковлевъ далеко еще не обезпечилъ прокуратурѣ сильнаго фактическаго вліянія на самый характеръ производства и рѣшенія дѣлъ, возникавшихъ въ Синодѣ по доносамъ и жалобамъ пострадавшихъ лицъ. Интересно, что и при Яковлевѣ жалобы на епархіальныхъ архіереевъ подавались не только на имя оберъ-прокурора, но также и на имя митрополита Амвросія, обвинявшіяся же лица иногда даже обращались съ своими разъясненіями и сообщеніями къ одному Амвросію.

---

[1]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 2,409, стр. 1.
[2]) Тамъ же, стр. 2.
[3]) Тамъ же, стр. 4.
[4]) Русскій Вѣстн. 1868 г., т. 74, стр. 471. — Чистовичъ. Руков. дѣят... стр. 8.

2 іюня 1803 года надворный совѣтникъ Иванъ Варвацій подалъ первенствующему синодальному члену жалобу на астраханскаго архіепископа Платона, обвинивъ его въ своемъ донесѣ въ различныхъ незаконныхъ поступкахъ, вызванныхъ корыстолюбіемъ и самолюбіемъ архіепископа [1]). Въ то же время Варвацій написалъ о дѣйствіяхъ Платона и оберъ-прокурору Яковлеву [2]). Въ непродолжительномъ времени оберъ-прокуроръ получилъ еще новую жалобу на того же астраханскаго архіепископа отъ коллежскаго ассесора Сергѣя Уварова-Юдина; послѣдній обвинялъ Платона „въ безбожной критикѣ на Св. Писаніе“, въ непристойномъ богослуженіи, во время котораго онъ нерѣдко позволялъ себѣ кричать, сердиться и даже бить руками своихъ служителей, въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ, въ частыхъ нескромныхъ пирахъ, устраивавшихся въ архіерейскихъ покояхъ и продолжавшихся до разсвѣта, въ корыстолюбіи, выражавшемся въ откупахъ водъ и заключеніи контрактовъ, доставлявшихъ ему до 25,000 рублей ежегоднаго дохода, въ жестокомъ обращеніи съ духовенствомъ. По словамъ жалобы Уварова-Юдина, архіепископъ Платонъ за малѣйшую провинность публично наказывалъ за волосы духовныхъ лицъ, ссылалъ ихъ, безъ всякаго разслѣдованія, въ различные монастыри и, въ пьяномъ видѣ, издѣвался надъ ними, то и дѣло перемѣщалъ священниковъ и дьяконовъ изъ одного прихода въ другой, продавалъ церкви съ ихъ имуществомъ и приказалъ поставить свой портретъ въ соборѣ, въ придѣлѣ, сдѣланномъ имъ во имя своего ангела [3]).

Кромѣ Варвація и Уварова-Юдина прислалъ оберъ-прокурору жалобу на архіепископа Платона и одинъ изъ астраханскихъ священниковъ, Василій Ивановъ; жалуясь на Платона и посылая Яковлеву прошеніе въ св. Синодъ, священникъ Ивановъ писалъ, что онъ не имѣетъ возможности лично отъ себя доставить прошеніе по назначенію, такъ какъ чиновники астраханскаго почтамта, хорошо знакомые преосвященному, вѣроятно, сообщаютъ ему о всякой бумагѣ, посылаемой въ Синодъ, и, безъ сомнѣнія, могутъ удерживать и уничто-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. (окт. 2) № 638, стр. 2—5.
[2]) Тамъ же, стр. 6—7.
[3]) Тамъ же, стр. 9—12.

жать пересылаемыя по почтѣ жалобы. Если бы со стороны архіепископа не было принято подобныхъ мѣръ предосторожности, писалъ Ивановъ, то Синодъ давно бы узналъ о похищеніи громадныхъ суммъ, получаемыхъ отъ рыбныхъ промысловъ, и о другихъ безпорядкахъ въ астраханскомъ епархіальномъ управленіи, но теперь никто изъ духовенства не смѣетъ жаловаться на своего архіепископа, такъ какъ онъ на всѣхъ наводитъ страхъ, открыто похваляясь, что имѣетъ въ Синодѣ сильныхъ покровителей и потому можетъ дѣлать все, что угодно [1]).

Оберъ-прокуроръ Яковлевъ предложилъ полученныя письма и прошенія на разсмотрѣніе св. Синода [2]), но, когда Синодъ постановилъ произвести разслѣдованіе дѣла на мѣстѣ, и въ Астрахани началось судебное слѣдствіе, Варвацій и священникъ Ивановъ оффиціально написали архіепископу Платону, что никакихъ жалобъ и доносовъ они никому не посылали и совершенно не знаютъ, кто написалъ ихъ [3]); подобныя же показанія, подтвержденныя установленной присягой, были даны ими и въ астраханскомъ губернскомъ правленіи. Астраханскій преосвященный воспользовался новыми показаніями своихъ обвинителей и сообщилъ ихъ первенствующему синодальному члену, митрополиту Амвросію [4]).

Настойчивое, хотя иногда и безрезультатное, стремленіе Яковлева усилить фактическое вліяніе прокуратуры на ходъ дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ побуждало его озаботиться и организаціей болѣе дѣйствительнаго и совершеннаго государственнаго надзора за состояніемъ епархіальнаго церковнаго управленія. Убѣдившись, что секретари духовныхъ консисторій, обязанные слѣдить за законностью распоряженій епархіальнаго начальства, не могутъ успѣшно выполнять своего назначенія, такъ какъ находятся въ сильной зависимости отъ мѣстныхъ архіереевъ, Яковлевъ рѣшился осуществить на практикѣ старый проектъ объ учрежденіи спеціальныхъ органовъ прокуратуры для наблюденія за епархіальнымъ управленіемъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 13—14.
[2]) Тамъ же, стр. 1.
[3]) Тамъ же, стр. 27, 29.
[4]) Тамъ же, стр. 25—26, 28.

и съ этою цѣлью представилъ государю докладъ о необходимости назначенія въ духовныя консисторіи, кромѣ секретарей, особыхъ прокуроровъ, непосредственно подчиненныхъ синодальному оберъ-прокурору и совершенно свободныхъ отъ всякаго вліянія со стороны духовенства. Докладъ былъ одобренъ и утвержденъ императоромъ Александромъ, но митрополитъ Амвросій, чрезъ посредство Трощинскаго, успѣлъ убѣдить государя, что осуществленіе оберъ-прокурорскаго проекта, поставивъ архіереевъ въ явную зависимость отъ свѣтскихъ чиновниковъ, вредно отзовется на интересахъ церкви, такъ какъ неизбѣжно подорветъ авторитетъ и унизитъ достоинство высшей іерархіи [1]).

Потерпѣвъ неудачу съ своимъ проектомъ учрежденія епархіальныхъ прокуроровъ, Яковлевъ нашелъ необходимымъ ослабить или даже совершенно уничтожить зависимость секретарей духовныхъ консисторій отъ мѣстныхъ архіереевъ и тѣмъ самымъ превратить ихъ въ удобное орудіе оберъ-прокурорскаго вліянія на епархіальное управленіе. Нужно замѣтить, что, по случаю изданія одного императорскаго указа [2]), предоставившаго губернскимъ правленіямъ право опредѣлять себѣ секретарей, синодальные члены и епархіальные архіереи разсчитывали на возможность примѣненія подобнаго распоряженія и къ назначенію консисторскихъ секретарей самими архіереями [3]). „Мы было по указу надѣялись, что насъ не поставятъ хуже губернаторовъ“ [4]), писалъ Амвросію московскій митрополитъ Платонъ по поводу предоставленія губернскимъ правленіямъ права избрать собственныхъ секретарей.

Понятно, что оберъ-прокуроръ, желавшій имѣть въ лицѣ секретарей духовныхъ консисторій зависѣвшихъ отъ него органовъ правительственнаго надзора за епархіальною жизнью,

---

[1]) Русскій Вѣстн. 1868 г., т, 74, стр. 472.

[2]) П. С. З. т. XXVII, № 20,608, п. 7.

[3]) „Губернскимъ правленіямъ“, читаемъ въ указѣ отъ 4 февраля 1803 года, „дается право опредѣлять въ секретарскія... должности, какъ собственно къ себѣ, такъ и въ подчиненныя мѣста Сіе распространяется и на всѣ присутственныя мѣста въ государствѣ“. Тамъ же.

[4]) Православное Обозрѣніе. 1869 г. сент., стр. 61.

менѣе всего могъ согласиться съ подобнымъ толкованіемъ императорскаго распоряженія. Представивъ государю докладъ о неудобствахъ примѣненія къ церковному управленію указа, даннаго губернскимъ учрежденіямъ, Яковлевъ получилъ благопріятное для себя разъясненіе недоразумѣнія и объявилъ св. Синоду отъ имени верховной власти, что позволеніе присутственнымъ мѣстамъ опредѣлять собственныхъ секретарей не распространяется на духовныя консисторіи. „Относительно указа отъ 4 февраля 1803 года, узаконившаго самостоятельное опредѣленіе секретарей всѣми присутственными мѣстами“, писалъ оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи св. Синоду, „я имѣлъ счастіе докладывать государю, могутъ-ли по этому указу епархіальные архіереи сами себѣ опредѣлять секретарей, причемъ подносилъ на Высочайшее разсмотрѣніе именные указы предшествовавшихъ годовъ, служащіе основаніемъ къ опредѣленію въ штатныя мѣста по духовной командѣ. И Его Величество повелѣлъ мнѣ объявить св. Синоду, что упомянутый указъ на епархіальныя консисторіи не распространяется и опредѣленіе секретарей въ консисторіи остается на прежнемъ основаніи“ [1]).

„Примѣтно очень“, писалъ Амвросію по случаю предложенія Яковлева московскій митрополитъ Платонъ [2]), „что желается (оберъ-прокурору), подчинивъ во всемъ секретарей, подчинить себѣ чрезъ нихъ и консисторіи и правленіе все“.

Возставая противъ учрежденія нежелательнаго для прокуратуры порядка назначенія секретарей въ духовныя консисторіи, Яковлевъ обнаружилъ даже стремленіе оказывать извѣстное вліяніе и на порядокъ избранія самихъ епархіальныхъ архіереевъ. Признавая незаконнымъ и вреднымъ для интересовъ церкви практиковавшійся Синодомъ способъ избранія кандидатовъ на освобождавшіяся архіерейскія каѳедры, оберъ прокуроръ въ своемъ докладѣ, представленномъ государю 14 іюня 1803 года [3]), проектировалъ установить опредѣленный и неизмѣнный порядокъ производства въ епископы самыхъ старшихъ и наиболѣе достойныхъ духовныхъ лицъ,

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. № 79, стр. 74.
[2]) Правосл. Обозр. 1869 г. сент., стр. 62.
[3]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 2,385.

утверждая, что синодальные члены не придают должнаго значенія старшинству кандидатовъ на архіерейскія каѳедры и нерѣдко, подъ предлогомъ особеннаго уваженія къ извѣстнымъ будто бы имъ способностямъ и достоинствамъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, позволяютъ себѣ значительный произволъ въ выборѣ кандидатовъ на епископскія вакансіи. Но императоръ Александръ нашелъ уже неудобнымъ согласиться съ представленіемъ оберъ-прокурора, и докладъ Яковлева остался безъ утвержденія [1]).

Постоянныя столкновенія прокуратуры съ синодальными членами, создававшія самыя ненормальныя отношенія между Яковлевымъ и св. Синодомъ, обусловливаясь властолюбивыми стремленіями оберъ-прокурора, въ то же время находились и въ извѣстной зависимости отъ рѣзкаго различія во взглядахъ Яковлева и синодальныхъ членовъ по очень многимъ и наиболѣе существеннымъ вопросамъ церковнаго управленія. Подобное различіе во взглядахъ прокуратуры и св. Синода на нужды и потребности церковной жизни проявилось въ довольно рѣзкой формѣ даже тогда, когда Яковлевымъ былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи въ русскомъ переводѣ всего св. Писанія и напечатаніи Духовнаго Регламента русскимъ, гражданскимъ шрифтомъ. Узнавъ, что Духовный Регламентъ сдѣлался библіографическою рѣдкостью, Яковлевъ предложилъ св. Синоду озаботиться новымъ изданіемъ Регламента и притомъ напечатать его не церковно-славянскимъ, а русскимъ, гражданскимъ шрифтомъ [2]). Но, не смотря на то, что Регламентъ уже нѣсколько разъ издавался въ прежнее время по распоряженію самого св. Синода, однажды даже разрѣшившаго напечатать его и на русскомъ языкѣ [3]), предложеніе оберъ-прокурора было отвергнуто синодальными членами, и Яковлевъ обратился къ другому средству для осуществленія своего намѣренія. Такимъ средствомъ, чрезвычайно часто практиковавшимся оберъ-прокуроромъ, являлись всеподданнѣйшіе доклады государю, нерѣдко доставлявшіе возможность Яковлеву дѣлать высшему церковному учрежденію различныя предложенія, обоснован-

---

[1]) Чистовичъ. Рук. дѣят... стр. 9—10.
[2]) Русскій Вѣстн. 1868 г., т. 74, стр. 472.
[3]) Чистовичъ. Рук. дѣят... стр. 7.

ныя на высочайшей волѣ и не оставлявшія мѣста никакимъ разсужденіямъ синодальныхъ членовъ. И въ данномъ случаѣ, встрѣтивъ со стороны св. Синода полнѣйшее несочувствіе своему предложенію, оберъ-прокуроръ, чрезъ Новосильцева, представилъ государю докладъ о необходимости новаго изданія Регламента и получилъ высочайшее одобреніе своему желанію, что еще болѣе возстановило противъ него синодалныхъ членовъ [1]).

Мысль о новомъ изданіи Духовнаго Регламента, по словамъ „Записокъ“ Яковлева [2]), вызвала въ немъ другую, еще болѣе важную мысль—напечатать въ русскомъ переводѣ все Св. Писаніе. Императоръ Александръ ничего не имѣлъ противъ перевода Библіи на русскій языкъ и, по поводу оберъ-прокурорскаго доклада, замѣтилъ, что, если Синодъ найдетъ возможнымъ сочувственно отнестись къ намѣренію Яковлева, то и онъ не окажетъ препятствія задуманному дѣлу. Но когда оберъ-прокуроръ вошелъ въ сношенія съ митрополитомъ Амвросіемъ по вопросу о переводѣ Библіи на русскій языкъ, то встрѣтилъ со стороны первенствующаго синодальнаго члена рѣшительное несочувствіе своимъ взглядамъ и принужденъ былъ отказаться отъ приведенія въ исполненіе своего намѣренія.

Противодѣйствіе синодальныхъ членовъ намѣреніямъ прокуратуры и постоянно практиковавшійся Яковлевымъ способъ вліянія на церковное управленіе посредствомъ личныхъ докладовъ государю, создавшія самыя ненормальныя отношенія между оберъ-прокуроромъ и наиболѣе вліятельными членами Синода, сдѣлали, наконецъ, совершенно невозможною дальнѣйшую совмѣстную работу по управленію духовнымъ вѣдомствомъ оберъ-прокурора Яковлева и наличнаго персонала высшаго церковнаго учрежденія. Многочисленные недоброжелатели Яковлева, по свидѣтельству его „Записокъ“, не довѣрять которымъ, въ данномъ случаѣ, мы не имѣемъ никакихъ серьезныхъ основаній, не ограничились одними обвиненіями энергичнаго оберъ-прокурора въ незаконныхъ властолюбивыхъ стремленіяхъ и различныхъ дѣйствіяхъ, оскорби

---

[1]) Русск. Вѣст. 1868 г., т. 74, стр. 474.
[2]) Тамъ же.

тельныхъ для членовъ Синода, но даже начали распространять слухи о намѣреніяхъ оберъ-прокурора, крайне опасныхъ для православной церкви. Утверждали, что Яковлевъ желаетъ упразднить монастыри и уничтожить монашество. Митрополитъ Амвросій въ особомъ письмѣ обратилъ вниманіе государя на подобные слухи, довольно широко распространявшіеся среди простого народа, но императоръ Александръ не придалъ большого значенія письму митрополита, такъ какъ не повѣрилъ ни дѣйствительности странныхъ намѣреній оберъ-прокурора, ни опасности народнаго недовольства, на которое указывалъ Амвросій, какъ на неизбѣжное послѣдствіе начавшихся толковъ [1]).

Тогда среди членовъ св. Синода начались частныя обсужденія вопроса о мѣрахъ борьбы съ неудобнымъ оберъ-прокуроромъ, и въ скоромъ времени было рѣшено обратиться къ государю съ жалобою на Яковлева и съ просьбою замѣнить его другимъ лицомъ. Государь не нашелъ возможнымъ удовлетворить желаніе синодальныхъ членовъ, такъ какъ ихъ жалоба, составленная въ общихъ выраженіяхъ, не подтверждалась никакими фактическими данными, и приказалъ объявить имъ, чтобы они формально, отъ имени св. Синода, представили на разсмотрѣніе верховной власти свое прошеніе, съ точнымъ указаніемъ дѣйствительно противозаконныхъ поступковъ оберъ-прокурора. Синодъ формально обвинилъ Яковлева въ самовольномъ назначеніи и увольненіи секретарей канцеляріи и одной епархіальной консисторіи, въ запрещеніи записывать въ журналъ приказанія синодальныхъ членовъ и незаконномъ пользованіи синодальными служащими, нерѣдко работавшими въ оберъ-прокурорской канцеляріи. Хотя Яковлевъ и нашелъ средства оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, но императоръ Александръ, подъ вліяніемъ постоянныхъ несогласій и споровъ, возникавшихъ на засѣданіяхъ св. Синода между оберъ-прокуроромъ и наличнымъ персоналомъ высшаго церковнаго учрежденія, пришелъ къ убѣжденію въ неспособности Яковлева успѣшно выполнять оберъ-прокурорскія обязанности. „Яковлевъ“, говорилъ государь, по словамъ Голицина [2]), „не совсѣмъ хорошъ... Духовенство совершенно имъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 471.

[2]) Русская Старина. 1884 г., т. XLI, стр. 125.

недовольно; жалобы на него безпрестанныя, и мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть на мѣстѣ синодальнаго оберъ-прокурора".

Почувствовавъ непрочность своего положенія и узнавъ о намѣреніи государя дать Синоду новаго оберъ-прокурора, Яковлевъ поспѣшилъ подать прошеніе объ увольненіи отъ занимаемой должности, и 7 октября 1803 года пр. Сенату былъ данъ именной императорскій указъ о „всемилостивѣйшемъ увольненіи просителя отъ должности оберъ-прокурора св. Синода, съ произвожденіемъ получаемаго имъ жалованья, впредь до назначенія къ другому мѣсту". 21 октября св. Синодъ выслушалъ сенатское вѣдѣніе о состоявшемся высочайшемъ распоряженіи и освободился, наконецъ, отъ безпокойнаго и властолюбиваго оберъ-прокурора [1]). Но побѣда, одержанная высшимъ церковнымъ учрежденіемъ надъ представителемъ прокуратуры, обнаруживавшимъ стремленія присвоить себѣ министерскія полномочія въ духовномъ вѣдомствѣ, оказалась очень сомнительной, такъ какъ императоръ Александръ, вынужденный обстоятельствами дать Синоду новаго оберъ-прокурора, въ то же время удалилъ въ епархію одного изъ наиболѣе вліятельныхъ синодальныхъ членовъ, архіепископа ярославскаго Павла, а митрополиту Амвросію сдѣлалъ, по выраженію Яковлева, „соразмѣрное его поступкамъ поученіе". [2]).

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. № 686.
[2]) Русскій Вѣстн. 1868 т., т. 74, стр. 477.

ГЛАВА II.

Съ увольненіемъ изъ св. Синода оберъ-прокурора Яковлева, обнаруживавшаго явныя стремленія придать оберъ-прокурорской власти новый характеръ, сообразный съ государственными административными реформами Александровскаго правительства, но не успѣвшаго въ своихъ намѣреніяхъ вслѣдствіе петактичности и отсутствія необходимой близости къ верховной власти, императоръ Александръ призналъ уже необходимымъ назначить въ высшее церковное учрежденіе такого оберъ-прокурора, который бы могъ безпрепятственно примѣнить къ церковному управленію новыя правительственныя идеи, выразившіяся въ учрежденіи министерствъ вмѣсто старыхъ Петровскихъ коллегій.

Именнымъ императорскимъ указомъ, даннымъ Сенату 21 октября 1803 года, преемникомъ Яковлева по должности оберъ-прокурора св. Синода былъ назначенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ [1]).

Для насъ имѣютъ важное значеніе тѣ соображенія, какими руководился императоръ Александръ при выборѣ новаго представителя прокуратуры въ синодальномъ вѣдомствѣ. Нужно имѣть въ виду, что князь Голицынъ, по его собственнымъ словамъ [2]), былъ не только совершенно не подготовленъ къ исправленію порученной ему должности, но, по своимъ убѣжденіямъ и образу жизни, менѣе всего отвѣчалъ и тѣмъ запросамъ, какіе казалось умѣстнымъ предъявить къ оберъ-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1803 г. (окт. 23) № 695.

[2]) Русская Старина. 1884 г., т. 41. Разсказы Голицына... стр. 126—129.

прокурору высшаго церковнаго учрежденія. „Какой я оберъ-прокуроръ“, думалъ онъ про себя [1]), „вѣдь я ничему не вѣрю“.—„Развѣ вамъ неизвѣстно“, говорилъ Голицынъ государю [2]), „что, принявъ назначаемую вами обязанность, я рѣшительно ставлю себя въ ложное отношеніе сперва къ вамъ, потомъ къ службѣ, да и къ самой публикѣ. Вамъ не безъизвѣстенъ образъ моихъ мыслей о религіи, и вотъ, служа здѣсь, я буду прямо уже стоять на перекоръ совѣсти и вопреки моимъ убѣжденіямъ“.

Но у государя существовали свои особыя соображенія, побудившія его, при назначеніи въ св. Синодъ новаго представителя государственной власти, остановиться именно на Голицынѣ, какъ человѣкѣ, очень близкомъ къ нему и, въ силу подобной близости, имѣвшемъ возможность, безъ большихъ усилій и соблазнительной борьбы съ синодальными членами, придать прокуратурѣ то громадное и важное значеніе въ области церковнаго управленія, къ какому такъ настойчиво и упорно, но не удачно стремился Яковлевъ. „Я бы очень желалъ, говорилъ Голицыну императоръ Александръ [3]), „чтобы ты занялъ мѣсто оберъ-прокурора въ Синодѣ;... мнѣ бы хотѣлось, чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ эту важную должность. Я никогда не допускалъ къ себѣ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работалъ, а ты будешь имѣть дѣло непосредственно со мною, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ я назначу тебя и моимъ статсъ-секретаремъ“.

И дѣйствительно, Александръ не ошибся въ своихъ разсчетахъ, и назначеніе кн. Голицына представителемъ государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи дало возможность верховной власти фактически поставить прокуратуру въ желательныя для нея отношенія къ св. Синоду. Правда, въ первое время Голицынъ долженъ былъ чувствовать себя очень странно въ новомъ положеніи синодальнаго оберъ-прокурора, такъ мало гармонировавшемъ съ его взглядами и убѣжденіями; по словамъ самого Голицына [4]), онъ принуж-

---

[1]) Тамъ же, стр. 126.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 125—126.
[4]) Тамъ же, стр. 127.

денъ былъ притворяться и сдерживать себя, чтобы казаться степеннымъ и солиднымъ при слушаніи нѣкоторыхъ дѣлъ, разсматривавшихся въ св. Синодѣ, а въ своей частной жизни нерѣдко позволялъ себѣ открытое проявленіе свободомыслія, выражавшееся иногда въ кощунствѣ и богохульствѣ [1]). По-видимому, при наличности такихъ неблагопріятныхъ условій, синодальная прокуратура, въ лицѣ вновь назначеннаго кн. Голицына, не могла пріобрѣсти большого значенія въ сферѣ церковнаго управленія, и члены Синода имѣли нѣкоторыя основанія надѣяться, что молодой оберъ-прокуроръ, извѣстный своимъ свѣтскимъ образомъ жизни, не будетъ относиться съ должнымъ вниманіемъ къ многочисленнымъ и сложнымъ дѣламъ духовнаго вѣдомства и окажется неспособнымъ подчинить своему вліянію высшее церковное учрежденіе [2]). Но синодальные члены сильно ошиблись въ своихъ предположеніяхъ, такъ какъ изъ Голицына выработался очень дѣятельный и трудолюбивый оберъ-прокуроръ: уже въ первые дни послѣ вступленія въ новую должность онъ принуждалъ себя относиться къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей „съ языческою добросовѣстностью“ [3]), съ теченіемъ же времени, когда, подъ вліяніемъ новыхъ условій служебной дѣятельности, въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ произошла рѣзкая перемѣна, Голицынъ получилъ и нравственную возможность добросовѣстно выполнять оберъ-прокурорскія обязанности.

Синодъ въ скоромъ времени долженъ былъ убѣдиться, что его надежды на бездѣятельность новаго оберъ-прокурора и легкую возможность, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, чувствовать себя фактически свободнымъ отъ стѣснительнаго контроля прокуратуры далеко не оправдываются дѣйствительностью. Напротивъ, дѣйствительность постоянно давала чувствовать синодальнымъ членамъ сильное вліяніе прокуратуры на самыя разнообразныя отрасли церковнаго управленія. Синодъ не могъ не видѣть, что Голицынъ преслѣдовалъ въ своей дѣятельности тѣ же самыя цѣли, какія имѣлъ въ виду его ближайшій предшественникъ — Яковлевъ, и только пользовался нѣсколько иными средствами для достиженія своихъ цѣлей.

---

[1]) Тамъ же, стр. 128.
[2]) Русскій Вѣстникъ. 1868 г., т. 74, стр. 477.
[3]) Русская Старина. 1884 г., т. 41, стр. 129.

А между тѣмъ, не смотря на явныя стремленія прокуратуры подчинить церковную жизнь сильному вліянію представителя государственныхъ интересовъ въ синодальномъ вѣдомствѣ, высшее церковное учрежденіе не рѣшалось оказывать никакого противодѣйствія развитію оберъ-прокурорской власти и, безъ всякой борьбы, позволило Голицыну сосредоточить въ своихъ рукахъ главное завѣдываніе всѣми важнѣйшими дѣлами духовнаго вѣдомства. Такое отношеніе св. Синода къ новому оберъ-прокурору, безъ большихъ усилій успѣвшему осуществить на практикѣ то, къ чему такъ долго и настойчиво, но безуспѣшно стремились его предшественники, обусловливалось, однако же, не какими-либо выдающимися административными способностями Голицына, а новыми правительственными взглядами на положеніе оберъ-прокурора въ синодальномъ вѣдомствѣ и особенною близостью къ государю наличнаго представителя прокуратуры. „Царскій наперсникъ“, какъ называли въ то время Голицына, бывшій ближайшимъ другомъ дѣтства самого государя и съумѣвшій всю жизнь сохранять къ себѣ привязанность и расположеніе Александра, получивъ вмѣстѣ съ должностью оберъ-прокурора и званіе статсъ-секретаря, всталъ въ непосредственныя отношенія къ верховной власти и, пользуясь ея неограниченнымъ довѣріемъ, по необходимости заставилъ членовъ Синода примириться съ утратою прежняго вліянія на церковное управленіе. Новгородскій и петербургскій митрополитъ Амвросій, энергично боровшійся при Яковлевѣ противъ неблагопріятныхъ для Синода стремленій прокуратуры, долженъ былъ вести себя совершенно иначе по отношенію къ Голицыну, постоянно сообразоваться съ желаніями прокуратуры и даже искать ея покровительства, такъ какъ государь, подъ вліяніемъ разоблаченія значительныхъ безпорядковъ въ церковномъ управленіи, сдѣланнаго уволеннымъ оберъ-прокуроромъ Яковлевымъ, измѣнилъ свои отношенія къ первенствующему синодальному члену. Въ свою очередь, и другіе члены св. Синода, зная о близости Голицына къ государю, не рѣшались оказывать никакого противодѣйствія усиливавшемуся вліянію прокуратуры на церковное управленіе.

Императоръ Александръ, замѣчаетъ Яковлевъ въ цитированныхъ „Запискахъ“ [1]), назначивъ оберъ-прокуроромъ

[1]) Русскій Вѣстн. 1868 г., т. 74, стр. 478.

своего любимца, приказалъ ему установить въ Синодѣ порядокъ, отвѣчавшій интересамъ государственной власти, и Голицынъ, благодаря неограниченному довѣрію и постоянной поддержкѣ государя, безпрепятственно выполнилъ данное ему порученіе, такъ что при немъ совершенно прекратились всякія недоразумѣнія и столкновенія прокуратуры съ синодальными членами, „все утихло и духъ монарха водворился въ Синодѣ“.

И нужно замѣтить, что для достиженія такихъ важныхъ результатовъ Голицынъ не употреблялъ никакихъ крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія духовнымъ вѣдомствомъ, хотя большинство изъ нихъ еще такъ недавно открыто возставало противъ стремленій прокуратуры, вполнѣ раздѣлявшихся и самимъ Голицынымъ. Напротивъ, новый оберъ-прокуроръ держалъ себя очень тактично по отношенію къ синодальнымъ членамъ и епархіальнымъ архіереямъ и, по вступленіи въ должность, нашелъ необходимымъ разослать всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ самыя любезныя извѣщенія. „При-нявъ на себя званіе оберъ-прокурора“, писалъ Голицынъ московскому митрополиту Платону отъ 31 октября 1803 года, „въ пріятный долгъ себѣ поставляю рекомендоваться въ Вашу благосклонность и Архипастырское благословеніе“. Такія же письма были посланы и всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ [1]).—Представляя государю, по установившемуся порядку, всеподданнѣйшій рапортъ о своемъ вступленіи въ должность, вмѣстѣ съ вѣдомостями о числѣ перѣшенныхъ Синодомъ дѣлъ [2]) и количествѣ денежныхъ суммъ, находившихся въ распоряженіи высшаго церковнаго учрежденія, Голицынъ, между прочимъ, писалъ, что изъ типографскаго капитала, *по словесному приказанію* уволеннаго оберъ-прокурора Яковлева, было употреблено на синодальную шлюпку 204 рубля 73½ коп., да вся сумма въ 987 рублей 58 коп., опредѣленная на питомцевъ, обучавшихся въ семинаріи умершаго новороссійскаго архіепископа Амвросія, по словесному же приказанію Яковлева, оказалась истраченной на поправку той же синодальной шлюпки [3]). Въ данномъ случаѣ для насъ имѣетъ

---

[1]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 5,663, стр. 90—91.
[2]) Тамъ же, стр. 87—88.
[3]) Тамъ же, стр. 89.

важное значеніе то обстоятельство, что новый оберъ-прокуроръ, очевидно, разсматривалъ подобныя распоряженія своего предшественника, находившаго возможнымъ нарушать установившійся порядокъ въ распредѣленіи денежныхъ средствъ на нужды духовнаго вѣдомства, какъ незаконныя проявленія оберъ-прокурорской власти и, слѣдовательно, косвеннымъ образомъ признавалъ неприкосновенность юридическихъ правъ св. Синода, фактически нарушенныхъ Яковлевымъ.

Но, не смотря на вполнѣ корректное, повидимому, отношеніе Голицына къ высшему духовенству и св. Синоду, члены высшаго церковнаго учрежденія, въ скоромъ же времени послѣ назначенія преемника Яковлеву, должны были подчиниться сильному вліянію прокуратуры и убѣдиться, что исключительная близость къ государю новаго оберъ-прокурора дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на ихъ самостоятельность и фактически лишаетъ ихъ возможности руководиться своими собственными соображеніями при обсужденіи и рѣшеніи многихъ вопросовъ церковно-общественной жизни.

Получивъ назначеніе на должность оберъ-прокурора св. Синода, Голицынъ обратилъ свое вниманіе на внѣшнее и внутреннее состояніе синодальной канцеляріи и, найдя необходимымъ принять рѣшительныя мѣры для приведенія ея въ надлежащій, благоустроенный видъ, началъ свободно распоряжаться синодальною канцеляріей. „При вступленіи моемъ въ оберъ-прокурорскую должность“, писалъ Голицынъ въ своемъ предложеніи св. Синоду отъ 3 іюня 1804 года, „нашелъ я, что повытчики и канцелярскіе служители, въ св. Синодѣ находящіеся, не имѣютъ для письмоводства ни порядочныхъ столовъ, ни стульевъ, а которые и есть, то иные совсѣмъ изломаны, другіе же связаны веревками“. Невозможность произвести необходимыя улучшенія изъ ассигнованныхъ на канцелярію суммъ заставила Голицына обратиться къ Синоду съ предложеніемъ опредѣлить на производство столярныхъ работъ въ своей канцеляріи 441 рубль 50 коп. изъ средствъ, отпущенныхъ на исправленіе синодальныхъ ветхостей, такъ какъ на такую именно сумму *состоялись уже торги, по личному распоряженію оберъ-прокурора.* Синодъ исполнилъ предложеніе Голицына [1]).

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1802 г. № 859, стр. 29—31.

Не менѣе неудовлетворительнымъ было признано новымъ оберъ-прокуроромъ и внутреннее состояніе синодальной канцеляріи, неблагопріятно отзывавшееся на успѣшномъ ходѣ дѣлъ, находившихся въ вѣдѣніи св. Синода. Въ своемъ ордерѣ, данномъ 24 іюля 1804 года оберъ-секретарямъ синодальной канцеляріи, Голицынъ писалъ, что секретари и прочіе чиновники, находящіеся въ канцеляріи св. Синода, а по ихъ примѣру и многіе изъ канцелярскихъ служителей, приходятъ къ должностямъ своимъ весьма поздно, другіе же и совсѣмъ не являются, отчего происходитъ крайняя медленность въ дѣлопроизводствѣ, а иногда даже случаются и продолжительныя остановки въ веденіи различныхъ дѣлъ. Въ видахъ прекращенія такихъ нежелательныхъ безпорядковъ, Голицынъ и предписалъ оберъ-секретарямъ объявить всему чиновничьему персоналу синодальной канцеляріи, что, если и послѣ сдѣланнаго замѣчанія оберъ-прокуроръ увидитъ прежнее непозволительное отношеніе служащихъ къ своимъ обязанностямъ, то будетъ строго наказывать виновныхъ не только за самовольное нехожденіе въ канцелярію, но даже и за поздній приходъ на службу [1])

Ближайшее знакомство съ состояніемъ синодальной канцеляріи легко убѣдило Голицына, что порядки, существовавшіе въ ней при прежнихъ оберъ-прокурорахъ, не обезпечивали еще прокуратурѣ невозможности злоупотребленій различными документами, поступавшими на разсмотрѣніе св. Синода, такъ какъ, въ случаѣ утраты какой-либо входящей бумаги, не всегда было возможно отыскать виновнаго, почему Голицынъ и нашелъ нужнымъ ввести въ Синодѣ болѣе сложный порядокъ пріема входящихъ бумагъ, практиковавшійся уже въ пр. Сенатѣ. 17 мая 1807 года оберъ-прокуроръ предписалъ синодальной канцеляріи, чтобы всѣ входящія бумаги были представляемы дежурными чиновниками оберъ-секретарямъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность, распечатавъ полученные документы и, смотря по содержанію, назначивъ или пріобщить ихъ къ дѣлу, или принять къ свѣдѣнію, или же передать къ докладу, отдавать ихъ снова дежурнымъ чиновникамъ; послѣдніе же, по предписанію Голицына, должны были вручать про-

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1804 г. № 974.

смотрѣнныя оберъ-секретарями бумаги регистратору, обязанному, въ свою очередь, выставлять на документахъ годъ, мѣсяцъ, число и №, вносить содержаніе ихъ въ общій входящій журналъ и, составивъ за каждое число записку о полученныхъ бумагахъ, представлять ихъ, не позже слѣдующаго дня, самому оберъ-прокурору, а затѣмъ—раздавать по принадлежности секретарямъ, но не иначе, какъ подъ особыя росписки въ ихъ полученіи [1]).

Не удовлетворяясь результатами, достигнутыми оберъ-прокурорами предшестзовавшаго времени, употреблявшими разнообразныя мѣры для упорядоченія дѣятельности синодальной канцеляріи, и принимая живое участіе въ созданіи благопріятныхъ условій, обезпечивавшихъ прокуратурѣ болѣе желательное и совершенное состояніе дѣлопроизводства въ центральномъ церковномъ учрежденіи, Голицынъ не оставлялъ безъ внимательнаго оберъ-прокурорскаго надзора и дѣятельности областныхъ, епархіальныхъ органовъ церковнаго управленія.

Не смотря на то, что синодальная прокуратура, стремившаяся подчинить своему вліянію секретарей духовныхъ консисторій, не разъ уже вмѣняла имъ въ непремѣнную обязанность доставлять точныя свѣдѣнія о дѣлахъ, рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ мѣстными консисторіями, Голицынъ, въ первые годы своей службы, не получалъ установленныхъ донесеній отъ значительнаго числа консисторскихъ секретарей. Представляя государю докладъ о состояніи церковнаго управленія, оберъ-прокуроръ обратилъ его вниманіе на нежелательное отношеніе нѣкоторыхъ секретарей къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и получилъ возможность, отъ имени верховной власти, предложить св. Синоду принять рѣшительныя мѣры для устраненія подобныхъ явленій на будущее время. „Изъ донесеній моихъ о числѣ дѣлъ, по консисторіямъ въ 1804 году рѣшенныхъ и оставленныхъ въ нерѣшеніи“, писалъ Голицынъ въ своемъ предложеніи св. Синоду отъ 7 февраля 1806 года [2]), „государь усмотрѣлъ, что секретари консисторій: кіевской, новгородской, московской,

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1806 г. № 264, стр. 11—13.
[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1806 г. № 113.

петербургской, ярославской и псковской не доставляли оберъ-прокурору такихъ свѣдѣній, и приказалъ предписать преосвященнымъ тѣхъ епархій объявить секретарямъ консисторій о непремѣнной присылкѣ установленныхъ свѣдѣній".

Внимательное отношеніе къ донесеніямъ консисторскихъ секретарей нерѣдко побуждало Голицына принимать и разнообразныя мѣры, направленныя къ упорядоченію консисторскаго дѣлопроизводства, и оберъ-прокуроръ, строго слѣдившій за количествомъ дѣлъ, остававшихся нерѣшенными въ епархіальныхъ органахъ церковнаго управленія, иногда даже не останавливался предъ такими крутыми и рѣшительными мѣрами, какъ увольненіе отъ службы недостаточно энергичныхъ секретарей тѣхъ духовныхъ консисторій, въ которыхъ накоплялось значительное количество нерѣшенныхъ дѣлъ. Представляя императору ежегодные отчеты о состояніи духовнаго вѣдомства, оберъ-прокуроръ обыкновенно обращалъ вниманіе государя на бездѣятельныхъ секретарей епархіальныхъ консисторій и, на основаніи высочайшей воли, предлагалъ Синоду сдѣлать то или иное распоряженіе, признанное необходимымъ для прекращенія нежелательныхъ явленій въ области церковнаго управленія извѣстныхъ епархій. „При всеподданнѣйшемъ моемъ репортѣ о дѣлахъ св. Синода за 1810 годъ", писалъ, напримѣръ, Голицынъ въ своемъ предложеніи Синоду отъ 17 января 1811 года [1]), „я представилъ вѣдомости о числѣ дѣлъ, по духовнымъ консисторіямъ рѣшенныхъ и остающихся въ нерѣшеніи; государь, усмотрѣвъ, что по волынской консисторіи изъ 3,120 дѣлъ рѣшено въ теченіе года только 1,554 и, слѣдовательно, осталась въ нерѣшеніи цѣлая половина, повелѣлъ отрѣшить отъ должности секретаря консисторіи". Полученное повелѣніе оберъ-прокуроръ и предложилъ св. Синоду для надлежащаго исполненія.

Пользуясь донесеніями секретарей духовныхъ консисторій для наблюденій за состояніемъ мѣстнаго церковнаго управленія, прокуратура, въ лицѣ кн. Голицына, вмѣнила въ обязанность и самимъ епархіальнымъ преосвященнымъ дѣлать немедленныя сообщенія оберъ-прокурорской власти обо всѣхъ незаконныхъ происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ различныхъ

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1811 г. № 66.

церквахъ ихъ епархій. По случаю одного всеподданнѣйшаго доклада о дерзкомъ поступкѣ въ церкви вышневолоцкаго помѣщика Головачева, Голицынъ предложилъ св. Синоду, согласно съ распоряженіемъ государя, подтвердить на будущее время всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и настоятелемъ ставропигіальныхъ монастырей, чтобы они о всевозможныхъ безчинствахъ, случавшихся въ ихъ церквахъ, немедленно же доносили оберъ-прокурору, для представленія государю особыхъ докладовъ, установленныхъ указомъ отъ 21 сентября 1804 года [1]).

Впрочемъ, говоря объ узаконенной св. Синодомъ, по предложенію Голицына, обязанности епархіальныхъ преосвященныхъ немедленно доставлять прокуратурѣ точныя свѣдѣнія о разнообразныхъ церковныхъ происшествіяхъ, выходившихъ изъ предѣловъ приличія и оскорблявшихъ святость мѣстъ христіанскаго богослуженія, необходимо замѣтить, что и теперь, въ періодъ наибольшаго развитія оберъ-прокурорской власти, Голицынъ иногда узналъ о подобныхъ случаяхъ не отъ епархіальныхъ архіереевъ, а отъ частныхъ лицъ, фигурировавшихъ въ самыхъ происшествіяхъ.—3 декабря 1812 года Голицынъ получилъ отъ дворянина Ивана Лаптева жалобу на „нестерпимую грубость“, оказанную ему, „безъ всякой явной причины, господиномъ Михайловскимъ протопопомъ“. Во время совершенія литургіи, при чтеніи евангелія, когда Лаптевъ „со всѣмъ смиреніемъ, прислонясь къ стѣнкѣ“, стоялъ въ церкви, „протопопъ“, жаловался обиженный, „вставъ въ алтарѣ на свое мѣсто и обернувшись къ другому священнику, съ улыбкой презрѣнія и киваніемъ головы“ сказалъ такъ громко, что было слышно даже на далекомъ разстояніи: „посмотри, какъ скотъ стоитъ“ [2]).—8 января 1814 года оберъ-прокуроръ обратился къ полтавскому епископу Анатолію съ запросомъ о достовѣрности частнаго сообщенія, полученнаго объ одномъ безчинствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ полтавской епархіи. По словамъ Голицына, помѣщикъ золотоношскаго уѣзда, подпоручикъ Иванъ Петцевичъ писалъ ему въ своемъ прошеніи, что хотя онъ, Петцевичъ, и подавалъ жалобу въ полтавскую

---

[1]) Архивъ св. Син. Копіи Высоч. указ. 1808—1810 гг., стр. 134—135, № 78.

[2]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 5,048/г.

консисторію на служащаго въ золотоношскомъ духовномъ правленіи коллежскаго секретаря Игната Холоднаго, позволившаго себѣ въ соборной Успенской церкви, во время вечерняго богослуженія, нанести „обиду—боемъ до окрововавленія“ его сыну, губернскому регистратору Михаилу, но не получилъ отъ консисторіи никакого удовлетворенія; между тѣмъ, не смотря на строгое предписаніе, обязывавшее епархіальныхъ преосвященныхъ увѣдомлять о подобныхъ происшествіяхъ мѣстную полицію и синодальнаго оберъ-прокурора, Голицынъ не имѣлъ отъ епископа Анатолія никакихъ свѣдѣній о печальномъ фактѣ, обнаруженномъ прошеніемъ Петцевича, почему оберъ-прокуроръ, поставивъ на видъ полтавскому архіерею его незаконное отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, просилъ епископа Анатолія донести, вѣрно-ли сообщеніе Петцевича [1])?

Но подобные факты произвольнаго уклоненія епархіальныхъ органовъ церковнаго управленія отъ исполненія требованій прокуратуры, даже и въ началѣ изучаемаго нами періода наибольшаго развитія оберъ-прокурорской власти, были уже только единичными, исключительными явленіями, и епархіальные архіереи дѣйствительно доносили Голицыну о всѣхъ соблазнительныхъ происшествіяхъ, случавшихся въ различныхъ церквахъ ихъ епархій [2]).

Обязательныя донесенія секретарей духовныхъ консисторій и сообщенія епархіальныхъ преосвященныхъ, вмѣстѣ съ матеріалами синодальной канцеляріи, имѣвшими отношеніе къ дѣятельности лицъ, стоявшихъ во главѣ мѣстнаго церковнаго управленія, доставляя прокуратурѣ возможность всегда слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ различныхъ епархіяхъ, въ то же время создавали благопріятныя условія и для фактическаго подчиненія епархіальныхъ архіереевъ непосредственному вліянію оберъ-прокурорской власти. При томъ громадномъ значеніи, какимъ, благодаря особенной близости къ государю, пользовался Голицынъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи, такое подчиненіе епархіальныхъ архіереевъ непосредственному вліянію синодальнаго оберъ-прокурора, внимательно слѣ-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1814 г. № 28. стр, 1—2.

[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1814 г. № 28; 1815 г. № 114 и др.

дившаго за состояніемъ областного церковнаго управленія, было вполнѣ естественнымъ явленіемъ, и мы видимъ, что Голицынъ нерѣдко обращался къ различнымъ преосвященнымъ съ частными, неоффиціальными письмами, имѣвшими спеціальное назначеніе оказать извѣстное давленіе на волю того или другого архіерея и заставить его сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ желаніями оберъ-прокурора.

Но интересно, что и теперь, при сильно окрѣпшемъ вліяніи прокуратуры на дѣла церковнаго управленія, побуждавшемъ епархіальныхъ архіереевъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, считать обязательными для себя разнообразныя порученія Голицына, нѣкоторые преосвященные, не смотря на ясно выраженныя желанія оберъ-прокурора по поводу какихъ-либо частныхъ вопросовъ мѣстнаго епархіальнаго управленія, находили еще возможнымъ проявлять въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ извѣстную долю самостоятельности и независимости.—12 ноября 1812 года Голицынъ обратился къ Амвросію, митрополиту новгородскому и петербургскому, съ просьбою перемѣстить рекомендованнаго ему священника морского госпиталя, Василія Яковлева, въ болѣе богатый приходъ, на праздную священническую вакансію къ Успенской церкви, находившейся на Сѣнной площади. Не смотря на такое сильное ходатайство, Амвросій, однако, не перевелъ Яковлева въ болѣе доходный приходъ. „Извиняюсь, сіятельнѣйшій князь“, написалъ онъ оберъ-прокурору, „что я не могъ исполнить воли Вашей о перемѣщеніи священника Яковлева“, такъ какъ о. Василій можетъ и долженъ быть доволенъ своимъ жребіемъ и не имѣетъ права на мѣсто при приходской Успенской церкви [1]). — 13 января 1813 года Голицынъ, по просьбѣ д. с. с. Рибопьера [2]), письменно сообщилъ смоленскому епископу Иринею о своемъ желаніи видѣть достойнымъ образомъ награжденнымъ одного изъ сельскихъ приходскихъ священниковъ вяземскаго уѣзда, Алексѣя Глѣбова, оказавшаго самоотверженный подвигъ во время нашествія французскихъ войскъ на русскую землю [3]). Въ отвѣтъ на письмо Голицына Ириней донесъ оберъ-прокурору, что хотя священни-

[1]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 4,903/б.
[2]) Тамъ же, № 4,903/г, стр. 1.
[3]) Тамъ же, стр. 2.

ка Глѣбова за похвальный поступокъ и слѣдовало бы наградить отличіемъ, но, такъ какъ Глѣбовъ не принадлежитъ къ числу лицъ, получившихъ надлежащее образованіе, и по послужнымъ спискамъ не одобряется благочиннымъ, то онъ, преосвященный, находитъ справедливымъ, на первый разъ, ограничиться только предоставленіемъ рекомендуемому священнику права ношенія набедренника. „Впрочемъ", прибавилъ епископъ Ириней [1]), „таковое свое мнѣніе представляю особенному Вашего Сіятельства благоразсмотрѣнію".—Графъ Самойловъ и лично, и письменно [2]) просилъ Голицына „предписать орловскому архіерею перевести изъ его села священника Мину", успѣвшаго вызвать своими корыстолюбивыми поступками не только неуваженіе, но даже отвращеніе прихожанъ; Самойловъ заявлялъ претензію, что орловскій епископъ Досифей, къ которому онъ уже обращался съ жалобою на корыстолюбиваго священника, не уважилъ его просьбы и заявилъ ему, что безъ суда обвиняемый не можетъ быть наказанъ, и что, если крестьяне, дѣйствительно, недовольны своимъ священникомъ, то должны сами принести на него жалобу епархіальному начальству [3]). 11 ноября 1813 года Голицынъ сообщилъ епископу Досиѳею о просьбѣ графа Самойлова, но орловскій преосвященный, и послѣ полученія оберъ-прокурорскаго сообщенія, нисколько не измѣнилъ прежнихъ отношеній къ жалобѣ вліятельнаго помѣщика на своего приходскаго священника. Досиѳей сообщилъ оберъ-прокурору, что онъ и прежде ничего не имѣлъ противъ законнаго суда надъ обвиняемымъ священникомъ, а только указывалъ графу на невозможность исполненія его просьбы безъ разслѣдованія жалобы и законнаго сужденія о поступкахъ подсудимаго, и теперь подтвердилъ духовному правленію поспѣшить скорѣйшимъ рѣшеніемъ дѣла и, по полученіи его отзыва, если только обвиняемый будетъ признанъ виновнымъ, не замедлитъ подвергнуть священника надлежащему взысканію. Между тѣмъ, 10 января 1814 года Самойловъ увѣдомилъ Голицына, что орловскій архіерей „не помыслилъ и по сіе время никакого не только удовлетворенія, но даже и малѣйшаго изслѣдова-

---

[1]) Тамъ же, стр. 3.
[2]) Канцелярія об.-прок. св. Син. № 5,050/а, стр. 1
[3]) Тамъ же, стр. 2—3.

нія сдѣлать“ [1]).—29 іюня 1814 года Голицынъ, по просьбамъ различныхъ лицъ, писалъ епископу дмитровскому Августину, чтобы онъ принялъ участіе въ положеніи семейства умиравшаго протоіерея Харитоновской церкви и опредѣлилъ бы на его мѣсто зятя протопопа. дьякона Шереметевской больницы, Константина, „что“, замѣтилъ оберъ-прокуроръ въ своемъ письмѣ къ Августину [2]), „послужитъ новымъ знакомъ вашего вниманія къ просьбамъ моимъ“. Но даже и послѣднее замѣчаніе Голицына не оказало ожидаемаго вліянія на архіерея, и Августинъ сообщилъ оберъ-прокурору, что Харитоновскій протоіерей, дѣйствительно перенесшій тяжелую болѣзнь, теперь уже получилъ облегченіе, и что, по доносу благочиннаго, поведеніе протоіерея является крайне подозрительнымъ и требующимъ изслѣдованія и разсмотрѣнія, такъ какъ онъ, уклоняясь, по болѣзненному состоянію, отъ совершенія богослуженія, въ то же время постоянно присутствуетъ при постройкѣ своего дома и исправляетъ приходскія требы [3]).

Необходимо, однако, замѣтить, что подобныхъ фактовъ непредупредительнаго отношенія епархіальныхъ архіереевъ къ желаніямъ прокуратуры встрѣчается очень не много въ документахъ синодальнаго архива, относящихся къ разсматриваемому времени. Напротивъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ. епархіальные преосвященные, зная о громадномъ вліяніи Голицына на членовъ св. Синода, а чрезъ нихъ и на все церковное управленіе, не могли не чувствовать себя вынужденными сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ указаніями оберъ-прокурора. Несомнѣнно, что они должны были дорожить расположеніемъ такого сильнаго и вліятельнаго лица, какимъ былъ Голицынъ, и не только не подвергать себя опасностямъ утраты подобнаго расположенія, но даже употреблять разнообразныя мѣры, чтобы постоянно поддерживать и усиливать его. И мы, дѣйствительно, видимъ, что нѣкоторые изъ епархіальныхъ архіереевъ пользовались разнообразными средствами, чтобы заслужить вниманіе и благосклонность синодальнаго оберъ-прокурора. „Во всегдашней памяти содержа благодѣянія Вашего Сіятельства и побуждаясь оны-

---

[1]) Тамъ же, 4 и слѣд. стр.

[2]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 4,916/в, стр. 1.

[3]) Тамъ же, стр. 2.

ми", писалъ, напримѣръ, Голицыну епископъ слободско-украинскій и харьковскій отъ 3 января 1814 года [1]). „усерднѣйше Ваше Сіятельство, особливѣйше моего благодѣтеля и покровителя, съ симъ новымъ годомъ поздравляю... и усерднѣйше подношу икону Св. Троицы... въ доказательство моего истиннаго высокопочитанія и преданности".

Такой характеръ отношеній епархіальныхъ архіереевъ къ синодальному оберъ-прокурору, безъ сомнѣнія, обусловливался тѣмъ, что Голицынъ, пользуясь исключительною близостью къ государю, пріобрѣлъ громадное значеніе въ высшемъ церковномъ учрежденіи и далъ возможность прокуратурѣ поставить въ значительную *фактическую* зависимость отъ себя награжденіе архіереевъ орденами, перемѣщеніе епископовъ съ худшихъ каѳедръ на лучшія и даже назначеніе ихъ въ члены св. Синода.

Награжденіе преосвященныхъ различными орденами и полученіе ими высочайшихъ рескриптовъ отъ государя обыкновенно совершалось при ближайшемъ участіи и обязательномъ посредничествѣ Голицына, который нерѣдко и объявлялъ св. Синоду о назначеніяхъ подобныхъ наградъ, какъ о состоявшихся фактахъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ Голицына, прокуратура получила возможность оказывать сильное вліяніе на повышеніе архіереевъ по занимаемымъ ими каѳедрамъ и на вызовъ тѣхъ или другихъ епархіальныхъ преосвященныхъ для присутствованія въ св. Синодѣ, что уже ставило въ извѣстную зависимость отъ оберъ-прокурорской власти самый наличный составъ высшаго церковнаго учрежденія.

13 іюля 1805 года Голицынъ сообщилъ св. Синоду, далеко не безразличное для интересовъ прокуратуры, распоряженіе государя, вносившее нѣкоторыя измѣненія въ существовавшій до того времени порядокъ назначенія епархіальныхъ архіереевъ для присутствованія въ св. Синодѣ. Объявивъ, что государь, желая непосредственно ознакомиться съ іерархами русской церкви, нашелъ цѣлесообразнымъ поочередно вызывать преосвященныхъ въ Петербургъ и здѣсь поручать имъ присутствовать на засѣданіяхъ Синода, до полученія особаго

---

[1]) Канцелярія об.-пр. св. Син. 1814 г. (3 янв.) № 15.
[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1810 г., № 979.

высочайшаго указа объ обратномъ возвращеніи въ свои епархіи, оберъ-прокуроръ указалъ, отъ имени верховной власти, и опредѣленное лицо, предназначенное для вызова въ С.-Петербургъ.

Едва-ли слѣдуетъ указывать, что вызовъ различныхъ епархіальныхъ архіереевъ для присутствованія въ св. Синодѣ и ихъ удаленіе въ епархіи, поставленные въ зависимость отъ непосредственныхъ распоряженій государя, руководившагося въ подобныхъ случаяхъ указаніями Голицына, создавали въ высшей степени благопріятныя условія для развитія и усиленія оберъ-прокурорской власти, такъ какъ позволяли синодальному оберъ-прокурору оказывать громадное вліяніе на самый составъ наличныхъ членовъ высшаго органа церковнаго управленія и устранять изъ него всѣхъ неудобныхъ лицъ, способныхъ обнаружить нежелательное отношеніе къ стремленіямъ прокуратуры [1]).

Какъ ни значительны были, отмѣченныя нами, измѣненія, внесенныя Голицынымъ въ *фактическое* положеніе синодальнаго оберъ-прокурора, однако же они далеко еще не исчерпывали собою всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ изучаемый періодъ въ самомъ характерѣ дѣятельности представителей государственной власти въ церковномъ управленіи. Мы видѣли, что почти всѣ оберъ-прокуроры XVIII вѣка, стремясь къ усиленію своего вліянія на духовное вѣдомство, заботились главнымъ образомъ только о томъ, чтобы различные органы церковнаго управленія не имѣли возможности нарушать существовавшіе въ то время законы, и преслѣдовали въ своей дѣятельности преимущественно государственные интересы, нерѣдко даже понимаемые ими въ довольно одностороннемъ смыслѣ, не допускавшемъ и мысли о возможности одновременныхъ и совмѣстныхъ работъ въ пользу государства и самого духовнаго вѣдомства, какъ одной изъ составныхъ ча-

---

[1]) Считаемъ излишнимъ приводить здѣсь самые факты вызова государемъ, *по докладамъ Голицына*, различныхъ епархіальныхъ архіереевъ для присутствованія въ св. Синодѣ, а также и аналогичные случаи удаленія въ епархіи нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ, такъ какъ въ литературѣ уже были отмѣчены подобные факты. (Барсовъ. Св. Синодъ въ его прошломъ, стр. 320—326).

стей того же государства. Исполняя обязанности „ока государя“ и контролируя дѣятельность св. Синода, представители синодальной прокуратуры XVIII столѣтія заботились собственно не столько объ интересахъ того вѣдомства, въ которомъ они служили, сколько о томъ, чтобы сложная система церковнаго управленія, обоснованная на началахъ, солидарныхъ съ интересами государства, не отступала отъ нихъ и въ дѣйствительной жизни.

Но со времени вступленія на престолъ императора Александра, когда новое правительство „заблагоразсудило раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію министровъ“ [1]), и когда государь обнаружилъ намѣреніе распространить свои широкіе преобразовательные планы и на духовное вѣдомство, должны были произойти значительныя перемѣны въ отношеніяхъ синодальнаго оберъ-прокурора къ нуждамъ и потребностямъ церковной жизни. Стремленія новаго правительства произвести различныя реформы въ области церковной жизни были далеко уже не похожи на прежнія традиціонныя стремленія государственной власти, обыкновенно преслѣдовавшей при преобразованіяхъ церковнаго управленія свои собственныя цѣли и приносившей въ жертву имъ интересы церкви, и несомнѣнно обусловливались искреннимъ желаніемъ Александра внести дѣйствительныя улучшенія въ положеніе русскаго духовенства, какъ сословія, имѣвшаго законныя права на вниманіе государства къ своимъ спеціальнымъ нуждамъ. При такихъ же измѣнившихся условіяхъ, синодальный оберъ-прокуроръ, поставленный правительствомъ въ новое положеніе, въ значительной степени приравнивавшее его къ министрамъ различныхъ вѣдомствъ, по необходимости долженъ былъ не только отстаивать государственные интересы въ церковномъ управленіи, но и входить въ спеціальные интересы самого духовнаго вѣдомства, принимая живое и дѣятельное участіе въ подготовленіи желательныхъ реформъ, имѣвшихъ въ виду внесеніе извѣстныхъ улучшеній въ жизнь духовнаго сословія.

И мы, дѣйствительно, видимъ, что, со времени назначенія Голицына на постъ синодальнаго оберъ-прокурора, въ зна-

---

[1]) П. С. З. т. XXVII. № 20,406.

чительной степени измѣнился самый характеръ дѣятельности представителей государственной власти въ церковномъ управленіи. Достигнувъ, благодаря извѣстнымъ намъ благопріятнымъ условіямъ, цѣли, намѣченной Александровскимъ правительствомъ, и подчинивъ своему сильному вліянію св. Синодъ, Голицынъ фактически поставилъ прокуратуру въ новое положеніе, заставлявшее ее считать прямою обязанностью оберъ-прокурора не только наблюденіе за дѣятельностью различныхъ органовъ церковной администраціи, но и заботы объ удовлетвореніи вновь возникавшихъ потребностей духовнаго вѣдомства, такъ какъ верховная власть, занятая проектами обширныхъ государственныхъ реформъ, не желая оставлять безъ необходимыхъ преобразованій и церковной жизни, поручила практическое осуществленіе намѣченныхъ преобразованій своему оффиціальному представителю въ синодальномъ управленіи. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, входя въ спеціальные интересы духовенства и принимая на себя иниціативу въ изысканіи средствъ, необходимыхъ для улучшенія разнообразныхъ сторонъ церковной жизни, оберъ-прокуроръ придерживался правительственныхъ взглядовъ на нужды и потребности синодальнаго вѣдомства, а не смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія, солидарной со взглядами самихъ членовъ св. Синода.

Стремленіе Александровскаго правительства къ распространенію просвѣщенія посредствомъ открытія всевозможнаго рода учебныхъ заведеній поставило на очередь вопросъ объ умноженіи и улучшеніи духовныхъ училищъ, признанныхъ неспособными удовлетворительно выполнять свое назначеніе. Безъ сомнѣнія, возбужденный правительствомъ вопросъ близко заторгивалъ интересы церкви и духовенства, и отъ его разумнаго рѣшенія должно было получить значительную пользу не только государство, но и само духовное вѣдомство. Между тѣмъ, не смотря на такой характеръ затронутаго вопроса, въ его предварительной разработкѣ и окончательномъ рѣшеніи принималъ самое дѣятельное и живое участіе не св. Синодъ, какъ высшій органъ церковнаго управленія, а синодальный оберъ-прокуроръ, какъ „стряпчій о дѣлахъ государственныхъ“, бывшій одновременно и представителемъ интересовъ самого духовнаго вѣдомства.

Въ первый же годъ своей оберъ-прокурорской службы

Голицынъ приступилъ къ работамъ по приведенію въ исполненіе правительственнаго проекта о преобразованіи духовныхъ училищъ, воспользовавшись для этой цѣли лучшими силами изъ среды духовенства; онъ поручилъ составить подробный и обстоятельный планъ желательныхъ улучшеній въ постановкѣ духовно-учебнаго дѣла одному изъ наиболѣе образованныхъ духовныхъ лицъ того времени, архимандриту Евгенію (Болховитинову) [1]), а затѣмъ—передалъ выработанный имъ планъ на разсмотрѣніе вызваннаго въ св. Синодъ, по иниціативѣ самого же оберъ-прокурора, могилевскаго архіепископа Анастасія, предложивъ ему не только написать критическія замѣчанія на проектъ Евгенія, но и составить свой собственный планъ преобразованія духовныхъ училищъ [2]).

Преобразовательные планы Александровскаго правительства, касавшіеся церковнаго вѣдомства, затрогивали не одинъ только вопросъ объ улучшеніи духовныхъ училищъ, но и выдвигали на очередь другой, не менѣе важный вопросъ объ изысканіи средствъ къ матеріальному обезпеченію какъ предположенныхъ къ открытію учебныхъ заведеній, такъ и самого приходскаго духовенства. Архіепископъ Анастасій, составляя, по порученію оберъ-прокурора, свой проектъ преобразованія духовныхъ училищъ, указалъ и обильный источникъ для ихъ содержанія въ предоставленіи духовному вѣдомству исключительнаго права продажи церковныхъ свѣчъ, но ни онъ, ни Евгеній Болховитиновъ не могли оказать Голицыну никакихъ существенныхъ услугъ въ обсужденіи вопроса о матеріальномъ обезпеченіи приходскаго духовенства.

Въ данномъ случаѣ необходимо еще было предварительно собрать подробныя и, по возможности, точныя фактическія данныя о современномъ положеніи духовенства въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, только располагая подобными указаніями, и можно было выработать предположенія, отвѣчавшія требованіямъ дѣйствительной жизни. Правда, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи церковныхъ причтовъ былъ поднятъ еще въ послѣдней четверти XVIII столѣтія, когда началось уже и собираніе статистическихъ данныхъ о числѣ членовъ причтовъ и размѣрахъ получаемыхъ ими доходовъ, но, какъ вид-

---

[1]) Русскій Вѣстн. 1868 г., т. 74, стр. 485.
[2]) Тамъ же, стр. 486.

но, первыя подготовительныя работы не дали удовлетворительныхъ результатовъ, и правительство не располагало необходимыми данными для практическаго рѣшенія возбужденнаго вопроса. Признавая такія статистическія данныя необходимымъ условіемъ цѣлесообразныхъ и успѣшныхъ работъ въ дѣлѣ практическаго осуществленія намѣреній правительства, оберъ-прокуроръ 29 августа 1806 года вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ сообщить ему въ самомъ непродолжительномъ времени необходимыя свѣдѣнія о числѣ и матеріальномъ обезпеченіи церквей и приходскаго духовенства. „По соизволенію Его Императорскаго Величества", писалъ Голицынъ епархіальнымъ архіереямъ [1]), „прошу Ваше Преосвященство употребить всю возможность къ незамедлительному доставленію мнѣ свѣдѣній о числѣ церквей, матеріальномъ обезпеченіи ихъ и духовенства и о планахъ академій, семинарій и училищъ".

И нужно замѣтить, что оберъ-прокуроръ настойчиво требовалъ отъ преосвященныхъ аккуратнаго исполненія даннаго имъ порученія, внимательно относился къ сообщаемымъ ими свѣдѣніямъ и, въ случаѣ недостаточной полноты полученныхъ данныхъ, обращался къ архіереямъ съ новыми запросами.— „Въ присланныхъ свѣдѣніяхъ", писалъ Голицынъ черниговскому архіепископу Михаилу [2]), „вы не обозначили, сколько стоитъ содержаніе на казенномъ коштѣ каждаго воспитанника мѣстной семинаріи, а такъ какъ при соображеніяхъ объ устройствѣ училищъ и матеріальномъ обезпеченіи духовенства необходимо имѣть хотя бы примѣрныя свѣдѣнія по этому вопросу, то прошу сообщить мнѣ указанныя данныя". Съ такими же требованіями, осложненными еще просьбою сообщить точныя свѣдѣнія о стоимости содержанія своекошныхъ воспитанниковъ семинаріи, оберъ-прокуроръ обращался къ псковскому [3]), нижегородскому [4]), костромскому [5]) и полтавскому [6]) епархіальнымъ преосвященнымъ.

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1806, № 670, стр. 1.
[2]) Тамъ же, стр. 45.
[3]) Тамъ же, стр. 46.
[4]) Тамъ же, стр. 65.
[5]) Тамъ же, стр. 66.
[6]) Тамъ же, стр. 67.

Полученныя свѣдѣнія, необходимыя для успѣшной разработки затронутыхъ правительствомъ вопросовъ, вмѣстѣ съ планами преобразованія духовныхъ училищъ, составленными по порученію Голицына, были представлены оберъ-прокуроромъ на усмотрѣніе верховной власти. Но, представивъ государю проекты Евгенія Болховитинова и архіепископа Анастасія, Голицынъ, подъ вліяніемъ Сперанскаго, которому они были переданы императоромъ Александромъ [1]), подалъ всеподданнѣйшій докладъ о необходимости учрежденія особаго, спеціальнаго комитета для предварительнаго детальнаго обсужденія задуманныхъ преобразованій наиболѣе опытными и знающими людьми изъ среды духовенства и изъ числа лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности. 29 ноября 1807 года оберъ-прокурорскій докладъ получилъ высочайшее утвержденіе, и вновь организованный комитетъ, руководимый Сперанскимъ и Голицынымъ, разсмотрѣвъ представленные проекты реформированія духовныхъ училищъ и улучшенія содержанія церковныхъ причтовъ, выработалъ окончательный планъ обширныхъ преобразованій въ сферѣ духовнаго вѣдомства.

26 іюня 1808 года Голицынъ представилъ на высочайшее утвержденіе обширный докладъ комитета объ организаціи духовно-учебныхъ заведеній и содержаніи приходскаго духовенства, и въ тотъ же день на имя св. Синода былъ данъ именной императорскій указъ, предписывавшій привести въ исполненіе всѣ предположенія комитета и учреждавшій особую коммиссію духовныхъ училищъ для высшаго завѣдыванія всѣми духовно-учебными заведеніями [2]).

Мы не будемъ слѣдить за дѣятельностью синодальнаго оберъ-прокурора, вошедшаго въ составъ членовъ вновь организованной коммиссіи, такъ какъ въ исторической литературѣ существуетъ спеціальный трудъ, посвященный коммиссіи духовныхъ училищъ [3]) и въ достаточной степени выясняющій фактическое вліяніе Голицына на ходъ дѣлъ въ новомъ духовно-правительственномъ учрежденіи [4]). Для насъ важенъ

---

[1]) Русскій Вѣстн. 1868 г., т. 74, стр. 489.

[2]) П. С. З. т. XXX, № 23,122.

[3]) Чистовичъ. Коммиссія Духовныхъ Училищъ. Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи.....

[4]) Тамъ же, стр. 22—172.

самый фактъ учрежденія особой коммиссіи, получившей возможность оказывать громадное вліяніе на церковную жизнь. —фактъ, совершившійся безъ всякаго участія въ его подготовленіи со стороны св. Синода, какъ высшаго органа церковнаго управленія.

Принявъ на себя главное руководство предварительной разработкой возбужденнаго правительствомъ вопроса о преобразованіяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ, синодальный оберъ-прокуроръ почти совершенно устранилъ св. Синодъ отъ непосредственнаго вмѣшательства въ обсужденіе предположенныхъ реформъ; правда, онъ пользовался для достиженія намѣченныхъ правительствомъ цѣлей и содѣйствіемъ нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ, назначенныхъ въ комитетъ 1807 года, но само высшее церковное учрежденіе, не принимавшее никакого активнаго участія въ образованіи комитета, должно было относиться совершенно пассивно и къ происходившимъ въ немъ работамъ, не смотря на то, что онѣ самымъ ближайшимъ образомъ затрогивали существенные интересы духовнаго вѣдомства. Послѣ же высочайшаго утвержденія представленнаго оберъ-прокуроромъ комитетскаго доклада, св. Синодъ былъ поставленъ въ необходимость отнестись, какъ къ совершившемуся факту, и къ учрежденію, по иниціативѣ Сперанскаго и Голицына, коммиссіи духовныхъ училищъ, со всѣми ея обширными правами и полномочіями въ сферѣ церковнаго управленія.

Всматриваясь въ новый характеръ дѣятельности синодальной прокуратуры, не только слѣдившей за соблюденіемъ государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, но и выполнявшей обязанности представителя интересовъ самого духовенства, не трудно убѣдиться, что Голицынъ, благодаря извѣстнымъ намъ благопріятнымъ условіямъ, *успѣлъ фактически поставить себя въ положеніе главноуправляющаго синодальнымъ вѣдомствомъ*, хотя оффиціально и пользовался такимъ званіемъ лишь по отношенію къ духовнымъ дѣламъ однихъ иностранныхъ исповѣданій. Прокуратура, какъ представительница государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи, послѣ долгой и упорной борьбы съ неблагопріятными для себя стремленіями членовъ высшаго учрежденія духовнаго вѣдомства, получила, наконецъ, возможность фактически обезпечить государственной власти громадное вліяніе на

св. Синодъ и самое широкое участіе во всѣхъ проявленіяхъ церковной жизни. Подчинивъ же своему вліянію св. Синодъ, представитель государственной власти въ церковномъ управленіи, сдѣлавшійся, въ лицѣ Голицына, фактическимъ главноуправляющимъ синодальнаго вѣдомства, могъ уже, безъ особенныхъ затрудненій, и оффиціально превратиться *въ министра духовныхъ дѣлъ*.

Чтобы уяснить себѣ происхожденіе крупной реформы въ области церковнаго управленія, превратившей синодальнаго оберъ прокурора въ министра духовнаго вѣдомства, необходимо имѣть въ виду какъ несомнѣнную связь, существовавшую между отношеніями правительства къ институту прокуратуры въ св. Синодѣ и пр. Сенатѣ, такъ и своеобразныя религіозныя убѣжденія императора Александра. Мы знаемъ, что преобразователь Россіи, создавшій институтъ государственной прокуратуры, поставилъ синодальнаго оберъ-прокурора въ положеніе, почти совершенно тожественное съ положеніемъ сенатскаго генералъ-прокурора. Поставленные правительствомъ въ одинаковыя отношенія къ высшимъ учрежденіямъ, оберъ-прокуроры св. Синода и генералъ-прокуроры Сената, и въ дальнѣйшей исторіи своего существованія, нерѣдко вызывали со стороны верховной власти одинаковыя мѣры и аналогичныя распоряженія, направленныя къ введенію желательныхъ измѣненій въ характеръ ихъ служебной дѣятельности.

Императрица Екатерина II, крайне недовольная современнымъ ей состояніемъ Сената, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ обширную власть, не вполнѣ отвѣчавшую ея взглядамъ на значеніе монарха въ общей системѣ государственнаго управленія, признала необходимымъ въ значительной степени ослабить силу пр. Сената. Для достиженія подобной цѣли Екатерина и стремилась стѣснить до возможныхъ предѣловъ законодательную инициативу высшаго государственнаго учрежденія и выдѣлить изъ него административную власть. Раздѣливъ Сенатъ на нѣсколько департаментовъ и сконцентрировавъ въ первомъ изъ нихъ всѣ важнѣйшія административныя дѣла, императрица поручила первый и самый главный сенатскій департаментъ непосредственному надзору и руководству генералъ-прокурора, какъ ближайшаго довѣреннаго

верховной власти. А такъ какъ Екатерина, въ большинствѣ случаевъ, избѣгала непосредственныхъ сношеній съ Сенатомъ, устраняла его отъ активнаго участія въ различныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ и обыкновенно имѣла дѣло съ генералъ-прокуроромъ, поручая его заботамъ практическое разрѣшеніе важнѣйшихъ государственнымъ вопросовъ и объявляя чрезъ него высочайшіе указы пр. Сенату, то неудивительно, что съ теченіемъ времени всѣ главныя административныя дѣла фактически перешли въ вѣдѣніе и распоряженіе представителя верховной власти, состоявшаго генералъ-прокуроромъ перваго сенатскаго департамента.

По справедливому замѣчанію проф. Градовскаго, автора спеціальнаго изслѣдованія о высшей администраціи Россіи XVIII вѣка, неизбѣжнымъ результатомъ измѣнившихся отношеній императорской власти къ пр. Сенату явилось то, что его генералъ-прокуроръ сталъ уже представлять собою не одинъ изъ составныхъ элементовъ высшаго государственнаго учрежденія, съ которымъ былъ тѣсно связанъ, а „постепенно выдѣлявшійся элементъ личнаго управленія, основанный на новомъ. *министерскомъ* началѣ“ [1]). Сохраняя прежнее значеніе оффиціальнаго блюстителя законовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выполняя, при посредствѣ перваго сенатскаго департамента, обязанности главнаго органа верховной власти въ области финансоваго и внутренняго управленія, генералъ-прокуроръ соединилъ въ своемъ лицѣ права и обязанности, оффиціально не существовавшихъ еще въ то время, министровъ юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Но послѣ отставки генералъ-прокурора Вяземскаго, соединявшаго подъ своимъ управленіемъ нѣсколько вѣдомствъ, Екатерина нашла болѣе цѣлесообразнымъ распредѣлить его сложныя и разнообразныя служебныя обязанности между различными лицами. Императоръ Александръ, продолжавшій дѣло Екатерины, учрежденіемъ министерствъ 1802 года [2]) окончательно и притомъ формальнымъ, оффиціальнымъ образомъ сообщилъ власти генералъ-прокурора министерскій характеръ, передавъ часть его прежнихъ правъ и обязанностей особымъ министрамъ внутреннихъ

---

[1]) Градовскій. Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры, стр. 208.

[2]) П. С. З. т. XXVII, № 20,406.

дѣлъ и финансовъ, а его самого превративъ въ министра юстиціи [1]).

Стремленіе правительства къ измѣненію взаимныхъ отношеній представителей двухъ различныхъ началъ, соединенныхъ преобразователемъ Россіи въ высшемъ государственномъ учрежденіи,—стремленіе, направленное къ постепенному выдѣленію изъ Сената генералъ-прокурорской власти и сообщенію ей министерскаго характера, не могло не отразиться извѣстнымъ образомъ и на положеніи синодальнаго оберъ-прокурора, такъ какъ онъ былъ поставленъ самимъ правительствомъ въ такія же отношенія къ св. Синоду, какія существовали между генералъ-прокуроромъ и пр. Сенатомъ.

Въ области церковной жизни подобное стремленіе правительства дѣлается наиболѣе замѣтнымъ со времени оффиціальнаго учрежденія министерствъ, когда верховная власть назначила на постъ синодальнаго оберъ-прокурора лицо, находившееся въ исключительно близкихъ отношеніяхъ къ ней и пользовавшееся особеннымъ довѣріемъ государя. Опредѣливъ оберъ-прокуроромъ св. Синода свое довѣренное лицо, императоръ Алеасандръ фактически создалъ для него такія же отношенія къ высшему церковному учрежденію, въ какія, подъ вліяніемъ извѣстной намъ правительственной политики Екатерины II, былъ поставленъ къ Сенату генералъ-прокуроръ, постепенно выдѣлявшійся изъ Сената, какъ самостоятельный личный органъ государственнаго управленія.

Мы видѣли, что Александръ не только сдѣлалъ оберъ-прокурора Голицына обязательнымъ посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ св. Синодомъ, но и поручилъ ему, независимо отъ высшаго церковнаго учрежденія, озаботиться предварительной теоретической разработкой и практическимъ разрѣшеніемъ наиболѣе важныхъ церковно-общественныхъ вопросовъ того времени. Устраненіе Синода отъ посредственнаго участія въ обсужденіи и проведеніи въ церковную жизнь плановъ и проектовъ правительства и предоставленіе Голицыну немаловажнаго права производить желательныя преобразованія въ духовномъ вѣдомствѣ не чрезъ св. Синодъ, а чрезъ посредство особыхъ комитетовъ и спеціальныхъ коммиссій, выдѣляли оберъ-прокурора изъ высшаго церковнаго

[1]) Тамъ же, статья III.

учрежденія, съ которымъ онъ былъ тѣсно и неразрывно связанъ по идеѣ организатора оберъ-прокурорскаго института, и, въ связи съ другими благопріятными условіями, сообщали его дѣятельности новый, министерскій характеръ.

Обширныя преобразованія Александровскаго привительства, выразившіяся въ учрежденіи стройной системы министерствъ, оказавъ довольно сильное вліяніе на положеніе прокуратуры въ духовномъ вѣдомствѣ, повели за собою и оффиціальное превращеніе синодальнаго оберъ-прокурора въ министра духовныхъ дѣлъ. 19 ноября 1817 года на имя пр. Сената былъ данъ императорскій указъ, заключавшій въ себѣ высочайшее повелѣніе „оберъ-прокурору св. Синода и главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, тайному совѣтнику, кн. Голицыну быть министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“ [1]), а 24 числа того же мѣсяца послѣдовалъ и высочайшій манифестъ [2]), подробно и точно опредѣлявшій отношенія новаго министра къ высшему церковному учрежденію.

Несомнѣнно, что крупная реформа въ области церковнаго управленія, выразившаяся въ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ, находясь въ извѣстной зависимости отъ общегосударственныхъ преобразованій правительства, въ то же время стояла въ самой тѣсной связи и съ своеобразными религіозными взглядами и убѣжденіями императора Александра, не видѣвшаго ничего противнаго канонамъ православной церкви въ подчиненіи св. Синода свѣтскому министру духовныхъ дѣлъ.

Какъ извѣстно, императоръ Александръ I не получилъ религіознаго воспитанія въ духѣ православной церкви, что, однако же, не помѣшало ему сдѣлаться впослѣдствіи религіознымъ человѣкомъ, искренно сожалѣвшимъ, что его воспитатели не были вѣрующими христіанами. Но характеръ той религіозности, которая подъ вліяніемъ обстоятельствъ, пережитыхъ государемъ, овладѣла душою Александра, далеко не гармонировалъ съ характеромъ православнаго христіанскаго ученія. Въ исторической литературѣ уже было отмѣчено, что

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1817 г. № 1,096.
[2]) П. С. З. т. XXXIV, № 27,106.

императоръ Александръ, подобно многимъ своимъ современникамъ, также лишеннымъ религіознаго воспитанія, но чувствовавшимъ потребность религіи, „выработалъ себѣ собственную своеобразную религію безъ опредѣленныхъ догматическихъ убѣжденій, универсальную религію сердца, одинаково мирившуюся со всѣми вѣроисповѣданіями и ни къ одному изъ нихъ не принадлежавшую, близкую болѣе къ протестантскому мистицизму, чѣмъ къ православію“ [1]).

Потрясающія событія великой отечественной войны и войны за освобожденіе Европы отъ владычества Наполеона произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на воспріимчивую душу императора Александра и вызвали въ немъ мистически-религіозное настроеніе. Новое настроеніе освободителя Европы встрѣтило самыя благопріятныя условія для своего дальнѣйшаго развитія и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія произвела борьба съ Наполеономъ въ жизни большей части современныхъ Александру европейскихъ правительствъ и высшихъ общественныхъ классовъ, гдѣ также прежнія либеральныя воззрѣнія и религіозное невѣріе замѣнились самымъ строгимъ консерватизмомъ и сильнымъ религіознымъ мистицизмомъ. Продолжительное пребываніе императора въ предѣлахъ западной Европы и частыя сношенія съ различными представителями мистицизма, стремившимися выработать универсальную религію сердца, въ значительной степени способствовали тому, что и религіозные взгляды и убѣжденія самого Александра приняли своеобразный характеръ, далекій отъ ученія православной церкви. Онъ выработалъ себѣ убѣжденіе, что истинное, идеальное христіанство не проявилось во всей своей полнотѣ ни въ одномъ изъ существующихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и что православіе, также какъ и всѣ другія христіанскія исповѣданія, заключаетъ въ себѣ только долю истины. Не удовлетворяясь ученіемъ православной церкви, русскій государь стремился найти религіозную истину въ какомъ-то отвлеченномъ христіанствѣ безъ церкви и догматовъ, въ которомъ безъ особенныхъ препятствій могли бы объединиться представители различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій,

---

[1]) Проф. Знаменскій. Чтенія изъ исторіи р. церкви за время царств. Александра I, стр. 3.

какъ братья во Христѣ, исповѣдующіе одну универсальную евангельскую религію.

Религіозное настроеніе Александра въ связи съ его своеобразными воззрѣніями на истинное, идеальное христіанство оказало громадное вліяніе на настроеніе высшаго русскаго общества и еще замѣтнѣе отразилось на взглядахъ многихъ лицъ, завѣдывавшихъ различными отраслями государственнаго управленія. Въ рядахъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ Александра, появились личности, вполнѣ усвоившія новыя религіозныя воззрѣнія императора и стремившіяся вмѣстѣ съ нимъ къ проведенію въ русскую жизнь своеобразно понимаемыхъ ими евангельскихъ принциповъ и водворенію царства Божія на землѣ. Организовалось извѣстное Библейское общество, состоявшее изъ свѣтскихъ сановниковъ и духовныхъ лицъ различныхъ вѣроисповѣданій и совершенно устранившее св. Синодъ отъ такого важнаго церковнаго дѣла, какимъ являлся предпринятый имъ переводъ Св. Писанія на разные языки. Библейское общество, членомъ котораго состоялъ самъ государь, открыто выставляло себя не принадлежащимъ ни къ какой церкви и, считая себя выше всѣхъ частныхъ церквей, стремилось къ тому, чтобы „небесный союзъ вѣры и любви“ объединилъ всѣхъ христіанъ въ одно великое христіанское семейство, „когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ различнаго образованія христіанскихъ исповѣданіяхъ“.

При такихъ отношеніяхъ императора Александра къ господствующей православной церкви и ея ученію должно было послѣдовать не только объединеніе административнаго управленія дѣлами различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но и организація подобнаго управленія на общегосударственныхъ началахъ, не оставлявшихъ мѣста нежелательной для правительства самостоятельности св. Синода въ завѣдываніи религіозною жизнью русскаго православнаго народа. И дѣйствительно, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, состоявшій въ то же время оберъ-прокуроромъ св. Синода, былъ назначенъ государемъ на вновь учрежденный постъ министра духовныхъ дѣлъ, получившаго право завѣдывать дѣлами всѣхъ существовавшихъ въ Россіи исповѣданій. А такъ какъ религіозныя дѣла, порученныя вѣдѣнію министра духовныхъ дѣлъ, должны были, по мысли

благочестиваго императора, тѣсно соприкасаться съ народнымъ просвѣщеніемъ, которое онъ стремился обосновать на началахъ христіанскаго благочестія, то вмѣстѣ съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ было соединено и министерство народнаго просвѣщенія.

„Желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія", писалъ Александръ I въ своемъ манифестѣ объ учрежденіи новаго министерства [1]), „признали Мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ исповѣданій въ составъ одного Управленія, подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, что къ оному присовокупятся и дѣла св. пр. Синода, съ тѣмъ, чтобы министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находился по дѣламъ симъ въ такомъ къ Синоду отношеніи, въ каковомъ состоитъ министръ юстиціи къ пр. Сенату, кромѣ однако дѣлъ судныхъ". Вновь учрежденное двойное министерство должно было завѣдывать „духовными дѣлами" всѣхъ существовавшихъ въ Россіи вѣроисповѣданій и управлять дѣломъ народнаго просвѣщенія [2]). Первый департаментъ новаго министерства, названный департаментомъ духовныхъ дѣлъ, подраздѣлялся, по предметамъ своихъ занятій, на четыре отдѣленія; первое изъ нихъ вѣдало дѣла греко-россійскаго исповѣданія, второе—римско-католическаго, греко-уніатскаго и армянскаго вѣроисповѣданій, третье—всѣхъ протестанскихъ исповѣданій, а четвертое завѣдывало дѣлами еврейской, магометанской и прочихъ нехристіанскихъ вѣръ [3]). Въ свою очередь, первое отдѣленіе состояло изъ двухъ столовъ, изъ которыхъ въ одномъ собирались меморіи св. пр. Синода, писались доклады государю императору „по части" св. Синода и коммиссіи духовныхъ училищъ, составлялись годовые отчеты по св. Синоду и коммиссіи духовныхъ училищъ, велась переписка, „по препорученіямъ св. Синода и коммиссіи духовныхъ училищъ", съ министрами и другими лицами, завѣдующими отдѣльными частями управленія, про-

---

[1]) П. С. З. т. XXXIV, № 27,106.
[2]) Тамъ же, ч. I, гл. I, § 1.
[3]) Тамъ же, гл. III, § 7.

изводились сношенія съ оберъ-прокуроромъ св. Синода и прокурорами синодальныхъ конторъ [1]). Во второмъ столѣ производились дѣла по высочайшимъ повелѣніямъ: 1) объ опредѣленіи и увольненіи членовъ св. Синода, 2) о вызовѣ епархіальныхъ архіереевъ для временнаго присутствованія въ св. Синодѣ, 3) о придворномъ духовенствѣ—по представленіямъ св. Синода, 4) объ опредѣленіи и увольненіи присутствующихъ въ синодальныхъ конторахъ—по представленію министра, 5) объ опредѣленіи и увольненіи оберъ-прокурора св. Синода и правителя дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ, 6) объ опредѣленіи и увольненіи прокуроровъ въ синодальныхъ конторахъ—по представленію начальства, 7) о награжденіи духовныхъ лицъ знаками монаршей милости, 8) о наградахъ свѣтскихъ лицъ, служащихъ въ духовномъ вѣдомствѣ и, наконецъ, сюда же были переданы дѣла 9) о происшествіяхъ въ церквахъ, 10) о происшествіяхъ особенной важности въ епархіяхъ, 11) составленіе списковъ чиновъ по духовному вѣдомству и 12) „дѣла особенной тайнѣ подлежащія“ [2]).

Стоявшій во главѣ управленія новымъ обширнымъ министерствомъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, какъ мы видѣли изъ высочайшаго манифеста, былъ поставленъ верховною властью въ такія же отношенія къ св. Синоду, въ какихъ находился министръ юстиціи къ пр. Сенату. Правительство возложило на него высшее завѣдываніе всѣми дѣлами духовнаго вѣдомства. Министръ долженъ былъ слѣдить за дѣятельностью высшаго церковнаго учрежденія, безотлагательно получая отъ синодальнаго оберъ-прокурора надлежащія меморіи по дѣламъ, заслушаннымъ въ св. Синодѣ [3]), или же лично присутствуя на его засѣданіяхъ; [4]) если, по какимъ либо соображеніямъ, онъ находилъ неудобнымъ то или другое постановленіе св. Синода, то имѣлъ право высказать собственное мнѣніе по возбужденному вопросу и побудить Синодъ вновь пересмотрѣть извѣстное дѣло, совмѣстно

---

[1]) Тамъ же, § 9.
[2]) Тамъ же, § 10
[3]) Тамъ же, ч. II, отд. I, § 112.
[4]) Тамъ же, § 121.

съ высказанными замѣчаніями министра [1]). Давая св. Синоду разнообразныя предложенія или лично отъ себя, или чрезъ посредство синодальнаго оберъ-прокурора [2]), министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представлялъ верховной власти доклады св. Синода по всѣмъ дѣламъ церковнаго управленія [3]), передавалъ Синоду всевозможныя высочайшія повелѣнія [4]), велъ „по духовной части“ всякаго рода сношенія съ различными министрами [5]) и подносилъ государю годовые отчеты о дѣлахъ св. Синода и подчиненныхъ ему учрежденій; [6]) въ то же время онъ получалъ право приводить въ исполненіе высочайшія повелѣнія объ опредѣленіи и увольненіи членовъ св. Синода и о вызовѣ епархіальныхъ архіереевъ для временнаго присутствованія въ Синодѣ, опредѣлять и увольнять собственною властью главныхъ свѣтскихъ чиновниковъ синодальнаго вѣдомства, завѣдывать награжденіемъ духовныхъ лицъ, по представленіямъ начальства, и принимать ближайшее участіе въ наблюденіи за состояніемъ епархіальной церковной жизни [7]).

Образованіе министерства духовныхъ дѣлъ, какъ высшей правительственной инстанціи, обнимавшей всѣ отрасли церковнаго управленія и даже приравнивавшей самый Синодъ къ второстепеннымъ учрежденіямъ, завѣдывавшимъ религіозною жизнью послѣдователей различныхъ неправославныхъ и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, существовавшихъ въ Россіи, повидимому, должно было окончательно подчинить церковь государству и, превративъ духовное вѣдомство въ одну изъ составныхъ частей сложнаго государственнаго организма, отнять у представителей церкви всякую возможность руководиться въ управленіи синодальнымъ вѣдомствомъ не взглядами правительства, а дѣйствительными нуждами и потребностями церковной жизни.

---

[1]) Тамъ же, § 113.
[2]) Тамъ же, § 115.
[3]) Тамъ же, § 116.
[4]) Тамъ же, § 117.
[5]) Тамъ же, § 118.
[6]) Тамъ же, § 119.
[7]) Тамъ же, стр. 816, § 10.

Но крайнее униженіе св. Синода, явившееся результатомъ учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ,—униженіе, оказавшееся, вслѣдствіе характера дѣятельности Голицына, далеко небезопаснымъ для интересовъ самого православія, не могло не вызывать сильнаго, хотя и затаеннаго недовольства произведенною реформой въ средѣ высшей церковной іерархіи. Уже самое учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ казалось ревнителямъ православія крайнимъ униженіемъ господствующей церкви и незаконнымъ нарушеніемъ ея неотъемлемыхъ правъ на самостоятельность управленія и исключительно привиллегированное положеніе въ ряду другихъ религіозныхъ обществъ, существовавшихъ въ православномъ государствѣ. Принципъ самой широкой вѣротерпимости и полной равноправности всѣхъ исповѣданій, проведенный въ учрежденіи новаго министерства, не только поставилъ господствующую вѣру на ряду съ различными инославными христіанскими вѣроисповѣданіями, но и приравнялъ ее къ нехристіанскимъ религіямъ; св. Синодъ былъ подчиненъ министру духовныхъ дѣлъ и находился къ нему въ совершенно такихъ же отношеніяхъ, какъ и различныя учрежденія, завѣдывавшія дѣлами инославныхъ и нехристіанскихъ исповѣданій. Такое униженіе господствующей вѣры и церкви возбуждало ропотъ и негодованіе въ средѣ православнаго духовенства. Увлеченіе же Голицына мистицизмомъ, начавшее угрожать серьезными опасностями православной церкви, побудило, наконецъ, наиболѣе видныхъ представителей униженной іерархіи рѣшиться и на открытое выраженіе своего недовольства правительственною дѣятельностью новаго министра, что, въ свою очередь, повело за собою уничтоженіе самаго министерства духовныхъ дѣлъ.

Оффиціально поставленный императоромъ Александромъ въ положеніе министра духовныхъ дѣлъ, представитель государственной власти въ церковномъ управленіи, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ высшее завѣдываніе всѣми важнѣйшими дѣлами синодальнаго вѣдомства, долженъ былъ уклониться отъ ближайшаго и непосредственнаго участія въ дѣятельности св. Синода, такъ какъ правительство нашло необходимымъ опредѣлить въ высшее церковное учрежденіе особаго оберъ-

прокурора, подчиненнаго новому министру. По представленію Голицына, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ, св. Синодъ и получилъ такого оберъ-прокурора, поставленнаго уже въ зависимость не отъ самого государя, а отъ одного изъ его министровъ.

24 ноября 1817 года пр. Сенату былъ данъ именной императорскій указъ, повелѣвавшій „д. с. с. князю Мещерскому быть оберъ-прокуроромъ св. пр. Синода съ жалованіемъ, по сему мѣсту положеннымъ“ [1]). 5 декабря Синодъ выслушалъ сенатское вѣдѣніе объ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ [2]) и назначеніи Мещерскаго синодальнымъ оберъ-прокуроромъ [3]), а 13 февраля 1818 года Петръ Сергѣевичъ Мещерскій вступилъ въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей. „Имѣю честь донести Вашему Сіятельству“, писалъ онъ Голицыну отъ 18 февраля 1818 года [4]), „что 13 февраля сего года вступилъ я въ отправленіе своей должности оберъ-прокурора св. Синода, о чемъ донесено отъ меня лично и и. д. Вашего Сіятельства, т. с. Козодавлеву“.

Хотя въ лицѣ кн. Мещерскаго св. Синодъ и получилъ новаго оберъ-прокурора, но, такъ какъ послѣдній, съ учрежденіемъ министерства духовныхъ дѣлъ, утратилъ свое важнѣйшее право непосредственныхъ сношеній съ верховною властью и былъ поставленъ въ подчиненныя отношенія къ Голицыну, то дѣйствительнымъ представителемъ государственной власти въ синодальномъ вѣдомствѣ остался по-прежнему тотъ же Голицынъ, какъ окончательно выдѣлившійся изъ Синода государственный органъ церковнаго управленія. Въ спеціальномъ наказѣ [5]), разъяснявшемъ права министра духовныхъ дѣлъ и обязанности синодальнаго оберъ-прокурора, само правительство опредѣлило ихъ взаимныя отношенія тѣмъ, что приравняло перваго изъ нихъ къ генералъ-прокурору, а второго—къ оберъ-прокурору пр. Сената [6]), и, такимъ об-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1817 г. № 1,092.
[2]) Тамъ же. Дѣло 1817 г. № 1,096.
[3]) Тамъ же. Дѣло 1817 г. № 1,092.
[4]) Тамъ же. Дѣло 1818 г. № 59.
[5]) П. С. З. т. XXXIV, № 27,106, часть II, гл. I и III.
[6]) Тамъ же, §§ 111 и 159.

разомъ, признало министра единственнымъ органомъ своего вліянія на управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, такъ какъ сенатскіе оберъ-прокуроры не имѣли самостоятельнаго значенія и находились въ полномъ распоряженіи генералъ-прокурора.

Правда, при учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ правительство нашло нужнымъ подтвердить права и обязанности синодальнаго оберъ-прокурора, основанныя на извѣстной инструкціи 1722 года [1]), а отчасти даже и выработанныя предшествовавшей практикой [2]), сильно развившей оберъ-прокурорскую власть, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно поставило его въ совершенно подчиненныя отношенія къ министру и превратило оберъ-прокурора изъ своего ближайшаго и непосредственнаго представителя въ области церковнаго управленія въ простого уполномоченнаго министра духовныхъ дѣлъ.

Синодальный оберъ-прокуроръ былъ обязанъ представлять министру меморіи о всѣхъ дѣлахъ, разсматривавшихся въ св. Синодѣ [3]), и если, получивъ меморіи, министръ находилъ нужнымъ высказать свой собственный взглядъ по поводу какого либо вопроса, уже рѣшеннаго Синодомъ, то на оберъ-прокурора возлагалась обязанность предложить высшему церковному учрежденію принять во вниманіе министерское мнѣніе и вновь пересмотрѣть свое рѣшеніе [4]).—Въ случаяхъ разногласія во взглядахъ и мнѣніяхъ синодальныхъ членовъ по тому или другому вопросу, оберъ-прокуроръ долженъ былъ немедленно представить министру подлинные протоколы Синода, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ [5]), министръ же духовныхъ дѣлъ располагалъ правомъ или непосредственно отъ себя, или чрезъ того же оберъ-прокурора дать Синоду надлежащее предложеніе [6]).—Наиболѣе важныя права и обязанности оберъ-прокурора, выражавшіяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ верховною властью по дѣламъ св. Синода, сдѣлались исключительной привиллегіей одного только ми-

---

[1]) Тамъ же, §§ 158, 162, 163 и 164.
[2]) Тамъ же, § 165.
[3]) Тамъ же, § 161.
[4]) Тамъ же, § 113.
[5]) Тамъ же, § 114 и 160.
[6]) Тамъ же, § 115.

нистра духовныхъ дѣлъ [1]), совершенно устранившаго синодальнаго оберъ-прокурора и отъ сношеній съ министрами, стоявшими во главѣ управленія различными свѣтскими вѣдомствами [2]).

Нельзя не видѣть, что, хотя съ учрежденіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и сохранилъ свое существованіе институтъ синодальной прокуратуры, но дѣйствительнымъ представителемъ государственной власти въ церковномъ управленіи являлся уже теперь не оберъ-прокуроръ, а новый министръ. И дѣйствительно, во все время функціонированія министерства духовныхъ дѣлъ, оберъ-прокуроръ Мещерскій не имѣлъ возможности самостоятельно оказывать какое бы то ни было вліяніе на церковное управленіе и былъ поставленъ въ необходимость ограничивать свою дѣятельность однимъ только выполненіемъ разнообразныхъ порученій Голицына.

Голицынъ довольно часто передавалъ свои распоряженія по духовному вѣдомству чрезъ посредство синодальнаго оберъ-прокурора, и, въ такихъ случаяхъ, Мещерскій обыкновенно дѣлалъ соотвѣтствующія предложенія св. Синоду, пользовался находившимися въ его распоряженіи средствами для приведенія въ исполненіе министерскихъ порученій и представлялъ Голицыну установленные рапорты о практическихъ результатахъ тѣхъ мѣръ, какія принимались имъ для осуществленія желаній министра духовныхъ дѣлъ.—13 февраля 1818 года временно исправлявшій должность министра духовныхъ дѣлъ, т. е. Козодавлевъ, сообщилъ оберъ-прокурору Мещерскому, что онъ, на основаніи высочайшаго распоряженія, объявленнаго Голицынымъ, назначилъ надворнаго совѣтника Радина для производства судебнаго слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ свѣчными церковными доходами, имѣвшихъ мѣсто, по показаніямъ священника Луки Лѣсницкаго, въ г. Лебединѣ. Сообщивъ, что всѣ распоряженія объ отправленіи упомянутаго чиновника на мѣсто судебнаго слѣдствія уже сдѣланы имъ, Козодавлевъ поручилъ Мещерскому довести фактъ назначенія слѣдователя въ г. Лебединъ до свѣдѣнія св. Синода [3]). Оберъ-прокуроръ исполнилъ порученіе и. д. ми-

---

[1]) Тамъ же, §§ 116, 117 и 119.
[2]) Тамъ же, § 118.
[3]) Архивъ св. Син. Дѣло 1818 г. № 163, стр. 1.

нистра духовныхъ дѣлъ [1]) и представилъ Голицыну докладъ о своемъ отношеніи къ предписанію Козодавлева [2]).—20 октября 1818 года Голицынъ, получившій донесеніе на священника Лѣсницкаго отъ его епархіальнаго архіерея, сильно вооруженнаго противъ виновника непріятнаго судебнаго слѣдствія о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами, писалъ Мещерскому: „слободско-украинскій епископъ Павелъ сообщилъ мнѣ о разныхъ *якобы* противозаконныхъ поступкахъ лебединскаго священника Луки Лѣсницкаго, по доносу котораго было произведено слѣдствіе относительно злоупотребленій свѣчными доходами въ соборной Успенской церкви. Я предоставляю Вамъ предложить сообщенія на разсмотрѣніе св. Синода“ [3]). Мещерскій исполнилъ порученіе министра [4]) и рапортовалъ Голицыну, что Синодъ предписалъ слободскому преосвященному дать законное движеніе дѣлу о повѣнчаніи священникомъ Лѣсницкимъ чужихъ прихожанъ, постановивъ отложить сужденіе объ остальныхъ поступкахъ обвиняемаго священника до окончательнаго рѣшенія возбужденнаго имъ дѣла о злоупотребленіяхъ свѣчными суммами [5]). Министръ не удовлетворился такимъ постановленіемъ и поручилъ оберъ-прокурору побудить Синодъ озаботиться скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла, обратившаго на себя вниманіе самого государя [6]).—Доносъ Луки Лѣсницкаго, какъ видно изъ документовъ синодальнаго архива, не только возстановилъ противъ него мѣстное епархіальное начальство, но даже отразился чувствительнымъ образомъ и на положеніи его ближайшихъ родственниковъ, служившихъ въ той же епархіи. 16 марта 1819 года Голицынъ писалъ Мещерскому, что священникъ слободско-украинской епархіи Василій Лѣсницкій, приславъ двѣ жалобы на притѣсненія мѣстнаго епархіальнаго начальства, прибылъ, наконецъ, въ Петербургъ и здѣсь лично подалъ ему новое прошеніе; убѣдившись, что прошеніе Василія Лѣсницкаго имѣло тѣсную связь съ доносомъ его брата Луки, министръ отослалъ полу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 2.
[2]) Тамъ же, стр. 8.
[3]) Тамъ же, стр. 9.
[4]) Тамъ же, стр. 10.
[5]) Тамъ же, стр. 11.
[6]) Тамъ же, стр. 17.

ченныя жалобы къ синодальному оберъ-прокурору и поручилъ Мещерскому предложить ихъ на разсмотрѣніе св. Синода [1]). Въ свою очередь, и Лука Лѣсницкій самовольно явился въ Царское Село и тамъ лично подалъ государю жалобу на притѣсненія епархіальнаго начальства. Государь, выслушавъ докладъ Голицына о положеніи, въ какомъ находилось въ то время еще перѣшенное дѣло жаловавшагося священника, приказалъ освободить Лѣсницкаго отъ обязанности возвращенія въ епархію и выразилъ желаніе, чтобы его дѣло не было предлагаемо на разсмотрѣніе св. Синода въ отсутствіе петербургскаго митрополита Михаила, что министръ и поручилъ привести въ исполненіе оберъ-прокурору Мещерскому [2]).— Стремленіе синодальной прокуратуры поставить въ непосредственную зависимость отъ себя секретарей духовныхъ консисторій оказало извѣстное вліяніе на характеръ ихъ отношеній къ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ, такъ что нѣкоторые изъ консисторскихъ секретарей, смотря на себя, какъ на представителей оберъ-прокурорской власти въ епархіальномъ управленіи, начали уже руководиться подобной точкой зрѣнія и въ своихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ преосвященнымъ. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ, еще болѣе усилившее значеніе государственной власти въ общей системѣ церковнаго управленія, также оказало свою долю вліянія на фактическія отношенія нѣкоторыхъ секретарей духовныхъ консисторій къ епархіальнымъ архіереямъ.—29 апрѣля 1818 года орловскій епископъ Іона обратился къ Голицыну съ жалобой на секретаря мѣстной консисторіи, Прутковскаго, совершенно вышедшаго изъ границъ должныхъ отношеній къ своему архіерею. „Сколько ни желательно было мнѣ побѣдить благимъ злое“, писалъ Голицыну преосвященный Іона [3]), „но все противостоитъ моимъ намѣреніямъ, и я долженъ прибѣгнуть къ помощи Вашего Сіятельства. Всѣ мои многочисленныя указанія и предписанія не исполняются, и въ канцеляріи консисторіи дѣла находятся въ непозволительномъ безпорядкѣ. Такая безпорядочность въ дѣлахъ поддерживается и распространяется самой консисторіей и особенно ея секрета-

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.
[2]) Тамъ же, стр. 41.
[3]) Архивъ св. Син. Дѣло 1818 г. № 523, стр. 2—3.

ремъ, который, злоупотребляя именемъ Вашего Сіятельства, *выдаетъ себя вторымъ равновластнымъ начальникомъ* [1]), а потому и производитъ въ консисторіи и въ цѣлой епархіи зловредное раздѣленіе, со всѣми его нежелательными послѣдствіями, и, совершенно выйдя изъ повиновенія, вопреки всѣмъ вразумленіямъ и увѣщаніямъ, исполняетъ только тѣ мои опредѣленія и резолюціи, которыя согласны съ его видами и пристрастіями". Получивъ жалобу орловскаго епископа, съ просьбою удалить изъ его епархіи секретаря Прутковскаго, министръ духовныхъ дѣлъ сообщилъ Мещерскому, что, не имѣя намѣренія оставлять Прутковскаго при настоящей должности, онъ поручаетъ синодальному оберъ-прокурору предложить секретарямъ духовныхъ консисторій, не пожелаетъ ли кто либо изъ нихъ помѣняться мѣстами съ орловскимъ секретаремъ [2]).

Передавая оберъ-прокурору самыя разнообразныя порученія по синодальному вѣдомству и требуя отъ него точнаго исполненія своихъ предписаній, министръ духовныхъ дѣлъ иногда привлекалъ Мещерскаго и къ разработкѣ проектовъ новыхъ законоположеній по управленію церковнымъ вѣдомствомъ, но, и въ подобныхъ случаяхъ, оберъ-прокуроръ не имѣлъ возможности дѣйствовать самостоятельно, а долженъ былъ только выполнять порученія своего министра.—13 апрѣля 1819 года Голицынъ, сообщивъ оберъ-прокурору, что, по случаю предстоявшихъ въ Государственномъ Совѣтѣ разсужденій объ увеличеніи штатныхъ окладовъ канцеляріи пр. Сената, государь высказался въ пользу уравненія съ сенатской канцеляріей и канцеляріи св. Синода, предписалъ Мещерскому выработать проектъ новаго штата для канцеляріи св. Синода и московской синодальной конторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ духовныхъ дѣлъ далъ Мещерскому и другое, очень важное порученіе—представить свои соображенія по вопросу о томъ, въ какихъ размѣрахъ можно увеличить жалованіе, получаемое самими членами Синода и его московской конторы [3]).

Оберъ-прокуроръ исполнилъ предписаніе Голицына и

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[3]) Архивъ св. Син. Дѣло 1818 г. № 523, стр. 1.

[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1819 г. № 348, стр. 1.

18 апрѣля 1819 года представилъ на его усмотрѣніе свой проектъ новыхъ штатовъ высшаго церковнаго учрежденія; авторъ проекта предполагалъ назначить всѣмъ членамъ Синода изъ архіереевъ, сообразно съ жалованіемъ сенаторовъ, по 4,000 рублей въ годъ, а изъ архимандритовъ, на основаніи штата 1763 года, по 3,000 рублей. Но такъ какъ архимандриты въ то время не присутствовали въ св. Синодѣ, то Мещерскій признавалъ законнымъ обратить ихъ оклады въ жалованіе царскому духовнику и оберъ-священнику, хотя, по тому же штату 1763 года, протоіереямъ и полагалось жалованія на одну треть менѣе вознагражденія, получаемаго архимандритами. Необходимость назначенія архимандритскихъ окладовъ царскому духовнику и оберъ-священнику оберъ-прокуроръ мотивировалъ тѣмъ, что труды архимандритовъ и протоіереевъ, какъ синодальныхъ членовъ, совершенно одинаковы, и протоіереи даже болѣе нуждаются въ средствахъ, чѣмъ архимандриты, такъ какъ, обремененные семействами, они не имѣютъ такихъ пособій, какія получаютъ послѣдніе отъ своихъ монастырей. Составляя требуемый министромъ планъ новыхъ штатовъ св. Синода и его канцеляріи, Мещерскій не забылъ и о матеріальномъ обезпеченіи синодальнаго оберъ-прокурора, назначивъ ему въ своемъ проектѣ, сообразно съ сенатскимъ штатомъ, вмѣсто прежнихъ 2,000 рублей въ годъ, 4.000 рублей жалованія и 2,000 рублей столовыхъ денегъ [1]). Голицынъ внесъ выработанный оберъ-прокуроромъ проектъ на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта, признавшаго его сообразнымъ съ высочайше конфирмованнымъ штатомъ Сената, и 9 іюля 1819 года государь утвердилъ представленные министромъ духовныхъ дѣлъ штаты св. Синода [2]).

Повидимому, приведенный фактъ говоритъ и о нѣкоторой самостоятельности оберъ-прокурора въ разработкѣ довольно важныхъ вопросовъ синодальнаго управленія, но въ дѣйствительности, и въ данномъ случаѣ, Мещерскій только выполнилъ порученіе министра духовныхъ дѣлъ, такъ какъ при составленіи своего проекта долженъ былъ строго сообразо-

[1]) Тамъ же, стр. 17 и слѣд.—Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV, ч. II, стр. 937—940.

[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1819 г. № 654.

ваться съ новымъ штатомъ пр. Сената, присланнымъ Голицынымъ въ качествѣ обязательнаго руководства въ предстоявшей ему работѣ.

Не всегда, однако же, синодальный оберъ-прокуроръ имѣлъ возможность оказывать извѣстное вліяніе на церковное управленіе даже и въ положеніи уполномоченнаго министра духовныхъ дѣлъ, обязаннаго выполнять его разнообразныя предписанія, такъ какъ Голицынъ нерѣдко совершенно устранялъ Мещерскаго отъ всякаго посредничества въ своихъ сношеніяхъ съ св. Синодомъ и лично отъ себя давалъ различныя предложенія высшему церковному учрежденію.—17 іюня 1818 года св. Синодъ, выслушавъ предложеніе Голицына отъ 9-го іюня, постановилъ предписать всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и настоятелямъ ставропигіальныхъ монастырей, чтобы они обязательно доносили о каждомъ происшествіи, случавшемся въ ихъ церквахъ, непосредственно самому министру духовныхъ дѣлъ. Напомнивъ Синоду объ именномъ императорскомъ указѣ отъ 21 сентября 1804 года, обязавшемъ духовное начальство принимать мѣры къ установленію въ церквахъ должнаго благочинія и о важныхъ происшествіяхъ доводить до свѣдѣнія государя, Голицынъ указалъ въ своемъ предложеніи, что впослѣдствіи, во исполненіе высочайшей воли, было предписано всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, по поводу каждаго безчинія и происшествія въ церквахъ, немедленно относиться къ нему, министру, состоявшему еще въ то время въ должности синодальнаго оберъ-прокурора. Но, со времени учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ, нѣкоторые архіереи сообщали Голицыну подобныя свѣдѣнія, а другіе по-прежнему относились съ ними къ синодальному оберъ-прокурору, что и побудило Голицына предложить св. Синоду вмѣнить въ обязанность епархіальнымъ начальствамъ доносить о происшествіяхъ въ церквахъ непосредственно самому министру духовныхъ дѣлъ [1]).—Когда, по поводу министерскихъ докладовъ о непристойныхъ происшествіяхъ, въ которыхъ нерѣдко фигурировали священно-церковно-служители, являвшіеся въ церкви въ непозволительномъ, нетрезвомъ видѣ, государь замѣтилъ, что опозорившія

[1]) Архивъ св. Син. 1818 г. № 503.—П. С. З. т. XXXV, № 27,418.

себя духовныя лица не могли, конечно, вдругъ дойти до такого нравственнаго паденія, а постепенно приводились къ нему нетрезвою жизнью, почему благочиннымъ и слѣдовало бы своевременно доносить о нихъ епархіальному начальству, то Голицынъ предложилъ св. Синоду принять указанныя имъ мѣры для предупрежденія подобныхъ явленій на будущее время. Министръ духовныхъ дѣлъ призналъ необходимымъ вновь подтвердить прежнее предписаніе, чтобы епархіальные архіереи, наблюдая величайшую осторожность въ выборѣ благочинныхъ, обращали особое вниманіе на священнослужителей, преданныхъ безобразному пороку пьянства, и всѣми мѣрами старались бы объ искорененіи подобнаго порока въ средѣ приходскаго духовенства, предавая суду и лишая духовнаго сана не исправляющихся священно-церковнослужителей. Синодъ исполнилъ предложеніе Голицына и постановилъ разослать по епархіямъ соотвѣтствующіе указы [1]).—Во время проѣзда государя чрезъ архангельскую губернію, благочинный онежскаго уѣзда Гавріилъ Львовъ, вопреки предписанію начальства, отлучился изъ Денисловскаго прихода, оставивъ тамъ одного мѣстнаго священника Варѳоломеева, а послѣдній, находясь въ нетрезвомъ состояніи, отказался, будто-бы по болѣзни, отъ служенія литургіи, хотя присутствовать на ней и выразилъ желаніе самъ императоръ Александръ. Получивъ извѣстіе о непріятномъ происшествіи, Голицынъ обратился къ архангельскому преосвященному съ запросомъ о мѣрахъ наказанія виновныхъ и, узнавъ, что Львовъ лишенъ должности благочиннаго и переведенъ изъ богатаго въ бѣдный приходъ, а священникъ Варѳоломеевъ перемѣщенъ въ бѣдный приходъ и посланъ на полгода въ монастырь, съ запрещеніемъ священнослуженія во время монастырскаго заключенія, нашелъ наказаніе виновныхъ чрезвычайно слабымъ и недостаточнымъ для удержанія ихъ отъ предосудительной жизни; кромѣ того, онъ призналъ такую мѣру наказанія несправедливою и вредною для прихожанъ, такъ какъ послѣдніе, безъ всякой вины съ своей стороны, были поставлены въ необходимость имѣть у себя порочныхъ священниковъ. Сообщивъ св. Синоду свой взглядъ на наказаніе провинившихся священнослужителей, министръ духовныхъ дѣлъ предложилъ ему

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1820 г. № 524.

внимательно отнестись къ распоряженію архангельскаго епископа, и Синодъ, вытребовавъ предварительно самыя подробныя свѣдѣнія о происшествіи, также признавъ наказанія, наложенныя епархіальнымъ архіереемъ на виновныхъ священниковъ, не соотвѣтствовавшими важности ихъ проступковъ и постановилъ лишить священства какъ Львова, такъ и Варѳоломеева и опредѣлить ихъ на причетническія мѣста [1]).

Не смотря на громадное вліяніе, какое имѣлъ возможность оказывать на церковное управленіе министръ духовныхъ дѣлъ чрезъ подчиненнаго ему синодальнаго оберъ-прокурора или же путемъ непосредственныхъ предложеній св. Синоду, высшее духовенство, по всей вѣроятности, должно было бы по необходимости окончательно примириться съ установившимися отношеніями представителя государственной власти къ церковной жизни, такъ какъ Голицынъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Александра. Но увлеченіе министра духовныхъ дѣлъ господствовавшимъ въ то время мистицизмомъ,—увлеченіе, постепенно усиливавшееся и начавшее принимать характеръ и направленіе, нежелательные для интересовъ церкви, дало возможность наиболѣе усердным и смѣлымъ ревнителямъ православія изъ среды духовенства, въ значительной степени, подорвать безграничное довѣріе государя къ могущественному Голицыну [2]), а затѣмъ, при содѣйствіи временщика Аракчеева, добиться и совершеннаго увольненія Голицына отъ должности министра духовныхъ дѣлъ.

15 мая 1824 года пр. Сенату былъ данъ именной императорскій указъ, рѣшившій судьбу министерства духовныхъ дѣлъ. „Снисходя на прошеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, д. т. с. кн. Голицына“, писалъ въ своемъ указѣ императоръ Александръ [3]), „всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленія сими двумя министерствами, оставляя его главноуправляющимъ надъ почтовымъ департаментомъ“. Назначенному на мѣсто Голицына, новому министру народнаго просвѣщенія, адмиралу Шишкову, тѣмъ же императорскимъ указомъ, было поручено главное управленіе

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1820 г. № 672.
[2]) См. цитированное соч. Чистовича. Стр. 153–238
[3]) Архивъ св. Син. Дѣло 1824 г. № 466.

духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій на основаніи манифеста 25 іюля 1810 года, но вѣдомство православнаго исповѣданія, съ увольненіемъ Голицына, уже не перешло въ вѣдѣніе новаго министра, а было поставлено въ то же положеніе, въ какомъ оно находилось до учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ. „Назначивъ особаго министра народнаго просвѣщенія", писалъ государь въ своемъ указѣ св. Синоду отъ 15 мая 1824 года [1]), „повелѣваемъ: дѣламъ св. пр. Синода... имѣть то же теченіе, въ какомъ они находились до учрежденія министерства 24 октября 1817 года".

Хотя именной императорскій указъ отъ 15 мая 1824 года и возстановлялъ прежній порядокъ управленія синодальнымъ вѣдомствомъ, имѣвшій мѣсто до 24 октября 1817 года, но непродолжительно существовавшее министерство духовныхъ дѣлъ оказало, однако же, настолько сильное вліяніе на фактическое положеніе представителя государственной власти въ св. Синодѣ, что, послѣ увольненія Голицына, значительная часть его министерскихъ правъ и преимуществъ была перенесена на синодальнаго оберъ-прокурора.

Необходимо замѣтить, что не смотря на уничтоженіе министерства, правительство сохранило первое отдѣленіе департамента духовныхъ дѣлъ, гдѣ сосредоточивались всѣ синодальныя дѣла, поступавшія на усмотрѣніе и распоряженіе министра, и высочайшимъ указомъ, даннымъ 15 мая 1824 года на имя комитета министровъ, поручило его вѣдѣнію оберъ-прокурора св. Синода [2]). „Что касается до перваго отдѣленія бывшаго департамента духовныхъ дѣлъ", писалъ Мещерскому гр. Аракчеевъ по поводу происшедшихъ перемѣнъ въ управленіи синодальнымъ вѣдомствомъ [3]), „то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы оное оставалось въ настоящемъ его положеніи подъ именемъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ грекороссійскаго исповѣданія при оберъ-прокурорѣ св. Синода, а опредѣленія, увольненія и награды чиновниковъ отдѣленія производимы были на правилахъ *общаго мини-*

---

[1]) П. С. З. т. XXXIX, № 29,914.
[2]) Тамъ же, № 30,037, стр. 491.
[3]) Тамъ же, стр. 492.

стерствъ учрежденія". А такъ какъ въ 1 отдѣленіи департамента духовныхъ дѣлъ сосредоточивалась вся министерская дѣятельность Голицына по отношенію къ синодальному вѣдомству [1]), то и передача отдѣленія въ вѣдѣніе оберъ-прокурора фактически ставила Мещерскаго почти въ такія же отношенія къ св. Синоду, въ какихъ находился къ нему министръ духовныхъ дѣлъ.

Сохранивъ главное отдѣленіе министерскаго департамента и передавъ его въ распоряженіе синодальнаго оберъ-прокурора, правительство надѣлило Мещерскаго и наиболѣе важнымъ министерскимъ правомъ—правомъ непосредственныхъ сношеній съ верховною властью по дѣламъ своего вѣдомства.—17 іюня 1824 года гр. Аракчеевъ сообщилъ Мещерскому очень важное распоряженіе государя, касавшееся сношеній синодальнаго оберъ-прокурора съ верховною властью по дѣламъ высшаго церковнаго учрежденія. „Его Величество", писалъ Аракчеевъ, „повелѣлъ мнѣ объявить вамъ Высочайшую волю, чтобы вы дѣла св. Синода, подлежащія Высочайшему разрѣшенію и разсмотрѣнію, присылали всегда къ Его Императорскому Величеству въ запечатанныхъ кувертахъ съ слѣдующею надписью: „Его Императорскому Величеству—отъ оберъ-прокурора св. Синода—дѣла св. Синода—въ собственныя руки" [2])

Установленный государемъ опредѣленный порядокъ сношеній синодальнаго оберъ-прокурора съ верховною властью сохранилъ свое существованіе и при преемникѣ Александра, императорѣ Николаѣ I; представляя новому императору свой первый всеподданнѣйшій докладъ по дѣламъ св. Синода, оберъ-прокуроръ Мещерскій нашелъ нужнымъ указать въ немъ на различные способы представленій государю синодальныхъ докладовъ, существовавшіе при Александрѣ Павловичѣ, и, упомянувъ о послѣднемъ высочайшемъ распоряженіи, объявленномъ гр. Аракчеевымъ, пожелалъ узнать, какого порядка, по мнѣнію государя, слѣдуетъ придерживаться ему на будущее время въ своихъ сношеніяхъ съ верховною властью? „Сохра-

---

[1]) II. С. З. т. XXXIV, № 27,106, §§ 9 и 10.

[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1824 г. № 660.

нить тотъ же послѣдній порядокъ", написалъ императоръ Николай въ своей резолюціи на оберъ-прокурорскомъ докладѣ [1]).

Съ вступленіемъ на престолъ императора Николая I, взгляды правительства на положеніе св. Синода и его оберъ-прокуроровъ въ области церковнаго управленія,—взгляды, составлявшіе главную основу, почву, на которой создавался и вырабатывался характеръ отношеній представителей прокуратуры къ высшему церковному учрежденію, не сдѣлались болѣе благопріятными для интересовъ св. Синода. Воспитанный въ духѣ суровой военной дисциплины и называвшій всю систему государственнаго управленія характернымъ военнымъ терминомъ команды, императоръ Николай, торжественно провозгласившій самодержавіе однимъ изъ основныхъ принциповъ своей внутренней и внѣшней политики, стремился подчинить всѣ отрасли государственной, общественной и духовной жизни русскаго народа тяжелой опекѣ сильной и крѣпкой правительственной власти, не оставлявшей должнаго мѣста свободнымъ проявленіямъ общественной и индивидуальной самодѣятельности. Результатомъ подобныхъ стремленій государя, всего выше цѣнившаго внѣшній порядокъ въ управленіи и желавшаго видѣть въ каждомъ органѣ правительственной власти сильное и властное начальство, стоящее на высотѣ своего положенія, явилось крайнее развитіе всемогущей бюрократіи, подчинившей себѣ всѣ стороны государственной и народной жизни. По словамъ довольно удачной характеристики дореформеннаго строя государственнаго управленія, принадлежащей извѣстному публицисту Каткову, бюрократія во время царствованія Николая составляла „все во всемъ"; характеризуя, между прочимъ, положеніе церкви и церковнаго управленія въ Николаевское тридцатилѣтіе, онъ находилъ даже возможнымъ утверждать, что въ то время не существовало церковнаго управленія, а вмѣсто него была бюрократія. Конечно, мы не можемъ согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ и не будемъ отрицать существованія церковнаго управленія въ

---

[1]) Архивъ канцеляріи об.-прок. св. Син. „Высочайшіе указы и повелѣнія», 1822, 1824—1826 гг.

Николаевское царствованіе только потому, что въ то время всѣ сферы государственной, общественной и духовной жизни русскаго народа должны были испытывать на себѣ тяжелую опеку всесильной бюрократіи, но, во всякомъ случаѣ, приведенное замѣчаніе заключаетъ въ себѣ ту вѣрную мысль, что непомѣрное развитіе бюрократической системы не осталось безъ значительнаго вліянія и на церковное управленіе.

Передача въ вѣдѣніе синодальнаго оберъ-прокурора перваго отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ, съ простымъ переименованіемъ его въ „отдѣленіе духовныхъ дѣлъ грекороссійскаго исповѣданія при оберъ-прокурорѣ св. Синода“, и предоставленіе ему права непосредственныхъ сношеній съ верховною властью по дѣламъ высшаго церковнаго учрежденія, ставили Мещерскаго въ условія, чрезвычайно благопріятныя для дальнѣйшаго развитія вліянія прокуратуры на синодальное управленіе, и фактически создавали для него положеніе, уже въ значительной степени приближавшееся къ положенію бывшаго министра духовныхъ дѣлъ, кн. Голицына.

И нужно замѣтить, что даже само правительство нерѣдко оффиціально, хотя и не прямо, а косвеннымъ образомъ, приравнивало права и обязанности синодальнаго оберъ-прокурора къ полномочіямъ министровъ различныхъ вѣдомствъ и возлагало на Мещерскаго разнообразныя порученія, позволявшія ему проводить нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія въ жизнь духовнаго вѣдомства безъ всякаго содѣйствія св. Синода.—21 августа 1827 года оберъ-прокуроръ предложилъ св. Синоду, для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія, копію съ выписки изъ журнала комитета министровъ, гдѣ была изложена воля государя, чтобы *министры* наблюдали за исполненіемъ императорскихъ распоряженій и требовали своевременныхъ донесеній объ ихъ выполненіи отъ всѣхъ лицъ и учрежденій, получавшихъ высочайшія повелѣнія [1]).— 25 ноября 1827 года статсъ-секретарь Муравьевъ сообщилъ оберъ-прокурору Мещерскому, что въ нѣкоторыхъ изъ представленныхъ *министрами* вѣдомостей не обозначено, чрезъ

---

[1]) Канцелярія об.-прок. св. Син. Дѣло 1827 г. (16 авг.) № 1, стр. 3.

кого были объявлены извѣстнымъ учрежденіямъ различные высочайшіе указы, и рекомендовалъ ему обязательно доставлять подобныя свѣдѣнія [1]). Очевидно, что въ данныхъ случаяхъ правительство не выдѣляло синодальнаго оберъ-прокурора изъ числа главноуправляющихъ отдѣльными вѣдомствами и приравнивало его полномочія къ правамъ и обязанностямъ министровъ.

Въ маѣ 1826 года, чрезъ статсъ-секретаря Муравьева, оберъ-прокурору Мещерскому было объявлено высочайшее повелѣніе о составленіи новыхъ штатовъ по духовному вѣдомству, вслѣдствіе чего 11 декабря того же года Мещерскій представилъ государю свой первый проектъ требуемыхъ штатовъ. Но такъ какъ въ скоромъ времени, чрезъ комитетъ министровъ, послѣдовало распоряженіе верховной власти, чтобы штаты различныхъ вѣдомствъ были составлены сообразно съ новымъ положеніемъ о канцелярскихъ служителяхъ, то представленный государю проектъ былъ возвращенъ Мещерскому для необходимой переработки, и 3 декабря 1827 года императоръ получилъ отъ оберъ-прокурора переработанный планъ общихъ штатовъ, какъ по главнымъ центральнымъ учрежденіямъ духовнаго вѣдомства, такъ и по различнымъ мѣстамъ епархіальнаго управленія. Выпискою изъ журналовъ комитета министровъ отъ 28 декабря 1828 года и 5 января 1829 года Мещерскій былъ поставленъ въ извѣстность, что, по высочайшему повелѣнію, новые штаты въ самомъ непродолжительномъ времени должны быть внесены *министрами* въ Государственный Совѣтъ [2]).—Нельзя не видѣть, что, въ данномъ случаѣ, правительство не только приравнивало синодальнаго оберъ-прокурора къ министрамъ другихъ вѣдомствъ, но и пользовалось имъ, какъ самостоятельнымъ органомъ государственной власти въ церковномъ управленіи, для проведенія желательныхъ преобразованій въ жизнь духовнаго вѣдомства безъ ближайшаго участія св. Синода.

---

[1]) Тамъ же, стр. 17.

[2]) Архивъ канцел. об.-пр. св. Син. Высочайшіе указы и повел. 1829 г. Докладъ Мещерскаго отъ 26 генв. 1829 г.

Интересно однако, что и теперь, когда оберъ-прокуроръ, какъ фактическій преемникъ значительной части правъ и полномочій министра духовныхъ дѣлъ, получилъ возможность подчинить своему сильному вліянію всю систему церковнаго управленія, въ св. Синодѣ могли еще иногда имѣть мѣсто и старыя явленія, обусловливавшіяся стремленіями синодальныхъ членовъ руководиться при рѣшеніи дѣлъ собственными соображеніями, а не взглядами прокуратуры —Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 13 апрѣля 1829 года Мещерскій писалъ, что по дѣлу, возбужденному „просьбою генералъ-адъютанта Клейнмихеля о дозволеніи ему вступить въ бракъ съ двоюродною сестрой его бывшей жены", синодальные члены высказали различныя мнѣнія и, не смотря на всѣ настойчивыя предложенія оберъ-прокурора, не пришли къ единогласному рѣшенію. Докладывая государю о разногласіи членовъ св. Синода по вопросу, возбужденному прошеніемъ Клейнмихеля, Мещерскій заявилъ, что онъ, съ своей стороны, считаетъ совершенно правильнымъ мнѣніе митрополитовъ новгородскаго и московскаго и епископа курскаго, признавшихъ невозможнымъ удовлетвореніе разсмотрѣній просьбы генералъ-адъютанта. Императоръ Николай Павловичъ остался чрезвычайно недоволенъ недостаточно энергичными дѣйствіями представителя государственной власти по отношенію къ высшему церковному учрежденію и рѣшительно заявилъ въ своей резолюціи, что оберъ-прокуроръ обязанъ употребить всѣ находящіяся въ его распоряженія средства, чтобы побудить Синодъ придти къ опредѣленному и законному рѣшенію затронутаго вопроса. „Въ догматахъ вѣры разногласія быть не можетъ и не должно", написалъ государь на всеподданнѣйшемъ докладѣ синодальнаго оберъ-прокурора [1]), „посему подобнаго представленія принять не могу отъ высшаго духовнаго мѣста въ государствѣ. *Вамъ*, какъ блюстителю законовъ, *должно вразумить членамъ Синода* [2]) и, когда положится общее единогласное мнѣніе, основанное не на умствованіяхъ и толкованіяхъ, а на точномъ смыслѣ догматовъ, тогда мнѣ

---

[1]) Архивъ канцел. об.-пр. св. Син. Высоч. указы и повел. 1829 г. Докладъ об.-прок. отъ 13 апр. 1829 г.

[2]) Курсивъ нашъ.

оное представлять. Симъ дѣломъ заняться немедля, ибо впредь строго вамъ запрещаю входить съ подобнымъ докладомъ, который совершенно выходитъ изъ всякаго приличія". Высочайшая резолюція была предложена на обсужденіе полнаго собранія синодальныхъ членовъ, и хотя св. Синодъ постановилъ признать невозможнымъ удовлетвореніе просьбы Клейнмихеля, однако же одинъ изъ его членовъ, протопресвитеръ Криницкій, отказался подписать синодальный протоколъ, потребовавъ нѣсколько дней для размышленія [1]).

Не менѣе интереса представляетъ для насъ и другое обстоятельство, являющееся своего рода пережиткомъ, отголоскомъ прежнихъ обычныхъ взаимныхъ отношеній верховной власти и членовъ высшаго церковнаго учрежденія; мы разумѣемъ частные, единичные случаи непосредственныхъ сношеній съ государемъ петербургскаго митрополита Серафима, однажды получившаго возможность оправдать въ глазахъ императора законность синодальнаго постановленія, представленнаго въ оберъ-прокурорскомъ докладѣ неудобнымъ и не вполнѣ справедливымъ распоряженіемъ, а въ другой разъ объявившаго св. Синоду высочайшую волю о перемѣщеніи архіереевъ.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 10 декабря 1827 года оберъ-прокуроръ Мещерскій сообщилъ государю, что городовой секретарь Повалошвейковскій испрашиваетъ высочайшей милости—утвердить его бракъ съ дочерью помѣщика Евфросиньею Ваулиною, такъ какъ Синодъ, расторгнувъ данный бракъ, по причинѣ родства незаконныхъ супруговъ, поставилъ въ самое несчастное положеніе пятерыхъ дѣтей, прижитыхъ отъ неосмотрительно совершеннаго брака. Николай Павловичъ, подъ вліяніемъ Мещерскаго, повидимому, нашелъ возможнымъ удовлетворить просьбу Повалошвейковскаго и написалъ на оберъ-прокурорскомъ докладѣ: „бракъ расторгать, когда онъ дозволенъ былъ духовнымъ начальствомъ, я не признаю ни справедливымъ, ни удоб-

---

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. указы и пов. 1829 г. Докладъ Мещерскаго отъ 20 апр. 1829 г.

нымъ“ [1]). Но синодальные члены, обсуждая высочайшую резолюцію, признали необходимымъ, для оправданія законности своего постановленія, представить государю точную и обстоятельную справку о дѣлѣ городового секретаря и поручили исполненіе общаго рѣшенія митрополиту Серафиму. 20 декабря 1827 года Серафимъ представилъ отъ себя непосредственно самому императору подробную записку обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла Новалошвейковскаго и стремился доказать въ ней, что постановленіе Синода, расторгнувшаго бракъ, было вполнѣ законно, такъ какъ духовное начальство разрѣшило совершеніе брака подъ условіемъ соблюденія установленныхъ предосторожностей, что, однако же, вслѣдствіе ложныхъ показаній жениха и свидѣтелей, не предупредило заключенія незаконнаго брачнаго союза. Донесеніе митрополита Серафима совершенно измѣнило, вызванный оберъ-прокурорскимъ докладомъ, взглядъ государя на постановленіе св. Синода и даже повело за собою строгое замѣчаніе императора по адресу самого Мещерскаго. „Если бъ въ запискѣ, мнѣ представленной“, написалъ Николай Павловичъ на донесеніи Серафима [2]), „дѣло было столь же ясно изложено, какъ здѣсь: то я бы не остановился согласиться со мнѣніемъ свят. Синода;—впредь г. оберъ-прокурору быть осмотрительнѣе въ отправленіи своей должности; и когда бываетъ въ недоумѣніи, спрашивать моего разрѣшенія“.

Какъ ни прочно установился уже въ разсматриваемое время строго опредѣленный порядокъ сношеній верховной власти съ высшимъ органомъ церковнаго управленія чрезъ посредство синодальнаго оберъ прокурора, однако и при кн. Мещерскомъ имѣли еще мѣсто единичные случаи объявленія св. Синоду высочайшихъ указовъ самими же членами высшаго церковнаго учрежденія. „Митрополитъ Серафимъ“, писалъ, напримѣръ, Мещерскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ

---

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. ук. и пов. 1827 г. Докладъ оберъ-прокур. отъ. 10 дек. 1827 г.

[2]) Тамъ же. Донесеніе митроп. Серафима отъ 20 дек. 1827 г.

докладѣ отъ 16 апрѣля 1828 года [1]), „объявилъ св. Синоду Высочайшую волю о переводѣ пермскаго епископа Діонисія въ другую епархію и о назначеніи на мѣсто его другого архіерея съ бо́льшею твердостью".

Но необходимо замѣтить, что такого рода факты изъ области отношеній св. Синода къ своему оберъ-прокурору и къ самой верховной власти теперь, при кн. Мещерскомъ, представляли собою крайне рѣдкія, исключительныя явленія, почти совершенно не парализовавшія возраставшаго вліянія прокуратуры на церковное управленіе.

Развитіе оберъ-прокурорской власти, соединявшееся съ осложненіемъ обязанностей прокуратуры, побудило Мещерскаго возстановить временно существовавшую при Екатеринѣ II должность спеціальнаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, но въ скоромъ времени, не смотря на самую усердную дѣятельность своего новаго помощника, Мещерскій пришелъ къ убѣжденію въ крайней недостаточности той помощи, какую могъ оказать ему единственный чиновникъ, опредѣленный за оберъ-прокурорскій столъ, и 5 іюля 1830 года представилъ государю докладъ о необходимости назначенія въ непосредственное распоряженіе синодальнаго оберъ-прокурора второго спеціальнаго чиновника. Указавъ государю на трудность и сложность оберъ-прокурорскихъ обязанностей, Мещерскій писалъ въ своемъ докладѣ отъ 5 іюля 1830 года, что, изыскивая всевозможныя средства къ болѣе успѣшному выполненію возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости имѣть въ своемъ распоряженіи еще второго помощника, въ лицѣ товарища особаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Законность своего желанія онъ обосновывалъ на томъ, что въ пр. Сенатѣ не только при каждомъ департаментѣ, но и при каждомъ отдѣленіи департаментовъ полагалось по два штатныхъ чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ; „между тѣмъ", писалъ Мещерскій, „при разнообразіи и множествѣ занятій Синода, его оберъ-прокуроръ,... дѣйствующій со времени Петра Великаго по одной инструкціи съ генералъ-прокуроромъ, наблюдающій за всѣми духов-

---

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. ук. и пов. 1828 г.

ными присутственными мѣстами въ государствѣ и поставленный въ отношенія къ высочайшей власти совершенно отличныя отъ сенатскихъ оберъ-прокуроровъ, гораздо больше имѣетъ нужды въ способныхъ помощникахъ еще и потому, что духовное управленіе необходимо требуетъ особой предварительной подготовки отъ лицъ, участвующихъ въ немъ“ [1]).

Повидимому, ничего не могло быть естественнѣе стремленія Мещерскаго къ увеличенію наличнаго чиновничьяго персонала, находившагося въ непосредственномъ распоряженіи синодальнаго оберъ-прокурора, такъ какъ сильно осложнившіяся обязанности представителя государственной власти въ церковномъ управленіи теперь уже не могли успѣшно выполняться безъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ организаціи или самой прокуратуры, или же высшаго, центральнаго учрежденія духовнаго вѣдомства. Но докладъ Мещерскаго не встрѣтилъ никакого сочувствія со стороны государя, замѣтившаго въ своей резолюціи, что „должно уменьшать, а не прибавлять число чиновниковъ“ [2]), и прокуратура должна была изыскать другія средства, чтобы имѣть возможность легче и удобнѣе выполнять свои многосложныя обязанности. Такія средства и были найдены ею въ образованіи новыхъ, не существовавшихъ ранѣе при св. Синодѣ, центральныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ различными отраслями церковнаго управленія и непосредственно подчиненныхъ синодальному оберъ-прокурору. Значительныя измѣненія въ организаціи центральнаго церковнаго управленія, окончательно упрочившія новое положеніе представителя государственной власти въ духовномъ вѣдомствѣ, послѣдовали, однако же, не при самомъ Мещерскомъ, принужденномъ въ послѣдніе годы своей синодальной службы, по семейнымъ обстоятельствамъ, довольно часто уклоняться отъ непосредственнаго завѣдыванія оберъ-прокурорскими дѣлами [3]), а при его ближайшихъ преемникахъ.

Увольненіе Мещерскаго отъ должности синодальнаго

---

[1]) Тамъ же Высоч. повелѣнія 1830 г., стр. 198—200.

[2]) Тамъ же.

[3]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 13,382.—Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1832 г., 2-я полов., стр. 1,090 и 1,188.

оберъ-прокурора состоялось 2 апрѣля 1833 года. 10 же апрѣля св. Синодъ выслушалъ сенатское вѣдѣніе о совершившемся фактѣ. „Оберъ-прокурора св. Синода, т. с. кн. Мещерскаго“, писалось въ именномъ императорскомъ указѣ, данномъ Сенату 2 апрѣля 1833 года, „согласно принесенной Намъ просьбѣ, Всемилостивѣйше увольняя отъ сей должности, повелѣваемъ присутствовать ему въ пр. Сенатѣ,... съ сохраненіемъ... тѣхъ окладовъ, какіе онъ получалъ по званію оберъ-прокурора св. Синода изъ государственнаго казначейства“ [1]).

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1833 г. № 330.

ГЛАВА III.

Одновременно съ увольненіемъ Мещерскаго отъ синодальной службы послѣдовало и высочайшее назначеніе оберъ-прокуроромъ св. Синода д. с. с. Степана Димитріевича Нечаева. 10 апрѣля 1833 года св. Синоду былъ сообщенъ именной императорскій указъ о назначеніи новаго представителя государственной власти въ высшее церковное учрежденіе,—указъ, данный пр. Сенату 2 апрѣля того же года. „Члену коммиссіи духовныхъ училищъ, состоящему за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. Синодѣ, д. с. с. Нечаеву", писалъ въ своемъ указѣ императоръ Николай [1]), „повелѣваемъ быть оберъ-прокуроромъ св. Синода, на томъ самомъ основаніи, какъ былъ предмѣстникъ его, т. с. кн. Мещерскій, съ производствомъ... всѣхъ окладовъ, кои штатомъ присвоены званію оберъ-прокурора св. Синода".

Нечаевъ вступилъ въ отправленіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей уже въ достаточной степени подготовленнымъ къ своей новой службѣ, такъ какъ, состоя съ 1 декабря 1828 года чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. Синодѣ, онъ имѣлъ возможность, во время частыхъ и иногда довольно продолжительныхъ отлучекъ Мещерскаго изъ Петербурга, нѣсколько разъ оффиціально исполнять обязанности синодальнаго оберъ-прокурора [2]) и успѣлъ пріобрѣсти до-

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1833 г. № 329.

[2]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 13,382.—Архивъ канцел... Высоч. повелѣнія 1832 г., 2-я пол., стр. 1090, 1188 и др.

вольно значительное вліяніе на церковное управленіе [1]). Располагая достаточною опытностію въ исполненіи спеціальныхъ обязанностей представителя государственной власти въ высшемъ церковномъ учрежденіи и умѣло пользуясь преимуществами своего положенія, созданными предшествовавшею исторіей прокуратуры, Нечаевъ, не смотря на кратковременное пребываніе въ должности синодальнаго оберъ-прокурора, успѣлъ оказать довольно важныя услуги интересамъ оберъ-прокурорской власти и въ значительной степени усилилъ ея вліяніе на разнообразныя стороны церковной жизни.

Предшественники Нечаева, окончательно закрѣпившіе за прокуратурой исключительное право непосредственныхъ сношеній съ верховною властью по дѣламъ духовнаго вѣдомства, поставили синодальнаго оберъ-прокурора въ такое положеніе, что онъ иногда имѣлъ возможность составлять различные императорскіе рескрипты и указы и, за высочайшею подписью, отсылать ихъ по принадлежности. Представивъ, въ первые же дни своей оберъ-прокурорской службы, одинъ изъ такихъ рескриптовъ на утвержденіе государя и получивъ его обратно съ надлежащею высочайшею подписью для доставленія по принадлежности, Нечаевъ заявилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 8 апрѣля 1833 года, что порядокъ, соблюдающійся въ аналогичныхъ случаяхъ по другимъ вѣдомствамъ, и самое приличіе требуютъ разсылки подобныхъ указовъ и рескриптовъ за именною императорскою печатью. „Такой печати“, писалъ оберъ-прокуроръ [2]), „не было исходатайствовано моимъ предмѣстникомъ, кн. Мещерскимъ. Я считаю обязанностью, какъ для настоящаго случая, такъ и для могущихъ быть впредь разсылокъ именныхъ указовъ и рескриптовъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ,... испрашивать у Вашего Величества повелѣнія снабдить меня императорскою печатью изъ Кабинета“. Желаніе Нечаева было удовлетворено, и синодальный оберъ-прокуроръ получилъ въ свое распоряженіе императорскую печать [3]).

---

[1]) Переписка Филарета митр. московскаго съ С. Д. Нечаевымъ, стр. 1—110.

[2]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1833 г. 1-я пол., стр. 237—238.

[3]) Тамъ же.

Еще при кн. Мещерскомъ, когда, во время его отсутствія, Нечаевъ исполнялъ оберъ-прокурорскія обязанности, имъ былъ представленъ на усмотрѣніе государя докладъ о недостаткѣ канцелярскихъ чиновниковъ въ столичныхъ учрежденіяхъ синодальнаго вѣдомства и о предположеніяхъ, сдѣланныхъ по данному вопросу въ св. Синодѣ. Хотя императоръ Николай, какъ мы видѣли, и замѣтилъ на одномъ изъ оберъ-прокурорскихъ докладовъ Мещерскаго, что „должно уменьшать, а не прибавлять число чиновниковъ", но представленіе Нечаева не встрѣтило принципіальнаго несочувствія верховной власти, и государь не отвергнулъ самой необходимости увеличенія штатовъ. Сдѣлавшись оберъ-прокуроромъ св. Синода, Нечаевъ 17 іюня 1833 года вновь подалъ государю докладъ объ увеличеніи штатовъ, гдѣ, между прочимъ, проектировалось назначить оберъ-прокурору 8,000 рублей годового жалованія, и успѣлъ достигнуть довольно благопріятныхъ результатовъ, получивъ приказаніе передать проектъ министру финансовъ [1]). „М. Ф.", написалъ императоръ Николай на докладѣ Нечаева [2]), „съ тѣмъ, что ежели не найдетъ въ семъ затрудненія, внесено было въ будущую смѣту".—24 февраля 1834 года оберъ-прокуроръ доложилъ государю, что министръ финансовъ не нашелъ никакихъ препятствій къ удовлетворенію нуждъ церковнаго управленія и сообщилъ ему, что требуемая новыми штатами добавочная сумма внесена въ смѣту расходовъ по духовному вѣдомству на 1834 годъ [3]).

Измѣненіе штатовъ синодальнаго вѣдомства, устранявшее недостатокъ чиновничьяго персонала въ центральныхъ церковныхъ учрежденіяхъ, по мнѣнію Нечаева, было еще далеко недостаточно для полнаго упорядоченія дѣятельности церковныхъ учрежденій съ ихъ канцеляріями и могло повести за собою желательную быстроту и точность канцелярскаго дѣлопроизводства только подъ условіемъ самого ближайшаго и строгаго надзора прокуратуры за служебными занятіями всего чиновничьяго персонала. Желаніе облегчить прокуратурѣ возможность такого надзора за дѣятельностью многочисленныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 489—491.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же. Высоч. повел. 1833 г. 2-я пол., стр. 177—179.

чиновниковъ, служившихъ въ различныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства, и побудило Нечаева обратиться къ государю съ интереснымъ проектомъ устройства казенной квартиры для синодальнаго оберъ-прокурора въ самомъ зданіи св. Синода.

Изъ трехъ канцелярій, состоящихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ синодальнаго оберъ-прокурора, писалъ Нечаевъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 1 іюля 1833 года [1]), каждая, по важности и количеству занятій, а также и по числу чиновниковъ, можетъ быть сравнена съ министерскими департаментами. Множество дѣлъ, поступающихъ въ св. Синодъ, ихъ крайнее разнообразіе, строго соблюдаемый коллегіальный порядокъ въ производствѣ дѣлъ, вызывающій двойной или тройной другъ для канцелярій, при весьма ограниченныхъ окладахъ, по словамъ оберъ-прокурора, съ давнихъ временъ лишали канцеляріи духовнаго вѣдомства всякой возможности имѣть у себя хорошихъ и опытныхъ чиновниковъ, такъ какъ бѣдности содержанія соотвѣтствовали и личныя качества чиновничьяго персонала, за которымъ необходимъ строжайшій и самый близкій надзоръ главнаго начальства. „А для сего“, писалъ Нечаевъ, „весьма было бы полезно дать оберъ-прокурору совокупное помѣщеніе съ присутствіемъ и канцеляріей Синода, такъ какъ временныя посѣщенія его, какъ бы часты они ни были, не могутъ внушить той точности и осторожности въ дѣйствіяхъ чиновниковъ“, какія необходимы въ интересахъ духовнаго вѣдомства. Въ томъ же синодальномъ зданіи оберъ-прокуроръ проектировалъ помѣстить и отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія. Хотя проектъ Нечаева и потерпѣлъ неудачу, такъ какъ государь призналъ неудобнымъ устройство частной квартиры въ зданіи св. Синода, но самое стремленіе прокуратуры сдѣлать фактически возможнымъ для себя постоянный надзоръ за дѣятельностью всѣхъ трехъ своеобразныхъ департаментовъ духовнаго вѣдомства, т. е. синодальной канцеляріи, отдѣленія духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія и коммиссіи духовныхъ училищъ, встрѣтило сочув-

[1]) Тамъ же, стр. 542—546.

ствіе верховной власти. „Согласенъ“, написалъ императоръ на докладѣ Нечаева, „кромѣ квартиры для оберъ-прокурора, ибо сіе вовсе неудобно въ таковомъ зданіи“ [1]).

Въ ряду разнообразныхъ мѣропріятій, предпринимавшихся Нечаевымъ для упорядоченія дѣятельности центральныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства и, въ то же время, оказывавшихъ извѣстныя услуги усиленію оберъ-прокурорскаго вліянія на церковное управленіе, наиболѣе важное значеніе имѣла организація на новыхъ началахъ системы контролированія подчиненныхъ св. Синоду мѣстъ и лицъ въ распоряженіи денежными суммами духовнаго вѣдомства.

Положеніемъ комитета министровъ, высочайше утвержденнымъ 5 сентября 1833 года, министерство финансовъ было устранено „отъ разсмотрѣнія и разрѣшенія обстоятельствъ и вопросовъ, открывавшихся въ казенныхъ палатахъ по отчетности неподвѣдомственныхъ ему учрежденій“, и обязанности контроля были возложены „на прочія министерства и управленія, по подчиненности мѣстъ и лицъ, безъ всякаго изъятія изъ этого правила“ [2]). Общее правительственное распоряженіе доставило Нечаеву достаточныя основанія поставить въ непосредственную зависимость отъ синодальнаго оберъ-прокурора контролированіе финансовыхъ распоряженій всѣхъ учрежденій и лицъ, подчиненныхъ высшему органу церковнаго управленія, и мнѣніями Государственнаго Совѣта, высочайше одобренными 20 [3]) и 29 [4]) декабря 1833 года, были введены въ дѣйствіе новыя правила отчетности по вѣдомству св. Синода и организованъ при отдѣленіи духовныхъ дѣлъ особый контроль, какъ самостоятельное учрежденіе, подчиненное не самому св. Синоду, а его оберъ-прокурору. Высшій органъ церковнаго управленія долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ и, когда Нечаевъ предложилъ на его разсмотрѣніе состоявшееся уже правительственное распоряженіе объ учрежденіи контроля при отдѣленіи духовныхъ дѣлъ, опредѣлилъ „предоставить синодальному оберъ-проку-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1833 г. № 998, стр. 2.
[3]) 2-е П. С. З. т. VIII, отд. I, № 6,657.
[4]) Тамъ же, № 6,681.

рору разрѣшеніе обстоятельствъ и вопросовъ, могущихъ открыться въ казенныхъ палатахъ по отчетности мѣстъ и лицъ, подлежащихъ вѣдомству св. Синода“ [1]).

Съ учрежденіемъ особаго контроля, переданнаго въ непосредственное завѣдываніе прокуратуры, Нечаевъ получилъ возможность въ значительной степени усилить наблюденіе государственной власти надъ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ церковнаго управленія и распространить на нѣкоторыя отрасли церковнаго и монастырскаго хозяйства болѣе строгія правила отчетности. — Высочайше утвержденныя правила 29 декабря 1833 года, писалъ оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи св. Синоду отъ 27 марта 1835 года [2]), сдѣлали обязательною для мѣстъ и лицъ синодальнаго вѣдомства такую отчетность, отъ которой многія изъ нихъ были свободны до 1834 года. А такъ какъ, по мнѣнію Нечаева, точное исполненіе новыхъ обязанностей, особенно относительно нѣкоторыхъ монастырей и церквей, было возможно въ первое время только подъ условіемъ внимательнаго наблюденія и даже руководства со стороны ближайшаго начальства дѣятельностью подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ, то оберъ-прокуроръ и предложилъ св. Синоду предписать всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они смотрѣли на доставленіе въ опредѣленныя мѣста, къ назначенному сроку, установленныхъ отчетовъ для ревизіи, какъ на одну изъ важнѣйшихъ обязанностей духовенства, и обращали бы особенное вниманіе на состояніе отчетности въ своихъ епархіяхъ, принимая надлежащія мѣры къ немедленному исправленію замѣчаемыхъ упущеній въ денежныхъ отчетахъ различныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ духовнаго вѣдомства. Синодъ исполнилъ оберъ-прокурорское предложеніе и разослалъ по епархіямъ соотвѣтствующіе указы [3]), хотя, въ данномъ случаѣ, взгляды и стремленія Нечаева далеко не гармонировали съ воззрѣніями самого высшаго церковнаго учрежденія и всего менѣе отвѣчали его собственнымъ интересамъ.

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1833 г. № 998, стр. 24.
[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1835 г. № 451.
[3]) Тамъ же.

Какъ въ дѣйствительности относились представители церкви къ разнообразнымъ мѣрамъ, предпринимавшимся прокуратурой для введенія болѣе строгой отчетности въ многочисленныхъ суммахъ, находившихся въ распоряженіи духовнаго вѣдомства, можно отчасти видѣть изъ нѣкоторыхъ писемъ московскаго митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Нечаеву. „Позвольте сказать“, спрашивалъ Нечаева Филаретъ въ своемъ письмѣ отъ 31 декабря 1834 года [1]), „какая нужда касаться привиллегій, дарованныхъ Высочайшимъ довѣріемъ мѣстному начальству? Что сбережетъ вашъ контроль отъ 24 рублей іеромонашескаго жалованія? Что за охота контролю привлекать къ себѣ работу безполезную? Признаюсь, по моему мнѣнію, не обѣщаетъ добра и то, что *вы добиваетесь до свѣдѣній о всѣхъ кружечныхъ копѣйкахъ по монастырямъ* [2])... Духовенство иностранныхъ исповѣданій не преслѣдуется такъ въ своемъ хозяйствѣ, хотя и помѣстьями владѣетъ“.—„Спросимъ благодѣтельное правительство“, читаемъ въ другомъ письмѣ Филарета къ тому же синодальному оберъ-прокурору [3]), „желаетъ ли оно, чтобы господствующее исповѣданіе имѣло менѣе правъ и привиллегій, нежели прочія?“—Безъ сомнѣнія, нѣтъ, увѣренно отвѣчаетъ Филаретъ и, основываясь на подобной увѣренности, позволяетъ себѣ доказывать Нечаеву, что не слѣдуетъ вновь распространять строгихъ правилъ отчетности на нѣкоторыя отрасли церковнаго и монастырскаго хозяйства, а должно оставить прежде существовавшіе порядки [4]).

Интересно, что московскій митрополитъ, высказывая въ своихъ письмахъ къ оберъ-прокурору взгляды представителей церкви на измѣненія, внесенныя прокуратурой въ систему правительственнаго надзора за церковнымъ хозяйствомъ, долженъ былъ защищать себя отъ обвиненій Нечаева въ стремленіяхъ, свойственныхъ римско-католическому духовенству. „Позвольте мнѣ не принять на свой счетъ“, писалъ онъ [5]), „*примѣра католическихъ учрежденій и ихъ системы отдѣль-*

---

[1]) Переписка Филарета митр. моск. съ Нечаевымъ, стр. 189.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Переписка Филарета съ Нечаевымъ, стр. 196.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, стр. 192.

ности, скрытности и властолюбія. Думаю, что въ россійскомъ духовенствѣ никогда не было подобной системы". Очевидно, что Нечаевъ призналъ необходимымъ въ значительной степени усилить правительственный контроль надъ денежными суммами, находившимися въ распоряженіи различныхъ учрежденій синодальнаго вѣдомства, и поставить его въ непосредственную зависимость отъ оберъ-прокурорской власти именно потому, что считалъ духовенство далеко несвободнымъ отъ вполнѣ естественныхъ стремленій руководиться въ веденіи церковнаго хозяйства одними спеціальными интересами своего вѣдомства.

Высочайше утвержденными правилами отчетности по вѣдомству св. Синода были установлены три способа повѣрки законности хозяйственныхъ распоряженій различныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства: 1) ежемѣсячное свидѣтельство на мѣстахъ дѣйствія, 2) ревизія книгъ и отчетовъ въ казенныхъ палатахъ и 3) повѣрка книгъ и отчетовъ въ контролѣ отдѣленія духовныхъ дѣлъ [1]). Въ силу новыхъ правилъ, происходило и ежемѣсячное свидѣтельство денежныхъ суммъ, хранившихся въ синодальномъ казначействѣ. Но такъ какъ мѣстная ежемѣсячная ревизія производилась самимъ же учрежденіемъ, а въ данномъ случаѣ всѣми членами св. Синода, то Нечаевъ нашелъ нужнымъ внести, въ интересахъ прокуратуры, нѣкоторыя измѣненія и въ способъ ежемѣсячныхъ свидѣтельствованій синодальной казны. „Изъ опыта усматривается", писалъ оберъ-прокуроръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, „что обязанность частыхъ ревизій исполняется членами Синода съ немалыми затрудненіями, какъ по многосложности разныхъ суммъ и капиталовъ, такъ и потому, что старшіе члены отягощены другими важными обязанностями". Основываясь на показаніяхъ опыта и ссылаясь на примѣръ сенатскихъ казначейскихъ ревизій, производившихся оберъ-прокурорами и другими чиновниками, Нечаевъ и просилъ государя освободить полное присутствіе св. Синода отъ ежемѣсячныхъ свидѣтельствованій денежныхъ суммъ и возложить

---

[1]) 2-е П. С. З. т. VIII, отдѣлен. I, № 6681, § 37.

ревизіонныя обязанности на чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ и двоихъ младшихъ синодальныхъ членовъ [1]).

Учрежденіемъ особаго контроля при отдѣленіи духовныхъ дѣлъ и введеніемъ болѣе строгой денежной отчетности по церковному вѣдомству Нечаевъ не могъ, конечно, вызвать къ себѣ особеннаго расположенія духовенства. Нерасположеніе духовенства къ синодальному оберъ-прокурору должно было увеличиваться еще болѣе и вслѣдствіе того, что Нечаевъ не ограничился только введеніемъ въ дѣйствіе стѣснительныхъ правилъ контролированія церковнаго хозяйства, но и не стѣснялся принимать строгія мѣры къ уничтоженію замѣчаемыхъ имъ разнообразныхъ нравственныхъ недостатковъ въ жизни духовнаго сословія.

„Съ давняго времени“, писалъ Нечаевъ въ одномъ изъ первыхъ докладовъ государю, „на синодальномъ оберъ-прокурорѣ лежитъ обязанность доносить Его Величеству о безчинныхъ поступкахъ, случающихся въ церквахъ или при богослуженіи“. Слѣдуя примѣру своего предшественника, и оберъ-прокуроръ Нечаевъ 3 іюня 1833 года „съ болѣзненнымъ сердцемъ“ представилъ императору Николаю извлеченіе изъ донесеній о поступкахъ духовныхъ лицъ, „равно оскорбительныхъ и для чувства религіознаго, и для общепринятаго приличія“. Хотя каждый изъ предосудительныхъ поступковъ духовныхъ лицъ вызывалъ законное судебное разслѣдованіе дѣла, и оберъ-прокуроръ нерѣдко предписывалъ секретарямъ епархіальныхъ консисторій обращать самое строжайшее вниманіе на ходъ подобныхъ дѣлъ, однако Нечаевъ находилъ невозможнымъ ограничиваться однѣми частными мѣрами наказанія провинившихся священнослужителей, а признавалъ болѣе цѣлесообразнымъ совершенно освободить духовное сословіе отъ неблагонадежныхъ элементовъ. А такъ какъ, по мнѣнію оберъ-прокурора, послѣ строгаго разбора духовенства, произведеннаго въ 1831 году по приказанію государя и обратившаго въ военную службу тысячи причетниковъ, замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ, такіе неблагонадежные элементы встрѣчались главнымъ образомъ среди дьяконовъ, то

---

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1836 г. I пол., стр. 3—5.

Нечаевъ и представилъ на усмотрѣніе верховной власти докладъ о необходимости побудить св. Синодъ предписать епархіальнымъ архіереямъ строго пересмотрѣть формулярные списки дьяконовъ и оказавшихся подозрительными сдѣлать дьячками или же совсѣмъ исключить изъ духовнаго званія. „Справедливо“, замѣтилъ на оберъ-прокурорскомъ докладѣ императоръ Николай, „но нельзя не отнести всѣхъ сихъ случаевъ къ послабленію начальства и къ небрежному посвященію безъ должнаго удостовѣренія въ достоинствѣ“ [1]).

Когда св. Синодъ, подъ вліяніемъ предложенія Нечаева, дѣйствительно предписалъ епархіальнымъ архіереямъ строго разобраться въ наличномъ составѣ приходскихъ дьяконовъ, одинъ изъ епархіальныхъ преосвященныхъ, нижегородскій епископъ Амвросій, безъ всякаго слѣдствія, подвергъ высшей мѣрѣ наказанія, т. е. исключенію изъ духовнаго званія, многихъ изъ дьяконовъ, даже совершенно не замѣшанныхъ ни въ какомъ предосудительномъ дѣлѣ. Синодъ нашелъ дѣйствія нижегородскаго архіерея несправедливыми и отмѣнилъ нѣкоторыя изъ его распоряженій. Но преосвященный Амвросій, позволивъ себѣ неумѣстныя сужденія и выраженія о синодальномъ постановленіи, прислалъ въ Синодъ формальныя обвиненія наказанныхъ имъ дьяконовъ. Оберъ-прокуроръ призналъ необходимымъ „вразумить“ провинившагося архіерея и представилъ государю докладъ о переводѣ Амвросія изъ нижегородской въ другую, худшую епархію. „Откровенно осмѣливаюсь донести Вашему Величеству“, писалъ Нечаевъ 5 января 1835 года [2]), „что въ дѣйствіяхъ епископа Амвросія я нахожу много произвольнаго и довольно неосновательнаго; постигаю также неловкость его положенія въ той епархіи, гдѣ немалое число его распоряженій не только не было одобрено Синодомъ, но и было отмѣнено“, почему и считаю полезнымъ, въ видахъ вразумленія нижегородскаго преосвященнаго, перевести его, съ нѣкоторымъ пониженіемъ, въ другую епархію. „Перезесть“, написалъ государь на оберъ-прокурорскомъ докладѣ, „бывъ въ Нижнемъ, я самъ замѣтилъ, что онъ не

---

[1]) Тамъ же. Высоч. повел. 1833 г., I пол., стр. 443—447.
[2]) Тамъ же. Высоч. повел. 1835 г., I пол., стр. 9—14.

охотникъ исполнять волю начальства; его надо имѣть подъ строгимъ надзоромъ“ [1]).

Высочайшая резолюція побудила Нечаева учредить за епископомъ Амвросіемъ, перемѣщеннымъ въ пензенскую епархію, строгій секретный надзоръ со стороны мѣстнаго гражданскаго и жандармскаго начальства. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 19 января 1835 года оберъ-прокуроръ заявилъ, что, независимо отъ распоряженій Синода, касавшихся положенія Амвросія на новой каѳедрѣ, онъ, съ своей стороны, находитъ нужнымъ секретно сообщить мѣстному гражданскому губернатору причину перевода преосвященнаго Амвросія и просить губернатора наблюдать за дѣятельностью архіерея и, если до него дойдутъ достовѣрные слухи о неправильныхъ распоряженіяхъ епископа, присылать свои замѣчанія синодальному оберъ-прокурору. Въ томъ же докладѣ Нечаевъ сообщилъ государю и о своемъ намѣреніи просить гр. Бенкендорфа „учинить надъ Амвросіемъ особый бдительный надзоръ мѣстнаго жандармскаго начальства“, но съ тѣмъ, чтобы наблюденіе надъ архіереемъ оставалось секретнымъ и не вызывало никакой огласки въ епархіи [2]).

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что Нечаеву удалось осуществить свое оригинальное намѣреніе— учредить секретный жандармскій надзоръ за епархіальнымъ церковнымъ управленіемъ — не только въ одной пензенской епархіи, по отношенію къ провинившемуся епископу Амвросію, но и въ другихъ епархіяхъ, имѣвшихъ архіереевъ, никогда и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченныхъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ Исмайлова, служившаго въ то время синодальнымъ секретаремъ и оставившаго послѣ себя „Воспоминанія“ [3]), „вдругъ ни съ того, ни съ сего появились жандармскіе доносы на архіереевъ и членовъ св. Синода. Доносы оказывались большею частію ложными; архіереи и члены оправдывались, сколько могли, но Синодъ сильно безпокоился и подозрѣвалъ, что въ доносахъ участвуетъ самъ оберъ-прокуроръ, задавшійся цѣлію унизить духовное правительство“ [4]).

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же, стр. 64—67.
[3]) Странникъ. 1882 г., кн. IX, стр. 73—88. 1883 г., кн. 1—3.
[4]) Тамъ же. 1882 г., кн. IX, стр. 77.

Въ числѣ синодальныхъ членовъ, пострадавшихъ отъ секретнаго жандармскаго надзора, оказался и одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ архіереевъ—московскій митрополитъ Филаретъ. Когда оберъ-прокурору былъ переданъ поступившій на Филарета жандармскій доносъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ предложить его на разсмотрѣніе св. Синода, обвиненный митрополитъ, по совѣту Нечаева, составилъ объяснительную записку, гдѣ не только оправдывалъ свои распоряженія, подавшія поводъ къ доносу, но и позволилъ себѣ высказать мнѣніе, что „данное жандармской командѣ право доносить со слуховъ и безъ всякой отвѣтственности за ложныя сообщенія стѣсняетъ свободу администраціи и, какъ похожее на *слово и дѣло*, лишаетъ подданныхъ спокойствія". Оберъ-прокуроръ представилъ оправданіе и мнѣніе Филарета на усмотрѣніе государя, чѣмъ еще болѣе повредилъ вліятельному синодальному члену, такъ какъ Николай Павловичъ увидѣлъ въ смѣлой критикѣ высочайшаго распоряженія непозволительное отношеніе къ волѣ верховной власти и сильно разгнѣвался на митрополита [1]).

Частые доносы на епархіальныхъ архіереевъ и синодальныхъ членовъ, далеко небезопасные даже для такихъ іерарховъ, какимъ былъ московскій митрополитъ Филаретъ, не могли не оказать своей доли вліянія на фактическія отношенія Нечаева къ высшему церковному учрежденію, такъ какъ св. Синодъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что тайный надзоръ и жандармскіе доносы въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ самому оберъ-прокурору.

Уже и въ первые годы своей оберъ-прокурорской службы Нечаевъ имѣлъ возможность дѣйствовать довольно рѣшительнымъ образомъ по отношенію къ членамъ св. Синода, побуждая ихъ поступать сообразно съ указаніями прокуратуры или же передавая высшему органу церковнаго управленія, для надлежащаго исполненія, различныя распоряженія верховной власти, представлявшія собою ничто иное, какъ утвержденные государемъ личные доклады оберъ-прокурора, составленные имъ безъ всякаго участія св. Синода.—Когда, по поводу одного изъ оберъ-прокурорскихъ докладовъ объ освобо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 78.

дившейся въ Полоцкѣ архіерейской каѳедрѣ, государь высказалъ замѣчаніе объ излишней медленности въ представленіи кандидатовъ на открывшуюся вакансію, Нечаевъ написалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 23 апрѣля 1833 года, что онъ завтра же пригласитъ членовъ Синода къ экстраординарному засѣданію въ домѣ коммиссіи духовныхъ училищъ и употребитъ, съ своей стороны, всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства, чтобы полный докладъ св. Синода по дѣлу о кандидатахъ на полоцкую архіерейскую каѳедру былъ представленъ государю на слѣдующій же день [1]).—Представляя на усмотрѣніе верховной власти синодальное постановленіе о пожизненномъ монастырскомъ заключеніи священника г. Великихъ Лукъ, Моревскаго, Нечаевъ написалъ въ своемъ докладѣ отъ 24 марта 1834 года, что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ подвергать виновнаго такому наказанію, а будетъ справедливѣе и для самого монастыря выгоднѣе назначить подначальному извѣстный терминъ и затѣмъ оставить его на свободѣ заштатнымъ, или нынѣ же, если Моревскій дѣйствительно безнадеженъ, лишить его священства. Такъ какъ докладъ оберъ-прокурора, испрашивавшаго высочайшее разрѣшеніе вновь предложить дѣло великолуцкаго священника на разсмотрѣніе св. Синода, встрѣтилъ сочувственное отношеніе къ себѣ со стороны государя, то Синодъ принужденъ былъ поступить сообразно съ желаніемъ и взглядами Нечаева [2]).

Но если и въ первое время оберъ-прокурорской службы Нечаевъ имѣлъ возможность подчинять своей волѣ высшее церковное учрежденіе, то теперь, послѣ печальнаго инцидента съ наиболѣе вліятельнымъ синодальнымъ членомъ, онъ, по словамъ автора цитированныхъ „Воспоминаній“, началъ дѣйствовать еще болѣе рѣшительно. „Пошатнувъ опору Синода“, замѣчаетъ Исмайловъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ [3]), „оберъ-прокуроръ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе; онъ измѣнялъ резолюціи и опредѣленія св. Синода, употребляя то настойчивость, то разныя хитрости“, и не стѣснялся обнаруживать

---

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1833 г., I пол., стр. 267—268.

[2]) Тамъ же. Высоч. повел. 1834 г., I пол., стр. 263—266.

[3]) Странникъ. 1882 г., кн. IX, стр. 78.

явныя стремленія „ограничить архіерейскую власть и дать больше силы консисторіямъ". Правда, авторъ цитируемыхъ „Воспоминаній", сильно не симпатизирующій прокуратурѣ, сообщая цѣнныя свѣдѣнія о современномъ ему положеніи дѣлъ въ св. Синодѣ, не обнаруживаетъ вполнѣ безпристрастнаго, объективнаго отношенія къ дѣятельности синодальныхъ оберъ-прокуроровъ, но самые факты, передаваемые Исмайловымъ, не находятся въ противорѣчіи съ архивными документальными данными; субъективизмъ автора, въ данномъ случаѣ, сказывается только въ своеобразной окраскѣ нѣкоторыхъ проявленій самовластія прокуратуры.

И дѣйствительно, вліяніе Нечаева на церковное управленіе въ послѣднее время его синодальной службы сдѣлалось уже настолько значительнымъ [1]), что фактически лишило Синодъ почти всякой возможности проявлять необходимую самостоятельность и независимость въ рѣшеніи многихъ церковныхъ вопросовъ. Интересно, однако, что оберъ-прокуроръ далеко еще не чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ достигнутыми результатами, позволявшими ему придавать желательное направленіе правительственной дѣятельности св. Синода, и началъ проектировать выдѣленіе нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Синода и передачу ихъ въ непосредственное распоряженіе прокуратуры.

Нечаеву, какъ представителю государственной власти въ церковномъ управленіи, пришлось принимать самое дѣятельное участіе въ правительственномъ руководительствѣ происходившимъ въ то время усиленнымъ сближеніемъ западнорусскихъ уніатовъ съ православною церковью Въ 1834 году государь приказалъ синодальному оберъ-прокурору войти въ

---

[1]) 28 марта 1834 года Государственная канцелярія увѣдомила Нечаева о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи, чтобы синодальный оберъ-прокуроръ, по дѣламъ духовнаго вѣдомства, былъ приглашаемъ для объясненій въ департаменты Государственнаго Совѣта, а 13 апрѣля того же года Комитетъ министровъ сообщилъ Нечаеву о новомъ высочайшемъ повелѣніи, чтобы оберъ-прокуроръ св. Синода, по дѣламъ духовнаго вѣдомства, былъ приглашаемъ для объясненій и въ Комитетъ министровъ. (Канцелярія об.-пр. св. Син. № 17,924, стр. 1 и 3).

сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, вмѣстѣ съ нимъ, выработать для руководства дѣятельностью архіереевъ и генералъ-губернаторовъ западнаго края секретную инструкцію объ обращеніи уніатовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ сообщилъ Нечаеву свою основную мысль, что не слѣдуетъ спѣшить дѣломъ присоединенія уніатовъ и вести его путемъ непосредственнаго воздѣйствія на народныя массы, а должно постепенно склонять къ возсоединенію съ православною церковью уніатское духовенство и уже чрезъ него подготовлять прихожанъ къ обращенію въ православіе. Взгляды министра внутреннихъ дѣлъ оберъ-прокуроръ сообщилъ новгородскому и московскому митрополитамъ и, при ихъ участіи, составилъ инструкцію для епархіальныхъ архіереевъ западнаго края. „Мысли и совѣты для православныхъ архіереевъ, которыхъ паствы сопредѣльны съ разномыслящими въ вѣрѣ и уклонившимися отъ православія“, какъ назвалъ Нечаевъ свою инструкцію, хотя въ главныхъ чертахъ и были согласны съ мнѣніемъ гр. Блудова, но, въ то же время, „не стѣсняли и приличной православному духовенству ревности въ пріобрѣтеніи вѣрныхъ чадъ церкви“. — Докладывая государю о составленіи инструкціи и практическомъ примѣненіи ея мыслей къ обращенію уніатовъ, оберъ-прокуроръ представилъ Николаю Павловичу и любопытный проектъ устраненія св. Синода отъ завѣдыванія религіозными дѣлами западно-русскаго уніатскаго населенія. „Не полезнѣе ли будетъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ“, писалъ Нечаевъ 9 февраля 1835 года [1]), „прежде совершеннаго подчиненія уніатъ нашему Синоду, поручить дѣла ихъ синодальному оберъ-прокурору? Этотъ чиновникъ, докладывающій верховной власти о важнѣйшихъ дѣлахъ господствующей церкви, несущій отвѣтственность за правильность дѣйствій высшаго церковнаго начальства и имѣющій право останавливать исполненіе его опредѣленій, тѣмъ удобнѣе можетъ быть докладчикомъ и по дѣламъ уніи, что Голицынъ, еще въ бытность оберъ-прокуроромъ св. Синода, управлялъ вмѣстѣ и департаментомъ всѣхъ иностранныхъ исповѣданій“. При такой по-

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1835 г., I пол., стр. 153—162.

становкѣ управленія, по его мнѣнію, дѣла уніатскія, безъ сомнѣнія, выиграли бы очень многое, такъ какъ явилась бы возможность согласовать распоряженія различныхъ вѣдомствъ въ направленіи къ одной цѣли, и народное мнѣніе, не видя въ обращеніи уніатовъ прямого или явнаго участія Синода, осталось бы въ покоѣ.

Вмѣстѣ съ проектомъ реорганизаціи существовавшей системы уніатскаго управленія, оберъ-прокуроръ представилъ на усмотрѣніе верховной власти аналогичный проектъ объ устраненіи св. Синода и отъ завѣдыванія дѣлами раскольниковъ. „Можетъ быть", писалъ онъ въ томъ же секретномъ докладѣ отъ 9 февраля 1835 года [1]), „обращеніе раскольниковъ пошло бы съ бо́льшимъ успѣхомъ, если бы завѣдываніе ими ввѣрено было тому лицу, на обязанность котораго исключительно возложено сохраненіе цѣлости и достоинства православной церкви въ отношеніи къ гражданскимъ и иновѣрнымъ вѣдомствамъ". Проекты Нечаева, повидимому, не встрѣтили несочувственнаго отношенія со стороны государя, и императоръ Николай приказалъ оберъ-прокурору ознакомить съ ними министра внутреннихъ дѣлъ и, въ особой запискѣ, представить его замѣчанія на высочайшее усмотрѣніе, для окончательнаго рѣшенія возбужденнаго вопроса. Но Нечаевъ не успѣлъ осуществить на практикѣ свои предположенія о передачѣ уніатскихъ и раскольническихъ дѣлъ въ непосредственное завѣдываніе прокуратуры, такъ какъ, вызывавшіяся семейными обстоятельствами, довольно продолжительныя отлучки Нечаева изъ Петербурга позволили его многочисленнымъ недоброжелателямъ въ скоромъ же времени подготовить совершенно неожиданный переводъ синодальнаго оберъ-прокурора въ одинъ изъ департаментовъ пр. Сената.

Подробный разсказъ о ближайшихъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ отставку Нечаева, сообщается въ извѣстныхъ „Воспоминаніяхъ" Исмайлова. По словамъ автора „Воспоминаній", оберъ-прокуроръ, незадолго до своего послѣдняго увольненія въ продолжительный отпускъ, представилъ на высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе синодскій докладъ о кандидатахъ на освободившіяся архіерейскія каѳедры, при-

[1]) Тамъ же.

чемъ въ своей запискѣ, приложенной къ докладу, выставилъ наиболѣе достойными кандидатами совершенно не тѣхъ лицъ, какихъ имѣлъ въ виду св. Синодъ. Государь утвердилъ докладъ по запискѣ оберъ-прокурора, и, когда синодальные члены позволили себѣ спросить Нечаева, почему не и слѣдовало высочайшаго утвержденія намѣченныхъ ими кандидатовъ, между обѣими сторонами произошли довольно непріятныя объясненія, будто бы даже вызвавшія угрозы оберъ-прокурора по адресу синодальныхъ членовъ. „Я докажу этимъ калугерамъ, что такое оберъ-прокуроръ“,— въ сильномъ раздраженіи сказалъ Нечаевъ канцелярскимъ чиновникамъ, присутствовавшимъ при происшедшихъ объясненіяхъ [1]).

Но въ скоромъ времени необходимость ѣхать въ Крымъ къ умиравшей женѣ заставила Нечаева обратиться къ государю съ просьбою объ отпускѣ, и 24 февраля 1836 года св. Синоду былъ данъ именной императорскій указъ объ увольненіи оберъ-прокурора въ 4-мѣсячный отпускъ [2]). Продолжительное отсутствіе Нечаева позволило сильно не любившимъ его [3]) синодальнымъ членамъ, при содѣйствіи чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, Муравьева, рѣшиться на смѣлый шагъ, чтобы избавиться отъ неудобнаго представителя государственной власти въ церковномъ управленіи. Исмайловъ сообщаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ [4]), что Муравьевъ, большой почитатель монашествующаго духовенства, успѣлъ убѣдить членовъ Синода воспользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами, чтобы не только обезопасить себя отъ опасныхъ послѣдствій столкновенія съ властнымъ оберъ-прокуроромъ, но и совершенно устранить Нечаева отъ управленія духовнымъ вѣдомствомъ. Отъ имени высшаго церковнаго учрежденія былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ св. Синодъ просилъ государя дать Нечаеву, какъ человѣку обширныхъ государственныхъ способностей, другое, бо-

---

[1]) Странникъ. 1882 г., кн. IX, стр. 79.

[2]) Архивъ св. Син. Дѣло 1836 г., № 692.— Канцелярія об.-пр. св. Син. № 21,676.

[3]) Письма митр. моск. Филарета къ А. Н. М(уравьеву), стр. 37.

[4]) Странникъ. 1882 г., кн. IX, стр. 79—81.

лѣе высокое назначеніе, а оберъ-прокуроромъ назначить товарища министра народнаго просвѣщенія, графа Пратасова, извѣстнаго своимъ усердіемъ къ православной церкви. Первенствующій синодальный членъ, петербургскій митрополитъ Серафимъ, послѣ долгихъ колебаній, осмѣлился вручить составленный докладъ непосредственно самому государю. Николай Павловичъ, хотя и отнесся не совсѣмъ благосклонно къ неожиданной просьбѣ Синода, но нашелъ возможнымъ удовлетворить ее и 25 іюня 1836 года далъ на имя Сената высочайшій указъ о назначеніи Нечаева въ пр. Сенатъ, съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники и оставленіемъ членомъ коммиссіи духовныхъ училищъ [1]).

Въ тотъ же день, 25 іюня [2]) 1836 года, послѣдовало и высочайшее назначеніе синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, рекомендованнаго самимъ св. Синодомъ, графа Николая Александровича Пратасова [3]), съ 24 февраля 1836 года уже временно исполнявшаго обязанности представителя государственной власти въ церковномъ управленіи [4]).

Назначеніе на постъ синодальнаго оберъ-прокурора гр. Пратасова, успѣвшаго заслужить расположеніе іерархіи „своею ревностью къ церкви, изданіемъ соборныхъ правилъ и другими дѣйствіями въ пользу православія“ [5]), было встрѣчено

---

[1]) Архивъ св. Син. Дѣло 1836 г. № 744.

[2]) Время назначенія гр. Пратасова оберъ-прокуроромъ св. Синода у Чистовича („Руковод. дѣят...“ стр. 315 и 330) и Барсова („Св. Синодъ...“ стр. 351) ошибочно опредѣляется 25 числомъ мѣсяца іюля 1836 года.

[3]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 6,118. Хотя въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ документахъ фамилія преемника Нечаева и писалась иногда чрезъ букву „о“ (Протасовъ), но самъ синодальный оберъ-прокуроръ всегда и вездѣ подписывался: „Пратасовъ“.

[4]) Архивъ св. Син Дѣло 1836 г. № 692.— Канцел. об.-пр. св. Син. № 21,676.

[5]) Письма митр. моск. Филарета къ А. Н. М...

въ духовномъ мірѣ съ большою радостью и наилучшими ожиданіями. Многіе епархіальные архіереи и другія видныя лица изъ монашествующаго духовенства поспѣшили письменно засвидѣтельствовать предъ нимъ свою величайшую радость по случаю совершившагося событія. — Московскій митрополитъ Филаретъ, привѣтствуя новаго оберъ-прокурора, писалъ ему, что посылаетъ свое поздравленіе „не просто по обычаю, но съ полнымъ участіемъ, удовольствіемъ и благими надеждами, которыя естественно возникли изъ опыта временнаго служенія“ Пратасова въ св. Синодѣ [1]).—Архіепископъ олонецкій въ спеціально-поздравительномъ письмѣ заявлялъ свое удовольствіе по поводу всемилостивѣйшаго пожалованія Пратасова „въ санъ ходатая между церковью и престоломъ монарха“ [2]).—„Не могло быть лучшаго выбора и назначенія“, писалъ Пратасову виленскій архимандритъ Платонъ [3]); „чего торжествующая въ Россіи православная церковь не можетъ ожидать отъ Вашей проницательности, Вашего благоразумія, Вашей неутомимой дѣятельности и пламенной ревности къ общественнымъ пользамъ!“— „Я“, увѣрялъ Пратасова воронежскій архіепископъ Антоній [4]), „до такой степени обрадованъ извѣстіемъ объ утвержденіи Вашего Сіятельства оберъ-прокуроромъ св. Синода, что и теперь, когда обращаюсь къ Вамъ, не могу не воскликнуть: слава Богу! слава Богу, сіятельнѣйшій графъ, что Онъ внялъ молитвенному желанію рабовъ своихъ, которые достойно и праведно благословляютъ временное нахожденіе Ваше въ должности оберъ-прокурора, ознаменовавшееся многими благими для церкви дѣйствіями. Слава Богу, что промыслительная десница Его ввѣрила попеченіе о благѣ церкви мужу по сердцу Своему“ . . .

Но радость духовенства по случаю замѣны нелюбимаго оберъ-прокурора новымъ „ходатаемъ между церковію и престоломъ монарха“ оказалась очень преждевременною, и высшее церковное учрежденіе, избавившись отъ Нечаева, нисколь-

---

[1]) Канцелярія об.-пр. св. Син. № 6,105, стр. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 8.

[3]) Тамъ же, стр. 9.

[4]) Тамъ же, стр. 13.

ко не освободилось отъ самыхъ стремленій прокуратуры, неблагопріятныхъ для интересовъ св. Синода. Напротивъ, Пратасовъ, получивъ утвержденіе въ должности синодальнаго оберъ-прокурора, сталъ усердно слѣдовать той же политикѣ въ отношеніи къ св. Синоду, какой придерживался и его предшественникъ—Нечаевъ, а такъ какъ онъ отличался еще бо́льшей энергіей и настойчивостью, то въ скоромъ времени и успѣлъ довести до конца начатую Нечаевымъ организацію при св. Синодѣ новыхъ учрежденій, завѣдывавшихъ различными отраслями церковнаго управленія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ оберъ-прокурора.

Сильное осложненіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей заставило Пратасова, въ первое же время синодальной службы, почувствовать настоятельную нужду въ учрежденіи особой канцеляріи, имѣвшей своимъ спеціальнымъ назначеніемъ выполненіе многочисленныхъ и сложныхъ обязанностей прокуратуры. 1 августа 1836 года гр. Пратасовъ представилъ государю обширный всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ обстоятельно выяснилъ какъ крайнее разнообразіе постепенно осложнявшихся обязанностей синодальнаго оберъ-прокурора, такъ и совершенную недостаточность тѣхъ средствъ, какими онъ могъ располагать для успѣшнаго и добросовѣстнаго отправленія своей службы [1]).— По словамъ всеподданнѣйшаго доклада, различныя обязанности, возложенныя на представителя государственной власти въ церковномъ управленіи при самомъ учрежденіи этой должности, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ распространенія круга дѣйствій Синода и его вѣдомства, увеличились въ чрезвычайно сильной степени. Особенно значительное вліяніе оказали на осложненіе и расширеніе обязанностей прокуратуры учрежденіе коммиссіи духовныхъ училищъ, въ видѣ особаго духовнаго департамента съ обширными средствами и довольно сложною дѣятельностью, упраздненіе бывшаго мини-

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1836 г., 2-я пол., стр. 495—500. Считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что цитируемый докладъ Пратасова былъ уже почти буквально, съ самыми незначительными измѣненіями въ орѳографіи, опубликованъ въ печати. (Барсовъ. Св. Синодъ въ его прошломъ, стр. 351—354).

стерства духовныхъ дѣлъ, передавшее оберъ-прокурору многія обязанности, лежавшія на министрѣ, подчиненіе оберъ-прокурорской власти главнаго контроля по духовному вѣдомству и, наконецъ, вошедшее въ практику, представленіе верховной власти годовыхъ отчетовъ по всему управленію. А между тѣмъ, для выполненія такихъ разнообразныхъ и трудныхъ обязанностей оберъ-прокуроръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи одно отдѣленіе бывшаго департамента духовныхъ дѣлъ, перешедшее въ его вѣдѣніе послѣ уничтоженія министерства, и самую незначительную канцелярію при дѣлахъ св. Синода, состоявшую изъ одного чиновника съ единственнымъ канцелярскимъ служителемъ.

Результатомъ крайней недостаточности средствъ, необходимыхъ прокуратурѣ для выполненія многочисленныхъ и разнообразныхъ обязанностей въ сферѣ церковнаго управленія, по словамъ Пратасова, являлось то, что 1) не всѣ дѣла могли быть разсматриваемы съ должнымъ вниманіемъ, подробнымъ обсужденіемъ и законною поспѣшностью, 2) не представлялось возможности своевременно повѣрять доставлявшіеся изъ епархій свѣдѣнія, тогда какъ *въ будущемъ имѣется въ виду „привести еще въ бо́льшую извѣстность различные предметы, входящіе въ составъ духовнаго вѣдомства, какъ собственно по церковному управленію, такъ и по экономической части“*, и, наконецъ, 3) не было способовъ ввести должную отчетность въ дѣлопроизводствѣ и постоянно наблюдать за ходомъ дѣлъ по канцеляріямъ среднихъ и низшихъ присутственныхъ мѣстъ синодальнаго вѣдомства. Для устраненія всѣхъ указанныхъ неудобствъ, Пратасовъ и проектировалъ, упразднивъ, не удовлетворявшую своему назначенію, прежнюю оберъ-прокурорскую канцелярію, существовавшую при дѣлахъ св. Синода, учредить особую канцелярію при самомъ синодальномъ оберъ-прокурорѣ, состоявшую, по выработанному имъ штату, изъ директора, двоихъ секретарей, такого же числа секретарскихъ помощниковъ, журналиста, экзекутора и 8 канцелярскихъ служителей.

Оберъ-прокурорскій докладъ былъ утвержденъ государемъ, и Пратасовъ, встрѣтивъ сочувственное отношеніе верховной власти къ своему проекту устройства отдѣльной отъ св. Синода оберъ-прокурорской канцеляріи, получилъ возможность, съ извѣстною увѣренностью, приступить и къ прак-

тическому осуществленію наиболѣе важнаго стремленія прокуратуры, выразившагося еще при Нечаевѣ въ образованіи при св. Синодѣ новыхъ учрежденій, завѣдывавшихъ различными отраслями церковнаго управленія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ синодальнаго оберъ-прокурора.

Прежде всего Пратасовъ нашелъ нужнымъ ввести задуманныя преобразованія въ хозяйственную, экономическую отрасль церковнаго управленія, всегда пользовавшуюся особеннымъ вниманіемъ прокуратуры, для чего и представилъ государю докладъ о необходимости образованія при св. Синодѣ новаго учрежденія — хозяйственнаго комитета. Пратасовъ проектировалъ выдѣлить изъ вѣдѣнія св. Синода всѣ экономическія, хозяйственныя дѣла и сосредоточить ихъ въ новомъ спеціальномъ учрежденіи, хотя и существующемъ при томъ же Синодѣ, но уже непосредственно подчиненномъ самому синодальному оберъ-прокурору. „Чтобы впредь управленіе хозяйственностью частью... и распоряженіе... суммами, чрезъ св. Синодъ переходящими, производилось со всевозможною экономіей и при строгой отчетности“, писалъ оберъ-прокуроръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 10 октября 1836 года [1]), „я полагаю необходимо-нужнымъ учредить для того изъ старшихъ чиновниковъ вѣдомства, *подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ*, хозяйственный комитетъ“.

Высочайшая резолюція, одобрившая взгляды Пратасова [2]), возволила ему въ непродолжительномъ времени (14 ноября 1836 года) представить на утвержденіе государя и свой проектъ положенія о новомъ комитетѣ, составленный примѣнительно къ такому же учрежденію, существовавшему въ пр. Сенатѣ. Членами проектировавшагося комитета предполагалось назначить чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, директора оберъ-прокурорской канцеляріи, юрисъ-консульта и правителя дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ, т. е. чиновниковъ, непосредственно подчиненныхъ синодальному оберъ-прокурору. И не смотря на такой характеръ

---

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св: Син. Высоч. повел. 1836 г., 2 пол., стр. 579—582.

[2]) Тамъ же.

оберъ-прокурорскаго проекта, имѣвшаго своею несомнѣнною цѣлью устраненіе высшаго церковнаго учрежденія отъ непосредственнаго завѣдыванія хозяйственными дѣлами духовнаго вѣдомства, св. Синодъ не только не могъ обнаружить никакого недовольства предполагавшейся реформой, но даже принужденъ былъ оффиціально признать ее вполнѣ цѣлесообразной и предоставить Пратасову право ходатайствовать о высочайшемъ утвержденіи выработаннаго проекта [1]).

По словамъ оберъ-прокурора Пратасова [2]), учрежденіемъ хозяйственнаго комитета. послѣдовавшимъ 14 ноября 1836 года, была вполнѣ достигнута намѣченная цѣль — облегчить Синодъ, дать ему возможность внимательнѣе заниматься своими спеціальными дѣлами и, въ то же время, сообщить самому синодальному хозяйству надлежащую правильность и подчинить его строгой отчетности.

Постепенно съуживая кругъ дѣлъ, подлежавшихъ непосредственному распоряженію св. Синода, прокуратура, въ лицѣ Пратасова, получила возможность еще болѣе усилить свой контроль и надъ самою дѣятельностью высшаго органа церковнаго управленія. Мы видѣли, что еще кн. Мещерскій обращался къ государю съ всеподданнѣйшемъ докладомъ о необходимости усиленія оберъ-прокурорскаго надзора за ходомъ дѣлъ въ синодальномъ вѣдомствѣ, но не съумѣлъ убѣдить императора Николая Павловича въ дѣйствительной необходимости проектированнаго имъ назначенія второго чиновника за оберъ-прокурорскій столъ. Гр. Пратасовъ возобновилъ ходатайство Мещерскаго и 31 октября 1836 года представилъ государю докладъ, гдѣ, указывая на примѣръ пр. Сената и на множество дѣлъ у одного чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, писалъ, что необходимо опредѣлить въ св. Синодъ еще одного новаго чиновника, „который бы, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ оберъ-прокурора, преимущественно занимался теченіемъ дѣлъ по сино-

---

[1]) Тамъ же, стр. 624—635.

[2]) Извлеченіе изъ отчета об.-прок. св. Син. за 1837 г., стр. 97.

дальной канцеляріи", такъ какъ онъ считаетъ долгомъ своего званія употребить всѣ усилія, чтобы установить, наконецъ, въ канцеляріи св. Синода образцовый порядокъ, „соотвѣтствующій важности мѣста и существу распоряженій, чрезъ нее проходящихъ". Одновременно съ докладомъ, оберъ-прокуроръ не только представилъ кандидата на мѣсто второго чиновника, но и поднесъ къ высочайшему подписанію проектъ самаго указа св. Синода о предположенномъ назначеніи. Государь удовлетворилъ желаніе Пратасова, и синодальная канцелярія получила новаго начальника, непосредственно подчиненнаго оберъ-прокурорской власти [1]).

Образованіемъ спеціальной оберъ-прокурорской канцеляріи, учрежденіемъ при св. Синодѣ особаго хозяйственнаго комитета, состоявшаго исключительно изъ однихъ чиновниковъ, непосредственно подчиненныхъ оберъ-прокурору, и назначеніемъ въ синодальную канцелярію фактическаго директора, въ лицѣ новаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, были уже оказаны очень значительныя услуги стремленіямъ прокуратуры подчинить своему вліянію всю систему церковнаго управленія. Но Пратасовъ не удовлетворился первыми опытами преобразовательной дѣятельности и въ скоромъ времени успѣлъ окончательно завершить, въ интересахъ прокуратуры, процессъ постепеннаго реформированія высшей церковной администраціи.

22 февраля 1839 года оберъ-прокуроръ обратился къ верховной власти съ обширнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, имѣвшимъ въ виду убѣдить государя въ необходимости задуманныхъ преобразованій по главному управленію духовнаго вѣдомства. Указавъ на совершенную обособленность православнаго вѣдомства, имѣвшаго свою собственную администрацію, свой судъ и полицію, свою систему обученія, свои спеціальные источники доходовъ и особый контроль, Пратасовъ писалъ въ представленномъ докладѣ [2]), что всѣ

---

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1836 г., 2 пол., стр. 607—608.

[2]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Всеподданнѣйшіе доклады об.-прок. за 1839 г. № 27. Цитируемый докладъ былъ

указанныя отрасли церковнаго управленія, не смотря на множество предшествовавшихъ благодѣтельныхъ постановленій правительства, требовали и еще долго будутъ требовать усиленныхъ мѣръ къ ихъ улучшенію. Самая многочисленная часть православнаго духовенства, по его словамъ, пребываетъ еще въ невѣжествѣ и грубости нравовъ; отсутствіе достаточныхъ средствъ содержанія по необходимости вынуждаетъ духовенство злоупотреблять получаемыми доходами, а между тѣмъ, надзоръ за нимъ не имѣетъ еще надлежащей организаціи; самое епархіальное управленіе, и особенно дѣлопроизводство, до послѣдняго времени не были введены въ общія, однообразныя формы; правильная отчетность въ суммахъ только еще начинаетъ прививаться къ духовному вѣдомству; источники церковныхъ доходовъ требуютъ особаго вниманія правительства для ихъ усиленія; вся учебная часть нуждается въ совершенномъ преобразованіи; духовный судъ и даже самые догматы церкви вызываютъ необходимость изданія разнообразныхъ книгъ. И все это, писалъ Пратасовъ, требуетъ зрѣлыхъ соображеній и неусыпнаго надзора со стороны главнаго духовнаго управленія и можетъ быть осуществлено въ дѣйствительной жизни только при упрощенномъ устройствѣ различныхъ спеціальныхъ учрежденій, составляющихъ центральное управленіе церковнаго вѣдомства, и при самомъ правильномъ распредѣленіи между ними различныхъ отраслей администраціи.

Между тѣмъ, при своемъ вступленіи въ должность синодальнаго оберъ-прокурора Пратасовъ встрѣтилъ очень значительные недостатки въ организаціи и взаимныхъ отношеніяхъ высшихъ учрежденій духовнаго вѣдомства. Сложное дѣлопроизводство главнаго церковнаго управленія распредѣлялось въ то время между св. Синодомъ, коммиссіей духовныхъ училищъ, отдѣленіемъ духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія и контролемъ духовныхъ дѣлъ; съ передачею же въ распоряженіе оберъ-прокурора всѣхъ церковныхъ дѣлъ западно-русскаго уніатскаго населенія, послѣдовавшею 1 ян-

---

напечатанъ въ соч. Чистовича „Руковод. дѣятели"..., стр. 329—334.

варя 1837 года [1]), появилось еще особое отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-унитскаго исповѣданія [2]).

Свои преобразованія въ области центральной церковной администраціи оберъ-прокуроръ началъ съ наиболѣе важнаго учрежденія—св. Синода. „Первое вниманіе мое", писалъ онъ [3]), „обращено было на дѣлопроизводство въ Синодѣ, гдѣ къ концу каждаго года, при всѣхъ прежнихъ мѣрахъ, оставались всегда сотни нерѣшенныхъ дѣлъ, гдѣ малѣйшія хозяйственныя подробности отвлекали вниманіе и оберъ-прокурора и самихъ членовъ отъ прямыхъ и важнѣйшихъ занятій". Для внесенія желательныхъ улучшеній въ систему центральнаго церковнаго управленія, Пратасовъ, какъ намъ уже извѣстно, подчинилъ дѣлопроизводство синодальной канцеляріи непосредственному надзору одного изъ чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, учредилъ при св. Синодѣ спеціальный хозяйственный комитетъ, принявшій на себя обязанности завѣдыванія церковнымъ имуществомъ подъ главнымъ наблюденіемъ прокуратуры, присоединилъ къ нему контроль духовныхъ дѣлъ [4]) и образовалъ особую, самостоятельную канцелярію оберъ-прокурора, послужившую общею связью для всѣхъ канцелярій синодальнаго вѣдомства. Результатомъ произведенныхъ преобразованій, по словамъ автора всеподданнѣйшаго доклада, явилось то, что „въ синодальной канцеляріи не только къ концу года не было ни одного нерѣшеннаго дѣла, но и вообще дѣла въ каждое время получили быстрое теченіе, а усиленное наблюденіе за .. дѣлопроизводствомъ со стороны канцеляріи оберъ-прокурора принесло настолько значительную пользу, что, между прочимъ, число однихъ

---

[1]) 2-е П. С. З. т. XII, отд. I, № 9,825.

[2]) Тамъ же, № 9,873.

[3]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Всеподдан. доклады об.-прок. за 1839 г. № 27.

[4]) Присоединеніе контроля отдѣленія духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія къ хозяйственному комитету при св. Синодѣ послѣдовало 20 января 1838 года. 2-е П. С. З. т. XIII, отд. I, № 10.912.

дѣлъ, производившихся по высочайшимъ повелѣніямъ, уменьшилось по всему духовному вѣдомству на цѣлую треть".

Какъ ни значительны были, по взгляду оберъ-прокурора, результаты произведенныхъ имъ преобразованій, однако же они нисколько не затрогивали одной изъ очень важныхъ сторонъ церковной жизни и не вносили въ нее никакихъ улучшеній. Мы имѣемъ въ виду организацію управленія учебными заведеніями синодальнаго вѣдомства, находившимися въ вѣдѣніи особой коммиссіи духовныхъ училищъ. А между тѣмъ, коммиссія духовныхъ училищъ, по мнѣнію Пратасова, далеко неудовлетворительно выполняла возложенныя на нее обязанности, и именно въ силу значительныхъ недостатковъ своей организаціи. — Коммиссія, по его словамъ [1]), хотя и представляла изъ себя отдѣльное отъ Синода духовно-гражданское учрежденіе, но состояла изъ тѣхъ же лицъ, которыя присутствовали и въ св. Синодѣ. Порученіе разнообразныхъ и сложныхъ обязанностей по двумъ различнымъ учрежденіямъ однимъ и тѣмъ же лицамъ, обремененнымъ еще управленіемъ собственными епархіями, не могло не отражаться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на успѣхѣ важнаго спеціальнаго дѣла, порученнаго вѣдѣнію коммиссіи духовныхъ училищъ и требовавшаго исключительнаго вниманія ея членовъ. Кромѣ того, и сама коммиссія, состоявшая изъ членовъ, обремененныхъ различными посторонними обязанностями, принуждена была имѣть дѣло со множествомъ разнородныхъ, особенно хозяйственныхъ, экономическихъ предметовъ, что, въ свою очередь, также неблагопріятно отражалось на успѣхахъ дѣятельности коммиссіи, по необходимости отвлекая ее отъ главныхъ занятій по образованію духовнаго юношества. Отъ многочисленныхъ недостатковъ организаціи коммиссіи не менѣе сильно страдало и ея обширное хозяйство, такъ какъ экономическія дѣла нуждались „въ быстротѣ исполненія", по выраженію Пратасова, „*несовмѣстимой съ коллегіальнымъ порядкомъ*, требующимъ согласія членовъ и ежедневнаго подписыванія опредѣленій". Наконецъ, и контроль по духовно-

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Всеподд. докл. за 1839 г. № 27.

учебнымъ суммамъ находился въ коммиссіи въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи, что въ теченіе 20 лѣтъ накопилось не обревизованныхъ отчетовъ на громадную сумму въ 50 милліоновъ рублей.

Констатированіе многочисленныхъ недостатковъ въ правительственной дѣятельности коммиссіи духовныхъ училищъ сопровождалось въ оберъ-прокурорскомъ докладѣ и указаніемъ опредѣленныхъ мѣръ, способныхъ, по мнѣнію Пратасова, дать болѣе правильную и желательную постановку духовно-учебному управленію. Такими мѣрами, способными внести значительное упрощеніе въ высшее завѣдываніе духовно-учебными дѣлами и поставить его въ болѣе благопріятныя условія, оберъ-прокуроръ признавалъ упраздненіе коммиссіи духовныхъ училищъ и передачу всѣхъ ея учебныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе новаго учрежденія, организованнаго при св. Синодѣ по типу уже ранѣе открытаго Пратасовымъ хозяйственнаго комитета. Въ то же время обязанности контроля духовно-учебныхъ суммъ онъ проектировалъ возложить на хозяйственный комитетъ, предполагая преобразовать его въ хозяйственное управленіе при св. Синодѣ, въ соотвѣтствіе съ новымъ учрежденіемъ, названнымъ духовно-учебнымъ управленіемъ.

При проектируемомъ, значительно упрощенномъ, устройствѣ главнаго управленія духовнаго вѣдомства, писалъ Пратасовъ въ заключеніе своего обширнаго всеподданнѣйшаго доклада, коллегіальный порядокъ, приносящій существенную пользу при обсужденіи важныхъ вопросовъ, не будетъ многосложностью своихъ формъ стѣснять движеніе многочисленныхъ дѣлъ, большею частью требующихъ скораго исполненія, такъ какъ въ двухъ, вновь организованныхъ при Синодѣ, учрежденіяхъ всѣ дѣла получатъ, *подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора*, теченіе быстрое, соотвѣтствующее другимъ отраслямъ государственнаго управленія.

Докладъ оберъ-прокурора о необходимости существенныхъ преобразованій въ устройствѣ главнаго управленія духовнаго вѣдомства былъ одобренъ государемъ, и 1 марта 1839 года Пратасовъ получилъ позволеніе поднести на высочайшее утвержденіе составленные имъ проекты: 1) указа св. Синоду объ упраздненіи коммиссіи духовныхъ училищъ,

2) положенія о духовно-учебномъ управленіи при св. Синодѣ, 3) положенія о хозяйственномъ управленіи при св. Синодѣ и 4) указа пр. Сенату о соединеніи отдѣленій духовныхъ дѣлъ православнаго и греко-уніатскаго исповѣданій съ канцеляріей синодальнаго оберъ-прокурора. Одновременно съ указами и положеніями были представлены на утвержденіе государя и проекты новыхъ штатовъ: 1) канцеляріи св. Синода, 2) духовно-учебнаго управленія, 3) хозяйственнаго управленія и 4) канцеляріи оберъ-прокурора [1]).

Верховная власть утвердила представленные Пратасовымъ проекты указовъ, положеній и новыхъ штатовъ и тѣмъ самымъ не только окончательно упрочила за прокуратурой преобладающее вліяніе на всю систему церковнаго управленія, но и создала для синодальнаго оберъ-прокурора положеніе *фактическаго министра* духовнаго вѣдомства, такъ какъ реформа 1 марта 1839 года сосредоточила *дѣйствительное* завѣдываніе всѣми дѣлами синодальнаго вѣдомства въ четырехъ вновь организованныхъ или значительно преобразованныхъ центральныхъ учрежденіяхъ, хотя и существовавшихъ при св. Синодѣ, но уже находившихся „подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора“.

И самъ Пратасовъ приравнивалъ подчиненныя ему главныя центральныя церковныя учрежденія къ департаментамъ министерствъ и стремился поставить ихъ директоровъ въ совершенно одинаковое положеніе съ управляющими министерскими департаментами. Сообщая государю о блестящихъ результатахъ произведенной реформы высшаго управленія духовнаго вѣдомства, оберъ-прокуроръ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 16 декабря 1839 года, что теперь, когда его ожиданія блистательно оправдались на дѣлѣ по всѣмъ четыремъ центральнымъ учрежденіямъ, изъ которыхъ каждое, по числу состоящихъ въ немъ отдѣленій и чиновниковъ, соотвѣтствуетъ департаментамъ министерствъ, справедливость требуетъ сравнять не только служебное положеніе, но и оклады жалованія директоровъ преобразованныхъ мѣстъ главнаго духовнаго управленія съ вознагражде-

---

[1]) Тамъ же. Всеподдан. докл. за 1839 г. № 38.

ніемъ, получаемымъ директорами министерскихъ департаментовъ [1]).

Также смотрѣли на смыслъ и значеніе оберъ-прокурорскихъ реформъ и современники Пратасова, близко знакомые съ системой синодальнаго управленія. Служившій въ то время секретаремъ при св. Синодѣ, Исмайловъ, замѣчаетъ въ своихъ интересныхъ „Воспоминаніяхъ“, что Пратасовъ, преобразовавшій все духовное правительство въ Россіи, „изъ оберъ-прокурорства сдѣлалъ настоящее министерство“ [2]). На первый разъ, пишетъ онъ [3]), оберъ-прокуроръ уничтожилъ коммиссію духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали члены св. Синода, и создалъ духовно-учебное управленіе, подъ дирекціей своего чиновника, въ формѣ министерскаго департамента, а для завѣдыванія финансовыми дѣлами образовалъ второй департаментъ—хозяйственное управленіе. Такъ какъ министры имѣли собственныя канцеляріи, то онъ переименовалъ въ свою канцелярію отдѣленіе духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія и, наконецъ, учредилъ должность директора синодальной канцеляріи, вслѣдствіе чего и послѣдняя канцелярія, составлявшая какъ-бы одно цѣлое съ св. Синодомъ, отдѣлилась отъ него и превратилась въ особый департаментъ.

Не трудно представить, какъ должно было отразиться введеніе новыхъ порядковъ въ управленіе православною церковью и духовенствомъ на значеніи прокуратуры въ синодальномъ вѣдомствѣ и положеніи св. Синода, какъ высшаго церковнаго учрежденія. Пратасовъ, „облегчившій бремя правленія Синода“ распредѣленіемъ разнообразныхъ дѣлъ духовнаго вѣдомства между организованными имъ своеобразными департаментами, непосредственно подчиненными оберъ-прокурорской власти, пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на весь ходъ церковной жизни и всю систему духовнаго управленія, а св. Синодъ поставилъ въ такое положеніе, что онъ принужденъ былъ окончательно примириться съ утратою своего прежняго значенія и необходимостью во всемъ подчиняться

---

[1]) Тамъ же, № 223.

[2]) Странникъ. 1882 г., кн. IX, стр. 81.

[3]) Тамъ же, стр. 82.

вліянію представителя государственной власти въ церковномъ управленіи.

По словамъ Исмайлова, если кто изъ синодальныхъ членовъ рѣшался возвышать голосъ въ защиту своихъ правъ или разсуждать несогласно со взглядами оберъ-прокурора, то неизбѣжно долженъ былъ считаться съ серьезною опасностью или быть устраненнымъ отъ присутствованія въ Синодѣ, или даже оказаться переведеннымъ въ худшую епархію, „безъ суда и апелляціи"; если же кто изъ канцелярскихъ чиновниковъ осмѣливался, въ случаяхъ какихъ-либо недоразумѣній между прокуратурой и св. Синодомъ, дѣйствовать не противъ Синода, а въ его интересахъ, какъ нерѣдко бывало прежде, то такого смѣльчака или совершенно увольняли со службы, или лишали всякихъ правъ на повышеніе. „Страхъ и трепетъ объяли всѣхъ", замѣчаетъ авторъ цитируемыхъ „Воспоминаній" по поводу отношеній Пратасова къ подчиненному его оберъ-прокурорскому надзору духовному вѣдомству [1]). „Завелись секретныя дѣла, изслѣдованія подъ рукою; появились между чиновниками доносчики", и ничто не оставалось неизвѣстнымъ оберъ-прокурору. Секретарямъ консисторій было предоставлено право контроля надъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ и вмѣнено въ обязанность доносить оберъ-прокурору обо всемъ, что происходило въ епархіяхъ. „Словомъ", заключаетъ Исмайловъ свою характеристику Пратасовскаго режима въ сферѣ церковнаго управленія [2]), „ни одно средство не было упущено... къ воцаренію надъ духовными аристократическаго владычества".

Если вѣрить интереснымъ выпискамъ, сдѣланнымъ авторомъ довольно тенденціозной статьи „Синодальныя персоны" [3]) изъ неизданныхъ ежедневныхъ записей его родственника, жившаго въ изучаемое время [4]), то сами члены св. Синода говорили, что „Пратасовъ забралъ ихъ въ руки по-военному, сразу...

---

[1]) Тамъ же, стр. 83.

[2]) Тамъ же.

[3]) Историческій Вѣстникъ. 1882 г. кн. XI, стр. 373—409.

[4]) Тамъ же, стр. 398.

и сонмомъ архіерейскимъ какъ эскадрономъ на ученьи командовалъ", поставивъ членовъ высшаго церковнаго учрежденія въ такое положеніе, „что (они) просто голоса поднимать не смѣли" [1]). По словамъ цитируемыхъ записей, первенствующій синодальный членъ, петербургскій митрополитъ Серафимъ, вспоминая незадолго до своей смерти объ обстоятельствахъ, при какихъ произошло назначеніе Пратасова оберъ-прокуроромъ св. Синода, говорилъ: „послали тогда меня... просить вамъ царя, я сдѣлалъ по желанію— выпросилъ его вамъ, и вотъ семь лѣтъ смотрю, какъ онъ всѣхъ зацираетъ. Духъ изъ всѣхъ повышибъ.... Вы просили его себѣ въ цари и стяжайте въ терпѣніи вашемъ души ваши" [2]).—Не менѣе интереса представляютъ въ разсматриваемомъ отношеніи и слова самого Пратасова, съ какими онъ нашелъ нужнымъ обратиться къ архимандриту Никодиму, вызванному въ Петербургъ для работъ по составленію новыхъ программъ духовно-учебныхъ заведеній. „Мы васъ позвали на работу", сказалъ Никодиму оберъ-прокуроръ, избравшій его, безъ вѣдома св. Синода, орудіемъ проведенія въ практическую жизнь своихъ собственныхъ взглядовъ на цѣли и задачи образованія духовнаго юношества. „*Прошу знать меня и еще никого*". Мы васъ успокоимъ, дадимъ все. *Не бойтесь никого, нижѐ вашихъ архіереевъ*. Я вашъ заступникъ. Храните въ тайнѣ все, что будетъ поручено вамъ" [3]).

Справедливость, однако же, требуетъ замѣтить, что, какъ ни велико было значеніе Пратасова въ сферѣ церковной жизни и какъ ни сильна была фактическая зависимость духовенства отъ прокуратуры, все же и при немъ въ средѣ высшей іерархіи находились отдѣльныя личности, рѣшавшіяся, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не измѣнять своимъ убѣжденіямъ въ угоду взглядамъ и желаніямъ всесильнаго оберъ-прокурора.

Когда, по иниціативѣ Пратасова, начался пересмотръ учебныхъ программъ въ духовныхъ академіяхъ и семинарі-

---

[1]) Тамъ же, стр. 399.
[2]) Тамъ же, стр. 400.
[3]) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели..., стр. 321—322.

яхъ, ректоръ петербургской академіи Аѳанасій, составивъ, въ видѣ учебнаго руководства для семинарій, герменевтику, отвѣчавшую взглядамъ и убѣжденіямъ синодальнаго оберъ-прокурора, представилъ ее въ св. Синодъ. Въ своей герменевтикѣ Аѳанасій возставалъ противъ еврейскаго текста Библіи, настаивалъ на канонизаціи перевода LXX и признавалъ недостаточность Св. Писанія для уразумѣнія истинъ христіанской вѣры, что вполнѣ гармонировало со взглядами самого Пратасова, почему послѣдній и признавалъ въ высшей степени желательнымъ ввести сочиненіе Аѳанасія въ духовныя семинаріи, въ качествѣ обязательнаго учебнаго руководства. А такъ какъ для исполненія оберъ-прокурорскаго желанія требовалось соблюденіе извѣстныхъ формальностей, то Пратасовъ обратился къ одному изъ синодальныхъ членовъ, кіевскому митрополиту, съ просьбою дать необходимый отзывъ о достоинствахъ герменевтики. Но кіевскій митрополитъ, освѣдомленный о содержаніи представленной рукописи и прекрасно понимавшій, какого отзыва желаетъ отъ него оберъ-прокуроръ, уклонился отъ рецензированія труда Аѳанасія, не смотря на самыя настойчивыя просьбы Пратасова. Московскій же митрополитъ Филаретъ, хотя и не уклонился отъ исполненія оберъ-прокурорскаго предложенія, но въ своемъ отзывѣ о герменевтикѣ Аѳанасія высказалъ мысли, совершенно не согласныя съ воззрѣніями Пратасова, рѣшительно заявивъ, что разсмотрѣнная рукопись, въ настоящемъ ея видѣ, не можетъ быть съ пользою употребляема въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Съ такого же рода фактомъ знакомитъ насъ и всеподданнѣйшій докладъ Пратасова отъ 21 февраля 1839 года. Въ представленномъ государю докладѣ оберъ-прокуроръ сообщалъ, что св. Синодъ, не смотря на предложеніе прокуратуры, не пришелъ къ единогласному рѣшенію возбужденнаго въ немъ вопроса о правахъ священно-служителей, слагающихъ съ себя духовный санъ, и въ то время, какъ бо́льшая часть синодальныхъ членовъ рѣшительно высказалась за ограниченіе правъ слагающихъ съ себя духовный санъ, заявивъ, что ни-

---

[1]) Тамъ же, стр. 338—339.

когда и ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ дозволять такимъ лицамъ жить въ предѣлахъ своей губерніи и въ столицѣ, одинъ изъ членовъ Синода, царскій духовникъ Музовскій, подалъ особое мнѣніе, не согласное со взглядами остального наличнаго персонала высшаго церковнаго учрежденія. „Послѣ предложенія моего приступить къ согласному заключенію“, писалъ Пратасовъ [1]), „какъ духовникъ Музовскій, такъ и прочіе члены остались при своихъ мнѣніяхъ“.

Но, не говоря уже о томъ, что подобныя проявленія извѣстной, хотя и довольно слабой, самостоятельности членовъ св. Синода въ отношеніи къ требованіямъ и желаніямъ прокуратуры имѣли мѣсто только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, они нисколько не отнимали у Пратасова самой возможности проводить въ церковную жизнь ту или другую, намѣченную имъ, мѣру, такъ какъ оберъ-прокуроръ располагалъ могущественнымъ средствомъ вліянія на синодальное управленіе — правомъ непосредственныхъ докладовъ верховной власти. Располагая же такимъ важнымъ правомъ и пользуясь большимъ довѣріемъ государя, который, по его собственнымъ словамъ, уважалъ синодальнаго оберъ-прокурора, какъ „достойнаго и вѣрнаго слугу“, Пратасовъ, въ подобныхъ случаяхъ, легко могъ вызвать своимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, согласное съ воззрѣніями прокуратуры, высочайшее разрѣшеніе затронутаго вопроса.

И мы видимъ, что оберъ-прокуроръ, дѣйствительно, такъ и поступилъ при представленіи государю установленнаго доклада объ упомянутомъ случаѣ разногласія синодальныхъ членовъ. Доводя до свѣдѣнія императора различныя мнѣнія, заявленныя въ засѣданіи св. Синода по вопросу „о слагающихъ съ себя духовный санъ“, Пратасовъ нашелъ нужнымъ высказать и свой собственный взглядъ на затронутый вопросъ. „Поставляю долгомъ *съ моей стороны присовокупить*“, писалъ онъ [2]), что въ послѣднее время случаи сло-

---

[1]) Архивъ об.-пр. св. Син. Всеподд. доклады за 1839 г. № 28.

[2]) Тамъ же.

женія духовнаго сана стали чаще, и внимательное разсмотрѣніе производящихся о нихъ дѣлъ побуждаетъ считать одной изъ важныхъ причинъ соблазнительныхъ переходовъ изъ духовнаго въ свѣтское сословіе легкость и удобство поступленія въ другое, болѣе выгодное и менѣе отвѣтственное званіе, почему и разсужденія большинства синодальныхъ членовъ представляются совершенно правильными. Взгляды большей части синодальныхъ членовъ, по словамъ автора всеподданнѣйшаго доклада, не могутъ быть признаны несправедливыми и по отношенію къ бѣлому духовенству, какъ утверждалъ царскій духовникъ Музовскій, такъ какъ въ проектѣ законоположенія предполагалось поставить священниковъ, добровольно слагающихъ съ себя санъ, въ болѣе удобныя жизненныя условія, чѣмъ бывшихъ монаховъ, и, сохранивъ за ними всѣ права по рожденію и воспитанію, дозволить имъ поступленіе на гражданскую службу. Впрочемъ, замѣтилъ оберъ-прокуроръ, по вниманію къ особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, способнымъ хотя нѣсколько извинять добровольное сложеніе сана священнослужителями изъ среды бѣлаго духовенства, можно было бы дозволить бывшимъ священникамъ и дьяконамъ, зарекомендовавшимъ себя безукоризненнымъ поведеніемъ въ продолженіе 7 лѣтъ, имѣть пребываніе и въ столицѣ.

Разсужденія Пратасова о необходимости ограничить права добровольно слагающихъ съ себя духовный санъ оказали извѣстную долю вліянія на государя, и Николай Павловичъ въ обширной резолюціи на оберъ-прокурорскій докладъ рѣшительно высказался противъ мнѣнія своего духовника Музовскаго. „Полагаю“, написалъ императоръ Николай [1]), „что званіе священническое столь важно, что... должно затруднить добровольное онаго сложеніе. Не отвергая, что быть могутъ случаи, которые сложеніе дѣлаютъ иногда необходимымъ, полагаю однако, что никакъ нельзя допускать, чтобъ лицо, носившее сіе высокое званіе, могло непосредственно посвящаться иному служенію, какое бы ни было, безъ явнаго соблазна и какъ бы въ доказательство, что мірскія обязанности сильнѣе духовныхъ. Потому, сколь мнѣ ни прискорбно не раздѣлять мнѣнія моего отца духовнаго, полагаю нужнымъ

[1]) Тамъ же.

постановить впредь: 1) дьякопамъ, добровольно съ себя слагающимъ сіе званіе, воспретить вступать въ какой бы ни было родъ государственной службы ранѣе 6 лѣтъ, 2) а священникамъ ранѣе 10 лѣтъ,—возвращаясь каждому въ первобытное свое состояніе и не пользуясь впредь никакими иными выгодами, кромѣ состояніемъ симъ присвоенными".

Непосредственные доклады государю, позволявшіе синодальному оберъ-прокурору представлять на разсмотрѣніе верховной власти всѣ вопросы церковной жизни въ своемъ собственномъ, субъективномъ освѣщеніи, имѣли громадное значеніе въ рукахъ Пратасова, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ Николая Павловича. Они давали возможность прокуратурѣ убѣждать верховную власть въ необходимости именно тѣхъ мѣръ по разнообразнымъ отраслямъ синодальнаго управленія, какія признавались желательными не высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, а самимъ оберъ-прокуроромъ, и почти всегда позволяли получать высочайшія резолюціи, не оставлявшія уже никакого мѣста самостоятельности Синода и побуждавшія его или безпрекословно мириться съ совершившимся фактомъ, или же оказывать содѣйствіе проведенію въ практическую жизнь взглядовъ и убѣжденій прокуратуры.

Пратасовъ широко пользовался преимуществами своего положенія и, всегда дѣйствуя отъ имени верховной власти, одобрявшей его многочисленные всеподданнѣйшіе доклады и тѣмъ самымъ обязывавшей Синодъ руководиться высказанными въ докладахъ взглядами оберъ-прокурора, не только оказывалъ сильное вліяніе на различныя стороны церковной жизни, но и *фактически* сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все дѣйствительное управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, оставляя на долю высшаго церковнаго учрежденія дѣятельность подчиненнаго административнаго органа, поставленнаго въ необходимость во всемъ сообразоваться съ указаніями прокуратуры.

Наиболѣе типичный примѣръ такого положенія, занятаго въ сферѣ церковнаго управленія св. Синодомъ и его оберъ-прокуроромъ, даетъ намъ предпринятое, по иниціативѣ Пратасова, преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній и стремленіе правительства того времени утвердить все воспитаніе духовнаго юношества на новыхъ началахъ. И въ данной области, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ церковнаго управленія,

св. Синодъ былъ поставленъ въ необходимость проводить въ практическую жизнь не собственные взгляды на цѣли и задачи духовнаго образованія, а оберъ-прокурорскія идеи, такъ какъ Пратасовъ, посредствомъ установленныхъ докладовъ, предварительно знакомилъ съ ними самого государя и обыкновенно успѣвалъ вызывать сочувствіе къ своимъ взглядамъ и высочайшее одобреніе задуманныхъ преобразованій.

„Еще милосердный Господь хранитъ православный русскій народъ отъ горькихъ слѣдствій свободомыслія“, писалъ Пратасовъ въ секретной всеподданнѣйшей докладной запискѣ отъ 14 ноября 1842 года [1]), „еще преданность къ отеческой вѣрѣ жива въ сердцахъ его; но тѣмъ заботливѣе должны быть блюстители вѣры и тѣмъ тщательнѣе должны извлекать всю пользу изъ уроковъ прошедшаго для охраненія началъ, на коихъ зиждется религіозное воспитаніе юношества, особенно духовнаго“.—„Къ сожалѣнію“, утверждалъ оберъ-прокуроръ, „не можемъ скрывать отъ себя, что и у насъ сіи начала нарушены“. По его словамъ, еще за 100 лѣтъ на нашу православную русскую почву было брошено сѣмя протестанскаго ученія, и если оно до настоящаго времени не успѣло принести здѣсь тѣхъ же плодовъ, какіе уже дало за границей, то исключительно только потому, что воспитанники духовныхъ училищъ, поступая въ служители алтаря и встрѣчая въ обрядахъ, правилахъ и чиноположеніяхъ церкви, а равнымъ образомъ въ умахъ и обычаяхъ православныхъ прихожанъ, совершенно новыя понятія, не похожія на тѣ, какими они напитывались въ своихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, по необходимости оставляли ученіе школы... Но сѣмя брошено: оно растетъ, и растетъ не такъ медленно, какъ кажется съ перваго взгляда. Современныя идеи германскихъ богослововъ проникли и въ наши учебныя заведенія; онѣ находятъ почитателей въ средѣ русскаго духовенства и, что особенно прискорбно, между лицами наиболѣе образованными, могущими имѣть вліяніе на другихъ.

Первымъ сѣятелемъ чуждыхъ намъ понятій на нивѣ образованія духовнаго юношества Пратасовъ признавалъ Ѳеофана Прокоповича. По словамъ его докладной записки, Ѳеофанъ, угождая временщику Бирону и сильной партіи ино-

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Дѣла секретныя, № 8.

вѣрцевъ, не съумѣлъ избрать золотой средины между противоположными крайностями двухъ главныхъ вѣроисповѣданій Западной Европы. Съ одной стороны, онъ увлекся ненавистью къ властолюбивымъ притязаніямъ папизма, а съ другой— заразился протестанскимъ свободомысліемъ въ дѣлахъ вѣры, вслѣдствіе чего, поражая папистовъ, въ то же время наносилъ вредъ и своей церкви. Онъ совершенно забылъ, что восточная церковь, чуждаясь нововведеній церкви западной, стоитъ, однако, на одномъ основаніи съ нею и не можетъ сойти съ него, не утративъ общенія съ древнею вселенскою церковью. А между тѣмъ, принятыя имъ начала легли въ основу всѣхъ богословскихъ учебниковъ, употреблявшихся въ школахъ духовнаго вѣдомства, результатомъ чего и было то, что „воспитаніе русскаго духовнаго юношества во многихъ отношеніяхъ стояло на основаніи произвольномъ, неправославномъ, общемъ съ разнородными протестанскими сектами“. Къ сожалѣнію, писалъ оберъ-прокуроръ, преобладавшая у насъ въ прошломъ столѣтіи мысль, будто бы ни въ одномъ предметѣ своего образованія мы не можемъ обойтись безъ подражанія европейскимъ ученымъ, поддерживала вредное направленіе. Уставомъ духовныхъ училищъ даже предписывалось держаться по каждой наукѣ на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами [1]) и объяснять св. Писаніе не по переводу 70 толковниковъ, а по оригинальному, т. е. еврейскому тексту. Самое существованіе отдѣльной отъ св. Синода власти для управленія духовно-учебными заведеніями парализовало стремленія ревностныхъ іерарховъ возстановить богословское ученіе въ прежнемъ духѣ церкви, „безъ примѣси чуждыхъ ей мудрованій“.

Въ то время, какъ русское духовенство получало въ своихъ школахъ такое нежелательное образованіе, библейскія общества предлагали народу чтеніе книгъ св. Писанія, безъ святоотеческихъ объясненій, и тѣмъ самымъ предоставляли каждому читателю полнѣйшую свободу понимать Библію по собственному разумѣнію. Одновременно съ тѣмъ, печатались и даже разсылались по духовному вѣдомству переводы иностранныхъ сочиненій теософическаго и мистическаго содержанія, проводившіе въ сознаніе читателей совершенно не-

[1]) Уставъ Духовн. Училищъ 1814 г. § 122-й.

православныя идеи о христіанской церкви, что и повело за собою развитіе различныхъ раскольническихъ ученій и возникновеніе опасныхъ мнимо-пророческихъ сектъ среди образованнаго русскаго общества. Зло, по мнѣнію Пратасова, достигло крайняго предѣла, такъ что болѣе уже не могло быть терпимо, безъ явнаго соблазна для народа, и правительство увидѣло себя вынужденнымъ принять рѣшительныя мѣры противъ прилива къ намъ чуждыхъ идей. Вреднѣйшія изъ мистическихъ книгъ были запрещены; печатаніе духовно-нравственныхъ сочиненій подчинено духовной цензурѣ, получившей особый уставъ; россійскія библейскія общества закрыты; переводъ на русскій языкъ ветхозавѣтныхъ книгъ св. Писанія остановленъ; дѣйствія раскольническихъ сектъ подвергнуты строжайшему наблюденію. Съ 1836 года предприняты самыя дѣятельныя мѣры и къ совершенному преобразованію воспитанія духовнаго юношества; по высочайшему повелѣнію, изданы въ свѣтъ коренные уставы вселенской церкви, какъ основаніе каноническаго права, не имѣвшаго мѣста въ программахъ духовно-учебныхъ заведеній прежняго времени; сдѣланы главными руководствами въ преподаваніи догматическаго богословія „Изложеніе православной вѣры“, написанное восточными патріархами, и „Православное исповѣданіе вѣры“, составленное Петромъ Могилой; въ академіяхъ и семинаріяхъ введено ученіе объ отцахъ церкви и распространено на всѣ три отдѣленія преподаваніе спеціальныхъ богословскихъ наукъ; возобновлено изданіе книги Стефана Яворскаго „Камень вѣры“ и, наконецъ, пространный катихизисъ московскаго митрополита Филарета, совершенно переработанный авторомъ, согласно съ строгими требованіями древняго православія, введенъ въ повсемѣстное употребленіе, въ качествѣ школьнаго руководства по закону Божію.

„Но для того“, писалъ оберъ-прокуроръ, „чтобы истинное древнее вѣроученіе проникло всѣ отрасли богословскаго преподаванія и принесло благословенные плоды, нужно еще много усилій, твердости и постоянства въ неуклонномъ направленіи духовнаго образованія къ спасительной цѣли“. Для достиженія намѣченной „спасительной“ цѣли, Пратасовъ и признавалъ необходимымъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній руководиться въ своей педагогической дѣятельности слѣдую-

щими началами. Во 1-хъ, утверждалъ онъ, никогда не слѣдуетъ забывать, что Св. Писаніе не изъясняетъ само себя, а можетъ быть правильно понимаемо только въ отеческомъ, соборномъ и церковномъ ученіи; во 2-хъ, такъ какъ еврейскій текстъ Библіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отличается отъ греческаго текста 70 толковниковъ, которымъ пользовались апостолы и св. отцы, то объясненія Св. Писанія должно приспособлять къ греческому тексту; въ 3-хъ, надлежитъ остерегать воспитанниковъ отъ ученыхъ, „мертвящихъ душу“, злоупотребленій Св. Писаніемъ, позволяющихъ смотрѣть на него, какъ на предметъ историческихъ, филологическихъ и философскихъ изслѣдованій; въ 4-хъ, въ среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, готовящихъ юношество въ сельскіе священники, не должно поднимать безполезныхъ и даже опасныхъ неологическихъ вопросовъ о вѣрѣ, извѣстныхъ намъ только по иностраннымъ сочиненіямъ. „Доброе невѣдѣніе“— говоритъ Златоустъ—„лучше худого знанія“. Въ 5-хъ, необходимо изгнать изъ преподаванія догматическаго богословія усиленный систематизмъ, придающій духовнымъ наукамъ видъ наукъ свѣтскихъ, и, наконецъ, при изученіи нравственнаго богословія слѣдуетъ съ надлежащею силою и полнотою раскрывать изложенныя въ „Православномъ исповѣданіи“ церковныя заповѣди и вообще употреблять всѣ усилія, чтобы ученіе Христово падало на сердца воспитанниковъ и оплодотворялось въ жизни.

Пратасовъ успѣлъ убѣдить государя въ безусловной необходимости строго руководиться высказанными взглядами въ дѣлѣ обученія духовнаго юношества и получилъ высочайшее одобреніе намѣченнымъ преобразованіямъ въ постановкѣ преподаванія различныхъ богословскихъ наукъ. „Совершенно одобряю взглядъ сей на положеніе нашихъ духовныхъ дѣлъ“, написалъ Николай Павловичъ на докладной запискѣ оберъ-прокурора [1]); „слѣдуетъ продолжать осторожно исправлять то, что еще осталось прежняго неправильнаго; это долгъ нашъ“. Едва ли нужно доказывать, что высочайшая резолюція, вполнѣ одобрявшая воззрѣнія оберъ-прокурора, не оставляла уже никакого мѣста самостоятельности св. Синода въ отношеніи къ разнообразнымъ вопросамъ духовно-учебнаго

[1]) Архивъ канц. об.-пр. св. Син. Дѣла секретныя, № 8.

управленія и предоставляла въ распоряженіе Пратасова достаточныя, законныя основанія придавать желательное направленіе дѣятельности высшаго церковнаго учрежденія.

Члены св. Синода, подъ вліяніемъ сильно окрѣпшей власти прокуратуры, были поставлены въ необходимость во всемъ сообразоваться со взглядами и желаніями Пратасова, такъ какъ неумѣстное проявленіе самостоятельности сопровождалось обыкновенно крайне непріятными послѣдствіями даже для самыхъ выдающихся іерарховъ, осмѣливавшихся дѣйствовать не вполнѣ согласно съ видами своего оберъ-прокурора.—Когда началось разслѣдованіе извѣстнаго дѣла, вызваннаго доносомъ о появленіи литографированнаго перевода Библіи, московскій митрополитъ Филаретъ позволилъ себѣ высказать мнѣніе, что полезно было бы составить и издать русскій переводъ Св. Писанія отъ лица св. Синода. Мы уже знаемъ, какъ мало гармонировала подобная мысль, высказанная митрополитомъ Филаретомъ, съ своеобразными убѣжденіями оберъ-прокурора, и Пратасовъ, желая вызвать высочайшее неодобреніе намѣреніямъ наиболѣе вліятельнаго синодальнаго члена, предварительно предложилъ его мнѣніе на разсмотрѣніе петербургскаго митрополита Серафима, не присутствовавшаго въ то время въ св. Синодѣ по болѣзненному состоянію [1]), а затѣмъ, получивъ отъ него заявленіе, что предложенія Филарета не только излишни, но даже опасны, и что никому и ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ дозволять переводить священный текстъ Библіи на русскій языкъ [2]), доложилъ обо всемъ государю. Николай Павловичъ вполнѣ одобрилъ мнѣніе митрополита Серафима, бывшее, вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядомъ самого оберъ-прокурора, и приказалъ усилить мѣры къ сохраненію неприкосновенности священнаго библейскаго текста и произвести строгое разслѣдованіе дѣла о самовольномъ переводѣ св. Писанія. Разслѣдованіе даннаго дѣла, какъ извѣстно, и позволило Пратасову совершенно устранить отъ присутствованія въ высшемъ церковномъ учрежденіи не совсѣмъ удобныхъ для прокуратуры синодальныхъ членовъ, способныхъ еще оказывать слабые признаки извѣстной самостоятельности въ обсуж-

---

[1]) Русскій Архивъ. 1878 г., ч. III, стр. 522.
[2]) Тамъ же, стр. 524.

деніи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ. По высочайшему повелѣнію, состоявшемуся подъ вліяніемъ оберъ-прокурора, въ 1842 году, предъ началомъ лѣтняго вакаціоннаго времени, наиболѣе видные и авторитетные іерархи, московскій и кіевскій митрополиты, оказавшіеся косвеннымъ образомъ замѣшанными въ разбиравшемся дѣлѣ, были уволены въ свои епархіи, и уволены съ тѣмъ, чтобы уже болѣе никогда не быть вызванными въ св. Синодъ.

Нельзя не замѣтить, что, отстраняя отъ непосредственнаго участія въ высшемъ церковномъ управленіи наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ іерарховъ русской церкви, Пратасовъ руководился не интересами самаго дѣла, находившагося въ вѣдѣніи св. Синода, такъ какъ они могли только страдать отъ подобныхъ пріемовъ прокуратуры, а простымъ желаніемъ поставить Синодъ въ такое положеніе, чтобы не встрѣчать въ немъ никакихъ проявленій самостоятельности и независимости въ рѣшеніи различныхъ церковныхъ вопросовъ.

Съ устраненіемъ обоихъ митрополитовъ Филаретовъ отъ присутствованія въ св. Синодѣ, Пратасовъ уже могъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ и отъ самыхъ слабыхъ проявленій нежелательной для прокуратуры самостоятельности членовъ высшаго церковнаго учрежденія, такъ какъ судьба даже такихъ видныхъ и вліятельныхъ іерарховъ, какими были уволенные въ свои епархіи митрополиты, съ достаточною ясностью показала, насколько развилась и окрѣпла *фактическая* зависимость церковной іерархіи отъ оберъ-прокурорской власти.

И мы, дѣйствительно, видимъ, что, со времени преобразованія высшаго церковнаго управленія и удаленія изъ наличнаго состава св. Синода неудобныхъ элементовъ, Пратасовъ окончательно завершилъ процессъ постепеннаго подчиненія синодальнаго управленія вліянію оберъ-прокурорской власти и, пользуясь неизмѣннымъ расположеніемъ и безусловнымъ довѣріемъ императора Николая, удержалъ за прокуратурой пріобрѣтенное значеніе до самаго конца своей жизни.

15 генваря 1855 года Пратасовъ обратился къ государю съ просьбою разрѣшить ему, по случаю болѣзни, временно передать оберъ-прокурорскія обязанности тайному совѣтнику

---

[3]) Канцелярія об.-пр. св. Син. Дѣло 1855 г. (мин. 15) № 3, стр. 1.

Карасевскому [1]), а на слѣдующій день Карасевскій уже представилъ Николаю Павловичу всеподданнѣйшій докладъ о неожиданной смерти оберъ-прокурора. „Долгомъ считаю съ глубокою скорбію донести Вашему Императорскому Величеству“, писалъ онъ 16 января 1855 года, „что оберъ-прокуроръ св. Синода, генералъ-адъютантъ, гр. Пратасовъ, по кратковременной болѣзни, сего 16 января, въ два съ половиною часа утра, волею Божіею, переселился отъ сей временной жизни въ вѣчную“. „Искренно и душевно скорблю“, заявилъ императоръ Николай по случаю доклада Карасевскаго о смерти Пратасова [1]), — „скорблю о потерѣ этого достойнаго и вѣрнаго слуги, котораго столь давно зналъ и уважалъ“.

[1]) Тамъ же, стр. 8.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы прослѣдили исторію отношеній оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду со времени учрежденія института синодальной прокуратуры до пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, когда окончательно завершился интересующій насъ историческій процессъ развитія вліянія оберъ-прокурорской власти на церковное управленіе. Въ предисловіи къ предлагаемому изслѣдованію нами было сдѣлано замѣчаніе, что принципіальное рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви постепенно подготовлялось еще въ московской Руси, и, послѣ реформъ великаго преобразователя, правительству оставалось только выработать тѣ формы, въ которыя должно было облечься участіе государства при церковномъ управленіи. Далекій отъ мысли считать церковь, существующую въ предѣлахъ государства, вполнѣ самостоятельнымъ духовнымъ организмомъ, находящимся внѣ всякой зависимости отъ верховной власти, Петръ 1, смотрѣвшій на церковное управленіе съ государственной точки зрѣнія, призналъ необходимымъ организовать его на новыхъ началахъ, гарантировавшихъ правительству желательный характеръ дѣятельности высшей церковной власти. Стоявшій во главѣ русской церкви патріархъ, какъ самостоятельный и въ достаточной степени независимый органъ церковнаго управленія, не могъ доставить Петру подоб-

ныхъ гарантій и былъ замѣненъ имъ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, организованнымъ по типу уже существовавшихъ государственныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ отдѣльными отраслями управленія. И хотя новое учрежденіе должно было руководиться въ своей дѣятельности Духовнымъ Регламентомъ, составленнымъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ верховной власти, и было обязано признавать „своимъ крайнимъ судьею самого всероссійскаго монарха“, но преобразователь находилъ невозможнымъ оставлять и его правительственную дѣятельность безъ всякаго надзора со стороны государственной власти.

Русская церковь, въ лицѣ высшей іерархіи и различныхъ церковныхъ учрежденій, располагала обширными экономическими и юридическими правами, и правительство было сильно заинтересовано, чтобы вновь учрежденный св. Синодъ, надѣленный важными правами, далеко выходившими за предѣлы спеціально-церковной сферы, былъ лишенъ возможности пользоваться ими въ ущербъ интересамъ государства. Для достиженія подобной цѣли реформаторъ и назначилъ въ св. Синодъ постоянный правительственный органъ, обязанный наблюдать, чтобы стремленія представителей церкви не приходили въ столкновенія съ стремленіями государства и не нарушали бы его интересовъ.

Учредивъ спеціальную государственную должность синодальнаго оберъ-прокурора, Петровское правительство было, однако же, далеко отъ мысли стѣснить свободу и самостоятельность св. Синода и въ управленіи *внутреннею жизнью церкви*; преслѣдуя довольно узкія, практическія цѣли, оно не обнаруживало нежелательныхъ и незаконныхъ съ канонической точки зрѣнія стремленій вліять, чрезъ своихъ оберъ-прокуроровъ, на св. Синодъ, не только въ установленіи самыхъ основъ церковной жизни, въ опредѣленіи ученія и каноновъ церкви, въ учрежденіи разнообразныхъ церковныхъ обрядовъ, но и въ назначеніи высшихъ правителей церкви и различныхъ должностныхъ лицъ, въ завѣдываніи духовнымъ образованіемъ

и церковнымъ судомъ. Вся эта область внутренняго церковнаго управленія, какъ видно изъ указа императрицы Екатерины I отъ 15 іюля 1726 года, должна была находиться, по мысли Петра, въ распоряженіи самихъ представителей церкви, и оберъ-прокурорская власть обязывалась лишь наблюдать за тѣмъ, чтобы св. Синодъ „управлялъ духовными дѣлами всероссійской церкви по Регламенту“, одобренному и утвержденному самимъ государемъ.

Но, предоставляя св. Синоду относительную свободу въ завѣдываніи спеціально-церковными или „духовными“ дѣлами, какъ они назывались въ оффиціальныхъ документахъ того времени, правительство признавало уже неудобнымъ предоставить высшему церковному учрежденію такую же свободу и въ управленіи обширнымъ кругомъ дѣлъ, близко затрогивавшихъ матеріальные, экономическіе интересы государства. Здѣсь, въ этой обширной сферѣ полу-церковныхъ и полу-государственныхъ дѣлъ преобразователь находилъ необходимымъ поставить св. Синодъ въ такое положеніе, которое бы вполнѣ обезпечивало государству желательный характеръ управленія экономическими и нѣкоторыми другими дѣлами *синодальнаго вѣдомства*. Очевидно признавая недостаточнымъ одно учрежденіе оберъ-прокурорской власти, надѣленной важнымъ правомъ не позволять св. Синоду приводить въ исполненіе различныя постановленія, въ какомъ либо отношеніи нарушавшія государственные интересы, и дѣлать ему разнообразныя предложенія, Петръ, по словамъ Екатерининскаго указа, намѣревался устранить св. Синодъ отъ ближайшаго и непосредственнаго завѣдыванія не „духовными“ дѣлами церковнаго вѣдомства и поручить ихъ вѣдѣнію свѣтскихъ лицъ.

Екатерина I, осуществляя намѣренія и планы преобразователя, сосредоточила управленіе всѣми наиболѣе интересными для государства дѣлами духовнаго вѣдомства во второмъ апартаментѣ реорганизованнаго Синода, составивъ его исключительно изъ однихъ свѣтскихъ лицъ и отведя среди

нихъ первое мѣсто представителю синодальной прокуратуры. Назначеніе оберъ-прокурора первенствующимъ членомъ второго апартамента, въ скоромъ времени переименованнаго въ коллегію экономіи, указало кругъ главнѣйшихъ дѣлъ и важнѣйшихъ обязанностей синодальной прокуратуры и въ значительной степени опредѣлило самый характеръ практической дѣятельности первыхъ оберъ-прокуроровъ. И дѣйствительно, документальныя данныя, имѣющія отношеніе къ дѣятельности синодальной прокуратуры въ царствованіе преобразователя и его ближайшихъ преемниковъ, говорятъ, что оберъ-прокуроры, наблюдая за распоряженіями и постановленіями св. Синода, касавшимися различныхъ отраслей церковнаго управленія, обращали главное и преимущественное вниманіе на находившіяся въ вѣдѣніи Синода экономическія дѣла, близко затрогивавшія матеріальные интересы государства. Но и въ этой послѣдней отрасли синодальнаго управленія, всего болѣе озабочивавшей правительство, явно стремившееся поставить ее въ ближайшую зависимость отъ себя, первые оберъ-прокуроры не пользовались значительнымъ вліяніемъ на ходъ текущихъ дѣлъ, и высшее церковное учрежденіе могло довольно легко и свободно не только не исполнять разнообразныхъ предложеній прокуратуры, если находило ихъ не отвѣчавшими интересамъ церкви и церковнаго вѣдомства, а даже иногда не придавать значенія и формальнымъ протестамъ оберъ-прокурорской власти противъ своихъ постановленій и распоряженій.

Съ вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы и назначеніемъ Шаховского на постъ синодальнаго оберъ-прокурора, прокуратура начинаетъ довольно широко пользоваться предоставленными ей правами и полномочіями и, внимательно наблюдая за разнообразною правительственною дѣятельностью св. Синода, дѣлаетъ ему настойчивыя предложенія, протестуетъ противъ его постановленій и обнаруживаетъ несомнѣнное стремленіе оказывать извѣстное вліяніе не только на рѣшеніе дѣлъ, связанныхъ съ завѣдываніемъ церковными

имѣніями, но и на другія отрасли синодальнаго управленія. Выходя далеко за предѣлы простого контролированія дѣятельности св. Синода, затрогивавшей экономическіе интересы государства, оберъ-прокуроры стремятся ввести въ сферу своего вліянія и такія стороны синодальнаго управленія, какъ производство церковнаго суда, организація системы духовнаго образованія будущихъ пастырей церкви и религіознаго просвѣщенія прихожанъ, устройство церковнаго благочинія, и заявляютъ настойчивое желаніе подчинить своему ближайшему надзору мѣстное, епархіальное управленіе.

Съ переходомъ же верховной власти въ руки Екатерины II, усвоившей себѣ либеральные философскіе взгляды на религію и церковь, у синодальной прикуратуры являются покушенія оказывать извѣстное вліяніе на св. Синодъ даже въ вопросахъ чисто религіознаго характера, побуждая его производить, въ духѣ времени, различныя измѣненія въ церковныхъ канонахъ и обрядахъ [1]). Но стремленіямъ прокуратуры довольно широко пользоваться не совсѣмъ точно опредѣленными правами, данными ей извѣстной инструкціей 1722 года, и даже иногда выходить за предѣлы предоставленныхъ полномочій и теперь еще далеко не соотвѣтствовало дѣйствительное, фактическое вліяніе оберъ-прокуроровъ на разнообразныя отрасли церковнаго управленія, находившіяся въ вѣдѣніи св. Синода. Члены высшаго церковнаго учрежденія, хотя иногда и должны были считаться съ протестами прокуратуры противъ нѣкоторыхъ изъ своихъ постановленій, преимущественно экономическаго характера, но въ то же время находили въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ, чтобы довольно успѣшно парализовать нежелательное вліяніе оберъ-прокуроровъ на различныя стороны синодальнаго управленія. Св. Синодъ обнаруживалъ несомнѣнное стремленіе за-

[1]) Имѣемъ въ виду извѣстные „пункты“ оберъ-прокурора Мелиссино.

вѣдывать церковнымъ управленіемъ, въ предѣлахъ предоставленныхъ ему правъ, болѣе или менѣе самостоятельно и, по возможности, независимо отъ оберъ-прокурорскаго вліянія, почему обыкновенно уклонялся отъ исполненія неудобныхъ предложеній прокуратуры, проводилъ нѣкоторыя мѣры по духовному вѣдомству, оставляя въ совершенномъ невѣдѣніи относительно ихъ представителя оберъ-прокурорской власти [1]), не всегда придавалъ обязательное значеніе формальнымъ протестамъ оберъ-прокуроровъ противъ своихъ постановленій и нерѣдко обращался къ верховной власти съ ходатайствами объ устраненіи отъ должности слишкомъ ревностныхъ защитниковъ государственныхъ интересовъ, проявлявшихъ настойчивое желаніе расширить сферу своего вліянія на синодальное управленіе въ ущербъ интересамъ высшаго церковнаго учрежденія.

Крупныя государственныя преобразованія, ознаменовавшія собою начало XIX столѣтія, не прошли безслѣдно и для системы церковнаго управленія, и уже первый синодальный оберъ-прокуроръ Александровскаго времени, подъ вліяніемъ правительственныхъ реформъ, замѣнившихъ старыя, отжившія свой вѣкъ, Петровскія коллегіи новымъ учрежденіемъ министерствъ, обнаружилъ явное стремленіе присвоить себѣ нѣкоторыя министерскія полномочія и нѣсколько приравнять свое положеніе въ духовномъ вѣдомствѣ къ положенію министровъ, поставленныхъ во главѣ другихъ вѣдомствъ. И дѣйствительно, онъ успѣлъ присвоить себѣ чисто министерское право дѣлать вполнѣ самостоятельно и совершенно независимо отъ св. Синода всеподданнѣйшіе доклады о различныхъ нуждахъ духовнаго вѣдомства и, получая высочайшее одобреніе своимъ планамъ, предлагать ихъ къ обязательному исполненію высшему церковному учрежденію. Правда, нетактичность перваго Александровскаго оберъ-прокурора и отсутствіе близости и распо-

[1]) Указъ императрицы Елизаветы отъ 8 октября 1755 года.

ложенія къ нему со стороны государя позволили синодальнымъ членамъ въ скоромъ времени освободиться отъ тяжелаго и неудобнаго оберъ-прокурора, но, съ увольненіемъ Яковлева, новые правительственные взгляды на положеніе св. Синода и его оберъ-прокуроровъ въ области церковнаго управленія,—взгляды, составлявшіе главную основу, на которой создавался и вырабатывался характеръ отношеній представителей прокуратуры къ высшему церковному учрежденію, не сдѣлались болѣе благопріятными для интересовъ св. Синода. Напротивъ, неудачные результаты дѣятельности Яковлева побудили императора Александра назначить синодальнымъ оберъ-прокуроромъ „своего человѣка", пользовавшагося исключительною близостью къ государю и, въ силу особенной близости къ верховной власти, съумѣвшаго безъ большихъ затрудненій примѣнить новыя правительственныя идеи къ церковному управленію и фактически создать себѣ положеніе главноуправляющаго духовнымъ вѣдомствомъ.

Новое положеніе оберъ-прокурора доставило возможность Александровскому правительству и оффиціально провести министерскій принципъ въ сферу церковнаго управленія, подчинивъ св. Синодъ новоучрежденному министру духовныхъ дѣлъ. Съ уничтоженіемъ непопулярнаго министерства, значительная доля правъ и полномочій бывшаго министра духовныхъ дѣлъ перешла къ синодальной прокуратурѣ, которая, организовавъ при св. Синодѣ новыя учрежденія, завѣдывавшія различными отраслями церковнаго управленія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ оберъ-прокуроровъ, и поставивъ въ фактическую зависимость отъ себя самыя измѣненія въ наличномъ составѣ синодальныхъ членовъ, пріобрѣла въ Николаевскую эпоху сильнѣйшее вліяніе на русское церковное управленіе.

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . . III—VIII
Введеніе . . . . . 9— 33

Часть первая . . . . . 34—324

Глава I. Назначеніе оберъ-прокурора въ св. Синодъ . . . . . 34— 41
Права и обязанности оберъ-прокурора . . . . . 41— 54
Первый оберъ-прокуроръ И. В. Болтинъ . . . . . 54— 89
А. П. Баскаковъ. Реорганизація св. Синода и назначеніе Баскакова членомъ второго синодальнаго апартамента . . . . . 89—125

Глава II. Временное прекращеніе существованія оберъ-прокурорскаго института въ синодальномъ вѣдомствѣ. Н. С. Кречетниковъ . . . . . 126—140

Глава III. Кн. Я. П. Шаховской . . . . . 141—214
А. И. Львовъ . . . . . 214—226
Кн. А. С. Козловскій. . . . . 226—235

Глава IV. . . . . . 236—324
И. И. Мелиссино. . . . . 247—263
П. П. Чебышевъ . . . . . 264—277

С. В. Ахчуринъ . . . . . 277—284
А. И. Наумовъ. . . . . 285—292
Гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ . . . 292—306
Кн. В. А. Хованскій . . . . . 306—317
Гр. Д. И. Хвостовъ. . . . . 317—324

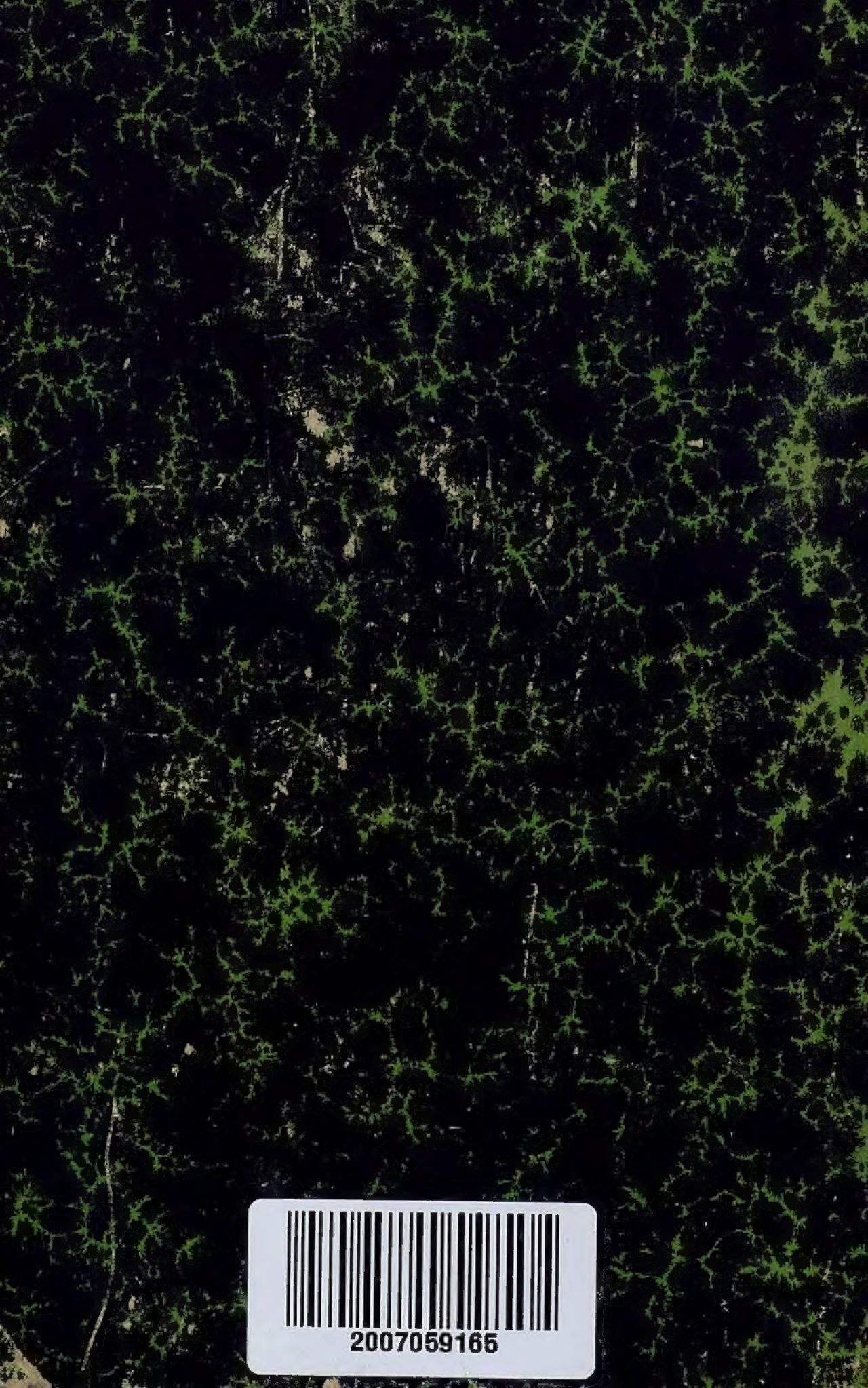
Часть вторая . . . . . 325—442

Глава I. Преобразованія Александровскаго царствованія. А. А. Яковлевъ . . 325—346

Глава II. Кн. А. Н. Голицынъ. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ . . 347—378
Кн. П. С. Мещерскій . . . . . 378—399

Глава III. С. Д. Нечаевъ . . . . . 400—417
Гр. Н. А. Пратасовъ . . . . . 417—442

Заключеніе . . . . . 443—449


2007059165